

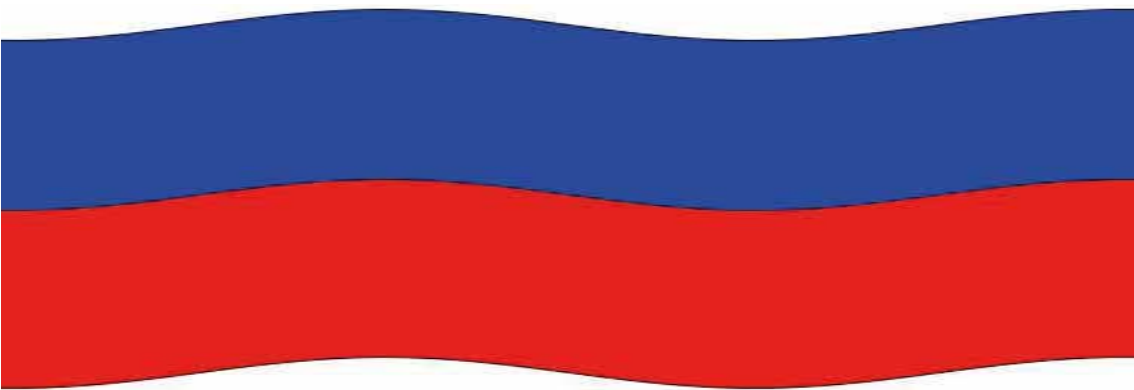
АССОЦИАЦИЯ
РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФОВ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ
ТИХООКЕАНСКИЙ ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ ДВО РАН

XI научная Ассамблея
Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО)

14–20 сентября 2020 г.
г. Владивосток

Международная научная конференция
**«ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
И ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОГО
ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА:
ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ И ЕЁ РЕГИОНОВ»**

АССОЦИАЦИЯ
РОССИЙСКИХ ГЕОГРАФОВ-ОБЩЕСТВОВЕДОВ
ТИХООКЕАНСКИЙ ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ ДВО РАН

**XI научная Ассамблея
Ассоциации российских
географов-обществоведов (АРГО)**

14 - 20 сентября 2020 г.
г. Владивосток

Международная научная конференция
**«Общественно-географическая структура
и динамика современного евразийского
пространства:
вызовы и возможности для России
и её регионов»**

Владивосток
2020

UDC 910.3; 332.1; 379.851
LBC 65.049
O28

The paper is printed on recommendation of the conference organizing committee with financial support from the FPFIS Pacific Geographical Institute of the Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences

Editorial board

academician of RAS, Dr. Sci. Geography, professor P.Ya. Baklanov; Cand. Sci. Geography K.S. Ganzei; Dr. Sci. in Geography A.V. Moshkov; Dr. Sci. in Geography M.T. Romanov; Dr. Sci. in Geography V.G. Shvedov; Cand. Sci. Geography N.G. Stepanko; Cand. Sci. Geography Z.I. Sidorkina; Cand. Sci. Geography G.G. Tkachenko

Editor-in-chief

academician of RAS, Dr. Sci. in Geography, professor P.Ya. Baklanov

O28 **Social-geographical structure and dynamics of the modern Eurasian space: challenges and opportunities to Russia and its regions:** proceedings of the International scientific conference within the framework of the XI Annual Scientific Assembly of the Association of the Russian geographers-specialists in social sciences. September 14-20, 2020. Vladivostok / edited by P.Ya. Baklanov, A.V. Moshkov. – Vladivostok: PGI FEB RAS, 2020. – 706 p.

ISBN 978-5-6044821-1-7

The collection of articles contains the proceedings of the international scientific conference “Social-geographical structure and dynamics of the modern Eurasian space: challenges and opportunities to Russia and its regions” conducted in the Pacific Geographical Institute, FEB of RAS, within the framework of XI annual scientific Assembly of the Association of Russian geographers-specialists in social sciences. In the collection, the results of the scientific studies of the researchers from Azerbaidzhan, Armenia, Kazakhstan, Poland, Russia, Republika Srpska, Uzbekistan, China, Republic of Korea, France, Chile etc. devoted to the theoretic issues of social geography, modern methodologies, methods and approaches to the social-geographical studies, territorial aspects of economy organization, examination of living standards, natural, cultural- and political-geographical problems of the territories’ development as well as to different aspects of the tourist-recreational activity of countries and regions.

The proceedings of conference can be of interest to the research workers, representatives of state and municipal authorities, university professors, post-degree students, graduate students and students.

- © Association of Russian geographers-specialists in social sciences, 2020
- © Pacific Geographical Institute, FEB of RAS, 2020
- © Russian Geographical society, 2020
- © Auhors, 2020

УДК 910.3; 332.1; 379.851
ББК 65.049
028

Печатается по рекомендации оргкомитета конференции при финансовой поддержке ФГБУН Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук

Редакционная коллегия:

академик РАН, доктор географических наук, профессор П.Я. Бакланов; кандидат географических наук К.С. Ганзей; доктор географических наук А.В. Мошков; доктор географических наук М.Т. Романов; доктор географических наук В.Г. Шведов; кандидат географических наук Н.Г. Степанько; кандидат географических наук З.И. Сидоркина; кандидат географических наук Г.Г. Ткаченко

Ответственный редактор

академик РАН, доктор географических наук, профессор П.Я. Бакланов

Общественно-географическая структура и динамика современного евразийского пространства: вызовы и возможности для России и её регионов: материалы междунар. науч. конф. в рамках XI ежегод. науч.

028 Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. 14-20 сентября 2020 г. Владивосток / под ред. П.Я. Бакланова, А.В. Мошкова. – Владивосток: ТИГ ДВО РАН, 2020. – 706 с.

ISBN 978-5-6044821-1-7

Сборник содержит материалы международной научной конференции «Общественно-географическая структура и динамика современного евразийского пространства: вызовы и возможности для России и её регионов», проведенной в Тихоокеанском институте географии ДВО РАН в рамках XI ежегодной научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. В сборнике представлены результаты научных исследований ученых из Азербайджана, Армении, Казахстана, Польши, России, Республики Сербской, Узбекистана, Китая, Республики Корея, Франции, Чили и др., посвященные теоретическим вопросам общественной географии, современным методологиям, методам и подходам к общественно-географическим исследованиям, территориальным аспектам организации экономики, изучению качества жизни населения природным, культурно- и политико-географическим проблемам развития территорий, а также различным аспектам туристско-рекреационной деятельности стран и регионов.

Материалы конференции могут представлять интерес для научных работников, представителям государственной и муниципальной власти, преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам и студентам.

© Ассоциация российских географов-обществоведов, 2020
© Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2020
© Русское географическое общество, 2020
© Авторы, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	12
Часть 1. «Сибирь, Тихоокеанская Россия и Арктическая зона Российской Федерации в структуре современного евразийского пространства	12
Бабурин В.Л. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....	12
Бакланов П.Я. ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ: ЭКОНОМИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕРЕНИЯ И ОЦЕНКИ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО МАКРОРЕГИОНА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ).....	20
Безруков Л.А. СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ СИБИРИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ЭТАПЕ.....	26
Водичев Е.Г. РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ЮГЕ СИБИРСКОГО РЕГИОН.....	30
Катровский А.П. «ЭФФЕКТ КОЛЛЕИ»: ТРАДИЦИОННОЕ И ИННОВАЦИОННОЕ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ.....	35
Мошков А.В. ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОСВОЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ.....	41
Чистобаев А.И. МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ В ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА.....	47
Шупер В.А. КОНТУРЫ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ СТОЛЕТИЯ.....	56
Часть 2. «Россия и её регионы в евразийском общественно- географическом пространстве»	61
Блануца В.И. РОССИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОБЩЕСТВЕННО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ.....	61
Дружинин А.Г. «МОРЕОРИЕНТИРОВАННОСТЬ» СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И СТРУКТУРЫ.....	66
Каледин Н.В. ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ.....	71
Кузнецов А.В. ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИЙ ТНК РАЗНЫХ СТРАН В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ ЕАЭС.....	76
Кузнецова О.В. ОПТИМИЗАЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ.....	81
Часть 3. «Направления развития общественной географии: взгляд соискателей степени доктора географических наук»	88
Дирин Д.А. КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ГОРНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ.....	88

Федорко В.Н. ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ.....	92
Секция 1. «Регионы Евразии: географические и геополитические структуры, факторы и векторы общественно-географической динамики»	103
Абдуев М.А. К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ СТОКОВ ВЛЕКОМЫХ И ВЗВЕШЕННЫХ НАНОСОВ ГОРНЫХ РЕК АЗЕРБАЙДЖАНА.....	103
Анимица Е.Г., Власова Н.Ю. УРАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	110
Балина Т.А., Пономарева З.В., Шарыгин М.Д. ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА.....	116
Баранова О.А., Парфенова К.В. ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ.....	122
Васильев А.П. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ ОБЩИН ГЕРМАНИИ НА ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО РЕЙНА – ВЕСТФАЛИИ И РЕЙНЛАНД- ПФАЛЬЦА.....	127
Герасимович С.А. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КОМПЛЕКСОВ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ ВИЛЕЙСКОГО И НЕВЕЛЬСКОГО РАЙОНОВ.....	132
Гомбоев Б.О., Батомункуев В.С., Жамьянов Д.Ц.-Д., Зангеева Н.Р., Аюшеева В.Г., Мотошкина М.А., Цыбикова А.Б., Цыдыпов В.Э., Бадмаев А.Г., Рыгзынов Т.Ш., Цыдыпова Б.В., Банзаракцаев З.Е. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ВОСТОКА РОССИИ: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	137
Гнято Райко, Гаич Миряна, Попович Срджа. РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ – НОВЫЕ ПОДХОДЫ К ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ.....	143
Гладкевич Г.И. СТРАТЕГИЯ ЭКСПОРТА ПРИРОДНОГО ГАЗА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ.....	155
Делич Д. СОЦИОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕХОДНЫХ ПРОЦЕССОВ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ.....	161
Деточенко Л.В., Фесенко В.В. СЖИЖЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ ГАЗ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ РЫНКЕ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ: ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	170
Дмитриев Р.В. ТЕОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ МЕСТ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ.....	177
Елманова Д.С. ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВО ФРАНЦИИ.....	181
Зеканович И. ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЮГО- ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ.....	187

Калуцков В.Н. О КЛИМАТИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ СТРАН И ГОРОДОВ.....	199
Красноярова Б.А., Кротов А.В. РИСКИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЕВРОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ.....	203
Медар-Таньга И., Живак Н. ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБСКОЙ.....	210
Мельникова Т.Б. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ.....	219
Михайлов А.С., Михайлова А.А., Плотникова А.П. МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНФИГУРАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ ГЕНЕРАЦИИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ РЕГИОНОВ РОССИИ.....	224
Морозова М.М. ЛИТЕРАТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ РЕГИОН: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ.....	231
Осоргин К.С. КАТЕГОРИЯ «МЕСТО» В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ.....	236
Потоцкая Т.И. МОРСКИЕ СТРАТЕГИИ НЕФТЯНОГО ЭКСПОРТА РОССИИ.....	239
Роготень Н.Н. МЕСТО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В ВОЕННОМ И В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ И КИТАЯ.....	246
Романов М.Т., Шведов В.Г. ВЫДЕЛЕНИЕ И ОБОСНОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГИОНА БЕРИНГИЯ.....	251
Хамина Н.В. ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕРИФЕРИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ).....	259
Шадрин А.И. НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ.....	263
Шарыгин М.Д., Столбов В.А. ПОТЕНЦИАЛ ЕВРАЗИЙСКИХ РЕГИОНОВ И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	268
Швец А.Б., Вольхин Д.А. ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В КРЫМСКОМ СЕКТОРЕ ЕВРАЗИИ.....	273
Секция 2. «Экономико-географические, ресурсно-экологические, этнодемографические и социокультурные изменения в регионах современной Евразии»	280
Аванесян Э.А. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ МАЛЫХ И СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ.....	280
Адашова Т.А. ЧУКОТКА КАК ТЕРРИТОРИЯ ГЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРСОВ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....	285
Акимова В.В. СОЛНЕЧНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В КИТАЕ: СТРУКТУРНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ.....	290
Ахмедова И.Д., Притужалова О.А. «ЗЕЛЕННЫЕ ОТРАСЛИ» РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ.....	296

Богданов В.Н., Дугарова Г.Б. СУБУРБАНИЗАЦИЯ В ИРКУТСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ: ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ.....	302
Богатуров Д.С. ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА МЕЖПЕРЕПИСНОЙ ПЕРИОД (2002-2010 ГОДЫ).....	306
Бочарников В.Н. ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ЗЕЛЕНОЙ ЭКОНОМИКИ И СОХРАНЕНИЮ ДИКОЙ ПРИРОДЫ РОССИИ.....	312
Борисенко М.А., Быков Н.И. ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ В АГРАРНО-ИНДУСТРИАЛЬНОМ РЕГИОНЕ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ.....	318
Григорьева Е.А., Суховеева А.Б. НАСЕЛЕНИЕ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И СЕЗОННОСТЬ СМЕРТНОСТИ....	321
Гусаков Т.Ю. ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ ПОСЛЕ 1991 ГОДА.....	328
Даньшин А.И. ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СИСТЕМ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ).....	334
Житин Д.В., Чистяков К.В., Шендрик А.В. ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ.....	338
Заборцева Т.И. МОНИТОРИНГ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....	346
Иванищева Н.А. ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ В УСЛОВИЯХ ОТКРТОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА.....	351
Кашин А.А. ВЫЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА УДМУРТСКОГО ЭТНОСА.....	359
Колдобская Н.А. МУСОРНЫЙ КРИЗИС В РЕГИОНАХ РОССИИ.....	365
Комов И.В. КОНКУРЕНЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА.....	372
Крупко А.Э. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССИМЕТРИИ ХОЗЯЙСТВА И НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА.....	379
Кулаковский Е.С. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ.....	384
Куница М.Н. МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД: ОСОБЕННОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО ВЕКТОРА.....	389
Ларионова С.В., Нестерова К.А. ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОГЕННОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛЕСА НА ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	395
Лялина А.В. ПРИМОРСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ: ПРИМЕР КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	399
Макар С.В., Ярашева А.В. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА	

ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ.....	409
Макарцева Л.В. ТОЧКИ РОСТА И ТЕНДЕНЦИИ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ САРАТОВСКОЙ И ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ.....	413
Марциневская Л.В. УСАДЕБНО-ПАРКОВЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ЛАНДШАФТНАЯ ТИПОЛОГИЯ И ОЦЕНКА КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ.....	418
Мустафин М.Р., Булатова Г.Н. ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН).....	426
Панков С.В. СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ СЕЛЬСКИХ СЕЛИТЕБНЫХ СИСТЕМ И ПРИРОДНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ.....	430
Подосян А.А. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ.....	435
Преображенский Ю.В. ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ).....	441
Размахнина Ю.С. ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЭЛЕКТРОТАРАЛЬНО- ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ).....	445
Рубцов В.А., Биктимиров Н.М. СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.....	451
Сазонова Н.В., Сазонова О.А. К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННЫХ СВЯЗЯХ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ С РЕГИОНАМИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА	456
Сидоркина З.И. ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И НАПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ.....	463
Сидоров В.П. ДИНАМИКА КОМФОРТНОСТИ СЕЛЬСКИХ ПРОСТРАНСТВ.....	467
Ситников П.Ю. КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ.....	471
Соловьев И.А., Щитова Н.А., Белозеров В.С., Зольникова Ю.Ф. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....	475
Суховеева А.Б., Григорьева Е.А. КАЧЕСТВО СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ: ЭКОЛОГО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ И МЕДИКО- СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРИАМУРЬЯ).....	481
Тен Р.В. ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ ПО УРОВНЮ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ.....	486
Трифуневич М. КОНЦЕПЦИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ BIG DATA И БУДУЩИЕ ВЫЗОВЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	492

Уставщикова С.В. ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (СТУДЕНТЫ ТУРМЕНЫ В СГУ).....	502
Ушакова В.Л. МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ.....	507
Харитонов А.М. О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ.....	513
Цоберг О.А. СПЕЦИФИКА УСЛОВИЙ И ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ.....	518
Чугунова Н.В., Кухарук Н.С. ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ МЕТРОПОЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ ПРИГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА РОССИИ	523
Яковенко Н.В. НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	529
Яковлев С.В. СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ РЕК ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ, ПРОГНОЗ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИХ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ	537
Секция 3. «Азиатская и Тихоокеанская Россия в контексте «Разворота» Российской Федерации на Восток: общественно-географические факторы и барьеры трансграничной интеграции, перспективы долгосрочного развития»	
	543
Бардаханова Т.Б., Ерёмко З.С. ОЦЕНКА ПРОГРЕССА В РАЗВИТИИ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ, МОНГОЛИИ, КИТАЯ И КАЗАХСТАНА.....	543
Бэк Енчжун, Ким Чжон Хун. ИЗУЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И КОРЕЕЙ В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ: НА ПРИМЕРЕ УЧАСТИЯ ЯПОНИИ В ПРОЕКТЕ «ЯМАЛ-СПГ».....	548
Васильцова А.Н. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА АВИАСТРОИТЕЛЬНОЙ КАРТЕ РОССИИ.....	556
Гонтарь Н.В. ФОРМАТЫ И ВЕКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИК СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ.....	562
Горочная В.В. РЕЗИСТЕНТНОСТЬ МОРЕХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОЕКЦИИ..	567
Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ.....	573
Еремеева Н.В., Лачининский С.С. СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО ПОРТОВО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО УЗЛА.....	579
Попкова Л.И. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ.....	584

Руднева В.А. ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ.....	590
Рырмак А.И., Сулин М.А., Богданов В.Л. РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ «ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГЕКТАР» В ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА.....	593
Сивохиц Ж.Т. К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕЧНЫХ БАССЕЙНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ.....	599
Соколов С.Н. ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ СТРАН АТР..	606
Степанько Н.Г. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ.....	612
Ушаков Е.А. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ И ИХ ПОСЕЛЕНИЙ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА).....	619
Шадрин А.И., Ларионова Л.Ю., Бэк Енчжун ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ.....	625
 Секция 4. «Общественно-географические исследования туристско-рекреационной активности в различных регионах Евразии и её сопряженности с трансформацией Евразийского пространства»	633
 Грудцын Н.А. ОЦЕНКА ОПЫТА РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА В КИТАЕ.....	633
Ивлиева О.В. РОСТ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В ИНДОНЕЗИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ БЛАГОПРИЯТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН РЕГИОНА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....	638
Логвина Е.В. ПРЕИМУЩЕСТВА РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ.....	643
Кайзер Ф.Ю., Брель О.А. НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ТУРИСТСКОГО ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ.....	648
Казачинский В.П., Хашева З.М. ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ АКВАТОРИИ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ.....	653
Каледин В.Н. ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ЮЖНОЙ АЗИИ.....	658
Мажар Л.Ю. НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ТУРИСТСКИХ ПРОЕКТОВ.....	665
Морозов М.А., Морозова Н.С. ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ТУРИЗМА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ.....	670
Ожегова Л.А., Сикач К.Ю., Сазонова Г.В. СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ.....	676
Семенова З.А. МЕДИЦИНСКИЙ ТУРИЗМ В СТРУКТУРЕ И ФУНКЦИЯХ МЕДИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ.....	682

Тогонова Е.Е. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ОПЫТ КАНАДЫ).....	685
Tuurin A.N. FISHING INTERNATIONAL ELEMENT OF RECREATIONAL RESOURCES THE WEST MONGOLIA.....	690
Щепеткова И.О. РОЛЬ САДОВО-ДАЧНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ВОПРОСЕ ДЕЛИМИТАЦИИ ГРАНИЦ ПЕРМСКОЙ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ.....	694
Яковенко И.М., Страчкова Н.В. ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ТУРИЗМА.....	699

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Часть 1. «Сибирь, Тихоокеанская Россия и Арктическая зона Российской Федерации в структуре современного евразийского пространства»

УДК 910.3

Бабурин В.Л.
Baburin V.L.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ РАЗВИТИЯ ТРАНСПОРТНО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

SOCIAL-ECONOMIC DEVELOPMENT EFFICIENCY OF TRANSPORT AND COMMUNICATION INFRASTRUCTURE OF SIBERIA AND FAR EAST

В статье рассматриваются варианты селективного развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока, в зависимости от уровней освоенности и геостратегического положения. Основной акцент делается на разные стратегии развития юга исследуемого региона и его внутриконтинентальной и северной частей. В качестве ключей выбраны Иркутская агломерация и регионы западной и южной Якутии. В общеэкономическом плане рассмотрены региональные различия в транспортной составляющей издержек производства в реальном секторе экономики.

The article considers types of selective development of transport and communication infrastructure in Siberia and the Far East, depending on the level of development and geostrategic situation. The main focus is on different strategies for the development of the South of the studied region and its intra-continental and Northern parts. The Irkutsk agglomeration and the regions of Western and southern Yakutia were chosen as the keys. In the General economic plan, regional differences in the transport component of production costs in the real sector of the economy are considered.

Ключевые слова. Социально-экономическая эффективность, селективное развитие, издержки, многоотраслевые модели освоения.

Keyword. Socio-economic efficiency, selective development, costs, multi-industry development models.

В докладе, по мотивам которого написана данная статья, представлены основные результаты реализации трехлетнего проекта по гранту РГО-РФФИ. В рамках проекта были разработаны:

- комплексная методика оценки социально-экономической эффективности развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры для инфраструктурно-освоенных территорий Сибири и Дальнего Востока (В.Л. Бабурин);

- проведены пилотажные исследования по оценке социальной эффективности агломерирования (на примере Иркутска) (В.Л. Бабурин, А.В Рыбкин);

- выявлены пространственные закономерности в удельном весе транспортных затрат в себестоимости продукции (В.Л. Бабурин, Н.А. Сеницын);

- рассчитана региональная составляющая доступности сельскохозяйственной продукции в Восточных регионах России (при участии А.И. Даньшин);

- разработана схема использования низкокачественных ресурсов на основе «гроздевого» подхода к развитию ТКИ (при участии Г.И. Гладкевич). Общей методологической установкой была ориентация ресурсопользования на переход от моноотраслевых схем развития к эффективному сочетанию отраслей хозяйства. Пилотаж был проведен в пределах западных и южных частей Якутии. Были выявлены территориальные сочетания минерального сырья Республики Саха (Якутии) и региональные приоритеты их освоения. По результатам установлены региональные приоритеты освоения минерально-сырьевых ресурсов республики и первоочередность развития магистральной транспортной инфраструктуры.

Отдельные результаты исследований представлены ниже.

Комплексная методика оценки социально-экономической эффективности развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры для инфраструктурно-освоенных территорий Сибири и Дальнего Востока ориентирована на выявление потенциала формирования низкоплотных агломераций, среди которых наиболее перспективными признаны Красноярская, Иркутская и Владивостокская агломерации с потенциальной людностью от 1 до 1,5 млн чел. и объемом ВРП от 500 до 900 млрд руб. Основной социальный эффект в результате агломерационных процессов достигается за счет повышения уровня разнообразия мест приложения труда, досуга и отдыха.

Пилотажные исследования на инфраструктурно-освоенных территориях и территориях, предполагаемых для освоения (Юг Сибири

и Дальнего Востока), были проведены в ареале г. Иркутска. Основным направлением расчетов был поиск оптимального соотношения между приростом разнообразия при разных вариантах конфигурации Иркутской городской агломерации (ИГА) и приростом необходимых затрат на обеспечение связности агломерируемого пространства. Было установлено, что несмотря на сокращение площади ИГА в два раза, численность населения агломерации в границах оптимальной конфигурации сокращается незначительно – на 6,4% и составляет 1,24 млн человек, а плотность населения пропорционально вырастает в два раза. При этом количество МО сокращается в 1,8 раза. Концентрация экономической деятельности остается на прежнем уровне (сокращается менее чем на 2%), а уровень отраслевого разнообразия и вовсе повышается (ввиду более равномерного распределению отраслей по МО ИГА). Общее экономическое разнообразие, измеряемое с помощью индекса Шеннона, сокращается на 15%, однако остается, как и прежде, на высоком уровне (в среднем увеличение общего разнообразия для каждого МО ИГА (оптимальной конфигурации) происходит в 155 раз). Таким образом, оптимальная конфигурация ИГА позволяет сохранить миллионную «планку» городской агломерации, при этом не теряя достигнутых уровней территориальной концентрации и разнообразия экономической деятельности. В свою очередь, в ИГА (оптимальной конфигурации) будет достигаться наиболее эффективное межмуниципальное взаимодействие ввиду сочетания оптимальной транспортной доступности и разнообразия экономической деятельности.

Для определения приоритетности затрат на улучшение транспортной доступности МО, обладающих наибольшим потенциалом эффективного взаимодействия т.е. находящихся в границах оптимальной конфигурации ИГА, фактическая длина автомобильных дорог (удаленность от ядра ИГА до административных центров МО) была соотнесена с численностью населения, получающего в результате данного взаимодействия доступ к экономическому разнообразию. В данном случае удаленность от ядра ИГА является показателем транспортной доступности; соответственно, чем больше удаленность, тем ниже транспортная доступность. Для установления данного соотношения была использована девятиэлементная матрица.

Наилучшим соотношением транспортной доступности (удаленности от ядра ИГА) и численности населения обладает Иркутск (ядро ИГА), Ангарск, а также два МО спутниковой зоны – Шелехов и Маркова. Усолье-Сибирское и Черемхово имеют высокую численность

населения по сравнению с другими МО ИГА, однако первый имеет среднюю удаленность от ядра ИГА, а второй – высокую. Остальные МО имеют среднюю и низкую численность населения. 48% МО имеют позицию выше среднего соотношения, 17% МО имеют среднее значение как по строке, так и по столбцу, оставшиеся 36% МО имеют позицию ниже среднего.

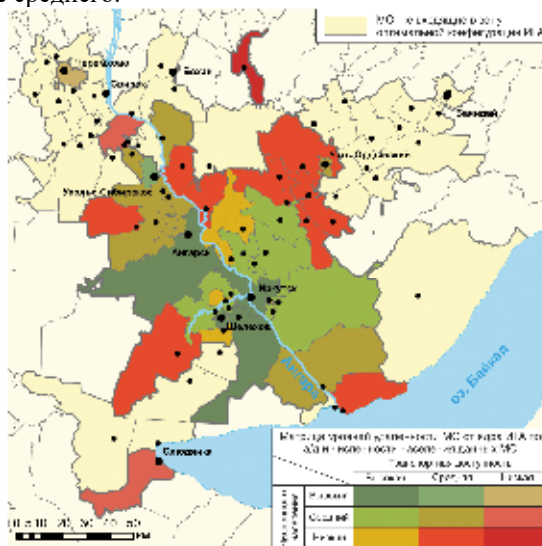

Рис. 1. Оптимальная структура ИГА

Приоритетность затрат на улучшение транспортной доступности имеют МО, в которых один из показателей обладает высокими значениями (т.е. 48% МО, которые имеют позицию выше среднего соотношения). При этом, в первую очередь целесообразно рассматривать значения по строке: численность населения, получающего доступ к экономическому разнообразию. Таким образом, приоритет улучшения транспортной доступности имеют субцентры и спутники ИГА (кроме Слюдянки). Затем целесообразно улучшать транспортную доступность ближайших к Иркутску МО, особенно на правом берегу Ангары. В последнюю очередь улучшение транспортной доступности требуется «сельской» зоне правоморья в Боханском и Эхирит-Булагатском районах.

Также была разработана и апробирована методика расчета транспортной составляющей в издержках производственной

деятельности в регионах Сибири и Дальнего Востока и проведена оценка их устойчивости к циклам конъюнктуры.

Вполне ожидаемо больше всего затрат на транспортировку грузов в регионах с развитой добывающей промышленностью – Ханты-Мансийском автономном округе (нефть), Ямало-Ненецком автономном округе (газ), Кемеровской области (уголь, глинозем, железная руда, сталь, алюминий, ферросплавы, прокат), Тюменской области (нефть, ШФЛУ, нефтепродукты, полимеры). Несколько меньше (но тоже довольно велики) транспортные издержки Иркутской области (глинозём, уголь, нефть, железная руда, алюминий, железорудный концентрат, полимеры, лес), Свердловской области (железная руда, уголь, железорудный концентрат, сталь, прокат, трубы глинозём, медная руда и медь). Самые большие транспортные издержки у регионов, где добывают энергоносители – нефть, газ и уголь. Довольно велики они там, где развита металлургия и нефтехимия. Крайне незначительны затраты на транспортировку грузов (разница – на порядки) в периферийных регионах – республиках юга Сибири, Курганской области, Еврейской автономной области, малоосвоенных территориях Крайнего Севера и в Забайкалье.

Самая высокая доля транспорта в издержках у Ямало-Ненецкого автономного округа (территория нового освоения, сложные условия доставки груза, потребность в развитой газотранспортной инфраструктуре и железнодорожном сообщении) и Чукотского автономного округа (отсутствие путей сообщения – нет ни железных, ни автомобильных дорог, основные способы сообщения – по морю и по воздуху) – более 20 % от всех материальных затрат предприятий.

Сравнительно высока доля транспортных затрат в других регионах, где добывают и перерабатывают углеводороды – ХМАО, Тюменская область, а также в Хакасии и Иркутской области. В Хакасии это связано с тем, что кроме выплавки алюминия и меди, а также добычи угля, никаких других крупных предприятий обрабатывающей промышленности нет. В Иркутской области свою роль также играют добыча угля и выплавка алюминия, но определяющий вклад вносит трубопроводный транспорт за счёт поставок этилена на «Саянскхимпласт» по этиленопроводу (230 км) Ангарск-Саянск. Минимальна доля транспортных затрат в периферийных слабо развитых аграрных регионах (республики Алтай и Тува) или депрессивных. Важную роль в среднерегionalных издержках играет и структура транспорта. Так доля железнодорожного транспорта максимальна там, где развита металлургия и добыча угля (Кемеровская области, республика Хакасия, Иркутская область).

Определённое значение имеет характер размещения основных локаций, требующих сообщения в пределах самого региона. Это хорошо видно на примере Магаданской области и Камчатского края. В первом регионе точка входа расположена на берегу моря – порт Магадан, а золотые и серебряные прииски, гидроэлектростанции распределены внутри территории региона. Во втором случае и порт и основная экономическая активность, связанная с рыболовством и туризмом, сосредоточена на небольшом участке в южной части полуострова.

Издержки на перевозку грузов наиболее значимы для экономики Кемеровской области – перевозка угля. В каждой тысяче рублей продукции почти 200 рублей – перевозка товаров. Аналогичная ситуация в республике Хакассия, где добыча угля дополнена подвозом глинозёма и вывозом алюминия. В Чукотском автономном округе авиационный транспорт – основной вид сообщения между несколькими городами, золотыми и оловянными приисками, всё оборудование и сырьё завозится по морю в летний период, что также увеличивает затраты. Доля в Магаданской области повышена по той же причине. В Приморском крае свой вклад вносят портовые комплексы (доля транспорта и связи в ВРП этого региона – 24 %). Томская область имеет повышенную долю транспортных затрат за счёт перевозки нефти, добытой не только на её территории.

Исследования показали, что в пределах основной полосы расселения отношение транспортных затрат на душу населения примерно в 2 раза меньше, чем на территориях к северу от неё. Всё это с поправкой на специализацию региона (добыча топливно-энергетических ресурсов снова сильно выделяется на общем фоне). Отдельно отметим Чукотку, где отношение на порядок больше и сравнимо только с ЯНАО. В целом только по этому показателю регионы Крайнего севера имеют значимые различия с остальными. Это говорит о том, что для той экономики, которая там сложилась в настоящее время, дефицит инфраструктуры не столь важен – хозяйство смогло к нему в той или иной степени адаптироваться. А вот для населения этот вопрос имеет куда более принципиальное значение.

Наивысшая «плотность» транспортных затрат в Кемеровской области и Тюменской области – они имеют сравнительно небольшие площади, где сосредоточены большие мощности по добыче и переработке ресурсов. Велики удельные транспортные затраты на единицу площади в других регионах, где ведётся добыча углеводородов, а также на сравнительно небольших территориях с развитой металлургией.

Ярко выражена разница между Западной Сибирью (западная часть рабочего полигона) и Восточной Сибирью и Дальним Востоком (восточная часть полигона).

Для комплексной оценки роли инфраструктуры был разработан интегральный индекс, куда с одинаковыми весами включены 3 показателя: отношение транспортных затрат к ВРП; отношение транспортных затрат к численности населения; отношение транспортных затрат к площади. Индекс (применялось линейное нормирование показателей) отражает, насколько существенна роль затрат на перевозку грузов для экономики, населения и территории региона.

Установлено, что роль транспортных издержек минимальна в слаборазвитых аграрных и депрессивных регионах юга Сибири – Курганской области, республиках Алтай, Тыва и Бурятия, а также в Забайкальском крае. Самый большой удельный вес они имеют там, где развита добыча энергоносителей – нефти, газа, угля. В эту же группу входит Чукотка, как территория, где отсутствует региональный транспортный каркас наземных путей сообщения, а населённые пункты и промышленные предприятия распределены по всему субъекту более-менее равномерно.

В группу регионов с повышенной ролью транспортных издержек входят довольно разные регионы. Здесь Приморский край (порты), Сахалинская область (добыча нефти и газа, но основная часть транспортируется по воде за границу), Томская область (тоже добыча нефти, но в гораздо меньших объёмах, чем в Тюменской области), Свердловская, Челябинская и Новосибирская области (крупные агломерации, в первых двух развита металлургия добыча угля и железной руды), Иркутская область (добыча угля и межгородской этиленопровод), Магаданская область (северный завоз по морю, предприятия и населённые пункты разбросаны по региону в окрестностях Колымской трассы).

Регионы с пониженной ролью транспортных издержек тоже отличаются друг от друга. Сюда входят Камчатская область (северный завоз и мало наземной транспортной инфраструктуры, но всё сконцентрировано в небольшом ареале на юге), Якутия, Хабаровский край, Амурская область, Красноярский край, Алтайский край, Омская область, Еврейская АО.

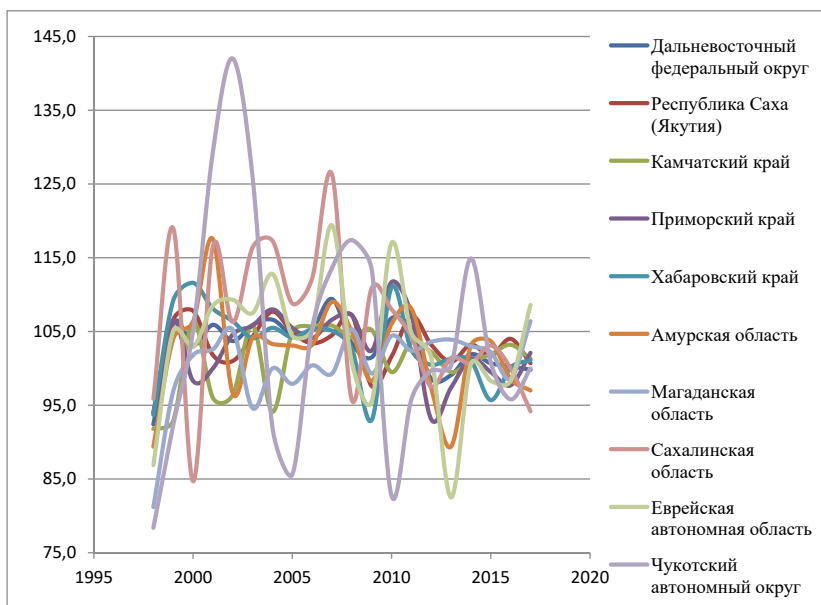

Рис. 2. Динамика ВРП по субъектам Дальневосточного экономического района

Анализ чувствительности регионов Дальнего Востока к циклам конъюнктуры, показал, что они в разной степени устойчивы к циклам конъюнктуры (см. рис. 2). Сравнительный анализ транспортной составляющей в регионах Дальнего Востока с их реакцией на циклы конъюнктуры показал, что наиболее чувствительными являются в первую очередь регионы с высокой долей транспортных издержек: Чукотский АО, Сахалинская область, а также Еврейская АО. Последняя, к тому же обладает слишком малым размером экономики. Что не обеспечивает ей даже минимальный уровень устойчивости. Относительно чувствительной оказывается и экономика Приморского края, с повышенной транспортной составляющей в издержках и максимально ориентированная на экспортные грузы.

Сведения об авторе:

Бабурин Вячеслав Леонидович, доктор географических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, кафедра экономической и социальной географии России. +7(495) 939-38-12 ; E-mail: info@geogr.ru

Бакланов П.Я.
Baklanov P.Ya.

**ТИХООКЕАНСКАЯ РОССИЯ:
ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ИЗМЕРЕНИЯ, И ОЦЕНКИ НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО
МАКРОРЕГИОНА (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ)**

**PACIFIC RUSSIA:
ECONOMIC-GEOGRAPHICAL AND GEOPOLITICAL
MEASUREMENTS AND ESTIMATES OF THE PRESENT AND
FUTURE OF THE MACROREGION (THEORETICAL
APPROACHES)**

В качестве объекта географических измерений и оценок выделяется Дальневосточный аква-территориальный макрорегион, включающий территорию Дальневосточного Федерального округа и прилегающую 200-мильную морскую экономическую зону. Выделяются три группы экономико-географических измерений и оценок: экономико-географического положения; сходства, различия и взаимодополнения природно-ресурсного потенциала; территориальных и акваториальных сочетаний природных ресурсов макрорегиона и его окружения; существующих пространственных структур макрорегиона на ряде пространственных уровней – до поселения и территориальных социально-экономических систем. В качестве геополитических измерений и оценок выделяются геополитическое положение, включая трансграничность, а также – наличие зон геополитической напряженности. На основе подобных измерений и оценок предлагается выделить для территориальных систем разного уровня существующие приоритетные виды деятельности и перспективные, потенциальные.

As the object of the geographical measurements and estimates, the Far-Eastern aqua-territorial macroregion including the Far-Eastern Federal district territory and adjoining 200-mile marine economic zone is considered. Three groups of the economic-geographical measurements and estimates are identified: economic-geographical position; similarities, differences and complementarities of the natural-resources potential; territorial and water combinations of natural resources of the macroregion and its surrounding; existing spatial structures of the macroregion on a number of spatial levels, to the extent of the settlement and territorial social

and economic systems. As the geopolitical measurements and estimates, the geopolitical position including the transboundariness as well as a presence of areas of geopolitical tension is considered. Based on such measurements and estimates, it is suggested to identify the existing and potential priority types of activities for the territorial systems of different levels.

Ключевые слова: экономико-географические измерения, оценки, природно-ресурсный потенциал, геополитическое положение, пространственные структуры, поселения, территориальные социально-экономические системы, приоритетные виды деятельности.

Key words: economic-geographical measurements, estimates, natural-resources potential, geopolitical position, spatial structures, settlements, territorial social and economic systems, priority types of activities.

Введение.

В последнее время Дальний Восток – крупный российский макрорегион, прилегающий к Тихому океану, часто именуют Тихоокеанской Россией [1, 2, 3 и др.]. Здесь в целом значительно влияние морских факторов: добыча и переработка морских ресурсов, размещение различных видов морехозяйственной деятельности, ориентация на использование морского транспорта и т.п. Заметно проявляются здесь и природные процессы морского происхождения, в том числе - экстремальные: цунами, тихоокеанские тайфуны и циклоны, осадки и муссонный климат в целом.

Особую уникальность региону придает то, что к его территории прилегает огромная 200-мильная морская экономическая зона – как тихоокеанская, так и северная арктическая. Полный суверенитет страны над природно-ресурсным потенциалом этой зоны делает необходимым включение морской зоны в единое региональное пространство при разработке долгосрочных программ развития.

Таким образом, в рамках долгосрочного развития Дальневосточный макрорегион следует рассматривать как акваториальный, включающий территорию региона и прилегающую к ней морскую 200-мильную зону. Соответственно – и вся система измерений и оценок, в том числе и при разработке долгосрочных программ развития должна охватывать весь этот акваториальный регион. Следует отметить, что в основе Программ регионального развития лежат географические измерения и оценки, имеющие привязку к определенному пространству, территории [4]. Однако, необходимое и достаточное сочетание таких измерений и оценок пока еще определено не строго.

Основные результаты.

Выделяются три группы экономико-географических измерений и оценок для всесторонней характеристики макрорегиона.

1. Измерения и оценки экономико-географического положения: соседство с другими регионами и странами; близость, удаленность от крупных внешних центров, транспортных магистралей, близость, удаленность от внешних рынков. К оценкам экономико-географического положения, по нашему мнению, следует отнести также – показатели сходства и различия основных социально-экономических характеристик региона и его внешнего окружения (соседних регионов) – своеобразные трансграничные градиенты.

2. Измерения и оценки сходства, различия и взаимодополнения природно-ресурсного потенциала, территориальных и акваториальных сочетаний природных ресурсов макрорегиона с природно-ресурсным пространством его окружения. Подобные измерения и оценки целесообразно производить одновременно на двух пространственных уровнях: для макрорегиона в целом и его природно-ресурсного окружения, а также для природно-ресурсного пространства приграничных территорий, акваторий.

3. Измерения и оценки, имеющихся пространственных социально-экономических структур макрорегиона. В их основе лежит многоуровневое районирование. С учетом имеющихся теоретических разработок [5] и наших исследований [6, 7], нами предлагается выделение и оценка пространственных структур на следующих уровнях:

- 1) на уровне макрорегиона в целом с соответствующими характеристиками;
- 2) на мезоуровнях – в виде субъектов РФ с их оценками;
- 3) на детальном уровне – в виде групп муниципальных районов;
- 4) на уровне муниципальных районов;
- 5) на уровне отдельных поселений.

В качестве переходного уровня предлагается выделять и оценивать территориальные социально-экономические системы, выделенные для отдельных поселений – прежде всего – городских и центров муниципальных районов [8]. Подобные системы с минимальными обобщениями измерений и оценок охватывают определенные территории с пространственными структурами различных видов деятельности, природопользования, поселениями и транспортными звеньями. Это позволяет более строго оценивать взаимозависимости отдельных структурных элементов и звеньев при различных вариантах изменений, динамики центрального поселения.

В пространственном отношении подобные территориальные социально-экономические системы можно рассматривать как двухслойные: пространственные линейно-узловые – с узлами – отдельными предприятиями, их локальными сочетаниями и поселениями и линейными – транспортными звеньями; а также территориально-ареальные – звенья природопользования (лесопользование, землепользование, отводы территории под различные виды деятельности и инфраструктуру), а также неиспользуемые ареалы территории.

Оба эти пространственные «слои» с их реальными сопряжениями и пересечениями представлены в территориальной социально-экономической системе, в пределах определенной территории. При переходе к другим пространственным уровням структурное содержание территориальных систем обобщается и теряет конкретную территориальную привязку.

К этой же группе измерений и оценок необходимо отнести и наличие эффективных, приоритетных видов деятельности на каждом пространственном уровне. Такие виды деятельности отражают пространственное (территориальное) разделение труда. Формируются все они на локальном уровне, в отдельных поселениях, затем некоторые из них выходят на региональные уровни, в том числе – на уровень макрорегиона.

Все эти измерения и оценки с одной стороны описывают современное состояние макрорегиона, а с другой – во многом определяют возможности, потенциал его долгосрочного развития. В этой связи такие измерения и оценки на их основе отражают экономико-географические факторы регионального развития. С учетом этих факторов целесообразно выделять и анализировать не только сформировавшиеся, существующие приоритетные виды деятельности для каждого из пространственных уровней, но и определять перспективные, возможные эффективные виды деятельности и варианты их включения в пространственные структуры.

К геополитическим измерениям и оценкам долгосрочного развития Тихоокеанской России следует отнести геополитическое положение макрорегиона, в том числе его непосредственное соседство с крупнейшими странами мира: США, КНР, Японией, а также – его значительную трансграничность. Так, все бассейны окраинных морей – от Чукотского и Берингова до Японского являются трансграничными. К геополитическим измерениям следует отнести также то или иное сопряжение макрорегиона с зонами влияния геополитических интересов, с зонами и узлами геополитического напряжения.

На основе всех этих измерений и оценок, в том числе картографических и количественных может быть достаточно полно описано исходное, современное состояние макрорегиона, а также – оценки географических и геополитических факторов его долговременного развития. Изменения макрорегиона, его разноуровневых пространственных структур во многом определяются инерционностью сложившихся структур и возможными вариантами их динамики под воздействием географических и геополитических факторов. Для определения этих тенденций предлагается следующий подход.

Для каждого из пространственных уровней выделяются ведущие, основные виды деятельности. Затем проводится их анализ на основе метода «включения-исключения». Для каждого основного вида деятельности осуществляются вариантные оценки структурных изменений и последствий при росте и снижении объемов деятельности, например, на 10, 25, 50% и т.п. На основе подобных расчетов и оценок определяются инерционность пространственных структур, а также более эффективные на перспективу виды деятельности – как приоритетные. Природно-ресурсные факторы, включая морские ресурсы, существующие основные виды деятельности и развитие цепочек добавленной стоимости, достижения в научно-технической сфере, трансграничность и интеграционные процессы в АТР – это основа для выделения приоритетных видов деятельности на долгосрочную перспективу. Их последующее уточнение возможно также с использованием метода «включения-исключения».

Заключение.

Экономико-географические измерения и оценки необходимо использовать для характеристики пространственных структур разных уровней от макрорегиона до отдельного поселения. В то же время эти измерения и оценки могут рассматриваться в виде факторов, во многом определяющих как имеющийся потенциал пространственных структур и их инерционность, так и их изменения, динамику, в том числе – тенденции их долгосрочного развития. Уровень обобщения подобных измерений и оценок минимален у поселений и возрастает к макрорегиону.

Геополитические измерения и оценки в наиболее полном виде применимы к стране и макрорегиону в целом. На низших пространственных уровнях они могут быть представлены лишь фрагментарными характеристиками.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержки гранта РГО-РФФИ, проект № 06-2019.

Литература

1. Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века: опыт и потенциал регионального и приграничного взаимодействия / под ред. чл.-корр. РАН, профессора В.Л. Ларина. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН. 2017. 386 с.

2. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко ; Рос. акад. наук, Дальневост. отд-ние, Ин-т экон. исследований. – Владивосток : Дальнаука, 2011. – 912 с. : ил. 61, табл. 112, библи. 528, 11 отд. л. карт.

3. Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / колл. авторов; отв. ред. академик РАН П.Я. Бакланов. – Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.

4. Бакланов П.Я. Географические измерения: виды, шкалы, параметры // Информатизация географических исследований и пространственное моделирование природных и социально-экономических систем. М.: Товарищество научных изданий КМК. 2013. С. 13–23.

5. Шувалов В.Е. Районирование в трудах экономико-географов // Социально-экономическая география в России / под общей редакцией П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. Русское географическое общество. Владивосток: Дальнаука, – 2016. С. 103-116.

6. Бакланов П.Я. Территориальная организация и пространственное развитие: соотношение понятий и процессов // Геосистемы восточных районов России: особенности их структур и пространственного развития. Владивосток: ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, 2019. С. 10-16.

7. Бакланов, П.Я., Романов М.Т. Направления долгосрочного развития Дальневосточного региона России // Вестник ДВО РАН. 2019. № 4. С. 6-18.

8. Бакланов П.Я. Территориальные социально-экономические системы в региональном развитии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2017. № 4. С. 7-16.

Сведения об авторе:

Бакланов Петр Яковлевич, доктор географических наук, профессор, академик РАН, Вице-президент Русского географического общества. Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток, ул. Радио, 7. pbaklanov@tig.dvo.ru, (423)2320672.

Безруков Л.А.
Bezrukov L.A.

**СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ
СИБИРИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ЭТАПЕ**

**STRUCTURAL CHANGES IN THE INDUSTRY OF SIBERIA
AT THE POST-SOVIET STAGE**

Установлены ведущие постсоветские тенденции изменений в основных структурах промышленности Сибири. Главным итогом трансформации ее отраслевой структуры стали переориентация на внешний рынок и усиление ресурсно-сырьевой специализации, институциональной структуры – перераспределение собственности базовых предприятий между частными общероссийскими компаниями и госкорпорациями страны, территориальной структуры – резкий сдвиг промышленного производства в периферийные северные районы.

The leading post-Soviet tendencies of changes in the basic industrial structures of Siberia are established. The main result of the transformation of its sectoral structure was a reorientation to the foreign market and the strengthening of resource and raw material specialization, the institutional structure – the redistribution of ownership of base enterprises between private all-Russian companies and state corporations of the country, the territorial structure – a sharp shift in industrial production to the peripheral northern regions.

Ключевые слова: отраслевая, институциональная и территориальная структуры промышленности, ресурсно-сырьевая специализация, экспортная ориентация, территориально-производственный комплекс (ТПК).

Key words: sectoral, institutional and territorial structures of industry, resource and raw material specialization, export orientation, territorial-production complex (TPK).

На постсоветском этапе Сибирь, как и страна в целом, оказалась под воздействием радикальных рыночных преобразований и процессов глобализации, резко изменивших многие тенденции предыдущего развития. В связи с этим нужны оценки масштабов и направленности трансформационных сдвигов, произошедших в экономике макрорегиона. Согласно общегеографическому подходу, Сибирь рассматривается в составе 16 субъектов РФ от Тюменской области (с

автономными округами) на западе до Республики Саха (Якутия) и Забайкальского края на востоке включительно.

Важнейшей отраслью экономики Сибири на постсоветском этапе осталась промышленность: в 2017 г. ее доля в валовом региональном продукте макрорегиона превышала половину (52,7 %), что в 1,6 раза превосходит аналогичную долю для страны в целом. Под воздействием радикальных реформ 1990–2000-х гг. резкие сдвиги произошли во всех основных структурах промышленности – отраслевой, институциональной и территориальной.

Сдвиги в отраслевой структуре. К общей тенденции относится переориентация на внешний рынок с увеличением доли видов продукции экспортной направленности. Отрасли, работающие преимущественно на внешний рынок или обеспечивающие функционирование экспортоориентированных предприятий, сохранили или даже увеличили объемы производства, тогда как отрасли, выпускающие продукцию для сжимающегося внутреннего рынка, испытали значительный или даже катастрофический спад. К первым из них относятся топливно-энергетический комплекс, цветная и черная металлургия, отдельные производства лесного комплекса; ко вторым – легкая, стройматериалов, пищевая, машиностроение. Промежуточное положение занимают нефтеперерабатывающая, химическая и некоторые другие отрасли.

Объемы видов продукции, предназначенных в значительной мере для внешнего рынка, в 2017 г. относительно 1990 г. в Сибири выросли или остались стабильными – добыча нефти, природного газа, угля и золота, производство электроэнергии, алюминия, целлюлозы, синтетических смол и пластмасс. В то же время виды продукции, ориентированные почти исключительно на внутренний рынок, отличались максимальным падением объемов производства.

Другой тенденцией трансформации отраслевой структуры является сильный сдвиг в сторону усиления ресурсно-сырьевой специализации с увеличением доли «добычи полезных ископаемых». Примером может служить Иркутская область, где еще в 2005 г. эта доля составляла 8,4 %, а в 2017 г. она увеличилась до 43 %, т. е. в 5,1 раза. Отраслевая структура промышленности Сибири имеет сейчас выраженный ресурсно-сырьевой характер: доля ее добывающих отраслей в общем объеме промышленного производства (54 %) в 2,3 раза превышает долю этих отраслей в России в целом (24 %). В индустриальных сибирских регионах соответствующая доля еще выше – 62 %, составляя в Красноярском крае – 32 %, Томской области – 47,

Кемеровской области – 58, Тюменской области с округами – 72, Республике Саха (Якутии) – 86 %.

Еще одна постсоветская тенденция заключается в том, что после глубокого спада 1990-х гг. в макрорегионе шел более быстрый экономический рост, чем в стране в целом. Например, Сибирь превзошла достигнутые в конце советского периода максимальные объемы производства электроэнергии в 2006 г. и добычи угля – в 2007 г., тогда как вся Россия – лишь в 2016 и 2017 г. соответственно, т. е. на 10 лет позже. Та же закономерность (только с меньшим разрывом) отмечается по добыче газа и золота, производству целлюлозы и алюминия.

Сдвиги в институциональной структуре. Главным итогом трансформации институциональной структуры промышленности Сибири с первой половины 2000-х гг. стало перераспределение собственности ее базовых предприятий между частными общероссийскими компаниями и госкорпорациями страны. Экстерриториальность доминирующего в Сибири крупного капитала ведет к перераспределению доходов компаний и госкорпораций из регионов их непосредственной производственной деятельности, как правило, в российские столицы (Москву и Санкт-Петербург) и/или зарубежные офшоры. Это происходит вследствие учета значительной части стоимости продукции и доходов по месту расположения штаб-квартир холдингов, контролирующих сибирские предприятия, а также применения специальных финансовых схем и механизмов.

О масштабах изъятия финансовых средств из промышленности Сибири наглядно говорят размеры чистой прибыли экстерриториальных компаний и госкорпораций, расходуемой в значительной мере на выплату дивидендов акционерам (главным образом столичным и зарубежным). Суммарная чистая прибыль (2497 млрд руб.) в 2015 г. семи таких крупнейших компаний и госкорпораций, эксплуатирующих сибирские ресурсы, как «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «Роснефть», «Сургутнефтегаз», «Транснефть», «Русал» и «Норильский никель», даже в 1,4 раза превышала совокупный объем консолидированных бюджетов всех регионов Сибири (1764 млрд руб.) и в 7,4 раза – общую величину получаемых ими трансфертов из федерального бюджета (338 млрд руб.).

Сложившиеся институциональные условия, резко сократившие бюджетно-финансовую отдачу для индустриальных регионов, закрывают путь к дальнейшему комплексному развитию производства, в том числе к формированию средних и высоких переделов. Почти весь экономический рост связан сейчас в Сибири с интересами холдингов

общероссийского масштаба, направленными главным образом на увеличение производства и экспорта сырья и полуфабрикатов – нефти, газа, угля, металлов, древесины, целлюлозы и пр.

Сдвиги в территориальной структуре. На постсоветском этапе (особенно в 2000–2010-е гг.) произошел резкий сдвиг территориальной структуры промышленного производства Сибири в периферийные северные районы. Оценка этого сдвига осуществлена на основе сопоставления контуров территориально-производственных комплексов (ТПК) внутриобластного ранга, выделенных на начало постсоветского этапа и на 2017 г. Непосредственная делимитация ТПК проведена по такому ключевому показателю, как объем промышленной продукции муниципальных образований.

К настоящему времени часть северных ТПК – Северо-Тюменский, Среднеобский и Западно-Якутский – обнаружила намного более широкий территориальный состав, чем в начале 1990-х гг., а в число действующих выдвинулись новые ТПК – Нижнеангарский и Верхнеленский. На севере Западной Сибири коренным образом расширилась сфера влияния Северо-Тюменского ТПК. Центр тяжести в реализации крупных проектов по добыче и транспортировке природного газа и нефти сместился из Пуровского и Надымского районов Ямало-Ненецкого округа в его арктические районы (п-в Ямал, Обская губа и др.). В восточном направлении сфера влияния Северо-Тюменского ТПК охватила близлежащие территории Красноярского края (Ванкорский нефтегазовый кластер в Туруханском и Таймырском районах). В Среднеобском ТПК падение нефтедобычи в районах первоначального освоения (Сургутский, Нижневартовский и Нефтеюганский Ханты-Мансийского округа) было компенсировано ее интенсивным развертыванием в прилегающих районах: с запада (Ханты-Мансийский, Октябрьский и Советский того же округа), с юга (Уватский Тюменской области) и востока (Александровский, Каргасокский и Парабельский Томской области).

В Восточной Сибири заметно расширилась сфера влияния Западно-Якутского ТПК: добыча алмазов ведется не только в Мирнинском районе Республики Саха (Якутия), но и началась также в Нюрбинском, а нефте- и газодобыча быстрыми темпами растет в Ленском районе. Толчок к формированию Нижнеангарского комплекса на территории пяти северных районов Красноярского края дан вводом в действие Богучанской ГЭС и возведением Богучанского алюминиевого завода. За счет активного формирования Верхнеленского ТПК на базе освоения месторождений нефти в Усть-

Кутском, Катангском и Киренском районах Иркутской области произошел резкий сдвиг на север ее промышленного производства.

Таким образом, благодаря увеличению масштабов производства, значительному расширению сферы влияния действующих и формированию новых ТПК внутриобластного ранга, на постсоветском этапе продолжилось индустриальное освоение обширных, в первую очередь северных, территорий Сибири. Её ТПК представляют собой те основные ядра концентрации промышленного потенциала страны, на основе продукции которых она заслуженно занимает передовые места в мире по экспорту топлива и сырья.

Сведения об авторе:

Безруков Леонид Алексеевич – доктор географических наук, заведующий лабораторией георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, E-mail: bezrukov@irigs.irk.ru, контактный телефон: 8 914 914 44 20.

УДК 913; 332.1

Водичев Е.Г.
Vodichev E.G.

РИСКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА ЮГЕ СИБИРСКОГО РЕГИОНА

RISKS AND OPPORTUNITIES OF THE CROSS-BORDER INTERACTIONS ON THE SOUTH OF THE SIBERIAN REGION

Статья посвящена выявлению рисков и ограничений трансграничных взаимодействий в точке схождения границ четырех стран на юге Западной Сибири. На основе геосистемного подхода предлагается интерпретация Алтае-Саянского экорегиона (АСЭР) как международной трансграничной территории, даётся характеристика концепта «Большого Алтая». Делается вывод, что пока существуют лишь ограниченные возможности для его использования в качестве институциональной платформы многостороннего трансграничного сотрудничества.

The paper is devoted to identifying risks and limitations of cross-border interactions at the convergence point of the four countries on the south of Western Siberia. Based on the geosystem approach, the characteristics of the Altai-Sayan ecoregion as an international transboundary territory and the concept of the Greater Altai are analyzed. It is concluded that so far there are

only limited opportunities for using it as an institutional platform for multilateral cross-border cooperation.

Ключевые слова: Алтай-Саянский экорегион, «Большой Алтай», международная трансграничная территория, трансграничные взаимодействия, институциональные риски.

Keywords: Altai-Sayan Ecoregion, Big Altai, international transboundary territory, cross-border interactions, institutional risks.

Введение.

В контексте трансграничной проблематики особое внимание привлекает проблема международных трансграничных территорий (МТТ), имеющих основу для развития трансграничных взаимодействий в виде природно-экологических и хозяйственных комплексов с соответствующим этно-демографическим потенциалом. В азиатской части страны одним из таких регионов является Южная Сибирь в точке пересечения границ России, Казахстана, Китая и Монголии.

Целью работы – выявление предпосылок и рисков трансграничных взаимодействий в АСЭР. Данная территория будет представлена как МТТ; будут определены институциональные возможности для развития трансграничных взаимодействий.

Исследование опирается на типологию трансграничных регионов О.Мартинеса [1]. Методологическое значение также имеют концепты «новой экономической географии» и «новой институциональной экономики» П. Кругмана и Э. Острём [2; 3].

Результаты.

Под АСЭР понимается единая экосистема площадью более 1 млн км², расположенная в центре Евразии на стыке четырех государств – России, Монголии, Казахстана и Китая. В России и Казахстане в АСЭР входят территории с развитым промышленным потенциалом и городскими поселениями. В Китае к нему приближен бурно развивающийся центр нефтехимии в Синцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР). На территории Монголии в этой части страны производственный потенциал развит слабо.

Фактически весь АСЭР представляет собой единую эко- и геосистему со стыкующимися приграничными территориями четырёх стран. Одной из реперных точек в рамках геосистемы является Обь-Иртышский речной бассейн. Будучи типичной трансграничной рекой, Иртыш может быть представлен в качестве оси данной МТТ, а анализ взаимодействий в трансграничном речном бассейне (ТРБ) – информативным кейсом для понимания имеющихся проблем.

В пределах этого ТРБ расположена значительная часть приграничных территорий. Приграничье понимается как «определённая территория, которая является частью геосистемы региональной размерности, разделённой государственной границей и одновременно природно-хозяйственным районом (или их сочетанием), политическая, экономическая, социальная, культурная и экологическая ситуация в пределах которого в существенной мере зависит от границ прилегающей территории соседнего государства и в свою очередь оказывает влияние на неё» [4]. Представляется, что возможности трансформации территорий в трансграничные регионы зависят от сочетания контактных или барьерных функций границ.

В качестве МТТ рассматривается «территория, состоящая из взаимодействующих приграничных территорий, прилегающих к государственной границе двух или более соседних стран и обладающих сочетаниями природных ресурсов и... видов хозяйственной деятельности, основанием которой является единая геосистема или сочетание двух и более геосистем регионального уровня, взаимодействующих в зоне государственной границы» [5; 6]. Иными словами, МТТ – сложная природно-антропогенная система, включающую в себя саму геосистему, её природно-ресурсный потенциал, а также типы его хозяйственного использования.

Наличие единых природных комплексов принципиально усиливает такое качество трансграничности как целостность. В этом смысле ТРБ являются типичными трансграничными территориями, обладающими потенциалом для эволюции в трансграничные регионы. Однако это может произойти лишь тогда, когда удастся соблюсти баланс интересов ключевых акторов, согласовать общую программу развития МТТ и создать соответствующие институциональные рамки. В теории обеспечить трансформацию АСЭР и Обь-Иртышского ТРБ в трансграничный регион мог бы такой инструмент как концепт «Большого Алтая» [7].

Эксперименты по формированию институционально системы для использования потенциала трансграничности в зоне АСЭР начались еще в середине 1990-х гг. В КНР была разработана концепция, предполагавшая интеграцию экономического потенциала алтайских территорий всех стран в интересах ускорения экономического роста трансграничного региона. Она предполагала формирование на Алтае особых экономических зон, совместную разработку природных ресурсов, развитие коммуникаций и реорганизацию системы пунктов пропуска на границах.

Этот концепт не стал реальным проектом, но к идее трансальтайского сотрудничества не раз возвращались в ходе дальнейших дискуссий. Концепт «Большого Алтая» активно продвигался в 2000 г. в Барнауле на Алтайском горном форуме. Вновь особую заинтересованность демонстрировала китайская сторона. Интегрированный подход к развитию трансграничного сотрудничества на Алтае был поддержан и многими специалистами из России. Концепция была нацелена на формирование сети экономических акторов и политиков из всех соседствующих государств.

В дальнейшем процесс опирался на ряд местных инициатив, ориентированных на разработку экологических проектов и встретивших поддержку ЮНЕСКО. Из них наиболее известным оказался проект создания Алтайской биосферной зоны. Очевидной стала необходимость институциональных механизмов для координации усилий в этом регионе, которая в 2002 г. воплотилась в формирование Международного координационного совета «Наш общий дом – Алтай». В его состав вошли представители региональных властей и местных администраций четырёх стран. Однако, спустя почти двадцать, можно заключить, что эта организация так и не стала драйвером трансграничных взаимодействий в сфере экономики, не возникло единой стратегии развития, а МТТ не трансформировалась в подлинно трансграничный регион.

Выводы.

Таким образом, АСЭР можно рассматривать как МТТ, в основе которой лежит единая геосистема, в теории обладающую потенциалом для трансформации в многосторонний трансграничный регион. Вместе с тем, «факторы первой природы» (по определению П. Кругмана) здесь оказались недостаточно согласованы с институциональными и политическими факторами. России до сих пор не хватает ясности при формировании своей политики в этом регионе. К тому же, ныне центральная власть и в России, и в Казахстане к трансграничным инициативам относится весьма сдержанно. Проблематичными выглядят и перспективы, связанные с СУАР в КНР из-за сложной социокультурной ситуации в этом «неспокойном» районе. Интересы и экономические стратегии сопредельных стран на Алтае существенно различаются, а «поворот России на восток» не принёс пока для региона желаемых дивидендов.

Опыт «Большого Алтая» также показал, что важнейшей проблемой МТТ остаётся установление границ трансграничного пространства и их соотношения как геосистем и экосистем с политико-административным делением приграничных и трансграничных

территорий. Когда такие границы не совпадают, это представляется фактором, затрудняющим сотрудничество.

В итоге, стратегии развития территорий Южной Сибири пока ещё не ориентированы должным образом на использование потенциала трансграничности. Частично это происходит из-за непонимания возможностей данного инструмента как драйвера регионального развития, частично – из-за сдержанного отношения властей. Сказывается и экономическая асимметрия в зоне МТТ. К тому же, часто стороны демонстрируют пренебрежение интересами партнёров. Это убедительно показывает практика взаимодействий в Обь-Иртышском ТРБ, ориентированная на извлечение сиюминутного экономического эффекта, при которой долгосрочные экономические и экологические издержки возлагаются на соседей [См.: 8; 9]. Всё это пока не позволяет с оптимизмом прогнозировать будущее институций типа «Большого Алтая» как интегратора интересов и интерфейса для развития трансграничных взаимодействий.

Литература

1. Martinez O.J. The Dynamics of Border Interaction. New Approach to Border Analysis // Schofield C.H., (ed.) World Boundaries. Vol. 1. Global Boundaries. – L, NY, – Routledge, 1994. Pp. 1-5.
2. Krugman P.R. Geography and Trade. – Cambridge, MA, MIT Press, 1991. 142pp.
3. Ostrom E. Governing the Commons. The evolution of institutions for collective action. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 280pp.
4. Ганзей С.С. Трансграничные геосистемы Юга Дальнего Востока России и Северо-Востока КНР. Владивосток, Дальнаука, 2004. С. 12.
5. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Понятия и типы приграничных и трансграничных территорий // Изв. РАН. Серия геогр. 2004. №4. С. 27-34;
6. Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития). Отв. ред. П.Я. Бакланов, А.К. Тулохонов. Новосибирск, Издательство СО РАН, 2010. С.14.
7. Vodichev, Evgeny. Cross-border Interaction between Xinjiang and South Siberia in Central Asia: The “Big Altai” Approach // Xinjiang: China’s Northwest Frontier / K. Waricoo (Ed.). – L., NY, – Routledge, 2016. 224pp. Pp.129-141.

8. Vodichev Evgeny, Glazyrina Irina, Krasnoyarova Bella. Transboundary Cooperation on the East of Russia: Regional Development and Institutional Bottlenecks. – Journal of Geography, Politics and Society – Vol. 6 (2016) – Issue 2 – s.13–20;

9. Красноярова Б.А., Винокуров Ю.И. Институциональные аспекты управления устойчивым водопользованием в трансграничном бассейне р. Иртыш // Экологические риски в трансграничном бассейне реки Иртыш. Новосибирск, Издательство СО РАН, 2014. С. 135-138.

Сведения об авторе:

Водичев Евгений Григорьевич, д.и.н., профессор Новосибирского государственного технического университета и Томского государственного национального исследовательского университета; vodichev@mail.ru; +7-952-905-6789.

УДК 332.1: 911.3

Катровский А.П.
Katrovskiy Alexandr

**«ЭФФЕКТ КОЛЕИ»: ТРАДИЦИОННОЕ И
ИННОВАЦИОННОЕ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ**

**«PATH DEPENDANCE»: TRADITIONAL AND INNOVATIVE
IN REGIONAL SOCIO-ECONOMIC DYNAMICS**

В статье рассмотрены теоретические аспекты изучения так называемого «эффекта колеи». Отмечается, что наряду с эволюционным, как правило, носящим инерционный характер развитием, может быть и инновационное развитие. Изменение традиционной специализации хозяйства может быть вызвано внешними и внутренними шоками, глубокими потрясениями в связи с войнами, институциональными преобразованиями. «Эффект колеи» не ограничивается вопросами устойчивости отраслевой структуры, данная проблема имеет место и в пространственной организации экономики и системах расселения.

The article discusses the theoretical aspects of the study of the so-called "path dependence". It is noted that along with evolutionary development which is inertial by its nature, as a rule, there can also be innovative development. The change in the traditional specialization of the economy can be caused by external and internal shocks, wars, and institutional

transformations. The “path dependence” is not limited to issues of sustainability of the branch structure, this effect is also observed in the spatial organization of the economy and settlement systems.

Ключевые слова: «эффект колеи», традиционное экономическое развитие, инновационное экономическое развитие, «созидательное разрушение», Смоленская область.

Key words: «Path dependence», traditional economic development, innovative economic development, «creative destruction», the Smolensk region.

«Path dependence» - зависимость от предшествующего развития - одна из фундаментальных проблем не только эволюционной экономики, но и экономической географии, поскольку подобная зависимость имеет место не только во времени, но и в пространстве.

В каждом регионе формируется представление об оптимальном направлении развития под действием системы внешних (экзогенных) и внутренних (эндогенных) факторов. Экономическое развитие - это единство традиционного (инерционного) и инновационного развития. Каждый регион развивается в рамках некой колеи. В регионе формируется региональная социально-экономическая ситуация, система отраслей специализации, которая не может оставаться неизменной. Периодически перед каждым регионом возникает вопрос дальнейшего направления экономического развития, насколько выбранный вчера путь является единственно верным, насколько сложившаяся за несколько столетий специализация хозяйства отвечает региональным интересам в ближайшей и дальней перспективах, нужно ли что-то менять в структуре экономики?

В середине XX века Йозефом Шумпетером были развиты идеи необходимости «созидательного разрушения», смысл которых применительно к региональному экономическому развитию можно представить, как необходимость в отказе, от сложившейся в предыдущие годы специализации на «устаревших» отраслях, модернизации отраслевой структуры экономики [1]. В настоящее время процессы «созидательного разрушения» происходят не только в части региональной отраслевой специализации, но сложившейся системы расселения, но и порой, и территориальной структур общественного производства. В этой связи возникает важный вопрос о целесообразности искусственного поддержания имеющейся системы расселения. В свое время на необходимость управления сельским расселением обращали исследователи во главе с Т.И. Заславской,

которыми были поставлены вопросы опережающей модернизации сельского расселения.

В экономической теории обоснование «эффекта колеи», прежде всего, связывают с именами лауреата премии им. Нобеля по экономике Дугласа Норта и Пола Дэвида. Среди отечественных исследователей наибольший вклад в выявление закономерностей экономического развития через «path dependence» внесли Р.М. Нуреев, который с соавторами выпустил ряд статей и монографию, заметно расширяющие представления о траекториях экономической динамики, зависимости развития от событий прошлого; А.А. Аузан, которым в ряде статей сделано обобщение опыта исследования «эффекта колеи» в отечественной и зарубежной науке [2, 3]. Среди статей отечественных исследователей применительно к вопросам «эффекта колеи» в региональном развитии, возможности смены вектора развития, необходимо отметить работу С.Н. Растворцевой, по мнению которой «страны и регионы не всегда развиваются наиболее рациональным путем, а зависят от конкретных факторов, сформировавшихся в прошлом. К их числу можно отнести цепочки непредвиденных событий, зарождение институтов, возникновение и рост отдачи от масштаба, сетевые эффекты и положительную обратную связь, «залипание в колее» [4].

У каждой науки свой предмет исследования. Необходимо отметить вклад географов в выявление закономерностей зависимости от предшествующего развития. Зарубежные географы для объяснения долгосрочного изменения экономического ландшафта, разнотемной динамики регионального экономического роста использовали пространственные версии жизненного цикла отрасли. По мнению авторов этих работ, отдельные отрасли и предприятия в процессе функционирования обретают «токсичность» и без инноваций обречены на экономическую смерть. Регионы, внедряющие новые отрасли, часто обгоняют по темпам экономического роста регионы, делающие ставку на развитие уже сложившихся отраслей специализации. Старопромышленные регионы, отличающиеся большей экономической стабильностью, сложившейся отраслевой структурой промышленности, традиционной развитой транспортной системой могут стать заложниками прошлого успеха [5, 6].

Из отечественных исследователей наиболее последовательно вопросы детерминации экономического развития прошлыми решениями, роли инноваций в преодолении «эффекта колеи» излагает в своих работах А.Н. Пилясов [7, 8, 9]. Что касается отдельных регионов Российской Федерации, то здесь наибольший интерес

представляет работы по Калининградской области А.Л. Кузнецовой, которой в 2018 г. была защищена диссертация и выполнен цикл работ, одна из которых была опубликована в журнале «Региональные исследования» [10].

Потребность в «созидательном разрушении», преодолении эффекта «колеи» особо остро возникает в депрессивных или отставших в своем развитии регионах. Однако для отказа от сложившейся специализации, выхода из «колеи» традиционного развития мало одного желания, необходимы объективные и субъективные предпосылки, среди которых институциональные, инфраструктурные и ряд иных.

По мнению Роберта Бреннера, существует три основных направления модернизации экономики страны или региона: «Во-первых, устремиться вверх по продуктовой цепочке (move up the product cycle) с тем, чтобы начать выпуск новых, более высокотехнологичных промышленных товаров. Во-вторых, необходима радикальная трансформация производственных методов в стандартизированных и трудоинтенсивных отраслях. Наконец, третий путь – расширение сектора услуг» [11, с.289].

Смена технологических укладов, внедрение новых технологий, инновации могут поставить вопрос о новом пути развития, о внесении существенных корректив в траекторию предшествующего развития. Процесс экономического развития сопровождается появлением новых отраслей, увеличением роли одних, уменьшением или даже ликвидацией других отраслей. Результатом развития становится новый экономический ландшафт, новая система расселения. Иногда смена вектора развития является вынужденной, вызвана крупными разрушениями. Города и промышленные районы, ставшие на «новые рельсы», отказавшиеся от восстановления разрушенных предприятий, обрели, через создание новых отраслей «свежее дыхание» и достигли более высокого уровня развития по сравнению с городами и районами, восстановившими сложившуюся ранее специализацию. Внешние шоки могут способствовать модернизации, появлению новых функций у городов и регионов [11].

Объяснить большинство изменений с позиции эволюционной экономики можно, однако, для осмысления пространственных аспектов модернизации необходим географический подход. Географический подход позволяет также оценить природную детерминацию траектории развития. Природная составляющая "эффекта колеи" снижается, роль человеческого капитала возрастает.

Вопрос сохранения или преодоления сложившейся специализации стоит перед каждым регионом. Особенно важен данный вопрос для Смоленской области, характеризующейся высокой "консервативностью" векторов развития. Процесс преодоления "эффекта колеи" может носить плановый характер. Иногда этот процесс происходит спонтанно в связи с внешними шоками. Для областей Центральной России такими шоками стали отмена крепостного права, индустриализация, Октябрьская революция, Великая Отечественная война, распад СССР, замена плановой модели экономического развития на рыночную.

Экономическое инновационное развитие, создание новых траекторий и векторов развития зависит от состояния системы воспроизводства человеческого капитала. И хотя роль высшей школы не сводится исключительно к подготовке кадров, но именно от неё в значительной степени зависит модернизация экономического ландшафта регионов [12]. Без необходимого человеческого капитала не может быть новых векторов развития.

Для успешного социально-экономического развития региона необходимо понимать не только степень его зависимости от предшествующего пути, но также знать условия и возможные варианты ухода со сложившегося пути, так как большая часть регионов следует инерционной, а не инновационной траектории развития. Трансформация без модернизации, инерционная модель развития стали чертой современной динамики многих регионов России [13].

Проблема «эффекта колеи» носит фундаментальный характер и для любой структурной региональной политики необходимо обоснование целесообразности, как развития в рамках сложившейся колеи, так и её преодоления. Однако, в большинстве случаев, когда речь идет о развитии обрабатывающей промышленности, преодоление сложившейся колеи лишь вопрос времени.

Благодарность. Исследование проведено при поддержке РФФИ, в рамках проекта «Эффект колеи»: традиционное и инновационное в социально-экономическом развитии Смоленской области № 19-45-670001.

Литература

1. Шумпетер Й. Капитализм, Социализм и Демократия --М.: Экономика, 1995. 540 с.
2. Аузан А.А. "Эффект колеи". Проблема зависимости от траектории предшествующего развития - эволюция гипотез. //Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2015. № 1. С. 3-17.

3. Аузан А.А. Развитие и «колея» зависимости. //Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т.61. №10. С.96-105
4. Растворцева С.Н. Теоретические аспекты возможности ухода экономики региона от траектории предшествующего развития//Журнал экономической теории. 2018. Т. 15. № 4. С. 633-642.
5. Martin R., Sunley P. Path dependence and regional economic evolution // Journal of economic geography. –2006. —Vol. 6(4). — P. 395–437.
6. Neffke F., Henning M., Boschma R. How do regions diversify over time? Industry relatedness and the development of new growth paths in regions // Economic Geography. — 2011. — Vol. 87(3). — P. 237–265.
7. Замятина Н., Пилясов А. Монопрофильные города России: блокировки и драйверы инновационного поиска//Форсайт. 2016. Т. 10. № 3. С. 53-64.
8. Пилясов А.И. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знания -- Москва, 2009. 542 с.
9. Пилясов А.Н. Региональная инвестиционная политика: как преодолеть «зависимость от пути»?//Регион: Экономика и Социология. 2018. № 4 (100). С. 134-167.
10. Кузнецова А.Л., Зверев Ю.М. «Эффект колеи» и его использование в региональных исследованиях (на примере Калининградской области)//Региональные исследования. 2019. № 2 (64). С. 15-24.
11. Бреннер Р. Экономика глобальной турбулентности: развитые капиталистические экономики от долгого бума до долгого спада, 1945-2005 — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 522с.
12. Катровский А.П. Высшая школа как фактор инновационного регионального развития России//Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2016. № 5. С. 248-254.
13. Катровский А.П. Трансформация без модернизации: проблемы развития приграничных с Республикой Беларусь регионов России// Балтийский регион - регион сотрудничества - 2019 Материалы III международной научно-практической конференции. 2019. С. 56-67.

Сведения об авторе.

Катровский Александр Петрович, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры географии Смоленского государственного университета. alexkatrovsky@mail.ru Тел. +7(960)583-15-14.
УДК 339.9

Мошков А.В.
Moshkov A.V.

ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ОСВОЕННОСТЬ ТЕРРИТОРИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА РОССИИ

INFRASTRUCTURAL DEVELOPMENT OF THE TERRITORY OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT OF RUSSIA

Наиболее важной социально-экономической проблемой, стоящей перед регионами Российской Федерации, является низкий уровень развития производственной и социальной инфраструктуры. В значительной степени, слабое развитие инфраструктуры в Дальневосточном федеральном округе ограничивает возможности эффективного использования богатейшего природно-ресурсного потенциала территории и акватории региона. Пространственное развитие существующих и перспективных видов экономической деятельности, также во многом определяется наличием объектов инфраструктуры в регионах, их возможностями обеспечить необходимый уровень услуг производственным и конечным потребителям.

The most important socio-economic problem facing the regions of the Russian Federation is the low level of the industrial and social infrastructure development. To a large extent, a poor infrastructure development in the Far Eastern Federal district limits the abilities to use effectively the richest natural resource potential of the region's territory and water area. The spatial development of existing and prospective economic activities is also largely determined by the availability of infrastructure facilities in the regions and their abilities to provide the necessary level of services to production and end users.

***Ключевые слова:** Дальневосточный федеральный округ, производственная и социальная инфраструктура, качество жизни населения, экономический рост, пространственное развитие, виды экономической деятельности.*

***Keywords:** Far Eastern Federal district, industrial and social infrastructure, people's quality of life, economic growth, spatial development, types of economic activity.*

Введение. Изучение особенностей сложившейся территориально-отраслевой структуры экономики региона, в первую очередь, диспропорции в уровне и темпах развития основных сочетаний видов

экономической деятельности (промышленность; сельское, лесное хозяйство, рыболовство и рыбоводство; производственная и социальная инфраструктура; и др.) позволяет выявить наиболее актуальные современные проблемы и направления его дальнейшего экономического роста. [1, 5, 7, 8]. Особенно актуально изучение уровня развития инфраструктурных видов деятельности в территориально-отраслевой структуре субъектов Дальневосточного федерального округа (ДФО) России. Эта проблема существенно ограничивает возможности экономического роста в регионах, в том числе, на основе повышения глубины переработки добываемого сырья, а также модернизации обрабатывающих производств [2]. В регионах ДВФО, имеются благоприятные факторы социально-экономического развития (например, природные ресурсы, выгодного экономико-географического положения, достигнутый научно-производственный потенциал и др.), реализация которых также сдерживается из-за слабого развития инфраструктуры. Кроме этого, территориально-отраслевая структура экономики субъектов ДВФО, в том числе и сочетание инфраструктурных видов деятельности характеризуется высокой неоднородностью [3, 4]: 1) структура «северных» субъектов (Республика Саха (Якутия), Магаданская область, Камчатский край, Чукотский автономный округ) отличается высокой долей промышленных видов экономической деятельности (добыча полезных ископаемых, производство и распределение электроэнергии, газа и воды), 2) структура «южных» и «юго-западных» субъектов, примыкающих к Транссибирской железнодорожной магистрали и имеющих выход в морским портам России на Тихоокеанском побережье («юго-западные» субъекты - Республика Бурятия, Забайкальский край; «южные» - Амурская область, Еврейская автономная область, Приморский и Хабаровский края, Сахалинская область) – отличается высокой долей обрабатывающие производства; производства и распределения электроэнергии, газа и воды, а также транспорта и связи.

Опыт реформирования экономики субъектов ДВФО подтверждает ведущую роль центральных органов власти в реформировании их отраслевой и территориальной структуры, и в первую очередь, в развитие обрабатывающих отраслей, в увеличение глубины переработки сырья, а также в объекты инфраструктуры. Реализация положений федеральных, отраслевых и региональных Программ социально-экономического развития ДВФО, в настоящее время, единственный реальный механизм, позволяющий провести соответствующую модернизацию производства, обеспечить рост

эффективности экономической деятельности и повышение уровня жизни населения.

Методы и материалы. Территориально-отраслевая структура экономики субъектов ДВФО может быть представлена в виде отраслевой структуры валовой добавленной стоимости (в текущих ценах, в процентах к итогу). В составе структуры субъектов выделяются виды экономической деятельности, которые, в зависимости от их места и роли в территориальном разделении труда, выполняют разную функцию – специализации или обслуживания [3]. Инфраструктурные виды деятельности, в структуре экономики субъектов ДВФО выполняют преимущественно обслуживающую функцию. За исключением транспорта, который в «южных» субъектах, располагающих выгодным экономико-географическим положением, выполняет важную, специализированную функцию – обеспечивает транзит грузов между странами Европейского Союза и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), а также между Российской Федерацией и странами АТР. При этом, следует учитывать, что эффективное функционирование элементов инфраструктуры обеспечивает устойчивое развитие всей территориально-отраслевой структуры субъектов ДВФО, состоящих из сбалансированных функциональных блоков: специализации, обслуживания производства и населения. [2, 3].

Постановка задачи. В территориально-отраслевой структуре экономики ДВФО России, представленной в виде отраслевой структуры валовой добавленной стоимости выделяются следующие инфраструктурные виды экономической деятельности (табл. 1).

Таблица 1

Инфраструктурные виды деятельности в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости субъектов Дальневосточного федерального округа (в текущих основных ценах, в процентах к итогу), 2016 г.

Субъекты Дальневосточного федерального округа	Производство и распределение	Строительство	Оптовая и розничная торговля	Гостиницы и рестораны	Транспорт и связь	Финансовая деятельность	Операции с недвижимостью	Государственное управление	Образование	Здравоохранение	Прочие услуги
Российская Федерация	3,9	6,3	16,9	1,1	9,5	0,5	14,6	4,9	3,0	4,0	1,7

1. Субъекты «северной» зоны:											
Республика Саха (Якутия)	4,5	8,2	6,1	0,6	8,0	0,1	3,4	5,1	4,4	3,8	1,4
Камчатский край	6,0	4,1	8,2	1,3	6,5	0,1	5,5	13,9	4,8	7,6	2,1
Магаданская область	6,4	6,2	8,2	0,7	5,6	0,1	4,5	9,9	3,8	5,7	1,6
Чукотский авт. округ	11,3	5,2	4,7	0,2	4,4	0,1	1,1	10,3	4,6	5,7	1,2
2. Субъекты «южной» зоны:											
Приморский край	3,6	4,8	18,3	1,5	24,1	0,3	10,0	6,8	3,1	5,1	2,4
Хабаровский край	4,3	5,1	15,6	1,3	20,2	0,3	9,0	8,2	4,1	5,3	1,6
Амурская область	7,3	13,1	11,0	0,9	16,3	0,2	5,8	7,7	4,3	5,2	1,0
Сахалинская область	1,4	6,3	5,6	0,6	5,1	0,1	8,9	3,7	1,8	2,7	0,8
Еврейская авт. область	5,8	10,5	9,3	0,9	18,2	0,2	7,4	14,8	4,4	8,2	1,9
3. Субъекты «юго-западной» зоны:											
Республика Бурятия	6,1	5,8	15,8	2,4	13,9	0,2	6,4	10,3	7,0	7,2	2,2
Забайкальский край	4,5	6,4	11,4	1,1	22,6	0,2	5,7	10,9	5,2	6,4	1,3

Источник: [6].

В составе ДВФО выделяются три группы субъектов, в которых, под воздействием совокупности экономико-географических факторов, сформировались схожие сочетания элементов структуры. Они образуют особые социально-экономические (инфраструктурные) зоны: «северная», «южная» и «юго-западная». [3]. Взаимосвязанные сочетания инфраструктурных элементов образуют в выделенных социально-экономических зонах специфическую инфраструктуру субъекта ДВФО. Например, в «северной» инфраструктурной зоне в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости отмечается высокая доля производства электроэнергии (по сравнению с Российской Федерацией в целом и субъектами «южной» зоны. В свою очередь, для отраслевой структуры валовой добавленной стоимости субъектов «южной» и «юго-западной» инфраструктурной зоны, характерна высокая доля таких видов деятельности, как транспорт и связь; финансовая деятельность; операции с недвижимостью; оптовая и розничная торговля. При этом, доля образования и здравоохранения

во всех субъектах ДВФО значительно выше, чем в Российской Федерации в целом.

Результаты и их обсуждение. Субъекты, входящие в инфраструктурные зоны ДВФО, различаются по уровню развития инфраструктуры, который можно оценить совокупностью социально-экономических показателей. (табл. 2).

В субъектах «северной» инфраструктурной зоны ДВФО (в среднем) отмечаются показатели, характеризующие сравнительно низкий уровень развития инфраструктуры, чем по Российской Федерации в целом, за исключением объема бытовых услуг и объема услуг связи на душу населения, а также мощности амбулаторно-поликлинических организаций на 10000 человек населения.

Таблица 1
Уровень развития инфраструктуры по инфраструктурным зонам
Дальневосточного федерального округа, 2017 г.

Инфраструктурные зоны	Оборот розничной торговли, на душу населения, тыс. руб.	Объем бытовых услуг на душу населения, тыс. руб.	Объем услуг связи на душу населения, тыс. руб.	Ввод в действие жилых домов, на 1000 человек населения, м ²	Численность студентов, обучающихся по программе бакалавриата, на 10000 чел.	Численность населения на одну большую койку, чел.	Мощность амбулаторно-поликлинических организаций, на 10000 чел. населения
Российская Федерация	203,0	6,5	8,7	540,0	260,0	124,2	270,1
Среднее значение по субъектам «северной» зоны	197,4	7,8	13,7	249,3	140,8	85,8	382,1
Среднее значение по субъектам «южной» зоны	211,3	7,2	9,7	333,0	214,6	97,8	279,9
Среднее значение по субъектам «юго-западной» зоны	160,3	4,9	7,9	262,0	222,5	108,4	259,3

Источник: [6].

В субъектах «южной» инфраструктурной зоны ДВФО (в среднем), наоборот, уровень развития инфраструктуры более высокий, поскольку большинство показателей выше, чем их значения по Российской Федерации в целом. Исключение составляют только такие показатели, как ввод в действие жилых домов, на 1000 чел. населения и численность студентов, обучающихся по программе бакалавриата, на 10000 человек населения. В субъектах «северо-западной» инфраструктурной зоны наиболее низкий уровень развития инфраструктуры, по сравнению с другими субъектами ДВФО и Российской Федерацией в целом.

Выводы. Высокая дифференциация субъектов ДВФО по уровню инфраструктурной обустроенности, выступает важным фактором, сдерживающим модернизацию их территориально-отраслевой структуры экономики. При этом, в каждой инфраструктурной зоне имеются свои преимущества и недостатки (в уровне развития отдельных составляющих инфраструктурного комплекса), которые необходимо учитывать при определении направлений социально-экономического развития субъектов ДВФО. Наличие развитой инфраструктуры – обязательное условие для опережающего развития обрабатывающих производств, а также видов деятельности, выпускающих товары конечного потребления.

Благодарность. Результаты исследований, представленные в статье получены в рамках государственного задания Минобрнауки РФ («Географические и геополитические факторы в инерционности, динамике и развитии разно ранговых территориальных структур хозяйства и расселения населения Тихоокеанской России», № АААА-А16-116110810013-5. Раздел 1); Раздел статьи «результаты и их обсуждение» подготовлен при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-05-80006.

Литература

1. Алаев Э.Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. - М.: Мысль, 1983. 350 с.
2. Бакланов П.Я. Дальневосточный регион России: проблемы и предпосылки устойчивого развития. - Владивосток: Дальнаука, 2001. 144 с.
3. Бакланов, П. Я., Мошков, А. В. Географическая дифференциация территориальных структур хозяйства в Тихоокеанской России // География и природные ресурсы, № 1, 2017. С. 5-15.

4. Бакланов П.Я., Мошков А.В., Романов М.Т. Базисные структурные звенья в долгосрочном развитии транспортных систем Дальневосточного региона России // Вестник МГУ. Серия. 5. География, № 4. 2018. С. 83-92.

5. Изард У. Методы регионального анализа: введение в науку о регионах. Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1966., 659 с.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. Стат. Сб. – М.: Росстат, 2018. 1162 с.

7. Саушкин Ю.Г. Экономическая географии: история, теория, методы, практика. - М.: Мысль, 1973. 559 с.

8. Шарыгин М.Д. Региональная организация общества. - Пермь: ПГУ, 1992. 204 с.

Сведения об авторе:

Мошков Анатолий Владимирович, доктор географических наук, главный научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, г. Владивосток. E-mail: mavr@tigdvo.ru

УДК: 911.3

Чистобаев А.И.

Chistobaev A.I.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ЗДОРОВЬЯ В ЗАПАДНЫХ И ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИЙСКОГО СЕВЕРА

MODELING THE DYNAMICS OF PUBLIC HEALTH IN THE WESTERN AND EASTERN REGIONS OF THE RUSSIAN NORTH

Показана роль медицинской географии в обеспечении здоровьесбережения населения. Представлены методология и методика моделирования динамики состояния общественного здоровья как одного из элементов природно-общественных систем. Определено отношение понятий «индикатор» и «индекс». На примере регионов Российского Севера подтверждена применимость индикативно-индексного подхода к моделированию динамики состояния общественного здоровья. Апробация методики выполнена на примере республик Карелия, Коми, Саха (Якутия), а также Архангельской, Мурманской областей, Ненецкого автономного округа.

The role of medical geography in ensuring the health of the population is shown. The methodology and methods of modeling the dynamics of the state of public health as one of the elements of natural-social systems are presented. The relation of the concepts “indicator” and “index” is determined. On the example of the regions of the Russian North, the applicability of the indicative-index approach to modeling the dynamics of the state of public health is confirmed. Testing of the methodology was carried out on the example of the republics of Karelia, Komi, Sakha (Yakutia), as well as the Arkhangelsk and Murmansk regions, the Nenets Autonomous Okrug.

Ключевые слова: природно-общественная система, население, социум, здоровьесбережение, индикативно-индексный подход, территориальное здравоохранение.

Keywords: natural-social system, population, society, health conservation, indicative-index approach, territorial health care.

Обусловленность и актуальность темы.

Десятая Ассамблея АРГО проводится в г. Владивостоке, на базе Тихоокеанского института географии РАН, в составе которого функционирует Лаборатория медицинской географии. Среди медико-географических исследований в этой лаборатории присутствует и проблематика, связанная с формированием общественного здоровья в конкретных условиях обитания [1, 2]. Обмен идеями, как известно обогащает обе стороны, участвующие в нем. Еще одной причиной выбора темы является тот факт, что Тихоокеанская Россия в глобальных геополитических и геоэкономических реалиях выходит на основные позиции в освоении Арктического пространства – как в отношении разведки и добычи углеводородного сырья, так и использования Северного морского пути для торговых связей стран Востока и Запада. В связи с этим г. Владивосток становится, наряду с Мурманском, российским арктическим аванпостом, хотя и расположен намного южнее Полярного круга.

Оба названных обстоятельства актуализируют исследования динамики состояния общественного здоровья в Арктической зоне РФ и прилежащих к ней территорий. Именно состояние общественного здоровья, как ничто другое, определяет человеческий капитал, являющийся главным ресурсом в развитии и размещении производительных сил.

Предпосылки, объект и предмет исследования.

Представленные ниже результаты нашей работы получены в процессе многолетних исследований в области медицинской

географии. Эта междисциплинарная наука изучает воздействие природных, социально-экономических и социально-экологических условий на динамику состояния общественного здоровья и организацию территориального здравоохранения в конкретной среде обитания совокупности людей, социумов [3, 4]. Исследуя на протяжении многих лет условия формирования здоровья населения в современной парадигме медицинской географии, которая относится как к естественной, так и к общественной географии, а также к медицине и социальной экологии. Более того, она взаимодействует еще со многими другими науками – как естественными, так и гуманитарными [5]. В ее структуре выделяются четыре раздела: медицинское ландшафтоведение, нозогеография, медицинское страноведение и регионоведение, медико-географический менеджмент (организация территориального здравоохранения) [4]. Объектом исследования этой науки являются условия формирования динамики состояния общественного здоровья на разных уровнях функционирования природно-общественных систем, а предметом исследования – динамические процессы формирования общественного здоровья и соответствующая им организация территориального здравоохранения.

Терминирование общественного здоровья.

Общественное здоровье – это интегрированное выражение динамической совокупности индивидуальных уровней состояния здоровья населения (социума), проживающего в пределах конкретных природно-общественных систем, формирующихся на разных иерархических уровнях – глобальном, региональном, локальном [6]. Если исследование индивидуального здоровья является прерогативой врачей, то исследование общественного здоровья – прерогативой медико-географов. Уровень состояния общественного здоровья определяют показатели, характеризующие геодемографическую ситуацию, нозогеографию, географию качества жизни населения (социума).

Степень изученности проблемы.

Понимание представленной выше объектно-предметной и функциональной сущности медицинской географии характерно для многих отечественных и зарубежных ученых [7(8)]. Отправляя заинтересованного в этом вопросе читателя к нашей публикации, особо отмечу заслуги выдающегося медико-географа А.А. Шошина, военного хирурга, профессора Ленинградской медицинской академии им С.М. Кирова, создавшего учение о влиянии комплексных и социально-экономических факторов на возникновение и распространение

болезней среди населения. Труды этого ученого, его коллег и последователей вошли в «золотой фонд» мировой медицинской географии. В 1985 г. группе медико-географов (А.А. Шошин, В.Я. Подолян, Н.К. Соколов, Б.В. Вершинский, А.П. Айриян, А.А. Келлер, Е.И. Игнатьев, Б.Б. Прохоров, С.И. Белов, Е.Л. Райх, Е.С. Фельдман, О.П. Щепин) была присуждена Государственная премия Совета Министров СССР. На современных международных симпозиумах по медицинской географии год от года усиливается внимание к социальным факторам формирования общественного здоровья.

Что касается вопросов математического моделирования, динамики общественного здоровья, то в этом отношении существенных подвижек нет. В нашей стране продолжает использоваться метод балльных оценок на основе мнений экспертов, достоверность полученных таким образом выводов зачастую бывает сомнительной. Из зарубежных опытов отметить работы комиссии Стиглица – Сена – Фитусси по интегральному измерению экономического развития и социального прогресса. В наших публикациях индикаторный подход обоснован применительно к обеспечению устойчивого социально-экономического развития региона, среди предложенных индикаторов присутствуют и показатели состояния здоровья населения [7].

Информационные материалы, методология и методика исследования.

Основной источник информации – централизованная статистическая отчетность (Росстат). Дополнительно привлекались статистические данные, формируемые на уровне субъектов РФ. Кроме того, использованы научные и отчетно-статистические публикации. Для определения оценочных шкал градации состояния общественного здоровья привлечены результаты анкетных опросов в среде медицинских работников.

Процесс моделирования общественного здоровья базировался на основах аксиологии и аксиометрии, построения моделей – классификаций, использования метода рандомизированных сводных показателей, что позволило применить индикативный и индексный подходы к построению детерминированных моделей измерения динамики состояния общественного здоровья регионов Российского Севера.

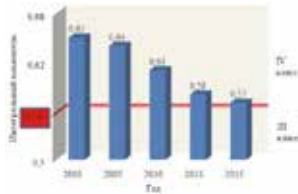

Рис. 1. Северные регионы РФ, используемые для оценки качества жизни населения

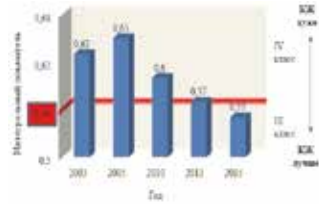
Под термином «индикатор» нами понимается элемент информации, необходимый для принятия управленческого решения; он содержит функцию одной переменной. Термин «индекс» – это математическая функция двух и более переменных, это – маркер и трассер развития системы; он может быть одномерным (одно число) и многомерным (набор чисел). К определению значений индикаторов и индексов, характеризующих динамику состояния общественного здоровья, привлекаются единичные (прямые и косвенные), комплексные, многокритериальные, интегральные виды оценок; каждому из них свойственно «свое» содержание (своя характеристика).

Алгоритм интегральной оценки динамики общественного здоровья предполагает комплексный анализ и диагностику среды обитания населения. Он включает в себя четыре этапа: 1) формирование исходных критериев (определяет качество оценки) и построение оценочной шкалы; 2) определение вектора показателей состояния здоровья; 3) агрегирование показателей в интегральный индекс; 4) сравнение «весомости» показателей (больше – меньше – равно) и представление системы неравенств. Затем формируется оценочная шкала интегрального показателя динамики общественного здоровья в составе пяти классов, для каждого из них характерен свой уровень градации состояния общественного здоровья: 1) очень низкий, 2) низкий, 3) средний, 4) высокий, 5) очень высокий. Математическая формализация рассматриваемого алгоритма приведена в соответствующей статье [8].

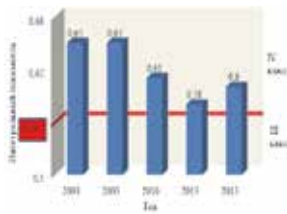
Архангельская область

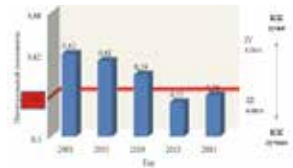
Ямало-Ненецкий автономный округ

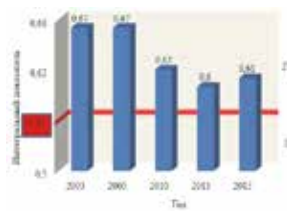
Мурманская область

Республика Саха (Якутия)

Республика Коми

Чукотский автономный округ

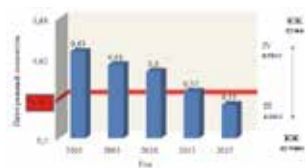

Рис. 2. Критерии оценки качества жизни населения

Обсуждение результатов исследования.

Выявление динамики состояния общественного здоровья регионов Российского Севера осуществлялось в два этапа. На первом этапе оценивалось состояние здоровья населения Республики Саха (Якутия), на втором – состояние здоровья населения западных регионов РФ: республик Карелия и Коми, Архангельской и Мурманской областей, Ненецкого автономного округа. Эти работы являются составной частью исследований по проблеме «Динамика состояния и стратегические направления сбережения общественного здоровья в России», основная суть которых изложена в нашей статье [9].

При оценке состояния динамики общественного здоровья Республики Саха (Якутия) в условии математической модели были введены следующие показатели: рождаемость, смертность (отдельно – младенческая смертность); средняя ожидаемая продолжительность жизни; уровень социально-экономической дифференциации; доля населения, имеющего среднедушевой доход ниже прожиточного минимума. При расчетах устанавливались три варианта приоритета критериев (показателей): 1) медико-демографических; 2) социально-экономических; 3) равенства паритетов. По всем трем вариантам выявился положительный тренд динамики состояния общественного здоровья [8].

В качестве оценочных критериев социальных детерминант общественного здоровья западных регионов Российского севера были выбраны 36 показателей (по материалам Росстата) [10]. Затем эти показатели были объединены в пять групп, по каждой из которых определялся интегральный показатель названных выше пяти субъектов РФ. По всем социальным детерминантам благоприятные условия формирования общественного здоровья проявились в Архангельской и Мурманской областях. В Республике Коми выделились в качестве благоприятных условий формирования общественного здоровья уровни образования и социальной инфраструктуры. Заметно уступают вышеназванным субъектам РФ условия формирования общественного здоровья в Республике Карелия (средний класс градации). Еще хуже ситуация в Ненецком национальном округе (низкий класс градации), что обусловлено спецификой обустроенности быта коренного населения – ненцев, ведущих полукочевой образ жизни.

На следующем этапе исследований по западным регионам Российского Севера к расчетам были привлечены показатели по видам заболеваний для взрослого и детского населения. В результате расчетов проявилась следующая картина: Мурманская область оказалась во

втором классе, Архангельская область – в третьем, Республика Коми – в том же, третьем, классе, а Ненецкий автономный округ – в пятом классе.

Как видим, благоприятная ситуация в динамике состояния общественного здоровья складывается там, где эксплуатируются богатые природные ресурсы и, как следствие, лучше развиты элементы производственной и социальной инфраструктуры. Исключением является Ненецкий автономный округ, на территории которого представлены отрасли традиционного для коренных малочисленных народов Севера природопользования; что касается добычи нефти, то она локализована, в основном в пределах платформы «Приразломная», поэтому и не оказывает существенного влияния на условия жизни ненцев.

Существенных различий в трендах состояния общественного здоровья в восточных и западных регионах Российского Севера не установлено.

Полученные результаты и выводы могут быть использованы при разработке региональных стратегий социально-экономического развития и схем территориального планирования.

Благодарности. Статья подготовлена по результатам исследований в рамках гранта РФФИ 18-05-0038а «Теория и методология интегральной оценки состояния здоровья населения в изменяющихся социально-географических условиях жизни» (руководитель проекта – А.И. Чистобаев).

Выражаю признательность исполнителям проекта: В.В. Дмитриеву, доктору географических наук, профессору; З.А. Семеновой, кандидату экономических наук, доценту; А.Н. Огурцову, инженеру-исследователю Н.А. Грудцыну, кандидату географических наук.

Литература

1. Сидоркина З.И., Цициашвили Г.Ш. Определение факторов стабильности в динамике численности населения городов дальнего востока // География и природные ресурсы. 2009. № 4. С. 129-134.
2. Косолапов А.Б., Лозовская С.А., Изергина Е.В и др. Методические подходы к оценке здоровья населения регионов Дальнего Востока России // Здоровье. Медицинская экология. Наука. 2019. Т. 79. № 3. С. 14-22.

3. Семенова З.А., Чистобаев А.И. Медицинская география и здоровье населения: эволюция знания: Монография. – СПб: СПб НЦ РАН, СПбГУ. – Из-во «Европейский Дом», 2015. 252 с.

4. Семенова З.А., Чистобаев А.И. Эволюция парадигмы, функции и структура современной медицинской географии // В сборнике: Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии Материалы международной научной конференции в рамках IX ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Отв. ред. Н.И. Быков. 2018. С. 99-105.

5. Чистобаев А.И., Семенова З.А. Медицинская география в системе наук // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 7. Геология. География. 2009. № 4. С. 72-80.

6. Чистобаев А.И., Семенова З.А. Индивидуальное и общественное здоровье как категория медицинской географии. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. 2013. № 3. С. 83.

7. Чистобаев А.И., Рафиков С.А., Худолей В.В., Флоринская Т.М. Концепция устойчивого развития и Местная повестка дня на XXI век: методическое пособие / Под ред. Д.А. Голубева, Н.Д. Сорокина. – СПб.: Издательство «Союз художников», 2003. 480 с.

8. Дмитриев В.В., Огурцов А.Н., Семенова З.А., Чистобаев А.И. Интегральная оценка состояния общественного здоровья на региональном уровне // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2015. № 12 (84). С. 16.

9. Chistobaev A.I., Semenova Z.A., Grudtcyn N.A. Dynamic and strategic directions of public health preservation in Russian Federation // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2019. Т. 6. № 3. С. 1380-1392.

10. Огурцов А.Н., Дмитриев В.В. Интегральная оценка и геоинформационный анализ социальных детерминант здоровья населения Крайнего Севера Европейской части Российской Федерации // ИнтерКарто. ИнтерГИС. 2019. Т. 25. № 1. С. 23-34.

Сведения об авторе:

Чистобаев Анатолий Иванович, доктор географических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заслуженный профессор Санкт-Петербургского государственного университета, профессор кафедры региональной политики и политической географии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург).

Шупер В.А.
Shuper Viacheslav

КОНТУРЫ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ АЗИАТСКОЙ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ СТОЛЕТИЯ

CONTOURS OF THE SETTLEMENT SYSTEMS OF ASIAN RUSSIA IN THE MIDDLE OF THE CENTURY

Наиболее перспективен подход к пространству как к источнику развития, а не вместительности вещей. Поляризация пространства не тождественна его сжатию. Будущая система расселения Азиатской России будет состоять из двух систем центральных мест: с $K=3$, охватывающей пространство между Уралом и Байкалом, и с $K=2$, занимающей территорию ДФО. Первую будет возглавлять двойное центральное место Новосибирск-Томск, вторую – Большой Владивосток.

The approach to the space as a source of development, is more promising rather than a container of things. The polarization of space is not identical to its compression. The future settlement system of Asian Russia will consist of two systems of Central places: with $K=3$, covering the space between the Urals and Baikal, and with $K=2$, occupying the territory of the Far Eastern Federal district. The first will be headed by the dual Central place – Novosibirsk-Tomsk, the second – by Greater Vladivostok.

Ключевые слова: поляризация пространства, центральные места, Большой Владивосток, Новосибирск, Томск.

Key words: Space polarization, Central places, Greater Vladivostok, Novosibirsk, Tomsk.

Глубочайшие исторические изменения, которые переживает сейчас наша страна, связаны как с гигантскими геополитическими сдвигами в современном мире, так и со стремлением занять в этом меняющемся мире достойное место. Западный вектор уже перестал быть доминирующим в политике, происходит и достаточно быстрый разворот экономики к азиатским рынкам. С учётом проявляющихся и усиливающихся тенденций, сложившаяся западоцентричная территориальная организация страны будет всё более тормозить её развитие.

Новое осмысление территориальной организации страны требует изменения и подхода к пространству. Даже в условиях сжатия

экономического пространства, о котором ещё в 80-е годы писал Ю.Л. Пивоваров, не следует продолжать некритически придерживаться представлений о пространстве как бремени, как о факторе, толкающем страну на путь экстенсивного развития. Этой точки зрения в начале 80-х годов придерживался В.М. Гохман (1918-1986), но в силу цензурных ограничений того времени последовательно излагал её лишь в устных выступлениях. В начале 90-х годов её пропагандировали А.И. Трейвиш и В.А. Шупер [1]. Значительно более перспективен подход к пространству как к источнику развития [2], которым мы обязаны Ю.Г. Липецу (1931-2006) и В.А. Пуляркину (1930-2003). Именно взгляд на пространство как на источник развития должен занимать центральное место в наших представлениях о будущей территориальной организации страны.

Разумеется, серьёзный взгляд на пространство предполагает, как анализ предоставляемых им возможностей для развития, так и создаваемых препятствий для транспортных сообщений. Преодоление «континентального проклятья» Сибири возможно лишь путём её вовлечения в международное разделение труда, прежде всего – путём развития транзитных перевозок по Транссибу и БАМу. Только привлечение мощнейших транзитных грузопотоков позволит резко снизить себестоимость перевозок [3]. Наш исторический опыт достоин внимания не менее зарубежного. Создание Урало-Кузнецкого комбината позволило впервые в мировой экономической истории перемещать по суше такие массы грузов, которые ранее перевозились только морем [4]. При этом себестоимость железнодорожных перевозок стала сопоставимой с морскими.

Следует особо подчеркнуть, что происходящая поляризация пространства как объективный процесс, обусловленный демографическими и экономическими тенденциями, не тождественна его сжатию. Сжатие означает фактическое сокращение ойкумены, забрасывание территорий, с которых уходят и жители, и экономическая деятельность. Поляризация – это увеличение контрастности между интенсивно и экстенсивно используемыми территориями. Именно такое её понимание заложено в концепции поляризованной биосферы (поляризованного ландшафта) Б.Б. Родомана, которой в этом году исполняется полвека. Развитие системы ООПТ с разными режимами природопользования, равно как и точечное освоение природных ресурсов, – нечто совершенно противоположное мерзости запустения.

Следует безусловно согласиться с С.А. Карагановым и его единомышленниками, отстаивающими взгляд на разделение Азиатской России на Сибирь и Дальний Восток как противоестественное и крайне

вредное [3]. Сложившись в определённых геостратегических условиях, оно препятствует сейчас развитию огромного пространства от Урала до Тихого океана, нарушая его единство и тормозя взаимодействие разных его частей, характеризующихся наличием многих общих проблем и большой взаимной дополнительностью. Важнейший вопрос, который предстоит решать географам, это вопрос о путях формирования системы расселения Азиатской России.

Описание системы расселения Азиатской России с помощью теории центральных мест (ЦМ) представляется весьма перспективным. Разумеется, для этого могут использоваться и другие подходы, но именно теория ЦМ в наибольшей степени соответствует представлениям о пространстве как об источнике развития, поскольку системы ЦМ подобны рисунку, вытканному на ткани, по В.А. Лефевру. Поэтому теория ЦМ несовместима с представлениями о пространстве как о пустом ящике, вместилище вещей.

Такая система расселения, скорее всего, будет состоять из двух систем ЦМ. Ранее нами была выдвинута гипотеза о возможности формирования в перспективе системы ЦМ Дальнего Востока с $K=2$, вырожденной в математическом смысле и охватывающей в силу этого обстоятельства территорию в миллионы кв. км, что невозможно для «нормальных» систем ЦМ [5]. Эту систему возглавит Большой Владивосток, который, как мы ожидаем, сформируется в ближайшие 15-20 лет. Лишь примерно половина населения Большого Владивостока будет приходиться на ядро агломерации. Однако её развитие потребует решения очень серьёзных транспортных проблем, связанных с рельефом и изрезанностью береговой линии. Не исключено, что потребуются создание новых видов транспорта, например, на воздушной подушке, для обеспечения пассажирских сообщений внутри агломерации.

Большому Владивостоку при этом предстоит стать тихоокеанским Петербургом, заняв третье или четвёртое место среди городских агломераций страны. На 2-м уровне иерархии будет Хабаровск, на 3-м – Якутск и Благовещенск. Разумеется, можно ожидать динамичного развития от агломерации, ставшей для страны воротами в Восточную и Юго-Восточную Азию, однако подъём Азиатской России требует мощного рывка в области образования и науки, импульс к которому будет исходить из западной её части. Ось, упирающаяся на востоке в Тихий океан, будет начинаться в Новосибирске.

Требуется углублённых исследований вопрос о возможности формирования системы ЦМ с $K=3$, также охватывающей миллионы кв. км. Ранее нами уже выдвигалось предположение о том, что

формирование рассеянных (распределённых) ЦМ позволило бы создать отсутствующий 2-й уровень иерархии ЦМ в ЦФО, и это позволило бы «уравновесить» Москву, избежав таким образом её гипертрофии [6]. Возглавить систему ЦМ, формирующуюся между Уралом и Байкалом, должно двойное ЦМ Новосибирск-Томск, объединяющее научный, образовательный и промышленный потенциал этих мощнейших центров (Новосибирск уже сейчас третий город России). Здесь также необходимо будет решить нетривиальные транспортные задачи, чтобы обеспечить нормальное функционирование этого двойного ЦМ. Транспортные сообщения должны позволять в течение дня приехать из одного центра в другой и, проведя там несколько часов, вернуться обратно.

В такой системе ЦМ на 1-м уровне иерархии будет двойное ЦМ Новосибирск-Томск с нынешним населением 2,2 млн. жит., причём даже такого населения будет маловато, на 2-м уровне – Омск и Красноярск, на 3-м – Тюмень, Барнаул, Иркутск, Кемерово, Новокузнецк и Сургут. Разумеется, подобные намётки носят сугубо предварительный характер. Они нужны для того, чтобы показать, что подъём Азиатской России будет сопряжён с дальнейшей поляризацией пространства, концентрацией ресурсов, а не распылением их по обширнейшим территориям

В формирующейся системе расселения Азиатской России Новосибирску, серьёзно усиленному тандемом с Томском, предстоит стать континентальным Петербургом, сочетающим сибирский размах со столичной изысканностью и утончённостью. От него пойдёт мощная инфраструктурная ось на юг, в Центральную Азию и Западный Китай (жизненная необходимость развития меридиональных путей сообщения для преодоления «континентального проклятья» Сибири действительно подчёркивается в [3]). В перспективе эта ось может быть продлена до Индии в случае соединения китайских и индийских железных дорог через Верхнюю Бирму.

Во время Второй мировой войны энергично строилась автомобильная Дорога Стивелла (1726 км от Лидо в Ассаме до Куньмина), но завершить эту грандиозную стройку до окончания войны не успели. После войны в этой дороге отпала надобность. Однако Новосибирск может стать «главным на индийском направлении», исключительно важным для настоящего и будущего страны, не дожидаясь осуществления столь масштабного железнодорожного строительства, а сделав упор на развитии связей в области образования и науки.

Чем менее благоприятна геополитическая обстановка, тем больше внешнеполитические задачи будут определять внутреннюю политику нашей страны, а не наоборот, как это имеет место в США и некоторых других странах Запада. Отношения с Индией к середине XXI в. будут столь же для нас важны, как и отношения с Китаем. Это должно найти достойное отражение в конфигурации расселения Азиатской России.

Литература

1. Трейвиш А.И., Шупер В.А. Теоретическая география, геополитика и будущее России //Свободная мысль, 1992, №12. С. 23–33.
2. Липец Ю.Г., Пуляркин В.А. Нелинейные процессы мирового развития //Изв. РАН. Сер. геогр. 2001. № 4. С. 31–37.
3. К Великому океану-5: от поворота на восток к Большой Евразии. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., сентябрь 2017. 47 с. URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/17048/>
4. Колосовский Н. Будущее Урало-Кузнецкого комбината. М. — Л.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1932. 136 с.
5. Шупер В.А. Территориальная организация населения и хозяйства России на пороге тектонических сдвигов /Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С. 529–538.
6. Шупер В.А., Эм П.П. Расширение Москвы: альтернатива с точки зрения теории центральных мест //Региональные исследования. 2012, №4. С. 97–107.

Сведения об авторе:

Шупер Вячеслав Александрович, доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН, vshuper@yandex.ru : тел. 8 915 198 99 89.

Часть 2. «Россия и её регионы в евразийском общественно-географическом пространстве»

УДК 911.3

Блануца В.И.
Blanutsa V.I.

РОССИЯ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ОБЩЕСТВЕННО- ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

RUSSIA IN THE EURASIAN SPACE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE DEVELOPMENT: A SOCIO-GEOGRAPHICAL ANALYSIS

Приведены результаты общественно-географического анализа «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» в контексте аналогичных стратегий других стран Евразии. Показано, что реализация национальной стратегии не сделает Россию лидером Евразии. Отмечены пять направлений совершенствования региональной политики развития цифровой экономики на платформе искусственного интеллекта.

The results of a socio-geographical analysis of the “National Strategy of Artificial Intelligence Development for the Period until 2030” in the context of similar strategies of other countries of Eurasia are presented. It is shown that the implementation of the national strategy will not make Russia the leader of Eurasia. Five directions of improving the regional policy for digital economy development on artificial intelligence platform are noted.

Ключевые слова: общественная география, искусственный интеллект, машинное обучение, пространственный анализ, Российская Федерация, Евразия.

Keywords: human geography, artificial intelligence, machine learning, spatial analysis, Russian Federation, Eurasia.

В наиболее общем виде под искусственным интеллектом понимается способность машины (программы) распознавать образы, анализировать их, обучаться и действовать как человек. В настоящее время в мире развернулась «гонка за искусственным интеллектом» [1] и «гонка вооружений с искусственным интеллектом» [2]. Согласно «Индексу искусственного интеллекта» от Стэнфордского университета

[3], по состоянию на август 2019 г. в различных странах мира имелось 52 стратегических документа по развитию искусственного интеллекта. Особенно активно проходила реализация национальных стратегий в США (стратегический план принят в октябре 2016 г. или 10.2016), Южной Корее (12.2016), Канаде (3.2017), Японии (3.2017), Сингапуре (5.2017), Китае (7.2017), Австралии (9.2017), Дании (10.2017), Объединенных Арабских Эмиратах (10.2017), Финляндии (12.2017), Великобритании (3.2018), Франции (3.2018), Швеции (5.2018), Индии (6.2018) и Германии (11.2018). Эти страны планируют занять лидирующие позиции в мире по развитию искусственного интеллекта. Даже в небольшой Финляндии стратегия называется «Finland's Age of Artificial Intelligence: Turning Finland into a Leading Country in the Application of Artificial Intelligence», а в ОАЭ ввели должность единственного в мире министра по развитию искусственного интеллекта.

В России «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее – Стратегия) принята в октябре 2019 г. [4]. В докладе предпринята первая попытка проанализировать Стратегию с позиции общественной географии, сделав акцент на оценке обоснованности претензий на занятие «лидирующих позиций в мире» (пункт 23) и выявлении основных направления воздействия искусственного интеллекта на развитие экономики российских регионов с учетом опыта остальных стран Евразии.

Анализируя и сравнивая понятия через термины, что применительно к общественно-географическим исследованиям методологически обосновано в теории географической экспертизы [5], можно подойти к пониманию латентных смыслов и целенаправленности стратегических документов. Наиболее часто в Стратегии встречаются термины «искусственный интеллект» (148 раз) и «данные» (50). Конечно, свободный доступ исследователей к «большим данным» весьма актуален для России [6], но это не может быть главной целью Стратегии, поскольку является лишь законодательно-организационной проблемой. Сегодня в мире стратегические цели развития в данной сфере связаны с формированием сильного (общего, универсального) искусственного интеллекта (Artificial General Intelligence) [1]. На это, например, нацелена стратегия Китая («План развития искусственного интеллекта следующего поколения») [7]. Отсюда получается, что пока в России будет решаться проблема «данных», другие страны Евразии создадут

слабый (Artificial Narrow Intelligence) и сформируют основу сильного искусственного интеллекта.

Выделив 11 основных направлений развития искусственного интеллекта и проанализировав количество научных публикаций 2019 г. по каждому из них в отечественной (www.elibrary.ru) и трех наиболее крупных международных базах данных (www.link.springer.com, www.sciencedirect.com, www.onlinelibrary.wiley.com), было установлено, что приоритетность направлений исследования в Стратегии очень слабо совпадает с приоритетностью отечественных разработок и не соответствует мировому опыту.

Анализ распределения научных статей 2019 г. по странам Евразии и направлениям искусственного интеллекта (по базе данных Scopus) показал, что Россия, например, по количеству статей по машинному обучению занимает 25 место в мире, уступая Китаю, Индии, Великобритании, Германии, Южной Кореи, Испании, Японии, Италии, Франции, Ирану, Нидерландам, Швейцарии, Тайваню (Республика Китай), Турции, Малайзии, Саудовской Аравии, Сингапuru, Пакистану и Швеции. По искусственным нейронным сетям Россия находится на 21 месте, по роевому интеллекту – на 36, по компьютерному зрению – на 19, по распознаванию речи – на 26 месте в мире. Если обратиться к существующей тенденции роста количества статей за последние 10 лет (2010–2019 гг.), то к 2024 г. Россия не сможет войти в первую десятку стран мира (одна из целей Стратегии).

Для больших стран со значительными социально-экономическими различиями между территориями весьма важно зафиксировать в основополагающих документах стратегию регионального развития, но в рассматриваемом документе это не сделано. Только в п. 3 и 4 упоминаются «региональные проекты», которые должны разрабатываться и реализовываться с учетом Стратегии. При этом никак не расшифрованы региональные и межрегиональные приоритеты, например, в концентрации, специализации, диверсификации, экспортной ориентации, инновационной трансляции и темпах роста экономической активности в сфере искусственного интеллекта.

Анализ евразийского опыта развития цифровой экономики на платформе искусственного интеллекта показал, что необходимо вносить изменения в Стратегию и иные официальные документы по, как минимум, пяти пунктам – пространственному развитию, региональному экономическому росту, мультиагентному взаимодействию, трансформации рынков труда и межрегиональной диффузии инноваций.

Пространственное экономическое развитие России на платформе искусственного интеллекта вступает в противоречие с ранее принятой «Стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р). Если пространственное развитие нацелено на выравнивание уровней социально-экономического развития регионов, то Стратегия должна обеспечить безопасность функционирования производственных, транспортных и сервисных систем искусственного интеллекта, что достигается при концентрации экономической деятельности в цифровых городских агломерациях [8].

Отсутствие в Стратегии целей регионального экономического роста, обусловленного искусственным интеллектом, может привести к срабатыванию «парадокса Солоу» (Solow Productivity Paradox) [9], когда инвестиции осуществляются ради дальнейших инвестиций. Такая региональная политика сформирует депрессивные территории по причине неэффективного развития искусственного интеллекта.

Формирование мультиагентного экономического ландшафта, в котором помимо индивидуумов и компаний будут присутствовать искусственные экономические агенты (в соответствии с концепцией «*machina economicus*» [10]), никак не зафиксировано в Стратегии. Это может привести к дисбалансу между центром (столичным регионом), где стихийно сосредоточатся искусственные агенты, и периферией (остальными регионами).

В результате внедрения искусственного интеллекта произойдет трансформация региональных рынков труда. В Стратегии отсутствуют установки федеральной и региональной политики в области занятости и трудовой миграции в связи с развитием искусственного интеллекта. Это может способствовать росту безработицы в периферийных регионах и неконтролируемому миграционному потоку в регионы-лидеры.

Учет особенностей пространственной диффузии нововведений [11] весьма важен для регулирования межрегиональных инновационных потоков. Игнорирование этой составляющей региональной политики может привести к поляризации и хаотизации экономического пространства России, когда инновационные волны будут направляться в одни регионы, обходить другие регионы и сталкиваться в-третьих регионах.

Литература

1. Naude W., Dimitri N. The Race for an Artificial General Intelligence: Implications for Public Policy (IZA Discussion Papers, No. 11737). Bonn: Institute of Labor Economics (IZA), 2018. 23 p.

2. Haner J., Garcia D. The artificial intelligence arms race: Trends and world leaders in autonomous weapons development // *Global Policy*. 2019. Vol. 10, № 3. P. 331–337.

3. Artificial Intelligence Index: 2019 Annual Report // Human-Centered AI Institute, Stanford University. December 2019. URL: https://hai.stanford.edu/sites/g/files/sbiybj10986/f/ai_index_2019_report.pdf (дата обращения: 20.20.2020).

4. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Президент России. URL: <http://prezident.org/articles/ukaz-prezidenta-rf-490-ot-10-oktjabrja-2019-goda-11-10-2019.html> (дата обращения: 20.20.2020).

5. Космачев К.П. Географическая экспертиза (методологические аспекты). Новосибирск: Наука, 1981. 109 с.

6. Блануца В.И. Социально-экономическое районирование в эпоху больших данных. М.: ИНФРА-М, 2018. 194 с.

7. Комиссина И.Н. Современное состояние и перспективы развития технологий искусственного интеллекта в Китае // *Проблемы национальной стратегии*. 2019. № 1. С. 137–160.

8. Blanutsa V.I. Territorial structure of the Russian digital economy: Preliminary delimitation of smart urban agglomerations and regions // *Regional Research of Russia*. 2019. Vol. 9, issue 4. P. 17–35.

9. Brynjolfsson E. The productivity paradox of information technology // *Communication of the ACM*. 1993. Vol. 36, issue 12. P. 66–77.

10. Parkes D.C., Wellmann M.P. Economic reasoning and artificial intelligence // *Science*. 2015. Vol. 349, issue 6245. P. 267–272.

11. Блануца В.И. Пространственная диффузия нововведений: сфера неопределенности и сетевая модель // *Региональные исследования*. 2015. № 3. С. 4–12.

Сведения об авторе:

Блануца Виктор Иванович, д.г.н., ведущий научный сотрудник, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, blanutsa@list.ru, тел. +79148773113

Дружинин А.Г.
Druzhinin A.

**«МОРЕОРИЕНТИРОВАННОСТЬ» СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ: ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ И
СТРУКТУРЫ**

**«MARINE ORIENTATION» OF MODERN RUSSIA:
SOCIO-ECONOMIC GEOGRAPHY FACTORS AND
STRUCTURES**

Изложено концептуальное видение феномена «мореориентированности» компонент территориальной организации общества, показаны специфические условия и проявления «мореориентированности» современной России (с акцентом на евразийские геоэкономические и геополитические трансформации), осуществлена инвентаризация приоритетных направлений исследования «морской тематики» в российской социально-экономической географии.

The article presents a conceptual vision of how the «marine orientation» of the territorial organization of society. The research shows the specific conditions and factors of ‘marine orientation’ of modern Russia (emphasizing the Eurasian geo-economic and geopolitical transformations). The study provides the inventory of priority areas within research sphere of ‘marine theme’ in the Russian socio-economic geography.

Ключевые слова: общественная география, морское хозяйство, приморские зоны, приморские города, Россия.

Key words: socio-economic geography, World Ocean, coastal areas, coastal cities, maritime economy, Russia.

Введение.

Мировой океан занимает почти 71 % всей поверхности нашей планеты и по мере развития общества (его хозяйственной и селитебной компонент, систем коммуникации) — значение «фактора моря» в пространственной социально-экономической динамике устойчиво возрастает, обретая ныне (в условиях глобализации, эскалации ресурсно-экологических проблем, а также роста геоэкономической конкуренции и геополитической турбулентности) характер универсальной тенденции, присущей в том числе и Российской Федерации, чьё обширнейшее пространство, его структуры и

компоненты — обретают всё более выраженную «мореориентированность».

Феномен «мореориентированности» России.

Мореориентированность представляет собой фундаментальное свойство, характеристику, способ существования и условие развития полимасштабных территориальных социально-экономических (общественных) систем: стран и их группировок, регионов, групповых систем расселения, территориальных производственных систем и экономических кластеров. Феномен «мореориентированности» вмещает такие аспекты как: *позиционный* (включающий как в целом «выход к морю» страны, её регионов, так и положение тех или иных пространственных структур относительно морского побережья, крупных приморских городов и агломераций, морских портов и портово-промышленных комплексов); *структурный* (удельный вес и роль в пространственной структуре общества «морских» и «приморских» хозяйственных, селитебных и инфраструктурных компонент); *ресурсно-хозяйственный* («морская составляющая» в ресурсном и экономическом потенциале региона, страны, а также зависимость конкретной региональной и национальной экономики и их субъектов от доступа к морским коммуникациям и ресурсам); *селитебно-экологический* (устойчивое стремление страт населения к краткосрочному либо постоянному пребыванию в пределах наиболее комфортных в природном, инфраструктурном и социально-экономическом отношении приморских зон); *геополитический и ментально-идеологический*, понимаемый как борьба (реальная и декларируемая) за овладение и удержание тех или иных морских рубежей, за «выход к морю».

Развитие России исторически теснейшим образом связано с «приращением» и освоением её морских побережий, с морехозяйственной активностью [8]. Современная Российская Федерация обладает 46 тыс. км морских границ [13]; площадь её континентального шельфа превышает 4 млн. км², а размеры исключительной экономической зоны составляют около 8,5 млн. км² [1]. Непосредственно на морских побережьях страны локализованы 74 приморских города, 14 городских агломераций (12,6 % всего городского населения России), а также 67 морских портов, объединяющих 882 перегрузочных комплекса [9]. За последние два десятилетия сформирована сеть подводных газопроводов с суммарной мощностью (включая пока незавершённый «Северный поток — 2») около 160 млрд. м³ в год. В шельфовой зоне разрабатываются месторождения природного газа (Сахалин, Камчатка, п-ов Ямал и др.),

осуществляется нефтеразведка и нефтедобыча (Каспий, Балтика, Баренцево море и др.). Восстанавливается отечественное судостроение (более 150 специализированных предприятий [5]). Продолжается «стягивание» населения в ведущие приморские урбанистические центры (Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, Калининград, Севастополь и др.), что также иллюстрирует многоаспектное, устойчивое (присущее всему постсоветскому периоду, но наиболее активно проявляющееся с начала — середины 2000-х годов) углубление «мореориентированности» России.

Общественно-географические факторы «мореориентированности» постсоветской России. Основная причина роста «мореориентированности» современной России — её полномасштабное включение в мирохозяйственные процессы и связанный с этим нарастающий экспорт энергоносителей, лесоматериалов, металлов, химических удобрений, зерна. Так, 75 % всего грузооборота морских портов России (прираставшего последнее десятилетие не менее чем 10 % в год) обеспечивается именно экспортом. Наблюдаемое с середины — конца 2000-х гг. геополитическое и геоэкономическое переформатирование Евразии не только порождает выраженный «сдвиг» транспортно-логистической активности в Причерноморье, АТР и Арктику [10], но и инициирует комплекс мер (военно-инфраструктурных, политико-правовых, хозяйственно-инвестиционных), нацеленных на обеспечение российских геостратегических интересов практически по всему контуру морских рубежей страны. Дополнительный импульс «мореориентированности» Российской Федерации придаёт необходимость (и возможность) сопряжения её «морских» приоритетов и проектов с китайской инициативой «Один пояс — один путь» [14]. Параллельно сохраняют свою силу и внутристрановые факторы «мореориентированности»: сложившаяся архитектура межрегиональных взаимодействий («северный завоз», транспортная логистика в рамках приморских зон Тихоокеанской России, особая роль «фактора моря» в преодолении негатива эксклавности Калининградской области, а также придании должной динамики экономике Крыма и др.), а также особая притягательность (в первую очередь селитебная) ряда приморских зон запада и юго-запада страны.

Полимасштабные пространственные структуры «мореориентированности» современной России. «Морской вектор» пространственного развития России в настоящее время реализуется в рамках целой совокупности полимасштабных общественно-географических структур. В мегаформате — это общепланетарная

система геоэкономического и геополитического позиционирования России (постепенно восстанавливающая свой резко «сжавшийся» после разрушения СССР контур [9]), а также столь же неявная, неустойчивая, незавершённая, неоднозначно делимитируемая [4, 7] структура «Большой Евразии». Этот уровень акваториально-территориальной организации (выводящий на авансцену научного анализа такие категории как «морское порубежье» и «морское хозяйство» России) в свою очередь подразделяется на крупные (идентифицируемые преимущественно по бассейновому принципу) субструктуры (акваториально-территориальные макрорегионы и их приморские зоны), сочетающие свойства порубежного форпоста страны и, одновременно — её приоритетного ресурсно-коммуникационного трансграничного пространства с интенсивной интернационализацией хозяйственных практик: Балтийский регион [12], Арктическая зона [3, 11] (включающая «каркасный» для неё Северный морской путь, обретший в последние годы новые импульсы и значимость [6]), Тихоокеанская Россия [2], Причерноморье, Каспийский регион. «Мореориентированность» идентифицируется и на макроуровне (в масштабе собственно России и её регионов), воплощаясь в таких укоренившихся в общественно-географическом дискурсе понятиях как «приморские регионы», а также «хинтерланды (зоны влияния) морских портов». Наиболее же явственное влияние «фактора моря» на пространственную организацию российского общества характерно для микроуровня, воплощаясь в феноменах «приморских муниципалитетов», «приморские поселений», «портово-промышленных комплексов», «приморских экономических кластеров», и др.

Заключение.

Представляя собой один из наиболее значимых трендов реструктурирования современного российского пространства, «мореориентированность» порождает для нашей страны и её регионов не только дополнительные возможности, но и вызовы, риски. На этом фоне «морская» составляющая общественно-географического анализа (динамично развивавшаяся в нашей стране в 1960-1980-е годы и далее пролонгируемая, в последнее время активно возрождаемая) — неизменно сохраняет потенциал и актуальность.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках гранта РНФ (проект № 1918-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

Литература

1. Алхименко А.П. Морехозяйственный комплекс России: тенденции развития и проблемы // Морехозяйственный комплекс России. СПб. 2005, С.5-23
2. Бакланов П.Я. Тихоокеанская Россия: географические и геополитические факторы развития // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2015; (5):8-19.
3. Бакланов П.Я., Мошков А.В. Пространственная дифференциация структуры экономики регионов арктической зоны России // Экономика региона. 2015. № 1 (41). С. 53-63.
4. Безруков Л.А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и природные ресурсы. 2018. № 4. С. 5-14
5. Бутов А.М. Рынок продукции судостроения. 2018. М.: Высшая школа экономики. 2019. 73 с.
6. Вардомский Л.Б. Северный морской путь как механизм обеспечения связанности Большой Евразии // Мир перемен, 2019. № 2. С.129-140.
7. Дружинин А. Г. Россия в многополосной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. 228 с.
8. Дружинин А.Г. «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Известия РАН. Серия географическая. – 2016. – № 6. – С. 7-16
9. Дружинин А.Г., Лачининский С.С. Россия в Мировом океане: геополитические и геоэкономические интересы, масштаб и форматы «присутствия» // Известия Русского географического общества. 2019. Вып. 6. С. 1-19.
10. Дружинин А.Г. Евразийские приоритеты России: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2020. 265 с.
11. Пилясов А.Н. Города-базы арктического фронта // Вопросы географии. Вып. 141. Проблемы регионального развития России. М.: издательский дом «Кодекс». 2016. С. 503-528
12. Приморские зоны России на Балтике: факторы, особенности, перспективы и стратегии трансграничной кластеризации : монография / под ред. А.Г. Дружинина. Сер. Научная мысль Балтийского федерального университета — М. : «ИНФРА-М», 2018. 216 с.
13. Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В.А. Колосова. М: ИП Матушкина И.И. 2018. 562 с.

14. 特鲁仁宁, 董雅文, 张磊, 等. 2019. 俄罗斯社会经济地理学近30余年的发展[J]. 地理科学进展 [Druzhinin Alexander, Dong Y W, Zhang L, et al. 2019. Development of socioeconomic geography in Russia during the past three decades. *Progress in Geography*, 38(6): 941-950

Сведения об авторе:

Александр Георгиевич Дружинин, доктор географических наук, профессор, директор Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета, Б. Садовая 105, Ростов-на-Дону; профессор-исследователь Балтийского федерального университета им. И. Канта, ул. А. Невского 14, Калининград; ведущий научный сотрудник Института географии РАН, Старомонетный пер. 29, Москва, Россия.

Alexander G. Druzhinin, Prof., Dr. Director of the North-Caucasus Research Institute of Economic and Social Problems, Southern Federal University, B. Sadovaya 105, Rostov on Don; Research professor of Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, St. Alexander Nevsky 14; Leading researcher at the Institute of geography of the Russian Academy of Sciences, 29 Staromonetny lane, Moscow, Russia. *E-mail:* alexdr9@mail.ru

УДК 911.3:32

Каледин Н.В.
Kaledin N.V.

**ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: СТРУКТУРА
И ДИНАМИКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

**EURASIAN SPACE: THE STRUCTURE AND DYNAMICS
OF GEOPOLITICAL SYSTEMS**

С позиций деятельностно-геопространственного подхода рассматриваются вопросы типологии геополитических систем применительно к Евразийскому геополитическому пространству как совокупности таких систем с различными цивилизационно-геополитическими векторами развития. Динамика геополитических систем и структур в Евразийском пространстве показана как смена доимперской, имперской, советской и постсоветской геополитических эпох со специфической для них геополитическими структурами.

The article considers the typology of geopolitical systems applied to the Eurasian geopolitical space, its structure as a combination of such systems

with various civilizational-geopolitical vectors. The dynamics of geopolitical systems in the Eurasian space is presented as a change of pre-imperial, imperial, Soviet and post-Soviet geopolitical eras with their specific geopolitical structures.

Ключевые слова: Евразийское геополитическое пространство, геополитические системы, геополитическая структура, геополитические эпохи.

Key words: Eurasian geopolitical space, geopolitical systems, geopolitical structure, geopolitical eras.

Евразийское пространство рассматривается в настоящей статье как геополитическое пространство – совокупность разнотипных геополитических систем (ГПС) Евразийского макрорегиона, исторически сложившегося в ходе взаимодействия государств сопредельных цивилизаций – западной, славяно-православной, исламской и восточных (конфуцианско-буддистской, синтоистской). На современном этапе (с 1990-х годов) это взаимодействие ярче всего представлено межгосударственными и внутригосударственными интеграционными и дезинтеграционными процессами. Как инструменты геополитической самоорганизации общества, исследуемой политической географией и геополитикой [1], они сформировали новую совокупность ГПС различных цивилизационно-геополитических векторов развития.

Современная картина этих ГПС, составляющих геополитическую структуру евразийского пространства, может быть представлена с помощью *типологии ГПС*, разрабатываемой с позиций *деятельностно-геопространственной теоретической концепции геополитической самоорганизации общества* [2].

В соответствии с ней политико-геопространственная или *геополитическая самоорганизация общества* это – динамичная система многообразных по содержанию и формам *геополитических отношений* между политическими субъектами и геопространством (в том числе в форме *геополитических систем*), обеспечивающих теми или иными средствами (военными, политическими, экономическими, гуманитарными) контроль субъектами-акторами определенной части геопространства в их геополитических интересах. В результате таких отношений происходит взаимная адаптация как субъектов, так и геопространства с его разнообразными свойствами.

С этих теоретико-методологических позиций типологизацию евразийских ГПС, логичнее осуществить, опираясь на два главных методических принципа: *по политическим свойствам субъектов-*

акторов, формирующих геополитические отношения (в частности, системы), и по свойствам геопространства, контролируемого этими субъектами [3, с. 86-89].

Субъектный подход позволяет классифицировать ГПС в функциональном отношении следующим образом:

а) государственные: составляют большинство;
б) межгосударственные (международные региональные организации: СГРБ (Союзное Государство России и Белоруссии), СНГ, ОДКБ, ГУАМ, ШОС и др.);

в) внутригосударственные (административно-территориальные единицы государств, федеральные и военные округа РФ и др.);

г) негосударственные (этно-, партийно-, конфессионально-, экономико-, эколого-, гуманитарно-, цивилизационно-геополитические);

д) полифункциональные или интегральные (СГРБ, СНГ, ШОС) и монофункциональные (ОДКБ, ЕАЭС, отраслевые экономические соглашения, гуманитарные проекты и др.);

е) по юридическому статусу и наличию управленческих структур:
- ГПС «*де-юре*», включая международно-признанные (большинство государственных ГПС, межгосударственные ГПС – СГРБ, СНГ, ОДКБ, ГУАМ, ШОС и др.) и непризнанные (самопровозглашённые государственные ГПС – ПМР, НКР, Абхазия, Южная Осетия, ДНР, ЛНР);

- исторически сложившиеся ГПС «*де-факто*» (цивилизационные регионы – славяно-православные, исламские, буддистские; Новороссия, Евразийский регион и др.).

Геопространственный подход обозначает три аспекта ГПС, раскрывающих их географическую специфику:

а) по *материальной основе геопространства*: территориально-, акваториально-, аэроториально-, космоториально-политические, интегральные геополитические (комплексные). К последнему типу относится только ГПС России. Наиболее распространены территориальные и территориально-акваториальные (Украина, Казахстан, Азербайджан, Туркмения) государственные ГПС.

б) по *масштабам контролируемого геопространства*: международно-региональные (СГРБ, СНГ, ЕАЭС, ШОС и др.), государственно-региональные (например, федеральные и военные округа РФ);

в) по *геопространственным формам*: компактные (СНГ, ЕАЭС), дисперсные (ГУАМ, ОДКБ), моноцентричные (все государственные), полицентричные (ШОС, АТД государств и др.).

Геополитические системы Евразийского геополитического пространства, как и Евразийский макрорегион в целом, прошли в своём развитии *четыре геополитические эпохи – доимперскую, имперскую, советскую и постсоветскую* [4]. Каждой из них соответствует специфический конкретно-исторический тип геополитических отношений, в том числе ГПС, геополитические тренды и структуры пространства, обусловленные как внутренними, так и внешними геополитическими факторами.

В *доимперскую* эпоху, с XIII в., но особенно активно с XVI в., утверждается тренд развития этно-государственных ГПС различного цивилизационного типа в ходе взаимодействия внутренних и внешних цивилизационно-геополитических государство- и регионообразующих факторов. Они сформировали *полицентричную структуру* евразийского геополитического пространства со славяно-православным русско-княжеским ядром (Новгородская республика, Киевское, Владимирское и другие русские княжества), западно-цивилизационным фасадом – на западе (Литва, Польша, Швеция и др.), восточно-христианским фасадом – на юго-западе (Византия и др.), исламским – на востоке (Золотая орда, Казанское, Сибирское ханства) и на юге (Астраханское, Крымское ханства, Османская империя и др.).

В *имперскую* эпоху (XVIII – начало XX веков) в результате формирования российской геополитической системы доминировал геополитический тренд расширения российско-евразийской региональной общности, первоначально в западном, а затем в южном и восточном направлениях за счёт колонизации новых территорий посредством установления с ними колониально-геополитических отношений военно-политического, идеологического (самодержавие, православие) и экономического характера. Сложилась *моноцентрическая имперская геополитическая структура* евразийского пространства, объединявшая ГПС метрополии и колоний.

В *советскую* эпоху (1918 – 1991 годы) геополитическим трендом становится дальнейшее расширение евразийской геополитической общности усилиями Советской России и СССР и её радикальная трансформация вследствие действия внутренних и внешних факторов формационно-геополитического (социалистического) характера. Геополитическая структура Евразийского пространства приобретает *интернационально-моноцентрический характер* на новой основе – идеологической (коммунистическая идеология, интернационализм), социально-экономической (централизованная плановая экономика, социальное равенство), государственно-геополитической (унитарно-федеративная модель управления, союзные и автономные советские

республики) и интернационально-геополитической (ГПС социалистических стран и интегрировавших их международных организаций – СЭВ, ОВД и др.).

Основной геополитический тренд развития евразийского геополитического пространства в *постсоветскую эпоху (с 1990 г.)* – формирование его *полицентричной структуры и геополитическая регионализация* вследствие дезинтеграционно-интеграционных процессов: дробление на государственные, межгосударственные и внутригосударственные ГПС различного типа, внутренняя геополитическая регионализация в связи с распадом СССР и мировой социалистической системы, интеграционные процессы между постсоциалистическими государствами. При этом новые государственные ГПС представлены разнонаправленными цивилизационно-геополитическими векторами развития: *Западным* (евроатлантическим) (прибалтийские государства, а также современные Грузия, Украина, Молдова) и *Евразийским* (россицентричным) (страны ОДКБ, ЕАС, СНГ, непризнанные государства) с разномасштабным влиянием на них *азиатских векторов* (тюркоцентричного, ираноцентричного, китаеццентричного).

Дезинтеграционно-интеграционные процессы в Евразийском геополитическом пространстве сформировали его *трёхуровневую геополитическую структуру*, представленную следующими уровнями:

1) *макрорегиональным*: ГПС международных региональных организаций как регионы «де-юре» разного типа – СНГ, ОДКБ, СГРБ, ЕАЭС, ГУАМ, СГБМ, ОЧЭС, ШОС;

2) *межгосударственным субрегиональным*: «ГПС-субрегионы» «де-юре», в частности СГРБ, «Европрибалтика» (прибалтийские страны-члены ЕС и НАТО), Молдавия-Приднестровье, Армения-Нагорный Карабах, «геополитические треугольники» Азербайджан-Грузия-Турция, Россия-Абхазия-Южная Осетия и др.;

3) *внутригосударственным*: «биполярные» и «многополярные» ГПС «де-факто» на основе исторических этно-культурных областей и внешнего цивилизационно-геополитического воздействия на них (Россия, Белоруссия, Украина, Молдавия, Азербайджан, Киргизия, Таджикистан) или создания новых внутренних территориально-политических систем «де-юре» (федеральные округа в России);

Литература

1. Каледин Н.В. Политическая география: истоки, проблемы, принципы научной концепции. СПб., Изд-во СПбГУ, 1996.
2. Каледин Н.В., Елацков А.Б. Геополитическая самоорганизация общества как теоретический объект политической географии и геополитики // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования: материалы международной науч. конф. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 53-56.
3. Каледин Н.В., Елацков А.Б. Политическая география, геополитика и геополитические факторы процессов регионализации // Проблемы регионального развития в начале XXI века: материалы международной науч. конф. Калининград, Издательство БФУ им. И.Канта, 2019. С. 83-90.
4. Каледин Н.В., Каледин В.Н. Пространственно-временная динамика интеграционно-дезинтеграционных процессов в Евразии // Россия и её регионы в полимасштабных интеграционно-дезинтеграционных процессах: материалы международной науч. конф. Пермь, Изд-во Пермского ун-та, 2017. С.39-44.

Сведения об авторе:

Каледин Николай Владимирович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета n.kaledin@spbu.ru +7 911 1824911

УДК 339.92

Кузнецов А.В.
Kuznetsov A.V.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИЙ ТНК РАЗНЫХ СТРАН В КРУПНЕЙШИХ ГОРОДАХ ЕАЭС

LOCALIZATION OF FDI OF MNES FROM VARIOUS COUNTRIES IN LARGEST CITIES OF THE EAEU

На основе национальной статистики и косвенных оценок выявлены крупнейшие города ЕАЭС – ведущие реципиенты прямых иностранных инвестиций. Бесспорное лидерство принадлежит Москве, но часть капиталовложений просто приписана к расположенным в ней

штаб-квартирам дочерних структур иностранных ТНК. Выделяются также Алматы, Санкт-Петербург и Минск. У ТНК разных стран есть свои предпочтения. Так, в Петербурге повышенную роль играют инвесторы Северной Европы.

The study was carried out at MGIMO-University under the Russian Science Foundation support (project no.19-18-00251). On the basis of national statistics and indirect estimates, the leading recipients of foreign direct investment were identified among the largest cities of the EAEU. The undisputed leadership belongs to Moscow, but part of the capital investment is simply attributed to the headquarters of subsidiaries of foreign TNCs located in the city. Almaty, Saint Petersburg and Minsk are also singled out. TNCs from different countries have their own preferences. For example, Northern European investors play an increased role in St. Petersburg.

Ключевые слова: прямые иностранные инвестиции, ТНК, Москва, Санкт-Петербург, Минск, Нур-Султан, Алматы

Key words: foreign direct investments, TNCs, Moscow, St. Petersburg, Minsk, Nur-Sultan, Almaty

По данным ЮНКТАД, накопленные прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в странах ЕАЭС составили на конец 2018 г. 586,8 млрд. долл. или 1,8% мирового объема таких капиталовложений [1, р. 216-219]. Данные, публикуемые ЕЭК, чуть выше – 690,9 млрд. долл., причем величина взаимных ПИИ стран ЕАЭС невелика – около 24 млрд. долл. [2, с. 24-25]. Распределение между государствами-членами, учитывая масштабы их экономики, относительно равномерное – например, на Россию приходится лишь 69-72% ПИИ (при вкладе в ВВП интеграционной группировки на уровне почти 87%), а даже в занимающей последнее место Киргизии накоплено 4-5 млрд. долл.

Однако нельзя сбрасывать со счетов и внутрирегиональные контрасты в распределении ПИИ. В данной статье основное внимание уделено значению крупнейших городов ЕАЭС как реципиентов ПИИ. Для рассмотрения выбраны все столицы государств-членов (у всех численность населения превышает 1 млн. чел.), а также Санкт-Петербург (второй по людности город ЕАЭС) и Алматы (крупнейший город Казахстана, второй по значению страны – реципиента ПИИ в ЕАЭС).

Поскольку все страны ЕАЭС собирают сведения о ПИИ по сопоставимой методике (в соответствии с рекомендациями ОЭСР и МВФ), в региональном анализе мы будем опираться на национальные сведения об иностранных капиталовложениях. В России статистику

ПИИ обобщает ЦБ РФ, причем в разрезе регионов он использует методы, завышающие показатели за счет учета капиталов, путешествующих по кругу через офшоры и другие перевалочные базы. Так, на конец 2018 г. в России им зарегистрировано 497,4 млрд. долл. ПИИ, из которых на Москву пришло 223,0 млрд. долл. (в том числе только с Кипра – 46,9 млрд.), а на Санкт-Петербург – 19,2 млрд. долл. (из них с Кипра – 7,4 млрд.) [3]. Таким образом, на два крупнейших города России приходится почти 49% всех накопленных в стране ПИИ. Однако, как было показано уже несколько лет назад, даже безотносительно к псевдо-иностранному статусу ПИИ из некоторых офшоров, немалая часть капиталовложений в Москве только зарегистрирована (например, инвестиции в нефтегазовый сектор), будучи приписана к головным штаб-квартирам иностранных ТНК [4]. Фактические ПИИ в Москве вряд ли превышают 100 млрд. долл., а в Санкт-Петербурге – 10 млрд. долл. Правда, необходимо учесть также немалый объем ПИИ в пригородах двух крупнейших российских городов, т.е. фактические капиталовложения в столичных городских агломерациях. Более того, важно подчеркнуть, что крупнейшие города и их пригороды очень часто становятся первыми центрами локализации дочерних предприятий ведущих ТНК, приходящих с инвестициями в ту или иную страну [5].

В Казахстане роль двух крупнейших городов как получателей иностранных капиталовложений не столь велика, так как в стране доминируют ПИИ в нефтегазовый сектор, и они четко привязаны в статистике Национального банка Республики Казахстан к соответствующим регионам, богатым углеводородным сырьем. В настоящее время доступна статистика о притоке ПИИ за 2014-2018 гг., который в целом по стране составил 105,8 млрд. долл. (тогда как общий объем накопленных ПИИ достиг 160,4 млрд.). При этом в Алматы поступило только 21,9 млрд. долл., а в Нур-Султан (бывшую Астану) – 3,0 млрд., т.е. доля двух крупнейших городов составила 23,5% [6]. Вероятно, общие накопленные ПИИ, зарегистрированные в Алматы, превышают 30 млрд. долл.

Похожая на российскую ситуация, по-видимому, складывается в Белоруссии, где лидирует столица (отчасти за счет регистрации ПИИ в штаб-квартирах иностранных дочерних структур). Регулярных публикаций о распределении ПИИ между регионами страны нет, но обрывочные сведения Белстата показывают, что в Минске регистрируется примерно 60-75% всех ПИИ в стране (например, [7]). При общем объеме ПИИ в Белоруссии на уровне более 20 млрд. долл. (хотя есть и более скромные оценки) Минск среди городов-

реципиентов ПИИ в ЕАЭС выходит на 4-е место после Москвы, Алматы и Санкт-Петербурга.

Занимающий 5-е место в ЕАЭС Нур-Султан в любом случае обгоняет Ереван и Бишкек, которые сосредотачивают далеко не все ПИИ, пришедшие в Армению и Киргизию соответственно. Вместе с тем надо учитывать, что в Сахалинской области России и Атырауской области Казахстана накопленные ПИИ исчисляются десятками миллиардов долларов, поэтому города этих регионов, к которым в статистике привязаны соответствующие вложения в добычу нефтегазового сырья, формально будут обгонять все города ЕАЭС, кроме Москвы и Алматы (однако в любом случае такая статистика центральными банками или статистическими ведомствами государств-членов ЕАЭС не публикуется).

Специфика отраслевой структуры и разное географическое положение определяют различия в предпочтениях ТНК отдельных стран в качестве прямых инвесторов в различных городах ЕАЭС. Прежде всего следует отметить «эффект соседства» (подробнее объяснение этого феномена см. [8]). Например, в Санкт-Петербурге из 19,2 млрд. долл. накопленных на конец 2018 г. ПИИ 1267 млн. долл. пришлось на шведские, а 921 млн. долл. – на финляндские капиталовложения. Это означает, что в Петербурге было сосредоточено 27,8% всех шведских и 20,2% всех финляндских ПИИ в России, тогда как в целом в «северной столице» было накоплено лишь 3,9% прямых иностранных капиталовложений в Российской Федерации.

Важную роль играет отраслевая специализация стран, где находится соответствующий город. Однако в целом у столичных городов повышена роль ПИИ в сфере услуг (в частности, розничную торговлю, телекоммуникационный и банковский бизнес). Например, по данным рейтинга «Эксперт-400», в России по итогам 2018 г. в десятку крупнейших по размеру выручки компаний, подконтрольных иностранному капиталу, входили две французские торговые сети – «Леруа Мерлен Восток» и «Ашан» [9]. При этом к весне 2019 г., по данным сайта компании, «Леруа Мерлен» открыл свыше 100 магазинов более чем в 60 городах России, однако почти ¼ из них находилась в Москве и ее ближайших пригородах. Из более чем 300 магазинов четырех разных форматов, открытых в России компанией «Ашан», свыше 40% находилось в Москве и Московской области. Для сравнения: в третьем по людности городе России – Новосибирске, уступающем столице по численности населения менее чем в 10 раз, было лишь по 3 магазина «Леруа Мерлен» и «Ашан».

В завершение необходимо отметить, что анализ географии ПИИ именно в разрезе городов является новым направлением исследований транснационального бизнеса [10]. Наиболее продуктивным, на наш взгляд, является как раз анализ материалов ведущих ТНК о локализации их предприятий, который может успешно дополнить весьма скудную официальную статистическую информацию о накопленных ПИИ.

Благодарность. Исследование проведено в МГИМО МИД России по гранту РФ №19-18-00251.

Литература

1. World Investment Report 2019: Special Economic Zones. Geneva: UNCTAD, 2019.
2. Прямые инвестиции в Евразийском экономическом союзе. 2018 год по оперативным данным. Статистический бюллетень. М.: Евразийская экономическая комиссия, 2019.
3. Остатки по субъектам Российской Федерации в разрезе инструментов и стран-партнеров // ЦБ РФ. 03.03.2020 (http://www.cbr.ru/vfs/statistics/credit_statistics/direct_investment/13-dir_inv.xlsx).
4. Кузнецова О.В. Накопленные иностранные инвестиции в российских регионах: территориальная структура и роль офшорного капитала // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. №6. С. 47-62.
5. Кузнецов А.В. Особенности анализа географии прямых зарубежных инвестиций транснациональных корпораций // Балтийский регион. 2016. №3. С. 30-44.
6. Валовый приток прямых инвестиций в Казахстан от иностранных прямых инвесторов в разрезе регионов Казахстана // НБ РК. 10.01.2020 (https://www.nationalbank.kz/cont/ИПИ%203q19%20стр_отр_рег%20рус.xlsx).
7. Обзор иностранных инвестиций в Республику Беларусь в I кв 2018 г. // Прайм-пресс. 21 мая 2019 (https://primepress.by/analitika/obzor_inostrannykh_investitsiy_v_respubliku_belarus_v_i_kv_2018_g-3103/).
8. Кузнецов А.В. Прямые иностранные инвестиции: «эффект соседства» // Мировая экономика и международные отношения. 2008. №9. С. 40-47.

9. Эксперт 400 // Эксперт. 2019. №43
(<https://expert.ru/dossier/rating/expert-400/>).

10. Кузнецов А.В. Европейские столицы как центры притяжения факторов производства из-за рубежа // Научные труды Вольного экономического общества России. 2019. №4. С. 308-313.

Сведения об авторе:

Кузнецов Алексей Владимирович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор МГИМО МИД России, врио директора ИНИОН РАН, kuznetsov_alexei@mail.ru, 8(916)603-93-33

УДК 911.9; 332.1

**Кузнецова О.В.
Kuznetsova O.V.**

**ОПТИМИЗАЦИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ГОРОДСКИХ ВЛАСТЕЙ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ**

**OPTIMIZING THE POWERS OF CITY AUTHORITIES
IN A GLOBALIZED ECONOMY**

Проводится сопоставление основных бюджетных показателей городов Германии и России, имеющих статус субъектов федерации и муниципальных образований. Показывается схожесть двух стран в концентрации расходов городов-муниципалитетов на социальной сфере и вопросах местного значения. Однако опыт Германии говорит о возможности повышения самостоятельности властей городских округов. Предлагается также дифференциация полномочий городских властей в зависимости от численности населения городов.

The main budget indicators of cities in Germany and Russia with the status of federal subjects and municipalities are compared. The author shows the similarity of two countries in the concentration of cities-municipalities expenditures on the social sphere and local issues. However, the German experience shows the possibility to increase the independence of cities-municipalities authorities. It is also suggested to differentiate the city authorities' powers depending on cities population.

Ключевые слова: Россия, Германия, города, субъекты федерации, муниципальные образования, местные бюджеты.

Keywords: Russia, Germany, cities, subjects of federation, municipalities, local budgets.

В последнее время в России городской проблематике стало уделяться повышенное внимание, что в немалой степени связано с обсуждением Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года, в которой крупные и крупнейшие городские агломерации названы перспективными центрами экономического роста. Вместе с тем как в самой Стратегии, так и в научной литературе недостаточно проработанным является вопрос об оптимальных полномочиях самих городских властей. Хотя города - это не только объекты государственного регулирования пространственного развития, но и субъекты экономических и политических отношений, даже глобальных [1].

В данной статье рассматривается частный, но, на наш взгляд, важный аспект названной широкой проблемы – соотношение полномочий и бюджетных возможностей городов, имеющих разный статус в системе территориального устройства страны. При этом ситуация в России анализируется не сама по себе, а в сравнении с Германией, опыт которой интересен в силу федеративного устройства страны, а также близости российской и германской моделей бюджетного федерализма [2]. Уже проводилось и сравнение ситуации в двух странах с местными бюджетами в целом [3].

Россия и Германия схожи в части места городов в системе территориального устройства (табл. 1). В обеих странах есть по три города, которые имеют статус субъектов федерации: в России это города федерального значения, в Германии – города-земли. В обоих случаях два города – это крупнейшие города своих стран (соответственно, Москва и Санкт-Петербург, Бремен и Гамбург), третий города (Севастополь и Бремен) имеют особый статус в силу исторических обстоятельств и свою специфику, и далее не рассматриваются. Все остальные города России и Германии имеют статус муниципальных образований (или муниципалитетов). В России – городских поселений, входящих в состав муниципальных районов, и городских округов. Органы власти городских округов имеют самые широкие полномочия среди всех типов муниципалитетов, поскольку в муниципальных районах те же самые полномочия разделены между районным и поселенческим уровнями местного самоуправления. В Германии аналогом российских городских округов можно считать города со статусом района (kreisfreie Staedte), на остальной территории выделяются общины/коммуны и районы.

Таблица 1

Города в системе территориального устройства России и Германии

Территориальные единицы	Россия (на 01.01.2019)			Германия (на 31.12.2018)		
	число единиц	население, тыс. чел.	доля в населении, %	число единиц	население, тыс. чел.	доля в населении, %
Субъекты федерации	85	146780,7	100,0	16	83019,2	100,0
Города федерального значения / города-земли, в т.ч.	3	18442,4	12,6	3	6169,0	7,4
– столица		12615,3	8,6		6169,0	4,4
– 2-й город		5383,9	3,7		3644,8	2,2
Городские округа / города со статусом района	613	76847,7	52,4	103	20683,5	24,9
в т.ч. с населением						
– 1 млн чел. и более	14	16664,2	11,4	2	2557,2	3,1
– 0,5-1 млн чел.	25	15090,4	10,3	8	4838,2	5,8
– 250-500 тыс. чел.	41	13858,2	9,4	12	3911,0	4,7
– 100-250 тыс. чел.	100	15071,4	10,3	42	7025,2	8,5
– 50-100 тыс. чел.	119	8369,7	5,7	24	1715,1	2,1
– до 50 тыс. чел.	314	7793,8	5,3	15	636,9	0,8

Источник: составлено автором по данным статистических ведомств России (<http://rosstat.gov.ru>) и Германии (<http://destatis.de>).

На муниципальном уровне Россию отличает от Германии повышенная дробность территориального деления (как и на уровне субъектов федерации). Точнее, по числу низовых муниципалитетов – поселений и общин – Россия и Германия, с поправкой на различия в численности населения, сопоставимы (около 18,9 тыс. поселений и 11,0 тыс. общин), а вот городских округов в России почти в 6 раз больше, нежели их германских аналогов. Причем более половины городских округов в России формируют малые города, тогда как в Германии доминируют большие. Это заведомо создает сложности для оптимизации полномочий властей российских городских округов, поскольку одними и теми же полномочиями оказываются наделены власти и крупнейших городов, и малых.

Структура расходов рассматриваемого типа городов в России и Германии (табл. 2) отличается, однако есть одна важная общая черта: доминирование расходов, связанных с социальной сферой и/или вопросами местного значения (обращение с отходами, благоустройство территории, содержание кладбищ, муниципальные дороги). Разница лишь в том, что в России основные расходы городских округов связаны с образованием детей (дошкольным, школьным, дополнительным), а в Германии – с социальной и молодежной политикой, прежде всего, с выплатой социальных пособий. Сказанное означает, что усилия властей городов-муниципалитетов заведомо сконцентрированы на социальных вопросах, а не на экономическом развитии.

Таблица 2

Сопоставление структуры расходов городских округов России и городов со статусом района Германии (доли в структуре расходов, %)

Статьи расходов	Россия, 2019 г.	Германия, 2017 г.
Управление, правоохранительная деятельность	8,0	17,9
Образование	49,6	7,0
Культура	4,1	4,7
Здравоохранение	0,3	1,1
Физическая культура и спорт	3,0	1,4
Социальная и молодежная политика	7,2	38,9
Национальная экономика, ЖКХ, охрана окружающей среды, в т.ч.	26,9	15,6
– дороги	10,2	3,9
– жилищно-коммунальное хозяйство (включая благоустройство)	12,0	5,6
Прочие расходы (в Германии – финансовые платежи, в т.ч. налоги)	1,0	13,4

Источник: составлено автором по данным статистического ведомства Германии (<http://destatis.de>) и Федерального казначейства России (<http://roskazna.ru>).

Однако в еще большей степени возможности властей российских городских округов выступать в роли активных субъектов экономических отношений сдерживаются ситуацией с их бюджетными доходами (табл. 3). В Германии, безусловно, есть различия в бюджетной обеспеченности между городами-землями и городами со статусом района, однако они далеко не столь масштабны, как в России. Бюджетные доходы на душу населения в Гамбурге (одном из четырех земель-«доноров» в германской системе межбюджетных отношений) лишь в 2,7 раза выше душевых доходов городов со статусом района.

Зависимость последних от межбюджетных трансфертов даже ниже, чем в Берлине (входящем в земли-«реципиенты»).

Таблица 3

Основные показатели бюджетных доходов городов-субъектов федерации и муниципальных образований в Германии и России

Показатели	Германия, данные 2017 г.			Россия, данные 2019 г.		
	Берлин	Гамбург	Города со статусом района	Москва	Санкт-Петербург	Городские округа
Объем доходов, млн евро / млрд руб.	29 810	19 034	80 409	2 641,5	649,0	2 561,5
То же на душу населения, евро / тыс. руб.	8 179	10 338	3 888	209,4	120,5	33,3
Структура доходов – доли в доходах, %						
Налоговые доходы	51,7	61,1	46,7	86,7	90,1	32,3
Трансферты	37,7	13,2	35,4	1,5	4,4	61,3
Прочие доходы	10,5	25,7	17,9	11,8	5,5	6,4

Источник: составлено автором по данным статистического ведомства Германии (<http://destatis.de>) и Федерального казначейства России (<http://roskazna.ru>).

В России совокупный объем бюджетных доходов городских округов оказался меньше объема доходов одной только Москвы, разрыв в душевых доходах оказался более чем 6-кратным (и даже с Санкт-Петербургом в 3,6 раза). Не менее разительны различия между городами разного статуса в структуре доходов, которые отражают степень их бюджетной самостоятельности. В среднем по городским округам более 60% находящихся в их распоряжении средств – это деньги, поступившие в виде межбюджетных трансфертов. Между самими городскими округами дифференциация, конечно, тоже есть, однако прежние исследования по отдельным городам [4; 5] показывают, что даже в наиболее благополучных городских округах – крупнейших городах, региональных столицах – зависимость от вышестоящих властей является высокой.

Нельзя сказать, что базовые подходы к закреплению за местными бюджетами налогов в России отличаются от германских (подробно рассмотренных в [6]), однако, как это нередко бывает с заимствованием зарубежного опыта, специфичное воплощение этих подходов в России приводит к совершенно иным результатам по сравнению с «оригиналом» [2]. Увеличение бюджетной самостоятельности городских округов возможно, однако требует проработки. В частности, есть смысл в наделении разными полномочиями и разными доходными

источниками городских округов разной людности. Ранее, например, высказывалась идея приравнивания городов-миллионников к городам федерального значения [7], правда, при этом учитывались только позитивные эффекты для доходной части бюджета, но не дополнительные расходы, связанные с финансированием полномочий региональных властей. Вместе с тем очевидно, что без увеличения самостоятельности, включая бюджетную, властей хотя бы крупнейших городских округов, активная их роль как субъектов экономических отношений вряд ли будет возможной.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского фонда фундаментальных исследований № 18-014-00044 А «Роль глобальных городов в трансформации государственного регулирования территориального развития (опыт стран ОЭСР)».

Литература

1. Даадлер И. Глобальные города как субъекты международной политики // Ведомости. 2 июня 2015 г. (<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/06/03/594889-globalnie-goroda-kak-subekti-mezhdunarodnoi-politiki>; дата обращения 20.02.2019).
2. Кузнецова О.В. Межбюджетные отношения: параллели между Россией и Германией // Казанский федералист. 2006. № 3. С. 56-67.
3. Кривоносова Н.Я. Организация местного самоуправления и состояние местных бюджетов Германии и России: сравнительный анализ // Известия Байкальского государственного университета. 2018. Том. 28. № 2. С. 208-222.
4. Богатство и самостоятельность: что делает бюджет города устойчивым. Бюджеты региональных столиц 2013-2015 гг. – М.: ООО «КБ Стрелка», 2017. – 89 с. (http://cmokhv.ru/media/cms_page_media/2018/1/15/Budget_book_1page.pdf; дата обращения 20.02.2019).
5. Кузнецова О.В. Бюджетные возможности городов-миллионников в России как фактор их социально-экономического развития // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2018. № 4. С. 75-82.
6. Циммерман Х. Муниципальные финансы: Учебник / Пер. с нем. – М.: Издательство «Дело и Сервис», 2003. – 352 с.
7. Гусев А. Города-миллионники в статусе городов федерального значения: бюджетные эффекты // Капитал страны. 18 января 2017 г.

(http://kapital-rus.ru/articles/article/gorodamillionniki_v_statuse_gorodov_federalnogo_znacheniya_budjetnye_effekt/; дата обращения 20.02.2019).

Сведения об авторе:

Кузнецова Ольга Владимировна – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник; Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, кафедра экономической и социальной географии России МГУ имени М.В. Ломоносова; тел. +7 (916) 225-64-57; kouznetsova_olga@mail.ru

**Часть 3. «Направления развития общественной географии:
взгляд соискателей степени доктора географических наук»**

УДК 911.53(23)

**Дирин Д.А.
Dirin D. A.**

**КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ГОРНЫХ
ТЕРРИТОРИЙ: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ,
ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ**

**CULTURAL LANDSCAPES OF TRANSBORDER
MOUNTAIN TERRITORIES: SPECIFICS OF FORMATION,
FUNCTIONING AND DEVELOPMENT**

В статье анализируются ключевые факторы формирования, функционирования и динамики культурных ландшафтов, характерные для горных трансграничных территорий. В качестве таковых выделяются: высокое разнообразие и мозаичность природных ландшафтов; локальная изолированность горных культурных ландшафтов; низкая плотность населения и дисперсная система расселения; барьерно-контактные функции; геоэкономическое и геополитическое положение горных трансграниччй.

The article analyzes the key factors of formation, functioning, and dynamics of cultural landscapes that are typical for transborder mountainous territories. These include: high diversity and mosaic of natural landscapes; local isolation of mountain cultural landscapes; low population density and dispersed settlement system; barrier-contact functions; geo-economic and geopolitical position of transborder mountain areas.

Ключевые слова: трансграничные горные территории, культурные ландшафты

Key words: transborder mountainous territories, cultural landscapes

Горные регионы планеты представляют собой специфические геосистемы, в которых по-особому протекают природные, социально-экономические и политические процессы. Горные хребты и вершины, являясь естественными географическими рубежами, часто становятся государственными границами; речные долины и горные перевалы, в свою очередь предопределяют маршруты торговых путей и

межкультурных коммуникаций. Когда целостные в природно-экологическом (а часто и в историко-культурном) отношении горные страны делятся между несколькими государствами, встает вопрос о трансграничном сотрудничестве и совместных межгосударственных действиях в области социально-экономического развития, поддержания экологического баланса, геополитической стабильности, сохранения природного и культурного наследия. При этом особенно остро стоят вопросы справедливого совместного использования ресурсов, имеющих трансграничное значение.

Классическое определение понятию «трансграничная территория» дал В.А. Колосов (1988), описав её как «охватывающую части территорий двух или нескольких соседних стран социально-экономическую систему, характеризующуюся единством природной первоосновы и/или расселения, трудовых и культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций» [1].

Опираясь на это определение, можно выдвинуть тезис о том, что трансграничные горные территории выступают как особого рода геокультурные таксоны, характеризующиеся специфичной структурой геокультурного пространства, ключевыми элементами которой являются культурные ландшафты; конфигурацией границ; доминантными факторами функционирования и развития. Целью данной статьи является анализ факторов и особенностей культурного ландшафтогенеза в горных трансграничных территориях с выявлением их общих фундаментальных закономерностей (хотя и с признанием региональной инвариантности).

Под термином «культурный ландшафт» (КЛ) нами понимается социально-экологическая система, сформировавшаяся в результате эволюционного взаимодействия природы и местного сообщества людей, утилитарно, семантически и символически осваивающих, и преобразующих географическое пространство согласно своим духовным и материальным потребностям. Важным признаком и особенностью функционирования культурного ландшафта является взаимопроникновение культуры в пространство (материальные объекты, включенные в ландшафт; признаки обустройства; топонимическое освоение и пр.) и пространства в культуру (отражение специфики пространства в фольклоре, традициях, видах деятельности, мировоззрении, бытовой утвари, одежде, жилище и т.д.).

Не смотря на уникальность каждой горной страны, можно выделить общие факторы культурного ландшафтогенеза в трансграничных горных территориях.

1. Высокое разнообразие и мозаичность природной основы горных культурных ландшафтов. Горные системы часто становятся важными климато- и водоразделами, находясь на стыке нескольких физико-географических стран и климатических секторов. Это детерминирует разнообразие природных условий в пределах одной горной страны, и, следовательно, необходимость разнообразных способов хозяйственной адаптации. Многообразие культурно-хозяйственных типов определяет разнообразие культурных ландшафтов в горах.

Также высотная поясность в горах, как правило, определяет комплексное хозяйство горцев и высотную дифференциацию культурных ландшафтов. Например, в зависимости от высоты и местоположения (действуют также факторы экспозиционности, барьерности и др.) культурный ландшафт может зонироваться на селитебные территории, хозяйственные угодья, используемые под зимние и летние пастбища, сенокосы, поля и сады со специализацией на разных культурах, промысловые угодья и пр.

Таким образом, в отличие от равнинных территорий, в горах культурные ландшафты включают в себя несколько природных ландшафтов и характеризуются многоотраслевым природопользованием. Это определяет многовекторность возможного развития культурных ландшафтов при изменении природных или социально-экономических условий среды. В определенной степени, природное разнообразие способствует устойчивости сложившихся культурных ландшафтов [2].

2. Естественная локальная изолированность горных культурных ландшафтов. Геокультурное пространство горных территорий дифференцировано системой хребтов на отдельные ареалы в пределах речных долин и межгорных котловин. Границами горных культурных ландшафтов чаще всего являются границы малых речных бассейнов. Этот фактор имеет несколько следствий: а) горы часто являются прибежищем сообществ-изолятов, создающих совершенно уникальные культурные ландшафты; б) культурная диффузия в горах замедленна, но ее результаты более стабильны (для горных территорий характерна самобытность и сохранность местных локальных культур и традиционных культурных ландшафтов); в) изолированность и труднодоступность горных территорий определяет также социально-экономическое отставание от равнинных территорий и связанные с ним проблемы гуманитарного характера (бедность, пьянство, ограниченный доступ к качественному образованию, медицине и пр.).

3. Относительно низкая плотность населения и дисперсная система расселения. Горные территории почти всегда

характеризуются более низкой, в сравнении с окружающими равнинами, плотностью населения (исключение представляют горы экваториальной зоны), что обычно связано с относительно низкой естественной продуктивностью горных ландшафтов (этот тезис также относится преимущественно к горам умеренных широт), их уязвимостью к антропогенному воздействию, а также труднодоступностью. При этом население очень дифференцировано по территории. Сложный рельеф для транспортного и коммунального строительства определяет заселение только небольшой части территории горных стран. Также, зачастую имеют значение и иные лимитирующие рост населения факторы. Например, высокий снежный покров, ограничивающий возможности животноводства и, соответственно, рост численности населения при преобладающем животноводческом типе хозяйства [2].

Следствием действия данного фактора культурного ландшафтогенеза является пространственная организация геокультурного пространства (и индивидуальных культурных ландшафтов) горных территорий по центрo-периферической модели с выделением территориально-статусных зон: центр, провинция, периферия, граница. Соотношение площади этих зон существенно различается в разных горных странах.

4. *Барьерно-контактная роль трансграничных горных территорий.* Горные сооружения всегда представляют собой естественные препятствия для культурного взаимодействия разделенных ими территорий, но сами они при этом часто становятся зонами взаимопроникновения разных культур. Большинство горных систем мира исторически являются аренами межэтнических контактов и, одновременно, естественной границей этнических ареалов. На Алтае, Кавказе, в Альпах, Памире, Тянь-Шане, Гиндукуше, Гималаях и других горных странах происходило этническое смешение и взаимопроникновение культур. Межэтническое взаимодействие видоизменяет сложившиеся культурные ландшафты за счет усвоения ими артефактов и ментифактов из другой этнокультурной среды.

5. *Геоэкономическое и геополитическое положение трансграничных горных территорий.* Стратегическое положение трансграничных горных территорий (например, на важных торговых маршрутах) и запасы редких природных ресурсов, часто делает их объектом военной, экономической или культурной экспансии. Вовлечение территории в сферу чьего-либо геополитического влияния, как правило, приводит к значительным изменениям существующих культурных ландшафтов и даже к появлению новых. Этот процесс

сопровождается притоком инокультурного населения на данную территорию, обменом знаниями между аборигенным и пришлым населением, появлением новых типов природопользования, а часто и целенаправленным видоизменением традиционных культурных ландшафтов, сменой символики пространства.

Повышенная конфликтность трансграничных горных территорий не могла не отразиться на их культурных ландшафтах. Войственность горцев проявляется в их духовной и материальной культуре. Например, характерным элементом кавказского культурного ландшафта являются жилые, сигнально-сторожевые и боевые башни.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Делимитация геокультурного пространства и культурно-географическое районирование Алтае-Саянской горной страны» № 17-33-01159

Литература

1. Колосов В.А. Политическая география. Проблемы и методы. М., 1988. 190 с.

2. Дирин Д.А. Этнокультурные ландшафты Алтая: особенности формирования, пространственной организации и развития // Вопросы географии. 2014. № 138. – С. 327-345.

Сведения об авторе:

Дирин Денис Александрович, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой физической географии и экологии. Телефон: раб. (3452) 597-400; моб. +79132175724; e-mail: d.a.dirin@utmn.ru

УДК 911.3

Федорко В.Н.
Fedorko V.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УЗБЕКИСТАНЕ

HISTORY OF FORMATION AND MODERN DEVELOPMENT OF SOCIAL-GEOGRAPHICAL RESEARCHES IN UZBEKISTAN

В статье выполнен краткий обзор становления и эволюции магистральных направлений экономико-географических исследований

в Узбекистане. Рассмотрены численность и пространственное распределение профессионального сообщества географов-обществоведов Узбекистана. Большое место отведено многоаспектному анализу докторских и кандидатских диссертаций по специальности «11.00.02 – Экономическая и социальная география», защищённых географами Узбекистана в постсоветские годы (1992-2020 гг.).

The article provides a brief overview of the formation and evolution of the main directions of economic and geographical research in Uzbekistan. The number and spatial distribution of the professional community of social geographers of Uzbekistan are considered. A large place is given to the multidimensional analysis of doctoral and master's theses in the specialty "11.00.02 - Economic and social geography", protected by geographers of Uzbekistan in the post-Soviet years (1992-2020).

Ключевые слова: общественная география, экономическая и социальная география, комплексные региональные исследования, география сельского хозяйства, география населения и городов, диссертации, научное направление

Key words: social geography, economic and social geography, comprehensive regional studies, geography of agriculture, geography of the population and cities, dissertations, scientific direction

Общественно-географическая ветвь географической науки (экономическая и социальная география) Узбекистана обладает определёнными историко-научными корнями и траекторией поступательного развития. Она в Узбекистане изначально развивается, преимущественно, как вузовская наука, поскольку основной кадровый потенциал географов-обществоведов республики на всех временных этапах концентрировали высшие учебные заведения. При этом приоритет ведущего научного центра общественно-географических изысканий всегда оставался за Национальным университетом Узбекистана (в 1920-1960 гг. именовался Среднеазиатским государственным университетом, а в 1961-2000 гг. – Ташкентским государственным университетом).

В Среднеазиатском государственном университете (САГУ) ещё в начале 1920-х годов развернулись масштабные исследования проблем экономической географии Узбекистана и всей Средней Азии, связанных с теорией и практикой экономического районирования, научным обоснованием перспектив развития и размещения производительных сил, в первую очередь, сельского хозяйства региона. Экономико-географические работы того периода связаны с именами

Г.Н. Черданцева, В.М. Четыркина, Н.Н. Кожанова, Н.К. Ярошевича и Ю.И. Пославского, внёсших весомый вклад в становление экономико-географических исследований в республике [1]. Особо значимую роль в институциональном обособлении экономической географии в САГУ сыграл профессор В.М. Четыркин – классик советской экономической географии, который в 1940 г., будучи деканом геолого-почвенно-географического факультета университета, стал инициатором разделения прежде единой кафедры географии на кафедры физической и экономической географии. Позже, в 1944-1948 гг., до своего отъезда в Ленинград, Владимир Михайлович заведовал данной кафедрой САГУ.

До начала 1960-х годов основным направлением научно-исследовательской деятельности в области экономической географии в Узбекистане были комплексные региональные исследования производства и населения, которые выполнялись на основе масштабных экспедиционно-полевых работ с участием представителей наук естественного цикла, а также экономистов и инженеров разного профиля. Объектами подобных изысканий в 1940-1960-х годы выступали такие территории республики, как Каракалпакский Устюрт, Ангрэн-Алмалыкский горнопромышленный район, Ферганская долина, Кашкадарьинская и Сурхандарьинская области, Зарафшанская долина в тогдашних границах Самаркандской и Бухарской областей [2]. По итогам каждой экспедиции публиковались крупные коллективные монографии экономико-географического содержания, защищались диссертации по географическим и экономическим наукам [3-6]. Важным достижением узбекистанских экономико-географов стала концепция районных узловых комплексных народнохозяйственных проблем, главным автором которой был доктор экономических наук (в последующем член-корреспондент республиканской Академии наук, директор СОПС АН УзССР) К.Н. Бедринцев [7].

В начале 1960-х годов после защиты З.М. Акрамовым докторской диссертации на тему «География сельского хозяйства Самаркандской и Бухарской областей» приоритетным научным направлением в экономической географии Узбекистана стала география сельского хозяйства. В 1960-х — первой половине 1970-х годов наибольшее число кандидатских диссертаций экономико-географической тематики в республике было выполнено именно по агрогеографическому направлению. Видными географами-аграрниками в Узбекистане были, помимо З.М. Акрамова, Р.С. Лобач, Р.А. Ходиев, С.С. Саидкаримов, Т.Э. Эгамбердиев, Е.К. Умаров, К. Курбанов, О.Н. Абдуллаев и другие.

В экономической географии Узбекистана параллельно формировалось и другое крупное исследовательское направление – география населения и городов. Становление этой линии экономико-географических изысканий связано с работами Н.В. Смирнова, М.К. Караханова, Т.И. Раимова, О.Б. Ата-Мирзаева, А.С. Салиева, А.А. Каюмова, усилиями которых к началу 1980-х годов расселенческая и геоурбанистическая тематика стала ведущей в экономической географии Узбекистана. Это способствовало трансформации экономической географии в экономическую и социальную географию. Расцвет географии населения и городов в Узбекистане в 1980-е годы совпал по времени со свёртыванием масштабных экспедиционных исследований агрогеографического содержания в республике. Последняя тенденция во многом была связана с остановкой проектов по освоению новых земель в Узбекистане, задачи научного обоснования которых на предыдущих этапах непосредственно ставились перед экономико-географами республики.

Таким образом, в экономической и социальной географии в Узбекистане периода 1960-80-ых годов наблюдалось доминирование двух научных направлений: географии сельского хозяйства и географии населения и городов. Лидером первого направления на протяжении нескольких десятилетий был профессор З.М. Акрамов, лидером второго к концу 1980-х годов фактически стал профессор А.С. Салиев.

В постсоветский период на развитие социально-экономической географии в Узбекистане существенное воздействие оказали «фактор колен» и личности лидеров общественно-географических школ республики. При этом расселенческие и геоурбанистические исследования развивались более активно в сравнении с агрогеографическим направлением, чему, безусловно, способствовала активная научно-педагогическая деятельность профессора А.С. Салиева, который 26 лет, с 1984 г. по 2010 г. заведовал кафедрой экономической географии Национального университета Узбекистана (кафедра за этот период неоднократно меняла своё название, как, впрочем, и университет).

Труды А.С. Салиева и его учеников дали важный импульс становлению социальной составляющей в узбекистанской общественной географии, в том числе таких ранее нетрадиционных для республики научных направлений, как медицинская география, география науки, география преступности [8]. Большое значение приобрели и отраслевые экономико-географические исследования, в частности, в сфере изучения территориальной организации

промышленности, транспорта, туризма. Характерной чертой научной школы профессора А.С.Салиева также является синтез социально-экономической географии с географией природных ресурсов и природопользования, геоэкологией (об этом свидетельствуют, в частности, диссертационные работы Х. Турсунова [9], Ю. Ахмадалиева [10], Н. Комиловой [11], И. Турдымамбетова [12], В.Федорко [13]).

Социально-экономическая география в Узбекистане по настоящее время продолжает развиваться преимущественно в русле советских научных географических традиций и парадигм, опираясь на такие теоретико-методологические концепции, как территориальное разделение труда, экономическое и природно-хозяйственное районирование, территориально-производственные комплексы и энергопроизводственные циклы, опорный каркас расселения, экономико-географическое положение и функция места.

Профессиональное сообщество географов-обществоведов в Узбекистане ныне насчитывает 7 докторов наук, 5 из которых в настоящее время занимаются научно-педагогической деятельностью, и 64 кандидатов наук и докторов философии (PhD), 50 из которых преподают в высших учебных заведениях страны, 2 являются сотрудниками научно-исследовательских учреждений, 4 работают в производственных и административных учреждениях разного профиля, 1 работает в системе общего среднего образования, 2 преподают в вузах Республики Казахстан, а 5 не занимаются официальной трудовой деятельностью в настоящее время. Больше всего докторов географических наук по экономической и социальной географии – 3 – в Национальном университете Узбекистана (два на кафедре экономической и социальной географии географического факультета и один на кафедре региональной экономики экономического факультета). По одному доктору наук соответствующего профиля трудятся в Ферганском и Каракалпакском государственных университетах. Кандидатов наук и докторов философии по специальности «11.00.02-Экономическая и социальная география» больше всего в Национальном университете Узбекистана (8), Ургенчском, Самаркандском (по 5), Наманганском, Термезском (по 4), Андижанском, Каршинском (по 3) университетах. При этом отдельные профильные кафедры имеются только в двух вузах республики – в Национальном университете Узбекистана и в Самаркандском государственном университете. Однако на кафедрах всех университетов и педагогических институтов страны, где ведётся подготовка географов и преподавателей географии (всего таких вузов в Узбекистане насчитывается 17, включая уже упомянутые НУУз и

СамГУ, и функционируют они во всех 14 регионах страны), представлены географы-обществоведы, имеющие учёную степень кандидата или доктора наук.

За все постсоветские годы узбекистанскими географами-обществоведами были защищены 10 докторских диссертаций (табл. 1), в частности, 3 диссертации в форме научного доклада (О.Б. Ата-Мирзаев, Т.М. Мирзалиев и С.К. Караев). При этом в первое постсоветское десятилетие, т.е. в 1990-е годы состоялись 4, в 2000-е и в 2010-е годы – по 3 докторские защиты.

Тематика докторских диссертаций, защищённых в Узбекистане по рассматриваемой специальности, характеризуется разнообразием. В частности, 3 диссертации посвящены различным проблемам географии населения и городов республики, по 2 диссертации относятся к сферам географии природопользования и медицинской географии, остальные же 3 докторские диссертации были выполнены по направлениям региональной экономической географии, социально-экономической картографии и топонимики. 6 докторских защит состоялись в Национальном университете Узбекистана, 3 – в Научно-исследовательском гидрометеорологическом институте, 1 – в Санкт-Петербургском государственном университете (О.Б. Ата-Мирзаев, 1992).

Таблица 1

Сведения о докторских диссертациях по специальности «11.00.02 – Экономическая и социальная география», защищённых географами Узбекистана в постсоветский период

№	Диссертант	Год защиты	Проблематика докторской диссертации	Территориальный охват исследования
1	Ата-Мирзаев О.Б.	1992	Геоурбанистика	Республика Узбекистан
2	Каюмов А.А.	1994	География трудовых ресурсов	Республика Узбекистан
3	Мирзалиев Т.М.	1997	Социально-экономическая картография	Республика Узбекистан
4	Караев С.К.	1998	Топонимика	Республика Узбекистан
5	Умаров Е.К.	2003	Региональная экономическая география	Республика Каракалпакстан
6	Джумаев Т.Д.	2004	География природопользования	Горная зона Узбекистана

7	Ахмадалиев Ю.И.	2007	География природопользования	Ферганская долина
8	Комилова Н.К.	2012	Медицинская география	Республика Узбекистан
9	Турдымамбетов И.Р.	2016	Медицинская география	Республика Каракалпакстан
10	Тожиева З.Н.	2017	Геодемография	Республика Узбекистан

За период 1992-2020 годов географами Узбекистана были защищены 67 кандидатских диссертаций и приравненных к ним диссертаций доктора философии (PhD). Количество защищённых диссертаций при этом было неравномерно во временном разрезе (рис. 1). После 2012 года, когда в республике был осуществлён переход от двухступенчатой системы учёных степеней к одноступенчатой (с отказом от степени кандидата наук), на протяжении четырёх лет кандидатские диссертации не защищались. Однако в феврале 2017 г. в Узбекистане была восстановлена двухступенчатая система подготовки высококвалифицированных научных кадров в виде учёных степеней доктора философии (PhD), приравненной к кандидату наук, и доктора наук (DSc), после чего географами-обществоведами Узбекистана были защищены 12 PhD-диссертаций по специальности «11.00.02-Экономическая и социальная география».

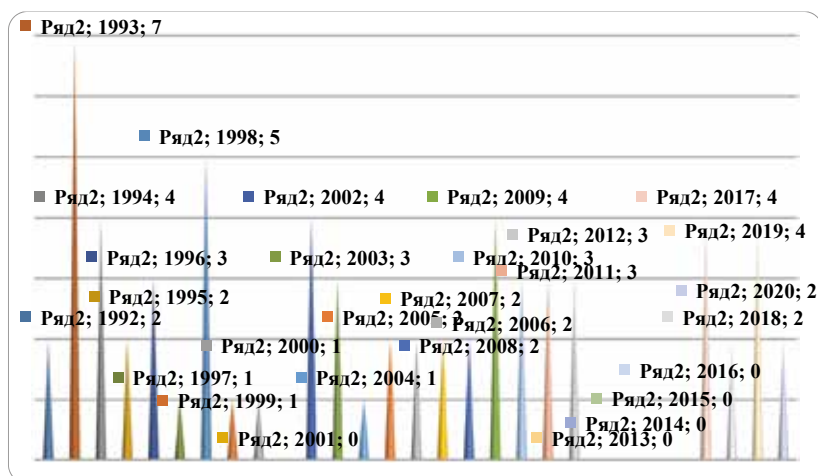

Рис. 1. Число защищённых географами Узбекистана кандидатских диссертаций и диссертаций доктора философии по специальности 11.00.02 – Экономическая и социальная география в 1992-2020 гг.

В табл. 2 представлено распределение кандидатских и PhD-диссертаций по экономической и социальной географии, защищённых географами Узбекистана в постсоветские годы. Из неё явствует, что больше всего диссертаций за этот период были выполнены в русле географии населения и трудовых ресурсов (13 работ, или 19,4 % от их общего числа), географии сельского хозяйства (11 работ, или 16,4 %), географии промышленности (8 работ, или 11,9 %), географии природных ресурсов и природопользования (8 работ, или 11,9 %). В целом, треть защищённых за рассматриваемый период диссертаций (точнее, 32,9 %) посвящена проблематике географии населения, городского и сельского расселения страны.

Таблица 2

Тематическая структура кандидатских диссертаций и диссертаций докторов философии по специальности 11.00.02 – Экономическая и социальная география, защищённых в 1992-2020 гг. географами Узбекистана

№	Общественно-географическая тематика	Число защищённых диссертаций	% от их общего числа
1	География промышленности	8	11,9
2	География сельского хозяйства	11	16,4
3	География транспорта	2	3,0
4	География внешнеэкономических связей	2	3,0
5	География сферы обслуживания	3	4,5
6	География рекреации и туризма	1	1,5
7	География населения и трудовых ресурсов	13	19,4
8	География городов	6	9,0
9	География сельского расселения	3	4,5
10	География природных ресурсов и природопользования	8	11,9
11	Медицинская география и социальная экология	4	6,0
12	Социальная география	2	3,0
13	Топонимика	1	1,5
14	Региональная экономическая география	3	4,5
Итого		67	100

Территориальный контекст исследований в 12 диссертациях при этом охватывает весь Узбекистан, в 9 диссертациях – те или иные основные экономические районы республики, в 40 работах – отдельные политико-административные единицы первого порядка (области, город

Ташкент или Республику Каракалпакстан), в 5 работах – отдельные сельские административные районы или их группы, 1 же диссертация посвящена городской агломерации. Из шести основных экономических районов Узбекистана чаще других объектом диссертационных исследований по экономической и социальной географии становился Ферганский (5 работ), 2 диссертации посвящены Южному, по одной работе - Зарафшанскому и Нижнеамударьинскому экономическим районам. Ташкентскому и Мирзачульскому экономическим районам Узбекистана за эти годы не было посвящено ни одной кандидатской и PhD-диссертации по анализируемой специальности. Все 14 регионов Узбекистана (Республика Каракалпакстан, 12 областей и город Ташкент) фигурируют в качестве объекта исследований того или иного числа кандидатских и PhD-диссертаций по экономической и социальной географии, защищённых в постсоветский период. При этом больше всего диссертаций (7) посвящено Сурхандарьинской области, по 4 диссертации посвящены Республике Каракалпакстан, Наманганской, Самаркандской и Хорезмской областям. по 3 диссертации – Андижанской и Кашкадарьинской областям. Каждый из прочих регионов Узбекистана охвачен 1-2 диссертационными исследованиями общественно-географической тематики.

По месту защиты распределение кандидатских и PhD-диссертаций следующее: 60 работ защищены в Ташкенте (в Национальном университете Узбекистана и Научно-исследовательском гидрометеорологическом институте), 2 – в Самарканде (Самаркандском государственном университете), 4 – в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербургском государственном университете), 1 – в румынском городе Яссы (Ясском университете). В настоящее время в Узбекистане аттестацию научных кадров по специальности 11.00.02 – Экономическая и социальная география обеспечивают два научных (диссертационных) совета, действующих при Национальном университете Узбекистана имени Мирзо Улугбека и при Самаркандском государственном университете.

Больше всего кандидатских и PhD-диссертаций по общественно-географической тематике в постсоветском Узбекистане было защищено под научным руководством профессора А.С.Салиева (30 из 67 работ). Профессор А.А.Каюмов значится научным руководителем 8, профессор З.М.Акрамов – 4, профессор Н.К.Комилова – 3 диссертаций, защищённых в постсоветском Узбекистане по экономической и социальной географии. По 2 диссертации были подготовлены под научным руководством О.Б. Ата-Мирзаева, О.Н. Абдуллаева, Ю.И.Ахмадалиева, А.Н. Рузиева и А.М. Садыкова. Также научными

руководителями диссертационных исследований географов-обществоведов Узбекистана, защищённых в постсоветские годы, являются Ш.А. Азимов, А. Базарбаев, А.Г. Дружинин, С.К. Караев, С.Б.Лавров, О.П. Литовка, Т.М. Мирзалиев, М.И. Назаров, З.Н.Тожиева, А.Т. Хрущёв, А.И. Чистобаев, К. Яцу (по одной работе, соответственно).

Выполненный в статье краткий историко-научный анализ становления и развития общественно-географических исследований в Узбекистане показывает наличие определённых корней и традиций, закономерной преемственности идей, концепций и предметных направлений научной работы между несколькими поколениями географов-обществоведов республики. Экономическая и социальная география в Узбекистане, получив первоначальное развитие в тесной связи с физической географией и региональной экономикой в рамках комплексных территориальных исследований, прошла большой эволюционный путь, который выразился во взаимосвязанном формировании и развитии таких направлений, как география сельского хозяйства, география населения и городов, социальная география, комплексные исследования территориальной структуры общества. Перспективы дальнейшего развития общественной географии в современном Узбекистане зависят от того, насколько своевременно и квалифицированно будут отвечать специалисты в этой области науки на актуальные экономические, демографические, социальные, геополитические, экологические, этнокультурные вызовы современности, проявляющихся в региональном, национальном и глобальном масштабах.

Литература

1. Федорко В.Н., Курбанов Ш.Б. Становление и развитие экономической и социальной географии в Национальном университете Узбекистана // Известия Географического общества Узбекистана. 2018. Т. 53. С. 73-82.
2. Салиев А.С. К истории региональных экономико-географических исследований в Узбекистане // Социально-экономическая география. Вестник АРГО. 2014. №3. С. 68-73.
3. Вопросы сельского хозяйства Зеравшанского бассейна. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 252 с.
4. Кашкадарьинская область. В 2-х тт. Т. II. Экономико-географическая характеристика. Ташкент.: САГУ, 1959. 204 с.

5. Усть-урт (Каракалпакский), его природа и хозяйство. Ташкент, 1949. 226 с.

6. Ферганская долина. Основные проблемы развития производительных сил Ферганской долины. В 3-х тт. – Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1954.

7. Бедринцев К.Н. Вопросы методологии, методики и организации исследований районных комплексных экономических проблем. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1957. 151 с.

8. Абдусами Салиев: человек, учёный, наставник: биобиблиографическое издание /Редакторы-составители: Федорко В.Н., Курбанов Ш.Б., Ражабов Ф.Т. – Ташкент: Mumtoz so'z, 2017. 332с.

9. Турсунов Х.Т. Социально-географические аспекты исследования экологической ситуации крупного города (на примере города Ташкента). Автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. – Ташкент, 1994. 24 с.

10. Ахмадалиев Ю.И. Совершенствование территориальной организации сельскохозяйственного использования земельных ресурсов. Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. – Ташкент, 2007. 46 с.

11. Комилова Н.К. Территориальный анализ медико-географических условий и проблемы здоровья населения Узбекистана. Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. – Ташкент, 2012. 52 с.

12. Турдымамбетов И.Р. Социально-экономические особенности улучшения нозогеографической ситуации Республики Каракалпакстан. Автореф. дисс. ... докт. геогр. наук. – Ташкент, 2016. 83 с.

13. Федорко В.Н. Экономико-географические основы совершенствования территориальной структуры природопользования в Узбекистане. Автореф. дисс. ... докт. филос. (PhD) по геогр. наукам. – Ташкент, 2018. 52 с.

Сведения об авторе:

Федорко Виктор Николаевич, учитель географии высшей категории школы общего среднего образования №233 города Ташкента, доктор философии (PhD) по географическим наукам. E-mail: **viktor-f-89@mail.ru**

About author:

Viktor Fedorko, geography teacher of the highest category of secondary school No.233 of the city of Tashkent, Doctor of Philosophy (PhD) in geographical sciences. E-mail: **viktor-f-89@mail.ru**

Секция 1
«Регионы Евразии: географические и геополитические
структуры, факторы и векторы общественно-географической
динамики»

551.48(479.24)

Абдуев М.А.
Abduyev M.A.

К ВОПРОСУ СООТНОШЕНИЯ СТОКОВ ВЛЕКОМЫХ И
ВЗВЕШЕННЫХ НАНОСОВ ГОРНЫХ РЕК АЗЕРБАЙДЖАНА

THE QUESTION IS RELATED TO THE DRAINS OF LIGHT
AND WEIGHTED PANOSSES OF THE MOUNTAIN RIVERS OF
AZERBAIJAN

На основании анализа имеющихся данных о соотношении стоков влекомых и взвешенных наносов выбраны сведения по 11 рекам Азербайджана. Установлена зависимость между величинами соотношения стоков влекомых и взвешенных наносов и средней высотой водосбора. Полученное уравнение исключает произвольное определение величины этого соотношения для рек, расположенных в различных физико-географических условиях.

Based on the analysis of available data on the ratio of drains of suspended and suspended sediments, information was selected on 11 rivers of Azerbaijan. A relationship has been established between the ratio of the drains of suspended and suspended sediments and the average height of the catchment. The resulting equation excludes the arbitrary determination of the magnitude of this ratio for rivers located in different physical and geographical conditions.

Ключевые слова: горных рек Азербайджана, соотношения стоков влекомых и взвешенных наносов, средняя высота водосбора

Keywords: mountain rivers of Azerbaijan, the ratio of drains of suspended and suspended sediment, the average height of the catchment

Наиболее рациональное использование горных рек Азербайджана требует регулирование их стока. Проводимые в этом направлении, гидротехнические мероприятия выдвигают на первый план изучение стока наносов. При этом особое место занимает изучение стока взвешенных наносов, составляющего, как известно, основную часть твердого стока рек. Реки Азербайджана транспортируют также

большое количество влекомых по дну наносов. Однако на сети гидрометрических постов, за исключением единичных постов на реках влекомые наносы не изучались.

Влекомые наносы горных рек являются наиболее слабо изученным вопросом современной гидрологии, в связи со сложностью непосредственного измерения их расходов и отсутствием современных приборов для производства массовых стационарных наблюдений. Закономерности движения влекомых наносов в горных реках не получили до сих пор своего освещения. Вместе с тем исследование стока влекомых наносов горных рек приобретает все большее практическое значение в связи с интенсивным развитием гидротехнического строительства и проблемой рационального использования водных ресурсов этих рек.

Имеющиеся в этой области работы, не охватывают весь комплекс вопросов, относящихся, к общему стоку наносов рек Азербайджана и посвящены, главным образом, стоку взвешенных наносов. К ним относятся работы С.Г.Рустамова [12], Г.Н.Хмаладзе [16], С.А.Ахундова [2], Г.Б.Бахшалиева [3], А.И.Самедова [13], Ф.А.Эюбова [18], Дж.Г.Мамедова [9], М.А.Абдуева [1] и др.

Установление соотношения стоков влекомых и взвешенных наносов имеет также весьма важное значение для определения характера и степени развития русловых процессов. Существуют весьма разные точки зрения о величине соотношения стоков влекомых и взвешенных наносов. Г.В.Лопатин [11], обобщая результаты исследований, предлагает принять величину отношения годового стока влекомых наносов к стоку взвешенных наносов равной для горных рек 10-20%. По расчетам А.С.Клоповой [6] в бассейнах рек Терека и Сулака донные наносы составляют 13,8% количества взвешенных наносов. Г.Н. Хмаладзе [15] установил, что годовой сток донных наносов реки Болниси у моста при выходе ее из ущелья равен 9% величины стока взвешенных наносов.

Наблюдения, проведенные Бакгидропроектом на р. Сулак у с. Миатлы установили, что годовой сток влекомых наносов составляет 2,0-3,5% от стока взвешенных наносов [14, 5].

По исследованиям И.В. Боголюбовой [4] на реке Мзымта значения указанного соотношения в течение 1961-1966 гг. колебались в пределах от 37 (1961) до 71% (1963), составляя в среднем (за 6 лет) 51%.

Вопрос о соотношении стоков влекомых и взвешенных наносов горных рек Азербайджана рассматривался в работах С.Г. Рустамова [12], Г.И. Куликова [8] и С.А. Ахундова [2]. Учитывая высокую интенсивность водной эрозии на реках южного склона Большого

Кавказа С.Г. Рустамов допускает, что влекомые наносы составляют около 30% от годового стока взвешенных наносов. Для рек Малого Кавказа Г.И. Куликовым величина этого отношения принята равной 20%. С.А. Ахундовым проводились измерения расходов влекомых наносов в бассейне реки Турианчай (южный склон Большого Кавказа), на характерных участках этой территории – при выходе рек на Алазань-Агричайскую долину и ниже Степного плато. Расчеты показали, что отношение годового стока влекомых наносов к стоку взвешенных при выходе рек с гор на Алазань-Агричайскую долину составляет 35%, а ниже Степного плато – всего 6%. Такое резкое уменьшение количества влекомых наносов относительно стока взвешенных наносов объясняется аккумуляцией их в Алазань-Агричайскую долину, представляющей собой как-бы природный отстойник на пути, протекающих в ее пределах, рек.

1969-1971 гг. Государственным Океанографическим Институтом и Бакинской гидрометеорологической обсерваторией были проведены весьма ценные наблюдения на Ахинджачайском, Кошкарчайском, Хачинчайском и Пирсагатском водохранилищах, расположенных на горных реках, с применением метода суммарного учета стока наносов [17].

Эти наблюдения позволили установить суммарный сток (за 3 года) принесенных и вынесенных взвешенных наносов, а также сток принесенных в водохранилища донных наносов. Соотношение среднегодовых стоков донных и взвешенных наносов по этим данным составляет от 13% на входном створе Пирсагатского до 28% - Кошкарчайского водохранилища.

Таким образом, все данные, приведенные выше, явно показывают, что соотношение стоков влекомых и взвешенных наносов не остается постоянным как для различных рек, так и для разных участков одной и той же реки. Это связано с условиями формирования стока наносов. Дело в том, что реки на верхних участках их бассейнов протекают в узких и глубоких долинах со скалистыми склонами. Вследствие происходящих здесь процессов интенсивного выветривания, на склонах накапливается огромное количество крупнообломочного материала, которое поступает в русла рек со склоновым стоком еще не совсем окатанными и измельченными. Мелких материалов в этой части бассейнов поступает со склонов сравнительно мало. Поэтому на верхних участках рек в придонных слоях потока движется и взвешивается большое количество крупных наносов, а нередко во время паводков они достигают размера валунов и больше. В связи с

этим на указанных участках рек сток влекомых наносов может преобладать над стоком взвешенных наносов [10, 16].

Вниз по течению рек склоны их долин становятся более пологими, на них появляется почвенный и растительный покров и с них в основном, поступает мелкозем. Вместе с тем, поступающие сверху по рекам, крупные материалы, постепенно измельчаясь здесь, значительно увеличивают количество мелких наносов. По выходе рек из гор и на равнинных участках уклоны русла и, соответственно, скорости потока резко уменьшаются. По дну потока перемещаются наносы уже более мелкого состава, и происходит отложение крупных наносов. Это обстоятельство приводит к тому, что здесь сток взвешенных наносов значительно преобладает над стоком влекомых наносов.

После тщательного анализа имеющихся данных о соотношении стоков влекомых и взвешенных наносов нами выбраны сведения по 11 рекам Азербайджана (таблица 1). На основании, которых рассматриваются закономерности изменения этого соотношения.

Соотношение стоков влекомых и взвешенных наносов у рассматриваемых рек изменяется в пределах от 8% на р. Турианчай у с.Савалан до 41% на р.Чухадурмаз, являющейся одной из наиболее селеносных рек Азербайджана. Площадь водосборов рек при этом изменяется от 18 до 1520 км².

Таблица 1
Использованные данные по стокам воды, взвешенных и влекомых наносов

№ п/п	Река - пункт	Площадь водосбора - ра, F, км ²	Длина реки, L, км	Средняя высота водосбора, Н _{ср.м}	Средний годовой сток			G/R, %
					Воды, Q, млн.м ³	Взвешенных наносов, R, тыс. т	Влекомых наносов, С, тыс.т	
1	Кудиалчай-с.Кюпчал	517	47	2400	266	1011	283	28
2	Дамирапаранчай-г.Габала	126	23	2430	164	621	230	37
3	Турианчай-с.Савалан	1340	62	1280	517	1518	121	8
4	Чухадурмаз-близ устья	35	12	2210	33,4	25,5	10,4	41

5	Дамарчик- близ устья	35	8,5	1860	42,2	96,7	16,4	17
6	Кайнар-близ устья	18	5,5	2040	16,4	17	5,8	34
7	Пирсагатчай- выше вдхр.	1520	95	1000	95	3,13	0,41	13
8	Хачинчай- с.Колатаг	366	33	1680	107	16,4	3,94	24
9	Кошкарчай- выше вдхр.	58,3	8	1860	42	7,89	2,21	28
10	Ахынджачай- выше вдхр.	403	33	1480	93	17,6	3,17	18
11	Шамкирчай- с.Верх.Чайкенд	922	51	1900	270	158	30,0	19

В отношении изменения величины соотношения стоков влекомых и взвешенных наносов, в связи с вышеописанными условиями формирования стока наносов, на различных участках рек (верхние и нижние участки) наиболее обобщенным параметром, способным интегрально отражать влияние комплекса факторов исследуемого процесса, может служить средняя высота водосбора. У рассматриваемых рек средняя высота водосбора имеют пределы изменения 1000-2430 м.

На основании данных, помещенных, в таблице 1 установлена зависимость между величинами соотношения стоков влекомых и взвешенных наносов и средней высотой водосбора. Как видно из рис. 1 имеется довольно отчетливая связь между указанными величинами, аналитически выраженная уравнением $G/R=0,0004H_{cp}^{1,4718}$; где G/R-отношение среднего годового стока влекомых и взвешенных наносов, выраженное в %-ах, H_{cp} -средний высотой водосбора в метрах.

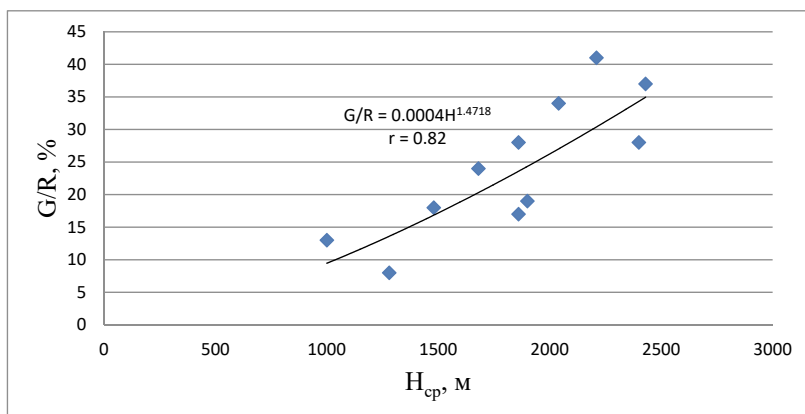

Рис. 1. Связь между величинами соотношения стоков влекомых и взвешенных наносов (G/R) и средней высотой водосбора (H_{ср}).

Таким образом, предлагаемый метод расчета основывается на учете влияния средней высоты водосборов при изменении соотношения стоков влекомых и взвешенных наносов и тем самым исключает произвольное определение величины этого соотношения для рек, расположенных в различных физико-географических условиях.

Литература

1. Абдуев, М.А. Гидрологическое исследование стока наносов рек с естественным и нарушенным режимом (в пределах Азербайджана). Автореф. канд. дисс. Баку, 1995. 21с.
2. Ахундов, С.А. Сток наносов горных рек Азербайджана. Изд-во «Элм», Баку, 1978. 98 с.
3. Бахшалиев, Г.Б. Рекомендация по расчету стока взвешенных наносов рек Малого Кавказа. В кн: Материалы XII научной конференции молодых ученых Института Географии Академии наук Азербайджанской ССР. Баку, 1981, С. 93-101.
4. Боголюбова, И.В. Результаты полевых исследований и расчет стока влекомых наносов р. Мзымты. Тр. ГГИ, вып. 156, 1968.
5. Васильева, Л.А. Определение стока влекомых наносов по отложениям в верховьях Чирюртского водохранилища. Тезисы докладов и сообщений конференции изыскателей института «Гидропроект» по обмену опытом изысканий для гидротехнического

строительства, секции инженерной гидрологии, вып. 3, Л.: Информэнерго, 1972.

6. Клопова, А.С. О количественной зависимости твердого стока горных рек от естественных факторов. Изв. АН СССР, сер.географ. т.2, 1956.

7. Копалиани, З.Д., Костюченко, А.А. Расчеты расхода донных наносов в реках. Сб. работ по гидрологии. СПб. Гидрометеиздат, 2004, № 27, С.25-40.

8. Куликов, Г.И. Твердый сток северо-восточной части Малого Кавказа. Автореф. канд. дисс., Баку, 1955.

9. Мамедов, Дж. Г. Сток взвешенных наносов левых притоков Аракса в пределах СССР. Материалы V съезда географического общества Азербайджанской ССР. Баку, 1985. С. 107-109.

10. Мандыч, А.Ф. Твердый сток рек Западной Грузии. Автореф. канд. дисс. Изд. МГУ, 1967.

11. Лопатин, Г.В. Наносы рек СССР. М. Географгиз. 1952, 366с.

12. Рустамов, С.Г. Реки Азербайджанской ССР и их гидрологические особенности. Изд. АН Азерб. ССР, Баку, 1960.

13. Самедов, А.И. Расчет стока взвешенных наносов рек юго-восточного Кавказа. Известия АН Азербайджанской ССР, 1981, №3, С. 73-77.

14. Трёмбовельский, Г.Т., Матвеев, В.К. Заиление Чиюртского водохранилища на р.Сулак. Гидротехническое строительство, № 10, 1970.

15. Хмаладзе, Г.Н. Взвешенные наносы рек Армянской ССР. Гидрометеиздат, Л., 1964.

16. Хмаладзе, Г.Н. Гидрологический метод расчета стока влекомых (донных) наносов. Тр.Зак.НИГМИ, вып. 42(48), Л., 1971.

17. Штейнман, Б.С., Мамедов Н.М. Исследование седиментационных процессов и заиление водохранилищ горных рек. Научно-техн. отчет, Гидрометфонд УГМС Азерб. ССР, Баку, 1972.

18. Эюбова, Ф.А. Расчет среднего годового стока взвешенных наносов рек северо-восточного склона Большого Кавказа (в пределах Азербайджанской ССР). Известия АН Азербайджанской ССР, 1979, №6, С. 80-85.

Сведения об авторе:

Абдуев Магамед Абду оглы, д.г.н., профессор, заведующий кафедрой, Азербайджанский Государственный Педагогический Университет, Институт Географии НАНА, abduevnm@gmail.com

Анимитца Е.Г., Власова Н.Ю.
Evgeny Animitsa, Natalia Vlasova

УРАЛЬСКИЙ РЕГИОН В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

URAL REGION IN THE EURASIAN SPACE

Целью статьи является анализ процессов развития Уральского макрорегиона в контексте евразийского пространства. Анализируются основные тренды развития: миграционные потоки, внешнеэкономические связи, формирование транспортно-логистической инфраструктуры и крупные инвестиционные проекты. Отмечаются возможности, ограничения и риски развития Урала в евразийском пространстве с учетом Стратегии пространственного развития страны, а также международных геоэкономических приоритетов.

The purpose of the article is to analyze of the Ural macro-region development in the context of the Eurasian region. The main development trends are analyzed: migration flows, foreign economic relations, the transport and logistics infrastructure formation and major investment projects, as well as cultural potential. The possibilities, limitations and risks of the Urals development in the frame of the Eurasian region are discussed taking into account the country's spatial development Strategy, as well as international geo-economic priorities.

Ключевые слова: пространственное развитие, регион, макрорегион, Евразийское пространство, Урал, стратегия.

Key words: spatial development, region, macro-region, Eurasian region, Urals, strategy.

В данной статье под Уралом понимается макрорегион, вписывающийся в границы Уральского экономического района и в настоящее время состоящий из субъектов РФ, входящих в два федеральных округа (Приволжский и Уральский) или в три макрорегиона согласно Стратегии пространственного развития страны (Волго-Камский, Волго-Уральский и Уральско-Сибирский). Это 7 субъектов РФ, удельный вес которых в общероссийских показателях приведен в табл. 1.

Таблица 1

Основные социально-экономические показатели субъектов РФ,
входящих в Урал, 2018 г. (в процентах)

	Численность населения на 01.01.2019	ВРП в 2017 г.	Инвестиции в основной капитал	Оборот розничной торговли	Экспорт	Импорт
РФ	100	100	100	100	100	100
Республика Башкортостан	2,76	1,9	1,5	2,8	1,0	0,4
Курганская область	0,57	0,3	0,2	0,1	0,0	0,0
Оренбургская область	1,34	1,1	1,2	1,0	0,6	0,2
Пермский край	1,78	1,6	1,4	1,7	1,2	0,3
Свердловская область	2,94	2,8	1,8	3,6	1,9	1,9
Удмуртская Республика	1,03	0,7	0,6	0,7	0,1	0,2
Челябинская область	2,37	1,8	1,5	1,6	1,2	1,2

Составлено по: Регионы России. Стат. Сб. 2019. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204>

Местоположение Урала на стыке Европы и Азии и срединное местоположение в РФ предопределяет его двойственную траекторию развития [1]. Как отмечает М.Д. Шарыгин: «Урал как «скреп» способен организовать цивилизованные отношения с регионами-субъектами Российской Федерации и эффективно использовать международные и общероссийские транспортные коридоры» [2, с.21]. Возможности Урала интегрироваться с обширным евразийским континентом может усилить значимость России в целом как энергетического и транспортного узла, а соединение с растущими рынками Азии позволит России диверсифицировать экономику [3].

Макрорегионы сегодня все в большей степени «приобретают черты субъектов глобальной экономической силы, конкурирующих за факторы производства и преимущества глобализации» [4].

Место и роль Уральского макрорегиона в Евразийском пространстве определяется активностью миграционных, транспортных, торговых потоков, развитием внешнеэкономических и

внешнеполитических связей, в том числе с важнейшими международными организациями и союзами, такими, как СНГ, ЕАЭС, ШОС, ОДКБ; возможностью вписаться в реализацию масштабных инфраструктурных и инвестиционных проектов, а также его многоаспектным и разнообразным культурным потенциалом. Исследователи подчеркивают, что в формате ЕАЭС развиваются общие рынки – труда, инвестиций, информации и услуг (в том числе транспортных, строительных, образовательных и др.) [5].

Урал является важнейшим транспортным перекрестком страны, через который проходят масштабные потоки грузо- и пассажиропотоков. В.В. Литовский образно называет этот геостратегический сетевой перекресток Уральским «крестом» [6].

Однако нехватка федеральных трасс и их недостаточная пропускная способность являются ограничивающим фактором. В Стратегии пространственного развития РФ поставлена задача развития магистральных трасс, составляющих международные транспортные коридоры «Запад – Восток» и «Север – Юг», куда входит и Урал, что позволит обеспечить выход российских предприятий на зарубежные рынки, увеличит объем транзита грузов между Азией и Европой. В том числе предусматривается строительство участка высокоскоростной магистрали Екатеринбург – Челябинск, которая станет частью Евразийского высокоскоростного транспортного коридора Москва – Пекин.

Внешняя торговля и международные связи Урала достаточно интенсивны. Три субъекта РФ, входящих в Уральский экономический район, граничат со странами, являющимися членами Евразийского экономического союза: Курганская, Оренбургская и Челябинская области. В стратегиях каждого из этих регионов до 2030 г. так или иначе отражаются приоритеты и возможности развития внешнеэкономических связей. Именно поэтому одним из важнейших партнеров является Республика Казахстан, торговое и инвестиционное сотрудничество с которым получает новые импульсы в рамках Евразийского экономического союза. КНР также занимает важное место во внешнеэкономических связях Урала, в том числе и потому, что на часть территорий Урала распространяются инициативы «один путь – один пояс» [7].

Еще одним фактором, интегрирующим Урал в евразийское пространство, являются миграции и общий рынок рабочей силы. А.И. Трейвиш, разделяя население на три конфессионально-этнические группы (европейскую, азиатскую и переходную), определяет регионы с преобладанием той или иной группы. Не случайно к переходным

группам в том числе относятся и Волго-Уральские регионы [8, с. 216-217].

Смелов П.А., Егорова Е.А. рассматривая региональные особенности внешней трудовой миграции, группируют субъекты РФ в зависимости от численности иностранных рабочих. К привлекательным для трудовых мигрантов регионам относятся Свердловская область (численность трудовых мигрантов от 20 до 50 тыс. чел); Пермский край, Челябинская область, Республика Башкортостан (численность трудовых мигрантов от 10 до 20 тыс. чел) [9]. Однако несмотря на это, все субъекты РФ, входящие в Уральский экономический район, характеризуются в целом отрицательными коэффициентами миграции (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициенты миграционного прироста на 10 000 человек населения

	2005	2010	2015	2016	2017	2018
РФ	20	19	17	18	14	9
Республика Башкортостан	-3	2	-15	-18	-6	-22
Курганская область	-124	-76	-64	-56	-60	-77
Оренбургская область	-87	-47	-33	-25	-43	-52
Пермский край	-49	-46	-15	-12	-23	-25
Свердловская область	-23	-17	4	1	0,5	-3
Удмуртская Республика	-12	-35	-19	-14	-23	-27
Челябинская область	-12	-8	10	8	-11	-26

Составлено по: Регионы России. Стат. Сб. 2019. Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204>

Наконец, важнейшим моментом является цивилизационное, культурное и конфессиональное влияние Урала на развитие страны и евразийского пространства в целом. Урал издавна является местом проживания большого количества многонациональных групп, местом встречи множества народов разных цивилизаций, миграционных потоков. И.В. Побережников, анализируя типы цивилизаций, говорит о евразийской цивилизации, которая отмечена «...взаимодействием цивилизационных компонентов западного и восточного типа» [10, С. 25]. Он справедливо отмечает, что вся история освоения и развития Урала способствовала развитию именно этого типа цивилизации. Урал выполняет функцию не только плавильного котла, но в большей

степени воспитания толерантности и уважения к «иному» [11]. Показательно, что на Урале практически не наблюдается серьезных межнациональных конфликтов, где народы издавна привыкли жить рядом, бок о бок.

Срединное положение Урала определяет важность его геополитического местоположения, позволяя в перспективе не только эффективно использовать связи по направлению «восток-запад», но и «север-юг», способствуя более активному освоению Арктики и развитию Северного морского пути [12].

Таким образом, Урал является органичной частью евразийского пространства, интегрируется в него множеством разнообразных связей, и одновременно влияет на его развитие.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00824 А «Инкрементальный подход к формированию и реализации стратегий социально-экономического развития регионов различных иерархических уровней Российской Федерации: единые правила стратегирования».

Литература

1. Срединный регион: теория, методология, анализ / Е.Г. Анимца, А.А. Глумов, Е.Б. Дворядкина, Е.М. Кочкина, Н.В. Новикова. Урал. гос. экон. ун-т. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2009. 508 с.
2. Шарьгин, М.Д. Уральский регион: границы и каркас пространственного развития // Географический вестник. 2016. № 4 (39). С. 21-28.
3. Diesen, G. Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia. – Routledge, 2017.
4. Силин, Я.П., Анимца, Е.Г., Новикова, Н.В. Уральский макрорегион: большие циклы индустриализации. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2019. 371 с.
5. Огнева, В.В. Евразийское пространство: тенденции трансформации, потенциал расширения партнерства // Среднерусский вестник общественных наук. 2018. Т. 13. № 4. С. 86-99.
6. Литовский, В.В. Высокоскоростной наземный транспорт в освоении пространства Евразии: Уральский «крест» // Восточная аналитика. 2019. № 2. С. 60-71.

7. Fallon, T. The new silk road: Xi Jinping's grand strategy for Eurasia // American Foreign Policy Interests. – 2015. – Т. 37. – №. 3. – С. 140-147.
8. Трейвиш, А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М. : Новый хронограф, 2009. 372 с.
9. Смелов П.А., Егорова Е.А. Внешняя трудовая миграция в Российской Федерации // Статистика и Экономика. 2018. Т. 15. №6. С. 80-87.
10. Побережников, И.В. Урал в контексте Евразийской цивилизации: становление образа // Уральский исторический вестник. 2009. № 4 (25). С. 23-31.
11. Анимца, Е.Г., Власова, Н.Ю. Эволюция и основные составляющие образа Урала // Географический вестник. 2016. № 3 (38). С. 28-35.
12. Лаврикова, Ю.Г., Андреева, Е.Л., Ратнер, А.В., Соболев, А.О. Уральский вектор арктического освоения в контексте становления большого Евразийского пространства // Российский внешнеэкономический вестник. 2018. № 7. С. 21-34.

Сведения об авторах:

Анимца Евгений Георгиевич: заслуженный деятель науки РФ, доктор географических наук, профессор, главный советник при ректорате, зав. кафедрой региональной, муниципальной экономики и управления Уральского государственного экономического университета.

Власова Наталья Юрьевна, доктор экономических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета.

About authors:

Evgeny Animitsa, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Geographical Science, Professor, Chief Advisor of the Rector, Head of the Department of Regional, Municipal Economics and Management of the Ural State University of Economics, animieg@usue.ru ; +7(343)221-27-20

Natalia Vlasova, Dr. of science (economics), Professor of the State and Municipal Governance Department of the Ural State University of Economics, nat-vlasova@yandex.ru ; +79126336950

Балина Т.А., Пономарева З.В., Шарьгин М.Д.
Balina T.A., Ponomareva Z.V., Sharygin M.D.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕГОСЯ МИРА

FUNCTIONING OF RUSSIAN REGIONS IN A CHANGING WORLD

Раскрываются проблемы функционирования регионов России в условиях современной глобализации мировых процессов. Актуализируется необходимость комплексного развития социоэкономики российских регионов, ориентированной на повышение качества жизни населения. Подчеркивается востребованность научно обоснованного социально-экономического районирования в целях совершенствования отраслевого и территориального управления.

The problems of the functioning of the regions of Russia in the context of modern globalization of world processes are revealed. The need for the comprehensive development of the socioeconomics of the Russian regions, focused on improving the quality of life of the population, is being updated. The relevance of scientifically based socio-economic zoning in order to improve sectoral and territorial management is emphasized.

Ключевые слова: российские регионы, функционирование, районирование, глобализация, социоэкономика.

Key words: russian regions, functioning, regionalization, globalization, socioeconomics.

Глобализация и регионализация на фоне ускорения развития мирового хозяйства требуют переосмысления процессов функционирования регионов и интеграции России в мировое экономическое пространство. Функциональная взаимосвязь российских регионов и международного сообщества особенно активно началось с середины XX столетия в ходе становления двухполярного мира. Устойчивость мирового развития обеспечивалась конкурентным функционированием США и СССР. В Советском Союзе был создан народнохозяйственный комплекс, ядром которого было территориальное сочетание российских районов (регионов РФСР), развивающихся на нескольких иерархически организованных

пространственных уровнях. Материально-техническую основу создавали традиционно и/или программно-организованные комплексы. В каждом регионе формировались и функционировали территориально-производственные комплексы (ТПК).

Учение о ТПК ознаменовало конструктивный этап науки, выход исследователей на решение практических задач совершенствования территориальной организации производительных сил и повышения эффективности размещения производства.

Ведущая роль в разработке теории ТПК принадлежит Н.Н. Колосовскому, давшему классическое определение комплекса [1], что значительно обогатило отечественную науку и практику управления общественным сочетанием отраслевого и территориального подходов.

Развитие экономических районов происходило под давлением экономического детерминизма и отраслевой дифференциации, эффективность ТПК определялась системой экономических показателей (прибыль, рентабельность, фондовооруженность и др.), чему способствовала плановая экономика, укреплявшая «державность» СССР.

Главными принципами развития социалистической плановой экономики были самодостаточность и самообеспеченность, что диктовалось политической изоляцией и противостоянием двух систем. В это время возникли и до сих пор остаются актуальными следующие группы проблем:

- отраслевой дисбаланс российской экономики, отсутствие комплексного взаимосвязанного развития смежных видов деятельности; резкое преобладание отраслей группы «А», создающих средства производства, над отраслями группы «Б», производящими товары народного потребления, что вызвало острый дефицит на рынках потребительских товаров; беспрецедентная монополизация в ряде ключевых отраслей (например, в автомобилестроении) и др.;

- отсутствие сбалансированного развития регионов в территориальной структуре страны; колоссальный разрыв между субъектами не только в показателях социально-экономического развития субъектов, но и демографических, которые являются индикаторами социэкономии.

В связи с усилением глобализации, регионализации и переходом к однополярности мира, ситуация изменилась. СССР больше нет, Россия не способна создать второй центр, который смог бы достойно конкурировать с западными странами в различных сферах мировой экономики. Вместо двухполярного устойчивого сообщества, существовавшего почти столетие, сложилась принципиально иная

ситуация. Оставаясь мощным государством, Россия, чтобы притягивать США, «мечется» между Европейским сообществом и Китаем. Происходит смена западного геополитического вектора взаимоотношения России в сторону Востока, что требует переосмысления как внешней, так и внутренней экономической политики. Сместились приоритеты и международного ЭГП Ленинградской, Псковской, Смоленской областей, выполнявших функции «витрины» и «окна» в европейском направлении. Особенно актуально международное ЭГП для выбора направлений социально-экономического функционирования и развития регионов «восточных ворот» России – Приморского, Хабаровского краев, Амурской и Сахалинской областей. Очевидно, что Сибирь и Дальний Восток будут территорией не сплошного, а фрагментарного освоения и развития. Для этого необходимо привлечение инвесторов, в том числе из Китая.

Российские регионы вступают в процесс территориального разделения труда под гнетом санкций и под влиянием китайских интересов. Если в СССР районы были компонентами единого комплекса, то в России комплекса уже нет, а районы функционируют в едином социально-экономическом пространстве как конкуренты. Оценивая ЭГП региона, теперь на первом плане не выгода взаиморасположения, «соседства» и близость сырьевых баз, а конкурентные преимущества. Регионы начинают выживать в случае формирования конкурентоспособной продукции на мировом рынке, в основном, природных ресурсов и продуктов х первичной переработки. В связи с этим современная стратегия регионального развития приобрела новые уродливые формы, а макрорегионы выделены по принципу несориентированной специализации.

Регионы не должны противопоставлять себя друг другу, «отбирая» инвестиции, проекты, население, а развиваться сбалансированно, сохраняя единое экономическое и социальное пространство страны, сочетая отраслевые и территориальные подходы.

Современная региональная экономика, формируясь под влиянием территориального разделения труда и внутрисоссийского спроса на готовую продукцию, трансформируется в социэкономику. Это происходит путем реструктуризации экономики и усиления ее социальной ориентации, что обусловлено стремлением к повышению уровня и качества жизни людей. Социэкономика – это рыночная экономика с «человеческим лицом», её антропоцентризм требует новых критериев оценки функционирования и хозяйствования. Такими критериями становятся качество жизни людей и социально-демографические показатели [2].

Исходя из этого, социоэкономика формируется и развивается для удовлетворения внутренних потребностей, а сложившаяся международная специализация «требует» от России на мировых рынках только природные ресурсы, вывозимые вопреки национальным и региональным интересам. «Ориентация на Восток» также предполагает вывоз ресурсов без учета долгосрочных перспектив социально-экономического развития территорий, интересов населения, экологической безопасности и т.д. Этот дисбаланс российских и зарубежных интересов обостряется на региональном уровне, превращая субъекты с богатым природно-ресурсным потенциалом в наиболее перспективные и инвестируемые территории.

Развитие социоэкономики протекает в русле гуманизации её целей и формирования регионов как территориально-общественных систем (ТОС), которые М.Д. Шарыгин квалифицирует как абстрактно-конкретную форму пространственной организации населения, хозяйства, природопользования, инфраструктуры. ТОС, как концептуально-универсальная модель, реализуется в конкретных границах стран, регионов, муниципалитетов, городов, сел [3]. Такая модель имеет абстрактную форму и является «идеалом», к которому «стремится» реальная ТОС.

Российские регионы, развивающиеся как ТОС, должны отвечать вызовам мирового сообщества и долгосрочной стратегии социально-экономического развития страны. Проблема заключается в том, чтобы объективно выделить регионы всех иерархических уровней. В решении этой проблемы самое активное участие должны принять специалисты – географы-обществоведы.

Конструктивный вклад географов-обществоведов в территориальное управление заключается в обосновании и разработке стратегии пространственного развития России и её регионов на основе сбалансированного развития субъектов в границах макрорегионов, объективно выделенных на основе социально-экономического районирования. Это обеспечит углубление международной, межрегиональной и внутрирегиональной специализации, территориальную целостность и управляемость, и, следовательно, рост социально-экономического развития страны в целом.

Районирование является стержнем общественной географии, её визитной карточкой [4]. Исследования проблем и разработка теории районирования не потеряла своей актуальности [5, 6, 7, 8, 9, 10], а приобрела новые грани в связи с запросами меняющегося мира, интеграции России в мировое экономическое пространство, изменением роли и функций регионов в условиях формирования

социоэкономики. Необходима дискуссия среди широкого круга специалистов (географов-обществоведов, экономистов, практиков в сфере территориального маркетинга и регионального менеджмента) по вопросам развития теории, методов и возможностей практического использования разработок по социально-экономическому районированию.

По мнению П.Я. Бакланова, необходимость совершенствования пространственного развития страны и её регионов требует научно обоснованного членения природного, природно-ресурсного и социально-экономического пространства, то есть проведения целого сочетания различных видов районирования и получения системы иерархических районов, начиная от природных и природно-ресурсных и заканчивая социально-экономическими и административными [5]. Пространственное развитие России целесообразно осуществлять на трех уровнях: сверхмакрорегиональный (Европейская часть с Уралом, Сибирь и Тихоокеанская Россия); макрорегиональный (в границах прототипов экономических районов и Ассоциаций экономического взаимодействия); мезорегиональный (на уровне регионов-субъектов РФ).

Таким образом, необходимость совершенствования территориального планирования и регионального управления требует переосмысления роли и функций российских регионов, во-первых, как элементов единого экономического комплекса страны, во-вторых, как участников международных экономических отношений. Очевидно, что на мировом уровне от российских регионов «ждут» сырьевой специализации, наши регионы удобны для выноса за пределы развитых стран грязных производств, рынков сбыта высокотехнологичной продукции и т.д. Формирование же социоэкономики нацелено на удовлетворение потребностей и создание комфортной жизни собственного населения.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00562.

Литература

1. Колосовский, Н.Н. Основы экономического районирования / Н.Н. Колосовский. – Москва: 1958. 200 с.
2. Балина, Т.А. Территориальные особенности демографических процессов в регионах России: анализ и типология / Т.А. Балина, З.В.

Пономарева, Л.Ю. Чекушева // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические исследования. – 2019. – Вып.4. – С. 31–43.

3. Шарыгин, М.Д. Концептуальные основы развития территориальных общественных систем / М.Д. Шарыгин // территориальные системы: проблемы, делимитация, решения и управление: материалы Международной науч.-практ. конф. 21-24 сент. 2005. — С.3–7.

4. Шарыгин, М.Д. Учение о дробном районировании: особенности эволюции и основные направления развития / М.Д. Шарыгин // Географический вестник. – 2019. – №1(48). – С. 25–32.

5. Бакланов, П.Я. О содержании и «смыслах» социально-экономического районирования / П.Я. Бакланов // Географический вестник. – 2018. – №3 (46). – С. 24–30.

6. Шувалов, В.Е. Районирование в российской социально-экономической географии: современное состояние и направления развития / В.Е. Шувалов // Региональные исследования. – 2015. – №3. – С. 19–29.

7. Шувалов, В.Е. Районирование в трудах экономико-географов // Социально-экономическая география в России / под ред. П.Я. Бакланова и В.Е. Шувалова. Владивосток: Дальнаука, 2016. – С. 103–116.

8. Дружинин, А. Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа / А.Г. Дружинин. – Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального университета, 2016. 228 с.

9. Блануца, В.И. Социально-экономическое районирование как система смыслов: контент-анализ постсоветских публикаций / В.И. Блануца // Географический вестник. – 2017. – №4. – С. 39–50.

10. Смирнягин, Л.В. Методические подходы к районированию в общественной географии / Л.В. Смирнягин // Вестник Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2011. – №6. – С. 9–15.

11. Бакланов, П.Я. Пространственное развитие региона: основные принципы и подходы к анализу и оценкам / П.Я. Бакланов // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2017. – № 6. – С. 4–12.

Сведения об авторах:

Балина Татьяна Анатольевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии. Пермский государственный национальный исследовательский университет, 8(342)2396496. E-mail: seg@psu.ru

Пономарева Зинаида Васильевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры географии и туризма. Воронежский государственный педагогический университет, 8(473)2533270. E-mail: zinda36@mail.ru

Шарыгин Михаил Дмитриевич, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры социально-экономической географии. Пермский государственный национальный исследовательский университет, 8(342)2396496. E-mail: seg@psu.ru

УДК 911

**Баранова О.А., Парфенова К.В.
Baranova O., Parfenova K.**

ТЕРРИТОРИИ ОПЕРЕЖАЮЩЕГО РАЗВИТИЯ КАК ФАКТОР ЭКОНОМИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ

TERRITORIES OF ADVANCED DEVELOPMENT AS A FACTOR OF ECONOMIC AND GEOGRAPHIC SITUATION

Представлен авторский взгляд на факторы, определяющие ЭГП территории в контексте формирования точек экономического роста Забайкальского края. На примере Удоканского месторождения меди в Каларском районе и города Краснокаменск приводится анализ действия традиционных факторов ЭГП и новых факторов «мягкой природы» – институциональных механизмов. Выявлено, что основополагающим фактором развития данных территорий, как и прежде, является уникальная ресурсообеспеченность, влияние остальных традиционных факторов ЭГП становится второстепенным.

An author's view is presented on the change in approaches to determining the EGP of a territory in the context of the formation of points of economic growth in the Trans-Baikal Territory. On the example of the Udokan copper deposit in the Kalarsky district and the city of Krasnokamensk, an analysis is given of the effect of traditional factors of EGP and new factors of "soft nature" - institutional mechanisms. It is revealed that the fundamental factor in the development of these territories, as before, is the unique resource supply, the influence of other traditional factors of EGP becomes secondary.

Ключевые слова: Забайкальский край, территории опережающего социально-экономического развития (ТОСЭР), экономико-географическое положение (ЭГП), Удоканское

месторождение меди, монопрофильный город Краснокаменск, традиционные факторы ЭГП, институциональные факторы развития.

Keywords: Trans-Baikal Territory, territories of advanced social and economic development (TOSED), economic and geographical location (EGP), Udokan copper deposit, the single-industry city of Krasnokamensk, traditional EGF factors, institutional development factors.

Исторически Забайкальский край имеет выгодное ЭГП, обусловленное богатством недр, соседским положением, наличием транспортного сообщения в западном, восточном направлении, и на юге с соседствующим Китаем, отличающегося огромной емкостью рынка. Однако на протяжении всей истории освоения региона выгодность ЭГП проявилась по-настоящему, только в короткий период времени, когда велась активная приграничная торговля при строительстве Транссибирской магистрали. Во время советской власти за Забайкальем закрепился устойчивый статус сырьевого региона. Добыча полезных ископаемых велась в основном для нужд оборонной промышленности, остальные производства формировались в основном для обеспечения горной добычи. Выгода ЭГП была «однобокой» и отвечала целям и задачам государственной политики того периода времени, а не полноценному развитию богатой в геологическом отношении территории.

Выгода ЭГП Забайкальского края и сейчас не подвергается сомнению, но во многом она, как и раньше только декларируется.

На современном этапе реальную экономическую силу для развития территории получают зачастую не столько традиционные факторы ЭГП, учитывающие преимущества, созданные природой или предыдущими поколениями людей, а новые условия экономической реальности. В Забайкальском крае реализуются новые методы пространственного развития и управления территорией за счет получивших распространения в России Федеральных институтов территориальной ориентации – территорий опережающего социально-экономического развития (ТОСЭРы или кратко ТОРы). Это инструмент точечного развития, позволяющий рассматривать развитие региона в локальном аспекте на принципах поляризованного развития [1]. Прежде всего, он ориентирован на снижение монофункциональности населенных пунктов за счет диверсификации их экономики. Главной задачей для их функционирования является поиск инвесторов. Учитывая, что в условиях рыночных отношений государство не может оказать прямого воздействия на поведение

инвесторов, оно создает благоприятные экономические условия для них в виде подобных институтов развития. Причиной тому является тот факт, что инвесторы осуществляют выбор объекта инвестирования, ориентируются не только на традиционные факторы, такие как: доступные материально-вещественные, трудовые, природные и иные ресурсы, но и на государственные институты, определяющие поведение, форму, способ достижения цели, характер отношений и взаимодействий инвесторов с государством и друг с другом. В этом контексте, «государство стремится создать определенные «правила игры» в обществе, которые способны создавать соответствующие стимулы для желательного экономического поведения» [2]. Данные механизмы носят характер формальных институтов управления территорией.

С этой целью на территории Забайкальского края создан федеральный институт развития, получивший название ТОР «Забайкалье» [4]. В рамках его реализации на территории определено 8 особых территориальных «площадок», одна из них - «Северное Забайкалье» определена в Каларском районе (территория практически «пионерного освоения», где до настоящего времени промышленного освоения практически не велось, а основная сфера занятости населения, это обслуживание БАМа и традиционное природопользование). Другая площадка - моноструктурный город Краснокаменск (ТОР с 2016 год) с градообразующим предприятием «Приаргунское производственное горно-химическое объединение (ППГХО)».

Таким образом, появление и развитие института ТОР говорит о желании государственной власти влиять на поведение инвесторов, создать координационный эффект, и снизить уровень неопределенности среды, в которой действуют экономические агенты. Местные и привлеченные инвесторы получают возможность воспользоваться теми же механизмами «мягких» факторов институциональной природы, которые уже апробированы и успешно применяются в других субъектах Дальнего Востока, а это налоговые, таможенные и административные преференции для предпринимательской деятельности.

Однако, немаловажно что бы реализация инвестиционных проектов ТОР была положительно воспринята населением территории освоения. Дело в том, что формальные институты, разрабатываемые государством в рамках ТОР, направлены на регулирование деятельности инвесторов, а не жителей территории привлечения инвестиций, для которых решающую роль имеют неформальные

институты (нормы): сложившийся годами образ жизни, хозяйствования, нравственные устои, определяющие их бережное отношение к окружающему миру. Эти неформальные институты могут стать препятствием освоения территорий, входящих в ТОР «Забайкалье» и сделать формальные институты ТОР не эффективными.

Например, одним из ограничивающих факторов деятельности инвестора в данных условиях могут выступать экологические аспекты, связанные с разработкой месторождения. Несмотря на проведенную экологическую экспертизу разработки месторождения Удокан, возникают конкретные проблемы, связанные с загрязнением растительности и почв из-за пыления дорог, загрязнение нефтепродуктами, загрязнения водных объектов. Не менее значим фактор беспокойства и шумового воздействия, связанного с работой техники и взрывными работами. Все это в совокупности может негативно отразиться на организации традиционного природопользования коренных малочисленных народов Забайкальского края – эвенков. Несмотря на то, что территории, прилегающие к месторождению Удоканское, используются в основном для охоты, а не для выпаса оленей, а ближайшие к территории месторождения охотничьи угодья эвенков расположены в нижнем течении реки Ингамакит.

Практика ТОР в г. Краснокаменске, реализуемая уже на протяжении нескольких лет, доказала свою несостоятельность. Самой большой проблемой, не смотря на предлагаемые налоговые и иные преференции, стал поиск инвесторов. Да и сама поставленная задача – снижение монозависимости экономики города, где каждый третий житель города из числа занятых в экономике, трудится на градообразующем предприятии ПАО «ППГХО», является достаточно сложной. Перепрофилирование или переквалифицирование трудоспособного населения становится сложностью, учитывая культурную укорененность (embeddedness) местной экономики. Для моногорода Краснокаменска четко прослеживается существование профессиональной династии шахтеров. Профессиональная принадлежность в данном случае является неформальной нормой, укоренившейся среди населения. Город и производство создавалось в XX веке с нуля, за счет мигрантов из других горнодобывающих регионов Советского Союза. Для людей, относящих себя к династиям шахтеров, профессиональная деятельность является устойчивой традицией, как и для жителей севера – охота и оленеводство. В условиях стабильного спроса на добываемое сырье и успешного функционирования градообразующего предприятия, многолетние

заводские традиции повышают устойчивость производства. Однако, такая «укорененность со временем сама становится сдерживающим фактором, поскольку оказывает сопротивление радикальным инновациям и понижает адаптивность к меняющимся рыночным условиям» [3].

Таким образом, изменение ЭГП, под действием различных факторов наблюдается практически повсеместно, проблема – в их масштабах и устойчивости тенденций. Применительно к определению ЭГП Забайкальского края отчетливо проявляются новые факторы – формальные (ТОРы) и неформальные нормы, действие которых, наряду с «традиционными факторами» ЭГП определяет поведение инвесторов и размещение производств. Можно сказать, что здесь наблюдается пример адаптации институциональных норм друг к другу и к традиционным факторам ЭГП. И зачастую традиционные факторы уступают по своему значению в современных условиях институтам. Поэтому задача управления регионом заключается в развитии институтов, учитывающих позитивные факторы ЭГП территории и потенциал самоорганизации неформальных институтов, а не насаждение формальных норм, ориентированных только на удовлетворение интересов инвесторов и не отвечающих запросам населения.

Литература

1. Дец И.А. Роль проектного подхода в территориальном развитии на примере Байкальского региона, автореф. Дис. Насоиск. Канд. Геогр. наук. Иркутск, 2013. 22 с.
2. Rodrik, D. and Subramanian, A. (2003), “The primacy of institutions”, *Finance & Development*, Vol. 40 No. 2, pp. 31-4.
3. Zamyatina N., Pilyasov A. (2016) Single-Industry Towns of Russia: Lock-In and Drivers of Innovative Search. *Foresight and STI Governance*, vol. 10, no 3, pp. 53–64. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.3.53.64
4. Общая информация о ТОР «Забайкалье» <http://решение-верное.рф/Tor-Zabaykale>

Сведения об авторах.

Баранова Ольга Александровна – кандидат географических наук, доцент кафедры экономики и бухгалтерского учета Забайкальского государственного университета, г.Чита. E-mail: oa.09.12@mail.ru, телефон +79242728553.

Парфенова Ксения Владимировна – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории географии и регионального природопользования Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН, г.Чита. E-mail: gorina08@yandex.ru, телефон: +79245159336.

УДК 913(43):35.071.51

Васильев А. П.
Vasilyev A.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМ ОБЩИН ГЕРМАНИИ НА
ПРИМЕРЕ СЕВЕРНОГО РЕЙНА – ВЕСТФАЛИИ И
РЕЙНЛАНД-ПФАЛЬЦА**

**TRANSFORMATION OF SYSTEM OF GERMAN
MUNICIPALITIES BY THE EXAMPLES OF NORTH RHINE –
WESTPHALIA AND RHINELAND-PALATINATE**

Изучена трансформация общин Германии на примере Северного Рейна – Вестфалии и Рейнланд-Пфальца. Проанализированы причины и последствия двух различных способов реформы общин в этих землях. Выявлено, что реформа была вызвана расширением полномочий администраций общин и стремлением повысить их самодостаточность. Однако вследствие различного соотношения политических факторов в этих землях укрупнение единиц шло разными путями, что привело к сильной территориальной дифференциации сетки общин в стране.

This article shows transformation of German municipalities by the examples of North Rhine – Westphalia and Rhineland-Palatinate. The article analyzes factors and consequences of two different reform methods in these lands. It was revealed that the reform was caused by the expansion of the powers of municipality administrations and the desire to increase their self-sufficiency. However, due to the different ratio of political factors in these lands, the consolidation of units went in different ways. They led to a strong territorial differentiation of the network of municipalities in the country.

Ключевые слова: административно-территориальное деление, трансформация, укрупнение, общины Германии.

Keywords: administrative-territorial division, transformation, consolidation, German municipalities.

Структуры административно-территориального деления (АТД) стран мира представляют очень сложную в пространственном

отношении и динамично развивающуюся систему, требующую детального научного изучения. При этом сетки АД сильно различаются по своим структуре, размерам, числу единиц и уровней иерархии.

В работах В.А. Колосова, Р.Ф. Туровского, С.А. Тархова и др. административно-территориальное деление понимается как разделение территории государства (страны, региона) на административно-территориальные единицы с целью территориальной организации региональной и локальной власти. АД консервативно, и любое его изменение вызывает широкие дебаты в обществе, так как оно затрагивает политические, экономические, социальные и культурные аспекты развития регионов страны [1, 2, 3].

В этой статье анализируется трансформация системы общин двух земель Германии: Северного Рейна – Вестфалии и Рейнланд-Пфальца. Так как Германия представляет собой федерацию, где изменение АД входит в компетенцию земель, реформы общин проходили в разных землях по-разному. Если в Северном Рейне – Вестфалии общины были укрупнены, то в Рейнланд-Пфальце они были сохранены с учетом их вхождения в ассоциации. В работе ставятся задачи проанализировать причины и последствия двух различных способов реформы общин в этих землях.

Община (*Gemeinde*) – единица четвертого уровня административно-территориального деления Германии. Общины покрывают почти всю территорию страны и являются самым нижним уровнем организации муниципальной власти. Общины сформировались в XIX в. на основе церковных приходов. С тех пор и до середины XX в. система общин оставалась почти устойчивой [4].

Однако к 1960-м гг. депопуляция сельской местности, расширение городов, постепенная миграция жителей в города и концентрация экономики в городских агломерациях привели к появлению множества малонаселенных общин. Например, в 1966 г. в ФРГ 96,5% сельских общин насчитывали менее 5 тыс. жителей, а 50% – менее 600 человек [5]. Администрации множества локальных единиц с небольшой численностью населения и небольшим объемом экономики не имели ни финансовых, ни людских ресурсов для поддержания своей работоспособности. Поэтому в 1969-1978 гг. была проведена реформа по укрупнению общин, для того чтобы они обладали большим демографическим и экономическим потенциалом (большей численностью населения и большими финансовыми возможностями). Более того, в рамках построения социального государства в ФРГ власти земель делегировали часть своих полномочий (проведение

инфраструктурной, экологической, социальной и т.п. политики) на общинный уровень, администрации которого наиболее приближены к рядовым гражданам и лучше остальных понимают их проблемы и потребности [1, 6, 7, 8].

В Северном Рейне – Вестфалии было сокращено 83% общин (см. табл. 1). Оставшиеся общины были значительно укрупнены и образовали свободные общины (*Verbandsfreie Gemeinde*) [8].

Основным фактором проведения реформы подобным образом стало, что социал-демократы, инициировавшие реформу и руководившие федеральным правительством, также возглавляли эту землю и имели наибольшую фракцию в ландтаге (парламенте земли). Они смогли пролоббировать эту реформу, апеллируя к тому, что она поможет стабилизировать экономику страны, повысить собственные доходы общин и общее благосостояние граждан. В результате реформы средний размер ВРП и средняя численность населения укрупненных общин выросли в 6 – 7 раз, а доходы администраций общин – более чем в 5 раз [7, 8].

Таблица 1

Сокращение общин в двух землях Германии в 1968-2020 гг.

Земля	Число общин на 30.06.1968	Число общин на 1.01.1978	Число общин на 31.03.2020	Доля сокращенных общин, %	Доля общин, входящих в ассоциации, %
Северный Рейн – Вестфалия	2277	396	396	83	0
Рейнланд-Пфальц	2905	2320	2302	20	98

Составлено по: [5, 6, 8]

Вместе с тем в Рейнланд-Пфальце более 70% мелких общин было сохранено, при этом они вошли в реформированные ассоциации общин (*Gemeindeverband*). Общины были сокращены только в крупных агломерациях за счет роста территорий городов [6, 7, 8].

Основным фактором проведения реформы подобным образом также стал социально-политический. С одной стороны, сохранение общин оправдывалось тем, что в рамках маленькой общины ее власти наиболее приближены к рядовым гражданам, которые имеют возможность личного участия в общественной жизни общины, что способствует развитию локальной демократии. С другой стороны, депутаты Христианско-Демократического союза (ХДС),

преобладавшие в ландтаге этой земли, скептически относились к упразднению мелких общин и протестовали против реформы, поскольку считали, что в случае кардинального укрупнения общин, ключевые посты в их администрациях заняли бы представители городов, и проблемы сельских территорий были бы отодвинуты на второй план. Политики выступали в защиту интересов сельского населения, так как до 30% жителей проживало в мелких поселениях. Также местные элиты и представители ХДС не хотели перестраивать сложившуюся организацию власти, терять свои посты и стремились заработать политические дивиденды на консервативных настроениях граждан [6, 8].

В результате этого в Германии сложилась сильная территориальная дифференциация размеров общин. Медианная площадь общин Северного Рейна – Вестфалии – 75 км², а Рейнланд-Пфальца – 6 км² (рис. 1) [5]. В то время как в Рейнланд-Пфальце крупнейшими общинами являются города, а мелкие единицы распространены в сельских районах, то в соседних землях все общины имеют примерно одинаковый размер вне зависимости от характера расселения.

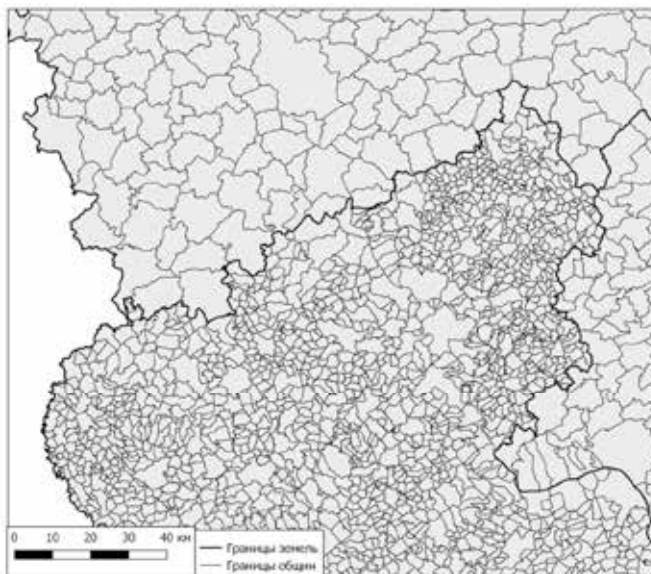

Рис. 1. Общины Германии в долине Среднего Рейна.

Заключение.

Системы общин двух земель Германии: Северного Рейна – Вестфалии и Рейнланд-Пфальца – претерпели кардинальную трансформацию в 1970-е гг. Реформа была вызвана стремлением властей повысить демографический и экономический потенциал локальных единиц, передать им больше полномочий и компетенций, сократить бюджетные расходы. Однако возникавшее противоречие между сохранением сложившейся структуры власти, условий для развития локальной демократии в мелких общинах и повышением демографических и финансовых возможностей администраций единиц решалось разными способами вследствие различного соотношения политических факторов. В Северном Рейне – Вестфалии баланс политических сил и желания властей и граждан благоприятствовали кардинальному укрупнению общин; в Рейнланд-Пфальце, где сложилась противоположная ситуация, единицы были сохранены с условием их вхождения в ассоциации. В результате этого сложилась крайне контрастная территориальная дифференциация сетки общин Германии.

Литература

1. Колосов, В.А., Мироненко, Н.С. Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
2. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
3. Туровский, Р.Ф. Политическая география. Учеб. пособие. Москва – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999.
4. Бусыгина, И.М. Регионы Германии. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999. 351 с.
5. Федеральный статистический департамент Германии. URL: <https://www.destatis.de/DE/Startseite.html>
6. Dietlein, J., Thiel, M. Verwaltungsreform in Rheinland-Pfalz. Ein Beitrag zur Debatte um die Zukunft der Verbandsgemeindeverfassung. Mainz: Auftrag des Gemeinde- und Städtebundes Rheinland-Pfalz, 2006., 209 s.
7. Kuhlmann, S., Wollmann, H. The Evaluation of Institutional Reforms at Sub-national Government Levels: A Still Neglected Research Agenda // Local Government Studies. 2011. Vol. 37. No 5. P. 479-494.
8. Wollmann, H. The Two Waves of Territorial Reform of Local Government in Germany // Redrawing Local Government Boundaries / Ed. by J. Meligrana. Vancouver – Toronto: UBC Press, 2004. P. 106-129.

Сведения об авторе:

Васильев Алексей Павлович, кандидат географических наук, ведущий редактор в отделе актуализации, ОАО «Большая Российская Энциклопедия». E-mail: alvasilev7@yandex.ru ; Контактный телефон: 8 (909) 921-36-21.

УДК 911.3

**Герасимович С.А.
Herasimovich S.**

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КОМПЛЕКСОВ
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ БЕЛАРУСИ И
СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ НА ПРИМЕРЕ
ВИЛЕЙСКОГО И НЕВЕЛЬСКОГО РАЙОНОВ**

**THE CURRENT STATE OF THE COMPLEX OF THE
TRADITIONAL CULTURE OF BELARUS AND ADJACEENT
TERRITIRIES OF RUSSIA ON THE EXAMPLE OF THE VILEIKA
AND NEVEL DISTRICTS**

Комплексы традиционной культуры – это природные пространства, ценность которых определяется отношением к ним коллективной фольклорной памяти. Это могут быть холмы, источники, камни и т. д.

Определённая информация об абстрактном объекте делает его значимым для человека или сообщества людей. Обладание этой информацией об объекте становится маркером принадлежности человека к сообществу.

На территории Вилейского района Минской области Беларуси и Невельского района Псковской области России расположено множество этих комплексов, которые функционируют и в наше время, укрепляя локальную идентичность.

Monuments of traditional culture are natural spaces, the value of which is determined by the attitude of collective folklore memory. It can be hills, springs, stones, etc.

Special information about abstract object makes this object meaningful for a person or a community of people. The possession of this information about the object becomes a marker of the person's belonging to the community.

On the territory of the Vileika district of the Minsk region of Belarus and the Nevel district of the Pskov region of Russia there are many complexes that are currently functioning to strengthen local identity.

Ключевые слова: Памятники традиционной культуры, интерпретация объектов, локальная идентичность, Вилейский район, Невельский район.

Key words: Monuments of traditional culture, interpreting objects, local identity, Vileika district, Nevel district.

В настоящее время, одним из актуальных вопросов, стоящих перед человечеством, является охрана нематериальной культуры. Особое место среди объектов нематериального наследия занимают урочища и прочие пространства, ценность которых обусловлена не их природной составляющей как таковой, а отношением к ним коллективной фольклорной памяти. Иногда такие объекты называют объектами сакральной топографии или святыми местами, однако целесообразно назвать их комплексами традиционной культуры, ведь некоторые из них не несут сакрального смысла. Комплексный или даже дуалистический характер данных объектов объясняется наличием двух составляющих: природной или антропогенной основы – урочища, материального объекта, а также ассоциируемой с ним легенды – фольклорной привязки, объясняющей его важность для местного сообщества, а иногда – и обрядовой системы, связанной с посещением данного объекта представителями местного сообщества. При этом комплексами народной традиционной культуры могут быть локусы как природного, так и антропогенного происхождения. Комплексы традиционной культуры называют также деревенскими или сельскими святынями, что объясняется их концентрацией в сельской местности.

В Восточной Европе особенно велика концентрация комплексов традиционной культуры в Восточной Беларуси и сопредельных областях России (Псковской, Смоленской, Брянской), а также на севере России. Такая концентрация связана с приграничным, фронтирным характером данной территории. Многочисленные войны и конфликты неоднократно приводили к разрушению здесь культовых объектов, храмов. И данная ниша частично была занята комплексами традиционной культуры.

На территории Беларуси и сопредельных регионов России к ним относятся: отдельные холмы (святые и лысые горы, красные горки и др.), озёра, реки, родники, болота, камни (следовики, портные, с ямками), каменные кресты, валуны, отдельные деревья, курганы (татарские, шведские, французские могилы), городища, старые кладбища, валы, прощы. Многие из них несут палимпсестный характер.

Включение новых объектов в социокультурное пространство происходит по мере его освоения в процессе интерпретации этих объектов общностью людей. Абстрактный лес, парк, другой объект не является частью социокультурного пространства до тех пор, пока не возникает устойчивой информационной привязки к нему, которая делает данный объект значимым для общности людей. Обладание данной информацией об объекте становится маркером принадлежности человека к общности.

Комплексы традиционной культуры принято считать элементами культурного ландшафта.

Комплексы традиционной культуры являются важнейшими узловыми объектами социокультурного пространства на локальном уровне, а также важнейшим компонентом при конструировании локальной идентичности.

Вилейский район Минской области относится к наиболее изученным территориям Беларуси с условной концентрацией комплексов традиционной культуры. Условный характер концентрации объясняется сложностью количественной оценки наличия данных комплексов во многих других из 118 районов страны, подобная работа там просто не ведётся систематически. А в Вилейском районе уже более 30 лет исследованиями в данной области занимается группа энтузиастов во главе с Александром Петровичем Зайцевым [1].

Вилейский район можно назвать настоящим заповедником, где сохранилось много древних ямочных камней, составляющих особую группу комплексов традиционной культуры Беларуси. Единственный в Беларуси специалист по ямочным камням – Александр Зайцев.

Писатель и бывший военный Леонид Васильевич Лукша, житель района, уроженец деревни Тарасовичи, рассказал, что, когда служил в Сибири, встретился там с родственниками, которые оказались там во время Столыпинской реформы. Его не признавали за своего, пока он не рассказал, что особенного есть в их деревне. А вспомнил он про камень с ямкой. Вот так работает механизм распознавания «своих» в системе локальной идентичности.

Камни с ямками (или лунками) наиболее часто встречаются в Северной и Средней Европе [2]. Причем существуют различные версии насчет назначения лунок. Наиболее вероятно, что эти камни связаны с культом предков. С камнями связаны различные легенды. Так, на Вилейщине – это легенды о том, что из такой лунки воду пил Бог; что ямка – это отпечаток Божьего следа и т.п. Камней с рукотворными ямками, выявленных в Вилейском районе, насчитывается около двух десятков.

К комплексам традиционной культуры относятся и валуны. На Вилейщине был найден уникальный каменный идол – двухметровая антропоморфная женская фигура. Сейчас он выставлен в здании Института геологии Национальной академии наук Беларуси. На Вилейщине находится самый большой валун Минской области – Гомсин-камень возле агрогородка Куренец – вес его надповерхностной части около 90 тонн. Он относится к камням-портным, по легенде – это окаменевший портной, который шил в Пасху, когда все молились в храме. Возле деревни Кузьмичи по той же причине окаменел пахарь. Имеется тут уникальный «Борисов камень» – межевой знак, который в 12 веке показывал границы Полоцкого княжества. Этот валун имеет название «Воротишин крест» — из-за нанесенной надписи и высеченного креста.

Наиболее интересным объектом района является комплекс камней возле д. Стебержки. Есть мнение, что это древнейшая обсерватория – своеобразный белорусский Стоунхендж. Комплекс представляет собой пять стоящих вертикально камней. На первом и последнем камнях изображен знак, напоминающий лук со стрелой или треугольник на перекладине. На всех камнях также располагаются рогов-ритонов. Все камни ориентированы строго на север, на Полярную звезду. Основной ареал распространения ритонов на камнях расположен значительно севернее и западнее – этот сюжет хорошо известен в Скандинавии и в землях, некогда заселённых кельтами, а также на юге, в Греции. В восточнославянских землях это практически единственный подобный объект. Сохранилось народное название комплекса – «Каменные Быки». Согласно легенде, быки окаменели во время того, когда крестьянин пахал поле в праздник.

Возле деревни Ерхи лежит Белый камень. По легенде под ним находится исток реки. А вот возле деревни Жуковка находится камень Чёртовы жернова, дождевая вода, собиравшаяся в его углублении по преданию лечит детей от испуга.

Кроме того, в районе есть несколько других комплексов традиционной культуры [3].

Возле агрогородка Селище располагается Лысая гора с курганным могильником. Топоним «Лысая» указывает на сакральный характер объекта. Королевская гора находится возле деревни Ижа, Чёртова гора – возле самой Вилейки, а возле агрогородка Долгиново – Змеева гора. Каждая из них имеет свою легенду.

К классическим палимпсестам относится курганная группа Шведские могилы возле деревни Русское село.

Святых источников на Вилейщине немного: вода из источника возле деревни Есьмановцы особенно целебна на Маккавея (14 августа), а из источника возле деревни Талуть в окрестностях Чёрной речки – по преданию помогает от глазных болезней. В озере Погановка возле Костеневич по преданию утонула свадьба.

Практически две трети выявленных объектов в районе являются действующими комплексами традиционной культуры: существуют народные легенды, объясняющие их появление, знание которых определяет принадлежность человека к локальному сообществу.

Сложно сказать, когда впервые появился интерес к комплексам традиционной культуры, расположенным на территории Невельского района. Но особенно много исследований приходится на рубеж 19-20 вв., своеобразный Золотой век местного краеведения. Уже в 1870-е года местные длинные курганы изучал А.А. Спицын, который и выдвинул первые гипотезы их происхождения [4]. Огромен вклад в изучение комплексов традиционной культуры Яна Барщевского [5].

Классическим комплексом традиционной культуры являются Девичьи Горы в урочище Голубовка Леховской волости Невельского района. Легенда гласит, что название «Девичьи Горы» произошло из-за того, что французские солдаты из войск Наполеона в случае смерти местных девушек хоронили их в этих холмах. Существует 2 группы курганов: Северная и Южная. В Северной группе – 7 курганов, а в Южной – 28. Во время Великой Отечественной войны некоторые из них были разрушены окопами и снарядами. В конце 20 века их уничтожают «черные копатели», а также техника, с помощью которой расширялись дороги. В 7 км от Лехова существует ещё один подобный комплекс традиционной культуры – Волчьи Горы.

Практически повсеместно на юге Псковской области встречаются классические палимпсесты – французские горы или могилы. Механизм наслоения информации в таких палимпсестах связан со сменой завоевателей, вторгавшихся на данную территорию. Так, французские горы когда-то были шведскими и т.д. Большинство данных объектов представляет собой классические курганные могильники, обычно балтского, но часто и славянского генезиса. Иногда это могут быть также раннесредневековые городища. Основной сюжет легенд, связанных с ними – они были нанесены шапками врагов, которые когда-то проходили по этой территории (французов и т.п.). Также тут найдено определённое количество камней-следовиков.

Таким образом, в обоих районах существует множество комплексов традиционной культуры, фольклорные сюжеты, связанные

с которыми, до сих пор живут в памяти местных жителей, укрепляя и цементируя их локальную идентичность.

Литература

1. Зайцев, А.П. Итоги исследования камней с ямками в 2010–2014 годах // Таинственная Беларусь: Материалы конференции. Минск: Регистр, 2015. С. 94–102.

2. Varner, G.R. Portals to Other Realms: Cup-Marked Stones and Prehistoric Rock Carvings. Editorial: lulu.com, 2012.

3. Дучыц, Л., Клімковіч, І. Сакральная геаграфія Беларусі. Мінск: Літаратура і Мастацтва, 2011.

4. Спицин, А.А. Сведения 1873 г. о городищах и курганах// ИАК, вып.5. С.20.

5. Максимовская, Л.М. Ян Барщевский и Невель // Невельский сборник. СПб: Акрополь, 2005. Вып.10.: По материалам одиннадцатых Невельских Бахтинских чтений. С. 191- 195.

Сведения об авторе:

Герасимович Сергей Анатольевич, аспирант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, 777sir@gmail.com; контактный телефон: +79096423481.

УДК 911.3

Гомбоев Б.О., Батомункуев В.С., Жамьянов Д.Ц.-Д., Зангеева Н.Р., Аюшеева В.Г., Мотошкина М.А., Цыбикова А.Б., Цыдыпов В.Э., Бадмаев А.Г., Рыгзынов Т.Ш., Цыдыпова Б.В., Банзаракцаев З.Е.

Gomboev B.O., Batomunkuev V.S., Zhamyanov D.Ts.-D., Zangeeva N.R., Ayusheeva V.G., Motoshkina M.A., Tsibikova A.B., Tsidipov V.E., Badmaev A.G., Regzinov T.Sh., Tsidipova B.V., Banzaraksaeв Z.E.

ПРОСТРАНСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ ВОСТОКА РОССИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

SPATIAL DEVELOPMENT OF THE EAST OF RUSSIA: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL APPROACHES AND SOME RESULTS OF THE STUDY

Рассмотрены подходы к исследованию пространственного развития востока России, включающие разработку индикаторов

пространственного развития, пространственные уровни изучения объекта, оценку территориальных производственно-ресурсных структур. Предложен комплексный подход определения укрупнённой типологии этих структур. Как один из результатов изучения динамики пространственного развития Азиатской России приведены данные по процессам урбанизации на исследуемой территории.

The approaches to the study of the spatial development of the east of Russia are considered, including the development of indicators of spatial development, the spatial levels of the study of an object, and the assessment of territorial productive and resource structures. A comprehensive approach to determining the enlarged typology of these structures is proposed. As one of the results of a study of the dynamics of the spatial development of Asian Russia, data on the processes of urbanization in the study area are given.

Ключевые слова. Пространственное развитие, Азиатская Россия, комплексные индикаторы, пространственные уровни, оценка территориальных производственно-ресурсных структур, индекс урбанизации.

Key words. Spatial development, Asian Russia, complex indicators, spatial levels, assessment of territorial productive and resource structures, urbanization index.

Актуальная и потенциальная трансформация многомерного природного, экономического и социального пространства Азиатской России, каркасом которого являются территориально-производственные ресурсные структуры (ТПРС) различного уровня, обуславливают необходимость её исследований.

Базовое значение при исследовании её роли в пространственном развитии страны в современных геополитических условиях имеет разработка и наполнение системы комплексных индикаторов сбалансированного пространственного развития.

В настоящее время существует ряд систем индикаторов на разных уровнях, в которых отражаются и пространственные аспекты природного, социально-экономического и экологического состояний территорий ([1], [2], [3] и др.). С использованием указанных систем нами разработана система индикаторов для субъектов Азиатской России и приграничных субъектов сопредельных государств с Азиатской Россией (табл. 1).

Таблица 1

Категории комплексных индикаторов пространственного развития

Категории комплексных индикаторов	Количество отобранных индикаторов
ключевые	16
дополнительные	21
специфические (присущие какому-либо субъекту или ядру субъектов рассматриваемых территорий)	3

В исследовании приняты пять пространственных уровней изучения объекта исследования и его отдельных частей (рис. 1):

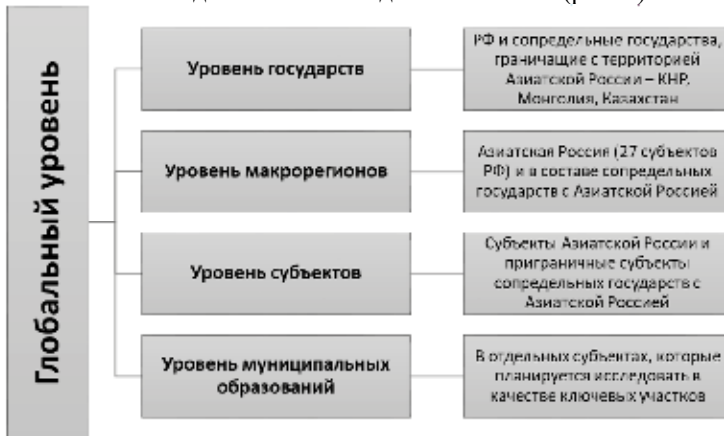

Рис. 1. Пространственные уровни изучения объекта исследования и его отдельных частей

В методологическом аспекте удобным инструментом оценки ТПРС является определение национального богатства региона, базирующееся на системе национальных счетов [4] и согласующееся с расширительной концепцией национального богатства Всемирного банка, образуемого из трех форм капитала: «воспроизводимого», «природного» и «человеческого», что соотносится с составом ТПРС.

Другой методологической основой оценки ТПРС является концепция общей экономической стоимости (КОЭС) [5]. Это существенно расширяет стоимость природных структур за счёт учёта экосистемных услуг территорий, а также существенно уточняет ущерб

окружающей среде за счёт потерь этих услуг вследствие функционирования ТПРС.

Основой определения укрупнённой типологии ТПРС по функциям – экологической, экономической (с включением природно-ресурсной функции) и социальной, приняты метод процесса аналитической иерархии (Analytic Hierarchy Process (AHP) method) и метод треугольной иллюстрации [6]. В соответствии с данными методами приведена типология ТПРС по доминирующим или приоритетным (одна функция с подфункциями), преобладающим (две функции с подфункциями) и сбалансированным (три функции с подфункциями) типам (рис. 2).

Рис. 2. Укрупнённая типология ТПРС.

Примечание. E – приоритетный экологический тип; E' – приоритетный экологический тип; S - приоритетный социальный тип; S' - приоритетный социальный тип; EE'- преобладающий эколого-экономический тип; SS'- преобладающий социально-экономический тип; ES- преобладающий эколого-социальный тип; SE' – преобладающий социально-экологический тип; ESE' – сбалансированный эколого-социально-экономический тип.

В качестве одного из результатов исследования динамики пространственного развития Азиатской России приведены данные по процессам урбанизации на исследуемой территории. Для комплексной оценки процессов урбанизации использован индексный метод Е. А. Ефимовой, позволяющий учесть изменение доли городского населения и изменение его урбанистической структуры [7].

На основе полученного индекса урбанизации за 2008-2018 гг. проведена классификация субъектов Азиатской части России на пять групп.

В группу с крайне низким уровнем урбанизации ($I_{urb} \leq 2,5$) в 2018 г. вошли 6 регионов: Республика Алтай, Республика Тыва, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Еврейская и Чукотская область. Данная группа продолжает терять свое население в результате естественной убыли населения и миграции.

В группу с низким уровнем урбанизации ($2,51 \leq I_{urb} \leq 3,0$) по оценке на 2018 г. вошли 6 субъектов: Курганская область, Алтайский край, Республика Бурятия, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область. Состав данной группы по сравнению с 2008 г. дополнился двумя регионами Курганской областью и Республикой Бурятия, которые перешли из группы с крайне низким уровнем урбанизации.

Группа со средним уровнем урбанизации ($3,01 \leq I_{urb} \leq 3,5$) самая маленькая. В 2008 г. в нее входили 2 региона: Республика Хакасия и Красноярский край. Однако по оценке на 2018 г. за счет увеличения численности городского населения Красноярский край перешел в группу с высоким уровнем урбанизации.

Группа с высоким уровнем урбанизации ($3,51 \leq I_{urb} \leq 4,0$) за данный период на фоне других групп является относительно стабильной. В её состав входят Иркутская, Новосибирская, Омская, Томская области и Красноярский край.

Группа с очень высоким индексом урбанизации ($I_{urb} \geq 4,01$) включает, по оценке на 2018 г., 8 субъектов: Свердловскую, Тюменскую, Челябинскую, Кемеровскую области, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, Приморский и Камчатский края.

Приведённый порядок определения критериев выделения, оценки и типологии ТПРС различного уровня в Азиатской России и на сопредельных территориях позволяет определить основания сбалансированного развития исследуемого объекта и выявить его роль в пространственном развитии страны.

Благодарность. Работа выполнена в рамках бюджетного проекта АААА-А19-119060390027-8 «Роль Азиатской России и сопредельных территорий в пространственном развитии страны в современных геополитических условиях»

Литература

1. Доклад Межучрежденческой и экспертной группы по показателям достижения целей в области устойчивого развития. Статистическая комиссия Экономического и Социального Совета ООН, 7 - 10 марта 2017 г. [Электронный ресурс] – режим доступа: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/48th-session/documents/2017-2-IAEG-SDGs-R.pdf>
2. Морозов, И.А. Северо-Запад России: тенденции развития / И.А. Морозов. – М., 2007. 136 с.
3. Стратегия развития региона / В. А. Ильин, М. Ф. Сычев, К. А. Гулин, Е. А. Бакаева, Е. С. Губанова. – Вологда, ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2004. 228 с.
4. Хандуев, П.Ж. Национальное богатство региона / П.Ж. Хандуев, Л.А. Мунаев. - Улан-Удэ, 2007.
5. Экономика и сохранение биоразнообразия / Под ред. А.А. Тишкова. Научные редакторы составители: д.э.н. С.Н. Бобылев, д.э.н. О.Е. Медведева, к.э.н. С.В. Соловьева. - М.: Проект ГЭФ «Сохранение биоразнообразия Российской Федерации», Институт экономики природопользования, 2002. 604 с.
6. Jian Peng, Zhicong Liu, Yanxu Liua and others // Science of the Total Environment. 2016, journal homepage: www.elsevier.com/locate/scitotenv
7. Ефимова, Е.А. Региональные аспекты урбанизации в России / Е.А. Ефимова // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. – № 43 (370). – С. 2-12.

Сведения об авторах:

Гомбоев Баир Октябьевич, д.г.н., г.н.с. Байкальского института природопользования СО РАН, зав. кафедрой географии и геоэкологии, проф. Бурятского госуниверситета, bgom@binm.ru, 8 9025 651120.

Батомункуев Валентин Сергеевич, к.г.н., заместитель директора Байкальского института природопользования СО РАН, bvalentins@binm.ru, 8 9021 677490.

Жамьянов Даба Цыбан-Доржиевич, к.г.н., с.н.с. Байкальского института природопользования СО РАН, daba@binm.ru, 8 9025 633856.

Зангеева Наталья Робертовна, к.г.н., н.с. Байкальского института природопользования СО РАН, zangeeva@binm.ru, 8 9025 425948.

Аюшеева Валентина Гармаевна, м.н.с. Байкальского института природопользования СО РАН, a-valentina@binm.ru, 8 9833 306392.

Мотошкина Марина Александровна, к.г.н., н.с. Байкальского института природопользования СО РАН, motoshkinam@binm.ru, 8 983 4559104.

Цыбикова Арюна Баировна, вед. инж. Байкальского института природопользования СО РАН, ryushaz@yandex.ru. 8 9021 662112.

Цыдыпов Виталий Эрдэниевич, м.н.с. Байкальского института природопользования СО РАН, vitalyt@binm.ru, 8 9834 327113.

Бадмаев Алдар Геннадьевич, к.г.н., н.с. Байкальского института природопользования СО РАН, badmaev@binm.ru, 8 9833 393424.

Рыгзынов Тумун Ширапович, м.н.с. Байкальского института природопользования СО РАН, tumun@binm.ru, 8 9025 648141.

Цыдыпова Баярма Владимировна, м.н.с. Байкальского института природопользования СО РАН, bayarma@binm.ru, 8 9503 826422.

Банзаракцаев Зоригто Евгеньевич, вед. инж. Байкальского института природопользования СО РАН, zbanzar@binm.ru, 8 9644 053873.

УДК 911.1

**Райко Гнято, Миряна Гаич, Срджа Попович
Rajko Gnjato, Mirjana Gajić, Srđa Popović**

**РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ, РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И
РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ – НОВЫЕ ПОДХОДЫ К
ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ**

**REGIONALIZATION, REGIONAL DEVELOPMENT AND
REGIONAL POLICIES - RECENT APPROACHES TO THEORY
AND PRACTICE**

Теоретические вопросы, связанные с регионализацией, исконно принадлежат географической науке. Сложные процессы, происходящие в географическом пространстве вследствие связанности, обусловленности и взаимозависимости природных и антропогенных структур создают относительно дифференцированные и динамичные географические системы – регионы (районы). Названные системы всегда были и остаются предметом исследования географии, как единой науки, в том числе ее многочисленных дисциплин, предметом исследования которых является какая-то одна из составных частей географического пространства (региональной системы). Широкий спектр вопросов, касающихся региональной системы, как предмета исследования, помимо географии, как единой

науки и ее более узких дисциплин, требовал и узкоспециализированного подхода, включающего многочисленные естественные и общественные, а в последнее время и технические науки. Общим знаменателем всех научных подходов является регионализация «предмета исследования». В качестве научного подхода к изучению географического пространства, регионализация обладает широким полем применения в общественной практике: чаще всего применяется как средство соответствующих политик регионального развития, среди которых экономика занимает первое место.

Theoretical issues in the field of regionalization are ingrained in geographical science. The complex processes within geographical space generated by the interconnection and interdependence of natural and anthropogenic structures produce relatively differentiated and dynamic geographical systems – regions. These systems have always been the subject matter of geography and its different disciplines which address ‘some’ of the components of the geographical space (regional system). In addition to geography as a unique science and its disciplines, a wide range of issues related to regional systems demanded a specialized approach within different natural and social sciences, which has recently been supported by technical sciences as well. Regionalization of the ‘subject matter’ has been a common denominator for all these scientific approaches. Being a scientific approach to studying geographical space, regionalization is widely applied in social practice, most frequently as a means of regional development policies among which economic policies are of an utmost relevance.

Ключевые слова: география, регионализация, регион, региональные политики, региональное развитие.

Key words: geography, regionalization, region, regional policies, regional development.

РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТНАЯ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСОБЕННОСТЬ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

В историческом развитии географии, особенно после того, как она сформировалась в качестве современной науки о географическом пространстве, то есть со середины XIX века и по сей день, географические исследования в целом, будь они физико-географические, общественно-географические или сложные (региональные) сопровождалась **регионализацией предмета исследования**. Иначе говоря, регионализация является продуктом

научного исследования географического пространства, причем следует иметь в виду, что, по отношению к окружающему географическому пространству региональный уровень исследуемого (предмета исследования) обладает четко дифференцированными качественными особенностями.

Фундамент регионализации заложила географическая наука, и это предстает вполне логичным, если учитывать, что ее **предметом** является географическое пространство, как единая система, включающая также объективно существующие и относительно дифференцированные географические подсистемы – **регионы**. Предметом исследования географии, т.е. научных дисциплин, входящих в ее состав, являются также и составные части географического пространства, вследствие чего они также становятся предметом географической регионализации.

Имея в виду тот факт, что географическое пространство функционирует не на основе принципа изолированных структур, а как одно целое и в форме относительно дифференцированных **подсистем**, то становится понятным, что **география**, как единая наука о географическом пространстве, занимается сложными вопросами функционирования и развития географической системы в целом, а также ее **подсистем**, называемых нами **географическими регионами**. Аналогично этому утверждению, географические регионы являются основным предметом исследования **региональной географии**.

Известно, что географические регионы отличаются между собой по физиономическим, функциональным, типологическим, таксономическим и по ряду других значимых свойств, а также что они являются выражением особенных региональных структур (природных, экономических, социальных, инфраструктурных, культурных, демографических, этнических, национальных, технических, технологических, образовательных, научных, идейных, идеологических и т.п.). Именно эти (региональные) особенности (в рамках государственного, то есть национального пространства) одной своей частью являются ключевым **фактором регионального развития**, согласно всем релевантным свойствам. В этом смысле региональное развитие создает относительно дифференцированные формы развития, т.е. **регионализмы**. Другой своей частью, регионализмы (в рамках отдельных государств) предстают продуктом внешних факторов, прежде всего, влияния на уровне государства, в котором регионализмы локализованы, а также все большего влияния различных уровней и форм организации глобального географического пространства (международных регионализмов и их центров силы).

Масштаб и сложность предмета исследования географии требовали сложных и зачастую довольно специфических методов «глубинного исследования», которые данная наука самостоятельно не могла полностью обеспечить. Это привело к ускоренному развитию ряда специализированных естественных и общественных наук, часть которых развилась как раз в «недрах» географии.

Итоги специализированных исследований уже давно стали составной частью теории и методологии **единой географии**, ее анализов и синтеза. Такие исследования, как правило, заканчиваются делимитацией относительно единых географических систем, т.е. **регионов**.

Возникает вопрос: что является целью регионализации?

Отвечая на него, обратимся к вполне приемлемой позиции, утверждающей, «что метод регионализации ведет свое происхождение от региональной географии (и географии вообще, прим. авторов), и что он приобрел характер общего метода во всех науках, с различных аспектов, изучающих пространственные явления и процессы» [1, стр. 46; 2, стр. 67–101].

Помимо научной, **регионализация** обладает еще и практической ценностью, и многоуровневой значимостью. Она уже давно является средством для осуществления различных интересов (политических, экономических, социальных, культурных и т.п.) на национальном (государственном), субнациональном, а также на интернациональном, то есть международном уровнях. Как уже отмечалось, регионализация создает **регионы** (районы) и стимулирует их развитие в форме **регионализм**, про которые, в свою очередь, можно сказать, что это **политические проекты**, наделенные ясно определенными целями. В этом смысле, регионализация воспринимается, как средство для развития, «так как без соответствующей регионализации нет качественной региональной политики» [3, стр. 82].

В рамках отдельных государств сегодня имеют место различные подходы к регионализации. В зависимости от «**логики пространства**», определяемой идеями и идеологией (а также многочисленными геопрограммными элементами, факторами, процессами и проблемами развития, спецификой геополитической и геостратегической позиции, политической и экономической системами, культурологическими особенностями и различными интересами), **регионы** (как продукты регионализации) обладают различным формальным статусом, а тем самым и различными возможностями оказать непосредственное влияние на собственное развитие [4, стр. 202-209].

В некоторых государствах **регионы** обладают статусом четко определенных административно-территориальных систем (подсистем) с соответствующими (т.е. региональными) органами управления (например, в Италии, Испании, во Франции, Швейцарии и др.). В некоторых государствах существуют различные подходы к форме территориальной организации, то есть регионализации государственного пространства. В качестве примеров можно привести Российскую Федерацию и Сербию. Это, практически, значит, что в определенных регионах, в зависимости от их формального статуса, государство имеет различное влияние на региональное развитие. В некоторых государствах, объединенных в общем политическом и экономическом пространстве, к примеру, в странах, полноправных членах ЕС, регионализация осуществляется на основе различных принципов, среди которых обязательным является статистический принцип, т.е. число жителей: NUTS 1 (3–7 млн. жителей), NUTS 2 (800 тысяч до 3 млн. жителей), NUTS 3 (150 тысяч до 800 тысяч жителей). Такой (статистический) принцип регионализации предстает основой для определенных политик стран-членов ЕС, и при этом является многоуровневым. Кстати говоря, данный принцип регионализации является обязательным для всех стран-кандидатов на вступление в ЕС, и в этом смысле обладает и дополнительным, т.е. **политическим уровнем**. Статистические регионы уровней NUTS 1 и NUTS 2 странам-кандидатам на членство в ЕС открывают возможность проведения **прямых** переговоров и подписания определенных договоров с соответствующими учреждениями ЕС, даже без желания и соглашения государства, к которому принадлежат. Такая формальная возможность позволяет сделать вывод, что статистическая регионализация бесспорно обладает политическим уровнем, и что она является средством для осуществления разнообразных интересов ЕС по отношению к странам-кандидатам на членство.

Например, Республика Сербия, в качестве «кандидата» на полноправное членство в ЕС, уже осуществила статистическую регионализацию государственного пространства, и таким образом проложила себе дорогу к прямым переговорам регионов уровней NUTS 1 и NUTS 2 с соответствующими учреждениями и органами ЕС, в который, скорее всего, никогда не вступит! Имея в виду как исторические, так и современные интересы некоторых влиятельных стран-членов ЕС, а также такой шантаж Союза по отношению к Сербии, нарушающий ее суверенитет и территориальную целостность (а это значит – ущемляющий ее стратегические интересы, в первую очередь геополитические, культурологические, но все больше и

экономические), при **таких** условиях для Сербии жизненно важно – никогда не вступить в данный союз. Настоящая позиция, рассматриваемая с точки зрения сербских национальных интересов, касается также и Республики Сербской (и, тем самым, всего пространства Боснии и Герцеговины). Но такая позиция одновременно полностью противостоит политическим интересам двух других народов, признанных Конституцией Боснии и Герцеговины (хорватов и боснийцев).

Вопросы, связанные с регионализацией и регионализмами на **интернациональном**, то есть на **международном** уровне, приобретают все большее значение после восьмидесятых годов XX века, вследствие всеобщей трансформации глобальной системы (глобального географического пространства). **«Старые регионализмы»**, характерные для биполярной системы и периода 1950–70-х гг. прошлого века, сменили **«новые регионализмы»** и многополярный мир [5, стр. 457]. Другими словами, многополярный мир вплоть до начала XXI века практически даже не существовал. Это был **униполярный мир**, отмеченный **американским глобализмом**, завернутым в обёртку демократии, рыночной экономики, борьбы за права человека и т.п. Под давлением США и ее самых близких союзников, то есть под давлением глобализма, оказались те международные регионализмы, включая в том числе и отдельные государства, которые стояли на его пути и таким образом представляли собой угрозу его расширению.

Решительное сопротивление американскому глобализму и униполярному миру во главе с «Новой Россией» в конце XX и в начале XXI веков – уже нашло воплощение во многополярном мире (триполярном мире), в рамках которого были сформированы «новые регионализмы». Разумеется, уже существующие регионализмы на интернациональном (международном) уровне и в различных формах организации (политических, экономических, культурных, военных) следует рассматривать в контексте глобальных отношений и региональных интересов.

Не вдаваясь в более подробное рассмотрение «обстоятельств», которые привели к организации отдельных регионализмов, будь они более старые или же более новые (Европейское экономическое сообщество, Европейское сообщество, Европейский союз, Союз независимых государств, Организация Договора о коллективной безопасности, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, Евразийский экономический союз и др.), следует подчеркнуть, что «основой для регионального сотрудничества на межгосударственном

уровне сегодня являются различные **договоры**, охватывающие диапазон от соглашений о свободной торговле, до экономических союзов» [3, стр. 96]. Подобные регионализмы, следовательно, были созданы по **политическим** и **экономическим** причинам [6, стр. 92–93]. Они являются средством для осуществления различных **интересов** государств, включенных в региональную систему, но и средством сопротивления по отношению к интересам других регионализмов и влиятельных государств с неокOLONIALными и гегемонистическими стремлениями.

РЕГИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ

Опираясь на общепризнанное научное (философское) мнение, что **идеи** и **идеологии** являются основным двигателем человеческой деятельности в пространстве, мы приходим к выводу, что регионализация и регионализмы, несмотря на уровень дифференциации и организации географического пространства, также неотъемлемо связаны с основными идеями и идеологиями, являющимися, в свою очередь, продуктом логики пространства. Далее из этого бесспорно следует, что **логика географического пространства** создает «пространственное мышление», а оно, в свою очередь, различные идеи и идеологии, как основу для всех видов и форм пространственной организации общественного и экономического развития в целом. На основании сказанного, можно сделать вывод, что **развитие** меняет суть географического пространства, а тем самым и его логику. Это значит, что и идеи, и идеологии, и регионализмы являются динамичными категориями, следующими логике пространства.

Развитие, как понятийная категория, в первую очередь ассоциируется с экономическим уровнем определенного географического пространства (региона). Именно поэтому экономика пространства (**региональная экономика**) считается движущей силой ключевых процессов развития в регионе. Опыт в области региональной экономики показывает, что она играет существенную роль в **сложном процессе регионального развития** и в формировании **регионализмов**, как продуктов регионального развития. В теоретическом и практическом смыслах региональная экономика стремится сделать **пространство** рыночным фактором, а, тем самым, и фактором развития. Возникает фундаментальный вопрос: в чем заключается роль географического пространства в процессе регионального развития? Прежде чем дать ответ, хотелось бы

подчеркнуть, что «экономическая активность всегда была неравномерно распределена в пространстве, как внутри одного государства, так и между отдельными государствами» [3, стр. 14]. В связи с этим утверждением, многие теоретики, особенно экономисты, с середины XIX века и по сей день, старались установить ключевые факторы пространственной, то есть региональной экономики. Их усилия привели к различным **теориям локации** в смысле факторов региональной экономики.

С теоретической точки зрения Иоганн Генрих фон Тюнен (в 1826 г.) и Альфред Вебер (в 1909 г.) анализируют факторы локации сельского хозяйства, то есть промышленности, Вальтер Кристаллер (в 1933 г.) занимается теорией центральных мест, Август Леш (в 1937 г.) теорией экономического ландшафта, а географ Эдвард Ульман (в 1957 г.) подчеркивает «значимость начальных и кумулятивных выгод для лоцирования экономической активности» [1, стр. 112–116].

В отличие от уже упомянутых, некоторые из современных теоретиков, в первую очередь экономисты и социологи (Р. Hall, Р. Krugman, М. Fujita, J. Thisse и др.), пространственную, то есть региональную экономику, экономический рост и региональное развитие в целом рассматривают как отражение преобладающего влияния нематериальных по отношению к материальным факторам [7, стр. 137–159; 8, стр. 450–454; 9, стр. 339–378].

В связи с **региональными политиками** (политиками регионального развития) среди теоретиков все еще продолжается полемика о том, следует ли регион рассматривать как **объект**, или, наоборот, как **субъект** [10, стр. 1152–1153]. Подход к региону как к объекту подразумевает ключевую роль государства в его развитии. Субъектность региона релятивизирует роль государства в его развитии, а на первый план выдвигает свою собственную роль, причем «регионы приобретают свою субъектность, поскольку им отведена регуляторная функция в процессе сотворения новых форм сотрудничества между регионом и национальным государством» [3, стр. 79].

Невзирая на подход к региону как **объекту** или же **субъекту**, основной целью **региональной политики**, понимаемой в качестве дифференцированной научной дисциплины, является **создание мер**, которые будут способствовать устранению региональных, т.е. межрегиональных различий (диспаритетов). Что касается факторов ускоренного регионального роста и развития, все возрастающее число авторов акцентируют значимость **человеческого капитала** (образование, наука, интеллект, креативность и др.) в отличие от так называемых **«жестких»** факторов (природные ресурсы,

инфраструктура и т.п.). В этом смысле, самый большой и самый быстрый темп экономического роста, измеряемый ВВП, наблюдается в региональных системах, сосредоточивающих человеческий капитал. Таким образом, многие авторы (Jacobs, J. [11], Lucas, R. [12], Glaeser, E.L et oll [13; 14] являются сторонниками **теории человеческого капитала**, подчеркивая роль **городов** в его привлечении и усовершенствовании. Они отмечают, что человеческий капитал является ключевым фактором концентрации предприятий на уровне региона. Иначе говоря, успешные предприятия, как продукт человеческого капитала, являются ключевым условием более динамичного темпа экономического роста и развития, а тем самым, ключевой детерминантой регионального развития в целом (интегрального регионального развития).

Практика многих государств демонстрирует многообразие экономических подходов, теорий и моделей, являющихся основой для регионального роста и развития. В этом смысле экономисты «говорят» чаще всего о **региональном росте** как об **экономической категории**, стараясь квантитативным путем показать рост или упадок релевантного макроэкономического показателя, преимущественно ВВП (валовой внутренний продукт) и уровня безработицы. В отличие от экономистов, географы о **региональном развитии** «говорят» как о **пространственной форме**, т.е. о **регионализме**, его структуральности, качественной характеристике, факторах, процессах и проблемах развития.

Тут возникает вопрос: что создают различные теоретические и практические подходы к региональному развитию, то есть к регионализмам? Ответ кроется в **«пространстве»** – в его логике. Единство глобального географического пространства навязывает **универсальные**, а его относительная дифференцированность на системы и подсистемы различной качественной характеристики, форм и уровней пространственной организации – **особенные** теоретические и практические **подходы**. Региональное развитие и регионализмы неотъемлемо связаны с соответствующими региональными политиками (политиками регионального развития) как продуктами общих и отдельных факторов. На практике **регионализмы** и **региональное развитие** в рамках отдельных государств и на интернациональном, то есть международном уровне, одновременно выступают как продуктом общих закономерностей функционирования и развития географического пространства, так и отдельных факторов региональной дифференциации и регионального развития. Именно региональное развитие и регионализмы иллюстрируют достоверность

географических исследований, обоснованных на общих закономерностях функционирования и развития географического пространства, равно как и необходимость позитивистского подхода к изучению региона.

Все большее влияние на региональное развитие оказывают ныне современных информационные и другие технологии, которые, бесспорно, приводят к сжатию времени и пространства, вследствие чего само понятие регион приобретает новое значение. Региональная индивидуальность и региональное развитие в названных условиях зависят все меньше от «местных» факторов, а все больше от информационной и технико-технологической развитости и включенности в глобальные процессы. Практически, в современных условиях традиционной концепции региона противопоставлена концепция **сети** [3, стр. 118] как новая форма пространственных, в широчайшем смысле общественных, экономических и всеобщих отношений в процессе развития географического пространства. Однако сети не подменяют государства и сами регионы, а выступают лишь в качестве факторов стимулирования регионального развития.

Иначе говоря, целью региональных политик предстают: устранение регионального неравенства и как можно более сильная сопряжённость каждого общества и каждого регионализма. Так, например, Европейский союз (как определенно политический, экономический и социальный регионализм), несмотря на все свои недостатки, является примером укрепления общественной целостности нескольких стран и большого количества регионов, входящих в состав стран-членов. Его всеобщая политика укрепляет экономическую, политическую и социальную целостность **большинства** стран-членов. Союз выделяет значительные финансовые средства для поддержки регионального развития. Исходя из этого, можно сказать, что региональные фонды ЕС: Европейский фонд регионального развития (ERDF), Европейский Социальный фонд (ESF) и Когезионный фонд (CF) являются механизмами соответствующих (и заодно обязующих) общих политик для всех стран-членов Союза. У данных политик особенное отношение к развитию сельского хозяйства, туризма, защиты окружающей среды и т.п. В период с 2007 по 2013 гг. для укрепления региональной сопряжённости ЕС выделила 348 миллиардов евро, а в период с 2014 по 2020 гг. свыше 371 миллиардов евро. Средства фондов распределяются в европейские регионы согласно целям региональной политики и в соответствии с NUTS регионализацией. Лишь в период с 2007 по 2013 гг. реализовано

больше двух миллионов проектов, софинансированных из структуральных и когезионных фондов для 25 стран-членов ЕС.

Несмотря на упреки в том, что региональная помощь не дает ожидаемого эффекта, есть примеры, подтверждающие эффективность политики ЕС. Лучшим — является развитие региона Ирландия. Это государство в период с 2009 по 2018 г., благодаря региональной поддержке, увеличило темп экономического роста за свыше 5%, что превышает средний темп роста в ЕС [15]. В 2018 году ВВП Ирландии существенно превысил средний по ЕС показатель, то есть 189,4 (ЕС=100) [16]. Помимо макроэкономических результатов, Ирландия также быстро реструктурировала экономику и достигла международной конкурентоспособности товаров.

Опыт показывает, что региональная политика более успешна в менее развитых регионах, а также, что развитие руральных регионов во многом зависит от региональной поддержки [17]. Критикующие региональную политику, проводимую ЕС, в основном особо отмечают её неэффективность и сопутствующие криминальные эффекты [18].

Подобно интернациональным, регионализмы и региональное развитие в рамках отдельных государств все больше основываются на **концепции** интегрального регионального развития, в рамках которого секторные политики осуществляют главные цели современного общественно-экономического, культурно-цивилизационного и пространственного развития в целом. В отличие от интернациональных (международных), регионализмы в составе отдельных государств более взаимосвязаны и **менее противопоставлены, что, как правило, считается приоритетом государственного развития и дальнейшего управления.**

Литература

1. Тошић, Д.: (2018). Принципи регионализације. Универзитет у Београду, Географски факултет.
2. Радовановић, М. (1993/94). Регионализам као приступ и регионализација као поступак у функционалној организацији географског простора са неким аспектама на Србију. Зборник радова Географског института „Јован Цвијић“, књ.44-45. Београд.
3. Молнар Д. (2016). Регионалне неједнакости и привредни раст: теоријска и емпиријска анализа. Универзитет у Београду, Економски факултет.

4. Gnjato R., Gnjato O., Stanojević M. (2016). Geographical space – the strategic resource and key all levels of geospatial organization. *Socijalno-ekonomska geografija, Vestnik ARGO*, N° 5.

5. Hettne B, Soderbaum F. (2000). Theorising the Rise of Regioness“ *New Political Economy*, Vol.5, No 3.

6. Миљковић М. (2007). Регионални развој у условима глобализације“, Регионални развој и демографски токови земаља југоисточне Европе, Економски факултет, Ниш.

7. Hall, P. (1988). *Region in Transition to the Information Economy*. In. Sternlib, G. (ed), *American' s New Market Geography*. New York: Rutgers University Center for Urban policy Research.

8. Krugman, P. (1995). *Development, Geography and Economic Theory*. Cembriqe Mass and London: The MIT Press

9. Fujita, M., Thisse, J. (1966). Economics of agglomeration. *Journal of the Japanese and International Economies*

10. Hudson, R. (2007). *Regions and Uneven Regional Development Forever? Some reflective Comments upon Theory and Practice“*, *Regional Studies*, Vol 41.9

11. Jacobs, J. (1984). *Cities and Wealth of Nations*, Vintage, New York.

12. Lucas, R. (1988). On the Mechanics of Economic“Development“, *Journal of Monetary Economics* 22.

13. Glaser, E. L. And J.M. Shapiro (2003). Urban goowth in 1990s: Is city living back?“ *Journal of Regional Science*, Vpl. 43, No 1.

14. Glaser, E. L, J. Scheinkman and A. Shleifer (1995). Economic growth in a cross-section of cities“, *Journal of Monetary Economics*, 36/1.

15. <https://ec.europa.eu/eurostat/web/national-accounts/data/database>; Posjećeno 16.02.2020 u 19 časova.

16. https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/National_accounts_and_GDP; Posjećeno 16.02.2020 u 19 časova i 15 minuta.

17. Gagliardi L, Percoco M (2017). The impact of European Cohesion Policy in urban and rural regions. *Reg Stud* 51(6):857–868.

18. Locatelli G, Mariani G, Sainati T, Greco M (2017). Corruption in public projects and megaprojects: There is an elephant in the room!. *Int J Project Manag* 35(3):252–268

Сведения об авторах:

Райко Гњато, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой региональной географии, Университет в Бая-Луке, естественно-математический факультет, Республика Сербская;

Мирыяна Гаич, доктор географических наук, профессор, кафедра региональной географии, Университет в Белграде, географический факультет, Республика Сербия;

Срджа Попович, доктор географических наук, профессор, факультет средиземноморских наук, г. Тиват, Республика Черногория.

УДК 911.3:330.15(571.6)

**Гладкевич Г.И.
Gladkevich G.I.**

СТРАТЕГИЯ ЭКСПОРТА ПРИРОДНОГО ГАЗА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

STRATEGY FOR EXPORTING NATURAL GAS FROM THE FAR EAST AND POTENTIAL RISKS

В статье рассматриваются современные тенденции рынка природного газа, которые могут существенно повлиять на динамику и объемы экспортных поставок по газопроводу «Сила Сибири». Это: быстрый рост у Китая собственных ресурсов газа, политика Китая на диверсификацию поставщиков, в том числе стран-соседей России, по сравнению с которыми доля России в китайском импорте газа очень мала, определяющая роль СПГ по сравнению с трубным газом, рост роли возобновляемых и альтернативных источников энергии, по потреблению которых и АТР в целом, и Китай, в частности, опережают все другие районы мира. Одновременно, важнейшим сегментом отечественного газового экспорта становятся поставки СПГ, производство которого быстро растет. В связи со сказанным, необходимо диверсифицировать импортеров зоны влияния «Силы Сибири» за пределами России, рассмотреть поставки газа для производства СПГ в Де-Кастри, шире учитывать интересы российских регионов этой части страны.

The article discusses current trends in the natural gas market that can significantly affect the dynamics and volumes of export supplies via the Power of Siberia gas pipeline. These are: the rapid growth of China's own gas resources, China's policy of diversifying suppliers, including Russia's neighboring countries, compared to which Russia's share in Chinese gas imports is very small, the role of LNG in comparison with pipe gas, the growing role of renewable and alternative energy sources, the consumption of which both the Asia-Pacific region in General and China in particular are ahead of all other regions of the world. At the same time, the most important

segment of domestic gas exports is LNG, whose production is growing rapidly. In this regard, it is necessary to diversify importers of the "Power of Siberia" zone of influence outside of Russia, consider gas supplies for LNG production in De-Kastri, and take into account the interests of the Russian regions of this part of the country more widely.

Ключевые слова: «Сила Сибири», конкуренция СПГ и трубопроводов, Азиатско-Тихоокеанский сектор, рынок природного газа Китая и стран АТР, диверсификация поставщиков, приоритет альтернативных источников энергии.

Keywords: The power of Siberia, competition for LNG and pipelines, the Asia-Pacific sector, the natural gas market in China and the Asia-Pacific region, supplier diversification, and the priority of alternative energy sources.

На объемы российского экспорта природного газа прямое влияние оказывает растущий объем его добычи в стране. Так, если в 1990 году (который считается пиком развития нефтегазовой отрасли в России), объем добычи природного газа составлял 640 куб. м, то по данным 2018 года отмечается существенный рост, до 725 млрд куб. м (рис. 1) [1]. Годовые контракты Газпрома по экспортным поставкам можно назвать рекордными, – до 205 млрд куб. м.

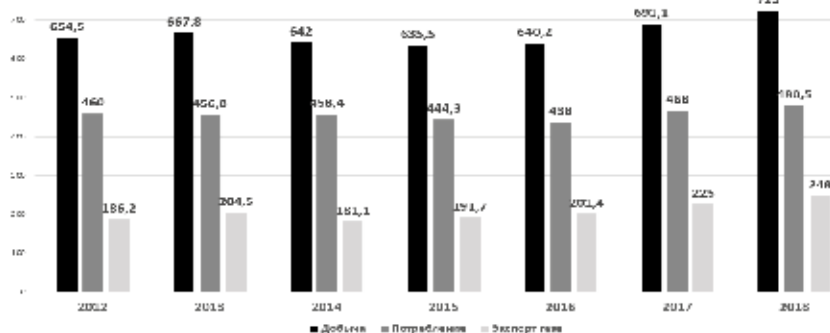

Рис. 1. Добыча, потребление и экспорт газа в России в 2012 – 2018 гг. Источник: [1, с. 62].

Примечание. Экспорт газа включает в себя сжиженный природный газ, но не включает транзит газа из Центральной Азии и Азербайджана (с 2015 года).

Происходит изменение структуры поставок. Важнейшим сегментом отечественного газового экспорта становятся поставки СПГ,

производство которого растет за год до 11 млрд куб м (или на 71%) (рис. 2), так же, как и отгрузка (за счет проекта «Ямал СПГ», – на 50%).

Большое влияние на развитие газовых рынков оказывают цены на данный вид энергоносителя. Долгое время цены на газ в Азии были выше, чем в Европе, однако цена на газ привязана к нефти, и, в связи со снижением цен на нефть, так называемая «азиатская премия» может исчезнуть.

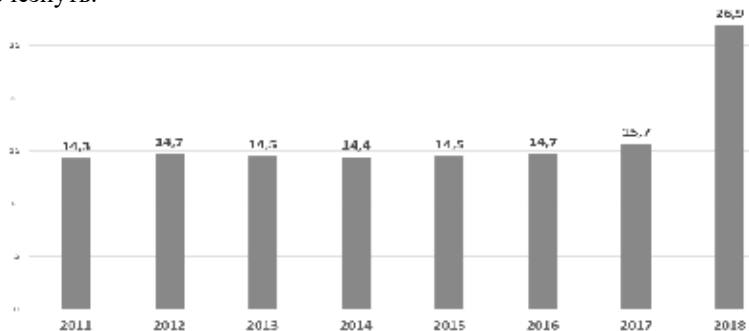

Рис. 2. Динамика производства СПГ в России, млрд куб. м
 Источник: Министерство Энергетики РФ
[\[https://minenergo.gov.ru/node/1215\]](https://minenergo.gov.ru/node/1215)

В России продолжает расширяться рынок СПГ, стоимость которого, при введении новых линий «Ямал СПГ» (а также проекта «Обский СПГ» и «Арктик СПГ-2») за счет использования отечественных технологий будет снижаться. НОВАТЭК намерен увеличить производство СПГ к 2030 году до 70 млн тонн в год [1, с. 64]. Экспорт российского СПГ направлен преимущественно в страны АТР, в т. ч. на Китай приходится почти 40% (рис. 3).

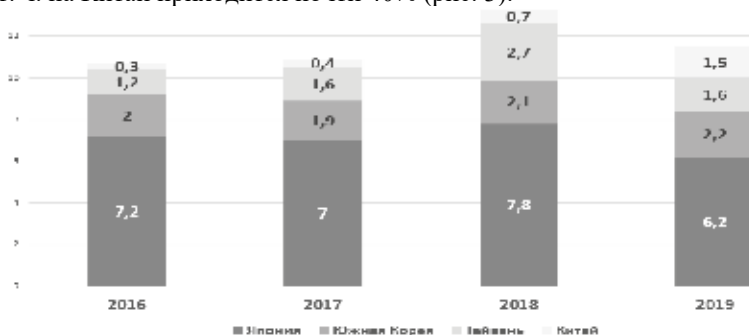

Рис. 3. Экспорт сжиженного природного газа в страны АТР.
 Источник: ПАО «Газпром» [2, с. 31].

Таким образом, конкуренция со стороны СПГ растет, и создается впечатление, что «труба» проигрывает. Тем не менее, в рамках проекта «Ямал» Газпром собирается добывать до 360 млрд куб. м газа в год. Это делается в расчете на главного конкурента СПГ – «Северный поток-2», рассчитанный (вместе с «Северным потоком -1») на 120 млрд куб м газа [1, с. 66]. Если это произойдет, то именно Германия станет главным транзитером российского газа, поступающего по трубам, обогнав Украину.

Вторым «ударным» проектом «Газпрома» является магистральный газопровод «Сила Сибири», рассчитанный по сегодняшним оценкам на передачу газа в объеме 38 млрд куб. м (рис. 4).

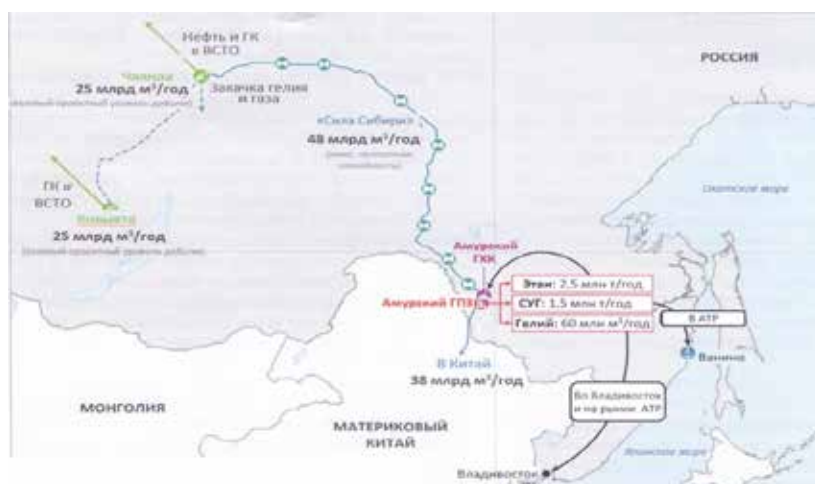

Рис. 4. Магистральный газопровод «Сила Сибири». Источник: [3, с. 89].

«Сила Сибири» базируется не только на Чаяндинском месторождении, но и на Ковыктинском, - самом крупном месторождении в границах двух гигантских районов, – Восточно-Сибирского и Дальнего Востока, запасы которого оцениваются до 2,5 трлн долларов, что делает проект в целом более надежным и долговременным.

С другой стороны, у «Силы Сибири» могут возникнуть проблемы с объемами поставок. Динамика развития китайской экономики и структура потребления первичных источников энергии (где более 60% приходится на уголь со всеми отсюда вытекающими экологическими

последствиями) – в пользу растущего потребления газа, но, при этом, Китай четко ориентируется на собственные ресурсы, с одной стороны, и диверсифицированных поставщиков, с другой, среди которых России принадлежит далеко не первое место. Доля главного поставщика, – Австралии, – 44% и, при этом, это мобильный СПГ [2, с. 30].

Главным конкурентом России в поставках газа в КНР является Туркменистан, уже передающий в западные районы Китая до 39 млрд куб м в год с перспективой практически неограниченного роста (табл. 1). Речь идет о магистральном газопроводе «Туркмения – Китай» (проектная мощность которого 40 млрд м³ в год, запущен в 2009 году), проходящем по территории Туркмении, Узбекистана, Казахстана (всего более 1900 км) и Китая (4500 км).

Таблица 1

Производство углеводородов в странах бывшего СССР в 2017-2019 гг.

	Жидкие УВ, млн т		Газ, млрд куб. м	
	2018	2019	2018	2019
Казахстан	90,4	90,5	33,3	31,3
Азербайджан	37,8	37,4	18,7	24,7
Туркменистан	9,8	9,7	69,8	71,2
Узбекистан	2,9	2,8	59,7	61,9
Украина	1,9	1,8	21,0	21,1
Беларусь	1,6	1,7	0,21	0,23

Составлено автором. Источник: [4, с.115].

Однако у российского газа есть огромное преимущество, которое дорогого стоит. Речь идет о содержании гелия в природном газе месторождений, выбранных в качестве основных поставщиков газа (55% от суммарных запасов гелия по России). Гелий представляет собой дорогостоящий, хотя и «нишевый» продукт как с малым количеством поставщиков, так и относительно небольшим числом покупателей, главными из которых на сегодня выступают Япония и Франция. Газпром планирует довести производство гелия до 60 млн куб. м в год и даже до 90 млн куб. м (мировое производство составляет не более 130 – 140 млн куб. м).

На конец XX в. гелий использовался в космонавтике и ракетной технике (20% потребляемого гелия), для приготовления дыхательных смесей, в том числе для атмосферы обитаемых космических аппаратов – 3-4%, в низкотемпературной энергетике – 11-12%, в машиностроении (сварка и пр.) – около 18%, в металлургии, медицине и

воздухоплавании – по 5%, в остальных областях – по 1-2%. В долгосрочной перспективе потребление гелия увеличится в атомной энергетике – как минимум до 15%, для создания дыхательных смесей – до 17-18%, в медицине – до 8% [<https://airtechnik.ru/blog/sfery-primenenija-gelija/>].

Для отбора гелия из экспортируемого газа строится Амурский ГПЗ и сопутствующий Амурский газохимический комплекс (г. Свободный). Эти объекты стоимостью около 5 млрд долларов являются неотъемлемой частью газопровода «Сила Сибири». Помимо 60 млн куб. м гелия здесь будут извлекать из газа этан, пропан, бутан и другие ценные компоненты. Но в настоящее время завод еще не работает, и остается неясным, как наличие гелия влияет на оговоренные цены поставки газа в Китай.

Расширение экспорта возможно, если будет поддерживаться (или увеличиваться) спрос со стороны Японии и Южной Кореи.

В перспективе конкуренцию «трубе» на рынке стран АТР, вследствие необходимости решения экологических проблем, составит развитие возобновляемых и альтернативных источников энергии. Азиатско-Тихоокеанский регион занимает первое место в мире по объемам потребления альтернативной энергии (при этом доля Китая более 65%). АТР – один из ключевых регионов для развития солнечной энергетики. Потребление солнечной энергии в Китае в два раза больше, чем в США, в 2,5 раза больше, чем в Японии. Быстро растет потребление солнечной энергии в Индии. Страны АТР с 2018 года стали лидерами по потреблению ветряной энергии (36% в региональной структуре потребления ветряной энергии в мире).

Исходя из сказанного, перспективы газопровода «Сила Сибири» следует связывать не только с прямыми поставками газа в Китай (после подключения Амурского ГПЗ до 38 млрд куб м в год), но и со строительством завода по производству сжиженного природного газа в Де-Кастри, где, кроме этого, рассматривается вопрос о создании крупного Восточного нефтехимического комплекса. Сохраняя Китай как потенциальный рынок, необходимо решать вопрос об уменьшении зависимости от «трубы», о диверсификации импортеров и об интересах российских регионов в этом районе.

Литература

1. Капитонов С. Россия на глобальных рынках газа//Нефтегазовая вертикаль. – 2019, №19. – С. 61-68.
2. Филимонова И., Немов В., Комарова А. Новый глобальный экономический союз. Энергетический рынок стран АТР как основа

поставок нефти и газа из Восточной Сибири//Нефтегазовая вертикаль, 2020. – №5. – С. 24-36.

3. Гальцова А. Российский газ приходит в Китай. Но будет ли он конкурентоспособен?//Нефтегазовая вертикаль, 2020, № 1-2. – С.88-94.

4. Достижения и проблемы на рынке СПГ. Аналитическая служба «Нефтегазовой Вертикали»//Нефтегазовая вертикаль, 2020, №1-2. – С. 108-118.

УДК 911.1

**Делич Д.
Delić D.**

СОЦИОГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРЕХОДНЫХ ПРОЦЕССОВ В БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЕ

A SOCIAL-GEOGRAPHICAL ASPECT OF TRANSITIONAL PROCESSES IN BOSNIA AND HERZEGOVINA

В статье рассматриваются социогеографические процессы в Боснии и Герцеговине (БиГ) с теоретического и практического аспектов, а также их геопространственное отражение в контексте перехода социальной системы и дезинтеграции пространства Западных Балкан. В центре внимания анализа – урбанистическая деградация горнодобывающих и промышленных населенных пунктов, носителей общего развития БиГ, как следствие приватизации промышленного потенциала и природных ресурсов, и вызванных ими негативных процессов. Современные процессы в евразийском пространстве отражаются на территории БиГ и способствуют дезинтегрированной политике развития, оказывая негативное влияние на территориальный капитал (экономический, ресурсный, демографический).

Both theoretically and practically, the paper considers social-geographical processes in Bosnia and Herzegovina (B&H) and their geo-spatial reflections in regard to the transition of social system and disintegration of the Western Balkans area. The focus is on the urban degradation of mining and industrial settlements, which are carriers of the development in B&H, resulting from the privatization of industrial capacities and natural resources as well as the negative processes they might trigger. Modern Eurasian processes also affect B&H and have a large impact on disintegrated development policies, which also has a negative effect on the territorial capital (economy, resources, and demography).

Ключевые слова: Босния и Герцеговина, социоэкономические процессы, переход, горнодобывающие и промышленные населенные пункты, территориальный капитал.

Key words: Bosnia and Herzegovina, social-economic processes, transition, industrial and mining settlements, territorial capital.

Введение.

Минерально-сырьевые богатства на территории БиГ обеспечили развитие производственной и горнодобывающей деятельности. Пространственное положение данных ресурсов определило место создания первой сети поселений. Именно горное дело и металлургия стали «одной из главных движущих сил экономического прогресса человеческих сообществ на данной территории» [1, с. 140]. Усиленная эксплуатация природных ресурсов (лесных и горных) начинается в период оккупации БиГ со стороны Австро-Венгерской империи (1878–1918 гг.). Тогда начинается социально-географическая трансформация пространства и общества, вызванная процессами индустриализации и урбанизации. Более динамичный период индустриализации, урбанизации и подобных процессов (миграции из деревни в город, деаграризации, изменений в социоэкономической структуре населения и др.) приходится на вторую половину XX века, когда названные процессы осуществлялись в условиях социалистического развития в рамках СФР Югославии. Самое интенсивное развитие производственной и горнодобывающей деятельности происходило в период с 1960 по 1990 гг., когда БиГ стала центром сырьевой базы, металлургии и обрабатывающей промышленности югославского сообщества. Переходные процессы начались в последнем десятилетии XX века, вследствие политической дезинтеграции СФРЮ. Выделение БиГ в отдельное государство сопровождалось гражданской войной (1992–1995), миграциями населения и физической деструкцией в сети поселений, имеющими далеко идущие последствия для экономического развития [2]. Была создана сложная и измельченная административно-территориальная организация БиГ. Начался процесс приватизации экономики и природных ресурсов, что привело к изменениям в общественной системе: произошел переход от социалистических к либерально-рыночным отношениям. Переходные процессы сказываются на социально-географической трансформации территориального капитала, которая в данной работе рассматривается сквозь призму трансформации и уничтожения горнопромышленных поселений. Анализ пространственного размещения и развития поселений, двигателей экономики, социоэкономических и социально-

географических процессов, охватывает период с 1960 года, когда БиГ все еще являлась частью СФРЮ и была экономическим ядром и мостом между другими федеральными единицами, вплоть до нынешнего момента, в котором БиГ является отдельным государством. Методология исследования основывается на анализе демографических детерминант социально-экономического развития. Критерием для выделения горнопромышленных поселений предстает доля общей численности промышленно-производственного персонала на производственных и горнодобывающих предприятиях, составляющая свыше 30% общей численности работников, или превышающая средний уровень государства. Анализ охватывает период с 1960 по 2018 гг. Источником данных является научная литература, рассматривающая социально-географическое развитие БиГ, а также статистические данные государственных учреждений, наблюдающих за анализируемыми показателями.

Промышленность как фактор формирования сети горнопромышленных поселений. Пространственное размещение природных ресурсов обусловило валоризацию пространства сквозь призму развития транспортной инфраструктуры, промышленности, а также через формирование сети поселений, которые продержались по сей день. На первом этапе индустриализации свыше 40% производственной мощности было сосредоточено в долине реки Босния, а центр находился в саревской котловине [3]. Локализация производственной деятельности в больших городах является в пространственном смысле неуравновешенной и осуществляется до восьмидесятых годов, когда происходит «отраслевая дисперсия из больших и главных региональных центров в маленькие регионы» [3, с. 43]. Уравновешенное пространственное развитие промышленности привело к полимодальному развитию сети поселений, социально-географической урбанизированной трансформации поселений и сосредотачиванию населения вдоль дорог.

Рис. 1. Изменения социальноэкономических показателей в Боснии и Герцеговине в период с 1960 по 2013 гг.

Изменения в социальноэкономической структуре занятого населения на уровне БиГ в период с 1960 по 2013 гг. (диаграмма 1) происходили в уравновешенном порядке вплоть до 1990 года, когда начинается ослабление демографической мощности [5, 6, 7, 8, 9, 10] и происходит резкий спад доли работников производственных и горнодобывающих предприятий (с 46% на 21%) [4, 11, 12, 13, 14, 15]. Доля занятого населения в целом остается относительно стабильной, однако меняется ее структура, показывающая теперь, что происходит ослабление промышленного и горнодобывающего секторов экономики, а также рост доли работников в третичном и четвертичном секторах экономики. Данные перемены являются следствием нескольких факторов: дезинтеграции СФРЮ, деструкции промышленных предприятий в течение гражданской войны, процессов приватизации, а также новой административно-территориальной организации БиГ. Названные процессы в основном оказали отрицательное влияние на динамику развития горнопромышленных поселений. В начале анализируемого периода (в 1960 г.) БиГ в административном смысле была организована в рамках 12 уездов, пять из которых обладали

выраженной производственной или горнодобывающей функцией (доля работников превышала средний уровень государства, то есть составляла 46%), а в пяти других уездах, данная функция доминировала (свыше 30% занятого населения). В отдельных поселениях доля работников производственных и горнодобывающих предприятий составляла даже 88%. Лишь два уезда не были производственного или горнодобывающего типа, но отдельные поселения в их составе все-таки обладали данной функцией (Брчко – 30%, Углевик – 77%, Босанско Грахово – 31%, Гламоч – 44%) [4]. По сути дела, речь идет о многофункциональных поселениях низкой демографической мощности. В период после 1960 года, территориально-административная организация меняется, уезды распадаются на муниципалитеты. В период с 1970 по 1990 гг. увеличивается количество муниципалитетов с выраженной производственной или горнодобывающей функцией, а также муниципалитетов, в которых производственная и горнодобывающая деятельность доминировали [11, 12, 13] (табл. 1).

Таблица 1

Динамика доли муниципалитетов производственного и горнодобывающего характера (1960–2103 гг.)

	1970 г.		1980 г.		1990 г.		2013 г.	
Доля работников производственных и горнодобывающих предприятий на государственном уровне	46%		38%		40%		21%	
Число муниципалитетов в БиГ	105	(%)	109	(%)	109	(%)	144	(%)
Муниципалитеты с долей работников производственных и горнодобывающих предприятий, превышающей средний уровень государства	52	49,5%	70	64,2%	77	70,6%	68	47,2%
Муниципалитеты с долей работников производственных и горнодобывающих предприятий,	15	14,3%	23	21,1%	27	24,8%	*	*

составляющей свыше 30%								
Муниципалитеты с долей работников производственных и горнодобывающих предприятий, составляющей меньше 30%	38	36,2%	16	14,7%	5	4,6%	*	*

Примечание. *- Доля работников производственных и горнодобывающих предприятий на государственном уровне в 2013 году составляла 21%.

Это период интенсивной индустриализации в Югославии, основанной на природных ресурсах, что способствовало развитию горнодобывающих поселений в БиГ. Значимость горнодобывающей деятельности находит свое отражение и в структуре экономики БиГ, в которой в 1990 году даже 95% муниципалитетов были производственного или горнодобывающего типа [13]. Это в основном муниципалитеты с небольшим демографическим потенциалом и монофункциональной экономикой. Крупные центры урбанизации, помимо промышленной функции, обладают также другими экономическими и неэкономическими сферами деятельности. БиГ, как ресурсная база бывшей СФРЮ, своими многочисленными экономическими связями была обращена к ее республикам. Дезинтеграционные и переходные процессы дезинтегрировали и ослабили экономическую систему. Пространство БиГ после гражданской войны было политически и административно разделено на энтитеты: Республика Сербская (РС), Федерация Боснии и Герцеговины (ФБиГ) и автономный округ Брчко.

Социальноэкономические показатели от 2013 года подчеркивают ослабление экономики вследствие территориального мельчания, военной деструкции, плохой приватизации и дезинтегрированного рынка. Названные переходные процессы в наибольшей мере отрицательно отразились на маленьких поселениях, которые в своем социальноэкономическом развитии были ориентированы лишь на промышленность или горнодобывающую деятельность, и тем самым недостаточно развивали другие секторы деятельности, что впоследствии отразилось на постоянном снижении их демографического потенциала. Доля работников производственных и горнодобывающих предприятий на государственном уровне уменьшилась до 21%, то есть составила всего лишь 50% довоенной и

допереходной мощности. В актуальной административно-территориальной организации БиГ лишь 47% муниципалитетов обладает одинаковой или большей долей работников производственных и горнодобывающих предприятий по отношению к среднему уровню государства. Из общего числа, составляющего 144 муниципалитета, только в 7 доля работников осталась такой же, какой была, или стала больше, чем довоенная на государственном уровне (41%): Вогошча – 54%, Брежа – 45%, Гацко – 49%, Какань – 46%, Высоко – 42%, Котор Варош – 41%, Лукавац – 41% [14,15]. Речь идет о муниципалитетах, ориентированных на горнодобывающую и обрабатывающую деятельность. У приведенных муниципалитетов нет значительных центров развития, нет и значительной демографической мощности. Они в основном обосновывают свое развитие на эксплуатации природных ресурсов. Однако существует реальная угроза, что вследствие истощаемости природных ресурсов данные муниципалитеты могут стать проблематичной территорией. Переходные процессы ввели зарубежный капитал в пространство БиГ, так что ее территориальный капитал лишь частично влияет на национальное развитие. Частью промышленности является релоцированное производство развитых стран, поскольку цена местной рабочей силы в БиГ достаточно низкая.

Влияние современных переходных процессов на социоэкономические характеристики Боснии и Герцеговины. Анализ современных социоэкономических показателей обнаружил сравнительно небольшую производственную и горнодобывающую деятельность. В БиГ доля работников производственных и горнодобывающих предприятий в 2018 году составляла 24,8% [16]. Структура анализированной деятельности показывает, что преобладают обрабатывающие отрасли, в то время как доля работников в горнодобывающем деле уменьшается (ФБиГ – 2,5%, РС – 1,9%, округ Брчко – 0,2%) [16, 17, 18]. Пространственный анализ показывает, что производственная деятельность сосредоточена в больших урбанизированных центрах, а горнодобывающая – в их окружении (в ФБиГ – в сараевской котловине). В пространстве РС, местами сосредоточенности предстают маленькие поселения монофункционального производственного (Котор Варош) и горнодобывающего типа (Углевик, Гацко), которыми гравитируют трудовые миграции из соседних муниципалитетов. Производственные и горнодобывающие поселения уже не являются центрами экономического развития, поскольку производственные предприятия и полезные ископаемые в основном сданы в аренду зарубежным

предприятиям. Дезинтеграционные и переходные процессы в целом в пространстве Западных Балкан, неконтролируемая приватизация производственных и природных ресурсов привели к экономическому ослаблению урбанизированных центров, а также к стагнации всеобщего развития БиГ. Это сказывается на ослаблении функциональной и демографической мощности сети поселений (общая убыль населения 1991-2013. на 23,44%) [2], развитой именно благодаря развитию промышленности.

Заключение.

Современная административно-территориальная организация БиГ и биполярность геополитической, экономической и культурной ориентации, вызванной дезинтеграцией и переходными процессами, сужают перспективы развития. Социально-географическая трансформация урбанизированных центров и общества в целом, вызванная переходными процессами, отрицательно сказывается на пространстве в качестве деструктивных процессов в территориальном капитале, вследствие чего сильно замедляется вступление БиГ в современные направления развития. Ослабление сектора промышленности и горнодобывающего дела отрицательно сказывается на вложениях в сферу инфраструктуры и всеобщую активность населения, атрофию урбанизации, направления и характер миграций. Установление контроля над природными ресурсами и рационализация их эксплуатации, а также обращение к национальному развитию, могло бы стабилизировать socioэкономическое развитие и демографическую остроту БиГ.

Сведения об авторе:

Драгица Делич, мастер-географ, ассистент, кафедра общественной географии, Естественно математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина), e-mail: dragica.delic@pmf.unibl.org

Литература

1. Čović, V. Pratoriskno rudarstvo i metalurgija u BiH- stanje i problemi istraživanja // Godišnjak ANUBiH, 22, 1984, c. 111-144.
2. Мандић, М. Посљедице насилонг распада СФРЈ на развој насеља у Босни и Херцеговини (Републици Српској) // Зборник радова са међународне научне конференције: Геополитички процеси у савременом Евроазијском простору, 2017, с. 575-592.

3. Марић, Ђ. Индустијализација Босне и Херцеговине. Географско друштво Босне и Херцеговине, Сарајево: Природно-математички факултет Сарајево, 1991, 203.
4. Savezni zavod za statistiku FNRJ. (1961). Статистический ежегодник FNRJ 1961. Beograd: Autor.
5. Savezni zavod za statistiku FNRJ. (1962). Статистический ежегодник FNRJ 1962. Beograd: Autor.
6. Savezni zavod za statistiku SFRJ. (1972). Статистический ежегодник Югославији 1972. Beograd: Autor.
7. Savezni zavod za statistiku SFRJ. (1982). Статистический ежегодник Югославији 1982. Beograd: Autor.
8. Savezni zavod za statistiku RBiH. (1994). Статистический ежегодник Републики Боснији и Херцеговины 1992. Sarajevo: Autor
9. Републички завод за статистику (2016). Перепись домашних хозяйств и квартир в Републике Сербской 2013, Результаты переписи. Бања Лука: Аутор.
10. Агенција за статистику Босне и Херцеговине. (2019). Перепись населения, домашних хозяйств и жилищ в Боснии и Херцеговине, возраст и пол, семейное положение, рождаемость. Сарајево: Аутор.
11. Savezni zavod za statistiku SFRJ. (1971). Статистический ежегодник Югославији 1971. Beograd: Autor.
12. Savezni zavod za statistiku SFRJ. (1981). Статистический ежегодник Югославији 1981. Beograd: Autor.
13. Savezni zavod za statistiku SFRJ. (1991). Статистический ежегодник Югославији 1991. Beograd: Autor.
14. Републички завод за статистику (2017). Перепись домашних хозяйств и жилищ в Републике Сербской 2013, Экономические характеристики. Бања Лука: Аутор.
15. Агенција за статистику Босне и Херцеговине. (2019). Перепись населения, домашних хозяйств и жилищ в Боснии и Херцеговине, экономические характеристики. Сарајево: Аутор.
16. Agencija za statistiku Bosne i Hercegovine. (2019). Демография и социальная статистика. Пресс-релиз № 10, год XII. Sarajevo: Autor.
17. Републички завод за статистику (2019). Города и муниципалитеты Републики Сербской 2019. Бања Лука: Аутор.
18. Federalni zavod za statistiku. (2019). Статистический бюллетень 289, Занятость, безработица и заработная плата 2018. Sarajevo: Autor.

Деточенко Л.В., Фесенко В.В.
Detochenko L.V., Fesenko V.V.

СЖИЖЕННЫЙ ПРИРОДНЫЙ ГАЗ НА ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ РЫНКЕ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ: ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

LIQUEFIED NATURAL GAS IN THE ENERGY MARKET OF FOREIGN ASIA: TRENDS AND PROSPECTS

Обозначены тенденции изменения энергетического рынка Зарубежной Азии, показаны преимущества поставок сжиженного газа перед трубопроводным. Представлены тренды мирового рынка сжиженного газа, проанализированы география и объёмы поставок СПГ в страны Азии. Выявлены факторы, влияющие на торговлю сжиженным природным газом в регионе на современном этапе и в перспективе.

Trends in the energy market of foreign Asia are identified, the advantages of liquefied gas supplies over the pipeline are shown. The trends of the global liquefied gas market are presented, the geography and volumes of LNG supplies to Asian countries are analyzed. The factors affecting the trade in liquefied natural gas in the region at the present stage and in the future are identified.

Ключевые слова: сжиженный природный газ, энергетический рынок, импортеры СПГ, экспортеры СПГ.

Keywords: liquefied natural gas, energy market, LNG importers, LNG exporters.

Энергетический рынок Зарубежной Азии на современном этапе претерпевает серьёзные изменения, что связано с увеличением объёмов потребления энергоносителей, вследствие высоких темпов экономического роста ряда азиатских стран, и с энергетической политикой ведущих азиатских промышленных держав, в частности, Китая и Индии, направленной на увеличение доли газового компонента в структуре энергопотребления.

Эти факторы способствовали тому, что до 2020 г. азиатский регион потреблял практически все предложенные объёмы газа по высоким премиальным ценам. В последние годы, как и в мире в целом, в регионе трендом стало увеличение доли продаж газа в виде сжиженного природного газа (СПГ). Общие мощности по сжижению

газа только в 2018 г. увеличились на 41 млн. тонн. Поставки СПГ выросли на 8,3% по сравнению с 2017 г. и достигли 313,8 млн. т, доля СПГ в общем объёме мирового экспорта газа составила 40%, предполагается рост её до 60% в 2040 г. Число стран-экспортеров сжиженного газа выросло до 19, импортеров до 42 [1].

У сжиженного газа перед трубопроводным появляется всё больше конкурентных преимуществ. Именно в сжиженном виде на танкерах-метановозах можно доставлять газ на большие расстояния через акватории океанов и морей. Для стран Восточной, Юго-Восточной, Южной Азии, не обладающих развитой сетью газопроводов, это важный фактор. Стоимость строительства танкеров, станций и терминалов по сжижению газа и регазификации вполне сопоставима со стоимостью строительства газопроводной инфраструктуры [2]. Природный газ, добываемый на шельфе, для сжижения теперь необязательно подавать на сушу - появились первые мобильные плавучие СПГ-терминалы, например, в 2018 г. введён в эксплуатацию завод по сжижению природного газа в 500 км к западу от Австралии, с 2014 г. работает регазификационное судно в акватории Литвы. СПГ без регазификации может использоваться как экологически чистое моторное топливо – в 2018 г. спущен на воду первый круизный лайнер, работающий только на СПГ. По прогнозам Shell, в 2040 г. более 6000 судов будут использовать СПГ. Перспективным считается и перевод тяжёлых грузовиков с дизельного топлива на сжиженный газ [3].

Важнейшим преимуществом для стран-импортеров СПГ являются особенности торговли сжиженным природным газом, основная из которых заключается в том, что значительная доля (32%) рынка СПГ ныне преимущественно формируется на основе быстрых спотовых сделок, а не на долгосрочных контрактах, как у поставок трубопроводного газа. Страны-покупатели газа всегда могут выбрать наиболее конкурентоспособного на данный момент экспортёра газа и отказаться от проигрывающего в конкурентной борьбе, могут совсем приостановить импорт газа.

Можно сказать, что торговля СПГ постоянно меняет, «путает» географическую картину рынка газа регионов и стран мира. Изучение ситуации на современном рынке сжиженного природного газа достаточно сложный процесс, и можно констатировать, что игроки и объёмы поставок на нём зависят от множества политических, экономических, а ситуация зимы 2020 г. показала, что и медицинских факторов, и меняются крайне быстро.

В данной статье проведём анализ особенностей торговли сжиженным природным газом на энергетическом рынке Зарубежной

Азии на начало 2019 г. (на этот период есть самая новая существующая на момент написания статьи комплексная статистика по рассматриваемой проблематике) и покажем последующие изменения в поставках СПГ в Азии.

Представим торговлю СПГ в Азии в двух таблицах. Таблица 1 демонстрирует ситуацию по поставкам СПГ в Зарубежной Азии, к которой в статистических источниках энергетических компаний относят страны географических субрегионов Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия. В таблице 2 представлена ситуация с поставками СПГ на Ближнем Востоке или в субрегионе Юго-Западная Азия.

Таблица 1

География поставок СПГ в Зарубежную Азию в 2018 г., млн т

Страны-экспортеры	Страны-импортёры											
	Япония	Китай	Южная Корея	Индия	Тайвань	Пакистан	Тайланд	Индонезия	Сингапур	Малайзия	Бангладеш	Всего экспорт в субрегион
Алжир	-	0,07	-	0,22	-	0,13	-	-	-	-	-	0,42
Ангола	0,20	0,52	0,27	1,68	0,06	0,06	-	-	0,13	-	-	2,39
Камерун	-	0,17	-	0,26	0,06	-	-	-	-	-	-	0,49
Египет	0,13	0,18	0,22	0,17	-	-	0,07	-	-	-	-	0,77
Экваториальная Гвинея	0,12	0,67	0,06	0,81	-	0,31	-	-	0,27	-	-	2,25
Нигерия	1,34	1,13	0,47	2,86	0,18	0,88	0,92	-	-	-	-	7,78
Норвегия	0,13	0,26	0,13	0,07	0,06	0,13	-	-	-	-	-	0,77
Тринидад и Тобаго	0,12	0,38	0,18	0,35	0,23	0,06	0,39	-	0,05	-	-	1,75
США	1,50	2,16	4,57	1,00	0,25	0,25	-	-	-	-	-	10,73
Оман	3,08	0,51	4,27	1,16	0,31	0,13	0,07	-	-	-	-	9,54
Катар	10,03	9,29	14,15	11,13	4,83	4,28	2,02	-	0,37	-	0,67	56,78
ОАЭ	4,98	-	-	0,31	0,06	0,13	0,06	-	-	-	-	5,54
Австралия	28,45	23,14	7,90	1,46	2,56	0,07	0,07	-	2,01	0,88	-	66,54
Бруней	4,20	0,21	-	-	0,74	-	0,06	-	-	0,39	-	6,37
Индонезия	5,09	4,89	3,52	-	1,14	0,13	0,19	3,0	0,13	-	-	18,09
Малайзия	11,29	5,99	3,67	0,26	2,74	0,06	0,53	-	-	0,13	-	24,66

Папуа-Новая Гвинея	3,14	2,49	0,08	-	1,15	-	-	-	0,08	-	-	6,93
Перу	0,56	0,06	0,97	-	0,06	-	-	-	-	-	-	1,65
Россия	6,82	1,15	2,05	0,41	2,30	0,06	0,06	-	-	-	-	12,86
Резкспорт получено	0,42	0,74	0,68	0,33	0,07	0,1-	-	-	0,07	-	-	2,50
Резкспорт отправлено	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	0,15			0,07					0,56			0,78
Всего импорт	82,46	54,00	43,97	22,42	16,81	6,86	4,44	3,0	2,56	1,40,67	38,56	

Источник: составлено авторами по данным GIIGNL, Kpler.

Таблица 2

География поставок СПГ в регион Ближний Восток в 2018 г., млн. т

Страны-экспортёры	Страны-импортёры						Всего экспорт в субрегион
	Кувейт	Иордания	Египет	ОАЭ	Израиль		
Алжир	-	0,07	-	0,26	-	-	0,33
Ангола	0,46	-	-	0,07	-	-	0,53
Египет	0,06	-	-	-	-	-	0,06
Экваториальная Гвинея	0,13	0,13	0,06	-	-	-	0,32
Нигерия	0,39	0,61	0,12	0,06	-	-	1,18
Норвегия	0,13	0,13	0,42	-	-	-	0,68
Тринидад и Тобаго	0,06	0,23	0,06	-	0,43	-	0,78
США	0,19	0,87	0,13	0,07	0,12	-	1,37
Оман	0,47	-	-	-	-	-	0,47
Катар	1,35	0,13	0,94	-	-	-	2,42
ОАЭ	-	-	-	-	-	-	-
Австралия	-	-	-	0,12	-	-	0,12
Россия	0,07	0,27	0,13	-	-	-	0,46
Резкспорт получено	0,06	0,06	0,07	-	-	-	0,38
Резкспорт отправлено	-	-	-	0,19	-	-	-
Всего импорт	3,39	2,49	1,93	0,77	0,55	-	9,12

Источник: составлено авторами по данным GIIGNL, Kpler [1].

Азиатский регион занимает огромный сегмент в мировой торговле СПГ, на него приходится 79% всех поставок этого энергоносителя.

В числе экспортеров СПГ азиатского региона обладающие крупными запасами природного газа страны Ближнего Востока – Катар, Оман, ОАЭ, и Юго-Восточной Азии – Малайзия, Индонезия, Бруней. Они совместно поставляют в страны региона 123,96 млн. т СПГ, то есть, 50% поставок сжиженного газа в Зарубежной Азии являются внутрирегиональными.

Но самым крупным экспортером СПГ в страны азиатского региона является мировой лидер по данному показателю Австралия, запустившая в 2018 г. ещё 3 новых линии на предприятиях по сжижению газа, и в целом, в силу географического положения, экспортирующая газ лишь в сжиженном виде. У Австралии широкая география поставок СПГ в регион – в 10 стран из 16 покупающих сжиженный газ. Но основные объёмы идут в Китай, Японию, Южную Корею, Тайвань. На втором месте по поставкам СПГ, занимающий и в мире второе место, Катар. Объёмы несколько меньше, но география поставок шире – 12 стран. Катар является основным экспортёром сжиженного газа для Индии, поставляя туда 50% всего закупаемого страной СПГ.

Третье и четвёртое места как импортёры СПГ в Азию занимают азиатские Малайзия и Индонезия, по абсолютным размерам экспорта в 2-3 раза уступающие странам лидерам, но в силу незначительной дальности транспортировки СПГ, могущие предложить конкурентоспособные цены на свой газ.

Эти 4 страны обладают и самыми большими мощностями по производству СПГ (в млн. т): Катар - 77, Австралия - 66, Малайзия – 29,3, Индонезия – 26,5.

На пятое место в 2018 г. в связи с вводом в строй нового завода по сжижению газа «Ямал СПГ», вышла Россия, на 6 место США, активно начавшая поставлять на мировой рынок сланцевый газ в сжиженном виде. Основным потребителем российского СПГ являлась Япония, американского – Южная Корея. Именно Россия и США вместе с Австралией дали основной прирост экспортных поставок СПГ в мире.

Из экспортеров СПГ в страны Азии среднего масштаба можно отметить Оман, Нигерию, ОАЭ и совсем недавно вышедшую на этот рынок Папуа-Новую Гвинею.

Импортируют СПГ 11 государств Зарубежной Азии и 5 стран Ближнего Востока. Импорт сжиженного газа на начало 2019 г. вырос до 247,68 млн. т., из которых на Страны Ближнего Востока приходится

лишь 3,7%, все остальные объёмы СПГ (96,3%) потребляют быстрорастущие экономики государств Восточной и Южной Азии.

Среди импортёров СПГ в Азии 219,66 млн. т. газа или почти 89% приходилась на 5 стран: Японию, Китай, Южную Корею, Индию, Тайвань. Причём, внеконкуренным лидером по закупкам СПГ в 2018 г. была Япония. Эти страны (без Тайваня) и США образуют и первую пятёрку стран мира по мощностям по регазификации СПГ (в млн. т): Япония - 198, США – 159, Южная Корея -127, Китай - 57, Индия - 27. Масштабы импорта сжиженного газа остальных 11 азиатских стран со странами-лидерами несопоставимы.

Но уже к концу 2018 г. ситуация с покупками объёмов СПГ на рынке Азии начала меняться. Активно наращивали импорт сжиженного газа (в млн. т) Китай – 15 (на 31,8% по сравнению с 2017 г.), Южная Корея – 6,1, Индия – 3,2, Пакистан – 2,2. Тогда как импорт в Японию вследствие некоторой стагнации экономики страны сократился на 1,1 млн. т.

В 2019 г. доминирование Китая в импорте СПГ продолжилось. Объёмы закупок сжиженного газа выросли на 14%, и при продолжающемся сокращении импорта СПГ Японией, позволили КНР стать важнейшим потребителем сжиженного газа, во многом определяющим положение СПГ на азиатском рынке энергоносителей.

Зимой 2019-2020 гг. проявившиеся геополитические, погодные и медицинские факторы начали менять ситуацию с СПГ на мировом и региональных энергетических рынках. Заполненные заранее газовые хранилища в Европе в связи с долго нерешаемой ситуацией с продлением контракта на транспортировку российского газа через территорию Украины, наступившая теплая зима, ввод в строй газопровода из Азербайджана через территорию Турции, усилившаяся активность ряда стран, в первую очередь, США на газовом рынке Европы привели к переизбытку предложения газа в европейском регионе и снижению общемировых цен на газовое топливо.

В Азии произошли серьёзные изменения в Китае. Введённый в эксплуатацию в декабре 2019 г. и обеспеченный долгосрочным контрактом газопровод из России «Сила Сибири» резко усилил конкуренцию СПГ с трубопроводным газом. Ситуация с коронавирусом в Китае, приведшая к резкому сокращению транспортных перевозок, остановке ряда промышленных предприятий в стране, снизила потребности в энергоресурсах, что сразу отразилось на спотовых поставках СПГ. Китайские энергетические компании говорят о возможном отказе от законтрактованных объёмов СПГ со ссылкой на форс-мажор. Но подписанное в январе 2020 г. соглашение

о первой фазе торговой сделки между США и Китаем обязывает КНР резко увеличить закупку энергоносителей из США [4]. Выполнение соглашения приведёт к тому, что резко изменятся ранг и объёмы поставок экспортеров сжиженного газа в страну. Уже в 2021 г. основным поставщиком станет США, резко потеснив других экспортеров, в частности, и Россию.

Таким образом, в начале 2020 г. мировой и азиатский рынки СПГ оказались «перегретыми», предложение СПГ резко превысило спрос на него. В таких условиях ведётся речь об изменении в ближайшей перспективе объёмов и географии поставок СПГ на энергетическом рынке Азии, о замораживании нескольких проектов по производству СПГ, в частности, в Катаре, Австралии, появления неясности в российских проектах СПГ, остановке некоторых поставок газа на азиатский рынок.

Эти аспекты неблагоприятны для поставщиков СПГ в Зарубежную Азию, в том числе, и для экспорта российского газа с заводов Ямала и Сахалина. Но для увеличения доли сжиженного газа в топливно-энергетических балансах стран Азии создалась выигрышная ситуация – падение цены на газ сделает его более доступным для масштабного использования.

Литература

1. The LNG industry. GIIGNL ANNUAL REPORT 2019. URL: https://giignl.org/sites/default/files/PUBLIC_AREA/Publications/giignl_annual_report_2019-compressed.pdf (дата обращения: 08 февраля 2020).
2. Деточенко, Л.В. Мировой рынок сжиженного природного газа, перспективы его производства и экспорта в России //Псковский региональный журнал. 2015. № 23 (23). С. 25-32.
3. Shell предсказывает бум СПГ как топлива для судов и грузовиков //PRO-ARCTIC. URL: <http://pro-arctic.ru/21/02/2019/gamers/35769> (дата обращения: 18 февраля 2020).
4. Китай открывает свой рынок для американского сжиженного газа //DW Аналитика. URL: <https://www.dw.com/ru> (дата обращения: 22 февраля 2020).

Сведения об авторах.

Лилия Валерьяновна Деточенко, канд. геогр. наук., доцент, доцент кафедры географии, геоэкологии и методики преподавания географии ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет», lillyad@rambler.ru, 8 902 3895715.

Владимир Владимирович Фесенко, канд. геогр. наук., доцент, доцент кафедры географии и картографии ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет», fesenko@volsu.ru, 8 902 3110667.

Дмитриев Р.В.
Dmitriev R.V.

**ТЕОРИЯ ЦЕНТРАЛЬНЫХ МЕСТ:
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ**

**THE THEORY OF CENTRAL PLACES:
THE MAIN STAGES OF DEVELOPMENT**

В развитии теории центральных мест можно выделить четыре этапа. Докристаллеровский этап представлен исследованиями, заложившими геометрическую и экономическую «составляющие» теории. Кристаллеровский этап ознаменовался становлением ее основных положений. Третий этап связан с изучением соотношения теоретически предсказанных и реальных систем расселения. Четвертый этап образован тремя направлениями, в том числе преимущественно российским – связанным с изучением эволюции систем центральных мест.

Four stages could be distinguished in the development of the Central place theory. The pre-Christallerian one is represented by studies that laid the geometric and economic “components” of the theory. The Christallerian stage was marked by the formation of its main provisions. The third stage involves the study of the theoretical and real settlement systems ratio. The fourth one is formed by three areas, including mainly Russian – related to the study of the evolution of central place systems.

Ключевые слова: теоретическая география, теория центральных мест, история формирования, этапы развития.

Keywords: theoretical geography, central place theory, history of formation, stages of development.

Классическая теория центральных мест (ТЦМ) – один из немногих формализованных конструктов общественной географии – подвергается критике за абстрактность постулатов [1] и ошибки в исходных положениях [2]. В то же время ТЦМ стала базисом [3], во-первых, для планов освоения [4] оккупированных Германией территорий современных Польши, Чехии и Словакии, и, во-вторых, для Генеральной схемы расселения СССР [5], предложенной отечественными специалистами. В этой связи ТЦМ сохраняет свою актуальность до настоящего времени, а ее модификации могут быть использованы в качестве теоретической основы нового варианта

«Стратегии пространственного развития Российской Федерации» на период после 2025 г.

Предложенная В. Кристаллером в начале 1930-х годов [6], ТЦМ начала формироваться существенно раньше. Докристаллеровский этап развития ТЦМ характеризуется двумя направлениями исследований, определивших геометрическую (иерархия и/или взаимное расположение центральных мест и дополняющих районов) и экономическую (центральные функции) «составляющие» самой теории. Первое направление представлено прежде всего трудами И. Коля, Л. Лаллана, Ф. Ауэрбаха и др.; второе основывалось на работах И. Тюнена, В. Лаунхардта, А. Вебера и др. Оба направления формировались, будучи слабо связанными друг с другом, практически параллельно – в рамках почти исключительно немецких (и в меньшей степени французских) географических и экономических школ.

Собственно, кристаллеровский этап развития ТЦМ, продлившийся с 1932 по 1955 гг., ознаменовался появлением теории как таковой, а также эпохального труда А. Лёша [7]. Последний рассматривал ТЦМ во многом как частный случай собственных разработок. Тем не менее, данный тезис справедлив лишь для экономической «составляющей» теории; в отношении же иерархии и расположения центральных мест, наоборот, построения Лёша представляют собой «разновидности» решеток Кристаллера. Вторая характерная черта этого этапа – отсутствие сколь-либо основательных работ современников Кристаллера и Лёша, посвященных изучению их теоретических построений.

Третий этап развития ТЦМ до середины 1980-х годов характеризуется активизацией интереса к собственно теории, ее построениям и соотношению с реальными системами расселения. «Центр тяжести» исследований смещается из Германии и Франции в англо-саксонский мир: на первое место выходят труды М. Бекманна [8], У. Айзарда [9], Б. Берри и У. Гаррисона [10], У. Бунге [11], М. Дейси [12], Дж. Парра [13] и др. В это же время появляются первые отечественные работы по ТЦМ – Ю.В. Медведкова [14] и В.А. Шупера [15].

Четвертый этап, продолжающийся вплоть до настоящего времени, связан с тремя направлениями исследований: для работ в рамках первого из них (сначала американских, а ныне и китайских географов – С. Арлингхауса [16], Д. Гриффита, Я. Чена и др.) характерна глубокая количественная проработка ТЦМ – переход в изучении от геометрии расселения к геометрии шестиугольников. Переход от третьего этапа к данному направлению четвертого этапа был осуществлен во многом

благодаря трудам замечательных отечественных исследователей – М.Г. Сониса [17] и С.М. Гусейн-Заде [18].

Второе направление исследований в рамках четвертого этапа связано с междисциплинарным подходом к ТЦМ в рамках прежде всего «новой экономической географии» [19]. Третье направление исследований – ныне преимущественно российское (хотя в XX в. представленное работами исследователей и из других стран – например, [20]) – связано с изучением эволюционных процессов в теоретических и реальных системах расселения на основе как иерархического (В.А. Шупер [21], А.А. Важенин [22], И.А. Худяев [23], Р.В. Дмитриев [24; 25]), так и экономического (П.П. Эм [26]) «подходов».

В то же время отечественная и зарубежная историография ТЦМ представлена только публикациями, посвященными отдельным ее направлениям; работы, охватывающие весь период развития теории, отсутствуют. Изучение истории формирования ТЦМ как таковой будет способствовать не только выявлению сильных и нивелированию слабых сторон теории, но и предложению новых ее модификаций. Последние представляют собой новый вызов ТЦМ в условиях необходимости приближения теоретических построений к их реальным аналогам в рамках непосредственно существующих систем расселения.

Литература

1. Johnston, R.J. *City and Society: An Outline for Urban Geography*. London: Routledge, 2007. 296p.
2. Nicolas, G. Walter Christaller from “exquisite corpse” to “corpse resuscitated” // S.A.P.I.E.N.S. 2009. Vol.2, No.2. URL: <https://journals.openedition.org/sapiens/843> (accessed 28.02.2020).
3. Мазаев, А.Г. Современна ли современная теория расселения? Критика методологических основ // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2010. № 2. С.9-13.
4. Rössler, M. *Applied Geography and Area Research in Nazi Society: Central Place Theory and Planning, 1933 to 1945* // *Environment and Planning D: Society and Space*. 1989. Vol. 7, Is.4. Pp.419-431.
5. Наймарк, Н.И. Критический анализ методологических основ современных градостроительных теорий расселения // *Проблемы расселения: история и современность* (Серия: Россия 90-х: проблемы регионального развития. Вып.3.). М.: Ваш Выбор. ЦИРЗ, 1997. 154с. С.121-125.

6. Christaller, W. Die zentralen Orte in Süddeutschland: Eine ökonomisch-geographische Untersuchung über die Gesetzmässigkeit der Verbreitung und Entwicklung der Siedlungen mit städtischen Funktionen. Jena: Gustav Fischer, 1933, 331s.

7. Lösch, A. Die räumliche Ordnung der Wirtschaft. Eine Untersuchung über Standort, Wirtschaftsgebiete und internationalen Handel. Jena: Verlag von Gustav Fischer, 1940. 348s.

8. Beckmann, M. Some Reflections on Lösch's Theory of Location // Papers and Proceedings of the Regional Science Association. 1955. Vol. 1. Pp.2-9.

9. Isard, W. Location and Space-economy: a General Theory Relating to Industrial Location, Market Areas, Land Use, Trade, and Urban Structure. Cambridge: The Technology Press of Massachusetts Institute of Technology, John Wiley & Sons, Inc., 1956. 350p.

10. Berry, B., Garrison, W. The Functional Bases of the Central Place Hierarchy // Economic Geography. 1958. Vol. 34, Is. 2. Pp. 145-154.

11. Bunge, W. Theoretical Geography. (Lund Studies in Geography Series C: General and Mathematical Geography). Lund: Gleerup, 1962. 210p.

12. Dacey, M. The Geometry of Central Place Theory // Geografiska Annaler. Series B, Human Geography. 1965. Vol. 47, No. 2. Pp. 111-124.

13. Parr, J. Models of City Size in an Urban System // Papers of Regional Science Association. 1970. Vol. 25. Pp. 221-253.

14. Медведков, Ю.В. Экономгеографическая изученность районов капиталистического мира. Приложения математики в экономической географии. Т. 2. М.: ИНИОН, 1965., 162с.

15. Шупер, В.А. Исследование метрики социально-географического пространства (на примере Центра Европейской части РСФСР): дисс. ... к-та геогр. наук. М., 1980., 128с.

16. Arlinghaus, S. Fractals Take a Central Place // Geografiska Annaler. Series B, Human Geography. 1985. Vol. 67, No. 2. Pp.83-88.

17. Sonis, M. Central Place Theory after Christaller and Losch: Some further explorations // 45th Congress of the Regional Science Association, 23-27 August 2005, Vrije Universiteit Amsterdam [электронный ресурс]. URL: <https://www-sre.wu.ac.at/ersa/ersaconfs/ersa05/papers/18.pdf> (дата обращения: 13.02.2020).

18. Гусейн-Заде, С.М. Модели размещения населения и населенных пунктов. М.: Издательство Московского университета, 1988., 94с.

19. Fujita, M., Krugman, P., Mori, T. On the evolution of hierarchical urban systems // *European Economic Review*. 1999. Vol. 43, Is.2. Pp.209-251.

20. Preston, R.E. The Dynamic Component of Christaller's Central Place Theory and the Theme of Change in his Research // *The Canadian Geographer*. 1983. Vol. 27, Is.1. Pp.4-16.

21. Шупер, В.А. Самоорганизация городского расселения. М.: Российский открытый университет, 1995. 168 с.

22. Важенин, А.А. Эволюционные процессы в системах расселения. Екатеринбург: УрО РАН, 1997. 62с.

23. Худяев, И.А. Эволюция пространственно-иерархической структуры региональных систем расселения: автореф. дис. ... к-та геогр. наук. М., 2010. 24 с.

24. Дмитриев, Р.В. К вопросу о постоянстве значения доли центрального места в населении обслуживаемой им зоны для всех уровней кристаллеровской иерархии // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2019. №1. С.128-135.

25. Дмитриев, Р.В. Метрика пространства в теории центральных мест: старые проблемы, новые решения // *Географический вестник*. 2019. №2. С.24-34.

26. Эм, П.П. Системы размытых центральных мест Корейского полуострова: дис. ... к-та геогр. наук. М., 2013. 194 с.

Сведения об авторе.

Дмитриев Руслан Васильевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, докторант; Институт географии РАН, Институт Африки РАН. E-mail: dmitrievrv@yandex.ru ; тел.: +7-903-286-15-00.

УДК 911.37:314.74 (44)

Елманова Д.С.

Elmanova D.S.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЭТНИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ВО ФРАНЦИИ

GEOGRAPHIC ASPECTS OF MODERN CHANGES OF ETHNIC STRUCTURE IN FRANCE

Франция — одно из наиболее привлекательных государств Западной Европы с точки зрения иммигрантов как европейского

происхождения, так и выходцев из стран Азии и Африки. Выходцы из европейских стран в большей степени характерны для приграничных и старопромышленных территорий, из неевропейских — для крупногородских агломераций. Особенностью Парижской агломерации является сокращение миграционного населения (как в абсолютных, так и в относительных значениях) в её центре (департамент Париж) при росте этого населения в прилегающих департаментах.

France is one of the most attractive countries in the Western Europe for immigrants from other European states as well as from Asia and Africa. Highest share of immigrants from European countries are noticed within bordering regions and old industrial territories, from non-European countries — within largest agglomerations. Modern feature of the Paris agglomeration is a reduction of immigrant population (both in absolute and in relative values) in its center (Paris proper) with an increase of this population in adjacent departments.

Ключевые слова: миграция, иммиграция, Западная Европа, Франция.

Key words: migration, immigration, Western Europe, France.

Формирование современной этнической структуры стран Зарубежной Европы напрямую зависит от состава международных миграций. Франция всегда была крайне привлекательной страной для иммигрантов и остаётся ей до настоящего времени.

Для анализа был выбран уровень департаментов, позволяющий выявить внутренние различия, не спускаясь на локальный уровень. Источником данных послужили материалы Национального института статистики и экономических исследований Франции [1]. Главным недостатком данных материалов была их неполнота, как с точки зрения охваченного временного периода, так и с точки зрения количества представленных национальностей. В связи с этими ограничениями был проведён анализ за два года — 2006 и 2016 гг. (годы промежуточных переписей во Франции).

Предметом исследования является территориальное распределение иммигрантов, имеющих различное гражданство (национальность), проживающих в настоящее время на территории Франции. В качестве синонимичных понятий в настоящей работе используются слова мигрант, иностранец.

В рамках оценки неравномерности этнической структуры Франции было рассмотрено расселение мигрантов по департаментам в

абсолютных (численность мигрантов) и относительных значениях (доля мигрантов в общей численности населения). (Рис. 1).

Департаменты достаточно сильно отличаются по численности населения: отношение по этому показателю между наиболее и наименее населёнными единицами АГД составило в 2006 г. 33 раза, а в 2017 г. — 34 раза. При этом аналогичный показатель для миграционного населения достиг 224 раза в 2006 г. и 177 раз в 2016 г. Таким образом, неравномерность размещения всего населения Франции осталась практически неизменной, тогда как миграционного населения — наоборот, сократилась за выбранный период.

Среди лидеров по абсолютной численности иностранцев в 2006 г. был Париж с прилегающими департаментами так называемой «Малой короны» и «Большой короны». В 2016 г. они немного меняются местами, однако характер расселения остался неизменным — наиболее привлекательным регионом для мигрантов остаётся крупнейшая агломерация страны.

Если рассматривать долю иностранного населения в общей численности населения департаментов, то первые места занимают те же департаменты: Сен-Сен-Дени, Валь-де-Марн, Париж, Валь-д'Уаз и О-де-Сен. В департаментах Малой и Большой короны отмечен наиболее значительный рост иммигрантов как в абсолютных, так и в относительных значениях.

Франция отличается большой неравномерностью доли мигрантов в населении департаментов: от максимального значения в 23,6 % в департаменте Сен-Сен-Дени до минимального в 1,5 % в департаментах Канталь (Центральный массив) и Вандея (западное атлантическое побережье). Максимальная доля мигрантов характерна не только для региона Иль-де-Франс (Парижская агломерация), но также для Лионской агломерации, приграничных северо-восточных департаментов (Эльзас, Лотарингия) и юго-востока, в том числе для Корсики. Наименьшая доля мигрантов характерна для западных регионов страны.

За изучаемый период различия между департаментами по доле мигрантов изменились незначительно. Опережающими темпами по сравнению с прочими территориями росли именно крупнейшие агломерации.

Наиболее интересным является то, что город Париж (департамент № 75) за выбранный период начал терять своё миграционное население как в абсолютных, так и в относительных значениях, тогда как парижские пригороды наоборот, растут опережающими темпами. При этом наибольший рост как в абсолютных, так и в относительных

значениях испытали восточные и юго-восточные пригороды французской столицы.

Что касается этнической структуры населения департаментов Франции, то в данном случае проблемой вновь является ограниченность доступной статистики: данные представлены только по выходцам из семи крупнейших стран: Португалии, Италии, Испании, Алжира, Марокко, Туниса, Турции. Мигранты из этих государств составляют от 21 % до 91 % миграционного населения департаментов. Мигранты из каждой страны размещены неравномерно, хотя для выходцев из европейских стран, в особенности португальцев, эта неравномерность ниже. Португальцы проживают преимущественно в парижских пригородах (департаменты Валь-де-Марн, Сен-Сен-Дени, Эсон), итальянцев больше либо в приграничных со страной департаментах (например, в Приморских Альпах), либо в тех регионах, где в своё время была развита угольная и металлургическая отрасли (например, в Мозеле и Верхнем Рейне). Испанцы гораздо сильнее тяготеют к границе: их доля максимальна в департаментах Восточные Пиренеи, Атлантические Пиренеи и Верхние Пиренеи.

Размещение выходцев из неевропейских стран крайне сильно связано с агломерационными территориями, но для них помимо доминирования Парижа и его пригородов в зависимости от страны происхождения характерны департаменты, где расположены другие крупные города — Лион, Марсель, Лилль, Страсбург, Тулуза, Авиньон. Выходцы из Алжира, как представители относительно рано начавшейся миграционной волны, наиболее представлены в парижских пригородах (департаменты Сен-Сен-Дени и Валь-де-Марн) и в Лионе (департамент Рона). Мигрантов из двух других североафриканских стран помимо крупных городов (Авиньон — департамент Воклюз — для марокканцев и Париж — департамент Сен-Сен-Дени — и Ницца — департамент Приморские Альпы — для тунисцев) также можно встретить в большом количестве на Корсике. Единственная азиатская страна в выборке — Турция — также наиболее широко представлена в крупных городах. Особенно много выходцев из этой страны в районе Страсбура — в департаментах Нижний и Верхний Рейн (что, скорее всего, объясняется влиянием соседней Германии, где турки представлены очень широко), а также в парижском Сен-Сен-Дени.

Проведённое исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. В целом за 2006–2016 гг. неравномерность размещения миграционного населения по департаментам Франции сократилась,

хотя для общего населения страны этот показатель практически не изменился.

2. Среди лидеров по абсолютной и относительной численности иностранцев, а также росту этих показателей являются департаменты Парижской агломерации.

3. Относительно высокая доля мигрантов также характерна для территорий с другими крупными агломерациями (Лион, Марсель), приграничных, периферийных территорий (северо-восток и юго-восток), а также для старопромышленных регионов (северо-восток).

4. Особенностью Парижской агломерации является сокращение миграционного населения (как в абсолютных, так и в относительных значениях) в её центре (департамент Париж) при росте этого населения в прилегающих департаментах.

5. Мигранты из каждой страны размещены неравномерно, хотя для выходцев из европейских стран эта неравномерность ниже. Выходцы из европейских стран в относительно большей степени привязаны к приграничным и старопромышленным территориям, из неевропейских — к крупногородским агломерациям.

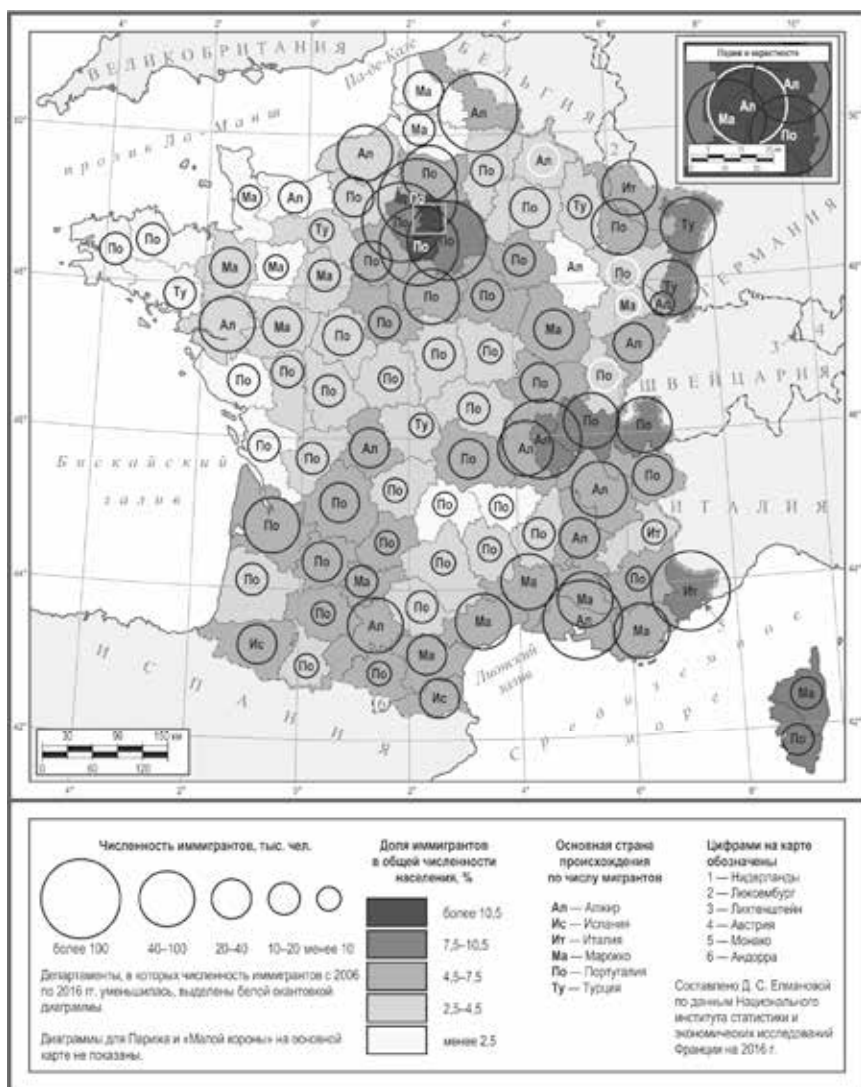

Рис. 1. Расселение иммигрантов по департаментам Франции, 2016 г.
Составлено автором по данным [1].

Литература

1. Institut national de la statistique et des études économiques (France) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.insee.fr/> (дата обращения 01.12.2019).

Сведения об авторе:

Елманова Дарья Сергеевна, к.г.н., с.н.с. кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: elmanova@gmail.com, телефон: +79032155238

УДК 911.1

**Зеканович И.
Zekanovic I.**

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКО- ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

GEOPOLITICAL SPECIFICS OF SOUTHEAST EUROPE IN THE CONTEXT OF CONTEMPORARY POLITICAL- GEOGRAPHICAL PROCESSES

Геополитические особенности Юго-Восточной Европы определяются глобальными, континентальными, региональными и многочисленными локальными причинами, а также комплексом перекрестных интересов других внутрибалканских и внебалканских факторов. Кроме того, геополитические особенности юго-востока Европы обусловлены общей неоднородностью (национальной, культурной, религиозной, этнической, цивилизационной, экономической и т.д.), а также транзитным положением, в котором на протяжении веков переплетаются геополитические интересы региональных и мировых держав.

Во втором десятилетии 21 века мы являемся свидетелями многочисленных геополитических изменений на международной арене. Такие изменения, вызванные глобальными политико-географическими процессами, закрепились в геопространстве Юго-Восточной Европы.

В настоящее время некоторые новые (старые) геополитические факторы вновь актуализируют геополитическое значение Юго-

Восточной Европы, которое в конце 20-го века было сведено к минимуму и находилось на «обочине» международных отношений.

Униполярность и относительная униполярность в международных отношениях закончилась и неизбежно трансформировалась в мультиполярность. Изменения в иерархии крупных государств, роль цивилизаций в современных политико-географических процессах, актуализация и реинкарнация Шелкового пути вновь недвусмысленно превращают Юго-Восточную Европу в геополитически привлекательный регион.

В работе мы постараемся определить современные геополитические особенности Юго-Восточной Европы, ее роль в новых геополитических отношениях, экспансионистски мотивированных интеграциях и схожих процессах в контексте ее геополитического значения для крупнейшего материка Евразии.

Geopolitical Specifics of Southeast Europe are determined by global, continental, regional and many local determinants, but also by the complex of cross interests of other inner and outer Balkan factors.

Also, the geopolitical specifics of Southeast Europe are conditioned by overall heterogeneity (national, cultural, religious, ethnic, civilization, economic, etc.) and transit position in which geopolitical interests of regional and world powers have been intertwined for centuries.

In the second decade of the 21st century, we have witnessed numerous geopolitical changes in the international community. These changes, caused by the global political-geographical processes, have their stronghold in the geospace of Southeast Europe.

Today, some new (old) geopolitical factors are re-actualizing the geopolitical importance of Southeast Europe, which was minimized and in the margins of international relations at the end of the 20th century.

Unipolarism and relative unipolarism in international relations ended and inevitably transformed into multipolarism. The change in the hierarchy of the great powers, the role of civilizations in contemporary political-geographical processes, the actualization and reincarnation of the "Silk Road" once more clearly affirm that Southeast Europe is a geopolitically attractive region.

In this paper we will try to identify the contemporary geopolitical specifics of Southeast Europe, its role in new geopolitical constellations, expansionist-motivated integrations and similar processes in the context of its contemporary geopolitical significance for the largest planetary mainland of Eurasia.

Ключевые слова: Юго-Восточная Европа, геополитика, политико-географические процессы, интеграции, Евразия.

Key words: Southeast Europe, geopolitics, political-geographical processes, integrations, Eurasia.

Исходные данные. Для современного международного сообщества в третьем десятилетии двадцать первого века характерны многочисленные изменения, которые в корне меняют его структуру и динамику международных отношений. В контексте глобальных общественных изменений и мониторинга новых целей развития, стратегий, задач и действующих лиц возникает вопрос: каковы роль и место Юго-Восточной Европы в будущем, а точнее, в геополитических планах крупных государств в современных политико-географических процессах, обусловленных глобализацией, регионализацией и интеграцией, и особенно – какова судьба культурной и этнической самобытности, учитывая цивилизационные факторы геопространства.

Проблема данной работы основана на предпосылке, что Юго-Восточная Европа как часть «Римленда» и специфический геополитический регион прочно утвердилась между прошлым и будущим, являясь геопространством противоречий; что именно ее расположение и приграничный характер повлияли на формирование комплексных геополитических характеристик.

Посредством анализа геополитических особенностей Юго-Восточной Европы, возникших в результате современных политико-географических процессов в рамках вновь подтвержденной теоретической концепции доктрины «Хартленд – Римленд» мы попытались объяснить сложные отношения между геополитическим положением Юго-Восточной Европы и ее современным развитием, конфликты между различными культурами и нациями, между историей и современностью, а особенно влияние исторического наследия на современные общественно-политические процессы.

Из-за своих географических и геополитических особенностей Балканы, т.е. Юго-Восточная Европа исторически были нестабильным регионом. Здесь на протяжении веков сталкивались различные политические, экономические, военно-стратегические и другие интересы. Связанные между собой нации, этнические группы, а также культурные и религиозные круги влияли на то, что столкновения и военные конфликты были очень частыми и многочисленными, что делает это геопространство одним из самых актуальных кризисных регионов в мире. Геопространство всегда было в сфере интересов как локальных государств, так и региональных лидеров, и мировых держав. Балканские государства не были достаточно геополитически сильны,

чтобы обеспечить более длительный период мира и стабильности, и постоянно зависели от внешних влияний крупных держав.

В Юго-Восточной Европе и сегодня пересекаются интересы глобальных и региональных сил, поэтому данное пространство актуально как «вызов американской мировой военной и экономической позиции, русской трансбалканской концепции, немецкому центрально-европейскому заслону от Балтийского до Адриатического моря, Турции, планируемой от Адриатического моря до Китайской стены, итальяно-католической *Sprita l oriente* и т.д. Все эти интересы расходятся с жизненно важными интересами коренных балканских народов» [1, с. 250].

Одной из основных характеристик Балкан или Юго-Восточной Европы в геополитическом отношении является этническая, культурная и религиозная принадлежность и смешение. На протяжении веков здесь селились многие этнические группы, прежде всего славянского, романского и азиатского происхождения. Многочисленные военные завоевания, миграции, перемещения и переселения привели к смешанному демографическому составу. Непрерывность политико-географических и этнодемографических процессов, как в прошлом, так и сегодня, повлияла на то, что в Юго-Восточной Европе существуют многочисленные ареалы «малых» народов с особым национальным и историческим сознанием.

Являясь единственным проходом между западной, центральной Европой и Ближним Востоком, Балканский полуостров на протяжении веков притягивает и останавливает переселения народов, завоевательные походы и распространение религии. По этой причине геопространство Балкан (Юго-Восточной Европы) является уникальной религиозной и цивилизационной ареной для двух основных форм христианства и ислама, которые часто трагически сталкиваются между собой преимущественно славянские народы. Это пространство глубочайшего проникновения ислама в Европу, глубочайший охват католической миссионерской работы на востоке и самые западные опорные пункты православного мира [2].

В течение последних тридцати лет Балканы были маргинализированы, раздроблены, не интересны геополитическим концепциям – «внешняя часть Римленда» обременена многочисленными открытыми и потенциальными горячими точками кризиса. Данное геопространство характеризуют этнические конфликты, нестабильные государства и неразвитые демократии с одной стороны, и столкновение различных геополитических интересов США и европейских государств, НАТО и ЕС с другой стороны.

Национальные, территориальные и другие конфликты и противоречия на Балканах наиболее ярко выражены в геопространстве Боснии и Герцеговины, Сербии и Албании как источников негативных геополитических и геостратегических эскалаций. Здесь достаточно места для вмешательства внерегиональных геополитических факторов, оказывающих различное политическое, военное, экономическое и иное давление, вмешательства и провоцирующих локальные конфликты.

Положение Балканского полуострова в зоне крупных религиозно-цивилизационных границ или *лимитрофов* между Европой и Азией повлияло на то, что с исторической точки зрения изменялась динамика отношений «созидание - разрушение».

«Это повлияло на сложные и бурные геополитические процессы, известные как культурный стереотип «балканизация» и «балканизм». Термин «балканизация» является метафорой конфликта на этнической и религиозной почве, изоляционистского государства, культурного и религиозного национализма, экономически периферийного, геополитически разделенного и юридически неопределенного геопространства. Такая модель балканизации имеет негативное значение с точки зрения политико-территориальной фрагментации, этнической и межгосударственной нетерпимости, смешивания внешних факторов и доминирования. Кроме того, модель «балканизации» означает группу малых, нестабильных и слабых государств, которые основаны на идеи одной нации в регионе, в котором государства и нации территориально не совпадают» [3, с. 25-26].

«В представлении европейцев «балканизация» является метафорой этнических и религиозных конфликтов, изоляционистского государственного, культурного и религиозного национализма, который привел к падению Европы в двух мировых войнах» [4, с. 19]. Балканизация противоречит «европейской модели» национального сосуществования, которая является синонимом терпимости и мультикультурализма.

Факторы, влияющие на возникновение религиозных конфликтов в геопространстве Балкан, можно разделить на две группы, а именно: *факторы географической среды и антропогенные факторы*.

Факторы *географической среды* проистекают из антропогеографических и географических особенностей слияния и взаимопроникновения, которые обеспечивают историческую и цивилизационную преемственность на Балканском полуострове. Такие факторы могут быть дополнительно разделены на: 1. факторы изоляции и отделения, возникающие из структуры рельефа и являющиеся

причиной политико-территориальной раздробленности и этнического и культурного мозаичности; 2. факторы слияния и проникновения, которые связаны с географическим положением и открытостью для внешних воздействий, которые являются причиной иностранных вторжений и притязаний крупных государств.

Вторая группа факторов, которая влияет на конфликтность в данном геопространстве – это *антропогенные факторы*. Из-за воздействия внешних факторов Балканы сохранили свой евразийский характер в своем этническом составе, культурном и политическом развитии. Хаотическое распределение рельефа стало причиной мозаичного расположения народов на Балканах [3].

«Периферийное расположение и два типа географических особенностей полуострова, т.е. «проникновение-слияние-пронизывание» и «изоляция-отделение» – это те объективные географические особенности, которые делают регион очень важной периферией для центров силы в Европе и Малой Азии (Римской империи и Византии, Османской империи, Габсбургской монархии) вплоть до восточных и западных блоков времен холодной войны и современных центров европейской и мировой силы. Данное пространство исторически являлось «связью миров» (*catena mundi*). Исторические карты данной территории показывают, что на протяжении веков существовала «граница миров» (*antemurale christianitatis*), разделение между империями и сферами интересов» [5, с. 436].

Геополитическая характеристика Юго-Восточной Европы.

Географическое положение Балкан как перекрестка между Европой, Азией и Африкой, с важными внутренними путями и этической и конфессиональной мозаикой, сегодня, как и раньше все еще привлекает внимание региональных и внерегиональных сил.

Балканский полуостров является географическим регионом, который расположен на юго-востоке Европы. Географические границы Балканского полуострова на севере – это реки Дунай и Сава, на юге Средиземное море, на востоке и на юго-востоке – Черное, Мраморное и Эгейское моря, на западе – Ионическое и Адриатическое моря. Он расположен между 35° и 46°53' северной широты и 13°23' и 30° восточной долготы.

Профессор географического факультета Белградского университета Мирко Грчиц дал следующее определение данному геопространству: «Балканский полуостров окружен шестью морями и тремя реками. Он охватывает площадь около 505.578 км², из чего острова занимают 21.500 км². Здесь проживает около 45 миллионов

жителей. Основная часть, которая связывает полуостров с континентальным блоком от Триеста до Одессы (1.300 км), шире, чем основная часть, связывающая Европу и Азию от Одессы до Калининграда (1.160 км), и поэтому его можно считать скорее субконтинентом Европы, так же как Индия является субконтинентом Азии» [6, с. 67].

И далее, «Балканский полуостров занимает 1/20 часть или 5% поверхности и здесь проживает примерно 1/15 часть населения Европы. Понятие Балкана как экономического пространства шире и охватывает территории 11 государств и трех субъектов, находящихся на Балканском полуострове, а также Кипра и Молдовы, тяготеющих к нему. Балканское экономическое пространство, включая Турцию, имеет площадь около 1.500. 000 км² и здесь проживает 133 млн. человек. Если рассматривать только европейскую часть Турции и исключить ее часть в Малой Азии, то Балканы наполовину меньше и имеют площадь 789.816 км² и 68,6 миллионов населения, но это все равно значительные цифры с точки зрения его экономического и рыночного потенциала» [5, с. 435].

Если определять Юго-Восточную Европу как геополитическое образование или регион на юго-востоке европейского континента, то в геополитическом контексте он охватывает всю территорию Балканского полуострова, часть Паннонской равнины, Нижнедунайскую низменность и части Карпат, а некоторые авторы включают и геопространство Малой Азии.

В отличие от четкого географического понятия «Балканский полуостров», понятие «Юго-Восточная Европа» является относительно новым и определяется политико-территориальными соображениями на Балканском полуострове. Данный термин стал широко использоваться в последние 20 лет, поэтому региональная инициатива Европейского союза в 1999 году была названа Пактом стабильности для Юго-Восточной Европы, а интернет-газета «Balkan Times» была в 2003 году переименована в «Southeast European Times».

С геополитической точки зрения геопространство Юго-Восточной Европы больше, чем географическое пространство Балканского полуострова. В целом, данное геопространство охватывает территорию или часть территории 12 государств: 1. Словения 27%; 2. Хорватия 47%; 3. Босния и Герцеговина 100%; 4. Сербия 80%; 5. Черногория 100%; 6. Северная Македония 100%; 7. Болгария 100%; 8. Румыния 9%; 9. Албания 100%; 10. Греция 85%; 11. Турция (турецкая Фракия); 12. Италия (округи Горица и Триест).

Другими политико-территориальными сообществами в регионе Юго-Восточной Европы, которые следует упомянуть, являются: 1. Республика Сербская, энтитет в Боснии и Герцеговине; 2. Федерация Боснии и Герцеговины, государственное образование в Боснии и Герцеговине; 3. Округ Брчко, округ Боснии и Герцеговины; 4. Воеводина, автономная провинция в составе Сербии; 5. Косово и Метохия, автономная провинция в Сербии, которая в одностороннем порядке провозгласила независимость в 2008 году в соответствии с резолюцией 1244 Совета Безопасности ООН с временным самоуправлением под контролем ООН; 6. Афон, монашеское государство под опекой Греции на полуострове Афон.

Если рассматривать Юго-Восточную Европу как геополитический фактор, то мы можем говорить о более широком геополитическом контексте, который, помимо вышеупомянутых политико-территориальных сообществ, также включает в себя те, которые в историко-географических и геополитических обстоятельствах оказали значительное влияние на политико-географическое формирование Балканского полуострова. Здесь мы можем включить Молдову из-за ее историко-политической связи с Румынией, а также Венгрию и Австрию, учитывая историко-географические обстоятельства и преобладание геополитического влияния в геопространственной области Балканского полуострова.

Процесс фрагментирования и национальной консолидации в геопространстве Юго-Восточной Европы до сих пор не завершен, поскольку не исчезли многочисленные причины национальных разногласий, как не исчезли и носители политических процессов, которые вызывают такие кризисы. «Балканы никогда не создавали своей собственной нормальной геополитической конфигурации, которая позволила бы сформировать общепризнанный центральный субъект и установить отношения с геополитической периферией» [7, с. 13].

Преодоление этнических и национальных антагонизмов, которые существовали здесь на протяжении веков, и подчеркивание и развитие того, что привлекает и объединяет народы Балканского полуострова могло бы привести к превращению Юго-Восточной Европы из нестабильного и небезопасного региона в регион сотрудничества и мира между народами, проживающими на данной территории.

Политико-географические процессы и Балканы – геополитическая парадигма. Современные политико-географические процессы в геопространстве Юго-Восточной Европы в основном обусловлены глобализацией, новым мировым порядком,

евроинтеграцией, различными формами регионализма, а также новыми иерархиями в глобальных геополитических отношениях и геополитическом разделении мира.

Таким образом, в современных геополитических отношениях и политико-географических процессах во время ускоренного процесса глобализации под эгидой нового мирового порядка (который в третьем десятилетии XXI века близится к концу) происходят изменения в политико-территориальных сообществах как ответ на изменения в международном сообществе и международных отношениях. Функционирование государства ограничено его возможностями и ресурсами, которые различны для каждого государства, а также нормами международного права, регулируемыми международные отношения и международную политическую систему в целом.

Современные политико-географические процессы в международном сообществе указывают на действия США по установлению нового мирового порядка, точнее геополитической модели однополярного мира. Вместе с США свое место в качестве ведущих мировых игроков в процессе глобализации стремятся сохранить и страны Запада, ЕС, а частично и Турция.

Одной из целей Соединенных Штатов и некоторых наиболее развитых стран Запада, является полный контроль над геопространством Юго-Восточной Европы и его адаптацию к интересам и концепции нового мирового порядка. Это подразумевает уменьшение влияния России и Китая. Для достижения своей цели Запад сделал все для того, чтобы Греция, Турция, Болгария, Румыния, Словения, Хорватия, Албания и Черногория стали членами НАТО. Северная Македония должна стать полноправным членом этой организации в первой половине 2020 года. Босния и Герцеговина, по примеру Сербии, хочет сохранить свой нейтралитет.

Что касается НАТО, то существует множество причин, по которым Соединенные Штаты хотят видеть балканские страны в Организации Североатлантического договора и под своим контролем, и именно поэтому они пытаются максимально фрагментировать это геопространство, чтобы как можно проще осуществить свои геополитические требования. Они понимают значение расположения Балканского полуострова и его геополитической перспективы как сухопутного, морского и воздушного пути между Европой, Азией и Африкой. «Балканы представляют собой «стратегическую глубину» для дальнейших планов и расширения на Восток и в Азию» [8 с. 270].

«Существуют 4 основные причины покорения Балкан, а именно:

1. контроль маршрутов нефти и природного газа, особенно тех, которые

берут свое начало на Кавказе; 2. контроль Восточной Европы с целью получения более дешевой рабочей силы; 3. подготовка к войне с Россией и 4. консолидация США и НАТО как мирового полицейского, провоцирование кризисов и навязывание решений в собственных интересах» [9, с. 528].

Во втором десятилетии XXI века США сохранили лидирующую роль в глобальных геополитических процессах, военная и экономическая деятельность которых все еще подчеркивается, но не является несомненной.

«*Абсолютный униполяризм* как геополитический порядок уже превратился в *относительный униполяризм* с Россией и Китаем как неизбежными геополитическими факторами, и, учитывая современные геополитические процессы и тенденции, международное сообщество все больше приближается к *биполярному* и *многополярному* мировому порядку, который, несомненно, будет развиваться по фазам в течение последующего периода времени, и уже определены будущие геополитические факторы: США, Россия, Китай, Индия, Иран и исламский мир» [3, с. 32].

«Форма мирового порядка резко меняется под влиянием современных глобальных геополитических процессов. Мы являемся свидетелями ряда необратимых изменений, которые разрушили геополитическое доминирование США в международных отношениях. В новых геополитических отношениях мы сталкиваемся с необходимостью концептуализации и формирования нового мирового политического порядка, который будет шире, чем гегемония национального государства и одностороннего поведения» [10, с. 74-75].

В таком все более геополитически привлекательном геопространстве ведущие государства международного сообщества имеют своих союзников и оппонентов в этнических, национальных и политико-территориальных сообществах, что дополнительно усложняет вековые сложные геополитические отношения в этом геопространстве и эффективность разрешения политических кризисов, вызванных интересами глобальных сил.

В связи с изменением баланса сил в международных отношениях усиливается конфликт интересов США и ЕС. Прежде всего, речь идет о все еще противопоставленных геоэкономических, специфических геополитических интересах США и ЕС. В этом контексте обе стороны в геопространстве Юго-Восточной Европы имеют свои собственные интересы и цели, которые часто являются повторением прежних геополитических доктрин и теорий, которые, как считалось, утратили свой смысл и значение в эпоху научно-технической революции, однако

создается впечатление, что им дали новую форму и способ их реализации.

Однако история много раз убеждала нас в том, что мы не должны пренебрегать тем фактом, что Юго-Восточная Европа никогда не была вне сферы геополитического влияния России, особенно когда речь идет о значительных политико-географических процессах. Иногда это влияние имело более выраженный, а иногда менее выраженный характер, в зависимости от положения России в международных отношениях. Начиная с 90 годов прошлого века до первого десятилетия 21 века - это влияние было минимальным.

«Сегодняшняя обновленная и мощная Россия и ее геополитические и геоэкономические союзы делают ее незаменимым фактором на глобальной геополитической сцене, и без ее участия ни одна актуальная геополитическая проблема в мире, включая Западные Балканы, не может быть решена» [11, 2017, с. 422].

Историческая и, прежде всего, религиозно-культурная ориентация православного региона Западных Балкан на Россию и наоборот, дает России возможность легче участвовать в политико-географических процессах в Юго-Восточной Европе, что подразумевает как взаимные, так и более широкие геополитические интересы.

Россия с ее глобальными геополитическими интересами является важным геополитическим фактором в мировом порядке и международных отношениях в целом. Это мировая держава, чье «слово» в геополитическом и во всех других смыслах имеет все более выраженный за последние десять лет «вес» в международных отношениях.

Заключительные замечания. Причины геополитической нестабильности в Юго-Восточной Европе заключаются в ее специфической геополитической и геостратегической позиции. Геополитическая специфика Юго-Восточной Европы и Западных Балкан как геополитического центра «балканизации» обусловлена общей неоднородностью (национальной, культурной, религиозной, этнической, цивилизационной, экономической) и транзитной позицией, при которой геополитические интересы региональных и мировых держав смешивались на протяжении веков.

Кроме того, геополитические особенности Юго-Восточной Европы определяются глобальными, континентальными, региональными и многочисленными локальными детерминантами, а также комплексом перекрестных интересов других внутрибалканских и внебалканских факторов.

Данное геопространство всегда являлось важным геостратегическим направлением и геополитической территорией. И сегодня его характеризуют различные (гео)стратегические, политические, экономические, военные и другие стремления многих заинтересованных сторон, в первую очередь мировых и региональных держав. Следует подчеркнуть, что страны, находящиеся в непосредственном геополитическом окружении или в стратегической близости, всегда были заинтересованы в Юго-Восточной Европе. Они часто подчеркивали свои геополитические претензии и реализовывали их в определенных международных условиях.

Все вышесказанное указывает на то, что Юго-Восточная Европа будет и впредь оставаться в сфере геополитического влияния Востока и Запада, но в будущем в этой сфере геополитического влияния будет участвовать больше политико-территориальных сообществ в соответствии с новыми отношениями в международном сообществе.

Литература

1. Шушић, С. (1995). *Балкански геополитички кошмар*. Београд: НИУ “Војска“.
2. Стојановић М. (2002). *Геополитика против политике и економије*, Лакташи: Графомарк.
3. Зекановић И. (2020). *Спољашњи фактори геополитичког положаја Републике Српске*, Бања Лука: Географско друштво Републике Српске.
4. Грчић, М. (1999). Географске карактеристике и геополитички проблеми Балканског полуострва, *Гласник-HERALD, Свеска 4*, Бања Лука: Географско друштво Републике Српске.
5. Грчић, М. (2017). Евроазијске особине Балканског полуострва као детерминанте геополитичких процеса. Зборник радова: *Геополитички процеси у савременом евроазијском простору*. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, с. 433-448.
6. Грчић, М. (2013). Проблеми културног идентитета Балкана, *Гласник-HERALD, Свеска 17*. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, с. 39-67.
7. Radovan Vukadinović (1999). *Sigurnost na Jugoistoku Evrope*, Varaždin: HUMS.
8. Шолаја, М. (2006). *Балкан у трансатлантској пукотини*. Бања Лука: ЦИД.
9. Стојановић, М. (1999). *Политичкогеографски и геополитички аспекти глобализације савременог свијета*. Лакташи: Графомарк.

10. Зеканович, И. (2018). Воздействие глобальных геополитических процессов в Западном Балканском геопространстве на межрелигиозные отношения и геополитическую стабильность Боснии и Герцеговины, (The influence of global geopolitical processes in the Western Balkans space on interreligious relation and geopolitical stability of Bosnia and Herzegovina, *Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов (Социально-экономическая география), Научни журнал NO 7*, Ростов-на-Дону, Российская Федерация: Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО), с. 68-79.

11. Гњато, Р. (2017). Западни Балкан – изазови и перспективе. Сборник радова: *Геополитички процеси у савременом евроазијском простору*. Бања Лука: Географско друштво Републике Српске, с. 415-431.

Сведения об авторе:

Игорь Зеканович, доктор географических наук, доцент, Естественно-математический факультет, Университет в Баня Луке, Республика Сербская, Босния и Герцеговина, e-mail: igor.zekanovic@pmf.unibl.org

УДК 911.3.001

**Калуцков В.Н.
Kalutskov V.N.**

О КЛИМАТИЧЕСКИХ ОБРАЗАХ СТРАН И ГОРОДОВ

ABOUT CLIMATE IMAGES OF COUNTRIES AND CITIES

Под климатическим образом понимается природный образ страны или города, отражающий своеобразие местного климата и связанных с ним метеорологических явлений. Климатический образ территории представляет собой стереотипную культурную оценку.

Выделяются два типа климатических образов. К первому типу относятся образы климатов с отличающимися от средневропейского характеристиками – слишком жаркие, слишком холодные, слишком влажные. Второй тип характеризуется образами, связанными с атмосферными катаклизмами – бурями, смерчами, ливнями.

A climate image is a natural image of a country or city that reflects the uniqueness of the local climate and related meteorological phenomena. The climatic image of the territory is a stereotypical cultural assessment.

There are two types of climate images. The first type includes images of climates with different characteristics from the Central European – too hot, too cold, too wet. The second type is characterized by images associated with atmospheric cataclysms – storms, tornadoes, and downpours.

Ключевые слова: климатический образ, культурная оценка, климатический евроцентризм, ландшафтный индикатор

Key words: climate image, cultural assessment, climate Eurocentrism, landscape indicator

По мнению одного из самых известных представителей географической имажиологии Д.Н. Замятина под географическим образом понимается «... совокупность ярких, характерных сосредоточенных знаков, символов, ключевых представлений, описывающих какие-либо реальные пространства (территории, местности, регионы, страны, ландшафты и т.д.)» [1, с. 15].

Климатический образ как культурная оценка территории. Климатический образ территории представляет собой **стереотипную культурную оценку** аномального или нетипичного природного феномена.

Как формируются климатические – шире природные – образы? Если климатический образ представляет собой культурную оценку природного феномена, то она предполагает наличие субъекта и объекта оценивания. При создании климатического образа какого-либо региона субъект оценивания абсолютизирует свой регион, считая его климатические свойства в качестве эталон или **культурной нормы**. С позиции культурной географии это означает, что для данной культуры нормальным (хорошим, оптимальным) является тот климат, к которому адаптировалась данная культура. Для испанца бесснежная зима – это нормально, для русского – это аномалия. Для жителей Индии дождливое лето представляет собой не только природную, но и культурную норму, а для монголов и жителей Средней Азии такое лето – аномалия, не только природная, но и культурная.

Нормальный климат – это «свой», климат своего региона, **климат «нашей культуры»**. Другие, непохожие на «свой» климат, – нетипичные, аномальные. Тем самым субъект культурного нормирования и является носителем понятия нормы, любой нормы, включая и климатическую.

Ландшафтные индикаторы климатических образов. Климат любой страны активно проявляется в ее культурном ландшафте – в традиционной архитектуре, включая форму, цвет зданий, в планировке поселений, в традиционной одежде, народных приметах, связанных с

прогнозом погоды, в народной метеорологической терминологии, в частности в названиях местных ветров.

Даже первичный анализ показывает, что каждый народ хорошо приспособился к «своему» климату. Так, в горах Восточной Европы повсеместно распространены дома с высокой крышей, приспособленной к большому количеству снега в зимний период. В жарком и солнечном климате Средиземноморья широко используется белый цвет зданий, обладающий большой отражающей способностью. При этом для создания прохлады каменные стены в старых домах довольно широкие, что позволяет в наши дни не использовать кондиционеры. В Средиземноморье, европейском и арабском, в исторических городах строили узкие улицы, в которые почти не проникает солнце.

Другим важным комплексным индикатором климата выступают комплексы традиционной одежды [2]. Согласно В.П. Семенову-Тянь-Шанскому ареалам экваториального и субэкваториального климатов соответствует ареал «нагого и полунагого человечества», тропическому климатическому поясу – ареал «одной легкой одежды целый год»; люди, живущие в умеренном и субтропическом климатах, используют две одежды, легкую и тяжелую, а обитатели субарктического пояса – меховую и тяжелую.

Бледный климатический образ Центральной Европы. В известной классификации климатов мира Б.П. Алисова в отношении умеренного климата в неявном виде скрыта культурная оценка [3]. Такая оценка заложена трудами ряда ученых, которые связывали умеренный климат с европейской цивилизацией, видя в климате, по словам Ш.Л. Монтескье, «великую причину слабости Азии и силы Европы, свободы Европы и рабства Азии» [4]. Поэтому умеренный климат рассматривается как важная составляющая европейской культуры, выступая в качестве эталона: все другие – «неумеренные» – климаты обладают более низким статусом. Такой подход можно назвать **климатическим евроцентризмом.**

Но при этом – парадоксальным образом – положительный образ умеренного климата... очень беден: «Ясно, переменная облачность, временами дожди...», - такой прогноз погоды по Германии, вся территория которой расположена в умеренном климатическом поясе, почти всегда будет безошибочным» [5]. Напротив, все остальные – «неумеренные», «ненормальные» климаты обладают яркими образами.

Первый тип ярких климатических образов. К данному типу относятся территории с климатами, отличающимися от

среднеевропейского – «слишком» холодные, «слишком» жаркие, «слишком» влажные.

Так, относительно климата Центральной Европы Южная Европа с ее субтропическим климатом Европа оценивается как регион жаркого климата (образ *солнечной Италии*), Северная и Восточная Европа характеризуется как холодные регионы (образы *русской зимы* и *генерала русского мороза*). Крайний Запад Европы (Британские острова) с его морским климатом оценивается как «слишком» влажный регион (яркий образ *туманного Альбиона*).

В каждой стране есть свои представления о культурно-климатическом эталоне. К примеру, в Италии климат Юга оценивается с позиции «нормального» климата Севера и получил название «*Mezzogiorno*», т.е. полдня, из-за характерного для него жаркого солнца.

Одним из механизмов формирования климатических образов выступает художественная литература. Приведем лишь один пример, характеризующий климатические образы Петербурга: «Собственно говоря, весны нет в Петербурге. Год его может быть разделен на *снего-холодное* и на *дожде-холодное время*. Я подозреваю, что весны даже и не было в Петербурге и что ее нарочно сочинили поэты, чтобы им было с чем-нибудь сравнивать красавиц и что-нибудь воспевать» [6, с. 65]. «Итак, весны нет в Петербурге – это дело решенное; лета, в том смысле, как его понимает Европа и другие части света, также нет. Так что же в нем есть наконец? Ка что? Помилуйте – а *дождь*, неутомимый *дождь*, вечный *дождь*...» [6, с. 66].

Второй тип климатических образов. Он формируется в связи с другой важной характеристикой умеренного климата Европы – отсутствием атмосферных катаклизмов (бурь, смерчей, ливней и т. п.). Поэтому к данному типу относятся страны и регионы с проявлениями аномальных (с позиции умеренного климата) катастрофических атмосферных явлений. К примеру, ежегодные муссонные дожди в Японии и Индии являются климатической нормой, но в восприятии европейца, особенно первый раз их увидевшего, – это аномалия. К данному типу также относятся климаты регионов с проявлением других аномальных метеорологических явлений (Юг США со смерчами, Аравия с песчаными бурями и т.п.).

Благодарность. Работа выполнена при поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (грантовый проект 20/2019-И «Чтобы помнили...»: создание атласа-справочника утраченной русской топонимии Ближнего Зарубежья).

Литература

1. Замятин Д.Н. Метеогеография: пространство и язык географических образов. М.: Аграф, 2004. 512 с.
2. Семенов-Тянь-Шанский В.П. Что должен знать краевед о географии человека? Л.: Брокгауз-Ефрон, 1927. 133 с.
3. Хромов С.П., Петросянец М.А. Метеорология и климатология. Учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во МГУ, 2001. 528 с.
4. Монтескье Ш.-Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999. 674 с.
5. Какая погода в Германии зимой? Электронный ресурс: <https://touch.otvet.mail.ru/answer/10601945> (дата обращения: 12.10.2019).
6. Григорьев А.А. Заметки Петербургского зеваки / Петербург в русском очерке XIX века. Л.: Изд-во Ленинградского университета. С. 59-70.

Сведения об авторе:

Калуцков Владимир Николаевич, доктор географических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия. E-mail: v.kalutskov@yandex.ru

About the author:

Prof. Vladimir Kalutskov, Department of Areal Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia. [E-mail: v.kalutskov@yandex.ru](mailto:v.kalutskov@yandex.ru)

УДК 914

**Красноярова Б.А., Кротов А.В.
Krasnoyarova B.A., Krotov A.V.**

РИСКИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЕВРОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА В УЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ

RISKS OF THE STRATEGIC DEVELOPMENT OF THE CENTRAL EURASIAN REGION IN THE FACE OF MODERN CHALLENGES

Рассмотрены основные риски геополитического, экономического и экологического характера реализации китайской инициативы «Одна дорога – один путь». Акцент сделан на «сухопутную» составляющую

проекта - создание «Экономического пояса Шелкового пути», который лежит в рамках прямых интересов стран Центрально-Евразийского региона. Предложены ряд проектов, которые соответствуют основным целям проекта, но направлены на развитие стран региона. Это создание международных хабов, способных не только обеспечить логистическое сопровождение продукции стран региона, но и содействовать инновационно-технологической модернизации их производства.

The main risks of the geopolitical, economic and environmental nature of the implementation of the Chinese initiative "One road - one road" are considered. The emphasis is on the "land" component of the project - the creation of the "Silk Road Economic Belt", which lies within the direct interests of the countries of the Central Eurasian region. A number of projects have been proposed that are consistent with the main objectives of the project, but are aimed at developing countries in the region. This is the creation of international hubs that can not only provide logistic support for the products of the countries of the region, but also contribute to the innovative and technological modernization of their production.

Ключевые слова. Центральный Евразийский регион, китайская инициатива, Одна дорога – один путь, риски развития, мультимодальные центры.

Keywords. Central Eurasian region, Chinese initiative, One road - one way, development risks, multimodal centers.

Для ультраконтинентальных территорий Центральной Евразии специфика проявления современных рисков развития определяется ростом геоэкономического и геополитического влияния Китая и ведущих западных стран. Темпы этого роста меняются, но направление остается неизменным, что существенно усиливает риски функционирования национальных экономик стран региона, сохранения национальной культуры и самостоятельных траекторий их развития и выбора стратегии.

Вынужденные идти по пути догоняющего развития, страны Центральной Евразии, как правило, жертвуют отдельными важнейшими для функционирования национальных сообществ свойствами и качествами жизни.

Объект исследования - Центральный Евразийский регион (ЦЕАР) - включает страны, ранее входящие в состав СССР и относились к Средней Азии, Казахстан и Монголию, а также северо-западную часть Китая (СУАР) и юг Сибири – регионы, расположенные на территории Алтае-Саянской горной области. Рассмотрение этих территорий в рамках единого ЦЕАР обосновано не только природно-

территориальной общностью, но и сходством культурно-исторических и геополитических условий. Кроме того, эти территории отдалены как от морских портов, так и геоэкономических центров; что еще больше усиливает их низкую конкурентоспособность.

Методология исследования – системно-диалектический подход изучения процессов развития национальных и территориальных систем, его реализация позволяет выявить проявления различных факторов глобального и макрорегионального масштаба в исследуемых пространствах.

Результаты исследования.

Большинство стран ЦЕАР стоят перед выбором собственного пути развития. Один из вариантов такого пути предложил и активно продвигает Китай. Эта китайская инициатива получила название «Одна дорога – один путь». Она состоит из двух проектов: «Экономический пояс Шелкового пути» и «Морской Шелковый путь 21-го века» и, по замыслу инициатора, затрагивает интересы 65 стран – от Азии до Европы, предусматривая осуществление стратегических изменений в регионах КНР и соседних стран. В основе сухопутного проекта «Экономический пояс «Шелкового пути», а именно он напрямую затрагивает интересы стран ЦЕАР, лежит совместное строительство нового Евразийского сухопутного моста и развитие экономических коридоров Китай-Монголия-Россия, Китай-Центральная Азия-Западная Азия и Китай-Индокитай [1].

Главные цели проекта – создать “инфраструктурную, финансовую и телекоммуникационную взаимосвязанность” стран-участниц, а также – устранить торговые барьеры в их отношениях. Китай в данном случае продвигает идею координации национальных стратегий с тем, чтобы в дальнейшем “обеспечить взаимосвязанность энергетических структур регионов, создавать трансграничные линии электропередачи, модернизировать региональные электрические сети” [2].

Для финансового обеспечения данных проектов создан Китайский Азиатский Банк Инфраструктурных Инвестиций (АБИИ), в число членов-основателей которого наряду со странами – членами БРИКС - Бразилией, Индией и Россией присоединились Великобритания, Франция, Нидерланды, Германия, Швейцария, Италия, Дания и др. страны. Уже в 2015 г. к началу заседания очередного раунда Боаского азиатского форума состав АБИИ был утвержден 57 государствами [3].

Этот проект экономически привлекателен для инвесторов, но несет множество рисков, необходимость учета которых в

стратегических документах развития стран – участник чрезвычайно важна. Имеются и иные инфраструктурные проекты, инициированные, например, Россией и Индией и проходящие через ЦЕАР, также не однозначные с позиций экологических и социо-культурных издержек для местных сообществ в условиях ограниченных национальных капиталов и инвестиционных возможностей. Среди потенциальных рисков реализации масштабных проектов в ЦЕАР рассмотрим некоторые.

Экономические риски. ЭПШП способствует либерализации торговли, открывая обширные территории для международной конкуренции. Тем более что к китайскому транзитному коридору может присоединиться Индия, которая заинтересована в развитии собственного «шелкового» пути «Север-Юг» [4]. Победителем в данной ситуации может стать Китай, который стремится стать одной из движущих сил глобальной инновационной экономики на развивающихся рынках этого региона по широкому набору информационных технологий нового поколения; авиакосмическому, электро- и медицинскому оборудованию; биомедицинским препаратам и т.п. Проигравшими в данном случае могут стать местные сообщества, так как создание современной инфраструктуры по доставке китайских товаров в страны ЦЕАР и Европу приведет к ухудшению положения местных производителей [5], которые вряд ли смогут конкурировать с китайской продукцией высокотехнологичных отраслей. И в сложившейся ситуации, по мнению Ксавье Рише [6] можно получить «одного победителя и многих проигравших».

Геополитические риски. Либерализация рынков способствует формированию открытого общества, к чему большинство стран ЦЕАР не готово. Можно уже сегодня отметить несколько конфликтов в регионе, связанных с военно-политической нестабильностью в Мьянме, Пакистане, а также – с запретительными мерами в Шри-Ланке, новое руководство которой прервало работы китайских подрядчиков по строительству крупного морского порта, увидев в этом угрозу усиления китайского военного присутствия в зоне “индийского влияния” [7]. Мало способствуют развитию данных стран в рамках одной стратегии и риски, обусловленные сохраняющейся подозрительностью и недоверием к Китаю [8].

Экологические риски реализации проекта ЭПШП связаны как со строительством и эксплуатацией транспортных магистралей, в том числе в горных условиях, так и с последующей индустриализацией прилегающих территорий, их экологической колонизацией. Китайская экономика находится в рамках «коричневых» - экологоемких

технологий и трудно предположить внедрение технологий «зеленой и голубой (чистая вода)» экономики в транзитных государствах. Новые производства будут нести дополнительные нагрузки в основном на перенаселенные равнинные территории.

Особого внимания требуют горные территории вдоль южных границ Азиатской России, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Афганистана, которые в ходе транспортно-инфраструктурного обустройства могут стать зоной ускоренного освоения труднодоступных, но экологически значимых территорий, характеризующихся широким разнообразием биологических, водных, минерально-сырьевых, рекреационных ресурсов. При этом следует учитывать особый экосистемный статус горных территорий с возможностью развития эксклюзивных специализаций, в том числе в туризме. Однако в современных условиях ЦЕАР позитивные результаты могут быть достигнуты либо за счет крупных внешних инвестиций, либо иных, например, экологических издержек. Туристские специализации Алтая и Тувы, например, поддерживаются инфраструктурными вложениями государства, но даже с учетом этого, дотационность бюджетов данных республик составляет рекордные 75 – 80%. Экономические выгоды в иных регионах, например, в Восточном Казахстане, Северо-Восточном Китае достигнуты за счет роста антропогенных преобразований.

Обсуждение результатов исследования.

Для России не входящие в ее состав центрально-евроазиатские пространства представляют большую ценность ввиду нескольких причин. Во-первых, Россия не смогла избавиться от экспортной зависимости своих сырьевых товаров. Во-вторых, эти регионы обладают такими же ресурсами и конкурируют друг с другом на международных рынках и часто их себестоимость ниже российской. В-третьих, здесь сохранились еще рынки сбыта для российских товаров. В-четвертых, России просто необходимы как страны, максимально дружелюбно настроенные к нашему народу, языку и культуре, так и спокойное приграничье [9]. И эту ситуацию необходимо сохранять и развивать путем восстановления и усиления социально-экономических и геополитических связей между странами рассматриваемого ЦЕАР. Таким стабилизирующим фактором, даже не смотря на рассмотренные риски может стать развитие транзитных трансконтинентальных маршрутов, которые могут не только дать дополнительные инвестиции, а потом стабильный доход, но и объединить и стабилизировать рассматриваемое пространство, получить синергетический эффект от комплексного и согласованного его

развития. Для получения такого эффекта требуется общая стратегия, разработанная с учетом социально-экономической и национально-этнической неоднородности территории. Уже на первоначальном этапе нужно выделить ядра или территории опережающего развития, выявив наиболее приемлемую производственно-инвестиционную специализацию, способную уже в среднесрочной перспективе сократить чрезмерное отставание от ведущих регионов мира.

В долгосрочной перспективе потребуется создание каркаса центров агломерационного развития национальных экономик без активного доминирования одного из партнеров и излишней конкуренции между странами ЦЕАР, сформированного на принципах взаимосвязанности и взаимодополняемости. Данная стратегия кроме институциональных норм сотрудничества должна включать и ряд крупных инвестиционных проектов макрорегионального значения, например, создание приграничных промышленно-инновационных кластеров добывающего сектора, строительство гидротехнических сооружений энергетического и водохозяйственного назначения, создание хабов и иных инфраструктурных объектов. В числе последних можно назвать, например, формирование Ташкентско-Шимкентского хаба и строительство Рубцовско-Семейского трансграничного промузла, уже сегодня имеющих объективные предпосылки создания.

Кроме того, в странах ЦЕАР необходимо создание местных транснациональных компаний, работающих в основном на региональных рынках с обязательным размещением штаб-квартир во внутренних городах. К уже названному Ташкентско-Шимкентскому хабу следует добавить еще как минимум 3 мультимодальных центра. Это российские Барнаул и Иркутск, и в Китае - не в Урумчи, а в провинции Ганьсу для более тесной увязки с регионами внутреннего Китая. Все предполагаемые центры могут стать важнейшими новыми промышленно-инновационными площадками Центральной Евразии. Не останавливаясь на конкретных проектах развития Барнаула и Иркутска, отметим, что в первом случае необходима плотная увязка с Новосибирской и Новокузнецко-Прокопьевской агломерациями, а во втором, возможно продвижение туризма в монгольском направлении, тогда озеро Хубсугул, составив здоровую конкуренцию Байкалу, может его разгрузить.

На наш взгляд, смысл формирования данных узлов и центров и состоит в создании таких межгосударственных и межрегиональных объединений, которые, опираясь на собственные силы и интересы

внешних игроков, создадут лучшие условия для развития местных сообществ.

Литература

1. Сергей Кузнецов. Китай: «Один пояс и одна дорога»: Сергей Кузнецов URL: <https://ftimes.ru/economy/3741-kitaj-odin-poyas-i-odna-doroga/20150706/>.
2. China Unveils Action Plan on Belt and Road Initiative . Available at: http://news.xinhuanet.com/english/20152803/c_134105372.htm
3. Сергей Кузнецов. АБИИ: Китайский удар по глобальному доминированию США: URL: <https://ftimes.ru/economy/3733-abii-kitajskij-udar-po-globalnomu-dominirovaniyu-ssha/20150605/>
4. Индия создает свой собственный Шелковый путь: Война и мир URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/20170106/122402/>
5. Глинкина С.П., Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба евразийского экономического союза // Россия в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития: материалы Третьего международного форума. 2014. С.59.
6. Рише Ксавье. (2017). Один победитель и многие проигравшие // Гудок. 19 июля. Вып. № 120.
7. Sri Lanka Tells China It Will Rethink Ties – and a Major Port Project. Available at: <http://english.caixin.com/20151003/100789883.html>
8. Михеев В., Луконин С. (2015). Китай после БОАО-2015// Мировая экономика и международные отношения. № 8. С. 61-70.
9. Кротов А.В. Вызовы геополитического и геоэкономического характера центральноазиатским территориям в контексте их ультраконтинентального положения // Society and Security Insights. 2018. №2. С. 139-158.

Сведения об авторах:

Бэлла Александровна Краснаярова, доктор географических наук, профессор, зав. лаб., Институт водных и экологических проблем СО РАН, (656038, Россия, г. Барнаул, ул. Молодежная, 1); Алтайский государственный университет, профессор, (656038, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61), e-mail: bella@iwep.ru

Александр Викторович Кротов, кандидат географических наук, доцент, Алтайский государственный университет (656038, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61), e-mail: krotov_av@mail.ru

Медар-Таньга И., Живак Н.
Medar-Tanjga I., Živak N.

**ПРОСТРАНСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ СЕРБСКОЙ**

**THE SPATIAL DIMENSION OF CULTURAL HERITAGE IN THE
REPUBLIC OF SRPSKA**

Устойчивая система пространственного планирования в Республике Сербской невозможна без учета культурных аспектов пространства. Хотя он изобилует элементами культурного наследия Республика Сербская находится в незавидном положении, когда дело доходит до его защиты, валоризации и продвижения. Необходим подход, который будет соответствовать таким целям, как: сохранение наследия, улучшение его состояния, признание ценности и возможностей наследия, установление модели защиты и продвижение возможностей творческого использования наследия. В рамках культурного наследия и пространственного планирования, экономического развития, социальной сплоченности, а также управления жизненной средой культурное наследие должно быть приоритетно включено в правовые рамки, но также и все стратегические документы развития. Устойчиво используемое наследие должно составлять основу идентичности Республик Сербской, ее региональных объектов и будущего развития экономики/туризма. В то же время его планирование и управление требуют интегративного подхода, который необходимо реализовать на основе долгосрочных стратегий.

A sustainable spatial planning system in the Republic of Srpska is not possible without considering the cultural dimension of space. Although it abounds in elements of cultural heritage, Republic of Srpska is in an unenviable position when it comes to its protection, valorization and promotion. An approach is needed that will meet the goals of preserving the continuity of the heritage, improving its condition, recognizing the values and opportunities of the heritage, setting up a model of protection, and promoting the possibility of creative use of the heritage. As part of the cultural landscape and spatial planning, economic development, social cohesion, as well as environmental management, cultural heritage has to be incorporated as a priority into the legal framework, as well as all strategic development documents. Sustainable heritage should form the basis of the

identity of the Republic of Srpska, its regional units and future economic / tourism development. At the same time, its planning and management requires an integrative approach that needs to be implemented based on long-term strategies.

Ключевые слова: Республика Сербская, культурное наследие, пространственное планирование, устойчивое развитие.

Key words: The Republic of Srpska, cultural heritage, spatial planning, sustainable development.

Введение.

Культурное наследие означает наследование физических, материальных артефактов и нематериальных атрибутов группы или общества. Это добра, унаследованные от предыдущих поколений, или добра, созданные в настоящем и имеющие особую ценность, и, как таковые, должны быть сохранены для будущих поколений. [1, с. 428] Одно из основных разделов культурного наследия: материальное и нематериальное. Материальное наследие охватывает все, что видно невооруженным глазом, материальное, созданное человеком, и делится на подвижное и недвижимое. По физическим, художественным, культурным, научным и историческим характеристикам недвижимое культурное достояние включает культурные памятники, пространственные культурно-исторические единицы, места археологических раскопок, известные места, а движимое культурное достояние состоит из: произведений искусства и исторических объектов, архивных материалов, киноматериалов, старые и редкие книги. [2] Нематериальное культурное наследие означает практики, представления, выражения, знания, навыки, а также соответствующие инструменты, объекты, артефакты и культурные пространства, которые признаются сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами как часть их культурного наследия, и проявляется в следующих областях: устные традиции и выражения, в том числе язык как двигатель нематериального культурного наследия; исполнительское искусство; социальные практики, ритуалы и праздничные мероприятия; знания и практика, связанные с природой и космосом; традиционные ремесла. [3, с. 26-27]

Культурное наследие имеет особую зависимость от природной среды, в которой оно существует, а также от экономических условий, в которых оно создается. Оно соединяет культуры разных периодов, создавая новую культурную и историческую ценность, которая по своему разнообразию и специальности является уникальной и узнаваемой идентификационной картой. Оно влияет на идентичность

конкретного населенного пункта, региона или государства и имеет символическое значение в сознании общества, к которому оно принадлежит, и наилучшим образом способствует общему благосостоянию человечества. В силу своей специфики культурное наследие можно рассматривать как отдельный компонент устойчивого развития.

Оценка состояния и проблемы.

Существует заметная разница в отношении к культурному наследию в так называемых развитых странах и тех, которые пытаются ими стать. Хотя в этой другой группе стран, которые также могут быть классифицированы как Босния и Герцеговина / Республика Сербская, обычно существует ряд правовых документов, касающихся культурного наследия, реализация которые капитулирует перед лицом повседневных экзистенциальных проблем. [4, с. 53-54] Управление культурным наследием Республики Сербской дополнительно осложняется наличием специфической государственной организации, в которой Республика Сербская является одним из двух политикотерриториальных единиц (энтитетов) общего государства Боснии и Герцеговины, причем ответственность за культуру несут энтитеты, а за любое участие в международных институтах, законы и конвенции действуют обязательно на государственном уровне.

Комиссия по сохранению национальных памятников Боснии и Герцеговины (государственное учреждение) в соответствии с Законом об исполнении решений Комиссии по охране национальных памятников [5] и Институт охраны культурного, исторического и природного наследия Республики Сербской (учреждение энтитетов) в соответствии с Законом о культурных ценностях в Республике Сербской [6], систематически и методологически обеспечивается правовая охрана памятников в Республике Сербской. Комиссия несет ответственность за объявление имущества национальным памятником и за составление предварительного списка национальных памятников. Добра от первостепенной важности провозглашает Ассамблея Республики Сербской, а добра чрезвычайной важности, правительство Республики Сербской. Прочие культурные ценности провозглашаются местными органами самоуправления после завершения основ валоризации. Провозглашение новых культурных ценностей осуществляется в соответствии с Законом, таким образом, местное самоуправление, области которая потенциально является культурной ценностью, предлагает Институту, чтобы это добро получило статус защиты. Рекомендуется, чтобы этот процесс сопровождался ходатайством о регистрации в списке Комиссии. Решение о назначении

каждого национального монумента отменяет все акты осуществления и пространственного планирования, поскольку они противоречат положениям этого решения.

Поскольку в настоящее время нет уникальной системы защиты, невозможно представить точный список охраняемых недвижимых культурных ценностей в Республике Сербской. Список, включающий более 700 культурных ценностей, должен состоять из следующих списков: имущество, провозглашенное решениями Национального собрания (Ассамблея) и правительства Республики Сербской, имущество из Регистра Федеративной Республики Боснии и Герцеговины до 1992 года, Предварительный список национальных памятников Боснии и Герцеговины, Список провозглашенных национальных памятники Боснии и Герцеговины, список из Пространственного плана Республики Сербской, списки из документации по пространственному планированию муниципалитетов и городов в Республике Сербской и список добра, находящихся уже под защитой.

Международная защита культурных ценностей в Республике Сербской минимальна и сводится к двум элементам, включенным в Список всемирного наследия: мост Мехмед-паша Соколовича в Вишеграде [7] зарегистрированному в 2007 году, и Стечки - средневековые надгробия [8] внесенным в список общих культурных ценностей Боснии и Герцеговина.

Охрана движимого культурного наследия Республики Сербской осуществляется посредством функционирования охранных учреждений (архивов, музеев, библиотек и кинотеатров), созданных Республикой Сербской или подразделениями местного самоуправления. Учреждения охраны осуществляют свою деятельность в соответствии с рядом действующих законов и нормативных актов в своих сферах деятельности, наиболее важными из которых являются Закон о музейной деятельности [9]. Перечня движимого культурного наследия Республики Сербской также не существует, и он будет состоять из объектов, которые наследуются учреждениями охраны, включенными в реестры культурных ценностей.

Нематериальное культурное наследие как относительно новая категория в системе управления Республикой Сербской включается через функционирование музеев в соответствии с Законом о музейной деятельности. Поправки к действующему Закону о музейной деятельности 2008 года были сделаны именно с целью включения термина нематериальное культурное наследие в существующую

юридическую документацию, тем самым приобретая правовые основания для его записи и защиты. Государственная комиссия по сотрудничеству с ЮНЕСКО подготовила Предварительный список нематериального культурного наследия Боснии и Герцеговины [10], составленный из Предварительных списков этнитетов, составленных от страны компетентных органов министерств. Таким образом, в Предварительном списке нематериального культурного наследия Республики Сербской имеется 15 элементов из 27 элементов, зарегистрированных в общем государственном списке. Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО содержит два товара из Республики Сербской: Змианский вез [11], зарегистрированный в 2014 году, и сбор трав на горе Озрене [12], зарегистрированный в 2018 году. Защита движимого и нематериального наследия, хотя она и не имеет очевидного пространственного измерения как недвижимого культурного наследия, имеет важное значение для культурной и, следовательно, пространственной идентичности Республики Сербской.

В профессиональной и правовой сферах защиты культурного наследия, с прекращением непрерывной защиты развития в результате распада общего государства Югославии и образования независимых государств в этой области, правовая защита и статус культурных ценностей становятся сложным вопросом, в котором профессия и законодательство иногда вступают в конфликт. Нерегулируемая инвентаризация культурного добра является очевидной проблемой, которая угрожает их защите. Интеграция культурного наследия должна осуществляться в процессе планирования при координации между государственными учреждениями, и приоритетным направлением деятельности является разработка механизмов контроля и обеспечение участия всех сторон в процессе планирования и защиты.

Операционные цели и концепция защиты.

Многочисленные проблемы для будущих действий возникли из-за проблем в этой области. Четко определив операционные цели, можно разработать качественную концепцию защиты, повышения ценности и продвижения культурного наследия. (рис. 1).

Основная цель заключается в точном учете культурного наследия Республики Сербской в соответствии с действующими правовыми актами и данными. Руководство по категорированию памятников и Руководство по ведению реестра культурных ценностей в соответствии с Законом о культурных ценностях были разработаны, но не приняты Национальным собранием Республики Сербской из-за несовместимости компетенции Комиссии и Института. В целях

обеспечения качественной защиты наследия следует уделять первостепенное внимание эквивалентности между видами культурных ценностей на государственном уровне и на уровне энтитетов, что создало бы лучшие условия для регулирования и использования культурного наследия в качестве ресурса для развития туризма, экономики и в качестве основы для развития деятеля культуры Республики Сербской. База данных должна соответствовать директиве INSPIRE (*Infrastructure for Spatial Information in the European Community*), рекомендованной Европейским парламентом и Советом Европейского союза. После точного определения того, как культурные ценности идентифицируются и регистрируются, необходимо сохранить, восстановить и поддерживать их в соответствии с правовой базой.

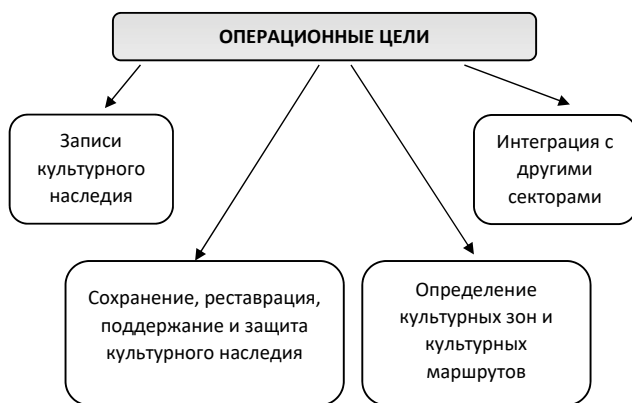

Рис. 1. Операционные цели при изучении культурного наследия.

Культурное наследие в Республике Сербской рассматривается через отдельные памятники и экспозиции памятников, не принимая во внимание важность и ценность культурного ландшафта в качестве их фона. Природное и культурное наследие рассматривается как отдельные объекты, что оказывает негативное влияние на дизайн и впоследствии затрудняет реализацию плановой документации. Благодаря определению категории культурной зоны в соответствии с Законом о культурных ценностях и формировании культурных ландшафтов пространственное развитие Республики Сербской улучшится. После изучения культурных ландшафтов можно составить пространственные планы областей специального назначения для культурных ландшафтов с учетом их специфики и с капиталом,

который имеют, и их реализации в городских и пространственных планах.

Культурные маршруты, основанные на резолюции Министерского комитета Совета Европы из 1998 года, признают и отслеживают историю народов, миграцию и распространение основных европейских цивилизационных тенденций в области философии, религии, культуры, искусства, науки, техники. Необходимо определить тему, которая была бы обоснована для включения в культурный маршрут Совета Европы. Таким образом, посредством различных проектов в области культурного туризма Республика Сербская будет сотрудничать с окружающими регионами.

Сохранение преемственности наследия, улучшение его состояния, признание ценностей и возможностей наследия, создание модели защиты и содействие возможности творческого использования наследия невозможно без его интеграции с другими секторами. Помимо связи с природным наследием, прежде всего путем формирования культурных ландшафтов, оно должно поддерживаться и туризмом. Создание культурно-туристических карт и повязанность с Министерством туризма будет способствовать развитию направлений в сотрудничестве с частным и гражданским секторами. Повышение наглядности потенциальной ценности культурного наследия может сделать его основным ресурсом для развития туризма в Республике Сербской. Частью процесса формирования устойчивой системы культурного наследия является информирование, просвещение и повышение осведомленности граждан о ее важности для подтверждения культурной самобытности Республики Сербской. Знания о культурном наследии должны распространяться на местном уровне и на уровне образований и должны подчеркивать культурную самобытность республики и ее региональных подразделений как части европейского разнообразия.

Заключение.

Хотя в отношении практики пространственного планирования в Республике Сербской можно сделать много возражений, в недавней плановой документации по вопросу о защите культурного наследия, не был забыт. Хотя само недвижимое наследие имеет очевидное пространственное измерение, также подчеркивается важность защиты нематериального культурного наследия. Нынешний Пространственный план Республики Сербской [13] поднял вопрос об охране культурного наследия, и были поставлены оперативные цели с целью достижения плановых решений. Законодательная реформа обязательна в соответствии с современными мировыми тенденциями и

социальными изменениями. Значительным шагом вперед станет внедрение культурного ландшафта в законодательные рамки. Это может быть подтверждено на примере включения нематериального наследия в Закон о музейной деятельности, который начал систематически охраняться. Создание пространственных планов для областей особого назначения, имеющих большое значение, и потенциальных культурных ландшафтов будет определять способ их управления. Путем интеграции потенциальных культурных маршрутов и возможных культурных зон в туристическое предложение Республики Сербской будет повышена их ценность на местном, региональном, национальном и международном уровнях. Все эти мероприятия, наряду с постоянным сохранением элементов культурного наследия и их графическим представлением в соответствии с рекомендациями Директивы INSPIRE, а также продвижение в учреждениях культуры, образовательных и культурных мероприятиях, будут способствовать утверждению культурного наследия, особенно тех элементов, которые пользуются международной защитой.

Когда речь идет о процессе принятия решений о государственном культурном наследии, участие граждан имеет особое значение. Степень участия граждан напрямую зависит от развития гражданской политической культуры, а также от осведомленности и готовности элит обеспечить гражданское участие в процессе принятия решений. Одна из рекомендаций, безусловно, заключается в повышении уровня участия, поскольку, как показала практика, участие лучше защищает общественные интересы и обеспечивает законность планирования.

Планирование и управление культурным наследием требует комплексного подхода, который необходимо осуществлять на основе долгосрочных стратегий. Только в таком случае устойчивое наследие станет основой идентичности Республики Сербской, ее региональных подразделений и будущего экономического / туристического развития.

Благодарность. Этот документ является результатом исследовательского проекта «Культурная идентичность – реальность через научное видение» (19.032/961-73/19), его носителем является Естественно-математический факультет Университета Баня-Луки. Координатор: доктор наук Ирена Медар-Таньга. Проект финансируется Министерством развития науки и технологий, высшего образования и информационным обществом правительства Республики Сербской.

Литература

1. Медар-Тања И., Делић Д. Туристическое предложение этнических объектов в службе охраны и продвижения культурного наследия Республики Сербской // *Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования*, 2019, с. 427-432.
2. Републички завод за заштиту културно-историјског и природног наслеђа Republike Srpske. Културно-историјско наслеђе. [Електронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nasljedje.org/sr_RS/kutlrunoistorijsko (дата обращения: 20.02.2020).
3. Медар-Тања И., Пандуревић Ј., Панић-Кашански, Д. Нематеријално културно наслеђе. Бања Лука: Филолошки факултет, Универзитета у Бањој Луци, 2017, 348 с.
4. Živanović T., Đorđević D. Cultural heritage issues within the Serbian planning system // *Collection of the Paperd*, vol. LIII, 2005, pp. 53-66.
5. Комисија за очување националних споменика Босне и Херцеговине. Закон о спровођењу одлука Комисије за заштиту националних споменика. [Електронный ресурс]. Режим доступа: http://old.kons.gov.ba/main.php?id_struct=3&lang=1 (дата обращения: 20.02.2020).
6. Закон о културним добрима, Официальный вестник Республики Сербской 11/95, 103/08.
7. UNESCO. Mehmed Paša Sokolović Bridge in Višegrad. [Електронный ресурс]. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/list/1260/> (дата обращения: 20.02.2020).
8. UNESCO. Stećci Medieval Tombstone Graveyards. [Електронный ресурс]. Режим доступа: <https://whc.unesco.org/en/list/1504> (дата обращения: 20.02.2020).
9. Закон о музејској дјелатности. Официальный вестник Республики Сербской 89/08, 57/12, 18/17.
10. Државна комисија Босне и Херцеговине за сарадњу да УНЕСКО-м. Прелиминарна листа нематеријалног културног наслеђа. [Електронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unescobih.mcp.gov.ba/konkursi/default.aspx?id=15125> (дата обращения: 20.02.2020).
11. UNESCO. Intangible Cultural Heritage. Zmijanje embroidery. [Електронный ресурс]. Режим доступа:

<https://ich.unesco.org/en/RL/zmijanje-embroidery-00990> (дата обращения: 20.02.2020).

12. UNESCO. Intangible Cultural Heritage. Picking of iva grass on Ozren mountain. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ich.unesco.org/en/RL/picking-of-iva-grass-on-ozren-mountain-01289> (дата обращения: 20.02.2020).

13. Измјена и допуна Просторног плана Републике Српске до 2025. године. Официјални вестник Републике Србске 15/15.

Сведения об авторах:

Ирена Медар-Танџа, доктор географических наук, доцент, кафедра общественной географии, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина), e-mail: irena.medar-tanjga@pmf.unibl.org

Неда Живак, доктор географических наук - пространственный планировщик, доцент, кафедра пространственного планирования и устойчивого развития, Естественно-математический факультет, Университет в Баня-Луке (Баня-Лука, Республика Сербская, Босния и Герцеговина), e-mail: neda.zivak@pmf.unibl.org

УДК 332.1+504.03

**Мельникова Т.Б.
Melnikova Tatyana B.**

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ

SPATIAL ASPECT OF ECOLOGY INSTITUTIONAL CHANGES OF MODERN EURASIA

Статья посвящена такой актуальной проблематике как выбор пространственных границ при построении институтов устойчивого развития территории. Представлен подход к изменению неформальных правил в части снижения выбросов от передвижных источников на основе межмуниципального сотрудничества во Франции.

The paper is devoted to such topical issue as the choice of spatial boundaries in the construction of institutions for the territory sustainable development. An approach to changing informal rules in terms of reducing emissions from motor vehicles on the basis of inter-municipal cooperation in France is presented.

Ключевые слова: экология, агломерация, мобильность, институт, муниципалитет, выбросы загрязняющих веществ.

Keywords: ecology, agglomeration, mobility, institute, municipality, air pollution.

В рамках перехода к устойчивому развитию на локальном уровне особую значимость приобретают неформальные институты. В этой связи отдельные авторы обращают внимание на важную роль норм поведения, действующих в местных сообществах, которые могут поспособствовать или ограничить развитие устойчивого предпринимательства и устойчивого поведения потребителей [1]. Потребность в изменении неформальных правил в сфере экологии вызвана также необходимостью расширения межмуниципального и межрегионального взаимодействия, которое усиливается интеграционными инициативами в Евразийском пространстве, связанными с транспортными коридорами, трудовой мобильностью, инфраструктурными проектами. Пространственный компонент экологической политики тем самым выходит за рамки административных границ и приобретает очертания экономико-географического региона [2].

Одним из главных объектов изменения неформальных правил в сфере экологии является выбор в пользу более устойчивого способа передвижения. Предпосылками к обращению усиленного внимания в сторону транспорта как источника загрязнения могут служить высокие показатели объема выбросов: например, в Центральном федеральном округе на передвижные источники загрязнения приходится 69% всех выбросов. Из таблицы 1 видно, что в рамках Свердловской и Челябинской областей росту загрязняющих веществ в атмосфере, вероятно, способствует расширение агломераций, однако значительное увеличение объема выбросов от автомобильного транспорта в Орловской, Тульской и Белгородской областях основывается на иных тенденциях. В любом случае, основная мобильность осуществляется между муниципальными образованиями.

Таблица 1

Объем выбросов от передвижных источников в расчете на 1 жителя по отдельным субъектам Российской Федерации

Субъект Российской Федерации	Объем выбросов от передвижных источников в расчете на 1 жителя, тонн/чел.			Доля городского населения в 2018 г., %
	2012 г.	2018 г.	2018 г./2012 г.	
Тульская область	0,099	0,141	142%	75%
Орловская область	0,109	0,141	130%	67%

Белгородская область	0,085	0,108	127%	67%
Курская область	0,090	0,089	99%	68%
Рязанская область	0,121	0,132	109%	72%
Свердловская область	0,098	0,125	128%	85%
Челябинская область	0,086	0,100	116%	83%

В целом на пространстве современной Евразии основные межмуниципальные взаимодействия строятся на агломерационном подходе. Инструменты региональной политики, например, Казахстана, Китая, а также ряда европейских стран направлены на развитие и оптимизацию агломераций. Однако, в исследованиях, посвященных экологической нагрузке в промышленных агломерациях передвижные источники отдельно не учитываются [3].

В отличие от контрольного механизма соблюдения правил стационарными источниками загрязнений, неформальные правила использования транспорта должны основываться на укоренении внутреннего контроля и многосторонних санкций.

Рассмотрим на примере Франции преобразования неформального института мобильности в привязке к пространственным преобразованиям. Институциональные изменения экологической политики во Франции проходят на фоне все большего разворота в понимании территории с позиции трех компонентов: пространственных практик, выражающихся во взаимодействии людей и потоков товаров и услуг; проектного управления; восприятия территории группами местного сообщества. Такой подход, в частности, основывается на построении социальной и солидарной экономики, что институционально закреплено в законе 2014 года. Распространение принципов солидарной экономики включает увеличение числа предприятий и организаций, которые не предполагают единоличного распределения прибыли, и результаты деятельности которых должны реинвестироваться на дальнейшее развитие. Такие компании могут работать в разных организационно-правовых формах: кооперативы, организации взаимопомощи, фонды, коммерческие объединения. Главное их целевое назначение состоит в содействии местному развитию через создание занятости и социальных связей, заботе о соблюдении показателей воздействия на окружающую среду и учете территориального влияния.

В рамках общенациональной стратегии совместные практики местного сообщества являются центральной идеей экологического преобразования территорий, что проявляется в ориентации на расширение использования общественного транспорта для поездок дом-работа, а также на сокращение объема потребления в расчете на

одного жителя (объединение усилий по использованию не востребованных товаров посредством, совместных покупок, аренды и других рыночных и нерыночных подходов).

Формирование таких территорий совместной ответственности базируется не только на уровне района города, муниципалитета, но и на межмуниципальном уровне, который становится все более и более важным для управления агломерациями. Взаимодействие на межмуниципальном уровне происходит в рамках государственных учреждений межмуниципального сотрудничества, которые фактически являются проектными структурами, так как имеют целевой пул компетенций. В первую очередь, к таким направлениям относятся охрана окружающей среды, жилищно-коммунальная сфера, дороги.

Выработка решений по охране окружающей среды на межмуниципальном уровне актуальна также исходя из концентрации взвешенных частиц и их возможного переноса на длительные расстояния от источника выбросов, а также ввиду эффекта суммации выбросов в агломерациях. Поэтому в рамках стратегии устойчивого развития отслеживается доля агломераций, на территории которых в течение года наблюдается превышение суточного порога частиц PM_{10} .

Во французской практике существует дифференцированный подход к источникам загрязнения атмосферного воздуха: жилой сектор (в основном отопление), автомобильный транспорт, промышленность, сельское хозяйство (сжигание биомассы и выбросы от сельскохозяйственной техники), а также биогенные выбросы (лесные пожары, пыльца и растительный мусор).

Оценкой качества воздуха на региональном уровне занимается утвержденные профильным министерством ассоциация, объединяющая четыре группы участников: местные власти, государственные службы, промышленные предприятия и организации по охране окружающей среды и защите прав потребителей. Действия такой ассоциации включают мониторинг качества воздуха, информирование общественности об уровне загрязнения и управление пиками загрязнения.

Считается, что важным вкладом в сокращение таких выбросов может внести снижение использования автомобильного транспорта, что отражено в законе декабря 2019 года о совершенствовании системы мобильности.

Предполагается изменение поведенческой нормы в отношении транспорта. Например, в рамках отдельных агломераций текущее соотношение способов перемещения составляет: 44% на автомобиле, 34% пешком, 19% на общественном транспорте, 2% на велосипеде. К

2030 году планируется сократить использование личного автомобиля до 35%, увеличить пешие прогулки до 35%, использование общественного транспорта – до 22%, велосипедного транспорта – до 8%. Местным властям дается право формировать зоны с низким уровнем выбросов. Доступ в эти районы может быть зарезервирован для автомобилей, наименее загрязняющих окружающую среду. Также могут быть определены условия доступа к этим районам: географический периметр, транспортные средства, почасовые и ежедневные условия. Увеличение пеших прогулок достигается за счет расширенной сети пеших троп [4].

С 2015 года государственные учреждения межмуниципального сотрудничества обязаны разрабатывать территориальный план по климату, атмосферному воздуху и энергетике. Выработка такого плана обычно проходит в форме стратегических сессий с привлечением расширенного круга партнеров: государственных учреждений (муниципалитеты, государство, регион, университеты, больницы, другие государственные субъекты), частных компаний (производители и поставщики энергии, транспортные компании) и посредников (федерации и профессиональные ассоциации, социальные службы, объединения жителей). Они участвуют в пленарных заседаниях и технических семинарах по климатическому плану. В частности, обсуждение сокращения выбросов от передвижных источников строится на взаимодействии автоперевозчиков грузов, компаний, осуществляющих пассажирские перевозки, а также управляющих автостоянками. Мероприятия, в частности, включают оптимизацию логистики на первом и последнем километре агломерации, методов доставки в части перехода на использование электрических грузовых велосипедов.

Таким образом, изменение неформального института использования средств передвижения может внести вклад в более устойчивое развитие территорий, однако его контроль требует внедрения межмуниципального взаимодействия.

Литература

1. Тамбовцев, В. Л. Устойчивое региональное развитие: актуальные направления институционального анализа // *Journal of Institutional Studies*. 2019. 11 (3). С.104-118. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.3.104-118.

2. Шарыгин М.Д., Субботина Т.В. Географическое обеспечение региональной социально-экологической политики // Географический вестник. 2015. № 2 (33). С.11-16.

3. Сердюк О.Ю., Третьякова Е.А. Эколого-экономические измерения в оценке развития промышленных агломераций // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Прикладная экология. Урбанистика. 2019. № 4 (35). С. 92–105. DOI: 10.15593/2409-5125/2019.04.09.

4. Мельникова Т.Б. Формирование и развитие туристских троп во Франции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. 2019. Т. 5. № 1. С. 19-27.

Сведения об авторе:

Мельникова Татьяна Борисовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, туризма и гостиничного бизнеса ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова», Севастопольский филиал, nauka_sevrea@mail.ru, +7(978) 097-38-05.

УДК 911.372.3

**Михайлов А.С., Михайлова А.А., Плотникова А.П.
Mikhaylov Andrey, Mikhaylova Anna, Plotnikova Angelina**

МОДЕЛИРОВАНИЕ КОНФИГУРАЦИИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ СИСТЕМ ГЕНЕРАЦИИ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ РЕГИОНОВ РОССИИ

MODELING CONFIGURATION OF KNOWLEDGE GENERATION TERRITORIAL SYSTEMS OF RUSSIAN REGIONS

Неоднородность регионов России по локализации научного потенциала обусловила разнообразие сформированных в них территориальных систем науки. Выявление и оценка пространственных форм размещения научных центров – актуальная задача экономико-географических исследований. Наукометрический подход к изучению географии знания на уровне региона позволил сформировать представления о распределении и функционировании городов – генераторов нового научного знания, и разработать модели региональных научных систем.

The heterogeneity of the regions of Russia in the localization of research potential led to the diversity of the territorial scientific systems formed. The identification and assessment of spatial forms of placement of scientific centers is a prominent task of economic geography research. The scientometric approach to the study of the geography of knowledge at the regional level allowed us to form ideas about the distribution and functioning of cities – generators of new scientific knowledge, and to develop models of regional scientific systems.

Ключевые слова: территориальная научная система, география знания, научный центр, Скопус, пространственная наукометрия

Keywords: territorial scientific system, knowledge geography, excellence center, Scopus, spatial scientometrics

Постановка проблемы и ее актуальность.

Устойчивое развитие региона в контексте инновационного подхода все активнее связывается с накоплением местного интеллектуального капитала и вовлечением его в экономику. Под интеллектуальным капиталом, основываясь на [1-3], предлагается понимать особый фактор производства в инновационной экономике; структурно сложный вид капитала нематериальной природы, укорененный в территориальной инновационной системе и определяющий конкурентные преимущества региона, задавая динамику его развития. Объединяет 3 вида капитала: человеческий (знания, навыки, опыт); структурный (база знаний и технологических компетенций); социальный (сетевая связность) [2].

Все больше внимания уделяется аспектам пространственного размещения интеллектуального капитала [4-6]. Особенно актуально понятие регионального интеллектуального капитала как совокупности активов знаний, поддерживающих инновационную динамику и механизмы роста валовой добавленной стоимости [7]. Распределение интеллектуального капитала в разрезе регионов неоднородно и, согласно результатам исследований [5; 6; 8; 9], подчиняется центр-периферийным закономерностям, но не всегда согласуется с уровнем их социально-экономического развития. В России значительное влияние на формирование очагов генерации интеллектуального капитала оказывает система организации науки и высшей школы, каркас которой заложен еще в советский период и в значительной мере связан с системой расселения. В современных условиях важно получить понимание о конкурентных позициях, научном потенциале и кооперационных связях, распределенных по территории страны центров знаний и компетенций, а также насколько эффективно они

интегрированы в реальный сектор национальной экономики. Данная статья является частью комплексного экономгеографического исследования по пространственному изучению процессов генерации и использования новых знаний и посвящена рассмотрению территориальных особенностей и закономерностей концентрации в регионах России научных центров различных типов, выявленных на предыдущем этапе [10; 11].

Теоретико-методические особенности исследования.

Центральное место в исследовании занимает территориальная система генерации научных знаний региона, состоящая из разнообразия организаций – генераторов научного знания (высших учебных заведений, институтов Российской академии наук и их региональных отделений, других научных организаций), а также связей между ними и с внешней средой. В качестве узловых элементов системы рассматривались научные центры – города, локализирующие в себе основной интеллектуальный капитал региона и обрамленные обширной научной периферией. В основу методической стратегии лег пространственно наукометрический подход. Принадлежность города к научному центру и далее к его конкретному типу определялась на основе оценки 6 значимых наукометрических показателей, характеризующих: суммарную научную продуктивность организаций науки и высшего образования данного города относительно численности жителей; общую и взвешенную по области знания цитируемость аффилированных публикаций; долю статей в высокорейтинговых международных журналах (топ-10% по предметной категории); интегрированность в национальные и международные научные сети по объему публикаций в соавторстве. Источником для формирования массива данных выступила международная реферативная база данных научного цитирования Скопус (Scopus), а временной период охватывал 2013–2017 гг. В рамках исследования изучено 1118 городов РФ (без Республики Крым и Севастополя), из которых 440 отнесено к научным центрам. Критерий принадлежности города к научному центру – наличие хотя бы 1 статьи в журнале из базы Скопус с указанием названия города или аффилиации организации, расположенной в нем.

По результатам предыдущего этапа исследования разработана типология научных центров, учитывающая как наукометрический портрет города, так и его размер по численности населения.

Выделены 3 главных типа научных центров, а также их подтипы (табл. 1).

Таблица 1

Типология научных центров России

Тип и подтип	Доля городов, %	Характеристика
1. передовые	13,2	Научнопродуктивные, конкурентоспособные на международном уровне национально значимые научные центры.
1.1	5,5	Научная продуктивность поддержана высокими уровнем цитируемости и долей публикаций в высокорейтинговых журналах. Сформированы устойчивые научные связи на национальном и международном уровнях.
1.2	7,7	В отличие от 1.1 имеют меньший уровень цитируемости и долю публикаций в журналах Топ-10% Скопус.
2. переходные	2,5	Не реализовали в полной мере научный потенциал. Переход в 1.2 возможен путем укрепления научного сотрудничества, повышения востребованности научных результатов, в т.ч. через публикацию в более престижных журналах.
3. локальные	84,3	Низкопродуктивные, регионально значимые научные центры.
3.1	6,1	Невысокая научная продуктивность сочетается с высоким качеством статей и их востребованностью мировым научным сообществом. Ориентированы на международное сотрудничество, имеют знаниевую специализацию.
3.2	35,5	Недостаточные научные связи с другими национальными или мировыми научными центрами при общем небольшом количестве статей, в т.ч. высокорейтинговых.
3.3	42,7	«Невидимки» на научной карте России.

Моделирование территориальных научных систем регионов России осуществлялось на основе оценки локализации в них научных центров разных типов. Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область рассматривались как единые регионы, где столичные города – крупные передовые научные центры.

Результаты исследования.

Оценка распределения научных центров различных типов позволила выявить 4 генеральных паттерна конфигурации территориальных систем генерации новых научных знаний (рис. 1), представленных в 83 субъектах РФ (рис. 2).

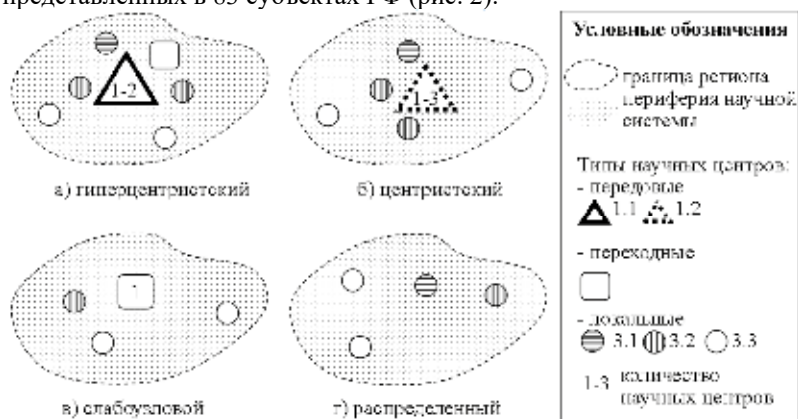

Рис. 1. Типы территориальных научных систем

Рис. 2. Распределение типов территориальных научных систем регионов России

Первый тип «гиперцентристский» включает поляризованные территориальные научные системы, в которых сформировались один или два конкурентоспособных на международном уровне передовых (подтип 1.1) научных центра, окруженных в среднем 5 локальными научными центрами разных подтипов. Исключениями являются два полярных примера: Московский регион, у которого 8 передовых (самый крупный – Москва) и 46 локальных научных центров; Магаданская область, у которой узловой научный центр не имеет поддержки и является одиночным. Как правило, в составе поляризованных территориальных научных систем представлены все или большинство типов научных центров.

Второй тип «центристский» также включает территориальные научные системы, в которых сформировалось сильное ядро с 1-3 передовыми научными центрами подтипа 1.2. Однако разнообразие представленных типов научных центров внутри системы меньше: отсутствуют переходные научные центры, а локальные центры подгруппы 3.1 есть лишь у 6 из 25 регионов группы.

Для «слабоузловых» территориальных научных систем третьего типа наметилась тенденция к формированию ядерной модели, однако сам узловой центр еще достаточно слаб и занимает переходную позицию, а научные центры-спутники немногочисленны и в большей степени относятся к наиболее слабой подгруппе локальных центров – 3.3.

Четвертый тип «распределенных» территориальных научных систем имеет неполяризованную структуру без ярко выраженного ядра, вбирая локальные научные центры преимущественно подгрупп 3.2 и 3.3, реже 3.1. Ни один из научных центров региона еще не укрепил свои конкурентные позиции на столько, чтобы выступить центрообразующим элементом.

Заключение.

Для российских регионов характерно 4 типа моделей территориальных систем генерации научных знаний: гиперцентристский, центристский, слабоузловой, распределенный. В национальном масштабе наиболее влиятелен первый и второй типы, поскольку в них сформировались сильные ядра из одного или нескольких научных центров, способных задавать позитивную динамику воспроизводства знаний в регионе и поддерживать более мелкие научные центры. Наименее малочисленные слабоузловые регионы с намечающимся ядром в виде научного центра переходного типа требует особой поддержки государства по укреплению системообразующей роли последнего через развитие его научного

потенциала, увеличение научной продуктивности, выработку специализации. Значительное количество регионов РФ имеет распределенный тип научной системы, при котором научный потенциал «размыт» между наибольшими научными центрами, что существенно снижает эффективность его реализации.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ 19-77-00053 «География знания: кластеризация и сетевые связи национальных центров компетенций».

Литература

1. Allameh S. M. Antecedents and consequences of intellectual capital // *Journal of Intellectual Capital*. 2018. № 19 (5). P. 858-874.
2. Buenechea-Elberdin M. Structured literature review about intellectual capital and innovation // *Journal of Intellectual Capital*. 2017. № 18(2). P. 262-285.
3. Osinski M., Selig P. M., Matos F., Roman D. J. Methods of evaluation of intangible assets and intellectual capital // *Journal of Intellectual Capital*. 2017. № 18(3). P. 470-485.
4. Pedro E., Leitão J., Alves H. Intellectual capital and performance // *Journal of Intellectual Capital*. 2018. № 19 (2). P. 407-452.
5. Nitkiewicz T., Pachura P., Reid N. (2014). An appraisal of regional intellectual capital performance using Data Envelopment Analysis // *Applied Geography*. 2014. № 53. P. 246-257.
6. Pöyhönen A., Smedlund A. Assessing intellectual capital creation in regional clusters // *Journal of Intellectual Capital*. 2004. № 5(3). P. 351-365.
7. Schiuma G., Lerro A. Knowledge-based capital in building regional innovation capacity // *Journal of Knowledge Management*. 2008. № 12 (5). P. 121-136.
8. Edvinsson L. Regional intellectual capital in waiting: a strategic intellectual capital quest / A. Bounfour, L. Edvinsson (eds.). *Intellectual capital for communities*. Oxford: Elsevier. 2005. P. 19-34.
9. Maltseva A., Veselov I., Bukhvald E. Estimation of region's intellectual capital based on the system of indicators: Case of the russian federation // *Regional Science Inquiry*. 2019. № 11(1). P. 147-157.
10. Mikhaylov A., Kuznetsova T. Y., Peker I. Y. Knowledge geography: Human geography approach to measuring regional divergence of knowledge capital // Paper presented at the Proceedings of the European Conference on Knowledge Management. 2019. ECKM, № 2. P. 738-745.

11. Mikhaylov A., Mikhaylova A., Hvalev D. Knowledge Hubs of Russia: Bibliometric Mapping of Research Activity // Journal of Scientometric Research. 2020. № 8(2). Article in Press. DOI: 10.5530/jscires.6.3.25

Сведения об авторах:

Андрей Сергеевич Михайлов, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, e-mail: andrmikhailov@kantiana.ru, +79052400526

Анна Алексеевна Михайлова, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, e-mail: tikhonova.1989@mail.ru

Ангелина Петровна Плотникова, лаборант-исследователь, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, e-mail: applotnikova1@kantiana.ru

About authors:

Dr Andrey S. Mikhaylov, Leading Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, e-mail: andrmikhailov@kantiana.ru

Dr Anna A. Mikhaylova, Senior Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, e-mail: tikhonova.1989@mail.ru

Angelina P. Plotnikova, Research Assistant, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia, e-mail: applotnikova1@kantiana.ru

УДК 908 (470)

**Морозова М.М.
Morozova Milena**

**ЛИТЕРАТУРНО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ РЕГИОН:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ**

**THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF STUDYING
GEOLITERARY REGIONS**

В докладе анализируется понятие «литературно-географический регион», его свойства и процессы формирования. Среди свойств литературного региона выделяются территориальность, центрированность, полимасштабность и ландшафтность. Ключевые регионообразующие процессы включают художественное освоение, мемориализацию и ремемориализацию (включающую демемориализацию, вторичное художественное освоение и вторичную

мемориализацию). Отдельное внимание уделяется влиянию административных границ на литературное пространство региона.

In the report the term “literary region” is analyzed, including the features of a literary region and the processes of its formation. The features of literary region include its territoriality, centredness, multiscaleness and connection to a certain landscape. The major literary region formation processes include literary depiction process, memorization process and rememorization process. Special attention is given to the influence of administrative borders on the literary space of a region.

Ключевые слова: культурная география, литературная география, литературно-географический регион, мемориализация, культурное наследие.

Key words: cultural geography, literary geography, literary region, memorization, cultural heritage.

Литературный регион и его свойства.

Литературный регион – это фрагмент литературно-географического пространства, устойчиво связанный с определенными литературными именами и характеризующийся сетью взаимосвязанных художественных и мемориальных литературных мест, ландшафтов и маршрутов [1]. Раскрывая более подробно это понятие, отметим, что под фрагментом литературно-географического пространства следует понимать территорию, в которой происходит постоянное взаимодействие литературного и географического пространств. Данная территория обладает определенной совокупностью природных и культурных особенностей, отраженных в региональном тексте.

Литературному региону свойственны территориальность, центрированность, полимасштабность и ландшафтность. Каждый литературный регион обладает связью с определенной территорией, иначе, он – территориален. Это значит, что административные (политические) границы данной территории могут быть использованы для обособления, или территориальной локализации региона. Иначе, для локализации региона могут быть использованы губернские или областные границы.

Как и административный регион, литературный регион центрирован. Наиболее часто упоминаемое – центральное – литературное место представляет собой ядро литературного региона. Обычно центральным литературным местом литературного региона выступает административная (и культурная) региональная столица. По названию ядра региона ему присваивается название. Относительно

ядра выстраивается система «центр – периферия». В центре ЛР обычно наблюдается наивысшая плотность литературно-географического пространства.

В отличие от административного региона, который всегда мономасштабен, литературный регион, как регион культурный, обладает свойством полимасштабности. Это связано с тем, что отдельные физически малые локусы в рассматриваемом культурном пространстве обладают высоким культурным статусом (к примеру, Михайловское в Псковской области или Ясная Поляна – в Тульской).

Как было отмечено выше, каждый литературный регион территориален. Это значит, что ландшафтные – природные и культурные – характеристики данной территории могут быть использованы для описания его свойств. Таким характеристиками могут быть степь, чернозем, южнорусские диалекты, местных народные географические термины и т.д.

Границы литературного региона.

Художественное и мемориальное пространство региона формируется внутри определенных административных границ. Однако административным границам свойственно изменяться со временем, что неизбежно влияет на литературное пространство региона. Например, части Орловского литературного «губернского» региона, вынесенные за пределы новообразованного «областного» региона (созданного за счет смены административных границ Орловской области), постепенно угасают, теряют своё значение для Орловского литературного региона, но начинают играть новыми красками для другого, соседнего – Липецкого. На помощь приходит идея палимпсеста – многослойности литературного пространства. В таком пространстве место всегда сохраняет память о существовавших ранее границах, определявших его литературное пространство [2].

У литературных регионов можно выделить этап зарождения, развития, расцвета/становления/кристаллизации и распада. Распад не всегда означает упадок, так как ключевые центры продолжают хранить литературные традиции и способствуют формированию нового региона из фрагментов прежнего.

Таким образом, когда мы говорим о литературном регионе, необходимо помнить о том, что это динамичная структура, невозможно рассматривать один её слой в отрыве от остальных, но существует литературный центр региона, который, как правило, определяет его, определяет часто его название, а в ряде случаев смещается, но наследует существовавшие ранее литературные традиции.

Предлагается классификация литературных регионов на первичные и вторичные, при которых первичные регионы сохраняют первоначальный центр, а вторичные наследуют литературные образы и места первоначальных, но формируются относительно нового центра. Согласно данной классификации Орловский литературный регион следует отнести к первичным, а Липецкий – ко вторичным.

Ключевые регионообразующие процессы.

Формирование и развитие литературного региона происходит благодаря трем регионообразующим процессам: художественного освоения, мемориализации и ремемориализации (последний включает демемориализацию, вторичное художественное освоение и вторичную мемориализацию).

Художественное освоение пространства предполагает создание массива ярких запоминающихся литературных образов. Эти образы связаны с ассоциативными литературными местами – локусами, в которых разворачивается сюжет произведения, или, в которые автор помещает своих героев [3].

Вслед за художественным освоением регионального пространства следует его мемориальное освоение. В его основе лежит желание общества сохранить память о великом писателе-земляке и о его творчестве. Мемориальное освоение пространства представляет собой процесс насыщения культурного пространства мемориальными литературными местами – музеями, памятниками и литературными топонимами [3; 4].

В результате мозаика ассоциативных и мемориальных литературных мест образует ткань литературно-географического региона. Пространственное развитие литературного региона происходит неравномерно, оно носит волнообразный характер. На ранних этапах развития литературного региона преобладает процесс художественного освоения пространства, на поздних – мемориального освоения.

Процесс ремемориализации может проявляться на разных этапах развития региона, но особенно активно запускается тогда, когда происходит смена административных границ. При изменении административных границ часть литературного пространства входит в состав литературного региона, либо выходит из него. Прежние мемориальные литературные места могут быть снесены или перемещены – это демемориализация. В присоединенном фрагменте пространства могут появиться новые ассоциативные места – это вторичное художественное освоение. Наконец, появление мест

мемориальных в места вторичного художественного освоения и есть процесс вторичной мемориализации.

Выводы.

1. Литературный регион – фрагмент литературно-географического пространства, устойчиво связанный с определенными литературными именами и характеризующийся сетью взаимосвязанных художественных и мемориальных литературных мест, ландшафтов и маршрутов.

2. Литературному региону свойственны территориальность, центрированность, полимасштабность и ландшафтность.

3. Литературное пространство региона формируется в определенных административных границах и устойчиво связано с ними. Литературное пространство сохраняет память о смене административных границ региона.

4. Литературный регион формируется под воздействием трех регионообразующих процессов – художественного освоения, мемориализации и ремемориализации (включающий демемориализацию, вторичное художественное освоение и вторичную мемориализацию).

Литература

1. Калуцков, В.Н., Морозова, М.М. Орловский литературный регион и процессы его развития. Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. М.: Изд-во Моск. ун-та, № 3, 2019. С. 131–142.

2. Митин, И.И. Место как палимпсест: мифогеографический подход в культурной географии // Феномен культуры в российской общественной географии: экспертные мнения, аналитика, концепты / Под ред. А.Г. Дружинина и В.Н. Стрелецкого. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного фед. ун-та, 2014. С. 147–156.

3. Веденин, Ю.А. Литературные ландшафты как объекты наследия // География в школе. 2006. № 8. С. 15–21.

4. Калуцков, В.Н. Культурная география России. Часть 1. Теоретический и специальный разделы. Учебное пособие. М., 2016.

Сведения об авторе:

Морозова Милена Максимовна, аспирант, Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Факультет

иностранных языков и регионоведения, Кафедра региональных исследований, Москва, Россия; ms.morozova@gmail.com; 8 (926) 963-38-59.

Milena Morozova, postgraduate student, Moscow State University, Faculty of Foreign Languages, Department of Area Studies, Moscow, Russia; ms.morozova@gmail.com; 8 (926) 963-38-59.

УДК 910.3

Осоргин К.С.
Osorgin K.S.

**КАТЕГОРИЯ «МЕСТО» В ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКЕ:
ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ**

**CATEGORY «PLACE» IN GEOGRAPHICAL SCIENCE:
APPROACHES TO DEFINITION**

Рассматриваются различные подходы к определению понятия «место» в современных научных исследованиях. Отмечается широкий спектр подходов к интерпретации данной категории. Выделяются различные исследовательские подходы; даётся авторская трактовка.

Various approaches to the definition of the concept of «place» in modern scientific research are considered. A wide range of approaches to the interpretation of this category is noted. Various research approaches are distinguished; the author's interpretation is given.

Ключевые слова: место, теоретическая география, научная категория.

Keywords: place, theoretical geography, scientific category.

В географических исследованиях сегодня многие категории и термины используются как понятные каждому. Иногда это создаёт взаимное недопонимание между автором и читателем. Поэтому первичный анализ используемых категорий становится важным на современном этапе развития географической науки. Примером такой категории является «место».

Категория «место» обладает значительным по объёму описанием. Достаточно упомянуть вокабулу этой категории в словаре Ожегова [1], которая включает десять дефиниций. При этом согласно Ожегову «место» не является синонимом и никак не связано с понятием

«территория», что отлично от подобного сравнения в научном аппарате.

Место есть фундаментальное понятие географии наряду с понятиями «расстояние», «граница», «район» и «регион». Категория «место» выступает базисом географических исследований в данной сфере. В социально-экономической географии место, в первую очередь, исследуется с точки зрения его характеристик: благоустроенность, уровень социального развития, уровень экономического развития, уровень экологической ситуации и т.п.

«Место» в географической науке – один из традиционных и, казалось бы, всеми понимаемых априори терминов, тем не менее, обладает свойством, отличительным для многих других научных терминов: интуитивное понимание вкупе со сложностью однозначного и точного определения. Эволюция его трактовки и понимания показывает, насколько меняются коннотация и семантика таких понятий. Сегодня, когда гуманистическая составляющая географической науки имеет значительный вес, категориальный аппарат исследователей должен быть максимально широким и открытым для дискуссий.

Существует несколько исследовательских подходов к детерминации и выявлению коннотации понятия «место» [2, 3]:

1) «место» есть некая точка, локалитет в пространстве, компактная часть территории различного ранга и любого иерархического уровня.

2) в социально-экономической географии «место», в первую очередь, исследуется с точки зрения его характеристик: благоустроенность, уровень социального развития, уровень экономического развития, уровень экологической ситуации и т.п. Внутренние характеристики места в данном случае служат основой для дифференциации и группированию мест по различным признакам. Л.В. Смирнягин [4] отмечал также, что нельзя сводить понятия «место» и «местоположение», поскольку второе представляет собой фундаментальную, внешнюю, а не внутреннюю характеристику (база «географического» или «экономико-географического положения»).

3) экономико-географическое положение «места» определяется его нахождением относительно как элементов окружающей природной среды, так и элементов искусственной среды, созданной человеком (транспортных путей, крупных хозяйственных объектов), иными словами, как говорил Н.Н. Баранский «все равно, будут ли эти объекты природного порядка или созданные в процессе истории» [5]

4) в гуманитарной географии, словами И-Фу Тана [6]: «География есть всегда интерпретация данного нам мира». Понятие «место» в этом

контексте трансформируется от материальному к идеальному. Теперь это не просто визуально воспринимаемая картинка, но концепт, семиологически насыщенный. Место конструируется в человеческом сознании, наделяется множеством значений, иначе говоря, создаётся самим человеком.

По нашему мнению, место на современном этапе развития географической науки следует понимать, как относительно небольшой по площади пространственно-временной участок геотории, обладающий сущностными, качественными характеристиками материального и идеального происхождения, которые отличают этот участок от других.

Литература

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 53 000 слов / Под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М.: Оникс, Мир и Образование, 2007., 1200 с.

2. Чупина Л.Б. Место и его свойства в географических исследованиях // Россия и её регионы в полимасштабных интеграционно-деинтеграционных процессах: гл. ред. А.И, Зырянов, М.Д. Шарьгин. – Пермь, 2017. С. 297–300.

3. Зырянов А.И. Формула места // Региональные исследования. 2013. №2. С. 20–24.

4. Смирнягин Л.В. Место вместо местоположения? URL: <http://ru-geography.livejournal.com/23455.html> (дата обращения: 28.09.2017)

5. Саушкин Ю.Г. Николай Николаевич Баранский // Экономическая и социальная география в СССР. М.: Просвещение. 1987. С. 218–235

6. Tuan Yi-Fu. Humanistic geography // Annals of the Association of American Geographers. 1976. Vol. 66. No. 2. P. 266-276

Сведения об авторе:

Осоргин Константин Сергеевич, ассистент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета. E-mail: kosorgin@bk.ru Контактный телефон: +79222428036

Потоцкая Т.И.
Pototskaya T.I.

МОРСКИЕ СТРАТЕГИИ НЕФТЯНОГО ЭКСПОРТА РОССИИ

MARITIME OIL EXPORT STRATEGIES OF RUSSIA

В статье выделены и рассмотрены морские стратегии нефтяного экспорта России. Особое внимание уделено рассмотрению Тихоокеанской и Арктической стратегиям. Проведен их сравнительно-географический анализ. Выделены географические факторы, повлиявшие на их формирование (стремление России: выйти из зоны влияния стран-транзитеров; географически диверсифицировать рынки сбыта; увеличить рентабельность экспорта нефти за счет сокращения маршрутов транспортировки и выделения / сохранения экспортных групп качества нефти; разрабатывать новую ресурсную базу для решения региональных социально-экономических задач). Сделан вывод о результатах использования морских стратегий - доминирование морского экспорта нефти из России над континентальным экспортом и усиление ее позиций, как морской державы.

The article establishes and reviews maritime oil export strategies of Russia. Particular consideration is given to the Pacific and Arctic strategies. Their comparative geographical analysis is carried out. All geographical factors influencing their formation were duly identified, namely, Russia's desire to leave the influence zone of transit countries; to diversify sales markets geographically; to increase profitability of oil exports by reducing transportation routes and establishing / maintaining export groups of oil quality; to develop a new resource base to address regional socio-economic problems. The conclusion is made about the results of using maritime strategies - the dominance of offshore oil exports from Russia over continental exports and the strengthening of its position as a sea power.

Ключевые слова: транспортная геополитика, трубопроводные войны, нефтепроводы, Россия, постсоветское пространство, география.

Key words: transport geopolitics, pipeline wars, oil pipelines, Russia, post-Soviet space, geography.

Введение и постановка проблемы.

Исследователи, изучающие геополитическое положение России, всегда отмечают его ярко выраженную континентальность. При этом особое внимание акцентируется на её усилении после распада СССР и проблемах, связанных с этим. Среди них, в первую очередь, рассматривается зависимость внешнеторговых операций России от ее взаимоотношений со странами, через территории которых экспортные товары проходят транзитом к странам-потребителям. Учитывая доминирование «нефти сырой и нефтепродуктов сырых» в товарной структуре экспорта страны (54%) [1], очевидна наибольшая зависимость экспорта именно этой категории российской товаров от характера отношений со странами-транзитерами. Все они относятся к группе стран постсоветского пространства и расположены на пути традиционного российского экспорта нефти к основному их потребителю – странам Европы. На морских путях транспортировки нефти (через морские порты) – Латвия, Литва, Украина. На континентальных путях (трубопроводы) – Беларусь, Украина, Молдова, Азербайджан. Стремление понять, существуют ли пути решения такого рода проблем и если да, то какие географические факторы этому способствуют, привело к появлению научного интереса к данной тематике. Абстрагируясь от большого количества публикаций, отметим только те, мнение авторов которых учитывалось при написании статьи. Это работы П.Я. Бакланова, А.В. Мошкова, М.Т. Романова [2], А. Бамбуляк, Б. Францен [3], А.В. Жагловской, В.Н. Жагловского [4], И.В. Филимоновой, С.И. Шумиловой, Ю.А. Дзюба [5] и др.

Результаты исследования.

Совокупность политических проблем во взаимоотношениях России со странами постсоветского пространства подтолкнуло ее к поиску альтернативных путей транспортировки нефти в страны ЕС, способных сделать ее и более экономически эффективной, и более безопасной. В результате стали создаваться альтернативные маршруты транспортировки нефти (трубопроводы), проходящие только по российской территории к портам Балтийского и Черного морей и строиться альтернативные морские порты с нефтяными терминалами на берегах этих морей. Это позволяет говорить о наличии морских стратегий развития нефтяного экспорта России (рис. 1).

Эффективность Балтийской и Черноморской стратегий (рассмотренных в нескольких публикациях автора [6], [7]). подтолкнула к более активному использованию морских побережий России для обслуживания ее нефтяного экспорта. Как следствие,

возникла **Тихоокеанская стратегия развития нефтяного экспорта России** (табл.1). В сочетании с континентальными поставками нефти, она обслуживает 26% объема российского экспорта нефти, из которого, около 16% приходится на морские поставки (в Китай, Японию, Р.Корею, Сингапур и др.) [8].

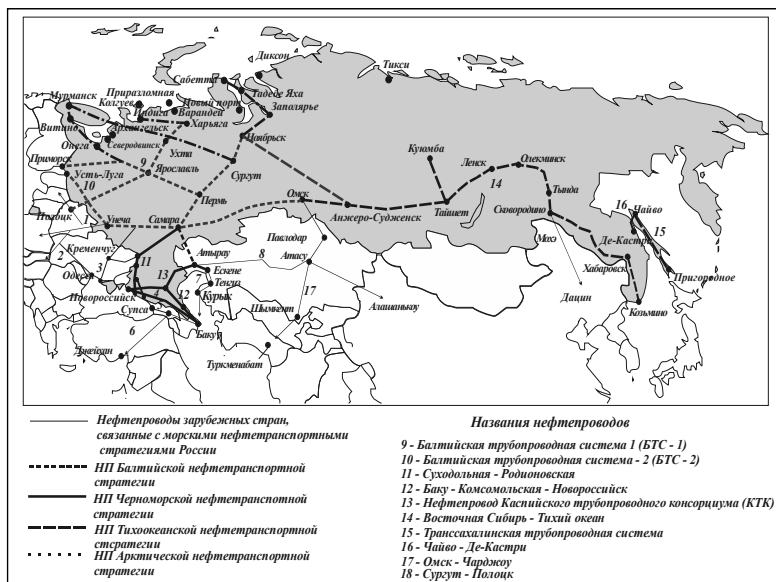

Рис. 1. Морские экспортные нефтетранспортные стратегии России, 2019. Составлено автором.

Примечание: Нефтепроводы зарубежных стран, связанные с морскими нефтетранспортными стратегиями России: 1 – Дружба, 2 - Одесса – Броды, 3 - Украинские магистральные нефтепроводы, 4 - Баку - Грозный – Новороссийск, 5 - Баку - Тбилиси – Сууса, 6 - Баку - Тбилиси - Джейхан (БТД), 7 - Казахстанская каспийская система транспортировки (ККСТ), 8 – Трансказахстанский.

В отличие от Балтийской и Черноморской, она формируется под влиянием более широко набора факторов, среди которых определяющим можно считать стремление России выйти на рынки стран АТР, куда сегодня смещается центр мирового хозяйства. Однако для достижения этого, России необходимо создать инфраструктуру, добывающую, обрабатывающую промышленность в Восточной Сибири и Дальнем Востоке в целом, с целью повышения уровня социально-экономического развития этого региона. В свою очередь,

достижение данной цели симулировалось первоначально действиями других стран постсоветского пространства (Казахстана, Туркменистана) по выходу на энергетические рынки стран АТР, а впоследствии и осложнившимися взаимоотношениями с ЕС.

таблица 1

Тихоокеанская и Арктическая морские экспортные нефтетранспортные стратегии России. Составлено автором

Морские стратегии	Нефтепроводы	Характеристики нефтепроводов*	Порт вывоза нефти
Тихоокеанская стратегия (72 млн.т.)	Заполярье - Пурапе	488; 32 - 45	-
	Куюмба - Тайшет	697; 8,5 / 15	-
	ВСТО - 1: Тайшет – Сковородино	2 694; 80	-
	ВСТО - 2: Сковородино - Козьмино	2 046; 50	Козьмино
	Сахалинская трубопроводная система: Сахалин - 2 - Пригородное	800; 10 (?)	Пригородное (ТОН)
	Чайво - Де-Кастри	226; 12	Де-Кастри
Арктическая стратегия (проекты) 12 – 80 млн.т.	Нюксеница - Витино - Мурманск	3 600; 80	Мурманск
	Усинск - Мурманск	2 500; 80	Мурманск
	Заполярье - Табее Яха	400 (без подводной части); 35 - 40	Сабетта
	Харьяга - Индига	419; 12	Индига

Примечание. *- протяженность нефтепроводов (км.); пропускная способность (млн.т. в год)

В результате, были построены: нефтепровод *Чайво – Де-Кастри* (транспортировка нефти с месторождений проекта Сахалин – 1 через Татарский пролив к нефтяному терминалу в порту Де-Кастри и далее в Японию, Р. Корею и др.); *Сахалинская трубопроводная система* (транспортировки нефти и газа, добытых в рамках проекта Сахалин-2 до нефтяного терминала отгрузки в Пригородное с последующим экспортом в Японию и др.); система нефтепроводов *Восточная Сибирь – Тихий океан* (ВСТО) (транспортировка нефти с месторождений западной Сибири до морского порта Козьмино, с последующим экспортом в Китай и др.).

Также стоит отметить перспективную морскую стратегию, реализация которой пока сдерживается малыми темпами ежегодного прироста добычи нефти в России – *Арктическую стратегию развития нефтяного экспорта России* (табл. 1). В её составе часто рассматриваются нефтепроводные проекты, конкурирующие друг с другом в вопросе возможных маршрутов транспортировки экспортной

нефти через порты Северного Ледовитого океана. Все они опираются на уже разрабатываемые месторождения нефти, берут начало на уже существующих экспортных нефтепроводах и завершаются в одном из уже существующих нефтяных терминалов, расположенных по маршруту Северного морского пути.

Так, проект *Мурманского нефтепровода*, связывающий месторождения нефти Западной Сибири с портом Мурманск, предполагает два маршрута: южный (вокруг Белого моря) и северный (по дну Белого моря). В качестве преимуществ данного проекта подчеркивается такой аспект, как способность Мурманска принимать супертанкеры, которая связана с глубоководностью и незамерзаемостью акватории порта. Это, в свою очередь, определяет рентабельность транспортировки нефти на дальние расстояния вплоть до Северной и Южной Америки (в настоящее время, это – одно из наименее развитых направлений российского экспорта нефти – около 1%) [8]. Более того, при этом устраняется такой недостаток Балтийской и Черноморской нефтетранспортных стратегий России, как определенная зависимость экспорта российской нефти от стран, через чьи территориальные воды транспортируется груз (Датские проливы - Дания, Швеция; Босфор, Дарданеллы - Турция).

Вместе с тем, учитывая большую протяженность Мурманского нефтепровода (2 500 – 3 500 км.) и невозможность обеспечить полную его загрузку (80 млн.т.), в качестве альтернативы был предложен более короткий маршрут (419 км.) с меньшими объемами транспортируемой нефти (12 млн.т.) и с возможностью отдельной прокачки добываемой нефти - нефтепровод *Харьяга-Индига*. Однако недостаточная глубина акватории порта Индига в сочетании с ее замерзаемостью, ограничивают возможность приема крупнотоннажных танкеров, что в итоге не позволило реализовать данный проект.

Идея создания арктического нефтепровода вновь актуализировалась после завершения строительства нефтепровода Заполярье – Пурпе, обеспечивающего нефтью нефтепроводы ВСТО, Каспийского трубопроводного консорциума (КТК) и морского порта Сабетга, ориентированного на отгрузку сжиженного газа, производимого на заводе Ямал СПГ. В соответствии с ней, предполагалось соединить нефтепроводом *Заполярье - Табеде Яха* уже разрабатываемые месторождения нефти на правом берегу Обской губы с морским портом Сабетга, расположенного на левом ее берегу. При этом предполагалось, что данный нефтепровод будет наполняться нефтью из нефтепровода Заполярье – Пурпе, работающего в реверсном режиме, что лишило бы ВСТО части ресурсной базы. Очевидная

высокая затратность данного проекта в сочетании с отсутствием излишков добываемой нефти, выступили сдерживающими факторами в его осуществлении.

В связи с этим, аналитики высказывают мнение о нецелесообразности в ближайшей перспективе реализации Арктической морской нефтетранспортной стратегии, основанной на системе нефтепроводов. Это определяется, в первую очередь, низкими темпами роста добычи нефти в России. Нефть, добываемая в месторождениях, с которых начинаются рассмотренные нефтепроводы, является ресурсной базой крупнейших экспортных нефтепроводов страны: БТС – 1, КТК и ВСТО. Более того, реализация данной стратегии может изменить «Схему нормальных (технологических) грузопотоков» (предусматривает формирование сортов нефти в количестве более 20 для внутреннего рынка и шесть экспортных потоков). Поэтому любое отвлечение больших объемов повлечет за собой изменение качественного состава сортов нефти, которые уже сформированы.

В итоге, можно констатировать, что существующая современная Арктическая стратегия базируется на добыче нефти (месторождения Приразломная, Новопортовское) с последующей ее транспортировкой с помощью нефтяных танкеров и ледокольного флота и опирается на нефтяные терминалы, расположенные по маршруту Северного морского пути, что делает актуальным их реконструкцию (в частности, Северодвинск, Мурманск). Основное направление экспорта – Нидерланды, Бельгия, Норвегия, что обусловлено логистической доступностью региона и наличием в них НПЗ, специализирующихся на переработке тяжелой нефти ARCO (с Приразломной) и легкой нефти Novy Port (с Новопортовского).

Заключение.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что основными факторами, повлиявшими на формирование морских нефтетранспортных стратегий, можно считать стремление России: выйти из зоны влияния стран-транзитеров; географически диверсифицировать рынки сбыта; увеличить рентабельность экспорта нефти за счет сокращения маршрутов транспортировки и выделения / сохранения экспортных групп качества нефти; разрабатывать новую ресурсную базу для решения региональных социально-экономических задач. В конечном итоге, это привело к доминированию морского экспорта нефти России над континентальным и усилению позиции России, как морской державы, которые во многом были утрачены после распада СССР.

Литература

1. Статистический бюллетень «Россия и страны Содружества Независимых Государств» // ФСГС РФ URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения 14.02.2019).

2. Бакланов, П.Я., Мошков, А.В., Романов, М.Т. Базисные структурные звенья в долгосрочном развитии транспортных систем Дальневосточного региона России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. 2018. № 4. С. 83-92.

3. Бамбуляк, А., Францен, Б. Транспортировка нефти из российской части Баренцева региона URL: https://www.nhm.uio.no/fakta/zoologi/fugl/ringmerking/PDF/Part_1.pdf (дата обращения 02.12.2019).

4. Жагловская, А.В., Жагловский, В.Н. Обзор рынка нефти Азиатско-тихоокеанского региона и перспективы расширения сегмента экспорта российской нефти // Экономика в промышленности. 2012. № 1. С. 70-72.

5. Филимонова, И.В., Шумилова, С.И., Дзюба, Ю.А. Комплексный анализ и прогноз недропользования в регионах Восточной Сибири и дальнего Востока // Экологический вестник России. 2019. № 10. С. 20-27.

6. Потоцкая, Т.И. Геополитический аспект современного транспортно-географического положения России // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2018. № 3. С. 5-17.

7. Потоцкая, Т.И. География «нефтепроводных войн» в контексте взаимодействия России со странами Балтийского региона // Региональные исследования, 2019. №4.

8. BP Statistical Review of World Energy June 2018 URL: <http://www.bp.com/statisticalreview> (дата обращения 12.10.2019).

Сведения об авторе:

Потоцкая Татьяна Ивановна, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, Смоленский государственный университет

ptismolensk@yandex.ru; +7 (915) 637 16 75

Роготень Н.Н.
Rogoten N.N.

**МЕСТО ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА В ВОЕННОМ
И В ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИИ
И КИТАЯ**

**THE PLACE OF THE FAR EASTERN REGION IN MILITARY
AND MILITARY-TECHNICAL COOPERATION BETWEEN
RUSSIA AND CHINA**

Показана современная ситуация в области ВТС России. Отмечены сложившиеся формы военно-технического сотрудничества и критерии его оценки. Подчеркнуто значение российско-китайского военно-технического сотрудничества для поддержания и развития предприятий ОПК Дальневосточного района, многие из которых являются градообразующими.

The current situation in the field of military transport in Russia is shown. Established forms of military-technical cooperation and criteria for its evaluation are noted. The importance of Russian-Chinese military-technical cooperation for the maintenance and development of defense enterprises in the far Eastern region, many of which are city-forming enterprises, was emphasized.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс, военно-техническое сотрудничество, Дальневосточный регион.

Key words: military-industrial complex, military-technical cooperation, Far Eastern region.

Глобальные изменения мировой политической ситуации были связаны с распадом СССР, ошеломляющим ростом экономики и военной мощи Китая, Индии и целого ряда стран АТР. Существенную роль в этих процессах сыграл демографический фактор. Все это вместе взятое привело к смещению геополитического центра в Азиатско-Тихоокеанский регион.

Россия имеет широкий «тихоокеанский фасад» и поэтому крайне заинтересована в укреплении и расширении своего экономического и политического влияния на Дальнем Востоке. На выполнение этой стратегической цели работают расширяющиеся внешнеэкономические связи со странами региона (т.н. «поворот на Восток») и углубление военно-технического сотрудничества (ВТС).

Основой ВТС служит ОПК, который является неотъемлемым атрибутом всех развитых стран. Вся история формирования и функционирования ВПК доказывает тот факт, комплекс определяет функциональную конкурентоспособность и должен рассматриваться как важнейший сектор национальной экономики.

Для РФ продвижение своей высокотехнологичной продукции. в т.ч. ВВТ относится к числу экономических приоритетов. Именно поэтому развитие ВТС со странами Азии – лидерами по объему закупок оружия и по числу находящихся в них стран – основных покупателей ВВТ, относится наиболее важным экономическим интересам нашей страны и необходимо для укрепления политических позиций РФ в регионе. Прежде всего, речь идет о странах АТР и Ближнего Востока.

В настоящее время РФ занимает 2-е место после США в списке мировых экспортеров ВВТ. На Азиатский регион приходится 2/3 российского экспорта вооружений. Первая 3 покупателей представлена Индией – 38%, Китаем и Вьетнамом – по 11% [1]. Активность стран Азии на мировом рынке вооружений объясняется резким обострением обстановки практически во всех субрегионах Азии (территориальные споры вокруг Парасельских островов и архипелага Спратли, сложные отношения между Китаем, Индией, Пакистаном; ядерные программы Ирана и КНДР). Как следствие – увеличение закупок различных видов вооружений (Вьетнам), принятие программ перевооружения своих армий (Филиппины, Индонезия). Межгосударственные споры дополняются сложной внутригосударственной ситуацией (исламистские группировки, межнациональные конфликты).

Сфера ВТС со странами Азии отличается большой емкостью рынка, высоким уровнем политизированности и избирательностью партнерства, поскольку, приобретая определенные виды ВВТ импортеры на длительный срок оказываются «привязанными» к стране–поставщику. Для стран–покупателей ВВТ речь идет об очень чувствительных сферах – обороне и безопасности, поэтому поставщиков выбирают тщательно, предпочитая страны с многолетними дружескими отношениями [1]. По этой причине круг постоянных покупателей российского оружия относительно небольшой (хотя, в целом, ВТС осуществляется с 89 странами) и за каждого нового покупателя идет серьезная конкурентная борьба (табл. 1).

По итогам 2019 российская продукция военного назначения экспортировалась в 65 государств [2].

Таблица 1

Основные покупатели российского оружия

Страна	Доля российских ВВТ от общего объема закупок, %	Страна	Доля российских ВВТ от общего объема закупок, %
Вьетнам	88	Ирак	23
Казахстан	76	Туркменистан	20
Индия	68	Мьянма	19
Алжир	60	Бангладеш	13
Китай	57	Кувейт	3,6
Афганистан	27	АТР в среднем	37

Составлено автором по: [1]

Самыми распространенными формами ВТС России в АТР являются поставки ВВТ, их ремонт и модернизация, подготовка специалистов. Применительно к Китаю и Индии дополнительно используется такая форма как передача лицензий на производство вооружений.

Активное развитие российско-китайских отношений в области ВТС датируется началом 90-х годов, когда обе стороны заявили о необходимости стратегического партнерства. В качестве одной из основ нового международного порядка Примаковым Е.М. был предложен «*Стратегический треугольник*» Россия – Китай - Индия. В дальнейшем эта позиция была дополнена внешней политикой «*поворота на Восток*», формированием нового типа межгосударственного «*партнерства без альянса*», принципом «*безопасность через развитие*» и противодействием «*трем силам зла*» (терроризм, экстремизм, сепаратизм) [3].

В настоящее время российско-китайское стратегическое взаимодействие осуществляется по 4 направлениям: дипломатическое сотрудничество (глобальный, региональный, двусторонний и многосторонний уровень); политическое; экономическое сотрудничество и сотрудничество в сфере военных технологий.

На протяжении 15 лет Китай поддерживал позиции РФ как крупнейшего экспортера ВВТ. В 90-е годы на Китай приходилось до 70% оружейных продаж России. Значение КНР как важнейшего партнера по ВТС усилилось с началом украинского конфликта и санкционной политики Запада. Структура поставок в Китай длительное

время остается неизменной: самолеты и вертолеты (45%), бронетехника и противотанковые средства (14%), корабли и подводные лодки (12%), ракеты (11%) средства ПВО (7%) и военные двигатели (6%) [1].

Первое соглашение и начало работы межгосударственной комиссии по вопросам ВТС датируется 1992 г. В дальнейшем был подписан документ об охране интеллектуальной собственности в данной сфере (2008 г.). Площадкой, где нарабатывался опыт ВТС, стал Дальневосточный экономический район, и прежде всего, оборонные предприятия Хабаровского и Приморского краев.

В Дальневосточном регионе около 20 предприятий занимались судостроением и ремонтом судов различных ведомств. Доля гособоронзаказа предприятий ОПК только в Приморском крае в среднем составляла 40-45% [4]. Судостроение в регионе имело ряд особенностей. Во-первых, там отсутствовали ведущие КБ и поставщики основного комплектующего оборудования. Во-вторых, предприятия находились (и находятся) на значительном удалении друг от друга (от Хабаровского судостроительного завода до сдаточной базы во Владивостоке – 2200 км, в т.ч. 900 км по Амуру) [4]. Похожая ситуация наблюдалась и в авиационном комплексе.

Оторванность от головных КБ и территориальная удаленность дополнялись высокими транспортными расходами и ростом цен на электроэнергию, сложной системой налогообложения, почти полным отсутствием государственного финансирования. В итоге это привело к существенному сокращению производства. В значительной мере благодаря китайским заказам, ведущие оборонные предприятия ДВЭР сумели выжить и даже освоить выпуск новых видов гражданской продукции. Доля оборонной продукции на предприятиях составляла около 55%. Из них заказы Министерства обороны и других госструктур не превышали 22% (а часто были менее 10%). Остальные 33% приходились на выполнение зарубежных контрактов [4].

Со временем изменилось отношение к ВТС с Китаем. Нет опасений по поводу неблагоприятной зависимости от КНР в этой области. Перечень совместных российско-китайских программ ВТС расширился (табл. 2).

Таблица 2

Проекты российско-китайского ВТС

Направления ВТС	Участники и содержание проектов
Авиационные двигатели	Завод им. В. В. Чернышёва (Москва) и САГИС: модернизации российских турбовинтовых реактивных двигателей РД-33 для китайских

	многоцелевых истребителей САС/РАС JF-17 «Thunder»; двигатели РД-93 для китайских истребителей 5-го поколения J-31; ОАО «НПО «Сатурн»: двигатели Д-30КП-2 для бомбардировщиков Н-6 и транспортника Y-20
Военная и гражданская авиация	и КНААПО и завод в Шэньяне (САС): истребители J-11; создание широкофюзеляжного самолёта
Военные автомобили	производство в КНР многоцелевых автомобилей повышенной проходимости ГАЗ «Тигр»
ПРО	Поставка и выпуск ЗРК С-300ПМУ-1; экспорт С-400 «Триумф»
ДЭПЛ	Выпуск по лицензии ПЛ проектов 877 «Палтус» и 636 «Варшавянка»
Космос	Строительство совместной базы на Луне, производство ракетных двигателей на территории КНР, спутниковая навигация, дистанционное зондирование Земли, производство электронных компонентов и космического оборудования
Вертолетостроение	ААК «Прогресс» им. Н.И. Сазыкина (Арсеньев): совместное строительство тяжёлых военных вертолётов

Составлено автором по: [5, 6]

ОПК России остается чрезвычайно важной частью экономики страны и ДВЭР. Район имеет хорошие перспективы развития ВТС с Китаем: здесь расположено 25 предприятий (ОАО «ОСК»), обеспечивающих 6% промышленного производства всего российского судостроения, создан Дальневосточный центр судостроения. Китай – один из крупнейших инвесторов РФ в важнейших экономически значимых формах ВТС России.

Литература

1. Ревенко, Н.С., Экономические аспекты военно-технического сотрудничества России со странами Азии и Ближнего Востока // Российский внешнеэкономический вестник 9 – 2017. – С. 59-72.

2. Мальцев, А.А., Азаров, Д.А., Перспективы развития военно-промышленного комплекса Российской Федерации в условиях санкций // Известия УрГЭУ 5 (55) 2014. – С. 58-66.

3. Лю Фэнхуа, Китайско-российское партнерство и стратегическое сотрудничество // Сравнительная политика. – 2019. – Т. 10. – № 2. – С. 118-134.

4. Сидоров, С.А., Оборонно-промышленный комплекс Дальнего Востока на рубеже XX–XXI вв.: состояние и меры по сохранению и развитию // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2011. – № 2 (8): в 3-х ч. – Ч. III. – С. 172-178. – ISSN 1997-292X – URL : http://scjournal.ru/articles/issn_1997-292X_2011_2-3_46.pdf (дата обращения 25 февраля 2020)

5. Королёв, А.Н., Насколько близки Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях // Россия и АТР. – 2019. – № 3. – С. 138-160.

6. Военно-техническое сотрудничество России и Китая. Досье. 13 дек 2015. – URL : <https://tass.ru/info/2228966> (дата обращения 25 февраля 2020)

Сведения об авторе:

Роготень Наталья Николаевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии им. академика РАО В.П. Максаковского МПГУ; nnrogoten@yandex.ru, 8.910.462.30.96.

УДК 321.01+342.1

**Романов М.Т., Шведов В.Г.
Romanov M.T., Shvedov V.G.**

ВЫДЕЛЕНИЕ И ОБОСНОВАНИЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО РЕГИОНА БЕРИНГИЯ

IDENTIFICATION AND JUSTIFICATION OF THE GEOPOLITICAL REGION BERINGIA

Берингия является геополитическим регионом на стыке Евразии и Северной Америки, Северного Ледовитого и Тихого океанов. Региональная ситуация осложнена проблемами существующего разграничения между США, Россией и Канадой. Кроме того, между этими странами имеется разногласие по поводу статуса арктического

шельфа Берингии и проходящих через неё транзитных морских трасс. В этом споре Россия и Канада противостоят США, что является нетипичной геополитической ситуацией.

Beringia is a geopolitical region at the junction of Eurasia and North America, the Arctic and Pacific Oceans. The problems of the existing borders between the USA, Russia and Canada make the regional situation difficult. In addition, there is disagreement between these countries over the status of the Arctic shelf of Beringia and transit sea routes passing through it. In this dispute, Russia and Canada confront the United States, which is an atypical geopolitical situation.

Ключевые слова: Геополитический регион, Берингия, пограничные споры, статус арктического шельфа, транзитные морские пути.

Keywords: Geopolitical region, Beringia, border problems, status of the Arctic shelf, transit sea's routes.

Введение.

Происходящие в современном мире подвижки не оставляют сомнений в том, что в нём сложился новый геополитический макрорегион – Арктика [1]. Это огромное континентально-океаническое пространство, площадь которого, более 20 млн км². Такой масштаб объективно предполагает наличие разного свойства внутренних различий. В том числе, на основе существующего межгосударственного раздела Арктики и проявления в её пределах интересов ряда стран, можно выделить геополитические регионы: Архипелаговый, Евроарктический, Сибирский и Берингия. Все они имеют конфигурацию треугольников с вершиной на Северном полюсе и сторонами, расходящимися от него к югу по меридианам. Их основания находятся в относительной привязке к Полярному кругу; но его линией, как правило, не ограничиваются. Здесь затронут вопрос о выделении и отличительных характеристиках Берингии.

Материалы и методы.

Публикация написана на основе тематических научных публикаций, аналитических экспертных оценках, избранных фактических данных с использованием методов: фактологического, выборочно-статистического, территориального анализа, географического районирования.

Обсуждение.

Термин «Берингия» ввёл в научный оборот шведский учёный Э. Хультен в 1937 г., обозначив им пространство на стыке Евразии,

Северной Америки, Северного Ледовитого и Тихого океанов [2]. В настоящее время он принят рядом научных дисциплин [3].

Граница Берингии на суше очерчена цепью горных хребтов: в Евразии – Верхоянским и Юдомским, в Северной Америке – Ричардсон, Маккензи и Береговым. Здесь расположены: территория России к северо-востоку от названных гор, включая Камчатку и Большую гряду Курильских островов, штат США Аляска и территория Канады Юкон.

Акваторию Берингии образуют моря Восточно-Сибирское, Чукотское, Бофорта и открытая часть Северного Ледовитого океана к северу от них. Также в её состав входят и близкие по большинству характеристик к арктическим морям залив Аляска, Берингово море, большая часть Охотского моря [4; 5], исключая его юго-западный сектор, который интегрирован в регион Японского моря [6].

В целом, абрис Берингии в таких очертах подтверждён практикой штабного планирования вооружённых сил России и США, образовавших, соответственно, Северо-Восточное и Арктическое командования [7].

Природные условия Берингии в основном экстремальны для жизнедеятельности человека, что обусловило низкий уровень её заселения и освоения. Но в её пределах имеются крупные запасы стратегического минерального сырья [8]. Это благородные, цветные и редкоземельные металлы [9], а на шельфе – углеводороды [10; 11].

С другой стороны, мониторинг процесса таяния льдов Арктики даёт основание предполагать, что к середине XXI в. её воды станут в летнее время полностью доступны для судов. Это значит, что по Северному морскому пути и Северо-Западному проходу откроются трассы, на 40 % короче существующих путей трансконтинентальных линий торговли по Суэцкому и Панамскому каналам [12]. В таком случае Берингия обретёт исключительное положение, поскольку Берингов пролив станет ключевым звеном прохождения между Северным Ледовитым и Тихим океанами.

Помимо этих данностей, геополитическая проблематика Берингии представлена форматом доктринальных установок межгосударственных отношений. Под этим углом зрения её главная характеристика состоит в непосредственном соседстве России и США – крупнейших ядерных держав со сложными, в последнее время обострившимися, отношениями. То есть, в этом регионе потенциально возможно их прямое военное столкновение [13; 14]. Но соотношение сил здесь оказалось специфичным.

США традиционно не допускают в Берингию своих европейских союзников по НАТО [15]. Военные возможности Канады, которая также является сувереном берингийского пространства, здесь равны нулю. Но региональный военный потенциал Соединённых Штатов находится не в лучшем состоянии [16]. Из имевшихся ранее на Аляске семи армейских баз США, четыре заброшены; три ныне действующие имеют оборонно-наступательное оснащение, которое, в основном, соответствует требованиям конца XX в. В Берингии отсутствуют пункты размещения американских ВМС, аэродромы приёма стратегической авиации.

Между тем, текущее обострение в мировой геополитике стало со стороны России причиной «...ответных выверенных и быстрых действий» [цит. по: 17]; в том числе – в рассматриваемом регионе. За истекшее десятилетие были полностью модернизированы военно-морская база в Вилучинске, аэродром тяжёлых бомбардировщиков в Анадыре. На островах Котельном и Врангеля, мысе Шмидта возведены новые базы; для нужд ВМС оборудованы порты Тикси и Певек. Сосредоточенный на всех этих объектах разведывательный и ударный потенциал не имеет мировых аналогов. Важным компонентом силовых возможностей России в акватории Берингии стали атомные ледоколы двойного назначения серии ЛК-60Я, способные нести ракетное вооружение.

В итоге, зарубежные военные эксперты констатируют факт абсолютного военного превосходства России в регионе [18; 19]. А так как оно сложилось на минимальном отдалении от важнейших жизненных центров Канады и США, «Берингийский фактор» оказывается одним из важнейших элементов поддержания баланса сил между Россией и НАТО.

Этот факт актуален ещё и потому, что между странами-суверенами Берингии имеются пространственные противоречия. Сложившееся здесь в XIX в. разграничение между ними суши разногласий не вызывает, чего нельзя сказать о размежевании и статуса ряда акваторий.

В 1990 г. США, по инициативе тогдашнего министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе, аннексировали 77 тыс. км² спорной площади в Беринговом море, хотя высшее советское руководство посчитало эту акцию незаконной, и российская сторона в настоящее время требует её пересмотра её результата. Одновременно США и Канада спорят о принадлежности 21 тыс. км² акватории моря Бофорта.

Надо заметить, что пространственные разногласия в двусторонних российско-американских отношениях ранее полностью отсутствовали,

а также – давно были не свойственны диалогу США и Канады. Но современные геополитические реалии обратили Берингию в зону межгосударственных акваториальных претензий.

Не менее актуальны межгосударственные противоречия между странами-суверенами региона по поводу статуса неразделённого арктического шельфа и морских арктических трасс. Причём комбинация сторонников разных точек зрения по этой проблеме оказалась необычной.

Группу единомышленников здесь образуют Россия и Канада, которые имеют самые широкие выходы в арктические моря и нацелены на закрепление за собой обширных секторов шельфа в Северном Ледовитом океане. Так, в 2019 г. заявка России получила одобрение Подкомиссии ООН по морскому праву на обладание шельфовым сектором в Берингии вдоль хребта Менделеева. А Канада узаконила своё односторонне принятое в 1997 г. решение о суверенизации восточной части моря Бофорта и прилегающей с запада к Арктическому архипелагу полосы океанических вод до северной оконечности острова Элсмир. Также эти страны считают своим национальным достоянием транзитные магистрали (соответственно) Северного морского пути и Северо-Западного прохода.

В противовес им США настаивают на десуверенизации открытых арктических вод, Северного морского пути и Северо-Западного прохода. Но очевидно, что эта инициатива позволит им разрабатывать ресурсы нейтральной Арктики, перемещать свои ВМС вплотную у северных берегов России и задействовать проливы Канадского Арктического архипелага по своему усмотрению [20].

Таким образом, Россия и Канада, находясь в разных «геополитических лагерях», являются концептуальными союзниками по вопросу межгосударственного устройства Берингии [21], эффективно противостоя здесь американским намерениям. Оказавшись в столь нестандартной ситуации, США предприняли поиск сторонников из числа неарктических стран, объективно заинтересованных в беспрепятственном доступе к ресурсному потенциалу арктических морей и свободному движению по ним [22]. Разумеется, что первыми в числе таковых стали крупнейшие страны АТР – Китай, Япония и Индия. Но и их подход к данной проблеме оказался более взвешенным.

Эти государства исходят того, что действия России и Канады в данном случае – необратимый факт. Поэтому целесообразно не раздражать их своим противодействием, а напротив, извлечь выгоду из инвестиций в инфраструктурное обустройство морских путей в

высоких широтах, добычу шельфовых углеводородов и разведку и добычу на суше металлов лантаноидной группы [23]. При этом, их большим вниманием пользуется российский сектор Берингии так как его ресурсная база изучена лучше, а пересекающий её сегмент Северного морского пути по кратчайшей прямой связан с Беринговым проливом и имеет портовое обеспечение в отличие Северо-Западного прохода, который извилист и необустроен.

Заключение.

В настоящее время Берингия – регион, где США утратили геополитическую инициативу, и их меры по исправлению этой ситуации нельзя назвать эффективными и последовательными. К примеру, финансы, выделенные ранее на развитие военных объектов Аляски и создание ледокольного флота, ныне перенаправлены на строительство стены на границе с Мексикой. Принятый под американским давлением рядом европейских судоходных компаний бойкот Северного морского пути совсем не повлиял на интерес к нему со стороны стран Азии [24]. В результате в США теперь рассматривается перспектива суверенизации шельфа в морях Бофорта и Чукотском протяжённостью 965 км к северу от береговой линии Аляски [25]. Причём это возможное приобретение не предусматривает акваториальных споров с Россией.

Следует заметить, что принятие США такого решения выглядит наиболее оптимальным [26]. Им будет разрешена существенная доля пространственных споров стран-суверенов Берингии, а также – устранена неопределённость в статусе крупного акваториального сектора высоких широт и все связанные с ним спорные моменты региональных межгосударственных отношений.

Литература

1. Пилясов А.Н. Арктическое Средиземноморье: предпосылки формирования нового макрорегиона // Экономика и организация промышленного производства. 2010. № 12. С. 54 – 76.
2. Hulten E. History of Arctic and Boreal Biota. Stockholm: Bokoforlags aktiebolaget Thule, 1937. 168 p.
3. Кожевников Ю.П., Железнов-Чукотский К.Н. Берингия: история и эволюция. М.: Наука, 1995. 382 с.
4. Макоедов А.Н., Кожемяко О.Н. Дальневосточный рыбопромысловый бассейн [электронный ресурс]. URL: <http://arctikfish.com/index.php/stati-po-akvakulture/33-dalnevostochnyj-rybopromyslovij-bassejn> (дата обращения 05.09.19).

5. Никитин Б.А., Дзюбло А.Д. Перспективы освоения газовых ресурсов шельфа арктических морей России // Вести газовой науки. 2017. № 4 (32. С. 15 – 24).
6. Бакланов П.Я. Экономико-географические и геополитические предпосылки интеграционных отношений и процессов в Япономорском регионе // Известия РАН. Серия географическая. 1996. № 6. С. 80 – 93.
7. Матвеев И.В. Пентагон: США должны военным путём защитить свои интересы в Арктике [электронный ресурс]. URL: <http://www.politrus.com/2018/06/15/usa-russia-6/> (дата обращения 31.07.19).
8. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире. Архангельск: изд. САФУ, 2013. 281 с.
9. Бортников Н.С., Лобанов К.В., Волков А.В., Галямов А.Л., Мурашов К.Ю. Арктические ресурсы цветных и благородных металлов в глобальной перспективе // Арктика: экология и экономика. 2015. № 1. С. 38 – 46.
10. Григоренко Ю.Н., Маргулис Е.А., Новиков Ю.Н., Соболев В.С. Морская база углеводородного сырья России и перспективы её освоения // Нефтегазовая геология. Теория и практика. 2007. Т. 2. С. 1 – 33.
11. Значение Арктики для США [электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkticheskaya-strategiya-ssha/> (дата обращения 31.07.19).
12. Ван Шучунь, Ерёмин В.П., Чжу Янь. Новая китайская концепция и российско-китайское сотрудничество по Северному морскому пути. // Свободная мысль, 2017. № 6. С. 109 – 120.
13. DeBoer S. Collective Defense in the High North: It's Time for NATO to Prioritize the Arctic // Center for International Maritime Security. 2015. July 17. [электронный ресурс]. URL: <http://cimsec.org/collective-defense-high-north-time-nato-prioritize-arctic/17437> (дата обращения 03.02.2020).
14. Geopolitics and Security in the Arctic. Regional dynamics in a global world/ Ed. By R. Tamnes, K. Offerdal. London: Routledge, 2014. 198 pp
15. Depledge D. Hard Security Development. / Arctic Security Matters. Ed. J. Jokela. Paris: EUSS, 2015. P. 59 – 68.
16. Арктические стратегии стран Северной Америки и России [электронный ресурс]. URL: https://studbooks.net/2218290/ekonomika/arkticheskie_strategii_stran_severnoy_ameriki_i_rossii (дата обращения 05.02.2020).

17. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании Коллегии Министерства обороны 10 декабря 2013 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/19816> (дата обращения 23.12.2019).
18. Голдин В.И. Геополитика Арктики: новые исследования // Вестник С(А)ФУ. Серия Гуманитарные и социологические науки. 2016. № 6. С. 151 – 155.
19. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Канадская стратегия в Арктике и Россия: возможно ли взаимопонимание? // Арктика и Север. 2012. № 8. С. 1 – 21.
20. Гудев В.А. Территориальные и ресурсные интересы США в Арктике [электронный ресурс]. URL: <http://warandworld.ru/geopolitica/101-territorialnye-i-resursnye-interesy-ssha-v-arktike.html> (дата обращения 31.07.19).
21. Коньшев В.Н., Сергунин А.А., Субботин С.В. Военная стратегия Канады в Арктике // Политэкс. 2015. Т. XI. № 2. С. 27 – 40.
22. Песцов С.К., Толстокулаков И.А., Лабюк А.И., Колегова Е.А. Международное сотрудничество в Арктике: интересы и стратегии стран Азиатско-Тихоокеанского региона [электронный ресурс]. URL: [электронный ресурс]. URL: www.arcticandnorth.ru/Encyclopedia_Arctic/Pestsov_and_others.pdf (дата обращения 19.02.2020).
23. Asian Foreign Policy in a Changing Arctic/ Ed. By A. Tonami. London: Palgrave Macmillan, 2016. 140 pp.
24. Аймашева А.А. Экономические интересы КНР в Арктике [электронный ресурс]. URL: <http://csf.ru/politica-i-geopolitica/501/ekonomicheskie-interesy-knr-v-arktike-8712> (дата обращения 18.11.19)
25. National Strategy for the Arctic Region. May 10, 2013 // The White House [электронный ресурс]. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (дата обращения 11.10.2019).
26. Romanov M.T., Shvedov V.G. About Dynamics of the Geopolitical Position of the North-East of Russia in the 17-th-21-st Centuries.// Humanities & Social Sciences Review, 2019. Vol. 7. № 6. P. 169 - 175.

Сведения об авторах:

Романов Матвей Тихонович, доктор географических наук, главный научный сотрудник, главный научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур Тихоокеанского института географии ДВО РАН, e-mail: romanov@tigdvo.ru, т. 8 9143376292.

Шведов Вячеслав Геннадьевич, доктор географических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории территориально-хозяйственных структур Тихоокеанского института географии ДВО РАН, e-mail: i-svg@yandex.ru, т. 8 9841578065

УДК 911.3

Хамина Н.В.
Khamina N.V.

ВНУТРИРЕГИОНАЛЬНАЯ ПЕРИФЕРИЯ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ (НА ПРИМЕРЕ РЕГИОНОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

INTRAREGIONAL PERIPHERY IN SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT (ON THE EXAMPLE REGION OF EASTERN SIBERIA)

На примере регионов Восточной Сибири выполнено ранжирование муниципальных образований по социально-экономическим показателям с помощью метода рейтинговой оценки. На основе результатов сделаны выводы о характере проявления внутрирегиональной периферии.

On the example of the regions of Eastern Siberia, the municipalities were ranked by socio-economic indicators using the method rating score. Based on the results, conclusions are drawn about the nature of the manifestation of intraregional periphery.

Ключевые слова: внутрирегиональная периферия, социально-экономическое развитие, Восточная Сибирь.

Keywords: intraregional periphery, social-economic development, Eastern Siberia.

Во многих исследованиях в отношении «центр-периферия» подразумевается экономический контекст. Согласно классической теории, разработанной Дж. Фридманом (1966 г.) в книге "Политика регионального развития: опыт Венесуэлы" [1], пространственная поляризация и неравномерность экономического роста ведут к

диспропорциям между центром и периферией, где взаимодействия последних осуществляются в виде двух форм – прямого воздействия (распространение импульсов от центра к периферии) и обратного (доминирование центра над периферией).

Как правило, периферия характеризуется догоняющим развитием и преимущественно низкой динамикой процессов хозяйствования, оставаясь на вспомогательных и обслуживающих ролях. Она поставляет центру необходимые ресурсы и обеспечивает его рабочей силой, сырьем, энергией и т.п. Например, для некоторых государств экономические контрасты легко обнаруживаются в процессе географических противопоставлений.

Данные представления применимы не только к центр-периферийным отношениям между странами и регионами, но диспропорции в системе «центр-периферия» особенно заметно проявляются на внутрирегиональном уровне. Каждый регион страны – это страна в миниатюре и у него тоже есть своя периферия. Внутрирегиональная периферия может находиться на окраине региона, так и в сотнях километров от районного центра, пронизывая даже самые освоенные регионы, занимая в них немалую долю территории [2].

Б.Б. Родман под «внутренней периферией» понимает «...территории (субареалы), расположенные скорее ближе к его центру, чем к окраинам, но обладающие такими чертами окраин, как относительно плохая транспортная доступность, замедленное развитие, явное отставание по многим социально-экономическим показателям...» [3].

Для ранжирования внутрирегиональной социально-экономической дифференциации муниципальных образований регионов Восточной Сибири была использована методика рейтинговой оценки, предложенная В.Г. Алиевым. Данный метод построен на установлении эвклидовых расстояний. Методика осуществляется в три этапа. На первом идёт обоснование показателей, по которым будет оцениваться социально-экономическое состояние районов и городских округов.

В данном исследовании за основу был взят набор ряда показателей:

- коэффициент миграционного прироста (убыли) населения;
- оборот розничной торговли, на душу населения, руб.;
- ввод в действие жилых домов, тысяч квадратных метров общей площади, на 1000 жителей;
- инвестиции в основной капитал, на душу населения, руб.;

- уровень зарегистрированной безработицы, %;
- объем платных услуг населению, на душу населения, руб.;
- доходы местного бюджета, фактически исполненные, тыс. руб.

Показатели выбранных значений имеют статистическую базу, и анализ их численных значений позволяет получить информацию об уровне дифференциации социально-экономического развития исследуемой территории. В приведённых показателях вычислялось среднее значение за период последних 10-15 лет. Необходимость использования среднего значения показателей связано с их резким колебанием в рассматриваемый расчетный период.

На втором этапе создается матрица стандартизированных коэффициентов. В каждом показателе определяется максимальное значение из числа муниципальных образований, он приравнивается к единице и заносится в матрицу стандартизированных коэффициентов. Далее для остальных муниципальных образований проводятся вычисления по следующей формуле:

$$x_{ij} = \frac{a_{ij}}{\max a_{ij}},$$

где x_{ij} - стандартизированный i -й коэффициент j -ой группы; a_{ij} - i -й показатель j -й группы.

Если с социально-экономической точки зрения лучшим является минимальное значение показателя (например, показатель «уровень зарегистрированной безработицы»), то эталоном для шкалы расчёта является показатель с наименьшим результатом.

На третьем этапе рассчитывается итоговый балл (рейтинговая оценка) и ранжирование муниципальных образований. Итоговый балл рассчитывается по следующей формуле:

$$Q_i = \sqrt{(1-x_{1j})^2 + (1-x_{2j})^2 + \dots + (1-x_{nj})^2},$$

где Q_i - итоговый балл, x_{nj} - стандартизированный i -й коэффициент j -ой группы. Чем меньше значение итогового балла, тем лучше социально-экономическое развитие в сравнении с другими муниципальными образованиями.

Рейтинговые оценки (R_j) размещаются по ранжиру и определяется место каждого муниципального образования.

Результаты ранжирования социально-экономической дифференциации муниципальных образований регионов Восточной Сибири позволили провести объективный сравнительный анализ социально-экономического состояния муниципалитетов, а также выполнить их типологию в соответствии с полученными результатами рейтинговой оценки. Согласно среднему показателю итогового балла

условно выделено 5 групп уровня социально-экономического развития (табл. 1).

Таблица 1

Группировка муниципальных образований по итогам ранжирования внутрирегиональной социально-экономической дифференциации

Регион Восточной Сибири	Количество муниципальных образований				
	Высокий балл	Выше среднего	Средний балл	Ниже среднего	Низкий балл
Иркутская область	9	14	7	10	2
Забайкальский край	5	9	9	7	4
Красноярский край	14	16	10	13	5
Республика Бурятия	3	10	6	3	1
Республика Хакасия	3	3	3	3	1
Республика Тыва	1	3	7	7	1
Республика Саха (Якутия)	2	11	9	8	5
Итого	37	66	51	51	19

Анализ полученных результатов социально-экономического состояния муниципалитетов позволил сделать ряд выводов:

- ниже среднего и самый низкий баллы отмечаются у районов, лежащих на периферии (окраине) регионов (арктическая зона Якутии, ряд районов севера Иркутской области, Бурятии, Хакасии и Тувы, приграничные районы Забайкалья);

- внутрирегиональная периферия занимает срединное положение между промышленными районами и районами, расположенных недалеко от административного центра региона (характерно для Красноярского края);

- низкий рейтинговый балл по уровню социально-экономического развития охватывает и районы, не лежащие на «периферии» региона (характерно для всех регионов Восточной Сибири);

- высокая балльная оценка характерна для ряда городских округов, административных центров и районов 1-2 порядков от центра региона.

Таким образом, внутрирегиональная периферия (по социально-экономическим показателям) может пронизывать территории на окраинах региона, приграничные, так и вполне освоенные территории. Для наиболее полного представления о внутрирегиональной периферии важна оценка территорий по ряду социально-экономических, транспортных и др. показателей.

Литература

1. Friedmann, J. Regional development policy. - Boston: Mass. Intst. Techn. 1966.
2. Каганский, В.Л. Внутренняя периферия – новая растущая зона культурного ландшафта России // *Известия Российской академии наук. Серия географическая.* — 2012. — №6. — С. 23–34.
3. Родоман, Б.Б. Российская внутренняя периферия: взгляд в разных приближениях, на разных уровнях // *Российская глубинка — модели и методы изучения.* Сборник статей. — М., Эслан, 2012 г., с. 41-49

Сведения об авторе:

Хамина Наталья Владимировна, старший преподаватель кафедры географии, безопасности жизнедеятельности и методики, Педагогический институт Иркутского государственного университета. Natageo18@yandex.ru, 89248289086

УДК 338.47.(98)

Шадрин А. И.
Shadrin Alexander

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL FEATURES OF STUDYING THE ARCTIC TERRITORIES OF RUSSIA

В статье рассматриваются научно-методические вопросы изучения научного, образовательного и инновационного потенциала Российской Федерации и Республики Корея в целях освоения Российской Арктики. Приводятся данные о результатах проведенных научно-методических исследований.

The article discusses scientific and methodological issues of studying the scientific, educational and innovative potential of the Russian Federation and the Republic of Korea in order to develop the Russian Arctic. Data on the results of scientific and methodological studies are presented.

Ключевые слова: Научно-методические исследования, Российская Арктика, Республика Корея.

Key Words: Scientific and methodological studies, Russian Arctic, Republic of Korea.

Актуальность поставленной в проведенной работе проблемы определяется необходимостью в изучении научно-технического, образовательного и инновационного потенциала Российской Федерации и Республики Корея в целях освоения Арктики и развития Северного морского пути. Зарубежное и отечественное научное и педагогическое сообщество уделяет постоянное внимание проблемам интеграции науки, образования и производства.

Методологическая база исследования основывается на взаимодействии науки, образования и инноватики, как инструмента изучения и дальнейшего развития Арктики и представлена в их единстве. В работе определены основные подходы изучения освоения Арктики и развития Северного морского пути с позиций современного стратегирования и планирования.

Методологической основой комплексных исследований в данном направлении послужили труды отечественных ученых: Половицкой М.Е., Авдулова А.Н., Ковалева Ю.Ю., Приказчиковой О.Ф., Карцева Д.В. и др. Региональные особенности российской науки рассматриваются в работах Дуженкова В.И., Тимофеевой А.В., Шадрина А.И. и др. Зарубежные исследователи (Brigham, Lawson, Churchill, Duhaime, Gérard, Jakobson, Linda, Young, OranR., LassiHeininen, OudeElferink, A.G.) посвятили исследованию Арктики достаточно много трудов.

Арктические исследования популярны среди корейских ученых, например, [1]. Работы в данном направлении ведут: Kim, Tae-jin, Bae, Kyu-sung, Lee, Young-hyung, Yoon, Young-mi, JeHyuk, HanJong-man, GiTak и др. Вместе с тем в предыдущих периодах не было результатов исследований на тему взаимного сотрудничества Российской Федерации и Республики Корея по освоению Арктики и развитию Северного морского пути.

Выявление экономико-географических закономерностей размещения и функционирования системы научно-образовательных и инновационных комплексов является одной из важнейших задач социально-экономической (общественной) географии на новом этапе развития и территориальной организации научно-образовательной и производственной деятельности разных стран и регионов.

В работе выявлены основные теоретические проблемные аспекты изучения территориальной организации данного региона и система факторов, предпосылок и условий, определяющих или ограничивающих его развитие.

В Республике Корея имеется богатый опыт использования научного, образовательного и инновационного потенциала в

различных отраслях и сферах деятельности, в том числе с использованием потенциала других стран. В этом плане взаимодействие Российской Федерации и Республики Корея может быть плодотворным и результативным.

Однако, вопросам изучения научного сопровождения и кадрового обеспечения развития рассматриваемого региона в них не проводится, при этом научно-методический подход может способствовать более полной комплексной оценке развития арктического пространства. В связи с этим область наших научных интересов затрагивает экономико-географическую оценку изучения научного и кадрового потенциала Российской Федерации и Республики Корея.

Проведенные автором исследования по изучению научно-образовательного и инновационного потенциала Российской Федерации и Республики Корея в целях освоения Российской Арктики служат основанием для проведения научно-исследовательских работ в данном направлении [2,3].

В задачи работы входили вопросы:

- теоретически обосновать понятия и определить сущность стратегирования комплексного развития Арктики;
- разработать и апробировать методики научного изучения освоения и развития Российской Арктики;
- провести анализ использования научно-образовательного и инновационного потенциала Республики Корея в целях освоения Российской Арктики.

Научная новизна исследования:

- впервые изучено современное состояние взаимодействия научно-образовательного и инновационного потенциала Российской Федерации и Республики Корея по изучению освоения Российской Арктики;
- впервые рассмотрен сложившийся научно-образовательный и инновационный комплекс конкретного региона Республики Корея (город Гэджон и иннополис Дэдок).

Считается, что Республика Корея также признана в качестве будущего драйвера развития Арктики. Здесь появляется ряд достижений (особенно в судостроении и логистике), необходимых для систематического и всестороннего исследования и освоения Арктики. Разработан «План действий в Арктике». Поэтому сотрудничество Российской Федерации и Республики Корея в данном вопросе является жизненно важным и необходимым. Причины, по которым корейская экономика достигла значительного роста, состоит в том, что она превратилась в постиндустриальную вследствие проведения политики

новой индустриализации, проводимой правительством Республики Корея.

Примером территориальной организации науки является наиболее крупный технополис Дэдок, созданный исключительно по государственной инициативе. Его основные научно-исследовательские разработки связаны с созданием высокотехнологичных товаров, новых технологий и материалов. Кроме того, здесь ведутся и фундаментальные исследования.

Выявлены проводимые в Республике Корея исследования, которые направлены на комплексное изучение освоения и развития арктического региона, анализ и синтез взаимосвязи всех рассматриваемых элементов с точки зрения геополитических, геоэкономических, геоэкологических и геокультурных аспектов и представляют новый подход Республики Корея к Арктике в рамках всесторонних знаний.

Проведенный совместно с корейскими учеными расширенный поиск материалов по арктической тематике выявил особенности взаимодействия Российской Федерации и Республики Корея по арктической тематике. Выявлен научный и практический интерес Республики Корея к освоению Арктики и развитию Северного морского пути, здесь созданы государственные, корпоративные, академические и университетские структуры соответствующего профиля.

Формы территориальной организации науки, образования и инноваций в Республике Корея связаны с проводимыми научными исследованиями, подготовкой кадров, опытно-конструкторскими работами в IT, вычислительной технике, транспорте, судоходной логистике, судостроении, рыболовстве, индустрии туризма и связаны с конкретными производствами и бизнес-структурами, которые используются и будут использованы для освоения Арктики и развития Северного морского пути и могут являться примером многостороннего плодотворного сотрудничества Российской Федерации и Республики Корея.

Проблемы изучения освоения и дальнейшего развития Российского Севера и Арктики могут быть решены с использованием аппарата экономико-географических исследований по социально-экономическому развитию региона с привлечением научно-образовательного и инновационного комплекса других стран, в том числе Республики Корея. Проводимые в городе Тэджон и иннополисе Дэдок научные исследования и подготовка кадров могут быть применены в освоении Российского арктического пространства с

использованием инновационного и инвестиционного потенциала Республики Корея.

Результаты проведенного исследования найдут применение в формировании образовательно-научного и инновационного потенциала двух стран. Предложения для проведения информационно-аналитической работы учреждений науки и высшего образования могут быть использованы для совершенствования деятельности учреждений науки и образования и для органов управления Российской Федерации и Республики Корея.

В соответствии с этим предлагается рекомендовать разработку предложений по проведению соответствующей арктической политики, разработку прогнозов, стратегий, программ, планов и конкретных инвестиционных проектов, необходимых для реализации в рамках взаимодействия Российской Федерации и Республики Корея, и, соответственно, разработку нового подхода к проведению научных исследований (в том числе совместных) по Российской Арктике.

Литература

1. 한종만, 백영준외7명, 북극의눈물과미소: 지정, 지경, 지문화및생태연구// 전문도서, 배재대학교한국-시베리아센터, 31.10.2016

2. Бэк, Енчжун, Хан, Джонман, Шадрин, А. И. Направления взаимодействия Российской Федерации и Республики Корея по освоению Арктики и развитию северного морского пути // Материалы, География арктических регионов, РГПУ им. А. И. Герцена, СПб. 10.11.2017, С. 223-226.

3. Бэк, Енчжун, Шадрин, А.И. Особенности функционирования национальных научно - образовательно - инновационных комплексов в Республике Корея// Материалы Ежегодной международной научно-практической конференции LXXI Герценовские чтения «География: развитие науки и образования» в СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, СПб, 18.04.2018. С.257-260.

Сведения об авторе:

Шадрин Александр Иванович, д.э.н., профессор, профессор кафедры географии и методики обучения географии, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, shadrin18061@yandex.ru, контактный телефон - 8 913 534 07 65

Шарыгин М.Д., Столбов В.А.
Sharygin M.D., Stolbov V.A.

**ПОТЕНЦИАЛ ЕВРАЗИЙСКИХ РЕГИОНОВ И ЕГО
РЕАЛИЗАЦИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

**POTENTIAL OF THE EURASIAN REGIONS AND ITS
IMPLEMENTATION IN THE CONTEXT OF MODERN
GLOBALIZATION**

Дается анализ потенциала евразийских регионов в контексте современных тенденций глобализации. Особое внимание уделено возможностям российского евразийского пространства как самостоятельного и ключевого звена мировой социэкономии. Подчеркивается ведущая роль общественной географии в определении перспектив российских территорий, формировании направлений их капитализации – роста значимости и расширения набора функций, реализуемых в мирохозяйственном пространстве.

The analysis of the potential of the Eurasian regions in the context of modern trends of globalization is given. Special attention is paid to the possibilities of the Russian Eurasian space as an independent and key link in the global socio-economy. The author emphasizes the leading role of public geography in determining the prospects of Russian territories, forming the directions of their capitalization – the growth of significance and expansion of the set of functions implemented in the world economic space.

Ключевые слова: Общественная география, социально-экономическая география, региональный потенциал, региональный капитал, территориальная общность людей, евразийские регионы, глобализация.

Keyword: Social geography, socio-economic geography, regional potential, regional capital, territorial community of people, Eurasian regions, globalization.

Тенденции современной глобализации ставят перед страной в целом и отдельными российскими регионами совершенно новые задачи. И задачи эти, во-многом, предстоит решать общественно-географической науке. Во-первых, ускоряется ход общественных процессов, что актуализирует потребность в опережающих научных

разработках, предваряющих, а не устраняющих возникающие проблемы. Существенно возрастает прогностическая значимость географии, особенно ее социально-экономической, политической и обществоведческой направленности. От правильного и своевременного определения геополитической структуры мира зависит не только успех отдельных стран, но и глобальных регионов. Это именно то направление географических исследований общественного разделения труда, которое Н.Н. Баранский назвал развитием «вширь» [1]. От реализации той или иной предполагаемой геополитической модели (многополярность, би- или монополярность) зависит расстановка сил, геостратегическое положение государств, выбор концепций развития, реализация конкурентных преимуществ. В любом случае евразийские регионы становятся местом пересечения стратегических коммуникаций, рубежом взаимодействия, противостояния (или консолидации) экономик, цивилизаций и культур. Умелое определение своего места в этой глобальной мозаике, выбор уникальной роли, обоснование своей незаменимости, признание ценности мировым сообществом – крайне важная задача для каждой территории.

Не менее, если не еще более значимым, становится позиционирование территории в глобальном пространстве. Усложнение пространства жизнедеятельности общества диктует необходимость более глубокой разработки проблем географического пространства-времени, географического поля, теории географических циклов, потенциала территории, регионального капитала и т. д. [2,3]. При этом каждое пространство нуждается в собственном структурировании, конструировании, целеполагании. Евразийским регионам, лежащим на стыке качественно разнородных пространств, будет достаточно тяжело определить свое, исключительно индивидуальное место. Оно должно соответствовать разным культурным ценностям, укладываться в качественно своеобразные конфессиональные традиции, не противоречить этническим принципам и установкам. Поиск успешного и перспективного местоположения в столь сложном географическом поле – достойная истинно географическая задача. Социально-экономическая география в подобных условиях вынуждена обогатиться целым арсеналом современных, качественно новых методов, раскрывающих новые нюансы жизнедеятельности территориальных общностей людей (ТОЛ): поведенческие предпочтения и установки; территориальные аспекты уклада, стиля, образа жизни; региональные особенности

социализации; поведение в специфических ситуациях; территориальные интересы; социальную стратификацию и пр. [4].

Для российских регионов подобная ситуация чревата многими угрозами. Большая их часть длительное время переживает далеко не лучшие времена. Как справедливо отмечал В. С. Жекулин, в эпоху НТР именно наука несет ответственность за застойные явления в обществе, технике и производстве [5]. Очевидно, что в период глобализации и обострения внутристрановых территориальных проблем именно региональные исследования должны разворачиваться опережающими темпами. Отставание фундаментальных общественно-географических поисков не позволяет не только решать текущие проблемы, но и грозит обострением ситуации в будущем. Как и любая инфраструктурная отрасль наука должна работать на предвидение, предупреждение, профилактику...

Существенно новое значение приобретает вопрос о сущности, структуре и трансформации потенциала территории. Черты регионального потенциала приобретают символические качества и нематериальные активы. Меняются и традиционные представления о позитивных и негативных свойствах территории. Большая часть аспектов устойчивого развития, признанные ООН, касаются решения социальных проблем (ликвидация нищеты, голода, здоровья и благополучия, качественного образования), сохранения природного разнообразия, неистощительного и бережного природопользования, ответственного потребления, открытого общества и др. [6]. По многим из этих принципов российские регионы обладают значимым и пока не оцененным и невостребованным потенциалом. Традиционные представления о региональном потенциале нуждаются в актуализации, качественном и количественном пересмотре. Смена парадигмы потенциала территории – требование времени, раскрывающее новые возможности опережающего развития субъектов федерации. Компонентный состав потенциала дополняется такими чертами, как туристская привлекательность, инвестиционный климат, политическая стабильность, информационная открытость, гостеприимство, добросовестная репутация и пр.

Наряду с проблемами выявления и оценки таких нетрадиционных аспектов функционирования региона возникают проблемы их монетизации. Территория интересна мировому сообществу только теми чертами, ценность и значимость которых общепонятна и общепризнана. Подобную научную категорию в общественной географии предлагается называть региональным капиталом. Актуализация потенциала территории, его превращение в

региональный капитал – совокупность общепризнанных ценностей, выраженных в стоимостном эквиваленте – представляет собой один из важнейших и действенных инструментов региональной политики. [7]. У российских регионов в этом плане имеются широчайшие возможности. Особенно это характерно для восточных регионов. Даже на уровне федеральных округов (ФО) территориальные диспропорции разительны (табл. 1).

Различия в территории превышают 40-кратную величину, населению – достигают практически 5-кратных значений, а размер ВРП превышает 13-кратных различий. Обладая огромным потенциалом (который еще требует адекватной оценки), эти макрорегионы страны занимают недостойно скромные места по уровню социально-экономического развития среди стран мира. Даже самый развитый Центральный ФО по масштабам экономики сопоставим с Норвегией, а Северо-Кавказский соответствует Парагваю. Показатели среднедушевого ВВП и ВРП еще скромнее. Очевидно, что потенциал территорий российского евразийского пространства реализован в крайне малой мере и нуждается в наращивании капитализации и эффективном использовании.

Таблица 1

Федеральные округа РФ в системе страновых и международных координат

ФО	Различия между округами, крат				Страны – аналоги ФО			
	в пло- щади	в насе- лении	в размере ВРП	в душевом ВРП	по размеру ВВП		по душевому ВВП	
					Страна и место в мире	ВВП, \$ млрд.	Страна и место в мире	Душев ой ВВП, \$
ЦФО	3,8	4,78	13,4	3,3	30. Норвегия	366,9	69. Румыни я	9157
ССЗ ФО	9,9	1,70	4,3	3,0	56. Казахстан	116,2	70. Мекси ка	8415
ЮФО	2,6	2,00	2,7	1,6	66. Мьянма	74,0	101. Самоа	4437
ССК ФО	1,0	1,19	1,0	1,0	100. Парагвай	26,8	128. Болив ия	2898
ПФО	6,1	3,59	5,8	1,9	53. Алжир	166,0	92. Серби я	5241

УрФО	0,7	1,50	5,2	4,1	54. Ирак	148,4	61. Ливан	11484
СФО	5,6	2,10	4,0	2,0	58. Кувейт	106,2	91. Перу	5513
ДВФО	40,8	1,00	2,1	3,3	74. Панама	55,8	69. Румыния	9157

Литература

1. Баранский Н. Н. Избранные труды: Становление советской экономической географии. М.: Мысль, 1980. 287 с.
2. Трофимов А. М., Шарыгин М. Д. Общая география (вопросы теории и методологии). Перм. Гос ун-т. – Пермь, 2007. 494 с.
3. Столбов В. А., Шарыгин М. Д. Региональный капитал. Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2016. 528 с.
4. Столбов, В. А., Шарыгин, М. Д. Поведенческая география. Перм. гос. ун-т. – Пермь, 2009. 354 с.
5. Жекулин, В. С. Введение в географию. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. 272 с.
6. Принципы устойчивого развития. Георгий Макаренко. <https://www.rbc.ru/trends/green/5e26cf8f9a79476ed5507bfa>. Дата обращения: 26.01.2020.
7. Столбов, В. А., Шарыгин, М. Д. Региональный потенциал и региональный капитал: «возможное» – «реальное» – «необходимое». Экономика региона. – 2016. – Т. 12, вып. 4. С. 1014-1027.

Сведения об авторах:

Шарыгин Михаил Дмитриевич, д. г. н., профессор. Профессор кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета. 614068, Пермь, ул.Коммунистическая, 119а, кв. 37. E-mail: seg@psu.ru. Тел. (342) 239-64-96

Столбов Вячеслав Алексеевич, К. г. н., доцент, доцент кафедры социально-экономической географии Пермского государственного национального исследовательского университета. 614060. г. Пермь, ул. Уральская, 113, кв. 75. E-mail: Stolbov210857@mail.ru Тел. (342) 239-64-96; (8)922-244-53-50

Information about the authors:

Michael D. Sharygin, D. SC., Professor. Professor of Department social and economic geography. Perm state national research University. Perm, RUSSIA. 614068, Perm, Kommunisticheskaya, 119a, apt 37.

Vyacheslav A. Stolbov, Ph. D. Associate Professor Department of social and economic geography, Perm state national research University. Perm, RUSSIA. 614060. Perm, the Ural St., 113, apt 75.

УДК 913 (477.75)

Швец А.Б., Вольхин Д.А.
Shvets A.B., Volkhin D.A.

ДИНАМИКА СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В КРЫМСКОМ СЕКТОРЕ ЕВРАЗИИ

DYNAMICS OF THE SOCIO-CULTURAL SPACE IN THE CRIMEAN SECTOR OF EURASIA

В работе анализируются изменения в демографическом и этническом блоках социокультурного пространства современного Крыма, которые произошли в период между переписями населения этого региона в 2001 и 2014 годах. Отмечается влияние географической рубежности Крымского полуострова в пределах Евразии на процесс динамики его социокультурного пространства.

The paper analyzes the changes in the demographic and ethnic blocks of the socio-cultural space of modern Crimea that occurred between the population censuses of this region in 2001 and 2014. The influence of the geographical boundary of the Crimean Peninsula within Eurasia on the dynamics of its socio-cultural space is noted.

Ключевые слова: социокультурное пространство, демографические процессы, полиэтничность территории, Крым.

Key words: socio-cultural space, demographic processes, polyethnicity of the territory, Crimea.

Социокультурное пространство современного Крыма существует в Причерноморском секторе Евразии под влиянием двух факторов: географической и геополитической рубежности.

Географическая рубежность проявлена полуостровным положением Крыма, его максимальной для прибрежных территорий Северного Причерноморья России выдвинутостью в черноморскую акваторию, наличием на крымском побережье многочисленных бухт, удобных для размещения военно-морских объектов. Такое расположение создаёт Крыму преимущества с позиций военно-морского контроля и обороны юго-западных рубежей России.

Вместе с тем, в условиях недружественной политики стран Евросоюза и США по отношению к новой реальности – воссоединению Крыма с Россией – геополитическая рубежность полуострова формирует определённую барьерность и замкнутость его социокультурного пространства. Доказательством существования ограничителей социокультурного развития Крыма служит наличие особого крымского направления в политике санкций западных стран против России.

Целью нашей работы является конкретизация влияния фактора рубежности крымского сектора Евразии на динамику структурных компонентов его социокультурного пространства.

Современная рубежность Крымского сектора Евразии сказывается на динамике различных структурных компонентов его социокультурного пространства, которое понимается как место локализации процессов жизнедеятельности населения и проявленности элементов его идентичности. В соответствие с таким пониманием социокультурного пространства главное внимание в работе уделено *демографическому* и *этническому* компонентам социокультурного пространства Крыма.

Динамика демографических и этнических показателей социокультурного пространства Крымского сектора Евразии определяется не только современной трансформацией его геополитической рубежности, но и социальными процессами, унаследованными из прошлого. Так, например, динамика численности населения городских округов Крыма за последнюю четверть века стабильно сокращается (исключение составляют города Севастополь и Судак), что связано с общекрымской тенденцией естественной убыли населения региона на 2–6,5% в год, отмеченной ещё в 1992 году. Ни один из современных регионов Крыма за двадцать пять лет не продемонстрировал положительные значения коэффициента естественного прироста населения [1–3].

Динамика показателей миграционных процессов в различных регионах Крыма также свидетельствует об их унаследованном ещё с периода украинской административной подчинённости полуострова характере. Механический прирост населения сохраняет в Крыму с 2002 года роль основного источника пополнения численности наличного населения Крыма. По-прежнему главная зона притяжения мигрантов на полуострове располагается южнее линии Евпатория – Феодосия. Здесь наиболее высокие темпы коэффициент миграционного прироста за последние несколько десятилетий продемонстрировали города Алушта, Севастополь, Ялта и Бахчисарайский муниципальный район.

За шесть лет пребывания в составе России Крым за счет внешних миграций нарастил численность населения на величину, эквивалентную численности населения города Ялты (более 88 тыс. чел.). Однако, постсоветские потери численности населения в Крыму (почти 200 тыс. чел.) компенсировать не удалось.

Изменение территориального рисунка миграционных предпочтений затронуло лишь город Керчь, который превратился в главный фокус миграционного пополнения населения, занятого на строительстве крупных инфраструктурных объектов на полуострове. Большая часть территорий равнинного Крыма, расположенных севернее города Симферополь, по-прежнему являются районами активного оттока населения. В результате подобной демографической ситуации происходит поляризация системы расселения Крыма и внедрение в крымское социокультурное пространство носителей иных региональных идентичностей, ценностей и стереотипов поведения.

Этнические компоненты социокультурного пространства Крыма в большей степени, по сравнению с демографическими, подвержены современным трансформациям.

Картину современных этносов Крыма формируют 175 народов [5]. По этнической пестроте крымский регион сравним с общероссийской ситуацией. Федеральная перепись населения 2010 года выделила на территории Российской Федерации 193 народа. Историческая ретроспектива полиэтничности Крыма демонстрирует устойчивое доминирование на территории полуострова двух этносов: славянского (в составе русских, украинцев и белорусов) и тюркского (в составе, прежде всего, крымских татар и татар).

После воссоединения с Россией Крым изменил пропорции своей этнической структуры в славянском и тюркском сегментах. На полуострове сохранилось постсоветское доминирование не только русского, но и в целом славянского компонента в совокупной численности населения. Вместе с тем, Перепись населения в Крымском федеральном округе 2014 года зафиксировала незначительное сокращение удельного веса славян до 84,5%, по сравнению с 85,9% по итогам Всеукраинской переписи 2001 года [3; 6]. Сказалась естественная убыль славянского населения Крыма.

Вхождение в российское государственное пространство сформировало у части жителей Крыма эффект возвращения русской идентичности. Этим в некоторой степени объясняется резкое снижение доли украинцев с 24,1% в целом по Крыму в 2001 году до 15,7% по результатам переписи 2014 года [3; 6]. Доля русских в Крыму выросла соответственно с 60,4% до 67,9%. Факт смены идентичности в

славянском сегменте населения Крыма фиксируется экспертами [7] на фоне отсутствия крупных миграционных перемещений между Крымом и Украиной в период проведения на полуострове переписи 2014 года.

Тюркский сегмент в населении Крыма весьма дифференцирован, что отражает укоренённость региона в Евразийском полиэтническом пространстве. Перепись населения 2014 года подтвердила проживание в Крыму представителей 24 тюркских народов: от единичных представителей долган и тувинцев до большой группы крымских татар, превышающей по своей численности 200 тысячный рубеж. Удельный вес крымских татар, учтённых в 2014 году суммарно с татарами (именно так называла себя часть тюркского населения в период проведения переписи в российском Крыму), составил 12,6%, что на 2,4 процентных пункта выше, чем в 2001 году.

Общая численность тюркоязычных народов, проживающих в Крыму в настоящее время, составила 292 тыс. человек, что соответствует 2,3% суммарной численности тюркских народов Российской Федерации по результатам Всероссийской переписи 2010 года. Воссоединившись с Крымом, Россия впервые с середины XVI столетия прирастила пространственные пределы тюркоязычного мира не на востоке, а на западном фланге своей государственной территории.

Территориальная структура полиэтничности населения Крыма раскрывается в процессе изучения степени концентрации различных этносов, проведённого при помощи индекса этнической мозаичности (Pj) Эккеля [8]. Расчёт индекса этнической мозаичности показал, что в период между последней украинской и первой российской переписями 2001 и 2014 годов полиэтничность Крыма стабилизировалась с практически повсеместным уменьшением индекса мозаичности в 2014 году (рис.1).

Впервые эта стабилизация не была обусловлена заметным увеличением миграционной подвижности тюркского населения, а стала результатом сокращения потока репатриантов из-за пределов Крыма и затуханием внутрикрымских миграций крымских татар. Большая часть Крыма сохранила полиэтничность с доминированием славянского и увеличивающегося количественно тюркского компонента, меньшая – моноэтнична с преобладанием славянского (русского) этноса.

Таким образом, несмотря на существование геополитической рубежности, замедляющей многие процессы в социокультурном пространстве Крыма, этот регион сохраняет важный компонент евразийской реальности – славяно-тюркскую комплиментарность.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РФФИ; проект № 20-05-00725. This work was supported by RFBR; project No 20-05-00725.

Литература

1. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе 2014 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/perepis_krim/perepis_krim.html - дата обращения 19.02.2020.
2. Статистический ежегодник Автономной Республики Крым за 2012 г./ под ред. О. И. Балдиной. Симферополь: Главное управление статистики в АРК, 2013. 327 с.
3. Севастополь в цифрах 2014: Стат. сб. / Севастопольстат. Севастополь, 2015. 74 с.

4. Население Республики Крым. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://crimea.gks.ru/folder/27537>.

5. Этническая и этнополитическая карта Крыма. Организация мониторинга и раннего предупреждения этнических и религиозных конфликтов / под ред. В.Ю.Зорина, Р.А.Старченко, В.В.Степанова. М.: ИЭА РАН, 2017. 216 с.

6. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/> – дата обращения 29.08.2019.

7. Баранов А.В. Изменения этнической структуры населения Крыма в постсоветский период: дрейф идентичностей и миграционные процессы // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т.4 (14). Вып. 3. С.351–360.

8. Эккель Б.М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР // Советская этнография. 1976. №2. С. 33–42.

Сведения об авторах:

Швец Александра Борисовна, к.г.н., доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии (структурного подразделения ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»), г. Симферополь, E-mail: fusion10@mail.ru.

Вольхин Денис Антонович, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления Таврической академии (структурного подразделения ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского»), г. Симферополь, E-mail: lomden@mail.ru.

Секция 2
**«Экономико-географические, ресурсно-экологические,
этнодемографические и социокультурные изменения в регионах
современной Евразии»**

УДК 332.1

Аванесян Э.А.
Avanesian E.A.

**РЕГИОНАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗМЕЩЕНИЯ МАЛЫХ И
СРЕДНИХ ПРЕДПРИЯТИЙ**

**REGIONAL LOCATION FACTORS OF SMALL AND MEDIUM
ENTERPRISES**

В статье рассматриваются, детализируются и классифицируются основные факторы размещения малого и среднего бизнеса в регионе, сравниваются концептуальные подходы к пониманию сущности регионального размещения, акцентируются особенности региона как территориально-экономической структуры, анализируется размещение малых и средних предприятий в зависимости от уровня доходов и безработицы в Уральском ФО.

The article discusses the main factors in the placement of small and medium-sized businesses in the region. The author compares conceptual approaches to understanding the essence of regional location. The paper emphasizes the features of the region as a territorial-economic structure. The article also analyzes the placement of small and medium-sized businesses depending on the level of income and unemployment in the Ural Federal District.

Ключевые слова: факторы, размещение, территория, регион, малый и средний бизнес, локализация.

Key words: factors, location, territory, region, small and medium enterprises, localization.

В условиях социально-экономической нестабильности и турбулентных рисков для каждого региона обостряются проблемы размещения и активизации бизнес-структур, в особенности малого и среднего предпринимательства, как наиболее адаптивных и динамичных с позиции реагирования на требования рыночной, инновационной, цифровой экономики.

Факторы размещения включают совокупность предпосылок или комбинаторное сочетание причин, определяющих выбор места расположения предприятий и группы производств на территории региона. При изменении состава факторов меняется место дислокации, размещение и комбинация предприятий в регионе [1, 2, 3]. Для понимания сущности размещения обратимся к инклюзивному, ставшему классическим, пониманию закономерностей размещения, связанных с нахождением точки оптимального размещения отдельного предприятия относительно источников сырья и рынка сбыта продукции, минимизации общих издержек производства, структуризации населенных пунктов и функций их размещения в рыночном пространстве. Оптимальное размещение предприятия, которое при необходимом спросе стремится к минимизации транспортных издержек на единицу площади, сопровождается укреплением взаимосвязи предприятий промышленности и сельского хозяйства, реализуемых во всеобщей и специальной теории штандорта для региона и предприятий, отражено через совмещение теории размещения предприятий с пространственным анализом рынка [4]. Исследователи подчеркивают, что в зависимости от весовых соотношений перевозимых грузов и расстояний с помощью метода локационного треугольника, если это выпуклый многоугольник, можно найти пункт оптимального размещения предприятия [5, 6]. Есть мнения о репрезентативном влиянии изменений в условиях и оплате труда на размещение производства с дифференцированием по гендерному, образовательному и возрастному составу работников [7, 8].

В основе понимания сущности и характеристики размещения лежит понимание региона как комплекса флоры, фауны и ойкумены, которые по соотношению друг с другом составляют оригинальную часть территории [9]. Для жизнеспособности региона необходима динамика, непрерывное и эффективное функционирование базовых систем, тесные взаимосвязи, стратегическая функциональная устойчивость.

Для уточнения сущности размещения малого и среднего бизнеса возьмем за основу классическое определение А.Г. Гранберга, который подчеркивал, что существующие объективные различия природных, социально-демографических, экономических, политических и других условий на уровне многочисленных и уникальных регионов России не могут быть унифицированы и ориентированы на средние условия [1]. Следовательно, для каждого региона должна быть разработана своя система оценок и критериев оптимизации размещения бизнес-элементов. Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. указывают на

важность становления в пространственной структуре макрорегиона доминантных активно-деятельных образований, связанных с новой индустриализацией, которая может стать в значительной мере успешной, если будет основываться на учете уникальной значимости, состава и качества образований, функционирующих на принципах действия и взаимодействия между основными структурами региона [9]. В таблице 1 представлена классификация факторов регионального размещения малого и среднего бизнеса.

Таблица 1

Классификация факторов регионального размещения МСБ

Признаки	Действие
1. Направление, вектор влияния и степень воздействия	Экзогенные
	Эндогенные
	Прямое
	Косвенное
	Нейтральное
2. Содержательное ядро и характер действия	Антропогенное
	Техногенное
	Экологическое
	Рыночное
	Инфраструктурное
3. Возникновение и составные элементы фактора	Экономико-географическое
	Социально-психологическое
	Стратегическое
	Инвестиционное
	Инновационное
4. Центры сосредоточения, проникновения и ответственности	Агломерационное
	Демографическое
	Информационное

Представляется, что особо важное значение имеет бюрократизация и зарегулированность МСБ, так, если в

Великобритании действует 18 норм для малого бизнеса, то в России их более 6 тысяч. Сдерживает размещение бизнеса ограничение по выручке, от 120 млн. руб. для микро до 2 млрд. руб. для среднего бизнеса. С такими ограничениями малый бизнес не может рассматриваться как элемент оптимизации и повышения эффективности и оптимизации структуры региональной экономики [10]. Проявление действия факторов обусловлено институциональными и структурными преобразованиями в регионе, законами и закономерностям размещения производительных сил, отношений и ресурсов, включающих пропорциональность развития территориальных элементов и подсистем, рационализацией территориально-экономических связей и отношений, территориально-региональной концентрацией, диверсификацией и комплексным развитием производительных сил.

Уральский ФО, по мнению ученых, представляется прорывным центром новой индустриализации и модернизации российской экономики [9, 11]. В таблице 2 представлено размещение МСБ в зависимости от уровня доходов и безработицы в Уральском ФО с расстановкой по местам по величине параметра.

Таблица 2

Размещение МСБ в зависимости от уровня доходов и уровня безработицы в Уральском ФО

Регионы УФО	Средняя зарплата, тыс. руб./ чел.	Уровень безработицы, %	Количество МСБ, ед.	МСБ в расчете на 1000 населения, ед.	Юридические лица (предприятия)			ИП (микро)
					Микро	Малое	Среднее	
Уральский ФО	45,7	4,8	510075	28,3	202278	16125	1341	287781
Курганская область	27,9 (6)	9,4 (6)	21699 (5)	26,2 (6)	6520 (5)	703 (5)	51 (5)	14244 (5)
Свердловская область	37,6 (4)	5,1 (5)	201981 (1)	34,6 (1)	86445 (1)	6667 (1)	557 (1)	107269 (1)
Тюменская область	61,9 (3)	4,5 (4)	66675 (3)	33,02 (2)	29053 (3)	2172 (3)	175 (4)	35006 (4)
Челябинская область	34,9 (5)	5,4 (3)	140093 (2)	27,7 (5)	56859 (2)	4335 (2)	328 (2)	77857 (2)
Ханты- Мансийский автономный округ -Югра	62,6 (2)	2,5 (2)	61476 (4)	28,7 (3)	18921 (4)	1792 (4)	192 (3)	40324 (3)

Ямало- Ненецкий автономный округ	86,5 (1)	2,2 (1)	18151 (6)	27,8 (4)	4480 (6)	456 (6)	38 (6)	13086 (6)
---	----------	---------	--------------	-------------	----------	---------	-----------	--------------

Итак, факторы размещения включают комбинацию условий, предпосылок или совокупность причин, способствующих рациональному определению и выбору места расположения предприятий и группы производств на территории региона. Динамика изменения состава факторов трансформирует объект ориентации, конфигурацию и дислокацию размещения предприятий в регионе. К основным факторам размещения МСБ относятся уровень ресурсной, инвестиционной, административно-управленческой и предпринимательской готовности региона, личные, персональные побудительные интересы, инициатива и мотивация граждан, демография и социально-культурная среда. В виду разноплановости, мультиатрибутивности и архетипичной сложности факторов размещения МСБ для каждого региона требуется специальная, оригинальная программа учета, оценки, стимулирования и управления мотивацией предпринимателей к активной деятельности.

Литература

1. Андреева Е.Л., Карх Д.А., Мыслякова Ю.Г. Концептуальный подход к формированию базового кода неиндустриального развития региона // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 732-745.
2. Гизатуллин Х.Н., Гарипов Ф.Н., Гарипова З.Ф. Проблемы управления структурными преобразованиями региональной экономики // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 43-52.
3. Иванова О.П. Взаимовлияние производственной специализации региона и внутрирегиональных кластеров // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 4. С. 1207-1220.
4. Клейнер Г.Б., Рыбачук М.А. Системная сбалансированность экономики России. Региональный разрез // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 2. С. 309-323.
5. Коковихин А.Ю., Огородникова Е.С., Уильямс Д., Плахин А.Е. Комплексная оценка конкурентной среды социально-значимых и приоритетных рынков // Экономика региона. 2018. Т. 14, вып. 1. С. 79-94.
6. Колмаков В. В., Полякова А. Г., Карпова С. В., Головина А. Н. Развитие кластеров на основе конкурентной специализации регионов //

Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 1. С. 270-284.

7. Назаров А.А., Ахмедов Ф.В. Развитие и размещение предприятий малого бизнеса в экономике региона // Вестник ТГУПБП. 2014. №3. С. 83-95.

8. Юсупов К.Н., Янгиров А.В., Тимирьянова В.М., Токтамышева Ю.С. Оценка влияния территориального расположения на развитие муниципальных образований // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 3. С. 851-864.

9. Силин Я.П., Анимица Е.Г., Новикова Н.В. Региональные аспекты новой индустриализации // Экономика региона. 2017. Т. 13, вып. 3. С. 684-696.

10. Сильвестров С.Н., Бауэр В.П., Еремин В.В., Побываев С.А. Управление региональной экономикой в условиях разрывов рациональности // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 2. С. 324-336.

11. Мариев О.С., Давидсон Н.Б. Факторы размещения предприятий в российских городах // Вестник УрФУ. 2018. Т. 17. № 6. С. 950-969.

Сведения об авторе:

Аванесян Эрик Артурович, аспирант, ассистент кафедры государственного и муниципального управления Уральского государственного экономического университета, avanesyan2013@mail.ua ; +79220079580.

Erik Avanesian, PhD student, assistant of the State and Municipal Governance Department of the Ural State University of Economics avanesyan2013@mail.ua +79220079580.

УДК 332.1

**Адашова Т.А.
Adashova T.A.**

ЧУКОТКА КАК ТЕРРИТОРИЯ ГЕПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

CHUKOTKA AS A TERRITORY OF GEOPOLITICAL INTERESTS RUSSIAN FAR EAST

Геополитические интересы отдаленного, малозаселенного и слабо освоенного Чукотского автономного округа принято связывать с его богатой ресурсной базой и ролью в работе СМП. Вместе с тем, как ожидается, его значимость существенно возрастет при решении

проблем, вызванных субъективными и объективными факторами. В числе приоритетных - депопуляция обширного региона, транспортная и энергетическая изолированность от «большой земли», привлечение инвесторов для реализации масштабных проектов, направленных на диверсификацию региональной экономики.

The geopolitical interests of the remote, sparsely populated and poorly developed Chukotka Autonomous Okrug are usually associated with its rich resource base and role in the work of the NSR. However, its significance is expected to increase significantly when dealing with problems caused by subjective and objective factors. Among the priorities are depopulation of the vast region, transport and energy isolation from the "big land", attracting investors to implement large-scale projects aimed at diversifying the regional economy.

Ключевые слова: Чукотка, автономный округ, геополитика, российский Дальний Восток

Keywords: Chukotka, autonomous region, geopolitics, Russian Far East

Чукотский автономный округ - ЧАО (неофициально Чукотка) – отдаленный регион, расположенный на крайнем северо-востоке страны. Занимая 4,2% территории РФ (721,5 тыс. км²) простирается на весь Чукотский полуостров, часть материка и ряд островов (Врангеля, Геральд, Айон, Ратманова и др.), омывается тремя морями двух океанов: Беринговым морем Тихого океана и двумя морями Северного Ледовитого океана - Восточно-Сибирским и Чукотским. Вся Чукотка - это район Крайнего Севера (17% территорий, включенных в Арктическую зону России), основная территория которой расположена за Северным полярным кругом. Этот показатель выше только в Республике Саха (Якутии) – 34% и Таймырском (Долгано-Ненецком) АО – 20% [1].

Полуостров Чукотка и прилегающие к нему местности со времени их освоения русскими землепроходцами решали важные для России стратегические задачи. Благодаря заложенному экспедицией С. Дежнева Анадырскому острогу (1649-1671 гг.) там осуществлялась подготовка походов для открытия новых неизвестных земель, в частности на Камчатку, острова Берингова пролива, берега Америки. Для нужд государства проводилась заготовка моржовой кости, китового уса и пушнины. Большое внимание уделялось картографированию местности и сбору этнографической информации. Указом Екатерины II о «принятии чукоцкого народа в свое подданство» в 1779 г. территория Чукотки вошла в состав Российской империи,

заметно расширив ее границы, и вместе с тем ее политические и экономические возможности. Однако, как утверждают специалисты, до конца XIX века это носило формальный характер. Огромная и малолюдная территория в течение долгих лет оставалась вне государственного управления. Исключительно сложные климатические условия и экономическая отсталость создавали большие трудности в освоении этого региона.

Мощное развитие Чукотки началось в связи с освоением СССР Северного морского пути. Тогда же первые геологические экспедиции во главе с С.В. Обручевым, В.А. Цареградским и Ю.А. Билибиным положили начало детальному исследованию и горнопромышленному освоению Крайнего Севера и подтвердили наличие богатейших месторождений рудных полезных ископаемых. Это позволило на протяжении многих десятилетий рассматривать Чукотку в качестве важного сырьевого района страны.

В 1930-х годах стала осуществляться промышленная добыча каменного и бурого угля, в 40-х гг. – олова. Новый этап промышленного освоения Чукотки начался с конца 50-х гг. в связи с открытием богатых месторождений россыпного золота, с середины 90-х гг. – рудного. С тех пор золотодобывающая промышленность занимает центральное место в экономике Чукотского автономного округа - около 44% в объеме промышленного производства региона. По оценке специалистов, на ЧАО приходится 12,2% добычи российского золота (в год около 25-28 т.), а его доля в общероссийских запасах – 3% [2]. Создание территории опережающего социально-экономического развития «Чукотка» (2019 г., 26 млн.га.), как ожидается, будет способствовать реализации инвестиционных проектов по освоению и разработке месторождений золота, серебра, меди и молибдена (месторождения «Песчанка», «Кекура» и «Клён»), привлечению частных инвестиций (около 290 млрд. рублей), созданию около 4,8 тыс. рабочих мест [2]. Однако, чтобы избежать монозависимости от горнодобывающих отраслей и тем самым уменьшить уязвимость региональной экономики, правительством Чукотки взят курс на диверсификацию добывающей промышленности. Вместе с тем, следует понимать, что этот процесс сопряжен с объективными и субъективными трудностями.

Большой проблемой с которой столкнулся регион стал массовый отток населения. С начала 90-х гг. XX в. устойчивая депопуляция привела к троекратному сокращению численности жителей (1990 г. – 162,1 тыс. чел, 2020 г. – 50,7 тыс. чел). Отсутствие кадров в ближайшей перспективе предполагает применение только вахтового режима

работы. Суровые (экстремальные) природно-климатические условия (зима до 10 месяцев, вечная мерзлота) оказывают влияние на все без исключения сферы деятельности, в том числе негативно сказываются на развитии транспортной инфраструктуры. Основную функцию грузоперевозок выполняет морской транспорт, представленный портами в Анадыре, Беринговском, Певеке, Провиденции и Эгвекиноте. В них осуществляется обработка и перевалка грузов для прибрежных населенных пунктов, отгрузку грузов, предназначенных для отправки за пределы автономного округа. Связь с «большой землей», районными селами и национальными центрами осуществляется дорогостоящим воздушным транспортом. Железные дороги полностью отсутствуют. Внутренние перевозки осуществляются автомобильным транспортом, главным образом по автозимникам. Дороги с твердым покрытием присутствуют только в городах и прилегающих к ним поселкам. Потенциал соседского положения (административные границы с тремя субъектами РФ – Республикой Саха (Якутией), Магаданской областью и Камчатским краем) сдерживается отсутствием развитой инфраструктуры как транспортной, так и энергетической. Поэтому большие надежды возлагают на строящуюся дорогу федерального значения «Колыма-Омсукчан-Омолон-Анадырь».

В силу географической отдаленности и слабой заселенности территории энергосистема Чукотки изолирована от единой энергосистемы РФ, основу энергетики составляют тепловые электростанции, работающие на угле. В настоящее время только в одном из трех энергорайонов ЧАО улучшение ситуации связывают с вводом в эксплуатацию возможностей плавучей атомной теплоэлектростанции (ПАТЭС, проект госкорпорации "Росатом"), которая заменит мощности устаревшей Билибинской АЭС и угольной Чаунской ТЭЦ и станет самой северной атомной станцией в мире.

Территория ЧАО привлекательна для туристов, выбирающих экологический, этнографический и экстремальный виды отдыха. Там находятся два ООПТ федерального значения - государственный природный заповедник «Остров Врангеля» - единственное место Арктики, включенное в список Всемирного природного наследия ЮНЕСКО, Национальный парк «Беренгия», а также 26 ООПТ регионального значения - 5 заказников и 21 памятник природы. По оценкам специалистов в 2018 г. Чукотку посетило около 25 тыс. российских и иностранных туристов, а доля туристской отрасли в структуре валового регионального продукта составляет 1,1 % [3]. Безусловно, это скромные показатели в сфере туризма, однако следует принимать во внимание и объективные факторы, напрямую связанные

с привлечением гостей в этот суровый край. Это не только сложные климатические условия, определяющие короткий туристический сезон (с конца июня до конца сентября), отдаленность региона и слабо развитая система наземных дорог, автоматически увеличивающие стоимость поездки. В соответствии с Приказом ФСБ от 14 апреля 2006 г. № 155 «О пределах пограничной зоны на территории Чукотского автономного округа» въезд строго регламентирован как для российских, так и для иностранных граждан (Постановление Правительства РФ от 4 июля 1992 г. № 470 «Об утверждении Перечня территорий Российской Федерации с регламентированным посещением для иностранных граждан»). С 2018 г. для россиян въезд на территорию округа ограничен только при посещении пограничных и особо охраняемых территорий - острова Врангеля, Геральд и Ратманова.

Решение поставленных перед автономным округом задач будет способствовать его социально-экономическому развитию и дальнейшему росту геостратегической значимости для страны.

Литература

1. Официальный сайт Чукотский автономный округ [Электронный ресурс]. – URL: <http://чукотка.пф/> (дата обращения 25.02.2020)
2. Золотодобывающие отрасли Чукотского автономного округа. По материалам конференции «Северо-Восток – территория развития 2017» //ООО «Золото и технологии». 2017. 68 с.
3. Распоряжение Правительства Чукотского автономного округа «Об утверждении Стратегии развития туризма Чукотского автономного округа на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. – URL: https://chukotka.travel/upload/files/Chukotka_strategy_text.pdf (дата обращения 25.02.2020)

Сведения об авторе:

Адашова Татьяна Алексеевна, кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии Экономического факультета Российского университета дружбы народов (г. Москва); Adashovat@mail.ru, 8 (926) 383-62-84

Акимова В.В.
Akimova V.V.

СОЛНЕЧНАЯ ЭНЕРГЕТИКА В КИТАЕ: СТРУКТУРНО- ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

SOLAR ENERGY IN CHINA: STRUCTURAL AND TERRITORIAL TRANSFORMATION

Проведен анализ современного состояния, а также основных направлений и перспектив развития солнечной энергетики в Китае, стране, во многом определяющей мировые тенденции в развитии как самой солнечной энергетики, так и в сфере производства комплектующих для нее. Было выявлено, что существуют два полюса развития отрасли: Северо-Западный (включает провинции Ганьсу, Цинхай, Синьцзян-Уйгурский АР, Нинся-Хуэйский АР и западную часть АР Внутренняя Монголия) и Восточно-Тихоокеанский (Цзянсу, Хэбэй, Шаньдун, Чжэцзян) с разной специализацией (промышленная и индивидуальная солнечная энергетика) и разными факторами размещения.

The article is dedicated to the analysis of the current state, as well as the main prospects for further development of solar energy in China, a country that largely determines global trends in the development of both solar industry and in the production of materials and components for it. These countries largely determine global trends in the development of both the solar industry. Analysis of the origin and current status of solar energy in China and Japan, as well as the main trends and prospects of further development, allows to conclude that these countries in the future will retain their positions as world leaders in the industry.

It was revealed that there are two poles for the development of the industry: Northwest (includes Gansu, Qinghai, Xinjiang Uygur AR, Ningxia Hui AR and western part of Inner Mongolia AR) and East Pacific (Jiangsu, Hebei, Shandong, Zhejiang) with different specialization (large-scale and individual solar energy) and different location factors.

Ключевые слова: солнечная энергетика, «солнечный бум», «дрейф на восток», Китай.

Keywords: solar energy, "solar boom", "drift to the East", China.

Солнечная энергетика является одной из самых многообещающих отраслей мирового топливно-энергетического комплекса (ТЭК), особенно в качестве ответа на мировой энергетический вызов. Если первоначально солнечная энергетика развивалась в Европе, то теперь в ее развитии четко прослеживается дрейф на восток [1]. На протяжении последнего десятилетия сформировался новый полюс развития этой отрасли — азиатский, во главе с Китаем. Именно Китай во многом определяет мировые тенденции развития солнечной энергетики и производства комплектующих для этой отрасли.

В своем становлении солнечная энергетика в Китае прошла два этапа. Первый, «производственный», длился с 2000 по 2011 г., а второй, «интеграционный», начался в 2011 г. и продолжается до сих пор.

На протяжении первого этапа в Китае главным образом производились все компоненты солнечных установок: от поликремния до монтажных конструкций для продажи в европейские страны и США. Внутренний спрос в Китае практически полностью отсутствовал, а запуск отдельных солнечных электростанций носил спорадический характер. Вместе с тем именно на этом этапе была сформирована научная и материальная база, позволившая Китаю совершить настоящий «солнечный» прорыв в последующие годы.

2011 г. стал поворотным в энергетической стратегии Китая в отношении к солнечной энергетике: начался рост внутреннего рынка и наращивание солнечноэнергетических мощностей в стране (с последующим подсоединением к энергосетям). Это обозначило переход на новый, «интеграционный» этап развития отрасли. Именно в 2011 г. страна преодолела отметку в 1 ГВт установленных мощностей, что является пороговым значением отнесения страны в тип с развитой солнечной энергетикой [2].

Изначально внутренний спрос на солнечные модули был спровоцирован тем, что в 2011 г. китайские производящие компании столкнулись с падением спроса на солнечные модули. По оценкам аналитиков *Citigroup*, конвейеры по сборке солнечных модулей в Китае и на Тайване были загружены на 50-80%, то есть сектор солнечной энергетики в Китае столкнулся с классическим кризисом перепроизводства [2, 3].

Для выхода из кризиса китайское правительство искусственно генерировало на них спрос внутри КНР, частично субсидируя стоимость солнечных модулей для конечных пользователей. В результате фотовольтаическая установка стала выгодным приобретением, и, как следствие, установленные мощности также

увеличились. Помимо этого, правительство предоставляло производителям льготные кредиты, позволяя избежать банкротства.

Доступ к производственным цепям и наличие мощной материальной базы, созданной на предыдущем этапе, позволили китайским производителям существенно снизить расходы и конечную стоимость солнечных модулей.

В результате, начиная с 2011 г. суммарные солнечные мощности в Китае увеличились в 65 раз. В 2012 г., после запуска 5 ГВт мощностей, Китай вышел на третье место в мире с показателем в 8,3 ГВт общей мощности, уступая только лидерам на тот момент – Германии и Италии. После этого в стране наблюдается настоящий «солнечный» бум, длящийся до сих пор. С 2012 г. Китай каждый год удваивает свои солнечноэнергетические мощности, при этом объем прироста стал значительным даже в мировом масштабе (9,7 ГВт в 2013 г., 10,4 ГВт в 2014 г., 15,1 ГВт в 2015 г., 34,5 ГВт в 2016 г., 52,8 ГВт в 2017 г., 44,3 ГВт в 2018 г., 30,2 в 2019 г. (см. рис. 1)) [4, 5]. Таким образом, Китай закрепил за собой доминирующую позицию и в этом промышленном направлении, увеличив свое общемировое влияние в данной подотрасли мирохозяйственного комплекса.

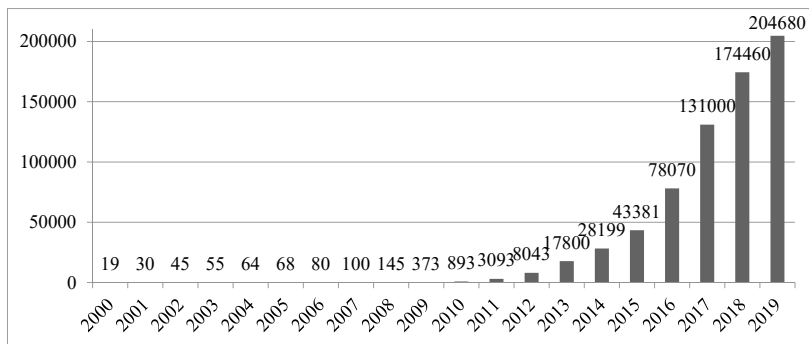

Рис.1. Суммарные установленные мощности в Китае, МВт, 2000-2019 гг. Составлено по: Renewables Global Status Report 2013, 201, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019

Успехи в развитии солнечной энергетики привели к тому, что в 2016 г. вырабатываемая на солнечных станциях электроэнергия превысила 1% всей потребляемой в Китае электроэнергии, и в структуре производства электроэнергии впервые была выделена в отдельную графу, с показателем в 0,7%. В 2017 г. этот показатель составил 1,8% [3, 6].

В отношении производства компонентов и комплектующих на Китай приходится более 60% мирового производства фотоэлементов, 70% солнечных модулей. Китай занимает лидирующие позиции за счет того, что технологии по использованию энергии Солнца, впервые появившиеся в развитых странах Европы и США, в китайском исполнении оказываются гораздо дешевле (разница цен составляет порядка 20-25%), что связано со следующими факторами:

- экономия на масштабе. Китайские заводы обладают значительно большими производственными мощностями и объемом выхода продукции, чем заводы остальных стран. Крупнейший завод по производству солнечных модулей в Китае имеет мощности в 3,2 ГВт, в то время как самый большой завод в Европе и США – 650 МВт.
- близость к поставщикам дешевого сырья.
- специализация на выпуске стандартных модулей (мультикристаллических модулей размером 60x60). Для сравнения компании США, Западной Европы и Японии исторически оперировали в рыночных сегментах, предоставляя больший диапазон размеров и технологий солнечных модулей.

Географические особенности солнечной энергетики в Китае.

Размещение объектов фотовольтаики в Китае характеризуется яркими региональными контрастами. Существуют два основных полюса развития:

– **Северо-Западный**, на который приходится более 35% установленных мощностей (включает провинции Ганьсу, Цинхай, Синьцзян-Уйгурский АР, Нинся-Хуэйский АР и западную часть АР Внутренняя Монголия);

– **Восточно-Тихоокеанский** с ярко выраженным ядром в провинции Цзянсу и Шаньдун (более 40% установленных мощностей) (см. рис. 2).

Развитие фотовольтаики в пределах Северо-западного полюса развития объясняется причинами природного характера. По территории данных субъектов проходит ось континентальности, здесь господствует Азиатский антициклон, а влияние океана и западного переноса практически не прослеживается. То есть в данных регионах значительное число солнечных и безоблачных дней обеспечивает максимальное количество часов загрузки солнечных установок. Зоны пустынь и полупустынь, которые также сформировались здесь вследствие континентальности климата, обеспечивают солнечную энергетику песчаным субстратом, притягивающим к себе наибольшее количество радиации, в том числе отраженной. Указанные регионы наиболее оптимального размещения солнечных электростанций не

совпадают с главными внутренними рынками потребления энергии, поэтому в них целесообразно развивать солнечную энергетику, подсоединенную к сети (в промышленных масштабах).

Рис. 2. Фотовольтайческая солнечная энергетика в Китае, 2018 г.
Составлено автором по данным Международного Энергетического
Агентства и Международного агентства по возобновляемой
энергетике

Формирование Восточно-Тихоокеанского «солнечного» кластера с центром в Шаньдун и Цзянсу связано в первую очередь с наличием потребителя, поскольку это одни из самых экономически развитых провинций Китая, к тому же не имеющие значительных запасов энергетических ресурсов. Здесь получила развитие индивидуальная «накрышная» солнечная энергетика, а также установка солнечных панелей с использованием нестандартных подходов (насыпные острова, плавучие электростанции, конвертирование бывших зольных полей, использование горных склонов и т.д.).

Заключение.

Таким образом, за последние несколько лет центр развития солнечной энергетики из развитых стран Европы переместился в азиатские страны, — прежде всего, в Китай. Основными факторами становления солнечной энергетики в качестве конкурентоспособной отрасли топливно-энергетического комплекса стали: правильная

государственная политика (частичное субсидирование стоимости солнечных установок для индивидуальных потребителей), желание снизить свою энергозависимость от импорта традиционных энергоресурсов, а также обеспокоенность экологическими последствиями использования угля, нефти, газа. Эти факторы продолжают оказывать значительное влияние и на дальнейшее развитие солнечных технологий в данной стране. Солнечная энергетика в Китае – это уже не только всего лишь еще одно дополнительное энергетическое направление в рамках политики диверсификации, но, по сути, условие полноценного «зеленого» функционирования национальной экономики.

Литература

1. Akimova V. Solar energy production: specifics of its territorial structure and modern geographical trends // GEOGRAPHY, ENVIRONMENT, SUSTAINABILITY, 2018, Vol. 11, no. 3, pp. 100–110.
2. Informational and analytical datasets IRENA // IRENA <http://www.irena.org/Publications/> (accessed 07.02.2020).
3. Jäger-Waldau A. PV status report 2019: Research, Solar Cell Production and Market Implementations of Photovoltaics, European Commission, Joint Research Centre, Institute for Energy and Transport, Italy, 2019. 85 p.
4. China installed 20 GW of solar power in first-half; triple from a year ago // Reuters – <http://www.reuters.com/article/us-china-solar-idUSKCN1020P7> (дата обращения 08.02.2020).
5. IEA Photovoltaic Power Systems Programme 2006-2019 // IEA – <http://www.iea-pvps.org/index.php?id=3> (дата обращения 08.02.2020).
6. Renewables Global Status Report 2013, 2015, 2016, 2017, 2018, 2019 // REN 21 – <http://www.ren21.net/resources/publications/> (accessed 25.01.2020).

Сведения об авторе:

Акимова Варвара Владимировна, кандидат географических наук, н. с. кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; Центр стратегий регионального развития, Институт прикладных экономических исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; varvaraakimova1576@gmail.com; +79037707423

Varvara V. Akimova, PhD (Geography), Research Fellow, Department of socio-economic geography of foreign countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University; Center for Strategies of Regional Development, Institute of Applied Economic Research, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; varvaraakimova1576@gmail.com; +79037707423 (varvaraakimova1576@gmail.com),

УДК 332.12

**Ахмедова И.Д., Притужалова О.А.
Akhmedova I.D., Prituzhalova O.A.**

«ЗЕЛЕННЫЕ ОТРАСЛИ» РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

GREEN INDUSTRIES OF RUSSIAN ECONOMY

Структура мировой и региональной экономики в последние десятилетия претерпевает изменения, порождаемые внедрением стратегий «зеленого роста». Однако, на сегодня в России не определены критерии отнесения отраслей, товаров, работ и услуг к «зеленым». В статье предпринята попытка выделить отрасли, которые могли быть отнесены к экологическому сектору экономики, а также показано, какие из них могут быть востребованы в разных регионах России с учетом их природных, экологических и экономических особенностей.

Over the last few decades, the structure of the global economy and of regional ones has been changing as a result of green growth strategies. However, at the moment, Russia has not defined the criteria that would allow us to classify industries, products, works, and services as «green». The article attempts to identify industries that could be classified as green and shows which of them could be in demand in different regions of Russia, taking into account their natural, environmental, and economic characteristics.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, «зеленые» отрасли, критерии классификации.

Key words: green economy, green industries, classification criteria.

Современные реалии глобального рынка, такие как нарастающая глобальная конкуренция, увеличение роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития, переход мировой экономики на низкоуглеродный путь развития, а также приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации (курс на

экологически ориентированный рост экономики, повышение ее энергоэффективности, повышение качества жизни человека, развитие инновационных производств и технологий), требуют присутствия экологической составляющей во всех областях социально-экономического развития.

Вписать экологическую политику в социально-экономический контекст развития страны или региона возможно посредством учета в ходе стратегического планирования развития территорий принципов так называемой «зеленой» экономики. Под «зеленой» экономикой понимается система видов экономической деятельности, связанных с производством, распределением и потреблением товаров и услуг, которые приводят к повышению благосостояния человека в долгосрочной перспективе, при этом не подвергая будущие поколения воздействию значительных экологических рисков или экологического дефицита [1].

В настоящее время в отечественном законодательстве не определено понятие «зеленая экономика», нет и четких критериев отнесения тех или иных отраслей экономики к разряду «зеленых». Степень экологичности отраслей не отражается в системе государственной статистики и отчетности. Очевидно, что для выстраивания адекватной системы стимулирования «зеленой» трансформации российской экономики первоочередными задачами являются классификация секторов экономики по критерию экологичности и определение конкретных признаков (критериев) их отнесения к «зеленым». Кроме того, необходимо понимать, какие возможности для «зеленого роста» существуют в различных типах регионов.

Основными задачами исследования были: 1) попытка выделить «зеленые» отрасли хозяйственной деятельности на основе ОКВЭД; 2) рассмотрение возможностей развития «зеленых» отраслей в регионах России с учётом природных и экологических особенностей.

Попытки выделить виды деятельности, относящиеся к экологическому сектору экономики, на международном уровне предпринимались неоднократно. Так, Программа ООН по окружающей среде выделяет десять ключевых секторов «зеленой» экономики [2]: сельское хозяйство, отопление и освещение зданий, энергоснабжение, рыболовство, лесное хозяйство, промышленность, туризм, транспорт, управление отходами, управление водными ресурсами. Из числа российских подходов к выделению «зеленых» отраслей следует отметить классификацию видов деятельности М.М. Митрофановой [3].

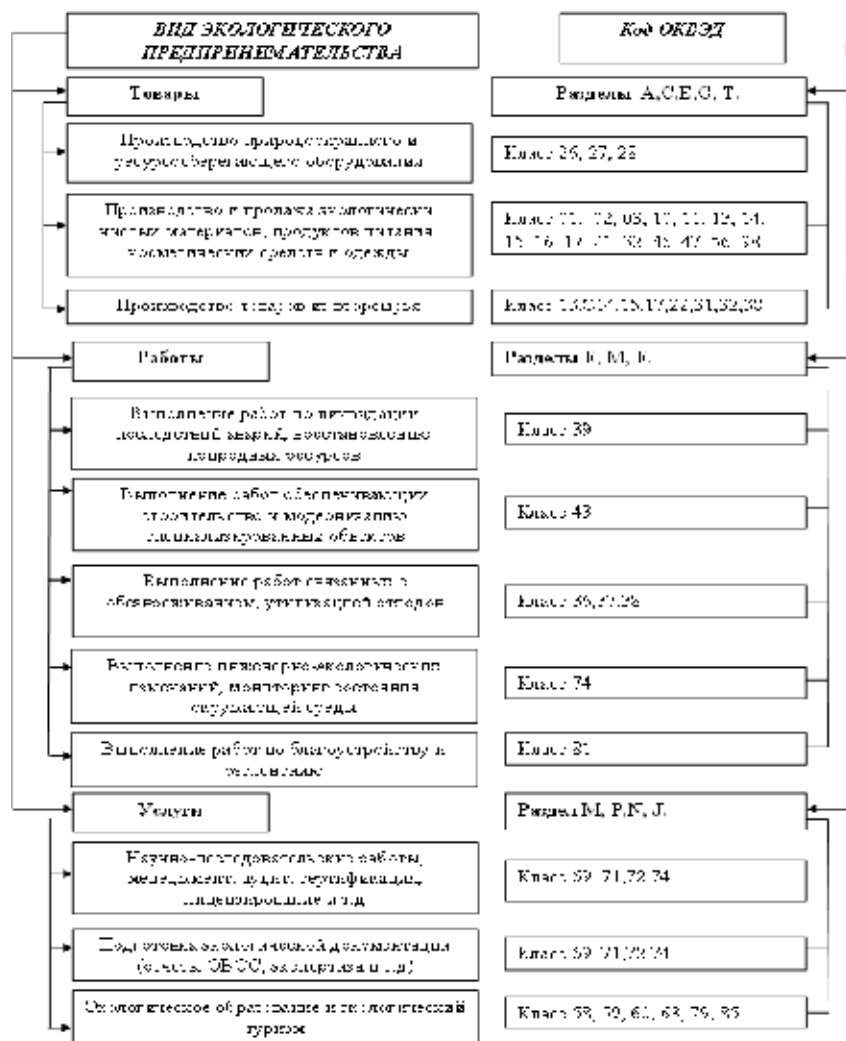

Рис. 1. Виды товаров, работ, услуг экологической направленности

Сегодня в российской практике единственным источником информации о перечне видов деятельности хозяйствующих субъектов выступает общероссийский классификатор видов экономической

деятельности (ОКВЭД). ОКВЭД содержит 21 раздел, 88 классов и порядка 1600 подклассов деятельности.

Авторами выполнена экспертная оценка видов экономической деятельности на предмет их включения в «зеленый» сектор экономики [4]. В итоге к «зеленым» отраслям отнесена деятельность 11 разделов, 39 классов, 55 подклассов (рис. 1) [4]. Отметим, что выделенные разделы, классы и подклассы, не обязательно относятся к экологическому сектору экономики полностью. Например, к разделу 03 «Рыболовство и рыбоводство» относятся рыболовство морское (код 03.11), рыболовство пресноводное (код 03.12), рыбоводство (код 03.2). Рыбоводство может быть отнесено к «зеленым» отраслям целиком, а рыболовство - только частично, в зависимости от целей рыболовства и состояния популяций добываемых рыб. Так, коммерческий лов видов рыб, популяции которых сокращаются, нельзя признать «зеленой» деятельностью. А если рыба вылавливается в целях аквакультуры, то эта деятельность может быть причислена к «зеленой».

Что касается региональной дифференциации развития «зеленых» отраслей, то она зависит, прежде всего, от природных и экологических особенностей территории. Например, природные условия территории создают предпосылки для развития таких «зеленых» отраслей, как производство экологически чистых продуктов питания, экологический туризм, некоторые виды альтернативной энергетики (ветровая, солнечная, приливная и др.). В то же время «универсальные» отрасли (переработка отходов, консалтинг в области экологического менеджмента, экологическое образование и др.), востребованы повсеместно.

Так, в зависимости от сложившейся экологической ситуации (по Б.И. Кочурову) авторами предлагается к реализации перспективный набор «зеленых» отраслей (таблица) [5,6].

Таблица 1

Направления развития «зеленых» отраслей в регионах России

Экологическая ситуация	Регионы	Перспективные «зеленые» отрасли
Ненарушенные территории	Дальний Восток, север Восточной Сибири, территории Ямало-Ненецкого автономного округа	Экологический туризм, производство экологически чистых продуктов питания, экообразовательные услуги
Территории с удовлетворительной	Центрально-Черноземный район, Европейский Северо-Запад	Производство экологически чистых продуктов питания,

экологической ситуацией		производство природоохранного и ресурсосберегающего оборудования, экологический туризм, экообразовательные услуги, разработка экологической документации, экологический аудит
Территории с кризисной экологической ситуацией	Московский регион, Калмыкия, Северный Прикаспий, Среднее и Нижнее Поволжье, Европейский Север (Кольский п-ов, Новая Земля, Архангельская обл., Баренцево море), промышленная зона Урала, нефтегазоносные районы Западной Сибири, Кузбасс, Байкал, Приангарье, ряд других районов	Производство и поставка водоочистного оборудования; переработка и утилизация отходов; производство и поставка природоохранного оборудования; деятельность по восстановлению качества окружающей среды
Территории с катастрофической экологической ситуацией	Кыштымская зона (район г. Кыштым, Челябинская обл.)	Выполнение работ по мониторингу состояния окружающей среды, ликвидация последствий аварий

Таким образом, сегодня повсеместно происходит внедрение новой парадигмы экономического развития – «зеленой» экономики. Для обеспечения поддержки этого процесса, прежде всего, необходимо определить перечень «зеленых» отраслей, работ и услуг. Авторами выделены отрасли, которые могут сформировать «зеленый» сектор российской экономики. В дальнейшем необходимо разработать и законодательно закрепить конкретные критерии экологичности отраслей экономики, продукции, работ и услуг. Очевидно, что то, какие «зеленые» отрасли экономики целесообразно развивать, зависит от природного фактора, экологических, экономических и иных особенностей регионов.

Литература

1. «Зеленая экономика» - новый вектор устойчивого развития? // Мосты между торговлей и устойчивым развитием. 2010. Вып. 5 (июль-август). – С. 17-18.

2. Доклад ЮНЕП ООН «Навстречу «зеленой» экономике: пути к устойчивому развитию и искоренению бедности — обобщающий доклад для представителей властных структур» [электронный ресурс]. Режим доступа - http://old.ecocongress.info/5_congr/docs/doklad.pdf (дата обращения: 03.02.2020).

3. Митрофанова М.М. Правовые основы экологического предпринимательства в России [электронный ресурс] // Environmental law: theory, practice, issues. Режим доступа - <http://publishing-vak.ru/file/archive-law-2013-2/7-mitrofanova.pdf> (дата обращения: 03.02.2018).

4. Ахмедова И.Д., Шипилова Ю.А. Возможности развития экологического предпринимательства в Тюменской области // Стратегии и инструменты экологически устойчивого развития экономики: сборник трудов XV Международной научно-практической конференции Российского общества экологической экономики / под ред. И.М. Потравного, П.И. Сафонова, О.А. Чередниченко, Н.А. Довгогтько. – Ставрополь: АГРУС Ставропольского гос. аграрного ун-та, 2019. – С. 476-482.

5. Кочуров, Б.И. Экодиагностика и сбалансированное развитие: учеб. пособие / Б.И. Кочуров. — 2-е изд., испр. и доп. — Москва : ИНФРА-М, 2016. — 362 с. [Электронный ресурс]; Режим доступа: <https://new.znaniium.com/catalog/product/525172> (дата обращения: 28.02.2018).

6. Кочуров Б.И., Антипова А.В., Лобковский В.А., Костовска С.К. Экологическая ситуация в России на обзорной карте [электронный ресурс]. Режим доступа - http://www.1543.su/VIVOVOCO/VV/JOURNAL/NATURE/12_02/51-56_02-12.PDF (дата обращения 03.02.2020).

Сведения об авторах:

Ахмедова Ирина Дмитриевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры геоэкологии и природопользования, Тюменский государственный университет, idakhmedova@mail.ru, +7(909)184-77-56.

Притужалова Ольга Александровна, кандидат географических наук, доцент кафедры геоэкологии и природопользования, Тюменский государственный университет, sprook191@yandex.ru, 8(963)455-888-5.

Богданов В.Н., Дугарова Г.Б.
Bogdanov V.N., Dugarova G.B.

**СУБУРБАНИЗАЦИЯ В ИРКУТСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ:
ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ**

**SUBURBANIZATION PROCESSES OF IRKUTSK
AGGLOMERATION: SPATIAL ASPECT**

В работе исследуются современные процессы, происходящие в Иркутской городской агломерации, в частности этап субурбанизации главного ядра, который оказывает значительное влияние на городскую среду, и делает это исследование актуальным. В результате работы составлены тематические карты, позволяющие выявить современные границы и факторы, формирующие субурбанизацию.

The article examines modern processes occurring in the Irkutsk city agglomeration, in particular, the stage of suburbanization of the main core, which has a significant impact on the urban environment, and makes this study relevant. As a result, thematic maps were compiled to identify modern boundaries and factors shaping suburbanization.

Ключевые слова: Иркутская агломерация, субурбанизация, пространственный аспект, геоинформационное картографирование.

Keywords: Irkutsk agglomeration, suburbanization, spatial aspect, geoinformation mapping.

Введение.

Развитие Иркутской агломерации. Интенсивная урбанизация на юге Иркутской области способствовала образованию агломерации, в которой сконцентрировалось к концу 20 века более 35 % населения области. В Иркутскую агломерацию вошли города-спутники (Шелехов, Ангарск, Усолье-Сибирское) и поселки городского типа преимущественно промышленного значения, построенные в советское время. В тоже время, большая часть сельских поселений на этой территории, имеющая сельскохозяйственное назначение, не претерпела значительных изменений ни по размерам, ни по численности населения. Численность населения агломерации на 01.01.2018г. составила 1128,7 тыс. чел.

К 2000-м годам город Иркутск практически исчерпал свободные территории для новой застройки в своих административных границах и этот факт начал проявляться в экспансии города в пригороды. В

настоящее время наблюдается процесс субурбанизации ядра Иркутской агломерации, (1, 2), что подтверждается в разы выросшими пригородными сельскими поселениями, активно застраиваемой межселенной территорией. Однако этот процесс развивается на большей части бессистемно, что подтверждается возрастающими социальными проблемами в пригороде и окраинах города. Субурбанизация формирует новое качество территории и новое качество жизни.

Определение границ и направлений этого процесса делают актуальным данное исследование.

Цель исследования заключается в выявлении основных факторов развития процесса субурбанизации на территории Иркутской агломерации, определении очертаний её современных границ.

Материалы и методы.

Нами в этой работе применены методы геоинформационного картографирования. Составлены различные тематические карты, проведен комплексный анализ составленных карт. Среди авторских карт наиболее важными являются карты транспортной доступности, динамики застройки и населения в агломерации.

Карта «Изменения площади застройки Иркутской агломерации» составлена по материалам разновременных топографических карт и космических снимков, периоды застройки отображены в виде четырех диапазонов.

Карта «Изменения численности населения» составлена по муниципальным образованиям первого уровня» на материалах статистических бюллетеней разных годов.

Карты транспортной доступности территории агломерации от центральной части и от границ города Иркутска, составлены методом изохрон равных затрат времени на передвижение по транспортным путям.

Анализ составленных карт показал, что застройка территории современной агломерации имела несколько выраженных периодов. До 40-х годов 20 века город и пригородные населенные пункты были самостоятельными поселениями, достаточно удаленными друг от друга. В период индустриального развития с 40 по 90 годы застроенная территория значительно выросла, образовались города спутники и поселки городского типа промышленной специализации, крупные сельскохозяйственные предприятия и сезонные садово-огородные поселки. В этот период были построены основные автомобильные дороги, соединяющие поселения в пределах агломерации, которые являются ими и в настоящее время. С 1990 по 2010 год в период

реформ и упадка промышленного производства наблюдается быстрый рост сезонных садово-огородных поселков, особенно на значительных удалениях от города Иркутска и также строительство коттеджных поселков на небольшом удалении от города. Отдельно выделяется город Ангарск, вокруг которого были построены садовые поселки жителей этого города. Застройка велась вплоть до изохрон транспортной доступности в пределах 45-60 минут от центра города Иркутска.

Современные процессы субурбанизации в Иркутской агломерации. Современный период (с 2010 года по настоящее время) характеризуется значительным увеличением размеров населенных пунктов, наиболее близко расположенных к городу Иркутску в пределах 30-ти минутной транспортной доступности от центральной части города и почти нулевым ростом поселений, расположенных дальше 30-ти минутной доступности. Наиболее удаленные поселения в основном промышленной специализации продолжают терять население, и не увеличиваются по площади застройки. Характерно также замедление роста численности населения внутри самого города Иркутска. Таким образом, в настоящее время Иркутская агломерация переживает этап развития – процесс субурбанизации главного ядра.

С одной стороны, в Иркутской городской агломерации происходит постепенная концентрация населения Иркутской области, как наиболее экономически развитая зона, она стягивает к себе население из других районов области. С другой стороны, на территории самой агломерации идет активная децентрация населения: жители Иркутска переезжают из переуплотненного ядра в пригороды с более привлекательными для жизни условиями. Это подтверждают следующие данные: численность населения городских округов Иркутска выросла за период с 2010 по 2018 гг. до 20%, а численность населения сельских и городских поселений, расположенных непосредственно вокруг Иркутской агломерации, выросла от 20 до 165 % за этот период.

Прекратился рост сезонных дачных поселков на межселенной территории, но наблюдается рост числа коттеджных поселков-спален и поселков, используемых как второе постоянное жилье [3]. Особо отметим, появление и быстрый рост поселков микрорайонов с многоэтажной городской застройкой за пределами границ города, которые являются естественным продолжением города, перегружающими инфраструктуру городских окраин.

В результате исследования нами выявлены основные факторы, ограничивающие рост субурбанизации: низкое качество социальной и

транспортной инфраструктуры в пригороде, малые площади доступные для новой застройки. Хотя, наличие крупных промышленных предприятий в городе Шелехов и между городами Иркутск и Ангарск, сильно ухудшает качество окружающей среды, на большей территории агломерации экологические факторы оказывают слабое влияние,

Субурбанизация ограничивается расстоянием 30-35 минутной удаленности от центра города Иркутска и имеет более интенсивное развитие в северном, западном и юго-восточном направлениях, в тоже время в северо-западном и южном направлении ограничивается ближайшими к городу поселениями [4].

Литература

1. Григоричев К.В. От слободы до субурбии: пригороды Иркутска в последней трети XX - начале XXI // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. - 2012. - № 2-2. - С. 44-51.

2. Григоричев К.В. Трансформация экономического поля пригорода Иркутска // Идеи и идеалы. - 2013. Т. 1. - № 4 (18). - С. 51-61.

3. Зедгенизов А.В. Субурбанизация города Иркутска: Масштаб и последствия // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. - 2016. - № 1 (16). - С. 159-166.

4. Богданов В.Н., Дугарова Г.Б. Картографирование современных процессов субурбанизации в Иркутской агломерации // Материалы Международной географической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика Владимира Васильевича Воробьева, Иркутск Издательство Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, – 2019. – С. 471-473

Сведения об авторах:

Богданов Виктор Николаевич, к.г.н., с.н.с., Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, victvss@gmail.com

Дугарова Гэрэлма Банзаровна, к.г.н., с.н.с., Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, geldugarova@gmail.com

Богатуров Д.С.
Bogaturov D.S.

**ДИНАМИКА ЭТНИЧЕСКОГО РАССЕЛЕНИЯ В КАБАРДИНО-
БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ ЗА МЕЖПЕРЕПИСНОЙ
ПЕРИОД (2002-2010 ГОДЫ)**

**DYNAMICS OF ETHNIC SETTLEMENT IN THE KABARDINO-
BALKARIAN REPUBLIC DURING THE INTER-CENSUS PERIOD
(2002-2010)**

В статье представлены выводы об особенностях современного этнического расселения в Кабардино-Балкарской Республике. Три крупнейших народа Кабардино-Балкарии – кабардинцы, русские и балкарцы – продолжают проживать на своих исторических территориях. Народы компактно проживают в пределах административных районов Кабардино-Балкарии. Теснота контактов между народами во многом определяется особенностями этнического расселения. В последние годы наблюдается тенденция оттока русского населения за пределы республики. Этот процесс вносит изменения в этническую карту региона.

The article presents conclusions about the features of modern ethnic settlement in the Kabardino-Balkarian Republic. The three largest ethnic groups of Kabardino-Balkaria – Kabardians, Russians, and Balkars – continue to live in their historical territories. The peoples live compactly within the administrative districts of Kabardino-Balkaria. The closeness of contacts between ethnic groups is largely determined by the peculiarities of ethnic settlement. In recent years, there has been a trend of outflow Russian population outside of Kabardino-Balkaria. This process changes the ethnic map of the region.

Ключевые слова: городское и сельское расселение народов, компактность расселения, этническая структура населения городов и административных районов

Keywords: urban and rural settlement of peoples, compact settlement, ethnic structure of the population of cities and administrative areas

Кабардино-Балкария – один из самых наименьших по территории регионов России. При этом данное национально-территориальное образование (НТО) отличается высокой контрастностью ландшафтов и достаточно сложной картиной этнического расселения. Три

крупнейших народа – кабардинцы, русские и балкарцы – проживают на своих исторических территориях. Город Нальчик, столица НТО, отличается смешанным этническим составом населения.

В целом, за последние десять лет, на демографические процессы в Кабардино-Балкарской Республике (КБР) серьезное влияние оказали как общероссийские факторы, так и местные особенности. Наблюдается значительный отток населения за пределы своего региона. Отличительной чертой КБР на общероссийском фоне является наличие достаточно молодого состава трудоспособного населения, что во многом и определяет внешнюю миграцию [1].

В представленной таблице приводится численность крупнейших народов по административным районам КБР [2]. Абсолютные показатели позволяют вычислить компактность расселения этносов в пределах республики, а также установить параметры межэтнической контактности.

Таблица 1

Распределение народов по городам и районам Кабардино-Балкарской Республики

Города/районы	Кабардинцы, тыс. чел.		Русские, тыс. чел.		Балкарцы, тыс. чел.	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
г. Нальчик	138,7	126,9	88,5	69,9	44,8	44,7
г. Прохладный	1,9	2,7	48,8	45,7	0,2	0,2
Баксанский*	106,9	111,6	5,3	4,3	1,1	1,0
Зольский	46,0	44,5	1,1	0,9	2,6	2,8
Лескенский**	-	25,1	-	0,2	-	0,7
Майский	1,3	2,0	31,3	28,3	0,1	0,1
Терский	45,9	45,0	3,3	2,6	0,9	0,9
Прохладненский	12,7	12,8	26,6	24,7	1,1	1,2
Урванский	81,9	56,8	11,7	8,2	2,4	1,2
Чегемский	50,3	50,3	3,5	3,0	12,3	13,4
Черекский	9,2	9,3	0,4	0,2	16,0	17,3
Эльбрусский	3,9	3,5	6,1	5,2	23,2	25,1
Итого по КБР	498,7	490,5	226,6	193,2	104,7	108,6

Примечание. * - включая население города Баксан ; **- Лескенский район был образован в 2003 году (выделился из состава Урванского района)

Современный характер расселения народов в республиках Северного Кавказа (СК) зависит от привязки к ландшафту, от хода демографических процессов, от политических и экономических предпосылок развития. К примеру, большое влияние на этнический состав территорий СК оказала частая смена административных границ и насильственное переселение. Специфика этнического расселения большинства республик СК определяется и присоединением территорий с русским (в прошлом казачьим) населением. На локализацию тюркских народов повлияла депортация 1944 года, в результате которой сложился рисунок современного расселения в горной зоне.

Основной формой расселения народов в республиках Северного Кавказа остаются компактные ареалы, которые в целом, несмотря на значительные миграционные перемещения этносов, продолжают совпадать со сложившейся к середине XX века административной сеткой районов. В рамках представленной статьи, для выявления особенностей расселения конкретных этносов в пределах территории КБР, будет использовано специальное рабочее определение. *Основной ареал расселения (ОАР) этноса — это территория, характеризующаяся высокой компактностью проживания того или иного народа, с удельной его долей в населении не менее 50%.* Для наиболее многочисленных народов Кабардино-Балкарии также характерен ареальный, а не дисперсный тип расселения. Расчет показателей по основным ареалам расселения в данной статье проводится исходя из совокупных данных по административно-территориальным единицам, территория которых соответствует ареалу. Так, балкарское население преимущественно сосредоточено в трех районах КБР: Чегемском, Черекском и Эльбрусском. Русские компактно проживают в Майском и Прохладненском районах. Остальные районы республики заселены представителями кабардинского этноса. При этом территория Чегемского района охватывает как предгорные, так и горные ландшафты. В горной части района компактно проживают балкарцы. Исходя из этого факта, большую часть территории данного района можно отнести к балкарскому ареалу расселения.

Методы и приемы географического анализа территории в пределах ОАР позволяют установить целый ряд интересных фактов, присущих конкретному народу. К примеру, особый интерес представляет структура сельского расселения и ландшафтные характеристики территории (что особенно актуально именно для Северного Кавказа). Экономическая же специализация

административных районов, входящих в ОАР, косвенным путем позволяет выявить степень вовлеченности конкретного народа в разные сферы народного хозяйства.

Наибольшим по численности населения является кабардинский ареал. Как видно из данных таблицы, кабардинцы доминируют по численности не только во многих административных районах, но и по республике в целом. Несмотря на малые размеры КБР, преобладающее кабардинское население активно не стремится мигрировать в столицу НТО. Причина этого кроется в слабом индустриальном и финансовом потенциале Нальчика. В городе отсутствуют крупные предприятия. В то же время сельская местность дает возможность прокормить семью. Кроме того, сельские жители административных районов предпочитают уезжать на заработки в другие субъекты РФ.

В кабардинском ОАР на 2010 год проживает 2/3 представителей этноса от их общей численности в КБР. Невелика доля кабардинцев в «русских» и «балкарских» районах. Приблизительно 1/4 кабардинцев сосредоточена в столице республики. Данные, представленные в таблице, показывают, что абсолютная численность столичных кабардинцев даже сократилась (миграционный отток).

Если сравнить территориальные пропорции расселения кабардинцев и балкарцев, то можно выявить ряд существенных различий. Так отличительной особенностью расселения балкарцев является достаточно высокая концентрация в столице республики (41% от общей численности в КБР). Кроме того, балкарское население практически отсутствует в пределах двух равнинных «русских» районов.

Для самого же балкарского ОАР характерен линейный тип расселения, обусловленный размещением населенных пунктов в высокогорных ущельях. Главным ядром расселения балкарцев, помимо столицы республики, является Эльбрусский район. Он был образован в 1996 году по результатам местного референдума [3, С. 275]. За период с 2002 по 2010 год численность балкарцев в пределах административных районов традиционного проживания остается стабильной. Большая часть сельского населения занимается традиционным животноводством или обслуживает горные туристические центры КБР. Именно данные сферы деятельности позволяют сохранять устойчивой численность населения горных поселений республики.

Кабардинский ареал расселения занимает около 50% территории республики, малолюдный же балкарский ОАР – приблизительно 36%. При этом на 2010 год численность кабардинцев в 6 раз превышала

численность балкарцев (в пределах своих ареалов расселения). Территории с преобладанием балкарского населения являются привлекательными с точки зрения развития туризма и животноводства. В административных районах с преобладанием кабардинского населения напротив практически полностью исчерпаны земельные ресурсы для развития (предгорная зона КБР). Характерной является ситуация, когда несколько крупных сел, с численностью населения 5-7 тысяч человек, сливаются на местности. Это обусловлено недостатком территории для жилищного строительства и развития личного подсобного хозяйства.

Важно отметить, что само создание Кабардино-Балкарии, как единой республики, в начале 20-х годов прошлого века во многом объясняется объективно неустранимой территориальной «связанностью» кабардинского и балкарского народов [4, С. 33]. Территориальный вопрос осложняет межнациональные отношения и в 21-м веке. Так, по мнению некоторых экспертов, в республике назрела необходимость земельной реформы. Отмечается архаичность нынешнего административно-территориального деления КБР по национальному принципу: на горные «балкарские», предгорные «кабардинские» и равнинные «русские» районы. Исходя из этого, дальнейшее совершенствование административно-территориального районирования КБР предлагается проводить, учитывая принципы устойчивого развития, с верховенством экономических и экологических приоритетов [5].

Как и в предыдущие годы в КБР за исследуемый межпереписной период продолжилась активная дерусификация региона. Пала абсолютная и относительная численность русских во всех районах республики. В пределах основного ареала расселения на 2010 год проживало 98,7 тыс. русских. В ОАР было сосредоточено около половины от всего русского населения, проживающего в КБР. Основным ядром расселения для русских на протяжении всего постсоветского периода остается город Прохладный. Представленные в таблице данные дают основание сделать вывод о том, что численность русского населения Прохладного остается стабильной в 2000-е годы. Город является крупным транспортным узлом и сохраняет свой индустриальный потенциал (в отличие от многих других крупных поселений республики).

В столице же КБР – Нальчике – численность русского населения с 2002 по 2010 год резко сократилась. Это обусловлено как естественным, так и механическим движением населения. Русская молодежь активно покидала столицу республики в поисках

качественного образования и достойной работы. К сожалению, в республиканских вузах более 90% обучающихся составляют титульные народы КБР. Такое обстоятельство явно не способствует межнациональной интеграции. Невелика доля русских и в органах государственной власти КБР.

В преддверии переписи населения 2020 года, опираясь на анализ этнодемографических тенденций 2000-х годов, можно сделать ряд прогнозов. Если провести экстраполяцию результатов двух последних переписей населения на 2020 год, то будущие итоги предстоящей переписи населения, по мнению автора статьи, лишь закрепят наметившиеся тенденции 21-го века. Политическая стабильность прошедшего десятилетия, к сожалению, не привела к бурному развитию экономики Кабардино-Балкарии. Отсутствие новых рабочих мест способствовало дальнейшему оттоку населения (в независимости от его национального происхождения). При этом у титульных народов КБР сохранился естественный прирост населения. Массовый отток трудоспособного русского населения в период с 1991 по 2010 год привел к тому, что оставшееся население представлено в основном пожилыми людьми. Особенно высокий процент людей старше трудоспособного возраста у русских наблюдается в столице республики. При таком стечении факторов дальнейшая дерусификация КБР – представляется очевидным прогнозом.

За прошедшее десятилетие миграционный отток также наблюдался и в районах традиционного проживания кабардинцев и балкарцев. Миграционные устремления жителей в первую очередь связаны с трудоустройством в других, более развитых регионах России. Стабильная политическая ситуация в республике и отсутствие каких-либо существенных экономических преобразований способствуют тому, что все три крупнейших народа – кабардинцы, русские и балкарцы – и в наши дни продолжают компактно проживать на своих исторических территориях. Их экономическая деятельность и доходы напрямую зависят от местного агропромышленного комплекса. Таким образом, итоги предстоящей переписи в значительной мере не изменят сложившуюся мозаику этнического расселения КБР. В первую очередь, это обусловлено отсутствием масштабной миграции внутри республики.

Литература

1. Табакоев И.А. Трансформация структуры населения Кабардино-Балкарской Республики и ее влияние на демографические

процессы. Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН № 6 (68) 2015 С. 146-153.

2. Итоги всероссийской переписи населения 2010 года по Кабардино-Балкарской Республике. Том 3. Население национальный состав и владение языками. – Нальчик, 2012.

3. Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция опыт, тенденции. - Нальчик: «Эль-Фа», 2006. 352 с.

4. Кажаров А.Г. Этнотерриториальный аспект становления Кабардино-Балкарской автономии. RES PUBLICA. Альманах социально-политических и правовых исследований / под ред. А.Х. Борова. — Нальчик: Институт гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН, 1997 - С. 7-37.

5. Хатулов А.М., Борова Ф.Ж. Особенности расселения населения и становление современной этнической карты КБР. Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. - №6-3 – 2018г. С. 189-194.

Сведения об авторе.

Богатуров Дмитрий Сергеевич, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета, электронная почта bogaturov@mail.ru телефон мобильный 8-921-340-39-67, рабочий телефон 8-812-328-97-83.

УДК 620.9:504

Бочарников В.Н.
Bocharnikov V.N.

ГЕОЭКОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К РАЗВИТИЮ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ И СОХРАНЕНИЮ ДИКОЙ ПРИРОДЫ РОССИИ

GEOECOLOGICAL APPROACH TO THE DEVELOPMENT OF THE GREEN ECONOMY AND CONSERVATION OF RUSSIAN WILDLIFE

В настоящее время экологические проблемы очень актуальны как в политическом, так и в экономическом контексте, поскольку речь идет о способности человека жить в соответствующих качественных условиях, расти и развивать устойчивость. Как экономический рост влияет на окружающую среду и как найти оптимальную модель

устойчивого роста без ущерба для природы - вот главный исследовательский вопрос. Проанализирован конфликт между экономическим ростом и сохранением дикой природы и устойчивой экономикой как альтернативой экономическому росту с акцентом на фундаментальные конфликты.

Nowadays, environmental issues are very urgent in both political and economic contexts as it is all about human ability to live in appropriate quality conditions, growth and develop sustainability. How to economic growth influence on the environment and how to find an optimal model for sustainable growth without damaging Nature- that is the main Research question. The analysis provides the conflict between Economic Growth and Wilderness conservation and the Steady State Economy as the alternative to the Economic Growth with the accent on the fundamental conflicts.

Ключевые слова: зеленая экономика, дикая природа, зеленый рост, геоэкология, освоение, экологическая экономика.

Keywords: green economy, wildlife, green growth, geo-ecology, development, ecological economy.

Современная цивилизация переживает серьезные природные и социально-экономические потрясения, результаты которых препятствуют общечеловеческой задаче повышения уровня благосостояния. Глобальные проблемы перманентного ухудшения состояния окружающей среды и истощения природных ресурсов, неконтролируемое повышение энергетической затратности мирового производства при доминанте повышения национального ВВП в большинстве регионов мира предопределили появление нового инструмента устойчивого развития – зеленой экономики (ЗЭК) [1-3].

В современной географической науке требуется постоянный процесс обеспечения постоянного «потока» нового знания, как мониторингового, оперативного, так и фундаментального характера, в которых должно происходить методологическое и теоретическое сближение географических дисциплин. Изучая территориальные аспекты социально-экономических объектов и явлений, география прослеживает их формирование, характеризует их структуру и особенности происхождения, выявляет перспективные направления развития, определяет пути их преобразования. Здесь обращаем внимание что до сих пор наиболее часто аргументированными к применению в общественной географии предстают концепции «центральности», расчетов факторов расстояния, континуальности (и дискретности), цикличности, территориальности, диффузии, устойчивости территориальных систем и т.п. При этом

континуальность пространства обеспечивает процессы глобализации, а дискретность – регионализации, в то время как при рассмотрении на микроструктурном уровне (отдельные предприятия, компании, индивидуальные предприниматели в их взаимодействии с потребителем) обеспечивается выход на индивидуализацию как основного определяющего фактора удовлетворения потребностей в современном обществе [5].

В контексте зеленой экономики возможно, и даже желательно, развитие таких оригинальных теорий как французских географов Ф. Перру и Ж. Будвилля о том, что экономическое пространство можно рассматривать как поле (см. также Ж. Пиаже), в котором будут закономерным образом располагаться полюса между агломерациями. За такими процессами жизненного самоосуществления человека обнаруживается особая пространственно-временная развертка реального бытия человека, в которой он конституирует себя в качестве субъекта, активно осуществляющего перевод присущих ему возможностей в действительность. Проецирование географических полей проявляется в форме городов, городских агломераций, мегалополисов, социально-экономических узлов и центров, территориально-производственных комплексов и др. [4]. С этих позиций остро-актуально найти совершенно новые научные способы, которые могут быть связаны неотъемлемым образом с проблематикой современного общества, природой, отдельным человеком, и теми системно-структурными образованиями, которые образуют географическую среду.

Интегративный подход, стремление холистического или целостного видения является тем предложением, в котором предполагается возможность сближения во многом противоположных тенденций развития экономики и сохранения ценностей экологии, и не просто на механистической базе объединения и «примирения», а в контексте идеологического сближения и с ликвидацией текущего разъединения принципиальных положений антропоцентризма, биоцентризма и применительно к реализации концепции зеленой экономики. Таким образом, представление единого объекта изучения зеленой экологии «примиряет» очень разные направления биологии, экологии, географии и ряда социальных и экономических наук, поскольку возможно к осуществлению на единой методологической основе.

В рамках обозначенной цели сохраняется необходимость обеспечения сбалансированного развития трех важнейших сфер (социальной, экономической и экологической), в пределах

исследуемой или заданной конкретной территории. Показатели экологического развития должны учитывать состояние окружающей среды. Как приоритетная целевая гипотеза берется установка природоохранного плана, так может быть взята идея сохранения дикой природы, где предлагается, что 50% некой территории должно быть свободно от человеческого воздействия совсем или в той степени, что не влияет на ее функциональность, структуру, продуктивность и т.п. Поскольку рассматриваются две концепции зеленой экономики (для сильно-освоенных территорий, в т.ч. территорий опережающего развития, агломераций, индустриально-промышленных зон и т.д., то в первом направлении для разработки модели могут использоваться многие уже существующие экономические и социальные наработки, в т.ч. экологические рейтинги, эконновации, природоохранные инвестиции, отраслевая модернизация, борьба с отходами и загрязнением и т.д., а также применяться избранные теории.

Обосновываемое междисциплинарное направление получает название «зеленая экономика для природы» (ЗЭП). Что касается отбираться от имеющихся для первого направления – ЗЭК и также специально подбираться для второго, с тем, чтобы осуществлять реально ориентированное сохранение природы. Экологическая разработка – может основываться на природоохранных приоритетах влиятельных фондов типа WWF, IUCN, Greenpeace, Institute Oldo Leopold и др. с разным выбором природоохранных приоритетов типа: (флаговые виды, ООПТ, неистощительное природопользование, ветланды, экообразование и и т.п.). Вводится условие, что для неосвоенных (диких) территорий будет особая зеленая экономика, вектор которой направлен на сохранение экологического баланса, и, следовательно, для природы, а через нее для всех людей, но и в юридических границах стран, кому принадлежит данная суверенная территория.

Ранее на основе описанных методик был выделен пространственный континуум, который можно соотнести с территориями Российской Федерации [6]. Конкретный алгоритм междисциплинарной работы определяет требования к пространственной модели, рассчитываемой в первом приближении как геополе с двумя полюсами, разделяющими изучаемую территорию на два полюса (дикая природа) и культурный ландшафт (урбанизированные территории). Пространственно-временной континуум освоения как структуры территорий в различной степени изменения природной будут обеспечивать базовую основу для моделирования и территориального членения. Поэтому «зеленый» потенциал можно рассматривать как

совокупность финансовых, производственных, природных и человеческих ресурсов, позволяющих достигнуть достойного уровня и качества жизни населения территории при условии сохранения окружающей природной среды. Заметим здесь, что в данном контексте происходит процесс как бы обогащения экономики со стороны за счет философов, экологов и технологов.

Для формирования и использования ГИС состав индикаторов производственного развития должен оценивать качество и состав материально-технической базы, уровень инновационной активности в регионе. Что касается времени – «нулевая» позиция – актуальное состояние с обращением к прошлому, и будущему, учитывая постановку проблемы, связанную с ростом экономики и социального благополучия. Теоретическая проработка каждой из сфер и всей возможной работы в обозначенных задачах должно составить отдельный алгоритм сборки, в качестве базового набора переменных предлагается пользоваться пространственными базами, где должен быть сформирован следующий набор данных:

* **административно-территориальный** слой (сеть): границы административных, муниципальных, национальных районов и локализация управленческих центров, важнейших институциональных структур, особых районов всех типов

* **демографический слой и сеть освоения** (территориальное расселение): населенные пункты всех типов, важнейшая инфраструктура поселений, транспортная сеть, связь и пр.

* **социальная сеть** (общественно-территориальная структура): локальные сообщества и идентификация территории их обеспечения (общности интересов), социальные преференции и льготы.

* **этническая сеть** (территориальная локализация этнических интересов и необходимостей), территории традиционного природопользования и тотемы, сакральные объекты, ресурсные объекты.

* **культурная сеть** (культурные объекты и ландшафты, историко-культурное наследие, др. системные элементы культуры).

* **географическая сеть** (комплексные и системные объекты, например, землепользование и природно-территориальный комплекс, геосистема, территориальная социально-экономическая система и т.д.)

* **экономическая сеть** (минимальные хозяйственные ячейки или фирма и ее структурно-территориальные элементы)

* **экологическая сеть** (экосистемы, экорайоны, экорегионы, ландшафты, особо охраняемые природные территории, районы ограничения природопользования и т.д.)

* **биологическая** сеть (виды, популяции, биоценозы, демы и пр.).

Понятно, что в рамках прогноза, как и в регистрации исторических следствий, могут рассчитываться и учитываться многие показатели, но в качестве основного фактора «углубления» данной работы предлагается принимать обязательность учет изменений, происходящих в результате глобального изменения климата. Специальное внимание в контексте оценки перспектив зеленого роста и сохранения природы при экономическом развитии России уделяется проектам и инфраструктуре Китайского шелкового пути, в ее рамках можно предусмотреть создание модели для понимания текущих и будущих воздействий на природоохранные приоритеты страны.

Литература

1. Доклад о мировых инвестициях. Обзор Инвестиции в низкоуглеродную экономику. Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию. Нью-Йорк-Женева, 2010. 50 с.

2. Порфирьев Б.П., «Зеленая» экономика: реалии, перспективы и пределы роста. – М.: Карнеги, 2013. 31 с.

3. Бобылев, С.Н. Экология и экономика: «Зеленая» экономика и экосистемные услуги / С.Н. Бобылев, В.М. Захаров // Вестник Самарского государственного экономического университета. Специальный выпуск. 2014. – С. 15-24.

4. Бочарников В.Н. Географическое мышление, культурная география и дикая природа // *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2018 (3):105-116.

5. Калужский М.Л. Генезис социальных потребностей // Сибирский торгово-экономический журнал. – 2005. – № 1. – С. 55-63.

6. Бочарников В.Н., Егидарев Е.Г. Дикая природа и антропогенный ландшафт: интегральный опыт геоинформационного картографирования территории России // Проблемы региональной экологии. 2015. № 5. С. 75-80.

Сведения об авторе:

Бочарников Владимир Николаевич, д.б.н., профессор, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, vbocharnikov@mail.ru, +79147075730.

Борисенко М.А., Быков Н.И.
Borisenko M.A., Bykov N.I.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ
В АГРАРНО-ИНДУСТРИАЛЬНОМ РЕГИОНЕ
ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ**

**TRANSFORMATION OF SETTLEMENT SYSTEM IN THE
AGRICULTURAL-INDUSTRIAL REGION OF POST-SOVIET
RUSSIA**

В работе рассматриваются изменения в системе расселения населения Алтайского края, произошедшие с 1989 г. по 2018 г. Для характеристики трансформаций системы используется гравитационная модель. При этом рассматриваются изменения в системах расселения населения как краевого, так и районного уровней.

The paper considers changes in the population settlement system of the Altai territory from 1989 to 2018. We used a gravitational model to characterize the transformations of the system. We considered changes in the population settlement systems at both the regional and district levels.

Ключевые слова: система расселения, Алтайский край, гравитационная модель.

Key words: settlement system, Altai Krai, gravity model.

Социально-экономические изменения в современной России, которые произошли после последней Переписи населения в СССР в 1989 г., повлекли за собой трансформацию системы расселения населения. В периферийных аграрно-индустриальных регионах этот процесс имел специфические особенности, поскольку здесь на фоне общей депопуляции территории, отмечалась поляризация расселения, сопровождавшаяся ростом городских агломераций.

Одним из таких регионов является Алтайский край. В нем на 2018 г. находилось 12 городов, 6 поселков городского типа и 1588 сельских населенных пунктов [1]. Территория края характеризуется относительно равномерным распространением населенных пунктов. Более высокая плотность населенных пунктов характерна, прежде всего, пригородным территориям (Барнаул, Бийск и Рубцовск), а также районам, через которые проходят автомобильные и железные дороги. В свою очередь имеются несколько участков, где не было основано ни

одного поселения. К одним из сдерживающих факторов распространения населенных пунктов относятся природные объекты, ставшие определенным препятствием расселению населения. Мало заселены предгорные и горные районы: Змеиногорский и Чарышский – Алтайские горы; Ельцовский, Залесовский, Заринский, Солтонский и Тогульский – Салаирский кряж.

Для понимания степени трансформации систем расселения, как и других социально-экономических явлений, широко применяются гравитационные модели [2, 3, 4, 5]. Согласно данным моделям взаимодействие между совокупностями людей подчиняется закону, аналогичному закону всемирного тяготения (гравитация), то есть сила притяжения между двумя населенными пунктами прямо пропорциональна их численности и обратно пропорциональна расстоянию между ними.

Данный подход был использован нами для анализа системы расселения населения в Алтайском крае. В качестве реперных дат были выбраны 1989 и 2018 гг. [1, 6]. На первом этапе проанализирована трансформация гравитационных связей на краевом уровне, то есть гравитационных связей региональной столицы (Барнаул) со всеми населенными пунктами края. Было установлено, что за период 1989–2018 гг. усилили свои гравитационные связи с Барнаулом только 233, у трех населенных пунктов значение связи не изменилось, все остальные демонстрировали их ослабление. При этом у 32 населенных пунктов, которые увеличили значение гравитационной связи с Барнаулом, произошло падение численности населения. Это свидетельствует о том, что рост значения связи произошел за счет увеличения численности Барнаула. Наибольшая плотность числа населенных пунктов с положительной динамикой данного значения отмечается в Барнаульской городской агломерации: в Первомайском, Павловском, Тальменском и частично в Калманском районах, а также в городских округах Барнаула и Новоалтайска. Также происходило увеличение данного значения у многих населенных пунктов в окружении Бийска и Рубцовска. Имеются отдельные такие населенные пункты и в других районах. Часто это районные центры (Панкрушиха, Ключи, Павловск, Новоалтайск, Алтайское, Шипуново и др.). При этом некоторые из них (Камень-на-Оби, Гальбштадт, Новичиха, Ребриха, Шелаболиха, Алейск, Топчиха, Тальменка) теряли население. Среди городов связь Барнаула усилилась лишь с Новоалтайском, Белокурихой, Алейском и Камнем-на-Оби. Последние два города также численно уменьшались.

На втором этапе была исследована динамика гравитационных связей на уровне административных районов. Здесь анализировались связь районных центров с населенными пунктами соответствующего

района. На данном уровне число населенных пунктов, увеличивших значение гравитационной связи оказалось меньше, чем на краевом уровне, а именно 153. Наибольшие концентрации таких населенных пунктов отмечаются в городских агломерациях Барнаула (Первомайский, Павловский, Тальменский, Калманский районы), Бийска (Бийский и Зональный районы) и Рубцовска (Рубцовский район), а также в Алтайском, Заринском и Шипуновском районах. По 1–2 таких населенных пунктов имеется еще в двадцати районах Алтайского края.

При одновременном учете знака динамики гравитационных связей на разных уровнях расселения возникают разнообразные типы населенных пунктов: 1) увеличившие значение гравитационной связи при увеличении численности населения (и с Барнаулом, и с районным центром), 2) уменьшившие ее при сокращении численности населения (также с краевым и районными центрами), 3) увеличившие значение при уменьшении численности, то есть за счет роста численности второго в паре пункта (либо районного центра, либо краевого центра). Третий тип населенных пунктов отмечается, например, в Шипуновском и Первомайском районах. Здесь положительная динамика связей происходила, прежде всего, за счет роста районных центров. В Калманском, Павловском и многих других районах некоторые населенные повысили значение гравитационной связи с Барнаулом и уменьшили со своим районным центром, что обусловлено более быстрым падением численности населения в районном центре по сравнению с сельским населенным пунктом. Ситуация, в которой и районный центр, и село уменьшают численность населения, но при этом село увеличивает значение гравитационной связи с Барнаулом, может показаться, на первый взгляд, странной. Однако следует иметь в виду, что уменьшение численности населения в районном центре сопровождается ликвидацией перерабатывающих производств в нем. Поэтому и в производственных связях, и в обслуживании населения данного сельского пункта значение краевого центра может возрастать.

Следующим этапом рассмотрения трансформации системы расселения в исследуемом регионе будет анализ динамики гравитационных связей каждого населенного пункта с соседними. Его результаты будут представлены в докладе.

Литература

1. Численность населения по муниципальным образованиям Алтайского края на 1 января 2018 года: Стат. бюл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай – Б., 2018 – 88 с.

2. Новиков, К.Е. Миграционные настроения во Владимирской области в контексте проблем российской урбанизации / К.Е. Новиков // Социологический журнал, 2014. Т. 20. №4. С. 72–89.

3. Василенко, П.В. Применение гравитационной модели для анализа внутриобластных миграций на примере Новгородской и Псковской областей / П.В. Василенко // Псковский регионологический журнал, 2013. № 15. С. 83–90.

4. Хавинсон, М.Ю., Кулаков, М.П. Прогноз демографической динамики в России: гравитационный подход / М.Ю. Хавинсон // Управление экономическими системами: электронный научный журнал (<http://www.uecs.ru/demografiya/item/4168-2016-11-30-06-35-21>)

5. Корепина, Т.А. Сравнительный анализ подходов к моделированию миграции / Т.А. Корепина // Вопросы территориального развития. 2017. № 1 (36). С. 1–12 URL: <http://vtr.isert-gan.ru/article/2132>

6. Сельские населенные пункты Алтайского края (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года) / Госкомстат РСФСР, Алтайское краевое управление статистики, Барнаул, 1990.

Сведения об авторах:

Борисенко Максим Александрович, без степени, без звания, старший преподаватель, Алтайский государственный университет, maxi.borisenko@mail.ru, +79132679102

Быков Николай Иванович, кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник Института водных и экологических проблем СО РАН, nikolai_bykov@mail.ru, +79039962215

УДК 2. 61:314:314.42(571.621)

**Григорьева Е.А., Суховеева А.Б.
Grigorieva E.A., Sukhovееva A.B.**

НАСЕЛЕНИЕ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ: МЕДИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И СЕЗОННОСТЬ СМЕРТНОСТИ

ELDERLY POPULATION IN THE SOUTH OF THE RUSSIAN FAR EAST: MEDICAL AND DEMOGRAPHIC SITUATION AND SEASONALITY OF MORTALITY

Медико-демографический анализ населения старшей возрастной когорты на юге Дальнего Востока показал устойчивое увеличение

числа людей пожилых возрастов с двукратным превышением женщин над мужчинами, при этом смертность среди мужчин выше, чем среди женщин. Ведущими причинами смерти являются болезни системы кровообращения, имеющие ярко выраженную сезонность с преобладанием в зимний период.

Medical and demographic analysis of the population of the older age cohort in the South of the Russian Far East showed a steady increase in their number with twofold gain of women over men, while the mortality rate among men is higher than among women. The leading causes of mortality are diseases of the circulatory system, which have a pronounced seasonality with winter predominance.

Ключевые слова: население старшего возраста, смертность, сезонная динамика, юг Дальнего Востока.

Keywords: elderly population, mortality, seasonal dynamics, Russian Far East.

Введение.

Многие страны мира, в том числе и Россия, испытывают значительные демографические трудности, связанные с уменьшением численности трудоспособного населения с одновременным увеличением лиц других возрастных когорт. В первую очередь это пожилые люди в возрасте от 65 лет и старше.

В то же время, последние десятилетия характеризуются стремительным ростом интереса к вопросу влияния погоды и климата на здоровье населения. Особое внимание уделяется старшей возрастной когорте как наиболее восприимчивой к воздействию погоды и её изменений части населения [1-4]. Усиленная климаточувствительность объясняется неустойчивостью механизмов теплоотдачи у пожилых людей; кроме того, известно, что сосуды, подвергшиеся физиологическому старению, более чутко реагируют на изменения в погодном комплексе [5]. Воздействию подвергается и весь организм, и отдельные системы, в первую очередь кардиоваскулярная и дыхательная, что приводит к появлению новых или обострению имеющихся заболеваний и, как следствие, к смертельным исходам [3, 5-7].

Демографические проблемы России особенно ярко проявляются в Дальневосточном федеральном округе (ДФО), где постарение населения сопровождается сильным миграционным оттоком за пределы региона [8, 9]. Цель работы – медико-демографический анализ населения возрастной группы от 65 лет и старше в Хабаровском крае и

Еврейской автономной области (ЕАО), изучение сезонности смертности населения на примере городов Хабаровск и Биробиджан.

Материалы и методы.

Исследование выполнено для Хабаровского края и ЕАО, субъектов в южной части ДФО, которые расположены в зоне действия муссонов умеренных широт; отличаются суровым климатом в холодное время года и тропически жаркой и влажной летней погодой; переходные сезоны весны и осени характеризуются резкими сменами в погодных комплексах [3, 6, 10].

Медико-демографический анализ населения Хабаровского края и ЕАО в старшей возрастной когорте проведен на основе данных Росстата за период с 2000 по 2017 гг. Индекс сезонности смертности использовался для исследования внутригодовой динамики общей смертности в городах Хабаровск и Биробиджан; в Биробиджане дополнительно рассмотрена сезонность сердечно-сосудистой смертности. Индекс сезонности рассчитывался как отношение средней смертности в данный месяц ко всей смертности за все годы исследования, в процентах; превышение индексом сезонности 100% в данном месяце указывает на активизацию сезонных факторов [7, 10].

Результаты и обсуждение.

Общероссийская тенденция, отмечающаяся в значительном сокращении населения трудоспособного возраста и стремительном росте пожилых людей, характерна и для Дальнего Востока. В 2017 г. доля людей в старшей возрастной когорте составила 12,0% в Хабаровском крае и 11,1% в ЕАО. Устойчивое снижение общей численности населения, связанное не только с диспропорцией в тенденциях рождаемости и смертности, но и с миграционным оттоком, сопровождается резким постарением населения. В Хабаровском крае численность населения в возрасте 65 лет и старше возросла за 2000-2017 гг. на 31% и составила в 2017 г. 161,5 тыс. чел. В ЕАО это увеличение несколько ниже (6%); в 2017 г. численность пожилого населения составила 18,8 тыс. чел. Старшая возрастная когорта отличается значительным гендерным дисбалансом, характеризующимся двукратным превышением численности женщин над численностью мужчин. Как следствие, такая диспропорция приводит к отрицательным социальным явлениям: в большинстве случаев пожилая семья состоит из одинокой женщины с высокой потребностью в медицинской помощи и низким уровнем финансового обеспечения.

В то же время, как для России в целом, так и для Дальнего Востока для пожилого населения характерно превышение общих показателей

мужской смертности над женской, выражающееся в явлении «полового диморфизма смертности» [9, 11]. Для возраста 65-69 лет этот показатель составил 2,4-2,7 в Хабаровском крае и 2,2-2,5 в ЕАО; в возрастной когорте 70 лет и более – 1,4-1,5 и 1,4-1,8 в Хабаровском крае и в ЕАО, соответственно. Болезни системы кровообращения и новообразования являются ведущими причинами смерти; среди лиц старшей возрастной когорты на них приходится почти 75-85% всех человеческих потерь. Так, в ЕАО в 2017 г. первое место занимали заболевания системы кровообращения; из них 50,6% приходилось на ишемические болезни сердца и 26,6% на цереброваскулярные болезни [11].

Анализ сезонности смертности в половозрастной когорте от 65 лет и старше для г. Хабаровска выявил повышенный уровень общей смертности в холодный период года с максимальными значениями в январе; показатели понижаются в летний сезон, достигая минимальных величин в августе. В старшей возрастной когорте превышение зимней смертности над летней составляет 15%. Уточнены также гендерные особенности: в зимний период индекс сезонности выше для женской смертности; летом более высокие величины характерны для мужского населения.

В Биробиджане, как и в Хабаровске, максимум летальных исходов населения старшей возрастной когорты отмечается зимой в январе; летний минимум на 20–25 % ниже зимних значений [10]. Высокий риск развития сердечнососудистой смертности в старшей возрастной когорте характерен для зимнего периода с максимумами в январе и феврале, наименьшая летальность отмечена в июле и августе (рис. 1).

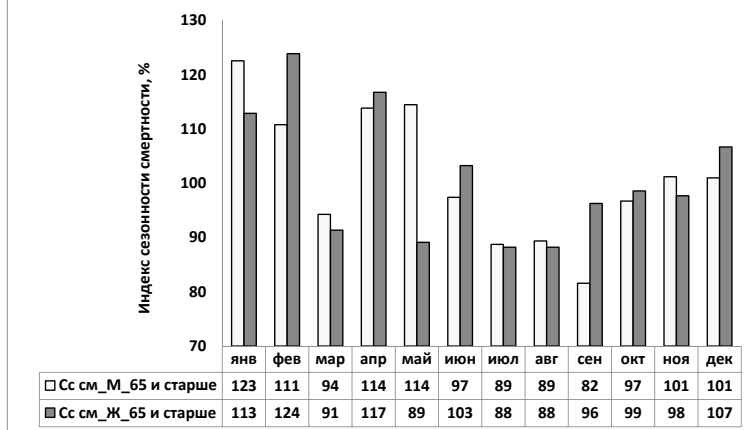

Рис. 1. Индекс сезонности мужской и женской смертности от

сердечно-сосудистых заболеваний для когорты от 65 лет и старше, г.
Биробиджан, %

Низкие значения индекса выявлены для марта; скорее всего, это объясняется так называемым «эффектом жатвы», когда избыточная смертность в некоторый временной отрезок компенсируется её уменьшением в последующий [2, 12]. Последующее повышение показателей в апреле и мае скорее всего связано с весенними межсезонными перестройками и ослаблением адаптационных механизмов организма [6, 7, 13]. Риск сердечно-сосудистой летальности в июне достаточно высок: возможно, здесь оказывают воздействие экстремальные повышения температуры в начале лета. Для мужчин характерно максимальное развитие сердечно-сосудистых катастроф в январе, апреле и мае, минимальное – в сентябре. Для женщин наиболее высокое развитие смертельных исходов сердечно-сосудистой заболеваемости выявлено зимой с максимумом в феврале; минимальные величины отмечены в июле и августе.

Ранее нами показано, что резкие межсуточные колебания температуры воздуха и атмосферного давления, содержания кислорода в воздухе в зимний и переходные периоды года оказывают дополнительную нагрузку на организм человека [6], приводя к росту инфекций дыхательных путей, проявлению рецидивов в течении хронических заболеваний, и в итоге – к увеличению числа кардиореспираторных заболеваний [14]. Лечение болезней сердечно-сосудистой системы традиционными медикаментозными способами и их профилактика у лиц старшего возраста методами умеренной физической активности позволит снизить риск заболеваемости и смертности и улучшить демографическую ситуацию в регионе и в стране в целом.

Выводы.

В Хабаровском крае и ЕАО наблюдается деформация возрастной структуры населения с увеличением доли лиц пожилого возраста. Выявлены высокая смертность мужчин, главным образом от болезней сердечнососудистой системы, и, как следствие, рост числа одиноких пожилых женщин. Сезонная динамика общей и кардиоваскулярной смертности лиц старшей возрастной группы характеризуется максимальными значениями зимой и минимальными в летний период; характерные для зимы погодные комплексы обуславливают патофизиологические обострения в организме человека, увеличивая показатели зимней смертности.

Благодарность. Исследование выполнено по теме НИР ИКАРП ДВО РАН (г. Биробиджан).

Литература

1. Annear M., Keeling S., Wilkinson T., Cushman G., Gidlow B., Hopkins H. Environmental influences on healthy and active ageing: A systematic review // *Ageing Society*. 2014. Vol. 34 (4). P. 590–622. <https://doi.org/10.1017/S0144686X1200116X>

2. Cheng J., Xu Z., Bambrick H., Su H. Heatwave and elderly mortality: An evaluation of death burden and health costs considering short-term mortality displacement // *Environ Int*. 2018. Vol. 115. P. 334–342. <https://doi.org/10.1016/j.envint.2018.03.041>

3. Grigorieva E.A., Sukhoveeva A.B. Elderly mortality and climate at the Russian Far East // *Regional Problems*. 2018. Vol. 3(1). P. 30–33. [https://doi.org/10.31433/1605-220X-2018-21-3\(1\)-30-33](https://doi.org/10.31433/1605-220X-2018-21-3(1)-30-33).

4. Rau R., Bohk-Ewald C., Muszyńska M., Vaupel J. Seasonality of Causes of Death. In: *Visualizing Mortality Dynamics in the Lexis Diagram // The Springer Series on Demographic Methods and Population Analysis*. 2018. Vol. 44. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-319-64820-0_9

5. Coccarelli A., Hasan H.M., Carson J., Parthimos D., Nithiarasu P. Influence of ageing on human body blood flow and heat transfer: A detailed computational modelling study // *Int J Numer Meth Biomed Engng*. 2018 P. e3120. <https://doi.org/10.1002/cnm.3120>

6. Григорьева Е.А., Кирьянцева Л.П. Кардиореспираторная патология, вызываемая сезонными изменениями погоды, и меры по её профилактике // *Информационный бюллетень «Здоровье населения и среда обитания»*. 2016. Т. 2. С. 7–10.

7. de Freitas C.R., Grigorieva E.A. Role of acclimatization in weather related human mortality during the transition seasons of autumn and spring in a thermally extreme mid-latitude continental climate // *Int J Environ Res Public Health*. 2015. Vol. 12(12). P. 14974–14987. <https://doi.org/10.3390/ijerph121214962>

8. Киселев С.Н. Демографические аспекты старения населения Дальневосточного федерального округа // *Дальневосточный медицинский журнал*. 2017. Т. 3. С. 75–80.

9. Суховева А.Б. Территориальная дифференциация показателей здоровья населения Дальневосточных регионов в условиях трансформации социально-экономической среды // *География и природные ресурсы*. 2013. Т. 3. С. 105–110.

10. Суховеева А.Б., Григорьева Е.А. Межгодовая и сезонная динамика показателей смертности населения в Еврейской автономной области и г. Биробиджане // Региональные проблемы. 2013. Т. 16, № 2. С. 131–136.

11. Суховеева А.Б. Современные тенденции смертности населения Еврейской автономной области // Региональные проблемы. 2017. Т. 20(2). С. 84–93.

12. Ревич Б.А., Шапошников Д.А. Изменения климата, волны жары и холода как факторы риска повышенной смертности населения в некоторых регионах России // Проблемы прогнозирования. 2012. Т. 2. С. 122–139.

13. Davis R.E., Enfield K.B. Respiratory hospital admissions and weather changes: a retrospective study in Charlottesville, Virginia, USA // *Int J Biometeorol.* 2018. Vol. 62(6). P. 1015–1025. <https://doi.org/10.1007/s00484-018-1503-9>

14. Donaldson G. Excess winter mortality: influenza or cold stress? Observational study // *BMJ.* 2002. Vol. 324. P. 89–90. <https://doi.org/10.1136/bmj.324.7329.89>

Сведения об авторах:

Григорьева Елена Анатольевна, ведущий научный сотрудник лаборатории региональных социально-экономических систем ИКАРП ДВО РАН, к.б.н., доцент, ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН (ИКАРП ДВО РАН), 679016 ЕАО, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4, тел. 8(42622) 41592, e-mail: eagrigor@yandex.ru

Суховеева Анна Борисовна, научный сотрудник лаборатории региональных социально-экономических систем ИКАРП ДВО РАН, к.г.н., ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН (ИКАРП ДВО РАН), 679016 ЕАО, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4, тел. 8(42622)20539, e-mail: anna-sulhoveeva@yandex.ru

Grigorieva Elena A., (Ph.D., Ecology), associate professor, Leading researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (ICARP FEB RAS), 679016 Russia Birobidzhan Sholom-Aleikhem St., 4 tel. +7 (42622) 41592, e-mail: eagrigor@yandex.ru

Sukhoveeva Anna B. (Ph.D., Social Geography), Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (ICARP FEB RAS), 679016 Russia Birobidzhan

Sholom-Aleikhem St., 4 tel. +7 (42622) 20539, e-mail: anna-sulhoveeva@yandex.ru

УДК 913.1 (314.74)

Гусаков Т.Ю.
Gusakov T.

ЭТНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ НА КРЫМСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ ПОСЛЕ 1991 ГОДА

ETHNIC ASPECT OF POPULATION MIGRATION IN THE CRIMEAN PENINSULA AFTER 1991

Численность и морфология населения Крыма определялись внешними миграциями. Миграции носили этнический и вынужденный характер. В современности значение внешних миграций ослабевает, но последствия последней этнической миграционной волны 1990-х гг. ощутимы. Статья определяет масштабы внешних миграций этносов и оценивает их значимость для региона. Выявлены два вектора миграций: возвращение репатриантов и эмиграция славян в места исторического расселения.

The size and morphology of the Crimean population was determined by external migrations. Migrations were ethnic and forced. In modern times, the importance of external migrations is weakening, but the consequences of the ethnic migration wave of the 90s are palpable. The article determines the scale of external migrations of ethnic groups and estimates their significance for the region. Two vectors of migration have been identified: the return of returnees and the emigration of Slavs to places of historical settlement.

Ключевые слова: география населения, миграции, этнос.

Keywords: human geography, migration, ethnic.

Миграции оказывали влияние на формирование и изменении этнической структуры населения Крымского полуострова. Движение тавров, скифов, готов, половцев и других народов способствовало созданию в регионе особой этнической группы коренного населения – крымских татар. После присоединения Крымского полуострова к Российской империи в 1783 г. началась новая фаза преобразований этнокультурного пространства. Желание российских властей закрепить регион за собой нашло традиционное решение, активно применявшееся в кампаниях по приращению сибирских территорий. Заселение земель русскими поселенцами и снижение влияния местного населения на

общественные процессы в Крыму стали основным вектором российской национальной политики. С начала XX века доля русских стала превышать крымских татар в общей численности населения Крыма.

В дальнейшем были предприняты радикальные меры путем депортаций отдельных народов в 1940-е гг. и активной кампании по переселению русского, украинского и белорусского населения на освободившуюся территорию. В конце 1980-х гг. сосланным народам было разрешено вернуться, что и положило начало конструирования современного крымского социума.

Исследованию современных миграционных процессов посвящена статья С.И. Абылкаликова и П.Е. Сушко [1]. При этом этнический аспект этих процессов отдельно не рассматривается, несмотря на его важность для постсоветского Крыма в вопросе снижения межэтнической напряженности. Для анализа миграций использованы материалы Укрстата. Определение численности этнических мигрантов проведено путем анализа статистики о естественном и миграционном движении населения Крымского полуострова.

Из-за слабости формирующейся украинской государственности в 1990-е гг. этносоциальная трансформация имела стихийный характер с минимальным участием власти. Попытки регионального правительства направить вектор репатриации депортированных народов в районы депопуляции имели эффект на начальном этапе. Позже административные рычаги были заменены неформальным институциональным влиянием.

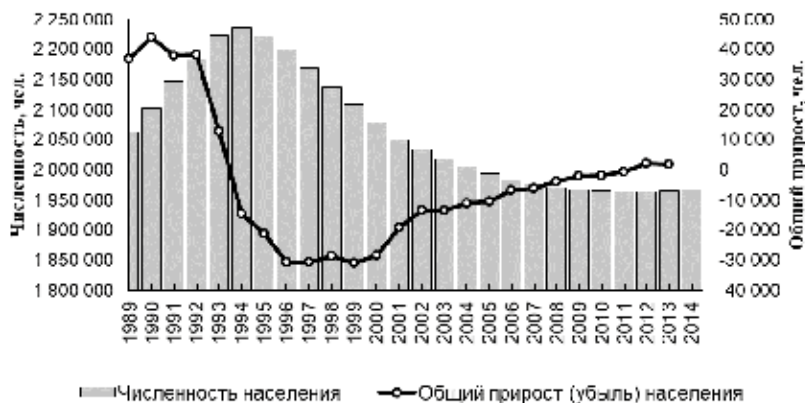

Рис. 1. Общий прирост населения Автономной Республики Крым [2].

Социально-экономическая трансформация Крыма после 1991 года была сопряжена с рядом трудностей, которые привели к снижению общей численности населения. К числу факторов, повлиявших на динамику народонаселения региона, относятся естественная и миграционная убыль населения 1990-х гг. Важное значение имели волны этнических миграций: вселение репатриантов и эмиграция славянского населения в 1990-е гг.

Репатриация депортированных народов. После принятия Декларации ВС СССР от 14.11.1989 г. *«О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав»* депортированным крымским народам было разрешено вернуться в районы выселения [3]. В конце 1980-х гг. началась стремительная репатриация, которая изначально была организована, но после распада СССР приняла стихийный характер.

Устремление основного потока репатриантов в сельскую местность в советский период было оправдано дефицитом трудовых ресурсов в коллективных хозяйствах, но в независимой Украине – привело к аграрному перенаселению и ухудшению условий жизни мигрантов (отсутствие дорог, электро-, водо-, газоснабжения, объектов социальной инфраструктуры и др.). Неорганизованность репатриации привела к нарушению гражданских прав, повышению уровня бедности мигрантов в районах вселения, росту межэтнической напряженности, распространению протестной активности, в том числе радикальной [4].

Основной этнической группой репатриантов являлись крымские татары. Их миграция по интенсивности имела три основных фазы:

- интенсивное переселение (1989-1991 гг.);
- вынужденное переселение, вызванное межэтническими конфликтами в республиках Средней Азии (Узбекистан, Таджикистан) (1992-1995 гг.);
- фаза медленного переселения родственников репатриантов предыдущих фаз (после 1995 г.).

В общей сложности на территорию полуострова в 1989-2013 гг. было переселено около 250 тыс. крымских татар (рис. 3). Доля других реабилитированных народов, вернувшихся в Крым, была незначительной (около 20 тыс. армян, немцев, болгар, греков и цыган) [3].

Эмиграция славянского населения. Переселенческое движение, распространившееся в Крыму после Второй мировой войны, способствовало формированию значительных этнических сообществ

русских и украинцев, закреплению их доминирования в обществе. Если в довоенный период русские преобладали в городской местности, то после череды депортаций 1940-х гг. они заняли главенствующее положение в селе тоже. Аккумуляция населения в сельской местности была необходимостью для функционирования агропромышленного комплекса в условиях плановой экономики. После отказа от этой модели и стагнации аграрного сектора усилился отток сельского населения.

Разрушение системы коллективных хозяйств, стремительный рост безработицы и маргинализация сельского общества способствовали вымыванию из села квалифицированных кадров. Также на ускорение депопуляции влиял рост социальной и межэтнической напряженности. Незакрепленность переселенцев (уроженцев моноэтнических регионов), неспособность адаптации к новым социально-экономическим условиям, отмежевание крымского общества от украинского и российского социокультурного развития привело к миграции русского и украинского населения в районы традиционного расселения.

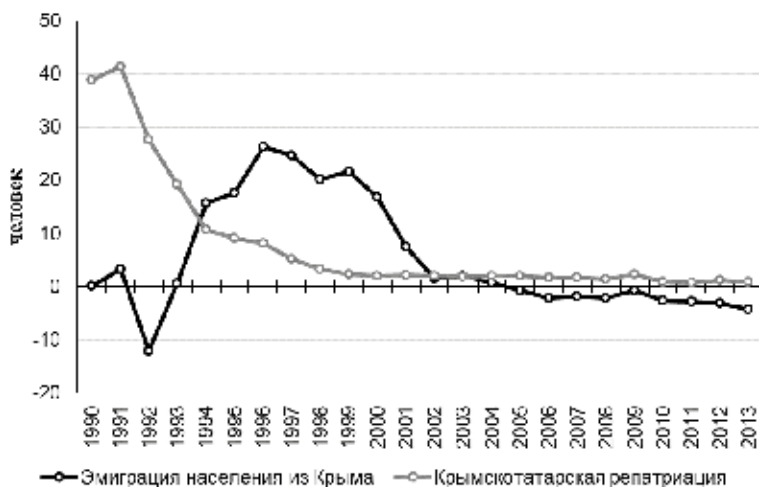

Рис. 2. Миграции населения Крымского полуострова [2, 5].

Ещё одной отчасти этнической волной мигрантов 1990-х гг. можно считать отток жителей военных городков, которые базировались на территории Крыма в советский период и после раздела военной группировки между Россией и Украиной переселялись на территорию первой.

Масштабы славянской эмиграции 1990-х гг. оценить сложно, поскольку ее компенсировал мощный поток репатриантов, поэтому эмиграция практически не отразилась на численности населения. Уменьшилась численность украинской диаспоры, но в этом случае влияли и ассимиляционные процессы со стороны русского населения. Объем славянской эмиграции из Крыма составил около 100 тыс. человек (рис. 2).

Районами выхода славян выступали отдаленные от центров (городов, поселков городского типа) и транспортных путей аграрные районы степной зоны, а также города со стагнирующими промышленными предприятиями и расформированными военными объектами. Происходил стихийный процесс замещения славянского населения крымскотатарскими репатриантами (рис. 3).

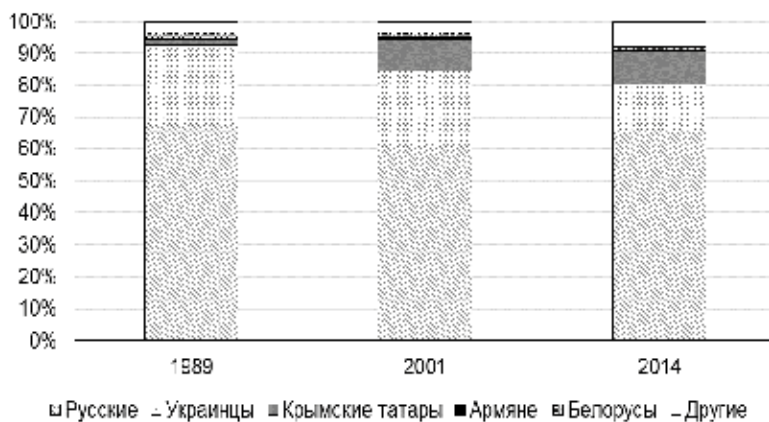

Рис. 3. Этническая структура Крымского полуострова по материалам переписей населения [6].

В современный период внешние миграции перестали существенно влиять на динамику численности населения. Коррелируя с ростом благосостояния населения и сокращением агропроизводства в подсобных хозяйствах, возрастает значимость внутреннего «неэтнического» движения населения (сельская депопуляция периферийных районов, трудовые маятниковые миграции и пр.).

Миграции 1990-х гг. носили вынужденный характер. Приток репатриантов был обусловлен выдвиганием *спецпоселенцев* из республик выхода межэтническими конфликтами и повышением

уровня бедности. Славянское население мигрировало из-за социально-экономической дестабилизации Крыма и повышения межэтнического напряжения в связи с притоком репатриантов.

Вместе с социально-экономическим кризисом отток славянского населения способствовал нарастанию периферийности не только отдельных районов, но и всего полуострова. Аккумуляция большой крымскотатарской диаспоры в селе в значительной степени оформило периферийность степных районов. Формирование крымского социума в условиях социально-экономических потрясений 1990-х гг. снизило значение этничности в подвижности населения. Этнические группы, проживающие на полуострове, все больше поддаются общим миграционным трендам, игнорируя национальную специфику хозяйствования и внутриэтнических общественных отношений.

Литература

1. Абылкаликов С.И., Сушко П.Е. Роль миграции в формировании населения Крыма // Региональные исследования. 2017. № 2 (56). С. 55–62.
2. Населення України // Державна служба статистики України. URL: <http://database.ukrcensus.gov.ua/> (дата обращения: 27.10.2019).
3. Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма: Документы, факты, комментарии. М.: ИСАН, 2002., 237 с.
4. Чернецов К.А. Крым бандитский: Крымская братва в борьбе за сферы влияния. М.: Центрполиграф, 1998., 378 с.
5. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крымском федеральном округе. Экспертный доклад 2015 г. Симферополь: Антиква, 2016. С. 39.
6. Итоги переписи населения в Крымском федеральном округе // Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2015. С. 108–109.

Сведения об авторе:

Гусаков Тимур Юрьевич, младший научный сотрудник Центра аграрных исследований РАНХиГС при Президента РФ, аспирант Географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, gusakov.timur@mail.ru, +79998398366.

Даньшин А.И.
Danshin A.I.

**ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЛОКАЛЬНЫХ СИСТЕМ
СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (НА ПРИМЕРЕ ВОСТОЧНЫХ
РЕГИОНОВ РОССИИ)**

**FACTORS OF THE FORMATION OF LOCAL
AGRICULTURAL SYSTEMS (AS AN EXAMPLE OF THE ASIAN
PART OF RUSSIA)**

В работе рассматриваются проблемы формирования локальных систем сельского хозяйства, обусловленных своеобразием агроклиматического и почвенного потенциала территории, а также необходимостью увеличения производства продуктов питания в сложившихся условиях дисперсной системы расселения. Выделяются проблемы, характерные для Азиатской части России. Анализируются факторы, связанные с формированием локальных аграрных систем.

The paper considers the problems of the formation of local agricultural systems. These systems are determined by the peculiarity of the agroclimatic and soil potential of the territory, as well as by the need to increase food production in the prevailing conditions of a dispersed settlement system. The problems characteristic of the Asian part of Russia are highlighted. The factors associated with the formation of local agrarian systems are analyzed.

Ключевые слова: Сельское хозяйство, сельская местность, территориальные системы сельского хозяйства, локальные аграрные системы.

Keywords: agriculture, rural areas, territorial systems of agriculture, local agrarian systems.

Развитие сельскохозяйственного производства в процессе становления рыночных отношений проходит на больших пространствах России по-разному. Это приводит к трансформации отрасли как в организационно-экономическом, отраслевом, так и в территориальном аспектах.

Локальные формы территориальной организации сельского хозяйства, являющиеся частью территориальных систем сельского хозяйства (ТССХ), как правило, требуют формирования новых тенденций в развитии (деградации) сельской местности, а также транспортно-коммуникационной инфраструктуры.

Локальные системы сельского хозяйства имеют значительную дифференциацию именно в восточных частях страны в связи с увеличением числа факторов, влияющих на их формирование и с усложнением взаимодействия этих факторов.

Для восточных районов усложнение факторов связывается еще и с тем, что локальные системы сельского хозяйства, как ТССХ, являются важнейшим элементом, определяющим систему сельской местности именно в границах (ареалах), позволяющих вести сельскохозяйственное производство.

В настоящее время в общественных науках две подсистемы территориальной организации общества (ТССХ и сельская местность) рассматриваются отдельно даже иногда представителями одной науки: системы сельского хозяйства, как правило, являются объектом исследования экономистов, территориальные системы – экономико-географов [1, 2], а сельская местность – социологов или социо-географов [3, 4, 5]. Такая позиция усложняет оценку синергетических эффектов их взаимодействия, определение аспектов взаимовлияния и взаимообусловленность современного развития. К тому же, нет соответствующих подходов к формализации критериев формирования и развития ТССХ при взаимодействии с сельской местностью, отсутствуют и критерии (количественные и качественные) оценки новых ТССХ. Возможность изучения сельского хозяйства определяется рассмотрением факторов, влияющих на него.

Для восточных районов агроклиматические и почвенные условия становятся базовыми элементами развития отрасли при наличии обширных пространств южных частей этого огромного региона. Именно здесь потенциально возможно создание ТССХ как определяющих элементов экономики, способных обеспечить значительное производство сельскохозяйственной продукции и для внутрисоссийского потребления, и для экспорта. Хотя, как утверждает Л.А. Безруков [6,7], при любых условиях производства континентальность (в данном случае в виде доступности) по многим позициям обостряет проблему преодоления пространства, что значительно повышает полную себестоимость продукции, в свою очередь препятствуя созданию соответствующих условий для деятельности сельскохозяйственных организаций. Развитие транспортной инфраструктуры в новых направлениях закладывает дополнительный потенциал для взаимодействия западных и восточных частей РФ и в возможности экспорта сельскохозяйственной продукции в соседние страны, особенно в Китай [8]. Многие условия препятствуют входу в восточные регионы крупных вертикально-

интегрированных структур, что приводит к существенному повышению роли локального сельского хозяйства (чаще всего в виде фермерских хозяйств или подсобных хозяйств населения).

Локальные системы сельского хозяйства испытывают меньшие проблемы в связи с тем, что формируются чаще на основе другого принципа, а именно внутренних потребительских факторов. Природный фактор при получении продукции становится менее значимым за счет компенсационных усилий по преодолению недостатка значений показателей света, тепла, влагосодержания, которые в свою очередь повышают себестоимость производства. В данном случае сложившаяся система расселения диктует формирование определенных локальных систем сельского хозяйства, одновременно являясь продуцентом и консументом продукции. При этом значительное влияние оказывает и транспортная доступность в виде необходимости/возможности подвоза продуктов питания в удаленные населённые пункты территории. В некоторых случаях невозможность купить (и отсутствие денег, и отсутствие продуктов) заставляет население в условиях повышенных природных рисков вести сельскохозяйственную производство.

На многих территориях из-за ухудшения экономической ситуации личные подсобные хозяйства превратились из вспомогательного источника существования в преобладающий источник для производства сельскохозяйственной продукции [9], в некоторых случаях даже жестче – единственным способом выживания в современных условиях [10].

Существенная помощь государства в виде субсидий на производство сельскохозяйственной продукции, как правило оседает в крупных сельскохозяйственных организациях. С 2020 г. все субсидии будут разделены на 2 части: компенсирующую и стимулирующую. Стимулирующие субсидии помимо производства зерновых или масличных культур, овощей открытого грунта, молока, производства крупного рогатого скота мясного направления, развития виноградных, плодово-ягодных насаждений предполагают отчисления еще и на развитие малых форм хозяйствования. В целом стимулирующая субсидия восточных районов – это 7% общей стимулирующей субсидии в стране. Малые формы хозяйствования на востоке – приоритетное направление развития сельского хозяйства. При этом, доля сельского населения восточных районов – почти 10%. На одного сельского жителя в восточных районах приходится по 554 рубля, а в западных по 745, хотя условиях развития сельского хозяйства, естественно в восточных районах гораздо сложнее.

Физическая доступность продовольствия в восточных районах за последние годы снизилась, следовательно, социальный фактор развития локальных форм сельского хозяйства должен учитываться в возможном субсидировании. При этом участники процесса (производители необходимого для локальных мест продовольствия) должны получать дополнительный стимул для производства в виде субсидий, компенсирующих разницу в цене произведенной продукции по отношению к привезенной.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГО-РФФИ «Социально-экономическая эффективность развития транспортно-коммуникационной инфраструктуры Сибири и Дальнего Востока»

Литература

1. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования. 2001, № 6. – С. 100-110.
2. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье: географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 408 с.
3. Калугина З.И. Сельское предпринимательство в современной России: мимикрия старых и становление новых форм // ЭКО. – 2016, № 6. – С. 78-98.
4. Куракин А.А., Никулин А.М., Троцук И.В. Локальные и региональные модели развития сельской местности. – Москва, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» 2013., 95 с. [электронный ресурс]. – <ftp://ftp.repec.org/opt/ReDIF/RePEc/rnp/wpaper/2-68.pdf> (дата обращения 14.09.2017).
5. Нефедова Т.Г. Сельское Ставрополье глазами московского географа. Разнообразие районов на юге России. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2012. 81 с.
6. Безруков Л.А. Роль континентально-океанической дихотомии в территориальной дифференциации цен и доходов // География и природные ресурсы 2008. — № 4. — С. 24-34.
7. Безруков Л.А. Экономико-географическое макроположение Сибири и проблема эффективности ее хозяйства // География и природ. ресурсы. — 2007. — № 3. — С. 149–158.

8. Даньшин А.И. Экспортный потенциал агропромышленного комплекса Сибири и Дальнего Востока России // Вестник Московского университета. Серия 5: География. – 2018. – № 4. – С. 101–108.

9. Садыков Р.М. Личное подсобное хозяйство в обеспечении продовольственной безопасности региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2016, №1. – С. 134-143

10. Сухомиров Г.И. Условия и тенденции развития сельского хозяйства Дальневосточного федерального округа // Пространственная экономика. – 2011. – №. 1. – С. 81-92

Сведения об авторе:

Даньшин Александр Иванович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, alivda@yandex.ru тел. +79104691260.

УДК 911.373

Житин Д.В., Чистяков К.В., Шендрик А.В.
Zhitin D.V., Chistyakov K.V., Shendrik A.V.

ВЛИЯНИЕ ПРИРОДНЫХ И СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ИЗМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ СЕЛЬСКОГО РАССЕЛЕНИЯ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

INFLUENCE OF NATURAL AND SOCIO-ECONOMIC FACTORS ON THE CHANGE OF THE RURAL DISTRIBUTION SYSTEM OF THE KRASNOYARSK REGION

Трансформация систем сельского расселения в регионах России имеет значительные пространственные различия. На примере Красноярского края рассматривается влияние социально-экономических и природных характеристик на динамику численности сельского населения в период 1989-2010 гг. Проводится анализ зависимости скорости депопуляции сельских населенных пунктов от ряда природно-географических и историко-демографических факторов.

Transformation of rural settlement systems in the regions of Russia has significant spatial differences. The example of the Krasnoyarsk region examines the influence of socio-economic and natural characteristics on the dynamics of the rural population in the period of 1989-2010. Authors analyze

the dependence of depopulation rate of rural settlements on a number of natural-geographical and historical-demographic factors.

Ключевые слова: сельские населенные пункты, людность, динамика численности, ландшафт, транспортная доступность, Красноярский край.

Key words: rural settlements, population, population dynamics, landscape, transport accessibility, Krasnoyarsk region.

Вторая половина XX в. в России ознаменовалась интенсивными процессами урбанизации и сокращением численности сельского населения в большинстве регионов страны. Тенденция депопуляции продолжилась и в постсоветский период.

На внутрирегиональном уровне динамика численности сельского населения варьирует в широком диапазоне. На примере Красноярского края, представляющего в природном и социально-демографическом отношении уменьшенную копию Российской Федерации, рассмотрим, какие факторы влияют на устойчивость сельских систем расселения и темпы депопуляции.

Сокращение численности сельского населения Красноярского края начинается со второй половины 1950-х. За период с 1959 по 1988 г. количество сельских жителей в регионе снизилось более чем на $\frac{1}{4}$, а с 1989 по 2019 г. еще на 21,4%. Сегодня численность сельского населения края составляет 644,6 тыс. чел.

Рассматривая сокращение численности сельского населения в постсоветский период, следует отметить значительные пространственные различия. Наибольшая депопуляция наблюдается на Красноярском Севере (Таймыр, Эвенкия, Туруханский р-н) и в Приангарье. За период 1989-2019 гг. количество сельских жителей здесь сократилось почти в два раза. В меньшей степени – в Восточном субрегионе края (на $\frac{1}{3}$). В Западном и Южном субрегионах депопуляция имела значительно меньшие масштабы – соответственно -26% и -18,4%. В Центральном субрегионе – в непосредственной близости от Красноярска – за 1989-2019 численность селян почти не изменилась.

Если же взглянуть на динамику численности сельского населения на уровне муниципальных районов, то пространственные закономерности не так очевидны. В этой связи, представляется актуальным рассмотреть в какой мере те или иные причины влияют на скорость депопуляции сельских населенных пунктов (СНП). После предварительного анализа были выбраны следующие природно-географические и историко-демографические факторы:

1) транспортная доступность СНП до районного/субрегионального центра; 2) людность СНП; 3) возраст СНП; 4) тип ландшафта, в котором расположен СНП.

Для анализа динамики численности населения выбран интервал между переписями населения 1989 и 2010 г. По данным переписи 2010 года на территории края располагалось 1700 сельских населенных пунктов различной людности. По различным объективным причинам 91 СНП были исключены из рассмотрения. В оставшихся 1609 проживает 95% сельского населения региона.

Расстояние до районного/субрегионального центра.

В ряде исследований отмечаются центрo-периферийные тенденции в развитии сельской местности [1-4]. Существует представление о том, что по мере удаления от районоорганизующих центров регионального и локального уровней скорость депопуляции в сельской местности увеличивается. Предполагается, что недоступность базовых социальных услуг, мест досуга, отдыха и приложения труда, является главной причиной миграционного оттока из сельской местности.

Для Красноярского края была рассмотрена динамика численности жителей СНП в зависимости от удаленности от 6 субрегиональных и 41 районного центра по автодорожной сети.

Для оценки взаимосвязи показателей был проведен корреляционный анализ. По всей совокупности СНП региона коэффициент корреляции Пирсона составил -0,092. По субрегионам значение варьировало от -0,339 (Центр) до 0,166 (Западное Приангарье). Только в 6 из 41 муниципальных районов наблюдалась некоторая зависимость скорости депопуляции от расстояния до районного центра (коэф. от 0,5 до 0,8).

Людность сельских населенных пунктов

Если рассматривать динамику групп СНП края по людности в период 1989-2010, то может показаться, что тезис о возрастании скорости депопуляции с уменьшением людности населенных пунктов находит подтверждение. Так, доля СНП с людностью менее 100 чел. в рассматриваемый период увеличилась в регионе с 21,4 до 32,5%. Но, в то же время, удельный вес крупных сельских населенных пунктов (более 1000 чел.) снизился с 11,2 до 8,6%. И это при том, что в разряд крупных СНП в этот период было переведено семь поселков городского типа.

Проведенный анализ показал, что зависимость между людностью и динамикой численности очень слабая. Коэффициент корреляции

Пирсона в целом по региону составил 0,010, варьируя по субрегионам от -0,064 (Север) до 0,161 (Западное Приангарье). (Табл. 1).

Таблица 1

Корреляционная зависимость динамики численности сельского населения Красноярского края от людности сельских населенных пунктов (СНП) и их транспортной доступности до субрегионального/районного центра

Субрегион Красноярского края (количество муниципальных районов)	Кол-во СНП	Коэффициент корреляции Пирсона			
		Динамика численности СНП / людность СНП		Динамика численности СНП / транспортная доступность до субрегионального / районного центра	
		в целом по субрегиону	по районам субрегиона	до центра субрегиона	до районного центра
Центральный (5)	195	0,044	от -0,087 до 0,319	-0,339	от -0,800 до -0,045
Западный (11)	437	0,014	от -0,095 до 0,381	-0,151	от -0,642 до 0,141
Восточный (11)	471	0,049	от -0,056 до 0,610	-0,128	от -0,589 до 0,277
Южный (7)	228	-0,029	от -0,074 до 0,100	-0,150	от -0,500 до 0,352
Западное Приангарье (5)	158	0,161	от 0,053 до 0,315	0,166	от -0,283 до 0,243
Восточное Приангарье (2)	48	0,031	от -0,189 до 0,243	0,040	от -0,771 до -0,060
Северный (3)	72	-0,064	xxx	xxx	от -0,082 до -0,014
Красноярский край	1609	0,010			-0,092

На районном уровне корреляция между плотностью и темпами депопуляции изменяется в более широком диапазоне – от -0,189 (Кежемский р-н) до 0,381 (Бирилюсский р-н), но это также не позволяет говорить о наличии зависимости (только в одном районе Красноярского края – Уярском – коэффициент корреляции выходит за границы указанного диапазона и составляет 0,610).

Период основания.

Из 1700 существующих в настоящее время на территории края СНП удалось установить время основания для 519. Они были разделены на 5 групп по периодам возникновения. В первую группу вошло 48 сел и деревень, возникших в начальный период освоения края – в XVII в. Ко второй группе относятся деревни и села, возникшие в XVIII в., когда пушной промысел как главный вид занятий русских переселенцев сменился хлебопашеством. Это 84 СНП основанных в лесостепной части региона, преимущественно в Минусинском, Назаровском, Сухобузимском и Канском районах. Села и деревни, возникшие с 1800 по 1880, отнесены к третьей группе. Большинство из 82 СНП, возникших в это время, расположено в Минусинской котловине и в Назаровском районе. На конец XIX - начало XX в. – период проведения активной переселенческой политики – приходится 174 СНП. К пятой группе относятся 131 СНП, возникшие в советский период (1918-1991). Для них характерно наиболее равномерное размещение по территории.

Сопоставление динамики численности СНП и времени их основания позволило выявить определенные закономерности. Так, если в среднем по рассматриваемым СНП численность населения за 1989-2010 сократилась на 22%, то для основанных в XVIII в. - на 14,3%. При этом, для СНП возникших в наиболее ранний период освоения региона (XVII в.) характерны, как наибольшая плотность (в среднем, 1562 чел.) так и максимальные темпы сокращения численности населения (-29,2%). Высокая скорость депопуляции (-27 % за 1989-2010) присуща и СНП, основанным в советский период. (Табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности сельских населенных пунктов (СНП)
Красноярского края по времени их основания

Период основания	Количество СНП	Средняя плотность (2010), чел.	Динамика численности населения в 1989-2010 гг. (1989=100)
XVII век	48	1 568	70,8
XVIII век	84	1 145	85,7

1801 – 1880	82	726	83,7
1881 – 1917	174	373	78,3
1918 – 1991	131	449	73,0
Всего	519	683	78,3

Ландшафт.

На территории Красноярского края имеется несколько природных зон, которые в сочетании с разнообразными формами рельефа и литогенной основой образуют различные виды ландшафтов. В соответствии с систематикой, разработанной сотрудниками НИИ Географии ЛГУ [5], в пределах Красноярского края было выделено 110 вариаций ландшафтов, относящихся к 14 зональным типам. Больше всего СНП расположено в ландшафтах возвышенных равнин, относящихся к *западносибирским лесостепным*, а также к *восточносибирским южнотаежным и подтаежным* и *западносибирским подтаежным* типам.

Для оценки возможной зависимости динамики численности населения СНП Красноярского края от типа ландшафта были рассмотрены все вариации ландшафтов с количеством СНП более 40. Выделено 12 типов ландшафтов, охватывающих 78% СНП региона. Все они относятся к лесостепной или южнотаежной (и подтаежной) зонам (Табл. 3).

Во всех рассматриваемых ландшафтах численность сельского населения в период 1989-2010 сократилась, но скорость депопуляции была различной. Наименьшее сокращение численности характерно для лесостепных ландшафтов – от 6 до 21%. Среди ландшафтов бореальной зоны наиболее устойчивыми оказались СНП, расположенные на *эрозионных лёссовых и пластовых отложениях возвышенных равнин западносибирского подтаежного* типа. В СНП, находящихся на *низменных платформенных равнинах южнотаежной зоны восточносибирского и западносибирского* типа, сокращение численности населения составило -31-39%. В ландшафтах с лучшей динамикой численности СНП имеют наибольшую людность. (Табл. 3).

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что динамика численности населения сельских населенных пунктов не связана с их людностью и удаленностью от районообразующих центров, а имеет иные причины. В то же время, существует зависимость между возрастом СНП и темпами их депопуляции. Также, большое значение для демографической устойчивости СНП имеет их расположение в пределах определенных ландшафтов.

Таблица 3

Типы ландшафтов Красноярского края

		Ландшафты					Кол-во СНП	Численность населения, 2010, тыс. чел	Средняя плотность, чел (2010)	Динамика численности 1989-2010 (1989=100)
Зональная группа	Зонально-секторный тип	Высотный ярус	Видовые группы	Код						
Бореальные	Западносибирский южнотаежный	низменные	Древнеаллювиальные, озерно-аллювиальные и озерно-глинистые и суглинистые	III.5.A.03	73	15,3	210	61,2		
		возвышенные	Эрозионные пластовые на кайнозойских или мезозойских песчано-глинистых отложениях	III.5.B.22	62	17,3	279	62,4		
	Восточносибирский южнотаежный и подтаежный	низменные	Древнеаллювиальные, озерно-аллювиальные и озерно-глинистые и суглинистые	III.6.A.03	66	18,9	286	68,6		
		возвышенные	Эрозионные лессовые	III.6.B.20	49	22,5	450	79,2		
Западносибирский подтаежный	Западносибирский подтаежный	возвышенные	Эрозионные пластовые на кайнозойских или мезозойских песчано-глинистых отложениях	III.6.B.22	64	15,8	247	63,7		
		возвышенные	Эрозионные лессовые	III.7.B.20	95	30,0	316	76,3		
Суббореальные северные	Западносибирский лесостепной	возвышенные	Эрозионные пластовые на кайнозойских или мезозойских песчано-глинистых отложениях	III.7.B.22	60	19,8	330	72,7		
		возвышенные	Эрозионные лессовые	IV.1.B.20	172	70,2	408	78,7		
		возвышенные	Эрозионные пластовые на кайнозойских или мезозойских песчано-глинистых отложениях	IV.1.B.22	184	77,9	423	93,7		

Благодарность. Публикация подготовлена при финансовой поддержке Всероссийской общественной организации «Русское географическое общество» (проект №19/2019/РГО-РФФИ; номер в КИАС РФФИ 17-05-41148)»

Литература

1. Грицай О.В., Иоффе Г.В. Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991., 167 с.
2. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Центр и периферия в сельском хозяйстве российских регионов // Проблемы прогнозирования, №6, 2001, с.100-110.
3. Нефедова Т.Г. Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М.: ЛЕНАНД, 2017., 456 с.
4. Нефедова Т.Г. Основные тенденции изменения сельского пространства России // Известия РАН, серия геогр. №3, 2012, с.7-23.
5. Исаченко А.Г., Шляпников А.А. и др. Ландшафтная карта СССР. – Л., 1988.

Сведения об авторах

Житин Дмитрий Викторович, к.г.н., доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ), +7921566 85 76, d.zhitin@spbu.ru

Чистяков Кирилл Валентинович, д.г.н, доцент, профессор кафедры физической географии и ландшафтного планирования Института наук о Земле СПбГУ, +7 911 218 04 99, k.chistyakov@spbu.ru

Шендрик Александр Владимирович, ассистент кафедры экономической и социальной географии Института наук о Земле СПбГУ, +7 921 397 41 59, a.shendrik@spbu.ru

УДК: 911

Заборцева Т.И.

Zabortceva T.I.

МОНИТОРИНГ ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

MONITORING ECOLOGICAL AND ECONOMIC COOPERATION OF NORTH-EAST ASIA COUNTRIES

Современный этап эколого-экономической интеграции стран Северо-Восточной Азии (СВА) с учетом российской политики

поворота на восток обеспечивает относительно широкий спектр предложений в хозяйственной и природосберегающей деятельности. При этом Россия пока выступает преимущественно как поставщик продукции топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Экологическое сотрудничество СВА институционализировано соглашениями ряда крупных международных и региональных организаций, среди которых масштабными проектами выделяется Субрегиональная программа экологического сотрудничества Северо-Восточной Азии (NEASPEC).

The current stage of ecological and economic integration of the countries of North-East Asia (NEA), taking into account the Russian policy of turning eastward, provides a relatively wide range of proposals in economic and environmental conservation activities. At the same time, Russia still acts primarily as a supplier of fuel and energy complex products. Ecological cooperation NEA has been institutionalized by a number of large international and regional organizations, among which the North-East Asia Subregional Program of Environmental Cooperation (NEASPEC) stands out as a large-scale project.

Ключевые слова: страны Северо-Восточной Азии, форматы сотрудничества, города с низкоуглеродной экономикой.

Keywords: North-East Asian countries, cooperation formats, Low carbon City.

Новый провозглашенный вектор восточной политики России способствует укреплению взаимоотношений с ведущими странами АТР, в том числе и Северо-Восточной Азии (СВА). «Пространство возможностей» будущих тесных интеграционных процессов всесторонне представлено в тематическом сборнике «Вопросы географии» [1]. Рассматриваем территорию региона СВА в составе шести государств: Россия, Китай, Монголия, Япония, КНДР и Южная Корея, то есть в рамках NEASPEC. Экономическое сотрудничество стран Северо-Восточной (настоящее и будущее) всесторонне исследуется академическими институтами, университетами, отдельными научными центрами (табл. 1, приведены ведущие, исключая известные отечественные организации).

Таблица 1

Исследования в сфере экономического сотрудничества стран СВА
(на основе материалов ИЭИ ДВО РАН*)

Государство	Институты, ВУЗы, центры
Республика Корея	Институт исследований Восток-Запад Университета Енсей, г.Сеул

	<p>Корейский институт экономики энергетики, г.Сеул Институт зарубежных исследований Экспортно-импортного банка Республики Корея, г.Сеул Корейский Институт международной экономической политики, г.Сеул Корейский Институт транспорта, г.Сеул Университет провинции Кенсан-намдо Университет провинции Канвон-до Научно-исследовательский центр регионоведения при Национальном университете Гуен Санг</p>
КНР	<p>Академия общественных наук провинции Хейлунцзян, г.Харбин Институт России АОН провинции Хейлунцзян, г.Харбин Ассоциация общественных наук провинции Цзилинь, г.Чаньчунь Институт развития Европы и Азии Центра развития при Госсовете КНР, г.Пекин Шанхайский Институт международных исследований</p>
Япония	<p>Институт экономических исследований стран Северо-Восточной Азии (ERINA), г.Ниигата Институт экономических исследований Японской ассоциации торговли с Россией и новыми независимыми государствами (РОТОБО), г.Токио. Японская организация внешней торговли (JETRO), г.Токио. Центр исследований Дальнего Востока Университета Тояма. Центр исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку Университет Хоккайдо, г.Саппоро Осацкий университет экономики и права. Институт гуманитарных и природоохранных исследований, г.Киото</p>
Монголия	<p>Монгольский исследовательский центр развития, г. Улан-Батор</p>

Источник:

http://www.ecriin.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=14&catid=5&Itemid=17

Моноспециализация России в территориальном разделении труда СВА – энергоресурсы. Лесная Сибирь пока не может стать в рыночном пространстве крупным торговым партнером переработанной древесины в СВА (тема отдельной статьи). При этом, несмотря на то, что реализуются такие проекты, как нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан», газопровод «Сила Сибири», нефтехимический комплекс в Приморском крае, Амурский газоперерабатывающий завод и ряд других, существенного изменения доли российских энергоресурсов на рынке стран СВА и стран АТР в целом не ожидается.

Как возможный вариант – усиление конкурентных позиций за счет поставок на рынок продуктов более высокой степени переработки. Но стимулирование экономического роста Восточной Сибири, Дальнего Востока через объекты топливно-энергетического комплекса (в том числе электроэнергетики Богучанской ГЭС и ряда других) будет носить весьма ограниченный характер, поскольку крупные предприятия указанного комплекса не являются региональными резидентами (результаты их деятельности будут перераспределяться за пределами азиатской части России). К тому же, что в настоящее время Россия не стремится активизировать многосторонние форматы сотрудничества СВА, равно как и ряд ведущих государств указанного региона. Причина – в историко-политическом характере сложившихся взаимоотношений [1, 2, 3].

Относительно экологического взаимодействия в исследуемом регионе – можно констатировать период ренессанса. Несмотря на разные императивы и цели экологического сотрудничества, сотрудничество активно развивается, поскольку сформирован политический и правовой механизмы деятельности. Так, в регионе функционирует около 10 крупных экологических организаций, на относительно согласованной нормативно-правовой базе, регулярной основе, благодаря деятельности которых и достигаются реальные результаты. Среди них известные NEASPEC, а также ТЕММ (Трёхсторонний саммит министров экологии Китая, Японии и Южной Кореи), AUSEM (Саммит министров экологии Азии и Европы), MCED (Министерская конференция по экологии и развитию в АТР), ANEARG (Ассоциация региональных администраций стран СВА) и другие [4]. Одна из «старейших» по времени и масштабным проектам – NEASPEC (1993 г.), создана в формате комплексной межправительственной рамочной программы сотрудничества в решении проблем окружающей среды (по итогам Конференции ООН в Рио-де-Жанейро, 1992 г.). Цель: содействие расширению сотрудничества в природоохранной области в субрегионе (Субрегиональное отделение для Восточной и Северо-Восточной Азии Экономической и социальной комиссии для Азии и Тихого океана – ЭСКАТО, центр в Инчхоне, Республика Корея). Более чем за 25-летний период ее деятельности проведено 23 отчетных международных совещания, последнее из которых состоялось в октябре 2019 г. в Улан-Баторе (Монголия, автор участвовал в качестве приглашенного члена совместно с коллегами БИП СО РАН). В пяти главных программных областях NEASPEC: «Трансграничное загрязнение воздуха», «Охрана природы», «Морские охраняемые районы» «Город с низким уровнем выбросов углерода»,

«Опустынивание и деградация земель» наблюдается взаимодействие с соответствующими национальными, субрегиональными, региональными учреждениями и организациями. Весьма высокую оценку получили реальные результаты трех новых проектов NEASPEC, финансируемых Российской Федерацией по мониторингу «больших кошек», в том числе уссурийского тигра, снежного барса. Список модельных городов с низким уровнем выбросов углерода («Low carbon City») пополнили новые города, в том числе предложенные правительством Монголии (Цэцэрлэг – административный центр аймака Арханлай и Чингиз – административный центр аймака Хэнтэй) и академическим сообществом России (Улан-Удэ и Иркутск). Обоснованием включения последнего послужили авторские наработки по экологической безопасности Иркутска [5] серия эколого-экономических карт [6], часть которых выполняется для нового атласа по Байкальскому региону.

Новый стратегический план NEASPEC (2021–2025 гг.) разрабатывается с учетом меняющейся глобальной эколого-экономической ситуации в течение текущего года. В международных докладах ООН по стратегическому развитию мирового хозяйства в качестве главного сценария рассматривается вариант трансформации экономики к 2050 г. в низкоуглеродную, ресурсоэффективную. Показатели ежегодного инвестирования оцениваются в 1,3 трлн долл. (до 2 % мирового ВВП относительно 2010 г.). в десять ключевых секторов (сельское хозяйство, лесное хозяйство, водное хозяйство, рыболовство, жилищно-коммунальное хозяйство, энергетика, промышленность, туризм, транспорт, утилизация и переработка отходов) [7, 8]. Потенциал сотрудничества стран СВА в указанных областях деятельности трудно переоценить.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке проекта конкурса РФФИ № 17-29-0543 офи_м

Литература

1. Россия в формирующейся большой Евразии. Вопросы географии. Сб. 148 / Под ред. В.М. Котлякова, В.А. Шупера. М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. 376 с.
2. Хузиятов Т.Д. Международная конференция по экономическому развитию Северо-Восточной Азии (2018 NICE in Niigata) // Пространственная Экономика. 2018. № 1. С. 183—187.

3. Исаев А.Г. XII совместный семинар КИЕР – ИЭИ ДВО РАН // Пространственная Экономика. 2017. №1. С. 180-187.

4. Кондратенко Г. В. Экологическая дипломатия стран Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2016. № 2 (30). С. 47-64.

5. Экологическая безопасность города Иркутска: географические аспекты / под ред. Т.И. Заборцевой, Н.М. Сысоевой. Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2013. 130 с.

6. Атлас развития Иркутска / Иркутск: Изд-во Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2011. 131 с.

7. Майорова Т.В. Низкоуглеродная экономика России: вектор развития / Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы IV Междунар. науч. конф. (СПб, декабрь 2015). СПб.: Свое издательство, 2015. С. 21-23.

8. Восточный вектор России: шанс для зеленой экономики в природно-ресурсных регионах: Материалы научного семинара. – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2016. 247 с.

Сведения об авторе:

Заборцева Татьяна Ивановна, д.г.н., зав. лабораторией, Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН; профессор кафедры географии, картографии и геосистемных технологий ФГБОУ ИГУ; e-mail: zabti@irigs.irk.ru

УДК 911.5/.9

**Иванищева Н.А.
Ivanishcheva N.A.**

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ В УСЛОВИЯХ ОТКРТОСТИ ЭКОНОМИКИ РЕГИОНА

FOREIGN TRADE IN AN OPEN ECONOMY OF THE REGION

Обеспеченность природными ресурсами и особое географическое положение являются определяющими факторами экономического развития Оренбургской области. Товарная структура экспорта и импорта региона отвечает конъюнктуре и требованиям мирового и внутреннего рынка, отражает противоречия экономической реформы, трудности интеграции в мировую экономику. Экспорт традиционно преобладает во внешней торговле области. Наиболее устойчивые торговые связи у Оренбуржья сложились со странами СНГ.

The availability of natural resources and a special geographical location are the determining factors in the economic development of the Orenburg region. The commodity structure of the region's exports and imports meets the conditions and requirements of the world and domestic markets, reflects the contradictions of economic reform, the difficulties of integration into the world economy. Export traditionally prevails in the foreign trade of the region. Orenburg region has the most stable trade relations with the CIS countries.

Ключевые слова: внешняя торговля, экспорт, импорт, ВВП, открытость экономики, сотрудничество, интеграция, внешняя экономическая деятельность.

Key words: foreign trade, export, import, GRP, openness of the economy, cooperation, integration, foreign economic activity.

Мощный экономический потенциал, обеспеченность минеральным сырьем, выгодное географическое положение Оренбургской области на рубеже Европы и Азии, России и Казахстана, Урала и Поволжья создают благоприятные условия для ее включения в систему мировых хозяйственных связей. 20% ВВП обеспечивается за счет внешнеэкономической деятельности. В структуре внешних экономических связей Оренбуржья главную роль играет внешняя торговля.

Если в 1990-е гг. во внешнеэкономической деятельности области делался упор на расширении масштабов производства и увеличении экспорта сырьевых товаров, то сейчас политика в сфере привлечения иностранного капитала ориентирована на экстенсивное расширение производств на территории региона. Приоритетные направления в привлечении иностранного капитала совпадают с основными направлениями Стратегии развития Оренбургской области на период до 2030 года [1].

С 2000 до 2014 гг. наблюдался рост внешнеторгового оборота (в России на 715 млрд. долл. США (83%), в Оренбургской области на 0,1 (5%) (рис.1).

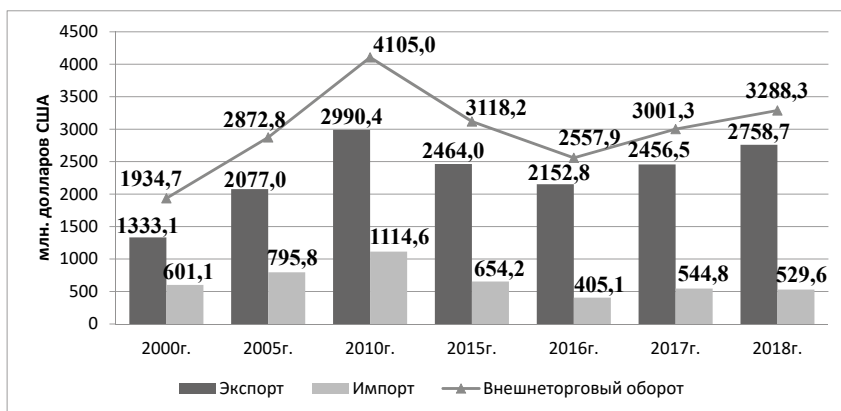

Рис. 1 Внешнеторговый оборот Оренбургской области, млн. долл. США [по: 2, с. 526].

С 2014 г. негативное влияние на внешнеэкономические показатели Оренбургской области оказывают такие мировые тенденции, как: экономические санкции в отношении России и ответные антисанкции в связи с ситуацией на Украине, нестабильная ситуация с ценой на нефть и металлы.

С 2014 по 2016 гг. по объективным причинам (снижение цены на нефть, антироссийские санкции) объем внешнеторгового оборота области снизился. В 2017 г. во внешней торговле наметились положительные изменения и в 2018 г. региональный внешнеторговый оборот Оренбургской области уже составил 3,3 млрд. долл. США (с ростом к уровню 2017 г. на 9,6%). Объем внешней торговли со странами СНГ – 1,8 млрд. долл. США, в т.ч. со странами Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) – 1,4 млрд. долл. США (или 41% всей внешней торговли области, 79% объема торговли региона со странами СНГ). Со странами дальнего зарубежья региональный внешнеторговый оборот – 1,6 млрд. долл. США.

Заметно снизился объем импорта в период с 2015 по 2016 г., ввиду объявленного Россией эмбарго в отношении ряда западных партнеров, а также в связи с нестабильностью курса рубля. Как известно, снижение курса национальной валюты приводит к уменьшению импорта и увеличению экспорта. Однако в связи со сложившейся политической ситуацией наблюдалось снижение как импорта, так и экспорта. Введенный 6 августа 2014 г. запрет ввоза отдельных видов продукции в Россию не только повлиял на снижение объема импорта, но и

частично изменил товарную и географическую структуру. С момента вхождения в кризис наблюдается снижение импортных поставок из всех регионов мира, особенно касается стран ЕС, США, Канады, Норвегии и Австралии.

Товарная структура экспорта и импорта области заметно различаются (табл. 1).

Таблица 1

Товарная структура экспорта и импорта Оренбургской области
(в фактически действовавших ценах), % [по: 2, с. 527]

	Экспорт			Импорт		
	2010	2015	2018	2010	2015	2018
Всего <i>в том числе:</i>	100	100	100	100	100	100
продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье	0,8	3,2	4,0	21,7	4,6	7,0
минеральные продукты	58,6	55,5	55,1	38,4	40,2	31,8
продукция химической промышленности, каучук	3,1	2,5	2,1	3,2	4,8	13,1
древесина и целлюлозно- бумажные изделия	0,1	0,1	0,1	0,3	0,1	0,2
металлы и изделия из них	35,4	28,6	37,1	3,6	6,3	14,3
машины, оборудование и транспортные средства	1,9	9,8	1,4	31,1	41,5	31,8
другие товары	0,1	0,3	0,2	1,7	2,5	1,8

В товарной структуре экспорта преобладают минеральные продукты (55,1%), металлы и изделия из них (37,1%). В структуре импорта в 2018 г. основное место занимали сразу два вида продукции: минеральные продукты и машины, оборудование и транспортные средства (по 31,8%). Снижение мировых цен на нефть одновременно со снижением курса рубля к основным мировым валютам создали благоприятные условия для экспорта продукции.

В структуре внешней торговли Оренбургской области доминирует экспорт (табл. 2).

Таблица 2

Внешняя торговля Оренбургской области, млн. долл. США
[Составлено по: 2, с. 526]

	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018
Внешнеторговый	1934,7	2872,8	4105,0	3118,2	2557,9	2999,8	3288,3

оборот в том числе:							
со странами дальнего зарубежья	1347,3	1987,4	2690,9	1489,5	1289,0	1468,7	1642,7
со странами СНГ	587,4	885,4	1414,1	1628,7	1268,9	1531,1	1645,6
Экспорт в том числе:	1333,1	2077,0	2990,4	2464,0	2152,8	2455,7	2758,7
со странами дальнего зарубежья	1231,9	1885,6	2343,3	1191,8	1204,0	1301,7	1433,4
со странами СНГ	101,2	191,4	647,1	1272,2	948,8	1154,0	1325,3
Импорт в том числе:	601,6	795,8	1114,6	654,2	405,1	544,1	529,6
со странами дальнего зарубежья	115,4	101,8	347,6	297,7	85,0	167,0	209,3
со странами СНГ	486,2	694,0	767,0	356,5	320,1	377,1	320,3

Внешнеторговое сальдо положительное в объеме 2,2 млрд. долл. США, в т.ч. со странами ближнего зарубежья более 1,2 млрд. долл. США, с государствами дальнего зарубежья – 1,0 млрд. долл. США. В структуре внешней торговли региона доля стран СНГ составляет 52%, дальнего зарубежья – 48%.

По объему внешней торговли Оренбургская область занимает 6-ое место в Приволжском ФО, уступая Республикам Татарстан, Башкортостан, Пермскому краю, Самарской и Нижегородской областям. Доля области во внешнеторговом обороте Приволжского ФО – 5,65% (2018 г.), в импорте – 3,6%.

В 2018 г. хозяйствующими субъектами Оренбургской области экспортировано товаров на 2 887,2 млн. долл. США (это выше уровня 2017 г. на 12,2%). В страны СНГ поставлено продукции на 1 453,5 млн. долл. США (рост к 2017 г. на 14,2%), в страны дальнего зарубежья – 1 433,7 млн. долл. США (рост – на 10,2%) [3].

Основой регионального экспорта является продукция топливно-энергетического комплекса (48,9% всего регионального экспорта) и черной металлургии (31,4%). Пока доля сельскохозяйственной продукции в структуре регионального экспорта не превышает 8%. И здесь есть существенный потенциал для роста, который дополнительно стимулируется обострением продовольственной проблемы в мире, увеличением спроса на продукцию агропромышленного комплекса на новых рынках – в странах Азиатско-Тихоокеанского региона и арабского Востока. Оренбургская область связывает с развитием экспорта значительные планы экономического роста.

Объем импорта в Оренбургскую область в 2018 г. составил 529,0 млн. долл. США (снизился к уровню 2017 г. – на 13,3 млн. долл. США или на 2,5%). Из стран СНГ импортировано продукции на 319,7 млн. долл. США (снижение – на 14,8%), в том числе из государств-членов ЕАЭС – на 232,3 млн. долл. США (снижение – на 20,4%). Объем импорта Оренбургской области из государств дальнего зарубежья – 209,3 млн. долл. США (рост к уровню 2017 г. на 25,3%).

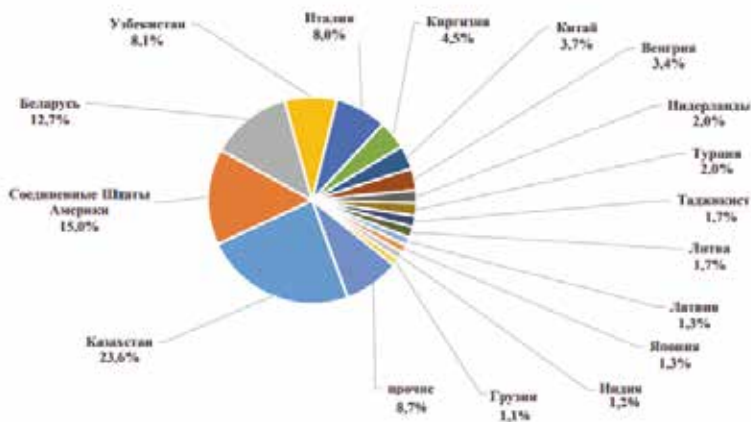

Рис. 2. Страны – основные торговые партнеры Оренбургской области, 2018 г. [по: 2, с. 528-529].

Основу регионального импорта составляют закупки продукции машиностроения (31,7% регионального импорта), топливно-энергетического комплекса (26,1%), химической промышленности (13,1%) и черных металлов (11,8%). Основными торговыми партнерами Оренбургской области являются около 90 стран (2018 г.).

Создание единого рынка стран Таможенного союза, а в 2015 г. ЕАЭС способствует увеличению товарооборота области. Более 45% внешней торговли Оренбуржья (или 1,5 млрд. долл. США) приходится на страны ЕАЭС.

Казахстан является важнейшим стратегическим партнером Оренбургской области. На долю Оренбуржья приходится более 10% объема внешней торговли России с Казахстаном. Доля Казахстана во внешнеторговом обороте области – 23,6%, со странами СНГ – 54%. Объем взаимной торговли Оренбургской области с Казахстаном имеет стабильную положительную динамику за исключением кризисных

2009 и 2014-2016 гг. За период с 2003 по 2018 г. он увеличился более чем в 2 раза и достиг 885 млн. долл. США (в т.ч. объем экспорта оренбургской продукции – 614 млн. долл. США, импорта товаров из Казахстана – 271 тыс. долл. США). Оренбуржье экспортирует в Казахстан 64% продукции ТЭК (природный газ, сырую нефть, нефтепродукты, кокс), продукцию машиностроения, черные и цветные металлы, продовольственные товары, цемент, асбест, удобрения. Основные товары в импорте из Казахстана – продукции ТЭК (71%), которая на 100% обеспечена поставками природного газа и газового конденсата Карачаганакского месторождения для переработки на Оренбургском ГПЗ (ежегодно перерабатывает около 9 млрд. м³ газа и более 620 тыс. т. газового конденсата), а также минеральные продукты (хромовую руду, кварциты) и продовольственные товары.

Крупные центры взаимодействия находятся вдоль основных транспортных путей: Оренбург-Уральск, Аксай, Оренбург-Актобе, Хромтау; Орск, Новотроицк-Актобе, Хромтау. Десятки предприятий и организаций Оренбуржья имеют прямые связи с казахстанскими партнерами. Крупнейшие из них: «Уральская сталь», «Газпром добыча Оренбург», «Бузулукский механический завод», «Орскнефтеоргсинтез», «Новотроицкий завод хромовых соединений», «Медногорский медносерный комбинат» и другие.

В Оренбургской области реализуется ряд крупных инвестиционных проектов совместно с Казахстаном. Например, проект по разработке Русской медной компанией трансграничного Весенне-Аралчинского месторождения медных руд в рамках межправительственного Соглашения. Руда с российской части месторождения (участок «Весенний») обеспечит загрузку обогатительной фабрики ЗАО «Ормет» (Орск), с казахстанской части месторождения (участок «Аралчинский») – ТОО «Актюбинская медная компания».

Положительная динамика в торговых отношениях с Казахстаном объясняется приграничным положением Оренбургской области (протяженность сухопутной границы 1876 км), исторически сложившимися дружественными отношениями и стремлением к взаимовыгодному сотрудничеству.

Из других стран ближнего зарубежья крупными торговыми партнерами являются Беларусь (12,7% объема внешней торговли области), Узбекистан (8,1%), Киргизия (4,5%), Таджикистан (1,7%). Эти страны являются гарантированным рынком сбыта региональной продукции.

Интенсивно развиваются внешнеэкономические связи области со странами дальнего зарубежья – США (15,0% объема регионального внешнеторгового оборота), Италия (8,0%), Китай (3,7%), Венгрия (3,4%), Нидерланды (2,0%), Турция (1,9%), Литва (1,7%), Латвия (1,3%), Япония (1,3%), Индия (1,2%), Грузия (1,1%).

Важной составляющей торгово-экономических отношений Оренбургской области с зарубежными странами и показателем эффективности интеграционных процессов является инвестиционное сотрудничество. Давно открыли для себя Оренбуржье всемирно известные компании, лидеры мирового рынка. На территории области осуществляют свою деятельность более 400 предприятий с иностранными инвестициями. В топ 5 самых успешных входят: «Джон Дир» (США), «Кремониани групп» (Италия), «Бозал Интернэшнл Менеджмент Н.В.» (Бельгия), «КазРосГаз» (Казахстан), Дойче Виломикс Тирернерунг Гмбх (Германия).

Высокий транзитный потенциал области как каркаса маршрутов Евроазиатских международных транспортных коридоров «Запад-Восток», «Север-Юг» и «Европа-Западный Китай» усиливает открытость экономики для внешнеэкономического сотрудничества. Для зарубежных стран, а особенно для большинства стран СНГ, Оренбургская область является центром притяжения как экономически развитый партнер. Регион также заинтересован в расширении взаимовыгодного сотрудничества, несмотря на напряженность в торговых отношениях между крупнейшими экономиками мира и замедление глобального экономического роста. При этом следует иметь в виду вовлечение в мировую хозяйственную систему в прошлом «закрытых» региональных рынков – отдельных стран Центральной и Южной Азии (Индия, Пакистан), которые могут рассматриваться как перспективные для оренбургского бизнеса.

Литература

1. Стратегии развития Оренбургской области на период до 2030 года <http://www.orenburg-gov.ru/strateg/2030>.
2. Статистический ежегодник Оренбургской области. 2019: стат. сб. – Оренбург: Оренстат, 2019. – 530 с.
3. Итоги внешней торговли Оренбургской области в 2018 году. URL: <http://www.orenburg-gov.ru/Info/ForeignComm/Trade> (дата обращения 19.11.2019).

Сведения об авторе.

Иванищева Надежда Александровна, д.п.н., доцент, заведующая кафедрой географии и МПГД, Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург)

Кашин А.А.
Kashin A.A.

ВЫЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ НАЦИОНАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА УДМУРТСКОГО ЭТНОСА

IDENTIFICATION OF FEATURES OF THE NATIONAL CULTURAL LANDSCAPE OF THE UDMURT ETHNIC GROUP

В статье проводится попытка выявления типичного ландшафта проживания удмуртского этноса. В основу положена схема ландшафтного районирования Удмуртии. По данным переписи населения 2010 г. рассчитана доля и абсолютная численность удмуртов в разрезе ландшафтов и выявлены общие черты территорий компактного проживания удмуртов.

The article attempts to identify the typical landscape of the Udmurt ethnic group. It is based on the scheme of landscape zoning of Udmurtia. According to the 2010 census, the proportion and absolute number of Udmurts in the context of landscapes were calculated and common features of the territories of compact Udmurts were identified.

Ключевые слова: удмуртский этнос, ландшафт, Удмуртская Республика.

Key words: Udmurt ethnos, landscape, Udmurt Republic.

Поверхность земной суши разнообразна и мозаична. Расселяясь по ней, человек, с одной стороны, приспосабливался к условиям той или иной местности, а с другой, приспосабливал ландшафт для жизни и вносил изменения во многие компоненты. В результате мозаичность биосферы теснейшим образом переплелась с мозаичностью этносферы. Сформировались национальные культурные ландшафты, соединяющие и компоненты природной среды, и материальные и нематериальные элементы жизни этносов. Каждому народу присущи уникальные черты культуры, напрямую обусловленные ландшафтными особенностями. На урбанизированных территориях эти черты (как и многие этнические особенности в целом) в значительной степени стираются. Унификация среды обитания и образа жизни делает бессмысленным сохранение механизмов приспособления этноса к природным условиям местности, и постепенно (а иногда и стремительно) они остаются лишь в «музейном» формате и отмирают за ненадобностью. В то же время, в сельской местности многие

хозяйственные и культурные этнические особенности сохраняются и даже консервируются. И это не только огромный самобытный пласт культуры, ценный сам по себе. Это ещё и выработанные веками механизмы рационального природопользования, и, наконец, важный ресурс для развития туризма.

Ландшафтные особенности являются важнейшим фактором, формирующим материальную культуру народов. В течение длительного времени проживания этноса в определённых природных условиях формируется и духовная культура. Язык, верования, фольклор, наконец, особенности национального менталитета также имеют во многом ландшафтную основу. Поскольку сохранение этнического разнообразия планеты в целом и каждой из стран в частности априорно является важной гуманитарной ценностью, то можно говорить и о важности сохранения условий этого разнообразия, в том числе – компонентов природы и их закономерных сочетаний – ландшафтов.

Удмуртия – многонациональный регион. Кроме русских и удмуртов, в республике проживает значительное число татар, в южных районах компактно расселены марийцы, а на северо-западе проживает малый народ бесермяне (табл. 1).

Таблица 1

Этнический состав населения Удмуртской Республики
(по материалам [1])

Этнос	Все население		Городское население		Сельское население	
	Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Доля, %	Численность, чел.	Доля, %
Русские	912539	59,98	715729	68,03	196810	41,94
Удмурты	410584	26,99	173518	16,49	237066	50,52
Татары	98831	6,50	82145	7,81	16686	3,56
Бесермяне	2111	0,14	580	0,06	1531	0,33
Марийцы	8067	0,53	3265	0,31	4802	1,02
Прочие	89288	5,87	76916	7,31	12372	2,64

Если в населении республики преобладают русские, то среди сельских жителей больше удмуртов – 50,5%. В качестве основы для исследования использована схема физико-географического (ландшафтного) районирования В.И. Стурмана. В соответствии с ней выделяется 12 физико-географических районов, в пределах которых – 46 ландшафтов. Для каждого из ландшафтов был рассчитан ряд природных и расселенческих характеристик, а также этнический состав

населения. Ранее нами были проведены исследования по расселению отдельных этносов в пределах ландшафтов [2]. Результаты показали, что удмурты в основном населяют участки, благоприятные для аграрной деятельности – ландшафты с расчленённым рельефом, мозаичным почвенным покровом, а также повышенной долей относительно плодородных дерново-слабоподзолистых, серых лесных и дерново-карбонатных почв. Напротив, русскими населены преимущественно лесистые, низменные, заболоченные пространства с широким распространением сильноподзолистых почв и малопригодные для ведения сельского хозяйства, но обладающие потенциалом для развития отдельных отраслей промышленности.

Поскольку речь идёт о сохранении условий для традиционного образа жизни удмуртского этноса, важным является выявление ландшафтов, типичных для проживания удмуртов. Заселение ландшафтов представителями разных народов – процесс длительный и многофакторный, поэтому имеет смысл проанализировать современную картину расселения, чтобы выявить типичные черты «удмуртских» ландшафтов, в которых и сформировались многие черты материальной и духовной культуры этноса.

Для этого все ландшафты были проранжированы по двум показателям: 1) абсолютная численность удмуртов в пределах ландшафта; 2) доля удмуртов в населении ландшафта (в % от общей численности населения). Данные по этническому составу были получены по материалам [3]. В исследовании мы исходили из того, что наиболее важными для сохранения культуры и традиционных видов деятельности этноса являются ландшафты, где велика и численность, и доля представителей того или иного народа. Затем ранги были просуммированы и получена сводная картина. Меньшая сумма рангов соответствует наиболее «удмуртским» ландшафтам (табл. 2, рис. 1). Полученную сумму рангов можно условно назвать «индексом типичности ландшафтов по проживанию удмуртского этноса».

На карте чётко выделяется три основных ареала ландшафтов, типичных с точки зрения проживания удмуртов: северный, центрально-восточный и юго-западный. В целом они соответствуют местам проживания субэтнических групп южных, центральных и северных удмуртов.

В геоморфологическом отношении это возвышенности: Можгинская (юго-запад), Тыловайско-Мултанская (центр и восток), Красногорская и Верхнекамская (север). В условиях повышенного увлажнения именно возвышенные дренированные ландшафты наиболее благоприятны для освоения, т.к. расчленённый рельеф

препятствует заболачиванию и является важным фактором формирования мозаичного почвенного покрова. Последнее обстоятельство приобретает особую значимость в условиях неблагоприятного почвенного фона. На территории Удмуртии преобладают подзолистые и дерново-подзолистые почвы, а при расчленённом рельефе формируется мозаичный почвенный покров, что позволяет выбрать ареалы с разными почвами для возделывания разных культур и обеспечивает относительную устойчивость аграрной деятельности.

Таблица 2
Численность и доля удмуртов в ландшафтах Удмуртии (фрагмент, на основании [3])

Индекс	Ландшафт	Доля удмуртов в сельском населении, %	Ранг (место)	Численность удмуртов в сельском населении, чел.	Ранг (место)	Сумма рангов
Б-5-8	Алнашский	89,6	1	22743	1	2
Б-2-4	Шарканский	81,5	8	8745	5	13
Б-2-3	Игинский	82,9	6	5667	11	17
А-4-1	Ирымский	83,3	5	4988	13	18
Б-5-3	Нылгинский	65,7	15	13548	3	18
А-3-3	Причепецкий	72,0	11	6873	8	19
А-1-2	Пызепско-Лыпский	60,9	18	14146	2	20
Б-2-1	Арлетский	60,9	19	7108	7	26
А-4-2	Ягвайский	87,7	2	2493	26	28
А-3-1	Лекминский	55,2	24	7307	6	30
Б-5-2	Кельвайский	67,0	14	4517	16	30
...						
Б-3-4	Воткинский	32,5	35	633	37	72
Б-7-6	Киясовский	22,5	39	1007	33	72
Б-7-2	Сивинский	15,8	40	561	38	78
А-1-1	Верхнекамско-Верхневятский	13,5	41	243	41	82
Б-8-1	Собственно Камский	7,5	43	502	39	82
Б-8-2	Шольинский	4,0	46	690	36	82
Б-3-2	Уйвайский	23,7	38	9	45	83
Б-7-8	Оскинский	7,5	42	172	42	84
Б-8-3	Камбарский	4,5	45	44	44	89
Б-7-3	Удебский	5,1	44	4	46	90

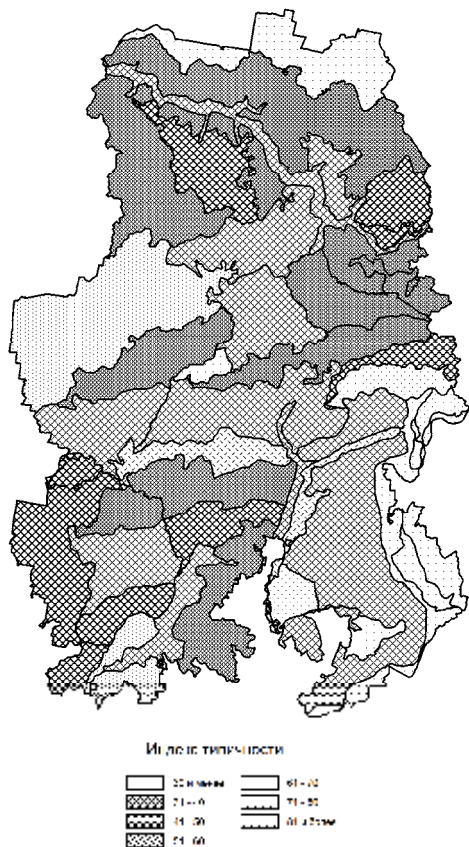

Рис. 2. Индекс типичности ландшафтов по расселению удмуртского этноса

Ещё одна специфическая черта (особенно это касается северных и центрально-восточных ландшафтов) заключается в том, что благодаря расчленённому рельефу и высокой мозаичности почвенного покрова там формируется сложный рисунок распространения лесных массивов. При средних показателях залесённости (25-50%) леса располагаются относительно небольшими массивами со сложно изрезанными контурами. Это имеет важные следствия как с точки зрения особенностей хозяйства (материальной культуры), так и формирования визуальных черт культурного ландшафта. С первой позиции важным

является то, что наличие лесных массивов (пусть и относительно небольших), перемежающихся сельскохозяйственными угодьями, определяет полифункциональность территории с точки зрения фоновых типов природопользования (сельскохозяйственного и лесохозяйственного). Со второй позиции отметим, что расчленённый рельеф в сочетании со сложным рисунком залесённости, близко расположенными небольшими деревнями и густой сетью малых и средних рек создаёт пейзажное разнообразие. В литературном, художественном и музыкальном творчестве, особенностях языка и традиционных верований проявляются разнообразные элементы ландшафта: и лес, и реки, и безлесные пространства (поля и луга), и формы рельефа.

В целом территория проживания удмуртов, в пределах которой формировалась материальная и духовная культура народа, находится в пределах широкой переходной полосы от тайги к лесостепи и степи. Такой ландшафт можно условно называть лугово-лесным. Лишь на крайнем юге Удмуртии, более благоприятном в климатическом отношении и с более плодородными почвами, залесённость очень низка: 5-15%. Однако из-за локального распространения золотых песчаных покровов и здесь распространены лесистые ландшафты с соответствующим набором ресурсов. Исходя из выше сказанного, типично удмуртским можно считать ландшафт с повышенной расчленённостью рельефа, мелкоконтурностью угодий, сложным рисунком залесённости и полифункциональным (аграрным и лесным в сопоставимых долях) хозяйством. Именно такой ландшафт отражается в творчестве удмуртских писателей и поэтов, художников и композиторов, именно он является малой Родиной удмуртов и может интерпретироваться как национальный культурный ландшафт удмуртского этноса.

Литература

1. Население по национальности, полу и субъектам Российской Федерации / Всероссийская перепись населения 2010 г. // Демоскоп Weekly: электронная версия бюллетеня «Население и общество» (электронный ресурс). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_etn_10.php?reg=48 (Дата обращения 19.02.2020).

2. Кашин А.А. Ландшафтные особенности расселения этносов по территории Удмуртской Республики // Вестник Удмуртского

университета. Серия Биология. Науки о Земле. 2018. Т. 28. № 3. С. 288-297.

3. Всероссийская перепись населения 2010 / официальный сайт Федеральной службы государственной статистики (электронный ресурс).

URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (Дата обращения 19.02.2020).

Сведения об авторе:

Кашин Алексей Александрович, кандидат географических наук, доцент кафедры географии, картографии и геоинформатики Удмуртского государственного университета. kashin.alexey@mail.ru, [+79068191070](tel:+79068191070)

УДК 911.9: 628.336.561

Колдобская Н.А.

Koldobskaya Natalia Andreevna

МУСОРНЫЙ КРИЗИС В РЕГИОНАХ РОССИИ

THE GARBAGE CRISIS IN THE REGIONS OF RUSSIA

Рассмотрены проблемы и перспективы переработки твердых коммунальных отходов (ТКО) на примере разных регионов России. Большая часть статьи посвящена проблеме утилизации мусора на территории Новой Москвы и Московской области.

The problems and prospects of processing solid municipal waste (TCO) on the example of different regions of Russia are considered. Most of the article is devoted to the problem of garbage disposal in the territory of New Moscow and the Moscow region.

Ключевые слова: экологическая ситуация, мусор, твердые коммунальные отходы, качество окружающей среды

Key words: environmental situation, garbage, solid municipal waste, environmental quality

Во всем мире проблема управления твердыми коммунальными отходами (ТКО) является одной из наиболее приоритетных, занимая в системе городского хозяйства второе место по затратам и инвестициям после сектора водоснабжения и канализации. После Всемирной конференции по окружающей среде (Рио-де-Жанейро, 1992 г.) во всех

промышленно развитых странах, странах с переходной экономикой и во многих развивающихся странах стали разрабатываться национальные, региональные и местные планы по охране окружающей среды, важным компонентом которых являются проблемы управления отходами, в том числе и ТКО.

К ТКО относятся отходы, которые образуются в жилых помещениях в процессе потребления физическими лицами, а также товары, утратившие свои потребительские свойства в процессе их использования физическими лицами в жилых помещениях в целях удовлетворения личных и бытовых нужд.

Россия находится в десятке стран-лидеров и производит более 36 млн. тонн в год, в связи с чем, существующие и перспективные экологические риски на ее территории напрямую зависят от способов утилизации отходов.

Существует несколько факторов, которые влияют на стратегию переработки ТКО, к числу которых относятся:

- норма накопления ТКО,
- механический и химический состав отходов,
- стоимость оборудования и утилизации отходов,
- эффективность переработки,
- органы управления,
- экологичность переработки,
- менталитет людей.

Проблема образования ТКО в России: мелкомасштабный уровень. Российская статистическая база по твердым бытовым отходам в городах ограничивается показателем по центрам субъектов РФ «Вывоз бытового мусора спецтранспортом в тысячах метрах кубических». При рассмотрении абсолютного показателя вывоза мусора естественно выделяется Москва (более 20 млн м³) и другие города-миллионеры: (Санкт-Петербург – 7,9 млн м³, Екатеринбург – 4,8 млн м³), т.к. существует прямая зависимость вывоза мусора от численности населения в городе (рис. 1).

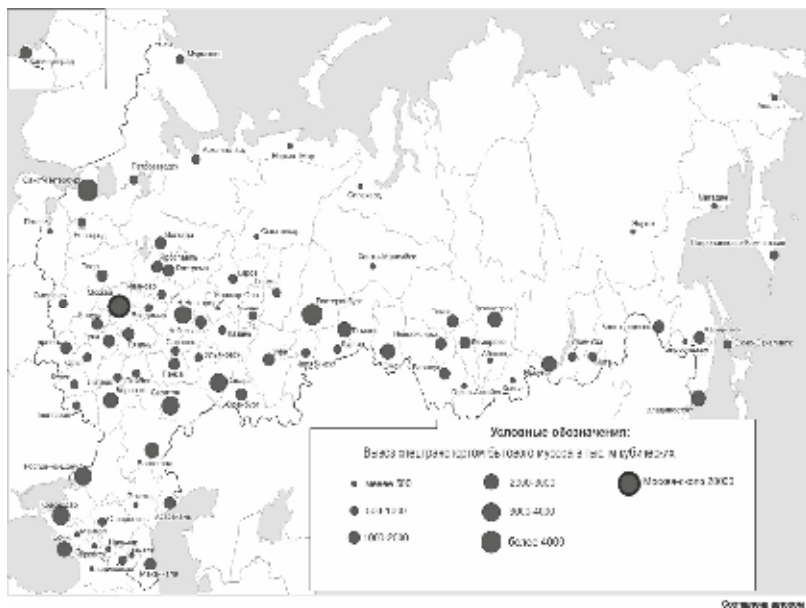

Рис.1. Вывоз мусора в городах России

В России помимо фактического отсутствия организованного раздельного сбора мусора существует проблема наличия огромного числа несанкционированных стихийных свалок и помоек, число которых в несколько раз превосходит количество официальных полигонов. Тем не менее, по этому показателю существенно выделяется Москва, где вывозится более 20000 тыс. куб. м. ТКО в год. Только на территории Московской области в настоящее время накапливается около более 40 млн. тонн твердых промышленных и коммунальных отходов в год, что хорошо отражает плотность свалок и полигонов ТКО в ЦФО, показывая основные места локализации санкционированных полигонов и стихийных свалок.

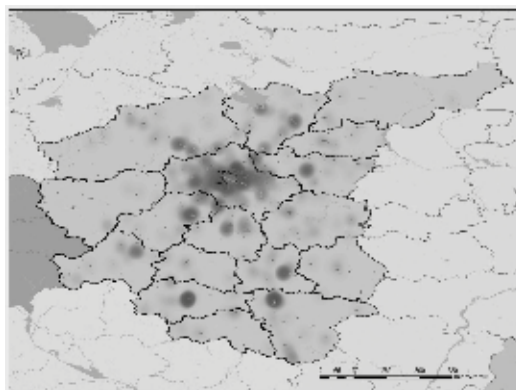

Рис. 2. Плотность свалок и полигонов ТКО в Центральном федеральном округе

Важной задачей при размещении свалок и полигонов является определение мест с высокой уязвимостью к антропогенной нагрузке, где запрещено и не желательно размещение отходов. Это определенные федеральными законами и нормативными актами санитарно-защитные зоны гидрографической сети, территории особо охраняемых природных объектов с их буферными зонами, лесные массивы; районы потенциального развития опасных геоморфологических процессов, в первую очередь карста, ареалы близкого к поверхности залегания верхних горизонтов грунтовых вод и верховодки.

Мезомасштабный уровень: переработка ТКО в Москве и Московской области. Одной из особенностей взаимодействия города с его пригородом является функционирование системы сбора, вывоза и переработки твердых отходов (коммунальных, строительных, промышленных и медицинских). Уже в начале 2000-х гг. количество отходов Москвы, размещаемых на полигонах и свалках Московской области, превышало по величине количество отходов, образующихся в области. В 2010 г. одной из экологических проблем Московской области было наличие более 50 мусорных полигонов, ёмкость которых на тот момент была исчерпана на 80 % и около 1500 несанкционированных свалок. Непосредственно в самой Москве функционировали 4 мусоросжигательных завода, где сжигалась треть московского мусора. [3]. Около 5 % твердых коммунальных отходов вторично перерабатывалось, остальное захоранивалось на территории Московской области. Наиболее крупными полигонами по состоянию на 2010

г. были Тимохово (110 га), Саларьево (44 га), Хметьево (26 га), Дмитровский и Левобережный. Общая площадь полигонов и свалок составляла 915 га. [6].

Рис. 3. ТКО в Москве и Московской области: образование и переработка

В настоящее время ситуация в сфере обращения с отходами в Москве и Московской области меняется, но нельзя сказать, что в лучшую сторону. Только на «старой» территории Москвы производится в год около 25 млн т. отходов производства и потребления (коммунальные, промышленные, строительные и др.), а на новой присоединенной территории – ещё около 90 тыс. тонн, причем ежегодно это число увеличивается на 3 %.

В июле 2011 г. власти Москвы и Подмосквья подписали соглашение в сфере обращения с отходами производства и потребления, которое учитывало размещение межрегиональных комплексов по переработке отходов. С 1 января 2017 г. запрещено захоронение отходов, содержащих полезные фракции (пластик, стекло, лом черных металлов, макулатура), которые составляют до 60% твердых коммунальных отходов [1]. Территориальная схема Подмосквья до 2019 г. предполагает создание мощностей, позволяющих извлекать из мусора полезные фракции, однако пока их практически нет [7].

После присоединения к Москве «новой территории» 4 полигона оказались уже не в области, а непосредственно в самой Москве. Это Саларьево (60 га), Сосенки (40 га), Малинки (8,6 га) и Ракитки (4 га), которые сейчас официально закрыты и находятся в стадии

рекультивации. Кроме того, на присоединенной территории оказалось около 60 несанкционированных свалок.

Вместо выводов: перспективы. Пока на территории Новой Москвы не планируется открытие новых полигонов и других мощностей по переработке отходов и как будет решаться вопрос с утилизацией отходов Новой Москвы однозначно сказать сложно [10]. Особенно остро эта проблема встала весной 2017 г. после закрытия полигона Кучино в Балашихе, куда свозилась большая часть столичного мусора. Поток отходов был перераспределен в основном между полигонами Торбеево, Тимохово, Храброво и Алексинский карьер. Но, несмотря на закон о запрете захоронения отходов, которые могут быть вторично переработаны, сейчас в Московской области функционирует 34 полигона, куда продолжает свозиться в том числе и столичный мусор (рис. 4).

Рис 4. Трансформация инфраструктуры по переработке мусора в Московской области и Москве с 2010 по 2018 гг.

Кроме того, новые полигоны планируется разместить в пяти точках Подмосковья. Территориальная схема не уточняет их адреса, называются только районы: Серебряно-Прудский, Сергиево-Посадский, Орехово-Зуевский, Каширский и Воскресенский. По

мнению экспертов, эти площадки расположены преимущественно в восточной и юго-восточной части Московской области, наиболее густонаселенной и имеющей дефицит инфраструктуры. На всех новых полигонах также будут расположены мусороперерабатывающие заводы.

Помимо полигонов в Московской области также строится четыре завода термического обезвреживания отходов в районе Наро-Фоминска, Солнечногорска, Ногинска и Воскресенска мощностью 700 тыс. т. каждый, половина мощности зарезервирована для термического обезвреживания твердых коммунальных отходов, поступающих из Москвы (рис. 4).

В действительности, экологические последствия будут зависеть от двух основных факторов: наличия или отсутствия отдельного сбора отходов и температуры термического обезвреживания. В мировой практике относительно безвредным считается высокотемпературное сжигание (более 2000° С) и пиролиз (высокотемпературное расщепление без доступа кислорода) при температуре около 3000 ° С [5]. Однако, если будет сжигаться несортированный поток мусора при низкой температуре, то оправдаются негативные ожидания организаций-защитников природы, которые опасаются, что в этом случае основным негативным последствием станут выбросы в атмосферу как мелкодисперсной зольной и металлической пыли, так и выявленного канцерогена—диоксина. С учетом радиуса токсичного воздействия мусоросжигательного завода, который может достигать 25 км (с учетом розы ветров) [4], в потенциальную зону воздействия попадают территории как Московской области, так и Новой Москвы. Поэтому, несмотря на то, что присоединение к Москве новых территорий во многом объяснялось решением экологических проблем, а также официальный запрет захоронения отдельных фракций ТКО, вопрос открытия новых полигонов как твердых коммунальных, так и промышленных и строительных отходов остается открытым.

Литература

1. Букреев Е.М., Корнеев В.Г. Твердые бытовые отходы - вторичные ресурсы для промышленности // Экол. и пром-сть России. 1999. М. С.38-41.

2. Гунько М.С., Зотова М.В., Кашницкий И.С., Кладовщикова М.Е., Колдобская Н.А., Экологические риски в пригородных и межселенных территориях, Электронный атлас—справочник, доступ на сайте ИГ РАН URL: <http://map.igras.ru/index.php?r=469&id=2684>, 2013

3. Горбачева Л.А. Зарубежный опыт мусоросжигания // Энергия: экон., техн., экол. 2009. N 7. С.49-54
4. Дробная Л.М., Губонина З.И. Экономическая эффективность переработки твердых отходов (ТБО) // Вестник МГОУ. 2008. № 1(1). С.90-94.
5. Колдобская Н.А. Методические подходы к оценке антропогенного воздействия на урбанизированные территории на примере Московской области // Экология и промышленность России. 2013. №11. С. 28-33.
6. Комплексная стратегия обращения с твердыми коммунальными (бытовыми) отходами в Российской Федерации, Москва, 2013.
7. Территориальная схема обращения с отходами, в том числе с твердыми коммунальными, в Московской области, 2016.

Сведения об авторах:

Колдобская Наталья Андреевна, кандидат географических наук, младший научный сотрудник, кафедра экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, koldobskaya@gmail.com, +79163831803

УДК 338.43

Комов И.В.

Komov I.V.

**КОНКУРЕНЦИЯ КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА**

**COMPETITION AS A CONDITION FOR FORMING
COMPETITIVENESS OF AGRICULTURE**

Рыночные отношения в своем эволюционном развитии связаны с усилением борьбы товаропроизводителей за ресурсы, которые дают им возможность закрепиться на рынке, увеличить масштабы производства и максимизировать свою прибыль. В России повышение конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции является одной из приоритетных задач, требующей отдельного внимания со стороны государства. В статье раскрыты основные проблемы конкурентоспособности сельского хозяйства, показаны ее внешние и внутренние преимущества.

Market relations in their evolutionary development are associated with the intensification of the struggle of producers of goods for resources that give them the opportunity to gain a foothold in the market, increase production scale and maximize their profits. In Russia, increasing the competitiveness of agricultural products is one of the priority tasks requiring special attention from the state. The article reveals the main issues of agricultural competitiveness, showing its external and internal advantages. Its external and internal advantages are indicated.

Ключевые слова: конкурентоспособность, сельское хозяйство, преимущества, факторы.

Key words: competitiveness, agriculture, advantages, factors.

Специфические особенности сельского хозяйства оказывают большое влияние на развитие конкуренции. Отличия природно-климатических условий оказывают большое влияние на продуктивность почвы. Устойчивость сельского хозяйства значительно ниже, чем других отраслей. Это зависит от изменяющихся метеорологических условий и влияет на объёмы и стоимость получаемой сельхозпродукции. Сезонность является особенностью для сельского хозяйства, это приводит к неравномерной реализации продукции в течение года. Имобильность или неподвижность ресурсов исключает сельское хозяйство из межотраслевой конкуренции.

Развитие конкуренции в сельском хозяйстве ограничивается многими факторами:

1. Зависимость результатов деятельности от природно-климатических условий территории. Эта особенность является основой организации конкурентной деятельности.

2. Рабочий период в сельском хозяйстве не совпадает с периодом производства. Эффективность в данном конкретном случае зависит от правильной оценки спроса и его удовлетворения с учетом прогнозов и тенденций.

3. Производство носит сезонный характер.

4. Производство жизненно важных товаров.

5. Конкуренция между владельцами различных форм собственности позволяет придумывать новые направления и стратегии развития, стратегии и приемы.

6. Нехватка специалистов в области аграрной конкуренции.

7. Недостаточный уровень поддержки в сельском хозяйстве. Эффективность конкурентной деятельности может быть оценена только при условии учета всей системы ведения аграрного бизнеса

(производство, переработка и реализация продукции). Если на каком-то этапе информация не поступает, то можно предположить, что дальнейшие оценки будут неточными и не принесут наибольшего полезного эффекта, который может быть достигнут в ходе комплексной работы на всех этапах.

Конкурентные условия бывают разными, это зависит от рынка, но процессы соперничества сходны. М. Портер внес большой вклад в анализ конкурентоспособности. Он предложил «новую теорию», которая объясняет преимущества местоположения и, следовательно, конкурентное преимущество наций.

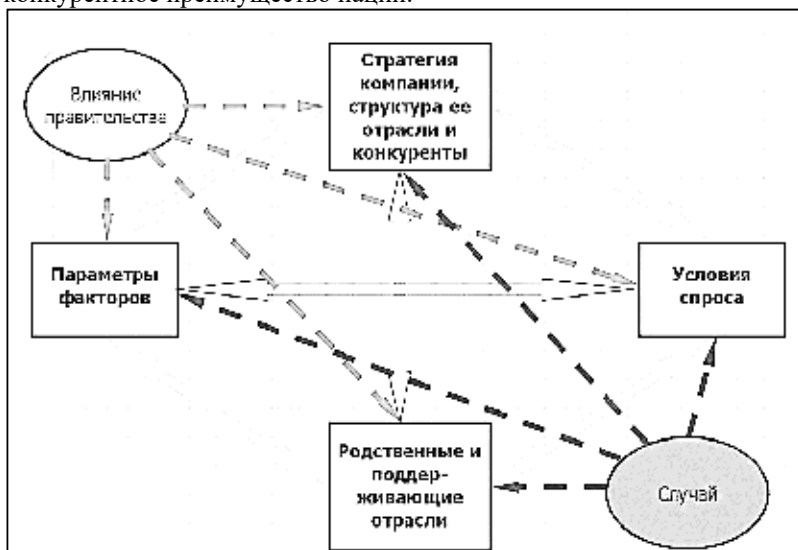

Рис.1. Национальный ромб конкурентоспособности М. Портера [1]

Портер выделяет четыре класса атрибутов стран, которые определяют национальные конкурентные преимущества: факторы; условия спроса; стратегия, структура и конкуренция компаний. Он также акцентирует внимание еще на двух факторах – государственной политике и случайности (т.е. экзогенные шоки), поддерживающие систему национальной конкурентоспособности, но не создающие ее.

Ключевая особенность предложения Портера состоит в том, что оно объединяет в одно понятие множество различных теорий, т.е. «факторные условия» относятся к классической/неоклассической экономике, «условия спроса» связаны с теорией продуктового цикла и

теорией роста Ростоу, «связанные и поддерживающие компании» вытекают из теории поляризации и промышленных районов Маршалла, а «стратегия фирмы, структура и конкуренция» относятся к работам Шумпетера.

Модель Майкла Портера (также известная как теория национальных конкурентных преимуществ отраслей промышленности) (рис.1) представляет собой алмазообразную структуру, которая фокусируется на объяснении того, почему некоторые отрасли в рамках конкретной страны конкурентоспособны на международном уровне, в то время как другие могут и не быть конкурентоспособными. Портер утверждает, что: «способность любой компании конкурировать на международной арене основана главным образом на взаимосвязанном наборе преимуществ местоположения, которыми обладают определенные отрасли в разных странах, а именно: стратегия, структура и соперничество фирм; факторные условия; условия спроса; а также связанные с ними и поддерживающие отрасли» [1]. Если эти условия будут благоприятными, это заставит отечественные компании постоянно заниматься инновациями и модернизацией. Конкурентоспособность, которая будет результатом этого, полезна и даже необходима при выходе на международный уровень и борьбе с крупнейшими мировыми конкурентами.

Национальный контекст, в котором действуют компании, во многом определяет то, как они создаются, организуются и управляются. Это влияет на их стратегию и то, как они структурируют себя. Кроме того, внутреннее соперничество играет важную роль в обеспечении международной конкурентоспособности, поскольку оно вынуждает компании разрабатывать уникальные и устойчивые средства и возможности. Чем более интенсивна внутренняя конкуренция, тем больше компаний подталкивается к инновациям и совершенствованию, чтобы сохранить свое конкурентное преимущество. По материалам его публикаций, на состояние конкуренции оказывают влияние пять конкурентных сил (рис.2).

Конкурентные преимущества - это условия, которые позволяют компании или стране производить товар или услугу равной ценности по более низкой цене или более желательным способом. Эти условия позволяют предприятию генерировать больше продаж по сравнению с его рыночными конкурентами [2,3,4].

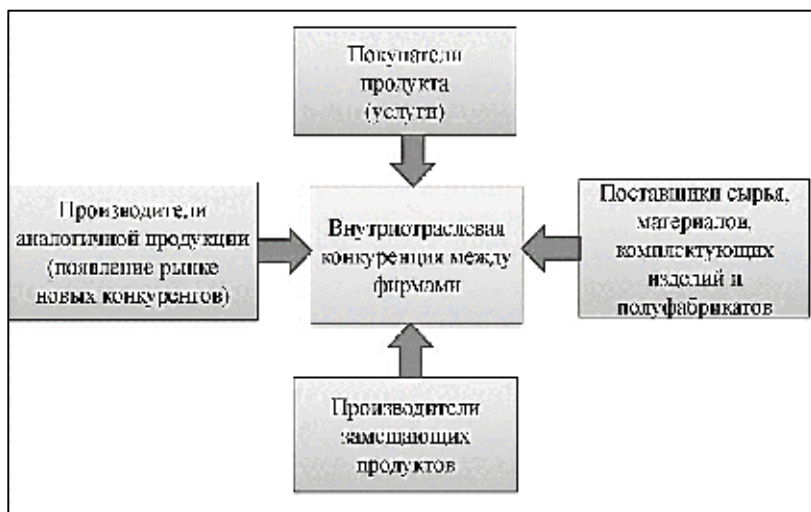

Рис.2. Модель пяти конкурентных сил по М. Портеру [1]

Конкурентные преимущества обусловлены целым рядом факторов, в том числе структурой затрат, брендингом, качеством предлагаемых продуктов, распределительной сетью, интеллектуальной собственностью и обслуживанием клиентов [5].

В качестве источников конкурентных преимуществ развития сельского хозяйства любой территории следует выделить природные, ресурсные, трудовые, инфраструктурные, информационные, инновационные, внешнеэкономические и инвестиционные.

Под факторами конкурентоспособности района понимаются движущие силы развития, которые способствуют наиболее эффективному использованию имеющихся ресурсов на основе преобразующей деятельности потенциальных возможностей в движущую силу конкурентных преимуществ.

Конкурентные преимущества бывают внутренние и внешние (рис.3).

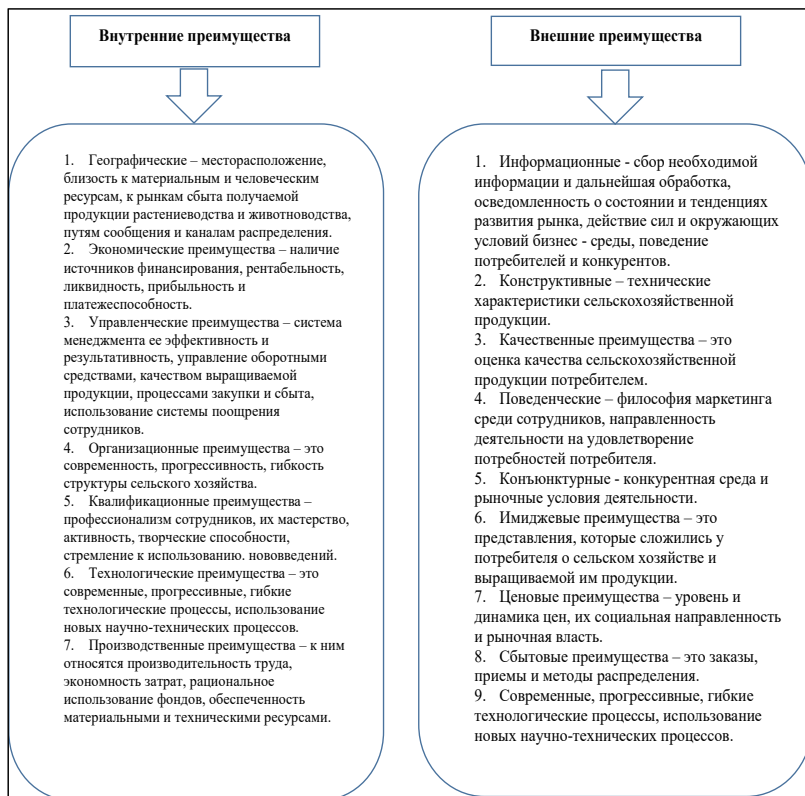

Рис.3. Конкурентные преимущества сельского хозяйства

Исходя из анализа конкурентных преимуществ развития сельского хозяйства, можно выделить наиболее приоритетные направления в этой области: увеличение экономической эффективности использования всех видов ресурсов, необходимых для развития сельского хозяйства (земельных, трудовых, материально-технических); интенсификация процессов и оптимизация структуры производства, государственное регулирование рынка сельскохозяйственной продукции.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07400 мк

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-29-07400 mk

Литература

1. Porter M.E. (2000). Location, competition, and economic development: Local clusters in a global economy. *Economic development quarterly*, 14(1), 15-34.

2. Яковенко Н.В. Агропромышленный комплекс как конкурентное преимущество социально-экономического развития Воронежской области / Н.В. Яковенко, И.В. Комов // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 8. – №1 (2016) <http://naukovedenie.ru/PDF/18EVN116.pdf> (дата доступа:20.02.2020).

3. Яковенко Н.В. Аграрный сектор Воронежской области: современное состояние, перспективы развития / Н.В. Яковенко, И.В. Комов // Наука Красноярья. - № 2(25). - 2016. - С. 169-190. DOI: 10.12731/2070-7568-2016-2-169-189.

4. Управление социально-экономическими системами: теория, методология, практика / Яковенко Н.В., Комов И.В., Диденко О.В. Стратегическое планирование как инструмент управления территориальным развитием: теоретические аспекты // глава в кол. мон. – Пенза: Изд-во «Наука и Просвещение», 2017. – С.62-74.

5. Mamychev A.Y., Sulimova E.A., Yakovenko N.V., Savvidi S.M., Molchan A.S., Dianova V.A. Economic security and organizational culture: theoretical approaches and categorical relationship // *International Review of Management and Marketing*. -2016.- Т. 6. -№ 1. -С. 153-158.

Сведения об авторе:

Комов Игорь Владимирович, кандидат географических наук, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет, e-mail.: igrkom@bk.ru, тел. 89102459072

Information about authors:

Komov Igor Vladimirovich, Candidate of Geographical Sciences, assistant professor of the Department of Social and Economic Geography and Regional Studies, Voronezh State University, e-mail.: igrkom@bk.ru, тел. +79102459072

Крупко А.Э.
Krupko A.E.

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССИМЕТРИИ ХОЗЯЙСТВА И
НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА**

**SPATIAL ASPECTS OF SOCIO-ECONOMIC ASYMMETRY OF
THE ECONOMY AND THE POPULATION IN THE CENTRAL
BLACK SOIL REGION**

Данная статья посвящена анализу социально-экономической асимметрии хозяйства и населения Центрально-Черноземного района, проанализированы ее особенности, тенденции и территориальные аспекты.

This article is about analysis of socio-economic asymmetry of the economy and population, its features of the Central black soil region, trends and territorial aspects are analyzed.

Ключевые слова: асимметрия, структура, развитие, Центрально-Черноземный район, регион.

Keywords: asymmetry, structure, development, Central black soil region, region.

Центрально-Черноземный район (ЦЧР) выделяется высокой степенью освоенности и заселенности, обладает огромными железнорудными ресурсами и массивами черноземов. В РФ он отличается прежде всего развитием АПК, черной металлургии, а также машиностроением, атомной энергетикой и химической промышленностью.

Развитие ЦЧР всегда характеризовалось заметной пространственной неоднородностью. При этом асимметрия пространственного развития района и его регионов имеет несколько уровней. С одной стороны, район отличается динамикой и уровнем социально-экономического развития от страны в целом и соседних территорий, с другой стороны регионы ЦЧР характеризуются различной территориально-отраслевой динамикой. На более низких уровнях асимметрия развития муниципальных районов и городских округов характеризуется гораздо большей интенсивностью. Большая

разница в уровне социально-экономического развития наблюдается внутри муниципальных районов (МР) и поселений (МП).

В довоенное время (как и до революции) аграрный ЦЧР по общему уровню социально-экономического развития значительно уступал многим районам страны. Накануне первой мировой войны валовая промышленная продукция на душу населения была в три с лишним раза меньше, чем в среднем по России [1]. В 30-е годы наиболее значительным был рост производства в Воронеже (машиностроение и химическая промышленность) и в Липецке (металлургии). В послевоенные годы быстро восстанавливался и развивался Воронеж (он входил в 12 городов СССР первоочередного восстановления). Позже ускоренные темпы развития имела Белгородская область, поэтому доля ее в большинстве отраслей ЦЧР неуклонно росла. В 70-80-е гг. опережающие темпы развития зоны Курской магнитной аномалии (в 1985 г. объем промышленного производства вырос на 37% по сравнению с 1980 г. – в целом в РФ на 12%) положительно сказались на развитии ЦЧР в целом, особенно Белгородской и Курской областей.

В 1986 году объем промышленной продукции в ЦЧР по сравнению с 1970 г. составил 241% (по России в целом 211%). Более высокие темпы развития в РСФСР имел только Западно-Сибирский район (257%). В 1990 году объем промышленной продукции по району вырос за пятилетку на 20%, а в России -14%. При этом в целом общий уровень социально-экономического развития перед переходом к рыночной экономике несмотря на позитивную динамику оставался ниже среднего по стране, см. табл. 1.

Таблица 1

Уровень экономического развития регионов ЦФО (РФ – 1)

	Региональный продукт				Промышленность				Сельское хозяйство		
	1995	2000	2010	2017	1990	2000	2010	2017	1990	2000	2017
ЦФО	0,98	1,29	1,33	1,31	1,01	0,66	0,96	1,03	0,91	0,81	0,95
Белгородская	0,9	0,69	0,99	1	0,87	0,84	1,35	1,24	1,67	2,24	4,21
Брянская	0,55	0,43	0,44	0,49	0,87	0,32	0,33	0,43	1,56	1,05	2
Владимирская	0,68	0,51	0,59	0,6	1,26	0,71	0,74	0,85	0,9	0,88	0,6
Воронежская	0,7	0,51	0,56	0,76	0,81	0,42	0,45	0,54	1,25	1,41	2,38
Ивановская	0,53	0,35	0,39	0,37	1,65	0,37	0,41	0,4	0,88	0,6	0,42
Калужская	0,77	0,56	0,71	0,78	0,78	0,64	1,46	1,81	1,22	1,12	1,09
Костромская	0,77	0,53	0,56	0,52	0,88	0,54	0,7	0,64	1,27	1,18	0,71
Курская	0,75	0,58	0,65	0,69	0,86	0,63	0,77	0,68	1,75	1,91	3,37
Липецкая	1,15	0,9	0,8	0,86	1,06	1,53	1,42	1,47	1,39	1,76	2,53
Московская	0,75	0,72	0,98	1,02	1,03	0,64	1,1	0,89	0,73	0,66	0,33

Орловская	0,69	0,66	0,51	0,6	0,94	0,48	0,4	0,38	1,71	1,83	2,32
Рязанская	0,82	0,58	0,59	0,63	1,07	0,55	0,68	0,71	1,6	1,27	1,34
Смоленская	0,7	0,62	0,59	0,58	0,89	0,77	0,79	0,64	1,33	0,97	0,69
Тамбовская	0,52	0,46	0,5	0,63	0,72	0,32	0,28	0,44	1,51	1,69	3,09
Тверская	0,74	0,56	0,61	0,59	0,88	0,58	0,68	0,68	1,5	0,75	0,78
Тульская	0,71	0,59	0,58	0,73	1,01	0,8	0,88	1,1	1,14	0,99	1,12
Ярославская	1,06	0,77	0,71	0,78	1,18	1	0,74	0,79	0,85	0,79	0,73
Москва	1,74	3,53	2,77	2,45	1,05	1	1,24	1,44	-	-	-

Примечание. Таблица составлена по: [2, 3]

В 1990-е гг. рыночная трансформация экономики сопровождалась глубоким спадом производства почти во всех отраслях хозяйства ЦЧР, что определило его социально-экономическую и территориальную асимметрию. Асимметрия хозяйства на всех территориальных уровнях была обусловлена неодинаковой степенью адаптации различных отраслей к рыночной экономике. Падение машиностроения и легкой промышленности повысил долю относительно стабильных металлургии и электроэнергетики к 2000 г. до 47,3%. При этом наблюдается концентрация промышленного и сельскохозяйственного производства ЦЧР в Белгородской области, которая является территорией опережающего развития в ЦЧР, и в Липецкой области, которая всегда отличалась высоким уровнем промышленного развития, см. табл. 2.

Таблица 2

Уровень развития регионов ЦЧР (ЦЧР – 1)

	ВРП		Сельское хозяйство		Промышленность		Торговля	
	1995	2016	1990	2017	1990	2017	1990	2017
Белгородская	1,2	1,24	1,2	1,38	1	1,48	0,97	1
Воронежская	0,88	0,95	1,02	0,78	0,86	0,67	1,04	1,09
Курская	0,94	0,86	1,09	1,1	0,97	0,81	0,97	0,87
Липецкая	1,47	1,07	0,79	0,83	1,97	1,71	1,11	1,01
Тамбовская	0,69	0,79	0,85	1,01	0,38	0,44	0,97	0,92

Примечание. Таблица составлена по [2, 3]

Уровень и особенности экономического развития регионов в рыночное время заметно дифференцируются. Уменьшилась доля Липецкой области, так как относительная роль НЛМК, несмотря на рост производства, снизилась. Бурный рост АПК в Белгородской области увеличил ее долю во всех основных отраслях экономики. В ЦЧР доля пищевой отрасли в промышленном производстве в 2017 году составила 42%. Интенсивный рост производства в этом секторе

повысил в последние годы удельный вес наиболее отсталой Тамбовской области. Более низкие темпы развития промышленности и сельского хозяйства не помешали Воронежской области за счет развития третичных отраслей Воронежа поднять уровень экономического развития.

В рыночное время снижение численности и доли населения более руральных Курской и Тамбовской областей, рост населения Белгородской области (доля ее выросла с 17,8% в 1990 г. до 21,6% в 2018 г.) заметно повысил индекс концентрации населения ЦЧР в разрезе областей (с 8,2% в 1990 г. до 16,7% в 2018 г.). Но еще большая асимметрия наблюдается на более низком территориальном уровне. В ЦЧР давно уже происходит асимметрия хозяйства, которая обусловила его «решетчатую» территориальную структуру. Вдоль железных путей и автодорог наблюдались полосы концентрации населения и хозяйства. Переход к рыночной экономике хозяйства усугубил неравномерности экономического развития МО района. Уровень промышленного производства на душу населения в 9/10 МО ЦЧР ниже среднего по району. Во многих МР ЦЧР, особенно в Тамбовской и Курской областях, нет ни одного действующего промышленного предприятия. На ядра социально-экономического развития областей приходится значительная доля промышленной и сельскохозяйственной продукции. Так, на Тамбов и Курск приходится почти по 2/3 промышленной продукции своей области, на Липецк 85%, а на Воронеж 44,5% соответственно, см. табл. 3.

Таблица 3

Доля и уровень обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства в ведущих МО ЦЧР

Районы и округа	Промышленность		Районы и округа	Сельское хозяйство	
	ДОЛЯ	Уровень		ДОЛЯ	Уровень
Алексеевский	3,06	2,85	Алексеевский	1,35	1,38
Валуйский	1,45	1,29	Белгородский	1,85	0,60
Ракитянский	1,47	2,54	Валуйский	1,45	1,40
Старооскольский	11,71	2,72	Волоконовский	3,34	5,20
Шебекинский	1,51	0,98	Ивнянский	1,76	2,91
Белгород	5,46	0,87	Корочанский	2,08	1,61
Верхнехавский	0,78	1,87	Красногвардейский	1,61	1,28
Каширский	0,91	2,19	Новооскольский	2,92	3,17
Лискинский	1,3	0,75	Прохоровский	2,87	3,75

Россошанский	3,16	2,01	Ракитянский	2,04	3,35
Воронеж	8,54	0,50	Шебекинский	2,37	1,43
Курск	5,13	0,77	Аннинский	1,38	1,38
Железнодорож	1,491	0,92	Бобровский	1,25	1,10
Грязинский	1,12	0,87	Лискинский	2,81	1,67
Лебедянский	2,22	3,17	Добринский	1,15	0,80
Липецк	30,52	3,57	Липецкий	1,37	0,69
Елец	0,69	0,39	Инжавинский	1,86	3,66
город Тамбов	2,92	0,61	Тамбовский	0,94	0,24

Примечание. Таблица составлена по: [4]

Только в Белгородской области характерно относительно более равномерное размещение промышленного производства, но и здесь явно выделяются два полюса ускоренного развития (Белгород и Белгородский район, Старооскольско-Губкинский), на них приходится 55,1% населения, 61,2% инвестиций и 57,5% продукции обрабатывающей промышленности [1].

На 18 МО приходится 83,4% промышленной и 34% сельскохозяйственной продукции района. На ассиметрию территориального развития оказывал заметное влияние недостаток материальных и кадровых ресурсов.

В последние годы большие инвестиции в АПК в перспективе могут снизить диспропорции сельского хозяйства. К точкам роста можно отнести многие районы (например, крупные животноводческие комплексы представлены во многих районах Белгородской и Курской областей), но даже в этих районах развитие пока захватывает недостаточный сегмент хозяйства и населения района. На этапе ускоренного развития пространственное развитие должно стать более равномерным, во многом это обуславливается и экологическими императивами, что требует вывода производства из крупнейших полюсов роста.

Литература

1. Крупко А.Э. Продовольственный комплекс ЦЧР: динамика, проблемы, перспективы и территориальные аспекты развития: монография / А.Э. Крупко, А.И. Зарытовская. – Воронеж, ВГПУ, 2014. с. 312.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2006: Стат. сб. / Росстат. М., 2007. 981 с.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2018. Стат. сб. / Росстат. М., 2018. 1402 с.

4. <http://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst.htm> - база данных показателей муниципальных образований России.

Сведения об авторе:

Крупко Анатолий Эмануилович, к.г.н., доцент, доцент кафедры социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет Glomer-a@mail.ru Тел.8-920-401-36-36

Krupko A.E., Candidate of Geographical Sciences, docent, docent of socio-economic geography and regional studies, Voronezh State University, Glomer-a@mail.ru Tel.8-920-401-36-36

УДК 911.3

Кулаковский Е.С.
Kulakovskiy Evgeniy S.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ КАК
ИНСТРУМЕНТ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ**

**SOCIO-ECONOMIC MICRO-DISTRICT
AS A TOOL OF SPATIAL PLANNING OF MUNICIPAL
DISTRICTS**

Проведена оценка опыта микрорайонирования в Воронежской области. Определены направления использования результатов районирования в пространственном планировании.

The experience of micro-district in the Voronezh region. The directions for using this tool in spatial planning are identified.

Ключевые слова: регион, муниципальные образования, поляризация, центр, периферия, Воронежская область.

Keywords: region, municipalities, polarization, center, periphery, Voronezh region.

Введение.

Социально-экономическое развитие невозможно представить без целенаправленного планирования имеющихся ресурсов. Одним из таких ресурсов является пространство, которое используется лишь для обозначения расположения объектов в пределах геотории. В действительности же использование данной категории имеет широкий диапазон, который можно свести в три ключевых направления: выраженных через сочетание природных, человеческих и

экономических ресурсов; базис деятельности человека; особую социально-экономическую реальность, участвующую в консолидации жизнедеятельности людей и социально-экономических и экологических условий человеческого бытия [1]. Подобная трактовка позволяет расширить сферу использования данного понятия, включая систему управления и планирования.

Интерес к проблемам управления развития территорий на низовых уровнях в последние годы возрос, что связано с активным поиском оптимальной модели территориальной организации местного самоуправления в России, особенно в научных кругах [8]. Выявляются противоречия муниципального устройства: во-первых, перенос советской системы территориального устройства без внесения изменений не привело к формированию самостоятельных в экономическом отношении единиц местного самоуправления или хотя бы способных обеспечивать свое функционирование; во-вторых, упрощение муниципальной структуры без учета внутренних различий приводит к разрушению внутренних связей и усилению поляризации; в-третьих, упрощение также приводит и к снижению возможностей для диалога власти, бизнеса и населения, а также к отсутствию реальных механизмов организации межмуниципального сотрудничества. Эти обстоятельства создают условия для оптимизации муниципального устройства. Решение задачи оптимизации муниципального устройства невозможно представить без районирования, которое является чисто географическим подходом и нацелено на выявление внутренне однородных территорий [3, 5].

Социально-экономико-географический микрорайон: понятие и подходы. Районирование проводится на разных иерархических уровнях. Так, на уровне субъектов РФ проводится внутриобластное (дробное) районирование (или социально-экономического микрорайонирование). В целом районирование представляет собой особый вид научной и хозяйственной деятельности, нацеленной на пространственную организацию объектов, процессов и явлений [2].

Социально-экономическое микрорайонирование может рассматриваться двояко: во-первых, как процесс (т.е. методический прием познания и преобразования региональной организации жизнедеятельности людей); во-вторых, как результат (базис для улучшения пространственно-временной структуры регионов) [4]. Подобное рассмотрение микрорайонирования позволяет выделить территориальные образования в пределах региона с центральным населенным пунктом, отличающихся устойчивыми транспортными и социальными связями, едиными чертами в системе расселения и

хозяйственной деятельности. В современных реалиях социально-экономическое микрорайонирование позволяет определить направления оптимизации муниципального устройства и организации межмуниципального сотрудничества, точки роста и проблемные территории для проведения региональной политики на муниципальном уровне. Эти обстоятельства актуализируют исследования по микрорайонированию.

Социально-экономическое микрорайонирование Воронежской области. В Воронежской области накоплен значительный опыт внутриобластного районирования [7]. В проводимом исследовании считаем необходимым проанализировать имеющийся опыт микрорайонирования в Воронежской области в современных условиях рыночной экономики [3, 5, 6] (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение опытов микрорайонирования Воронежской области

Экономический микрорайон	Пономарева, 1996	Лейзерович, 2008	Региональная схема развития и размещения производительных сил, 2014
Воронежский	Новоусманский, Семилукский, Рамонский, Хохольский, Каширский, Нижнедевицкий, Репьевский, Верхнехавский	Новоусманский, Семилукский, Рамонский, Хохольский, Каширский, Нижнедевицкий, Репьевский, Панинский, Верхнехавский, Эртильский	Новоусманский, Семилукский, Рамонский, Хохольский, Каширский, Нижнедевицкий, Верхнехавский
Аннинский	Аннинский, Панинский, Эртильский	-	Аннинский, Панинский, Эртильский, Таловский
Борисоглебский	Борисоглебский, Грибановский, Терновский, Поворинский, Новохоперский	Борисоглебский, Поворинский, Грибановский, Терновский, Новохоперский	Борисоглебский, Грибановский, Терновский, Поворинский, Новохоперский
Лискинский	Лискинский, Бобровский, Каменский, Острогожский	Лискинский, Бобровский, Каменский, Острогожский	Лискинский, Бобровский, Каменский, Острогожский, Репьевский

Россошанский	Россошанский, Подгоренский, Ольховатский, Кантемировский	Россошанский, Подгоренский, Ольховатский, Кантемировский	Россошанский, Подгоренский, Ольховатский, Кантемировский
Павловский	Павловский, Верхнемамонский, Богучарский	-	Павловский, Верхнемамонский, Богучарский
Калачеевский	Калачеевский, Петропавловский, Воробьевский	Павловский, Калачеевский, Верхнемамонский, Богучарский, Петропавловский	Калачеевский, Бутурлиновский, Петропавловский, Воробьевский
Бутурлиновский	Бутурлиновский, Таловский,	Бутурлиновский, Таловский, Аннинский, Воробьевский	-

Несмотря на разное авторство, значительная часть выделенных микрорайонов отражают сходство. Так, можно отметить, что в регионе имеются сформировавшиеся межрайонные центры - Воронеж, Борисоглебск, Лиски, Россошь, Калач; при этом основные расхождения происходят в зонах, где влияние названных центров снижается, что характерно для внутренней периферии - Павловск, Анна, Бутурлиновка.

Использование микрорайонирования в территориальном планировании. Для современного пространственного планирования важным стало не только рациональное использование имеющихся ресурсов, но и формирование благоприятной среды для жизни человека – от отдельных населенных пунктов до государства. При этом произошла смена методов планирования – от жесткой централизации в достижении заданных плановых значений к более мягким и гибким, в основном, через выделение точек роста. Среди них в Воронежской области можно выделить центры экономических микрорайонов.

Микрорайонирование приобретает большое значение в вопросах организации межмуниципального сотрудничества и оптимизации муниципального устройства, а также формирования межрайонных центров оказания государственных и муниципальных услуг.

Заключение.

Социально-экономическое микрорайонирование, несмотря на длительный период развития, получает новые возможности в пространственном планировании: выявление точек роста; обоснование путей решения проблем в социально-экономическом развитии; определение направлений оптимизации муниципального устройства. В

Воронежской области накоплен значительный опыт во внутриобластном районировании. Так, в частности, в 2014 г. была принята Региональная схема развития и размещения производительных сил, в которой микрорайоны получили наименование управленческих округов с выделением центров притяжения.

Литература

1. Лаженцев В.Н. Пространственное развитие (примеры Севера и Арктики) // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2010. № 1. С. 97-104.

2. Лаженцев В.Н., Обедков А.П. Принципы обоснования, критерии и цели выделения системы интегральных экономических районов // Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика - Ростов-на-Дону: Инфо-сервис - 2004. С.102-106.

3. Лейзерович Е.Е. Сетка экономических микрорайонов России. Вариант 2008 года // Региональные исследования. 2010. №4. С. 14–28.

4. Пономарева З.В., Шарьгин М.Д. Социально-экономическое микрорайонирование: вопросы методологии // Районирование в современной экономической, социальной и политической географии: потенциал, теория, методы, практика - Ростов-на-Дону: Инфо-сервис - 2004. С.151-153

5. Пономарева З.В. Социально-экономическое микрорайонирование Воронежской области / Пономарева З.В. // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата географических наук / Пермь, 1996.

6. Поросенков Ю.В., Сушкова О. Ю. Региональная схема размещения производительных сил Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. География. Геоэкология. – 2015. – № 2. – С. 50-57.

7. Рогозина Р.Е. Внутриобластное социально-экономико-географическое районирование Воронежской области: история, теория, практика // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология. 2018. № 2. С. 111-114.

8. Чистобаев А.И. Территориальная организация местного самоуправления в России // География в школе. 2014. № 7. С. 10-17.

Сведения об авторе:

Кулаковский Евгений Сергеевич – аспирант кафедры региональной политики и политической географии Института наук о Земле Санкт-Петербургского государственного университета; E-mail: evgeny.kyl@yandex.ru ; Контактный телефон: +79204215247

Куница М.Н.
Kunitsa M.N.

**МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ
В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД: ОСОБЕННОСТИ
ЕВРАЗИЙСКОГО ВЕКТОРА**

**INTERNATIONAL MIGRATION IN CENTRAL RUSSIA
IN MODERN PERIOD: FEATURES OF THE EURASIAN VECTOR**

Рассмотрены особенности развития международной миграции в Центральной России в современный период. Выделены ведущие тренды процессов ее трансформации. Проанализирована внешняя миграционная мобильность в контексте ее доминирующего евразийского вектора. Отражена специфика ее структурной и территориальной дифференциации, роль в миграционном движении населения региона.

The features of development of the international migration in the Central Russia in the modern period are discussed. The leading trends of the processes of its transformation are identified. The external migration mobility in the context of its predomination Eurasian vector is analysed. The article reflects specificity of its structure and territorial differentiation, role in the spatial mobility of population of region.

Ключевые слова: международная миграция, миграционное движение населения, евразийский вектор, структура, развитие, процесс, трансформация, дифференциация.

Key words: international migration, spatial mobility of population, Eurasian vector, structure, development, process, transformation, differentiation.

Динамизм миграционного движения населения – важная черта демографического развития современной России. Она является центром Евразийской миграционной системы на постсоветском пространстве [1]. Процессы международной миграции сложны, что определяется комплексом внешних и внутренних факторов (геополитических, правовых, экономических, социальных, демографических, этно-конфессиональных и др.).

Функции фокуса межгосударственного миграционного движения в стране выполняет Центральная Россия (Центральный федеральный округ – ЦФО) с особым столично-центрально-приграничным положением, наиболее высоким социально-экономическим потенциалом, благоприятными природными условиями. Ведущие причины международной миграции – преобладающие личные и семейные, экономические, образовательные, реэмиграционные устремления, обострение межнациональных отношений. Доминирует евразийский вектор перемещений: доля в миграционном обороте округа граждан стран постсоветского пространства очень высока.

В трансформации процессов в анализируемый период можно выделить несколько этапов. Первый (1992-1995 гг.) отличает повышение роли международной миграции, высокий миграционный оборот, активизация вынужденных перемещений, эмиграции, формирование прироста за счет стран СНГ и Балтии. После распада СССР усилились факторы «выталкивания» людей из постсоветских государств. Пик оборота – 1994 год вследствие интенсивного притока мигрантов из ближнего зарубежья, четверть которых зарегистрировали как вынужденных [5]. В Центре половину миграционного прироста дала внешняя составляющая. По вовлеченности в международные процессы он лидировал в России. Особенно выделялись Московская, Белгородская, Воронежская области. Доминировал украинский вектор при существенной роли Казахстана, Средней Азии и Закавказья.

Второй этап (1996-2000 гг.) характеризует уменьшение интенсивности международного оборота (до 128,17 тыс. чел. в 2000 г.) [8]. Это было связано с постепенным сокращением вынужденных перемещений, невысокой привлекательностью России для трудовых мигрантов в условиях кризиса, сужением эмиграции. Однако «статус» Центра в стране повышается: в обороте (до 25% в 2000 г.) и механическом приросте. Внешняя составляющая обеспечила до половины миграционного роста ЦФО. Активное сальдо сохранялось за счет нового зарубежья. В округе и большинстве его субъектов Украина уступила первенство Казахстану. Роль среднеазиатских стран усилилась, Закавказья и Балтии – сократилась. Наиболее привлекали мигрантов Московская область и Москва. Повышалась вовлеченность в процессы Белгородской и Воронежской областей.

На третьем этапе (2001-2004 гг.) продолжался тренд конца XX века с падением притока, оттока, миграционного оборота (до 51,62 тыс. чел. в 2004 г.) на фоне сужения выездного потенциала русскоязычного населения в СНГ [9]. Однако значение ЦФО в обороте России осталось существенным (25-27%), а в миграционном приросте усилилось (более

50%). Снизилась доля данных перемещений в механическом увеличении населения региона. Евразийский вектор обеспечил положительное сальдо округа. Возврат доминирования Украины сопровождался повышением роли среднеазиатских стран, особенно Узбекистана. В лидеры прироста (столица, Московская, Белгородская и Воронежская области) вошла Калужская область.

Четвертый этап (2005-2010 гг.) отличала сложная динамика миграции. Повышение оборота в 2 раза к 2007 году, стимулированное изменением законодательства и экономическим ростом в стране, сопровождалось усилением трудовых миграций. С 2008 года корректировали мобильность кризисные процессы. Снижился оборот (до 73,81 тыс. чел. в 2010 г.) [10]. Однако значение ЦФО в межгосударственном обмене России выросло (30-33%) при уменьшении – в миграционном приросте (до трети). Доля внешнего притока в увеличении населения округа динамична. Активное сальдо формировали только СНГ и Балтия. Большой удельный вес имела Украина. Интенсивны связи с Узбекистаном и другими среднеазиатскими странами, Арменией, Молдовой, Казахстаном. Основные фокусы – Московская область и Москва, где в миграции на постоянное жительство доминировали граждане Украины, а во временной трудовой – Средней Азии [2]. Выделялись также Белгородская, Тверская, Тульская области.

На пятом этапе (2011-2013 гг.) возобновилось увеличение международных потоков, миграционного оборота (до 190,09 тыс. чел. в 2013 г.) при снижении прироста [11]. ЦФО сохранил лидерство в стране (до 30% в межгосударственном движении, до 32% в приросте). Значимы (47-40%) внешние перемещения в «механическом» повышении численности населения округа. Активны трудовые миграции при низком объеме вынужденных. Усилилась роль Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, почти половину которых привлек Центр. Несмотря на сужение их потенциал в СНГ составлял примерно 5 млн. человек [7]. Положительное сальдо обеспечили не только страны ближнего, но впервые за долгий период и дальнего зарубежья. Доминировали связи с СНГ, наиболее интенсивные с Украиной. Снижился «рейтинг» Казахстана, вырос – Средней Азии, Молдовы, Армении. Московская область и Москва – лидеры миграционного прироста в России. Существенно значение Белгородской, Тверской, Тульской областей.

Шестой этап (с 2014 г.) характеризуется сочетанием основных трендов начала десятилетия и новых тенденций. Растет интенсивность

миграций, оборот достиг в 2018 году второго максимума в современный период (343,61 тыс. чел.) [12]. Диспропорция в темпах увеличения за 2014-2018 годы притока (в 1,2 раза) и оттока (в 2 раза) определила падение миграционного прироста, однако меньшее, чем в России в целом. Процессы развивались в условиях международных санкций, реализации политики импортозамещения в стране. На ситуацию влияли разные факторы: девальвация рубля, сужение рынка труда, свобода движения рабочей силы в Евразийском экономическом союзе (Россия, Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия), совершенствование правового регулирования, переход на систему патентов [3]. ЦФО остался лидером в стране (27-34% оборота, 35-44% прироста). Доля внешних перемещений в миграционном увеличении населения округа снизилась за 2016-2018 годы с 52% до 30%. Положительное сальдо почти полностью формировало постсоветское пространство.

Изменяется структура потоков. После пика 90-х годов XX века активность вынужденных переселений из государств СНГ упала. Среди 370 тысяч зарегистрированных за 1992-2013 годы вынужденных мигрантов преобладали граждане Казахстана, Узбекистана, Таджикистана при доминировании русских [5, 11]. Наибольший приток шел в развитые индустриально-аграрные области, особенно Белгородскую и Воронежскую, минимальный – в Ивановскую и Костромскую. С 2014 года в основном вследствие военных действий на востоке Украины роль вынужденных миграций значительно усилилась. После «пика» 2015 года (121,8 тыс. чел.) их число снижается (до 25 тыс. чел. в 2018 г.) [6]. Доминирует категория лиц, получивших временное убежище. Лидер их приема в стране – Центр (37% за 5-летие). Выделяются Воронежская, Калужская, Липецкая, Тульская, Белгородская, Брянская области. Сложна проблема адаптации прибывших.

Велики масштабы трудовой миграции при преобладании временной. Большая емкость рынка труда обусловила высокую концентрацию иностранцев: более 40% российского объема в начале века, почти 23% имевших разрешение на работу и 47% – патент на трудовую деятельность в 2018 году [4, 6]. В спросе сложились два полюса (на низко- и высококвалифицированных работников). Доминируют граждане государств Средней Азии, Украины, Молдовы. Столичный регион аккумулирует несколько более 80% мигрантов ЦФО с патентами. Области значимого притяжения – Калужская, Тульская, Рязанская. Усилился важный для компенсации убыли трудовых ресурсов процесс переселения в округ соотечественников.

Евразийский вектор перемещений остается доминантным. Украина сохраняет ведущие позиции при подъеме – сильном снижении доли (с 53% до 22% за 2016-2018 гг.) в миграционном приросте округа. Повысилась роль стран Средней Азии с переходом главенства от Узбекистана к Таджикистану, Закавказья с преобладанием Армении. Устойчив в главной пятерке статус Молдовы. Усилилось значение Беларуси, особенно в приграничье. Мал взаимопоток с Балтией. Углубилась региональная дифференциация вовлеченности в международную миграцию. Постоянный фокус – Московская область и столица повысили уровень лидерства (до 52% миграционного прироста ЦФО и 23% России в 2018 г.). Длительна привлекательность развивающихся Воронежской, Калужской, Белгородской областей. Значимы позиции Липецкой и Тульской областей. Другой полюс – Тамбовская область с отрицательным сальдо. Выражены территориальные различия ситуации и комплекса рисков зависимости от внешней миграции. Устойчивость позитивных процессов 2019 года прогнозировать сложно.

Повышение эффективности миграционной политики, рационализация структуры международных потоков, их евразийского вектора – важные факторы демографического и социально-экономического развития ЦФО.

Литература

1. Алешковский И.А., Ионцев В.А., Слука Н.А. Влияние международной миграции на современное демографическое развитие России //Вопросы географии. Сборник 135: География населения и социальная география /отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 356-382.
2. Зайончковская Ж.А., Иоффе Г.В. Динамика расселения в Московском регионе как отражение постсоветских трансформаций //Вопросы географии. Сборник 135: География населения и социальная география /отв. ред. А.И. Алексеев, А.А. Ткаченко. М.: Кодекс, 2013. С. 188-223.
3. Зорин В.Ю. Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения //Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2019. Том 9. № 3. С. 40-50.
4. Концепция демографического развития Центрального федерального округа. М., 2007. 31 с.

5. Куница М.Н. Геодемографическая структура населения староосвоенного региона: особенности, дифференциация, проблемы в Центральном федеральном округе России. Брянск: Изд-во РИО БГУ, 2009., 312 с.

6. Регионы России. Социально-экономические показатели – 2019. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/d19_14p/Main.htm (дата обращения 21.01.2020)

7. Рыбаковский Л.Л. Демографическое развитие России в условиях глобализации //Демографическое развитие: вызовы глобализации (Седьмые Валентеевские чтения): Международная конференция /под ред. В.А. Ионцева, Н.В. Зверевой, Г.Е. Ананьевой, В.П. Тышкевич. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 36-46.

8. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2000 году (Статистический бюллетень). М., 2001. 246 с.

9. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2004 году (Статистический бюллетень). М., 2005. 246 с.

10. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2010 году (Статистический бюллетень). М., 2011. 173 с.

11. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2013 году. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/d14_107/Main.htm (дата обращения - 16.01.2020).

12. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2018 году. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/d19_107/Main.htm (дата обращения - 25.01.2020).

Сведения об авторе:

Куница Марина Николаевна, кандидат географических наук, доцент, Доцент кафедры географии, экологии и землеустройства, ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского», E-mail: geodem@mail.ru ; 7-9803320543

Kunitsa Marina, Ph. D., Associated Professor of the Department of Geography, Ecology and Land Management, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education “Bryansk State Academician I.G. Petrovski University” (Bryansk State University), E-mail: geodem@mail.ru ; 7-9803320543

Ларионова С.В., Нестерова К.А.
Larionova S.V., Nesterova K.A.

**ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ АНТРОПОГЕННОГО
ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ЛЕСА НА ПРИГРАНИЧНЫХ
ТЕРРИТОРИЯХ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**STUDY EXPERIENCE OF ANTHROPOGENIC IMPACT ON
FORESTS IN THE BORDER AREAS OF THE LENINGRADSKY
REGION**

В работе исследовано влияние вырубок на лесную территорию Ленинградской области и проведено сравнение с приграничными территориями Финляндии и Эстонии. Исследование выполнялось основе данных, полученных при использовании ГИС.

We investigated the effect of felling on the forest territory of the Leningrad Region and compared it with the border territories of Finland and Estonia. The study was based on data obtained using GIS.

Ключевые слова: вырубка леса, антропогенное влияние, ГИС

Key words: deforestation, human impact, GIS

Антропогенная нагрузка на окружающую среду с каждым годом возрастает. Среди современных экологических проблем особое место занимает деградация лесов вследствие активной деятельности человека, осваивающего все новые территории. Староосвоенные территории испытывают на себе влияние человека уже многие столетия. В первую очередь оно выражается в непосредственной эксплуатации лесов.

Целью нашего исследования является выявление степени антропогенного воздействия на приграничные территории Ленинградской области, а объектом исследования выступают леса /лесные насаждения Ленинградской области вблизи государственной границы с Финляндией и Эстонией.

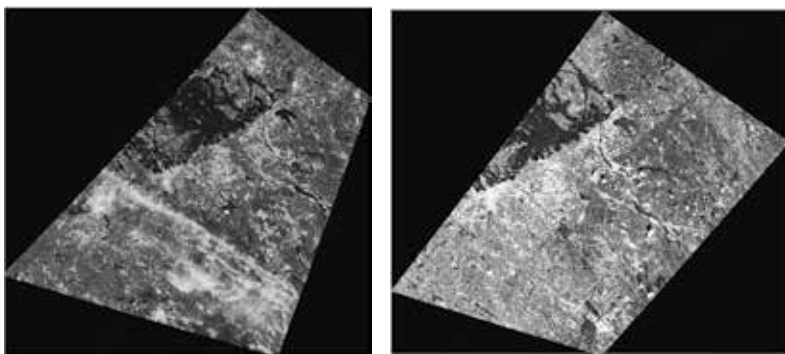
Ленинградская область расположена в бореальной зоне в пределах южной и средней тайги [1]. Лесами на сегодняшний день покрыто 55,5% площади. Из них около 6% приходится на особо охраняемые природные территории [2]. С хозяйственной точки зрения можно привести следующий количественный показатель: по данным РОССТАТА общий запас древесины Ленинградской области на 2018 год составил 803,1 млн. м³ [3].

В данной работе ставилась задача оценить динамику вырубок на основе данных, полученных при использовании ГИС. Сегодня этот метод применяется все чаще, так как позволяет оперативно провести исследование на большой площади. Однако, этот метод имеет ряд недостатков. При автоматическом дешифрировании ошибка распознавания изображения может составлять до 30%, т.е. необходимо наличие эталонов дешифрирования и верификация результатов в полевых условиях. Однако, картографический анализ дает возможность получить представление о состоянии растительного покрова на исследуемой территории.

В работе использовались данные со среднемасштабных космических снимков Landsat 1-5 и Landsat 8.

Были изучены леса на всем протяжении государственной границы Ленинградской области со странами-соседями. Для отслеживания изменений в растительном покрове использовались два снимка, сделанные с разницей в 30 лет (в 1987 и 2019 гг. соответственно).

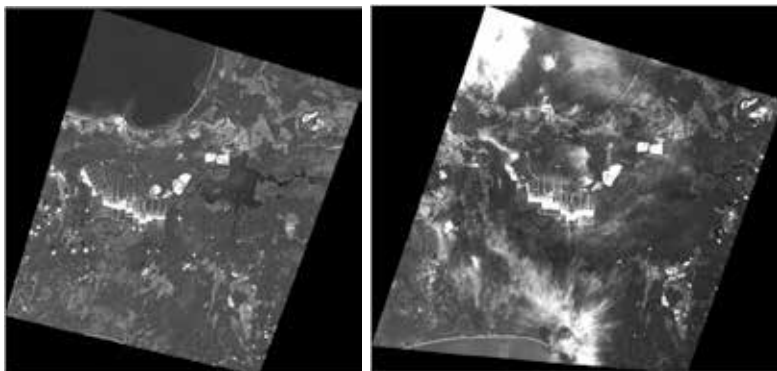
На снимках четко видно, что территории, незанятые лесами, увеличиваются по площади, однако это связано не только с увеличением объемов вырубок, но и их последствиями.

А

Б

Рис. 1. Изображения приграничной территории Ленинградской области и Финляндии. А - данные аппарата Landsat 1-5 ,1987 г.; Б - Landsat 8, 2019 г.

А

Б

Рис. 2. Изображение приграничной территории Ленинградской области и Эстонии. а - данные аппарата Landsat 1-5, 1987 г., б - Landsat 8, 2019 г.

Лесозаготовительная промышленность всегда была экономически выгодной: с 1970-х годов индекс цен производителей лесозаготовительной промышленности по отношению к прошлому году никогда не был меньше 100%. Средняя цена на необработанные лесоматериалы с 2014 года растет [4].

Данная отрасль специализации так же характерна для государств-соседей, поэтому было проведено сравнение с ситуацией в приграничной зоне.

На рис. 1 видно, что на юге Финляндии в приграничной зоне с Россией (в пределах Ленинградской области) очень хорошо развита инфраструктура: белые пятна городов и белые полосы дорог – больше половины лесов на этой территории было вырублено. На сегодняшний день наблюдается небольшое количество свежих вырубок вдоль границы, однако их объемы несопоставимы с объемами безлесных территорий вдоль границы Ленинградской области.

На рис. 2 видно, что у Эстонии также развита инфраструктура на приграничных территориях. На космоснимке за 2019 год можно обнаружить следы свежих вырубок. Юго-западная часть Ленинградской области меньше подвержена обширным вырубкам в приграничной зоне ввиду наличия на данной территории запретных участков леса (по данным картосхемы «Распределение лесов Ленинградской области по целевому назначению», М 1:200 000; сайт

Комитета по природным ресурсам, данные актуальны на 2019 год): нерестощащенные леса и полосы лесов, расположенные вдоль водных объектов [5], именно поэтому Эстонская сторона выглядит менее облесенной.

По космическим снимкам заметно увеличение объема вырубок с 1987 года на приграничной территории Ленинградской области. Картина в соседних государствах, тем временем, следующая: в Эстонии и Финляндии продолжают рубить хвойный лес, однако площадь вырубок сильно сократилась.

Выводы.

Лесозаготовка – одна из отраслей специализации Ленинградской области. Но лес – ресурс исчерпаемый. При изучении серии космоснимков обнаруживается увеличение площадей, пройденных рубками. Ситуация не может не вызывать тревогу, т.к. рекреационное значение лесов вблизи мегаполисов очень высоко.

Литература

1. Карта «Зоны и типы поясности гор России и сопредельных территорий» / гл. редактор Г.Н. Огуреева // Москва, 1999.
2. Правительство Ленинградской области [электронный ресурс] – URL: <https://lenobl.ru/ru/o-regione/> (дата обращения 28.02.2020).
3. Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс] – URL: https://gks.ru/bgd/regl/b19_14p/Main.htm (дата обращения 28.02.2020)
4. Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс] – <https://www.gks.ru/storage/mediabank/Cena-2018.pdf> (дата обращения 28.02.2020).
5. Комитет по природным ресурсам Ленинградской области [электронный ресурс] – URL: https://nature.lenobl.ru/media/uploads/userfiles/2018/11/20/Схема_распределения_лесов_по_целевому_назначению.jpg (дата обращения 20.02.2020).

Сведения об авторах:

Ларионова Светлана Валерьевна, Студент Санкт-Петербургского государственного университета, st067838@student.spbu.ru; 89216301730.

Нестерова Ксения Александровна, Студент Санкт-Петербургского государственного университета, st051935@student.spbu.ru ; 89052591122.

Лялина А.В.
Lialina A.V.

**ПРИМОРСКИЙ ФАКТОР В РАЗВИТИИ
МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ:
ПРИМЕР КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ**

**THE SEA FACTOR IN MIGRATION PROCESSES ON THE
LOCAL LEVEL: THE CASE OF KALININGRAD REGION**

Миграционные процессы на приморских территориях имеют свои отличительные черты, во-многом, обусловленные сложившимся характером морехозяйственной деятельности. Различия в морской и приморской специализации хозяйства муниципалитетов Калининградской области усиливают фактор «агломерации» в траекториях движения населения и определяют наличие периферии и «миграционного ядра» в составе промышленных городских округов Калининградской агломерации и центров рекреации на берегу моря.

Migration in the coastal territories have their own distinctive features, largely due to the prevailing nature of maritime activities. Differences in maritime and coastal specialization of the municipalities of the Kaliningrad Region reinforce the “agglomeration” factor in the trajectories of population movement and determine the presence of the periphery and the “migration core” in the industrial urban districts of the Kaliningrad agglomeration and recreation centers on the seashore.

Ключевые слова: приморский фактор, миграция, муниципальные образования, Калининградская область, Россия.

Key words: costal factor, migration, agglomeration, migration core, Kaliningrad region, Russia.

Введение.

В Российской Федерации насчитывается 159 приморских муниципальных образований, имеющих непосредственный выход к морю. Из их числа 18 расположены в Балтийском бассейне, в том числе 13 - на территории Калининградской области: в акватории Куршского залива расположены Полесский, Славский и Гурьевский городские округа (ГО), Калининградского залива – город Калининград, Багратионовский, Ладушкинский, Мамоновский, Гурьевский, Светловский ГО, имеют непосредственный выход к морю Янтарный, Пионерский, Зеленоградский, Светлогорский и Балтийский ГО. Сложившиеся особенности функционирования морехозяйственного

комплекса на территории области и уровня социально-экономического развития во многом предопределяют различия в протекании миграционных процессов на локальном уровне.

Исследователи отмечают, что приморское положение обуславливает расширенные экономические и продовольственные возможности, мягкие климатические условия, повышенную транспортную доступность, с одной стороны, и экологические риски повышения уровня моря и подтопления – с другой [1]. Таким образом, фактор «моря» в концепции «push-pull factors» Э. Ли может играть роль как выталкивания, так и притягивания. Приморское положение Калининградской области выступает притягивающим фактором в миграционных процессах [2]. Важную роль здесь играет развитие в регионе таких «морских» видов деятельности, как морской транспорт, рыболовство, сфера туризма и рекреации, военно-морской флот, и ассоциированных с ними отраслей (например, рыбоперерабатывающие производства), которые в значительной степени определяют качественные характеристики миграционных процессов. Например, в структуре входящих миграционных потоков выделяется приток военнотрудовых, а в исходящих – трудовые мигранты рыбодобывающей специализации [3]. Кроме того, сложившиеся мягкие климатические условия притягивают в регион жителей регионов РФ с неблагоприятными климатическими условиями – это, прежде всего, субъекты Дальнего Востока, Сибири и Севера [4]. Очень часто важным условием для переезда жителей других приморских территорий (особенно северных) становится наличие морского побережья в Калининградской области. В то же время наблюдается дифференциация приморских муниципалитетов региона как по характеру протекающих миграционных процессов, так и по использованию фактора «моря» в развитии экономики.

Приморское положение как фактор миграции в современных исследованиях рассматривается достаточно часто. Как правило, в центре внимания лежит климатическая миграция, причиной которой являются экологические изменения в прибрежных регионах [5,6]. Особенности протекания миграционных процессов во взаимосвязи со спецификой формирования морской и приморской специализации экономики, напротив, изучено не достаточно хорошо, несмотря на то, что в отечественной и зарубежной литературе накоплен богатый опыт исследования влияния моря на развитие экономики и расселения [7,8]. В данной статье приведена попытка оценки влияния морехозяйственной специализации на протекающие миграционные

процессы в отдельных муниципальных образованиях Калининградской области.

Данные и методы.

В основе исследования лежит метод типологизации. Первоначально была осуществлена типологизация ГО Калининградской области для выявления специфики протекания миграционных процессов в приморской зоне. Для этих целей использовались индикаторы (табл 1.).

Таблица 1

Индикаторы и показатели типологии ГО Калининградской области по специфике протекания миграционных процессов
(по данным за 2014-2018 гг.)

Индикатор	Показатель
1. Вовлеченность в миграционные процессы	Миграционный оборот, чел. на 1000 населения
2. Эффективность миграционных процессов	Сальдо миграции, чел. на 1000 населения
3. Гендерная структура миграционного оборота	На одного мигранта мужчину приходится мигрантов женщин, чел.
4. Возрастная структура миграционного оборота	На одного мигранта трудоспособного возраста приходится мигрантов старше трудоспособного возраста, чел. На одного мигранта трудоспособного возраста приходится мигрантов моложе трудоспособного возраста, чел.
5. Географическая структура миграционного оборота	На одного мигранта внутри региона приходится мигрантов из других регионов России, чел. На одного мигранта внутри региона приходится мигрантов из других стран, чел. Сальдо миграции внутри региона, чел. на 1000 населения

Источник: разработано автором.

Затем выделенные приморские округа были типологизированы на основе влияния фактора «моря» на их экономику. Для этого были использованы индикаторы оценки «морской» и «приморской» специализации экономики, общего уровня развития экономики, внешнеэкономической деятельности и демографо-социальных процессов в соответствии с имеющимися разработками [9] (табл. 2.).

Таблица 2

Индикаторы и показатели типологии приморских ГО
Калининградской области по влиянию фактора «моря» на их
экономику (по данным за 2018 г.)

Индикатор	Показатель
Морское хозяйство	
1. Морские порты и морское судоходство	Наличие порта, (+/-)
2. Добыча полудрагоценных камней на морских шельфах, побережьях	Наличие месторождения янтаря на морских шельфах, побережьях, (+/-)
3. Добыча минерального сырья (нефть, газ) на морских шельфах, побережьях	Наличие месторождения минерального сырья (нефть, газ) на морских шельфах, побережьях, (+/-)
4. Судостроение и судоремонт	Доля судостроительных или судоремонтных заводов от общего числа организаций по региону, %
5. «Приморские» туризм и рекреация	Доля гостиниц и предприятий общественного питания от общего количества по региону, %
	Доля мест в коллективных средствах размещения от общего количества по региону, %
6. Военно-морские силы и их инфраструктура	Наличие военно-морской флотилии, (+/-)
	Наличие береговых войск, морской авиации, (+/-)
Комплексированные с морским хозяйством сферы экономики	
7. Автомобилестроение, зависимое от импорта комплектующих	Доля организаций по производству автотранспортных средств от общего числа в регионе, %
8. Сжижение и регазификация природного газа, иные виды переработки углеводородов	Доля организаций по переработке углеводородов от общего числа в регионе, %
9. Химическая промышленность	Доля организаций по производству химических веществ и химических продуктов от общего числа в регионе, %
10. Пищевая промышленность	Доля организаций по переработке и консервированию рыбы, ракообразных и моллюсков от общего числа в регионе, %
11. Производство ювелирных изделий	Доля организаций по производству ювелирных изделий и аналогичных изделий от общего числа в регионе, %
Экономика приморских муниципалитетов	

12. Промышленное производство	Доля отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами (без субъектов малого предпринимательства) от общей суммы, %
13. Инвестиции	Отношение инвестиций в основной капитал, осуществляемых организациями, находящимися на территории ГО (без субъектов малого предпринимательства), на душу населения в фактически действовавших ценах, к среднему по региону, единиц
14. Бюджет	Удельный вес собственных доходов к общей величине доходов, %
	Профицит или дефицит бюджета, (+/-)
Внешнеэкономическая деятельность	
15. Граница	Наличие пограничных переходов (водных, воздушных, наземных), (+/-)
Демографические и социальные процессы	
16. Численность населения	Динамика среднегодовой численности населения (2020 г. к 2010 г.), %
17. Зароботная плата	Отношение среднемесячной заработной платы к средней по региону, единиц

Источник: разработано автором.

Полученные типологии были наложены друг на друга с целью выделения типов муниципалитетов с особой миграционной ситуацией, обусловленной сложившейся морехозяйственной специализацией. Информационной базой исследования послужили данные Калининградстата.

Типология приморских муниципалитетов Калининградской области по характеру влияния морехозяйственной специализации на миграционные процессы.

Приморские муниципалитеты Калининградской области на основе проведенной трехуровневой типологизации были объединены в 6 типов (рис. 1).

К типам 1 и 2 отнесены муниципалитеты «миграционного ядра», стягивающие население других округов области.

Тип 1 объединил «промышленные» муниципалитеты Калининградской агломерации, находящиеся на берегу залива – г. Калининград и соседний быстроразвивающийся Гурьевский ГО. Территории характеризуются высоким миграционным приростом и средним или высоким миграционным оборотом. Миграционные

процессы здесь затрагивают в основном трудоспособное население, намного реже - лиц моложе трудоспособного возраста. Женщины участвуют в миграциях чаще мужчин. Крайне высока доля мигрантов из других стран. Для г. Калининграда миграционный обмен с другими российскими регионами весомее, чем с другими округами области, напротив, для Гурьевского ГО - более значимы внутререгиональные перемещения, нежели межрегиональные.

На территории г. Калининграда есть порты и портовая инфраструктура, здесь концентрируются основные судостроительные и судоремонтные промышленные мощности региона, расположена военно-морская база Балтийского флота РФ. Дополнительно Калининград выступает региональным центром рекреации и туризма. На территории г. Калининграда широко представлены комплексированные с морским хозяйством виды деятельности, Гурьевск специализируется преимущественно на химическом производстве. Муниципалитеты являются основными аттракторами инвестиций в регионе, обеспечивают большую долю отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами. Местные бюджеты характеризуются профицитом и повышенной долей собственных доходов. Численность населения растет, уровень оплаты труда выше, чем в среднем по региону.

Внутри типа выделен один **подтип 1.1** в составе Светловского ГО. Муниципалитет обладает сходной морехозяйственной спецификой (со специализацией на переработке и консервировании рыбы), но отличается меньшими объемами миграционных процессов с небольшим оттоком в г. Калининград.

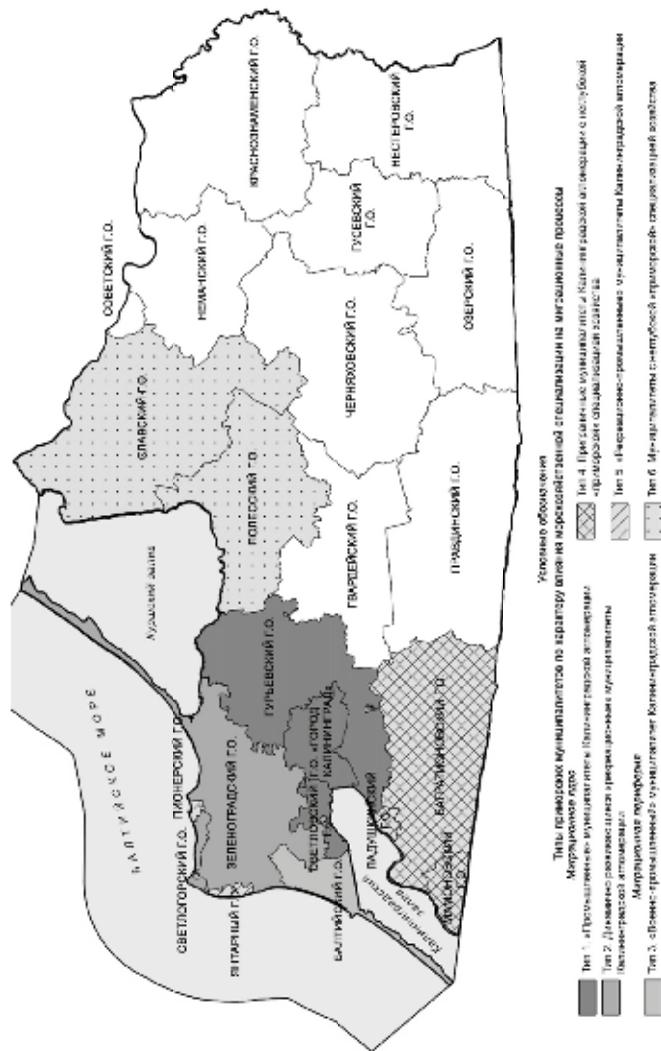

Рис. 1. Типология приморских муниципальных области по характеру влияния морехозяйственной специализации на миграционные процессы

Источник: разработано автором.

Тип 2 включает «рекреационные» муниципалитеты Калининградской агломерации на берегу моря – Зеленоградский и Светлогорские ГО. Это округа с высоким миграционным оборотом и приростом населения, повышенной нагрузкой мигрантов старше трудоспособного возраста на мигрантов трудоспособного возраста, и высокой долей обмена с другими регионами РФ.

Морехозяйственная деятельность здесь связана с реализацией рекреационного потенциала. Сопутствующие «приморские» направления экономики - это береговые войска ВМФ России в Светлогорском ГО и добыча нефти на континентальном шельфе в Зеленоградском ГО, химические производства, производство ювелирных изделий из янтаря на территории обоих муниципалитетов. Территории характеризуются невысокой долей отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами, профицитом бюджета, повышенной долей собственных доходов в местном бюджете, при относительно невысоком уровне привлечения инвестиций. Социально-демографические процессы здесь позитивны: численность населения растёт, заработная плата превышает среднерегionalную.

Типы 3-6 – это миграционная периферия, поскольку характеризуется отрицательным сальдо внутриврегиональной миграции.

К **типу 3** отнесен «военно-промышленный» муниципалитет, Балтийский ГО, с особым режимом протекания миграционных процессов. Округ с высоким миграционным оборотом и приростом населения. Преобладает миграция мужчин трудоспособного возраста из других регионов России при практически нулевом миграционном обороте с зарубежными странами. Это муниципалитет с приоритетными военно-морским и судостроительным направлениями развития, здесь расположен морской портопункт. Сопутствующее направление морехозяйственной деятельности - рекреация и туризм, производство янтарных изделий. Округ имеет общегосударственное стратегическое значение. На данный момент вклад в региональную экономику муниципалитета небольшой. Численность населения практически не меняется, размер заработных плат ниже, чем в среднем по региону.

Муниципалитеты **типов 4, 5 и 6** хоть и имеют выход к морю (напрямую или через залив) сегодня не обладают существенной морской специализацией, отчасти развивая на своей территории только «приморские» виды экономической деятельности. Это создает условия для протекания неблагоприятных миграционных процессов на этих

территориях – активной потери населения в результате внутриобластной миграции (главным образом, в г. Калининград и соседние муниципалитеты).

Тип 4 объединяет соседние Багратионовский, Ладушкинский и Мамоновский ГО, расположенные на берегу Калининградского залива. Это территории с высокой миграционной активностью ввиду наличия в Багратионовском ГО Центра временного размещения иностранных граждан. Следствием этого является высокая доля мигрантов из других стран. Соотношение женщин и мужчин примерно равное.

Муниципалитеты характеризуются средним и невысоким уровнем концентрации организаций по переработке и консервированию рыбы. Вклад муниципалитетов в региональную экономику невелик. В Багратионовске и Мамонове расположены наземные пункты пропуска через российско-польскую границу. Численность населения здесь сокращается (за исключением Мамоновского ГО), уровень зарплаток ниже среднего по региону (кроме Багратионовского ГО).

Тип 5 включает рекреационно-промышленные городские округа Калининградской агломерации - Пионерский и Янтарный - с небольшим положительным сальдо миграции за счет межрегионального обмена, но относительно невысоким миграционным оборотом. В возрастной структуре миграционного оборота наблюдается некоторый сдвиг в сторону лиц старших возрастов, характерный особенно для Пионерска. Эта особенность специфична для округов типа 2.

Муниципалитеты характеризуются средним и невысоким уровнем концентрации предприятий химической промышленности (Пионерский) и предприятий по производству изделий из янтаря (Янтарный). В Пионерском расположен морской порт. Вклад в экономику региона невелик, наблюдается дефицит местных бюджетов при максимальной доле собственных доходов. Динамика демографо-социальных процессов разная: наиболее благоприятная ситуация в Янтарном, в значительной степени благодаря якорному предприятию "Калининградский янтарный комбинат", в Пионерском ситуация хуже - ему сложнее конкурировать с близлежащими приморскими успешно развивающимися Светлогорским и Зеленоградским ГО.

В **тип 6** выделены два северо-восточных округа с неглубокой «приморской» специализацией хозяйства (рыбопереработка и переработка углеводов), расположенные на берегу Куршского залива – Славский и Полесский. Муниципалитеты с крайне низким миграционным оборотом. Доля мигрантов молодых возрастов повышена, что обусловлено оттоком молодежи в областной центр для

получения образования. Муниципалитеты слабо вовлечены в обмен с другими российскими регионами и зарубежными странами. Динамика социально-экономического развития аналогична округам типа 4.

Заключение.

Калининградская агломерация, географически тяготеющая к побережью Балтийского моря, включает 11 из 13 приморских городских округов. Агломерационные эффекты на миграционных процессах усиливаются эффективностью использования фактора «моря» в хозяйственной деятельности этих территорий, поскольку именно он в значительной степени определяет уровень и качество жизни населения здесь. Там, где эффективность выше, там и миграционная обстановка более благоприятная. Напротив, муниципалитеты без очевидной «морской» и «приморской» специализации экономики отличаются негативными тенденциями развития миграционных процессов.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 1918-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

Литература

1. Creel L. Ripple effects: population and coastal regions. 2003. Washington, DC: Population Reference Bureau.
2. Лялина А.В. Некоторые особенности внешних миграционных процессов в приморских регионах Западного побережья России // Вестник БФУ им. И. Канта. Серия: Естественные и медицинские науки. 2019. Выпуск 4.
3. Лялина А.В. Роль миграции в демографическом развитии Калининградской области // Региональные исследования. 2019, 4. (на рецензировании).
4. Емельянова Л.Л., Фидря Е.С. Оценка рисков и возможностей реализации Программы оказания содействия добровольному переселению в Калининградскую область РФ соотечественников, проживающих за рубежом // Балт. рег.. 2014. №1 (19). С. 81-96.
5. Coldbach C. Out-migration from Coastal Areas in Ghana and Indonesia—the Role of Environmental Factors // CESifo Economic Studies, 2017, 63 (4). Pp. 529–559. <https://doi.org/10.1093/cesifo/ifx007>.
6. Siddiqui M.R., Hossain M.A. Climate Change and Migration in Coastal Areas in South Asia. In: Leal Filho W., Azul A., Brandli L., Özuyar

P., Wall T. (eds) Climate Action. Encyclopedia of the UN Sustainable Development Goals. 2019. Springer, Cham.

7. Федоров Г.М., Кузнецова Т.Ю., Михайлов Г.М. Влияние моря на развитие экономики и расселения стран Балтийского региона // Балт. Регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 7-27. 10.5922/2074-9848-2017-2-1.

8. Дружинин А.Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация Балт. Регион. 2017. Т. 9, № 2. С. 28-42. 10.5922/2074-9848-2017-2-2.

9. Дружинин А.Г. «Морской фактор» в современной российской экономике (взгляд географа-обществоведа) // Научная мысль Кавказа. 2016. № 2. С. 16-25. 10.18522/2072-0181-2016-86-2-16-26.

Сведения об авторе.

Лялина Анна Валентиновна, к.г.н., научный сотрудник Института региональных исследований, ФГАОУ ВО «БФУ им. И. Канта», e-mail: anuta-mazova@mail.ru, тел.: +7 (911) 859-84-91.

УДК 314.17

Макар С.В., Ярашева А.В.
Makar Svetlana V., Yarasheva Aziza V.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВЛИЯНИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ТРУДОВОЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

TRANSFORMATION OF EURASIAN SPACE: IMPACT OF DEMOGRAPHIC FACTORS ON LABOR POTENTIAL OF RUSSIAN FAR EAST REGIONS

Пространственное развитие формируется долгосрочными процессами и трендами. Современные демографические тенденции развития Дальневосточного макрорегиона России представляют актуальный аспект к динамичному портрету евразийского пространства. Интегрированный подход к анализу демографической ситуации целесообразен для понимания особенностей внутримакрорегиональных различий характеристик трудового потенциала в контексте перспектив взаимосвязи геополитических, социально-экономических, территориально-структурных вопросов государственной политики.

Spatial development is shaped by long-term processes and trends. Modern demographic trends in development of Russian Far East macro-

region represent an actual aspect of Eurasian space dynamic portrait. An integrated approach to the analysis of demographic situation is appropriate for understanding the features intra-regional differences in characteristics of labor potential in the context of prospects for relationship of geopolitical, socio-economic, territorial and structural issues of state policy.

Ключевые слова: Дальний Восток Российской Федерации; демографическая ситуация; трудовой потенциал; уровень и качество жизни населения; менталитет; взаимосвязи; человеческий капитал.

Keywords: Far East of the Russian Federation; demographic situation; labor potential; mentality; interrelationships; human capital.

Проблемы пространственного развития России как государства и российского общества. Необходимость учета многообразных системных связей и зависимостей [1]. Анализ взаимодействий как внутри общества, так и внешних – общества с окружающей средой. Многоаспектное исследование в пространственно-временном континууме не только пространственных результатов жизнедеятельности в целом, но и отдельных процессов в пределах административно обособленных территорий.

Теоретические основы. Концепция новой экономической географии и теория эндогенного экономического роста используют трактовку пространства как метода получения синергетических эффектов, источника возрастающей отдачи, позитивных экстерналий, места создания общей экономической, социальной, культурной среды.

Практическая ситуация – реализация современных программ развития Дальнего Востока. Увеличение межбюджетных трансфертов на социальное развитие центров экономического роста субъектов, входящих в состав Дальневосточного федерального округа (ДФО) не позволяет обеспечить достижение целей долгосрочного развития макрорегиона. Очевидна проблема дефицита трудовых ресурсов. Прогноз до 2025 года содержит данные о сокращении численности населения на треть, что приведет к усугублению проблемы дефицита кадров. Данные предпосылки представляют угрозу реализации стратегии социально-экономического развития восточной зоны России. Складывается опасная в национальных масштабах тенденция в связи с высокими темпами потерь ДФО высококвалифицированных трудовых ресурсов, в первую очередь, речь идет о населении в трудоспособном возрасте.

С позиций значимости развития российского Дальнего Востока для национальной безопасности выделены [2] причины снижения трудового потенциала в данном макрорегионе: низкая плотность

населения, отрицательными значениями естественного движения населения, миграция жителей трудоспособного возраста в другие регионы, относительно низкие показатели уровня и качества жизни людей. «Двойной отток» - естественная убыль населения и миграционный отток характерная особенность большинства регионов-субъектов макрорегиона.

В основе анализа взаимосвязей демографических, культурных, экономических и социальных, территориально-структурных процессов находятся концепции – самосохранительного поведения, человеческого капитала, социального кластеризма.

Очевиден процесс трансформации макрорегионального: наднационального и субнационального пространства, который имеет комплексный характер [3]. Существенно влияние самосохранительного поведения на демографическое поведение, структуру жизненных стратегий личности и формирование понятий о жизненных ценностях имеет. Среди регионов ДФО большинство имеют критические показатели уровня самосохранительного поведения.

Влияние благосостояния населения на его демографическое поведение и трудовой потенциал: результаты анализа динамики доходов региональных бюджетов на душу населения в ДФО, показателей среднедушевого денежного дохода от оплаты труда. Отставание реального уровня жизни населения от среднероссийских показателей. Практически во всех регионах ДФО уровень безработицы выше, чем в среднем по России.

Целесообразно рассмотреть интегрированный подход к увеличению трудового потенциала регионов Дальневосточного федерального округа. Данный подход может быть применен органами государственного управления при реализации плана долгосрочного социально-экономического развития Дальнего Востока. Предлагаемые инструменты касаются образования (повышение доступности конкурентоспособного уровня образования), здравоохранения, создания инфраструктуры (социальной), обеспечения высокого уровня жизни (доходов) за счет рационального освоения ресурсного потенциала [4], миграционной политики (привлечению высококвалифицированных кадров).

Пути достижения экономической и социальной устойчивости в дальневосточном регионе. Выбор стратегического вектора для конкретного региона. Научное обоснование программы мер, повышающих привлекательность трудовой карьеры на Дальнем Востоке: дальневосточный капитал, доступное жилье, территории опережающего развития (зоны экономического роста), оценка их

эффективности и др. Цель программы – сохранение российских позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе и повышение уровня жизни населения. Реализация программы позволит повысить плотность пространственного насыщения российского Дальнего Востока, как пространства развития.

Литература

1. акар С.В. Устойчивое пространственное развитие: критерии и индикаторы // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы международной научной конференции в рамках IX Ежегодной научной ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Том.2 /отв.ред. Н.И.Быков; Алт.гос.ун-т – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. С.43-46.

2. Ярашева А.В., Макар С.В. Влияние демографических факторов на трудовой потенциал регионов Дальнего Востока // Экономика. Налоги. Право. - 2019. - № 2. - С.103-114. DOI: [10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114](https://doi.org/10.26794/1999-849X-2019-12-2-103-114).

3. Макар С.В. Развитие регионального лесного потенциала в координатах государственного стратегического планирования // Региональная экономика: теория и практика. - 2010. - № 38 (173). - С.33-41.

4. Макар С.В. К развитию теории организации регионального пространства / С.В. Макар // Экономика. Налоги. Право. – 2013. № 6. – С. 22–27.

Сведения об авторах:

Макар Светлана Владимировна - доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра региональной экономики и межбюджетных отношений, Финансовый университет, Москва, Россия ; svetwn@mail.ru; +7(916)1861444

Ярашева Азиза Викторовна - доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией исследования поведенческой экономики Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, Москва, Россия; baktriana@rambler.ru +7(495)7556451

Svetlana V. Makar - Doctor of Economics, associate Professor, leading researcher Center of regional economy and interbudgetary relations, Financial University, Moscow, Russia ; svetwn@mail.ru +7(916)1861444

Aziza V. Yarasheva - Doctor of Economics, full professor, professor RAS, Head of the Laboratory of Behavioral Economics Research of Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia ; baktriana@rambler.ru +7(495)7556451

Макарцева Л.В.
Makartseva L.V.

**ТОЧКИ РОСТА И ТЕНДЕНЦИИ В СОТРУДНИЧЕСТВЕ
САРАТОВСКОЙ И ЗАПАДНО-КАЗАХСТАНСКОЙ ОБЛАСТЕЙ**

**GROWTH POINTS AND TRENDS IN COOPERATION BETWEEN
THE SARATOV AND WEST KAZAKHSTAN REGIONS**

В статье дается сравнительный анализ Саратовской области и Западно-Казахстанской. Показаны пути сотрудничества, точки роста

The article provides a comparative analysis of the Saratov region and the West Kazakhstan. The ways of cooperation and points of growth are shown

Ключевые слова: приграничные территории, потенциал интеграции, Саратовская область, Западно-Казахстанская область.

Keywords: border territories, integration potential, Saratov region, West Kazakhstan region/

В условиях глобализации, укрепляются международные интеграционные процессы между странами и регионами по разным векторам: экономики, бизнеса, торговли, науки и образования, культуры, здравоохранения, спорта и туризма. Примером международного сотрудничества может служить двухстороннее сотрудничество между Западно-Казахстанской областью и Саратовской областью. Международное сотрудничество приграничных территорий начинается с 1992 года, когда был подписан первый Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи в области: торгово-экономической, научно-технической, культурной. На протяжении последующих лет были подписаны протоколы о межрегиональном взаимодействии.

Сравнительный анализ показывает, области имеют большую протяженность с запада на восток. По площади Западно-Казахстанская область превышает Саратовскую область на 51,3 тыс км. Протяженность совместной границы - 552 километра. В административно-территориальном делении Западно-Казахстанская область состоит из 12 областей, Саратовская из 38. Оба региона имеют выгодное географическое положение, этому способствует сеть транспортных магистралей: железнодорожного, трубопроводного,

автомобильного, авиационного (международный аэропорт «Орал» в Западно-Казахстанской области и аэропорт «Гагарин» в Саратовской области) видов транспорта, водного пути (Волга и Урал).

Пять муниципальных районов Саратовской области (Александрово Гайский, Дерачевский, Новоузенский, Озинский, Перелюбский) являются приграничными. Расстояние от областного центра Саратова до границы Казахстана по шоссе - 329 км, по прямой - 276 км. В настоящее время связь двух областей проходит через приграничный пропускной пункт Озинки. Здесь проходит железная дорога и автомобильная трасса Р236 «Озинки-Таскала», которая входит в европейский маршрут Е38. Перспективным представляется открытие второго пропускного пункта в Александрово-Гайском районе, где от одноименного административного центра проходят автомобильные дороги: Александров-Гай – Казталовка, Александров-Гай – Богатырево, Александров-Гай – Жалпактал в Казахстан, который улучшит транспортное сообщение между двумя регионами.

Западно-Казахстанская область имеет четыре приграничных района:

Таскалинский район, Казталовский район, Зеленовский район, Жанибекский район. Выгодное географическое положение и в частности зона транспортного коридора приграничных областей, создание логистической системы по взаимосвязанным внешнеторговым транспортным потокам сырья, товаров может улучшить темпы и масштабы развития.

Природные ландшафты, агроресурсы двух регионов во многом схожи (аридная зона, влияющая на сельскохозяйственную специализацию), особенно районов юго-востока Левобережья Саратовской области: в рельефе просматривается равнинность (Общий Сырт, Прикаспийская низменность) с встречающимися месторождениями мергеля, песчаника, известняка, нефти. В ландшафте схожесть повторяется (типчакowo-ковыльные степи, злаково-попынная, попынно-житняковая растительность, на юге - солончакowa растительность). В обоих регионах находятся природные резерваты, взятые под охрану государств. Так, в Западно-Казахстанской области уникальны природные объекты: песчаный массив «Урочище Петровские пески», гора Большая Ичка, Содовское озеро, заказники республиканского значения Кирсановский комплексный, Бударинский и Жалтыркульский зоологические. В Саратовской области – ООПТ федерального значения: Хвалынский национальный парк и заказник Саратовский, что позволяет рассматривать природные объекты как особый тип природного наследия, где возможно международное

сотрудничество ученых и научных сотрудников по созданию трансграничных резерватов.

Исторический фактор повлиял на национальный состав населения приграничных территорий. В национальном составе Саратовской области, казахи - второй по численности народ, в основном проживающий на юго-востоке Заволжья: в Александрово-Гайском районе их доля в населении составляет 54,1%, Новоузенском - 40%, Питерском -23,6%, Дергачевском – 22,1%, Ровенском -18,3, Озинском, Ершовском, Краснокутском, Перелюбском, Федоровском, Советском, Марксовском (в каждом более 10% от всего населения) районах. В настоящее время доля казахов растет и в районах Правобережья (районы: Калининский, Красноармейский (3,4%), Лысогорский, Новобурасский, в численности населения соответствующего района [1]. В Западно- Казахстанской области большую часть жителей составляют казахи. Проживают также украинцы, татары, корейцы, доля русских небольшая и составляет около 19,3% , за последние годы наметилась тенденция к их снижению. В системе расселения в региональном масштабе в Саратовской области наиболее значимыми городами являются областной центр, а также Энгельс, Балаково, притягивающие трудовые ресурсы, тогда как у Западно-Казахстанской области выделяется Уральск и Аксай.

Рассмотрим структуру обрабатывающей промышленности. В Западно-Казахстанской области высока доля пищевой промышленности (28,2%), где расположены экспортоориентированные предприятия, доля нефтеперерабатывающей составляет (20,6%), машиностроения (20%), металлургии (10%). В Саратовской области лидирует топливно-энергетический комплекс (45,5%), затем машиностроение (19,1%), химическая и нефтехимическая (15,6%), пищевая (9,2 %) [2]. В приграничных районах преобладает пищевая (главные позиции - мукомольно-крупяная, хлебопекарная, овощная, мясная) и строительная отрасли промышленности. Территориальная структура промышленности тесно коррелирует с людностью городов. Усиление кооперационных связей может способствовать формированию промышленных кластеров, за счет усиления роли научно-исследовательских институтов, средних и малых компаний.

Агропромышленный сектор экономики двух областей - важная составляющая, от которой зависит обеспечение населения необходимыми продуктами питания. Традиционными отраслями специализации являются скотоводство, птицеводство, а также овцеводство (в южных районах Саратовской области и всей Западно-

Казахстанской области). Зерновые культуры - главная составляющая растениеводства двух регионов.

В настоящее время Саратовская область не в полной мере удовлетворяет спрос населения в сельскохозяйственной продукции, таким образом, вектор сотрудничества мог бы развиваться в области пищевой промышленности на основании разработки программы агробизнеса, международных совместных проектов. Хорошим началом следует признать сеть магазинов качественной казахской продукции в Саратовской области. Локализация предприятий пищевой промышленности показывает отчетливую тенденцию усиления уже в существующих промышленных центрах Саратовской области (Саратов, Балаково, Энгельс, Вольск) и Западно-Казахстанской области (Уральск, Аксай). Основу экономики приграничных территорий составляют средние и малые предприятия разной форм собственности по переработке сельскохозяйственной продукции. На точки роста влияет и степень конкурентноспособности регионов.

Дальнейшее углубление сотрудничества Саратовской области и Западно-Казахстанской области возможно по направлениям: транспортной и логистической, туристической, агропромышленной сфере, пищевой промышленности. По нашему мнению, в области *транспорта и логистики* приграничных территорий: Озинского, Александрово-Гайского, Воскресенского, Марковского районов Саратовской области, Таскалинского и Казталовского административных районов Западно-Казахстанской области следует признать увеличение потока пассажиров и транзитного груза в связи со строительством международной магистрали «Меридиан» (Гамбург - Шанхай), которая пройдет через муниципальные районы Саратовской области и через Западно-Казахстанскую область. Международный транспортный коридор подразумевает привлечение инвестиций и развитие инфраструктуры: мостовых переходов (в Воскресенском и Марковском районах), гостиничного сервиса (мини отели, кемпинги, центры быстрого питания, стоянки для отдыха, автозаправочные станции и т.д.). В пределах полосы влияния трансконтинентальной трассы окажутся прилегающие территории, что приведет их к новому статусу и комплексному развитию [3].

В *туристической сфере* могут быть созданы интересные маршруты выходного дня, а также многодневные с посещением природных, исторических объектов и достопримечательностей, проведение совместных фестивалей (музыкальных, театральных, экологических, этнографических, исторических). Основными туристическими городами в Саратовской области могут стать Саратов

(событийный, культурно-исторический, деловой туризм), Энгельс (познавательный), Хвалынский (рекреационный и спортивный), Красноармейск и Маркс (этнический), Новоузенский район (экологический) [4]. В Западно-Казахстанской области: Уральск (культурно-исторический), Аксай (рекреационный, историко-архитектурный туризм), лечебно-оздоровительный туризм – Шалкар (Теректинский район), познавательный туризм – Карагашский заказник, международный фестиваль «Европа-Азия» (Чингирлаузский район). Схожие проблемы двух областей в сфере индустрии туризма подчеркивает необходимость поиска совместных путей их решения в области маркетинга и управления.

В *пищевой промышленности* (переработка сельскохозяйственной продукции) и *торговли* (создание сети магазинов казахской продукции в Саратовской области и отечественной продукции в магазинах Западно-Казахстанской области).

Центрами притяжения по инвестиционной привлекательности в связи со строительством трансконтинентальной трассы следует признать Саратов, Энгельс, Балаково, Уральск, Аксай. Согласно подписанным соглашениям двух правительств (Саратовской области и Западно-Казахстанской области) будут созданы большие возможности для расширения разносторонних контактов по кооперированию производства, созданию совместных предприятий на основе новейших технологий по созданию экспортоориентированных производств [3].

Новые формы сотрудничества (международные национальные проекты, кластеры, территория опережающего развития, особая экономическая зона) в приграничных территориях необходимы, они обусловлены географической близостью, природной и экономической составляющими, они придадут новый импульс к дальнейшей интеграции двух регионов.

Литература

1. Макарецва Л.В. Территориальные особенности размещения населения по национальному составу и религиозному образу жизни. Известия Алтайского отделения РГО. Барнаул, 2015. №3. с. 5-9
2. <https://saratov.gov.ru/region/industry/> дата обращения 02.02.2020
3. <http://news.vmarkse.ru/magistral-veka-projdet-cherez-marksovskij-rajon/> дата обращения 02.02.2020.
4. Макарецва Л.В. «Фестивальный туризм Саратовской области»// В сб. География и туризм», Пермь. №1, 2019. с. 129-132

Сведения об авторе.

Макарцева Людмила Валентиновна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии географического факультета саратовского национального исследовательского университета им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов)

УДК 712 (470.325)

Марциневская Л.В.

Martsinevskaya L.V.

УСАДЕБНО-ПАРКОВЫЙ ЛАНДШАФТ КАК ЧАСТЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛГОРОДСКОЙ ОБЛАСТИ: ЛАНДШАФТНАЯ ТИПОЛОГИЯ И ОЦЕНКА КУЛЬТУРНО- ИСТОРИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ

MANOR AND PARK LANDSCAPE AS PART OF THE CULTURAL HERITAGE OF THE BELGOROD REGION: LANDSCAPE TYPOLOGY AND ASSESSMENT OF CULTURAL AND HISTORICAL SIGNIFICANCE

Статья посвящена оценке культурно-исторической значимости усадебно-парковых комплексов Белгородской области и особенностям их размещения в природном ландшафте региона.

The article is devoted to the assessment of the cultural and historical significance of the estate and Park complexes of the Belgorod region and the peculiarities of their placement in the natural landscape of the region.

Ключевые слова: Белгородская область, историко-культурная значимость усадеб, культурные ландшафты, ландшафтная типология усадебно-парковых комплексов, усадебно-парковые комплексы.

Keywords: Belgorod region, historical and cultural significance of estates, cultural landscapes, landscape typology of manor and Park complexes, manor and Park complexes.

Одной из основных задач современного российского общества является решение проблемы сохранения духовного и материального культурного наследия. Решение этих задач – это неотъемлемая часть комплекса современных социокультурных и экономических программ. Особое место среди объектов культурного наследия, составляющих культурный фонд страны, занимает усадьба, как особый многомерный

символ истории русского быта. Теперь уже по сути представляющие реликтовые культурные ландшафты староосвоенных регионов России и несущая следы своих эпох.

Усадебно-парковый комплекс – это не только исторический природно-архитектурный ансамбль, включающий господский дом, хозяйственные постройки, церковь, парк, сельскохозяйственные и лесные угодья. Здесь соединялись природные особенности местности, система природопользования, бытовая и художественная культура.

Усадебные комплексы представляют собой яркий пример культурных ландшафтов, сформированных в результате взаимодействия общества и природы, хозяйственной и культурной деятельности человека в конкретных природных условиях [1].

В настоящее время достаточно хорошо изучены и освещены в литературе богатые столичные усадьбы Подмосковья и пригорода Санкт-Петербурга, именно на приневских землях сформировался самый северный ареал распространения усадебной культуры России.

Значительно хуже обстоят дела с провинциальными мелкопоместными усадьбами. Именно к такому типу относятся усадьбы нашего региона. Формирование усадебной культуры на территории современной Белгородской области происходило в XIX-XX веках. До настоящего времени на территории области сохранились 12 усадеб, из которых 11 имеют статус памятников садово-паркового искусства [2]. При этом ни глубокого комплексного изучения, ни деятельности по сохранению и использованию, ни популяризации данного феномена культур на территории области явно не достаточно.

Изучение и комплексная оценка усадебно-парковых комплексов с точки зрения их культурной и исторической значимости стала основной задачей наших исследований. В основу данной оценки легла методика И. А. Прониной [3]. В соответствии с методикой, культурно-историческую значимость усадеб мы оценивали по 6 критериям: историческая ценность, архитектурная ценность, известность памятника, сохранность объекта, эстетическая привлекательность, уровень парковой культуры.

Данные критерии были оценены по шкале от 1 до 5. Шкала оценки культурно-исторической значимости представлена в табл. 1. Оценка эстетической привлекательности опиралась на личное субъективное восприятие. Но при этом мы осознаем, что разные группы населения отличаются и пространственным восприятием и эстетическими предпочтениями. Это привносит в эту оценку определённую долю субъективности.

Таблица 1

Шкала оценки культурно-исторической значимости объектов

Историческая ценность	Архитектурная ценность	Известность памятника	Уровень парковой культуры	Сохранность объекта
строительство до XVIII в.	строительство всемирно-известными архитекторами	мировая известность	парк – лучший образец паркостроения своего времени	хорошо сохранились и архитектурное сооружение, и парк
XVIII в.	известными архитекторами	известность на региональном уровне	является украшением ансамбля	остались некоторые хозяйственные постройки и парк
XIX в.	Оригинальность архитектурного стиля	объект включен в основные туристические маршруты	достаточно хорошо сохранился	сохранился парк
начало XX в.	частичное использование архитектурных стилей	объект известен специалистам и жителям района	Удовлетворительное состояние	плохо сохранился
середина – конец XX в.	отсутствие архитектурного стиля	имеются только архивные сведения	сохранился плохо	не сохранился

Результаты оценки культурно-исторической значимости усадебно-парковых комплексов Белгородской области мы представили в табл. 2.

Таблица 2

Результаты оценки культурно-исторической значимости
усадебно-парковых комплексов Белгородской области

Название объекта	Историческая ценность	Архитектурная ценность	Известность памятника	Уровень парковой культуры	Сохранность объекта	Эстетическая привлекательность	Сумма баллов
Усадьба Д. П. Алферова	3	3	4	3	5	3	20
Усадьба «Архангельское»	3	3	4	3	2	3	19
Усадьба «Балабанова»	3	3	4	2	2	2	16
Усадьба «Борисовка»	3	3	4	3	1	3	19
Усадьба «Богословка»	3	3	4	3	3	5	21
Усадьба «Волконских»	3	3	4	1	2	3	16
Хутор «Градовских»	3	3	4	4	3	4	21
Усадьба «Ивня»	3	3	4	4	5	5	24
Усадьба «Ракитное» Юсуповых	3	3	4	4	5	5	24
Усадьба «Удеревка» Станкевичей	3	3	4	4	5	5	24
Слобода «Хорватов»	3	3	4	4	4	5	23
Усадьба Мухановых	3	3	4	–	4	4	18

Для всех 12 усадеб характерны «ровные» показатели по первым трём критериям: историческая и архитектурная ценность и известность памятника. А вот уровень парковой культуры и степень сохранности – это те критерии, которые сильно разнятся, что в итоге сказывается на сумме баллов (разброс составляет от 16 до 24 баллов). С учётом полученной суммарной балльной оценки мы объединили все усадьбы в 2 группы. Первую группу составляют усадебно-парковые комплексы с высокой культурно-исторической значимостью (21-30 баллов). Таких усадеб нами выявлено 6, что составляет ровно 50 % от всех усадебно-парковых комплексов. Это усадьбы: «Богословка», «Ивня», «Ракитное», «Удеревка», слобода «Хорватов» и хутор «Градовских». Во вторую группу, обозначенную как «усадьбы со средней культурно-исторической значимостью» (11-20 баллов) вошли остальные 6 усадеб: усадьбы Д. П. Алферова, «Архангельское», «Балабанова», «Борисовка», «Волконских», «Мухановых». Усадьбы с низкой

культурно-исторической значимостью, сумма баллов которых менее 10 баллов, в области не выявлены.

Для того чтобы составить наглядное представление о полученных результатах мы составили картосхемы (рис. 1, 2). В первой (рис.1) мы отобразили пространственное размещение и культурно-исторический потенциал усадебно-парковых комплексов Белогорья. В ходе анализа чётко прослеживаются внутриобластные различия, прежде они проявляются в территориальной неоднородности. Большая часть усадебно-парковых комплексов сохранилось в центральных и западных районах нашей области и крайне мало в восточных. Из 22 муниципальных районов области они расположены только в девяти. В Волоконовском, Губкинском и Корочанском административных районах сохранилось по два усадебно-парковых комплекса. В Алексеевском, Белгородском, Грайворонном, Ивнянском, Ракитянском и Яковлевском по одному. Несмотря на предпринимаемые властями меры по-прежнему во многом остаются не решенными вопросы сохранения и использования усадебно-парковых комплексов в современном геокультурном пространстве региона. Лишь две усадьбы на территории Белгородской области музеефицированы – это усадьбы «Удеревка» и «Богословка». В здании усадьбы «Ивня» размещено областное государственное учреждение здравоохранения ", в усадьбе «Ракитное» располагается общеобразовательная школа. Территория усадебного комплекса «Архангельское» находится в ведении Архангельской администрации. Усадьба Алферова Д. П. сейчас является жилым домом. Большая часть усадеб не используется. И главная причина, по нашему мнению, кроется в отсутствии продуманной государственной стратегии по их вовлечению в современную социально-экономическую среду, и вторая не менее важная их неудовлетворительное состояние, требующее масштабных реставрационных работ и серьёзного финансирования.

Рис. 1. Оценка культурно-исторической значимости усадебно-парковых комплексов Белгородской области

Русская усадьба явление сложное и многообразное и кроме культурно-исторического потенциала не менее важно рассмотреть влияние усадебных комплексов на структуру и разнообразие современного геокультурного ландшафта. Усадебно-парковые комплексы закладывались в наиболее живописных местах. Однако не редко на территории имения не было подходящего места, тогда эта проблема решалась архитекторами посредством изменения компонентов естественного природного ландшафта (рельефа, естественных водных источников, лесных массивов и открытых пространств). Эти преобразования связаны, в первую очередь, с размещением усадебно-парковых комплексов в природном ландшафте. На основе классификации В. А. Топориной [4] нами впервые была проведена классификация усадеб области по их размещению в природном ландшафте. В соответствии с методикой автора мы выделили 6 типов усадеб. Как показал ландшафтный анализ, на территории Белгородской области получили распространение только три типа усадеб (рис. 2).

Рис. 2. Ландшафтная типология усадебно-парковых комплексов Белгородской области

Особенность усадебно-парковых комплексов Белгородчины, заключается в том, что преимущественно они, размещаются на небольших реках. К этому типу относится половина от всех поместий в границах района исследования – это усадьбы «Богословка», «Волконских», «Ракитное», «Удеревка», хутор «Градовских» и слобода «Хорватов»; пять усадеб, что составляет 41,7 %, расположены на моренных и водноледниковых равнинах. К этому ландшафтному типу мы отнесли усадьбы: Д.П. Алферова, «Балабанова», «Борисовка», «Ивня» и «Мухановых».

Замыкает типологический ряд группа из одного объекта, это усадьба «Архангельское» в Губкинском муниципальном районе, она расположена на переменном водотоке. Безусловно, ландшафтные особенности местности во многом определили планировку усадебно-парковых комплексов, со временем формируя тенденции и традиции в этом виде архитектурно-паркового искусства.

Следует отметить, что в силу природных особенностей нашего края, а именно, расположения Белгородской области в мало обводнённой лесостепи, у нас полностью отсутствует тип усадеб на расположенные на берегах озер, на берегах крупных рек и в местах их слияния.

В заключении хотелось бы отметить, что усадебно-парковые комплексы Белгородчины, отличающиеся достаточно высоким культурно-историческим потенциалом и ландшафтным разнообразием при определенных усилиях могут стать важным экономическим ресурсом нашего региона. Их можно вписать в существующие туристические маршруты, на их базе организовать центры народных промыслов и проводить разно жанровые фестивали и в первую очередь этнофестивали. Это даст не только положительный экономический эффект, но и будет способствовать формированию положительного имиджа региона.

Литература

1. Полякова, М.А. Русская усадьба как объект историко-культурного изучения // Вестник МГУКИ, 2019. – 4 (90).– стр. 54-58
2. Королева, И.С. Культурно-исторический потенциал как ресурс для развития регионального туризма / И.С. Королёва, Л.В. Марциневская // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. – Т. 4, № 2, 2018.– стр. 11–19.
3. Пронина, И. А. Терем. Дворец. Усадьба: Эволюция ансамбля интерьера в России конца XVII-первой половины XIX в., / И.А. Пронина. – М.: НИИ теории и истории изобразительных искусств, 1996. 182 с.
4. Топорина, В.А. Русская провинциальная дворянская усадьба как природное и культурное наследие / В.А. Топорина, 2011. 256 с.

Сведения об авторе:

Марциневская Лариса Владимировна, кандидат географических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ») кафедра природопользования и земельного кадастра E-mail: martsinevskaya@bsu.edu.ru Контактный телефон: 8-906-608-46-82

Мустафин М.Р., Булатова Г.Н.
Mustafin M.R., Bulatova G.N.

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИИ НА ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В РЕГИОНЕ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

INFLUENCE OF URBANIZATION ON ETHNIC PROCESSES IN THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN)

В данной статье показаны особенности этнического и этнодемографического развития населения Республики Татарстан. На примере данного региона показано влияние урбанизации на этнический состав населения и этнические процессы.

This article shows the features of ethnic and ethno-demographic development of the population of the Republic of Tatarstan. The example of this region shows the impact of urbanization on the ethnic composition of the population and ethnic processes.

Ключевые слова: урбанизация, население Республики Татарстан, миграции, межэтнические браки

Keywords: urbanization, population of the Republic of Tatarstan, migration, interethnic marriages

В последние десятилетия происходят значительные изменения в мировой экономике, оказывающие сильное воздействие на современное состояние сельского населения. В XX – начале XXI вв. в России исчезло свыше 150 тыс. сельских населённых пунктов, в том числе в Татарстане – более 1200 сел, деревень и поселков. Только за период 1990-2013 гг. в России исчезло 23 тыс. населённых пунктов, из которых 20 тыс. – это деревни и поселки [3, с.3]. Сельское население по данным 2018 г. составило 23,2% жителей Республики Татарстан. Для сравнения, в 1959 г. сельское население республики было –58,6% [1, с.24].

Имея глубокую историю и тысячелетние культурные традиции, в том числе и письменности, население Республики Татарстан связана со всей Евразией [7].

Экономический рост, развитие урбанизации стимулирует миграцию населения, ее последствия заметны и разнообразны как для развитых [9], так и развивающихся стран и проявляются как в сугубо экономической сфере, например, на рынке труда, так и в социальной –

ассимиляция мигрантов, межэтническое взаимодействие, изменение рождаемости.

Численность населения Татарстана за последние годы увеличилась преимущественно именно за счет миграционного прироста [8].

Как и для России в целом, так и Татарстану характерно существенное снижение притоков мигрантов в Татарстан из Узбекистана. Если сравнивать количество выходцев из Узбекистана и Украины, то в 2012 году количество приезжих из Узбекистана было 11 раз больше (Узбекистан – 3002 чел., Украина – 272 чел.), а по данным 2016 г количество приезжих из Украины на 2,5 раза стала больше чем из Узбекистана (Узбекистан – 335 чел., Украина – 851 чел.). Миграционный обмен Татарстана с Украиной всегда был положительный и за 2012-2016 гг. увеличился в три раза. За последние годы наивысший миграционный прирост приходится на 2015 г. и составил 933 чел.

В целом наблюдается снижение приезжих практически из всех стран СНГ кроме Украины. Не смотря на это положительный миграционный прирост сохраняется. Исключением является страны Балтии, с которыми сальдо миграции в отдельные годы даже ушло на минус, но не больше – (-1 чел.).

Изучение миграционного обмена с другими странами в разрезе «город» и «село» позволяют видеть схожую динамику по миграционному приросту населения. Миграционный прирост в городскую местность РТ в 3,9 раза была выше приезжих в сельскую местность. Например, по данным 2010 г. разница была всего 2,1 раза. Согласно данным Татарстанстата за 2016 г. самый высокий миграционный прирост в города дает Украина (744 чел.), а в села – Таджикистан (142 чел.) [5].

В Республике Татарстан всегда придавалось особое значение миграционной политике. Например, разработан флагманский проект "Татарстан – центр притяжения населения в Приволжье" направлен на повышение миграционного прироста населения Республики Татарстан, прежде всего за счет мигрантов из других регионов России, и увеличение в потоке мигрантов квалифицированных и высококвалифицированных специалистов, востребованных на региональном рынке труда.

Соответствующая миграционная активность оказывают существенное влияние на изменение национального состава республики. По данным Татарстанстата, сейчас Татарстан является одной из самых многонациональных территорий России, на которой

проживают 173 этноса. Согласно последней переписи населения 2010 года, среди народов, проживающих в республике, по численности преобладают татары (53,2%). На втором месте – русские (39,7%), на третьем – чуваша (3,0%), на четвертом – удмурты (0,6%). Далее по численности расположились: мордва, марийцы, украинцы, башкиры.

В Казани удельный вес русских составляет 48,6%, татар – 47,6%, в Набережных Челнах, наоборот, по численности преобладают татары. Больше татар и во всех муниципальных образованиях республики, за исключением девяти, в которых отмечается высокий удельный вес русского населения [4].

Татары на протяжении XX века были вовлечены в процесс бурной урбанизации. Так, если в начале века урбанизированность татар составляла около 5 %, то 1950-60-х гг. уже более половины татарского населения СССР стало горожанами, а в 1980-е гг. доля татар-горожан выросла до 69 % и татары стали одним самых урбанизированных народов России. В условиях Советского Союза татары еще больше перемешались между собой и во многом утратили местные культурные особенности и региональные различия, сплотившись в единую татарскую нацию.

Таким образом, урбанизация татар и дальше будет происходить быстрыми темпами, причем местами, причем местами их расселения все чаще будут выступать более крупные города и агломерации. Прогнозируется существенный рост численности татар в наиболее крупных городах и регионах с относительно высоким уровнем жизни населения [2].

Тенденция уменьшения рождаемости у татар по сравнению с русскими происходит более высокими темпами, особенно в городской среде.

Исходя из анализа показателей динамики числа умерших по национальностям в пределах Республики Татарстан, начиная уже с 90-ых годов выявлены следующие тенденции:

- в целом по республике соотношение процента умерших татар и русских было примерно равное; однако наблюдалось некоторое увеличение доли умерших татар в общем числе умерших.

- однако среди городского населения доля умерших русских была больше, чем доля умерших татар что во многом связано с преобладанием в городах русского населения, при этом процент татар среди умерших в течение последнего межпереписного периода росла, а доля умерших русских снижалась;

- среди сельского населения наоборот, доля умерших татар превышает долю умерших русских, так как в сельской местности по

численности татары преобладают;

Таким образом, начиная с 90 - х годов прошедшего столетия доля татар среди умерших выросла. Причем в городах эта разница была намного больше чем на селе.

К самым ярким тенденциям, происходящим в этнодемографическом развитии этносов республики после 90 - ых годов XX века, относится рост числа смешанных браков. Непрерывное увеличение уровня урбанизации только способствовало развитию межэтнических связей.

Возможности контактов между этносами, проживающими на территории Татарстана, велика у пар татары – русские и достаточно выражены у пар татары – марийцы, татары – удмурты, русские – мордва, чуваша – мордва, марийцы – удмурты. В последние годы в рост пошли браки с армянами и азербайджанцами, а также с другими народами Кавказа.

При этом по административным муниципальным районам республики их соотношение различается существенно. Так, например, доля татарско-русских браков в сельской местности составляет 63 % из всех национально - смешанных браков [6, с.22].

Росту межэтнических браков способствует нарастание современных ассимиляционных этнических процессов. В предыдущие исторические периоды относительно редкое вступление в межнациональные браки представителей татарской и башкирской нации предохраняло их от активного вовлечения в ассимиляционные процессы.

Литература

1. Гайсин Р.И., Гайсин И.Т. Размещение сельского населения и населенных пунктов / Самарский научный вестник, 2013. - № 3(4). – 87с

2.Исхаков Д.М., Мустафин М.Р., Биктимиров Н.М. Татары к 2025 году: демографический прогноз. – Казань: Институт истории им. Ш.Марджани ПН РТ, 2007. 92 с.

3. Исчезнувшие населённые пункты Республики Татарстан: справочник / под ред. Р.В. Шайдуллина. – Казань: ОП «Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ», 2016. 320 с.

4. Как изменился национальный состав Татарстана за 95 лет. Портал Ассамблеи и Дома Дружбы народов Татарстана [Электронный ресурс].Режим доступа – <http://addnt.ru/kak-izmenilsya-nacionalnyjj-sostav-ta> (дата обращения 18.02.2020).

5. Социально-экономическое положение Республики Татарстан. Комплексный информационно-аналитический доклад // Татарстан. январь-декабрь 2017 г., №12. С.1.

6. Столярова Г.Р. Русские: этнодемографические процессы. // Татарстан, 1993. - № 2 – С.21.

7. Biktimirov N., Gabdrakhmanov N., Rubtsov V., Mustaphin M., Arzhantseva N. Peculiar Features of the Tatar People Migration on the Territory of Tatarstan // Mediterranean Journal of Social Sciences, Vol 5 No 24, 2014, pp.267-272.

8. Denmukhametov, R., Zjablova, O. Geodemographic Situation in the Republic of Tatarstan // World Applied Sciences Journal, 2014, 30 (11)- pp. 1684-1688.

9. Rubtsov, V.A., Gabdrakhmanov, N.K., Mustafin, M.R., Arzhantseva, N.V. & Trofimov, A.M. 2015, "Field theory in geography and stable structure of geof ormations", Mediterranean Journal of Social Sciences, vol. 6, no. 3, pp. 673-676.

Сведения об авторах:

Мустафин Марат Рафаэльевич, к.г.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, sdk-bink@mail.ru.

Булатова Гульнара Нуровн, к.г.н., ведущий научный сотрудник, ФГУП ЦНИИгеолнеруд, gulnara.bulatova@bk.ru

УДК 911.373.4

Панков С.В.

Pankov S.V.

СИСТЕМНО-СТРУКТУРНЫЙ ПОДХОД В ИНФОРМАЦИОННЫХ ВЗАИМОСВЯЗЯХ СЕЛЬСКИХ СЕЛИТЕБНЫХ СИСТЕМ И ПРИРОДНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ КОМПЛЕКСОВ

SYSTEM-STRUCTURAL APPROACH IN INFORMATION RELATIONSHIPS OF RURAL RESIDENTIAL SYSTEMS AND NATURAL TERRITORIAL COMPLEXES

Одним из основных аспектов процесса функционирования сельских поселений и сельских селитебных систем в целом является анализ информационно-пространственных взаимосвязей, блока инструментария для решения задач регионального планирования и регулирования процессов развития территорий. В этой связи

предпринятое моделирование дает возможность получения информации о свойствах объекта, передачи информации на разных уровнях, управления и оптимизации объектами и процессами, прогнозирования и диагностики.

One of the main aspects of the functioning of rural settlements and rural residential systems as a whole is the analysis of information and spatial relationships, a toolkit for solving regional planning and regulation of territorial development processes. In this regard, the undertaken modeling makes it possible to obtain information about the properties of an object, transmit information at different levels, manage and optimize objects and processes, predict and diagnose.

Ключевые слова: сельская селитебная система, информационные взаимосвязи, природно-территориальный комплекс, ландшафтные и социально-экономические структуры, сельские поселения, информационно-энерго-вещественный круговорот.

Key words: rural residential system, informational relationships, natural-territorial complex, landscape and socio-economic structures, rural settlements, information-energy-material cycle.

В применении к сложным географическим системам – природно-территориальным комплексам – качественная сущность информации дает понимание единства информационных свойств, обмена информацией биотических и абиотических компонентов ландшафта, который в свою очередь характеризует способность воспринимать, хранить, преобразовывать и передавать информацию. Они являются источниками информации, передача которой происходит одновременно с переносом вещества и энергии.

Население как самоорганизующаяся система выступает приемником информации: она обладает способностью извлекать из вещественных и энергетических воздействий природной среды их «информационную составляющую», реагировать на поступающую информацию и использовать её для управления процессами функционирования сельских населенных пунктов.

Информация, получаемая от ландшафтных комплексов и перерабатываемая населением, отражается при создании и развитии сельского поселения главным образом в размещении – ландшафтной «привязке» поселений к ПТК определенных видов и рангов, в площади их ареалов, конфигурации, планировочной структуре и т.д. [1].

Применение информационного и, в частности, геоинформационного анализа в русле представленного интегрального подхода даёт возможность дальнейших исследований и разработок в

таких направлениях, как изучение ландшафтных качеств сельских селитебных систем; исследование воздействия природного ландшафта окрестностей на формирование экологической среды в поселениях; более детальное исследование ландшафтных ресурсов для развития региональных поселенческих структур; исследование исторических социально-функциональных структур разного иерархического уровня; детальная разработка каркасной концепции сельской селитебной структуры хозяйства региона [1].

Далее, от анализа отображения информационных взаимосвязей в сельских селитебных системах обратимся к их информационно-математическому выражению. Для этих целей мы использовали метод корреляции, где выявляется статистическая взаимосвязь двух или нескольких случайных величин (либо величин, которые можно с некоторой допустимой степенью точности считать таковыми). При этом изменения одной или нескольких из этих величин приводят к систематическому изменению другой или других величин. Математической мерой корреляции двух случайных величин служит коэффициент корреляции. В нашем случае был применен коэффициент корреляции Пирсона [2], суть которого заключается в следующем: есть две случайные величины (X и Y), определённые на одном вероятностном пространстве. Тогда их коэффициент корреляции задаётся формулой (1):

$$R_{x,y} = \frac{M[xy] - M[x]M[y]}{\sqrt{(M[x^2] - (M[x])^2)} \sqrt{(M[y^2] - (M[y])^2)}} , \quad (1)$$

где M – математическое ожидание.

Коэффициент корреляции (R) может принимать значения от -1 до $+1$. Если значение по модулю находится ближе к 1 , то это означает наличие сильной связи, а если ближе к 0 – связь слабая, -1 – отсутствует.

В качестве расчетных показателей были взяты удельный вес типа местности (всего шесть) по каждому из семи физико-географических районов Тамбовской области (X) и удельный вес сельских поселений от их общего числа в каждом физико-географическом районе (Y). Для вычисления был применен следующий алгоритм:

1. Строится корреляционная решетка размером $X' \times Y'$, где X' – число классов фактора X , Y' – число классов явления Y .
2. Клетки решетки заполняются по данным наблюдений величинами частот N_{XY} , соответствующих каждому сочетанию X и Y .
3. По формуле рассчитывается коэффициент корреляции R .

Этот коэффициент отражает тесноту связи – силу влияния фактора X на явление Y. После вычислений полученные показатели были сведены в единую форму, где указано наличие (+) или отсутствие (-) какого-либо типа местности по районам и коэффициент корреляции. Для более полной картины аналогично был произведен расчет по абсолютным показателям (км²).

Проанализируем полученные данные. В целом результаты по обоим показателям практически тождественны, что свидетельствует об относительной точности наших расчетов, которые выявили среднюю и слабую степень зависимости площади типов местности и количеством, расположенных в их пределах поселений. При этом обнаружилось два вида корреляции: 1) положительная, при которой увеличение одной переменной связано с увеличением другой переменной (Воронежский, Цнинский, Битюгский и Вороно-Хоперский районы); 2) отрицательная, при которой увеличение одной переменной связано с уменьшением другой переменной (Цнинско-Воронежский, Вороно-Цнинский, Вороненский районы). Такое положение обусловлено, отчасти, тем обстоятельством, что в трёх последних районах плакорный тип местности является доминирующим, занимая от 58,5 до 85,9% площади районов, при этом он же самый незаселенный (степень селитебности 0,5–1,5%). Тогда как в четырех районах с положительной корреляцией соотношение площадей типов местности более равномерно [3].

Используя прежний алгоритм, перейдем от физико-географических показателей к социально-экономическим, в частности, выявим корреляцию между количеством дворов (хозяйств) и численностью населения по административным районам Тамбовской области.

В результате вычислений все полученные показатели имеют высокую степень корреляции (~1). Однако сравнивая данные между собой можно отметить определенную внутрикорреляционную дифференциацию, показывающую отклонение от среднего всего спектра полученных величин, выявляя группы районов с максимальными и минимальными значениями. Так 8 из 23 районов области характеризуются пониженными значениями коэффициента корреляции, остальные 15 – повышенными (например, в Уметском районе $R=0,9578$, в Никифоровском $R=0,9990$, что близко к пределу корреляции (1)). Во всех случаях отмечена положительная корреляция, что свидетельствует о тесной взаимосвязи исследуемых явлений и о прямой пропорциональности их развития.

Дополнительно был произведен расчет людности хозяйств (Р) (человек/двор) административных районов с целью выявления сопряженности двух величин.

Показатели людности по районам Тамбовской области очень близки и укладываются в интервал от 2,17 до 2,70 человек на один двор (хозяйство). Сравнительный анализ продемонстрировал значительную схожесть тенденций в распределении этих двух показателей по районам, так процент совпадения (i) исследуемых величин составил 65,2%, по коэффициенту Фехнера (2) (коэффициент совпадения) равен 0,3 (max 1):

$$i = \frac{\text{количество совпадений} - \text{количество несовпадений}}{\text{общее количество отклонений}}, \quad (2)$$

Добавим, что форма кривой в обоих случаях не имеет принципиального значения, важно статистическое распределение полученных результатов. Стоит отметить, на территориальные и функциональные качества поселения одновременно и сопряженно влияют компонентные, пространственные и временные структурные особенности ПТК, то есть ПТК как система [4].

Анализ показал, что существует значительное количество каналов влияния ландшафтной, социально-экономической и других структур на поселения и, следовательно, велика величина общего объема обмена информацией.

Литература

1. Панков С.В. Геоинформационный подход в функциональных взаимосвязях «поселение-территория» // Наука и образование XXI века: материалы IV Международ. науч.-практич. конф. Т. 3., Ч. 1. «Секция естественных наук и туризма» / под общ. ред. проф. А.Г. Ширяева. Рязань, СТИ. 2010. С. 67–71.
2. Статистические выводы и связи / М. Кендалл, А. Стьюарт; Под ред. А.Н. Колмогорова. М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1973. 900 с.
3. Панков С.В. Функциональные качества локальной сельской селитебной системы // Молодой учёный. № 9 (20), 2010. С. 91–93.
4. Панков С.В. Принципиальные подходы к изучению сельских населенных пунктов // Вестник Тамбовского университета: науч.-теор. и практ. журнал. Серия: Естеств. и тех. науки. Т. 14, вып. 1, 2009. С. 177–179.

Сведения об авторе:

Панков Сергей Викторович – доктор географических наук, доцент, профессор кафедры экологии и природопользования института естественных ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», г. Тамбов. e-mail: psv69tmb@mail.ru, тел.: +79806780145.

УДК 314.18

Подосян А.А.

Potosyan A.A.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ

POPULATION REPRODUCTION CONTEMPORARY TENDENCIES IN THE RA, TERRITORIAL DIFFERENCES AND CURRENT PROBLEMS

Неблагоприятные социально-экономические условия, сложившиеся в Армении после обретения независимости и продолжающаяся эмиграция оказали на воспроизводство населения непосредственное влияние. В статье дается обобщенный анализ естественного движения населения Армении после 1990-х годов. Особое внимание уделено выявлению тенденций и территориальных различий воспроизводства населения за период 2010-2018 гг. и анализу существующих проблем.

The difficult socio-economic conditions during post-independence period and continual emigration have had a direct impact on the reproduction of population in the RA. General analysis of population reproduction of the RA during post 1990s period is given in the article. Reproduction tendencies during 2010-2018, revelation of territorial differences and pointing current problems are especially highlighted.

Ключевые слова: воспроизводство населения, динамика численности населения, эмиграция, естественное движение населения, проблемы.

Keywords: population reproduction, population dynamics, emigration, natural growth, problems.

Введение.

Только за последние 20 лет численность постоянного населения РА не только не увеличилась, но уменьшилась более чем на 260 тысяч,

а после 1991 года - более чем на 609 тысяч [1]. Такое уменьшение численности постоянного населения республики обусловлено эмиграцией и снижением естественного прироста. С 1992 по 2008 год сальдо миграции в РА составило -1103,6 тыс. человек. По данным на 1991г. естественный прирост населения в Армении составил 54,4 тыс. человек, но в последующие годы имело место его постепенное снижение (табл. 2). Если в указанном году общий коэффициент рождаемости в стране составлял 21,6 ‰, а смертности - 6,5 ‰, то в 2018 году аналогичные показатели составляли 12,3 и 8,7 соответственно. Таким образом, за период 1991-2018 гг. коэффициент естественного прироста населения в Республике Армения уменьшился примерно в 4,2 раза (с 15,1 до 3,6‰) [1].

Хотя сокращение численности постоянного населения РА в последние годы было в значительной степени связано с отрицательным сальдо миграции [1], этому процессу также способствовало резкое снижение естественного прироста населения. Сохраняющиеся низкие темпы естественного прироста в Республике Армения пока не обеспечивают прироста населения (в 2019 году он снизился на 7,4 тыс. по сравнению с 2018 годом).

В статье была поставлена задача проанализировать и выявить пространственно-временные особенности воспроизводства населения РА, региональные различия, существующие проблемы. Результаты исследования позволят соответствующим органам власти проводить научно-обоснованную социально-экономическую, региональную и целевую демографическую политику, которая будет способствовать увеличению численности населения в стране и решению ряда связанных с этим вопросов.

Таблица 1
Основные показатели естественного движения населения Республики Армения (РА) (1985-2018 гг.)

Годы	В абсолютных величинах, РА			В промилях			Городское население			В промилях			Сельское население			В промилях		
	Р	С	Е/П	Р	С	Е/П	Р	С	Е/П	Р	С	Е/П	Р	С	Е/П	Р	С	Е/П
1986	81192	19410	61782	24.0	5.7	18.3	50124	11936	38188	21.8	5.2	16.6	31068	7474	23594	28.7	6.9	21.8
1995	48960	24842	24118	15.0	7.6	7.4	29131	16763	12368	13.5	7.8	5.7	19829	8079	11750	18.1	7.4	10.7
2002	32229	25554	6675	10.1	8.0	2.1	20804	16737	4067	10.1	8.1	2.0	11425	8817	2608	10.0	7.7	2.3
2010	44825	27921	16904	14.7	9.2	5.5	28263	17838	10425	14.6	9.2	5.4	16562	10083	6479	14.9	9.1	5.8
2014	43031	27714	15317	14.3	9.2	5.1	27874	17647	10227	14.6	9.2	5.4	15157	10067	5090	13.8	9.2	4.6
2017	37700	27157	10543	12.6	9.1	3.5	24611	17418	7193	13.0	9.2	3.8	13089	9739	3350	12.1	9.0	3.1
2018	35574	25751	10823	12.3	8.7	3.6	24259	16687	7572	12.8	8.8	4.0	12315	9064	3251	11.5	8.5	3.0

Анализ результатов исследования.

По сравнению с последними советскими годами показатель абсолютной рождаемости населения РА значительно снизился. С 1986 по 2018 год он сократился в 2,2 раза (табл. 1), а показатель абсолютной смертности увеличился более чем в 1,3 раза, причем по сравнению с 1986 годом абсолютная численность населения в 2018 году уменьшилась на 389 тысяч. Абсолютный рост числа смертей обусловлен увеличением числа пожилых людей в основных возрастных группах и ухудшением социальных условий. За указанный период общий уровень рождаемости в республике снизился почти в 2, а общий коэффициент смертности увеличился в 1,5 раза. В результате за 1986-2018 гг. коэффициент естественного прироста населения в Республике Армения сократился более чем в 5 раз и более чем в два раза по сравнению с 1995 г. (табл. 1).

С 1986 по 2018 год коэффициент естественного прироста городского населения в стране снизился более чем в 4,1 раза и в 1,4 раза по сравнению с 1995 годом (табл.2). Что касается сельского населения, то за период 1986–2018 гг. аналогичный коэффициент сократился в 7,3, а с 1995 по 2018 г. - в 3,6 раз.

В 2010 – 2018 годы в Республике Армения наблюдалось устойчивое снижение как абсолютных, так и относительных показателей рождаемости (табл.1). Коэффициент естественного прироста за это время уменьшился более чем в 1,5 раза (с 5,5 до 3,6 ‰). За последние восемь лет общий коэффициент рождаемости городского населения снизился на 1,8%, а естественный прирост населения - на 1,4%, в то время как коэффициент рождаемости сельского населения уменьшился на 3,4 ‰, а естественный прирост - на 2,8‰. Следует отметить, что с 2011 по 2018 г. общий коэффициент рождаемости городского населения в РА был выше, чем аналогичный показатель сельского населения, вследствие чего коэффициент естественного прироста городского населения в РА за указанный период превышал соответствующий показатель сельского населения. Это можно рассматривать как беспрецедентное явление воспроизводства населения страны на протяжении длительного периода.

Результаты анализа показывают, что в 2010-2018 годах коэффициент естественного прироста населения увеличился только в 10-ти городских поселениях. В 2018 году естественный прирост был отрицательным также в 10-ти городах.

В городах Вагаршапат, Раздан, Абовян и Капан, которые по численности населения занимают от 4 до 7-ой строчки, коэффициент прироста населения в 2018 году по сравнению с 2010 годом снизился.

Аналогичная ситуация наблюдается в областных центрах, в городах Аштарак, Арташат, Армавир, Гавар, Иджеван, а также в городах со значительной численностью населения - Арарате, Севане, Чаренцаване, Сисиане.

В Ереване на протяжении рассматриваемого периода наблюдалось незначительное снижение естественного прироста населения - на 0,5%. Поэтому коэффициент естественного прироста населения столицы в 2018 году на 1,7% выше соответствующего среднего показателя по стране и на 1,3% выше среднего прироста городского населения.

Анализ показателей воспроизводства сельского населения показывает, что в 2010-2018 гг. из 37-ми бывших административных районов в 33-х коэффициент естественного прироста сельского населения снизился.

За исследуемый период естественный прирост населения сократился не только в приграничных районах, но во всех регионах Араратской, Армавирской, Арагацотнской, Гегаркуникой и Котайкской областей страны. Сокращение прироста сельского населения в подавляющем большинстве районов страны в основном связано со снижением рождаемости в 2010 году по сравнению с 2018 годом. В отдельных регионах этот показатель сократился на 4-5%. В шестнадцати регионах в 2018 году по сравнению с 2010 годом увеличился общий коэффициент смертности сельского населения, что объясняется как уменьшением абсолютной численности сельского населения в этих регионах, так и относительно высокой долей в возрастной структуре населения людей пожилого возраста.

Заключение.

1. Несмотря на то, что в последние годы в Республике Армения имеет место уменьшение масштабов внешней миграции, тем не менее, из-за низких темпов естественного прироста населения, все еще продолжается сокращение численности постоянного населения.

2. Только за последние восемь лет (2010-2018гг.) коэффициент естественного прироста в республике снизился более чем в 1,5 раза: в 1,3 раза среди городского и в 1,9 раза среди сельского населения.

3. Хотя в десяти городах Армении в 2018 году по сравнению с 2010 годом коэффициент естественного прироста населения увеличился, в 37 городах он снизился. В городах, находящихся на приграничных территориях, коэффициент естественного прироста был отрицательным.

4. Тенденция снижения рождаемости, увеличения смертности и снижения коэффициента естественного прироста за годы

независимости, в частности в 2010–2018 годах, имела место за небольшим исключением почти во всех регионах, городских и сельских населенных пунктах. По состоянию на 2018 г. это явление было наиболее острым и нежелательным в большинстве приграничных регионов и в некоторых приграничных городах.

5. В столице страны - Ереване наблюдается самый стабильный показатель роста населения. Здесь, несмотря на то, что коэффициент естественного прироста в 2018 году по сравнению с 2010 годом снизился на 0,5%, он тем не менее по состоянию на 2018г. был выше, чем средние показатели в целом по стране и городского населения в частности.

6. В связи со снижением рождаемости в большинстве бывших административных районов республики и 16 в регионах в связи с ростом показателей смертности в 2010-2018 годах наблюдается устойчивое снижение коэффициента естественного прироста (с 5,8 до 3,0 ‰).

Рекомендации.

1. Соответствующим органам Республики Армения в разрабатываемых программах социально-экономического развития следует определить приоритетность мер по предотвращению нежелательных тенденций в процессах воспроизводства населения.

2. Необходимо разработать и реализовать комплексные программы, способствующие восстановлению и развитию процессов воспроизводства населения как в масштабе страны, так и в отдельных регионах, городах и селах. Основной целью таких программ должно быть обеспечение расширенного воспроизводства населения по всей Армении.

3. В стране, в контексте повсеместно проводимой политики поощрения рождаемости, следует уделять особое внимание и предоставлять привилегии городским и сельским поселениям, расположенным в приграничных районах, где коэффициент естественного прироста, как правило, отрицательный или имеет незначительную положительную динамику.

Литература

1. Демографический справочник РА, 2019, <https://armstat.am/am/?nid=82&id=2225>

2. Численность постоянного населения Республики Армения по состоянию на 1 января 2010 г. Статистический справочник, Е., 2010.

3. Показатели естественного движения населения РА; базы статистических данных, <https://www.armstat.am/am/?nid=209>

Сведения об авторе:

Подосян Аксель Арутюнович, к.г.н., доцент, доцент кафедры социально-экономической географии, Ереванского Государственного Университета, Республика Армения, a.potosyan@ysu.am; +374 94769669

УДК 911

**Преображенский Ю.В.
Preobrazhenskiy Yuri V.**

**ПРОБЛЕМА ЦЕЛОСТНОСТИ СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)**

**THE PROBLEM OF THE CONTINUITY OF THE
SETTLEMENT SYSTEM (ON EXAMPLE OF LOWER VOLGA
REGION)**

Рассматриваются некоторые подходы к исследованию структуры и динамики системы расселения. Критически осмысливаются некоторые работы по данной проблематике. На примере Нижнего Поволжья показывается сложность анализа системы расселения.

Some approaches to the study of the structure and dynamics of the settlement system are considered. Some works on this issue are critically interpreted. On the example of the Lower Volga region the complexity of the analysis of the settlement system is shown.

Ключевые слова: система расселения, метод Ципфа, Нижнее Поволжье.

Keywords: system of settlement, a method of texts, Lower Volga region.

В современной научной литературе с понятием система расселения обращаются достаточно вольно, с лёгкостью ограничивая её пределы административными границами субъектов РФ и стран. Это вынуждает поднять вопрос об обоснованности подобного подхода, т.е. сведения всей сложности «расселенческих» отношений, увязанных в систему, к формальному нахождению населения в пределах региона. Полагаем, что подобная редукция столь сложного понятия требует некоторой критики.

Наиболее чистый случай замкнутой (обособленной) системы расселения дают нам острова (яркий пример [1]). Однако уже в условиях архипелага (характерный пример Индонезия) нельзя не учитывать соседство островов. Великобритания – островное государство – имеет свой крупнейший город на юго-востоке страны, обозначая, таким образом, свою открытость остальной Европе. Так же система расселения, к примеру, Тайваня очевидно тяготеет к материковому Китаю: почти все крупные города расположены на западном побережье острова. «Лабораторные» условия не соблюдаются и здесь: необходимо принимать во внимание вектор социально-экономического тяготения к континенту.

Уподобление России острову – известная метафора и логическая конструкция В. Цымбурского [2] – вполне применимо к российской системе расселения: почти нигде близко к границам страны не расположены крупные города, потенциально способные оказывать значимое влияние на расселение. Исключение составляют, видимо, Донецк, Луганск и Харьков.

Хорошие примеры обособленных систем расселения дают нам полуострова. Так, П.П.Эм применяет теорию центральных мест к двум Кореем [3]. «Чистоты» полуостровным случаям добавляют природные рубежи контрастности, как правило, отделяющие полуостров от материка – прежде всего горы. Относительно целостные системы расселения складываются на Апеннинском и Иберийском полуостровах.

Рассмотрение обусловленности системы расселения природными (естественными) условиями носит двоякий характер. С одной стороны, очевидно, что хозяйственные центры первоначально формируются в зависимости от характера природопользования, разворачивающегося на той или иной территории. С другой, чем больше становится город, тем более он отрывается от естественных факторов развития. Тем не менее, первоначальные выгоды его ЭПП усиливаются за счёт умножения инфраструктуры. Хрестоматиен случай Нью-Йорка, в результате строительства Эри-канала получившего контроль над товарными потоками, проходящими через Великие озёра.

Сложности в несовпадении природно-хозяйственных территориальных систем с границами природных и социально-экономических систем отмечают ряд авторов (см., например, [4]).

Метод Ципфа (правило «ранг-размер») в силу своей относительной простоты активно используется авторами при анализе системы расселения. По известной формуле находится условно-нормальное значение искомого показателя в соответствии с его рангом

в выборке, что позволяет сравнить реальное значение и найти (или не найти) отклонение. В дальнейшем величину и направление данного отклонения можно оценивать по-разному. В частности, в динамике можно говорить об эволюционном тренде приближения реальных значений к полученным при применении индекса Ципфа, указывая на «естественность» этого процесса.

Подобный подход встречается применительно к сопоставлению населения городов стран мира. В СССР кривая Ципфа и кривая, построенная по реальным данным численности населения городов, совпадали в значительной степени. В современной России они расходятся существенно: недостаёт городов людностью 4 и 2,5 млн. жителей (т.е. реальные города третьего и четвёртого рангов «недобирают» до этого показателя). Это можно объяснить двояко. Во-первых, можно ожидать, что «настоящие» города Новосибирск, Нижний Новгород в будущем достигнут этих значений (что представляется практически невозможным, учитывая демографические показатели). С другой стороны, можно говорить о чрезмерной концентрации населения в Москве и Санкт-Петербурге: в большей степени соответствующей модели ситуации, при которой величина первого города должна быть 6, а второго – 3 млн. человек. Двукратные различия в людности двух столиц можно считать количественной оценкой сверхконцентрации. Данное направление активно разрабатывается А.Г. Мазаевым [5].

Существенные вопросы вызывает анализ при помощи метода Ципфа систем расселения части территории страны. Так, ряд авторов применяет правило Ципфа к населению федеральных округов (см. например, [6], [7]). Подобное искусственное вычленение части системы расселения представляется нам неоправданным. Систему расселения можно уподобить сообщающимся сосудам и, выбирая в произвольном (таковы по сути в отношении рассматриваемого вопроса границы ФО) порядке только какую-то их часть, нельзя быть уверенным в правильности результатов. Очевидно, нельзя не учитывать влияние Москвы, находящейся в суперпозиции по отношению к другим городам-миллионерам европейской части страны.

Относительно редко применяется для анализа пространственной динамики системы расселения центрографический метод, оперирующий численностью населения отдельных населённых пунктов и их координатами. Метод требует данных о людности городов за ряд лет, разделённых десятилетиями. В целом, ввиду достаточно инертности системы расселения её подвижки в российских регионах отражаются слабо. Методологическая проблема состоит в

том, что при региональном анализе крупнейший город региона, как правило, расположен близко к его геометрическому центру, что в некоторой степени «гасит» вектор смещения населения.

Система расселения Нижнего Поволжья имеет свои особенности. С одной стороны, она, очевидно, «привязана» к Волге. Ещё Д.И.Менделеев [8] отмечал, что именно речная сеть, начинающаяся на западных склонах Уральских гор, организует и связывает район. Собственно, урбанизированный каркас многих старых, советских районов и составляли подобные полосовидные структуры [9]. Можно предположить, что в условиях поляризации социально-экономического пространства последние имеют потенциал трансформации в т.н. оси развития (подробнее см. в [10]).

С другой стороны, в экзистическом отношении приволжская система расселения имеет разрывы. Так, в южной её части Волгоградская область оказывается относительно изолированной от Астраханской области и Калмыкии с разреженным населением. Также существенный разрыв имеется и в северном направлении – выше связи Волгоград-Волжский вплоть до Саратова нет значимых городов (кроме небольшого Камышина) [9].

Таким образом, полагаем, что при анализе системы расселения следует очень взвешенно определять её границы, поскольку их игнорирование способно значительно повлиять на результаты исследования. Необходимо использовать как индуктивный (от частных разрозненных элементов к целому), так и дедуктивный (от общей системы расселения к отдельным узлам и осям концентрации населения) методы исследования. Представляется, что три инструмента анализа структуры и динамики систем расселения, рассмотренные в данном тексте, должны дополнять друг друга в ходе научного поиска.

Литература

1. Важенин А.А. Применимость теории центральных мест к изучению систем расселения на островах // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2008. № 2. С. 7-12.
2. Цымбурский В.Л. Остров Россия перспективы российской геополитики // Полис. Политические исследования. 1993. № 5. С. 6-53.
3. Эм П.П. Городские агломерации как системы размытых центральных мест (на примере стран Корейского полуострова) // Региональные исследования. 2014. № 3 (45). С. 115-125.
4. Макаров В.З., Федоров А.В. Природно-хозяйственное районирование: методологические и методические подходы // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2002. Т. 2. № 2. С. 53-58.

5. Мазаев А.Г. От моноцентрической к полицентрической поляризации. теоретические основы и сценарии расселения в условиях современной России // Градостроительство. 2013. № 1 (23). С. 65-71.

6. Манаева И.В. Закономерности размещения и роста городов Уральского федерального округа России // Вопросы территориального развития. 2017. № 5 (40). С. 2.

7. Антонова Е.В., Макарецца Л.В. Экономико-географический анализ системы городов // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2004. Т. 4. № 1-2. С. 183-187.

8. Менделеев Д. И. К познанию России: с приложением карты России. – 3-е изд. – СПб., 1906. 159 с.

9. Преображенский Ю.В. Районирование Урало-Поволжья для целей пространственного планирования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Науки о Земле». 2019. Т. 19, вып. 2. С.97–103.

10. Преображенский Ю.В. Формирование осей развития как результат поляризации социально-экономического пространства // Социально -экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. 2018. № 7. С. 196-206.

Сведения об авторе:

Преображенский Юрий Владимирович, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры экономической и социальной географии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, e-mail: topofag@yandex.ru, +79372697231

УДК 911.3:32(571.53)

**Размахнина Ю.С.
Razmakhnina Yu.S.**

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ЭЛЕКТРОТАРАЛЬНО- ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ (НА ПРИМЕРЕ СУБЪЕКТОВ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ)

ETHNIC FACTOR IN ELECTORAL-GEOGRAPHICAL PROCESSES (ON THE EXAMPLE OF SUBJECTS OF EASTERN SIBERIA)

На примере субъектов Восточной Сибири рассмотрена роль этнического фактора в электорально-географических процессах и

обосновано представление о том, что влияние этничности на указанные процессы должно в наибольшей мере проявляться на уровнях муниципальных образований. С помощью корреляционного анализа получена средняя теснота связи на нижнем уровне МО, на высшем уровне МО ближе к высокой или высокая степень связи, а также рассмотрены политические предпочтения коренных народов.

The role of the ethnic factor in electoral-geographical processes is examined and the idea of the influence of ethnicity on these processes should be most appeared at the levels of municipalities is grounded on the example of subjects of Eastern Siberia. Using the correlation analysis, the average tightness of communication was obtained at the lower level of municipalities, closer to a high or high degree of connection, and the political preferences of the indigenous peoples were examined.

Ключевые слова: коренные народы, Восточная Сибирь, явка, политические предпочтения, политическая культура, корреляционный анализ.

Keywords: indigenous peoples, Eastern Siberia, turnout, political preferences, political culture, correlation analysis.

Восточная Сибирь характеризуется наличием коренных и малочисленных народов в национальном составе, что находит отображение в итогах политических компаний на нижнем и высшем уровнях муниципальных образований. Как правило, для коренных народов свойственен более высокий уровень явки, нежели для русского населения, политические предпочтения зачастую носят традиционный характер (поддержка «партии власти»).

В качестве регионов Восточной Сибири рассматриваются семь субъектов: Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край, Республика Саха (Якутия), Красноярский край, Республики Хакасия и Тыва. Для поиска взаимосвязи между долей коренного населения и результатами явки на выборах мэров и депутатов районов и городских округов, а также глав поселений и депутатов (при наличии информации) был применен метод корреляционного анализа. Проведен анализ вышеуказанных выборов с 2010 по 2019 гг. [1], с опорой на данные Всероссийской переписи населения-2010 [2]. В отношении Иркутской области были рассмотрены более короткие временные отрезки: 2010–2013 и 2014–2019 гг., в связи с получившимися коэффициентами ближе к средней, чем низкой тесноте связи.

Общие коэффициенты корреляции по Восточной Сибири составили: 0,58 и 0,56 – выборы глав поселений и депутатов по Иркутской области, Республики Бурятии, Республикам Саха (Якутия)

и Тыва (по имеющимся данным). Выборы, проведенные на высшем уровне муниципальных образований (МО) по семи субъектам, демонстрируют более высокую степень взаимосвязи доли коренного населения и явки: 0,69 – выборы мэров районов и городских округов (рис. 1) и 0,71 – выборы депутатов (рис. 2).

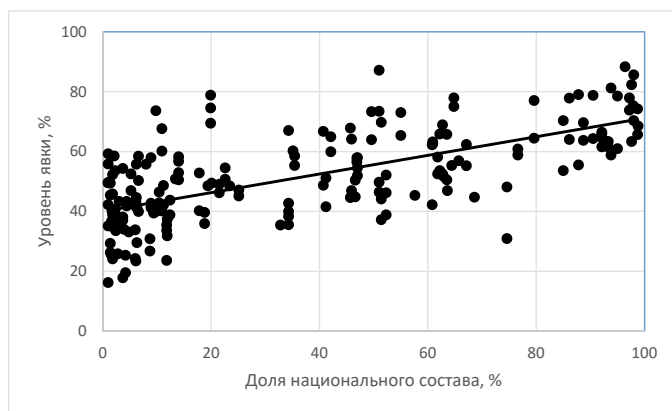

Рис. 1. Взаимосвязь доли коренного населения и уровня явки на выборах мэров районов и городских округов в 2010–2019 гг.

Рис. 2. Взаимосвязь доли коренного населения и уровня явки на выборах депутатов районов и городских округов 2010–2019 гг.

Более узко характеризуя взаимосвязь между долей коренного населения и уровнем явки необходимо рассмотреть коэффициенты по регионам. Наивысшую тесноту связи показала Республика Якутия: 0,52

– выборы мэров по нижнему уровню МО, 0,71 и 0,57 – выборы мэров и депутатов по высшему уровню МО. Следом идет Иркутская область: 0,5 – выборы депутатов поселений за 2010–2013 гг., 0,54 и 0,63 (2014–2019 гг.) – выборы мэров и депутатов по высшему уровню МО. Республика Бурятия также продемонстрировала среднюю тесноту связи (0,58) на выборах мэров и депутатов по районам и городским округам. Выборы депутатов районов и городских округов в Забайкальском крае показали среднюю корреляцию (0,54). Корреляционный анализ, проведенный по итогам выборов мэров нижнего уровня МО в Республике Тыве, выявил среднюю тесноту взаимосвязи (0,69). В то же время, выборы, проведенные на верхнем уровне МО в Красноярском крае и Республике Хакасии продемонстрировали достаточно низкие показатели (от 0,12 до 0,21).

Высокая явка у представителей коренных народов прежде всего обусловлена особенностями их политической культуры. Р.Ф. Туровский в монографии «Политическая география» (1999) обозначил данное явление как «контролируемая электоральная культура» [3, с. 371]. Для нее присущи высокие показатели голосования за поддерживаемые местными властями партии и кандидатов, а также наиболее широкая вовлеченность граждан в избирательный процесс, по сравнению с преобладающим русским населением. Например, применительно к Иркутской области, к данному типу в активном в своем проявлении Туровский относил Баяндаевский (60,9 % коренного населения), Нукутский (46,5 %), Осинский (46,9 %) и Ольхонский районы (49,7 %). Пассивная контролируемая электоральная культура наблюдается в Эхирит-Булагатском районе (51 %). Несколько менее контролируема ситуация в Аларском (25,1 %) и Боханском (21,5 %) районах, одной из причин чего является, на наш взгляд, именно меньшая доля коренных жителей в национальном составе их населения.

Относительно политических предпочтений коренных народов российские исследователи отмечают политическую ангажированность в отношении к «партии власти» (ЕР), в то время как партии КПРФ, ЛДПР и др. партии с «левой» направленностью, не пользуются популярностью у коренных этносов. Причинами поддержки ЕР у коренных народов являются в ряде случаев личный характер взаимоотношений между главами республик и президентом страны, беспрецедентное использование административного ресурса на местах, обращение к коллективному голосованию членов этнических групп за определенную партию или кандидата в традиционных общественных структурах и др.

В качестве примера трудов, посвященных электоральным предпочтениям коренных народов Восточной Сибири, можно отнести диссертационное исследование Е.С. Данзанова. В данной работе также подтверждается тезис низкой поддержки партии ЛДПР коренным населением Бурятии (1993–2002 г.) на уровне территориальных избирательных комиссий (ТИК), о чем свидетельствует высокая теснота отрицательной связи (коэффициент корреляции равен $-0,91$). Низкую поддержку получил в Бурятии и С.Ю. Глазьев на выборах президента в 2004 г., причем в данном случае коэффициент корреляции говорит о средней отрицательной связи ($-0,55$) [4, с. 18].

В некоторых регионах Восточной Сибири поддержка «партии власти» и В. В. Путина просматривается наиболее контрастно. Например, в Тыве президентские выборы 2012 и 2018 гг. зафиксировали рекордное количество голосов за действующего президента. При этом, следует отметить, что в 2018 г. степень его поддержки еще более возросла в целом почти на 2 %, так и в некоторых районах (табл. 1).

Таблица 1
Количество голосов в %, отданных за В. В. Путина в 2012 и 2018 гг.

Территориальная избирательная комиссия	2012	2018
Всего	90,0	91,9
Ак-Довуракская	92,8	91,0
Бай-Тайгинская	97,3	96,4
Барун-Хемчикская	94,8	94,8
Дзун-Хемчикская	96,5	97,2
Каа-Хемская	87,4	91,0
Кызыльская городская	84,7	87,7
Кызыльская	87,1	92,2
Монгун-Тайгинская	95,9	98,4
Овюрская	95,4	95,1
Пий-Хемская	85,3	93,2
Сут-Хольская	97,3	97,2
Тандинская	89,7	90,4
Тере-Хольская	93,5	95,4
Тес-Хемская	98,8	95,9
Тоджинская	88,6	92,6
Улуг-Хемская	92,6	94,4
Чаа-Хольская	96,1	94,6
Чеди-Хольская	92,7	96,3
Эрзинская	92,7	99,5

В Забайкальском крае на выборах губернатора и Государственной Думы 2016 г. вновь проявилась тенденция голосования коренными народами за «партию власти» – городской округ Агинское, Агинский, Дульдургинский и Могойтунский районы продемонстрировали результаты от 60 % и более 70 % голосов за ЕР и ее политиков.

Напротив, политические предпочтения коренного населения Якутии в большей степени интересны на примере голосования за партию ЛДПР на выборах депутатов в Государственную Думу в 2011 и 2016 гг. В 2011 г. Общей тенденцией на выборах 2011 г. является более высокий уровень (не менее 10 %) поддержки партии в районах с преобладающим количеством русских, украинцев, татар и др. над коренными этносами. Исключения составили два муниципалитета – Нижнеколымский (45 % «пришлых» этносов, в т.ч. русское население и 40,7 % коренных народов) и Олекминский (48 % «пришлых» этносов и 47 % коренных народов), что объясняется незначительным перевесом русских и др. национальностей над коренным населением. В то же время, подобных случаев не отмечалось в 2016 г., процент голосования в районах с преобладающим русским населением вкупе с другими некоренными национальностями, составил не менее 10 %.

Таким образом, полученные результаты с помощью метода корреляционного анализа показали среднюю тесноту взаимосвязи (от 0,56 до 0,58) между долей коренного населения и явкой на нижнем уровне некоторых МО Восточной Сибири. На высшем уровне МО Восточной Сибири степень взаимосвязи близка к высокой или являются таковой (от 0,69 до 0,71). Некоторые частные примеры избирательных кампаний (далеко не все из перечисленных) на уровне субъектов способны пролить свет на политические предпочтения коренных этносов и русского населения.

Литература

1. Итоги выборов и референдумов по Восточной Сибири в 2010–2019 (сайт Центральной избирательной комиссии Российской Федерации). – URL: <http://www.cikrf.ru/> (дата обращения: 08.12.2019).
2. Всероссийская перепись населения-2010. – URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.12.2019).
3. Туровский Р.Ф. Политическая география / Р.Ф. Туровский. – М. – Смоленск: Изд-во СГУ, 1999. 381 с.

4. Данзанов Е.С. Пространственно-временная структура электоральных предпочтений в Республике Бурятия: автореф. дис. канд. геогр. наук. –Улан-Удэ, 2010. 23 с.

Сведения об авторе.

Размахнина Юлия Сергеевна, Младший научный сотрудник, ИГ СО РАН, email: yulya.razmaxnina@bk.ru; тел. 89248208001

УДК 911.37

**Рубцов В.А., Биктимиров Н.М.
Rubtsov V.A., Biktimirov N.M.**

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В
РЕГИОНАХ ПРИВОЛЖСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

**MODERN INTER-ETHNIC RELATIONS IN THE REGIONS OF
THE VOLGA FEDERAL DISTRICT**

В работе показана актуальность этнических исследований в современном мире. Проанализирован этнический состав и межэтнические отношения в регионах Приволжского федерального округа.

The paper shows the relevance of ethnic research in the modern world. The ethnic composition and interethnic relations in the regions of the Volga Federal District are analyzed.

Ключевые слова: регионы Приволжского федерального округа, этнос, национальный состав, этническая избирательность, межнациональные браки

Keywords: regions of the Volga Federal District, ethnic group, ethnic composition, ethnic selectivity, interethnic marriages

На сегодняшний день многие народы переживают период возрождения, наблюдается всплеск этнической идентичности, возрастает интерес и обращение к этническим ценностям, уделяется внимание повышению статуса национальных языков, культур, обычаев, традиций, как системообразующих элементов. Важное значение для консолидации начали играть национально-культурные общества [3].

Обращение к своим корням у отдельных людей и целых народов проявляется в самых разных формах: от попыток реанимации старинных обычаев и обрядов, фольклоризации профессиональной

культуры, поисков «загадочной народной души». Иногда данная потребность может возрасти до стремления создать или восстановить свою национальную государственность. В мире немало примеров когда эти законные интересы сталкиваясь с интересами других народов, что вызывает проблемы межэтнической напряженности [10,с.5].

Россия при проведении государственной политики исходит из понимания многоэтничности и многоконфессиональности большинства регионов России, что, в свою очередь, заставляет обращать пристальное внимание на проблему гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений, тесно связанных между собой [8].

Приволжский федеральный округ является полиэтнической территорией, где этнический фактор у исконно проживающих здесь народов финно-угорской группы уральской языковой семьи и у народов тюркской группы алтайской языковой семьи играл особое значение в течении многих лет.

Важные черты русских – человеколюбие и терпимость, высокая гражданская солидарность, готовность прийти на помощь, неприхотливость и др. Испокон веков русский народ славился хлебосольством и гостеприимством [2].

Из 14 регионов Приволжского федерального округа в 12 русские составляют основную часть населения, исключением являются только республики Чувашия и Татарстан (см.табл.1).

На территории Приволжского федерального округа русские составляют (66,3%), татары (13,4%), башкиры (4,3%), чувашы (4,3%), мордва (2,0%), удмурты (1,7%), марийцы (1,6%), а также представители других наций, национальностей и этнических групп [1;7]. Только на территории Республики Татарстан проживают 173 национальностей. В целом в ПФО зарегистрированы 179 национально-культурных автономий.

Таблица 1

Национальный состав Приволжского федерального округа
(по данным Всероссийской переписи населения 2010 г. [1].

№	Название региона	Национальности, занимающие более 1 %
1.	Республика Башкортостан	русские (36,1), башкиры (29,5), татары (25,4)
2.	Кировская область	русские (91,9), татары (2,8) марийцы (2,3), удмурты (1,0)
3.	Республика Марий Эл	русские (47,4), марийцы (43,9), татары (5,8)

4.	Республика Мордовия	русские (53,2), мордва (39,9), татары (5,2)
5.	Нижегородская область	русские (95,1), татары (1,4)
6.	Оренбургская область	русские (75,9), татары (7,6), казахи (6,0), украинцы (2,5), башкиры (2,3%), мордва (1,9)
7.	Пензенская область	русские (86,8), татары (6,4), мордва (4,1)
8.	Пермский край	русские (87,1), татары (4,6), коми-пермяки (3,2%), башкиры (1,3%)
9.	Самарская область	русские (85,6), татары (4,1), чуваши (2,7), мордва (2,1), украинцы (1,4)
10.	Саратовская область	русские (87,5), казахи (3,1), татары (2,2), украинцы (1,7), армяне (1,0)
11.	Республика Татарстан	татары (53,2), русские (39,7), чуваши (3,1)
12.	Удмуртская Республика	русские (62,2), удмурты (28,0), татары (6,7)
13.	Ульяновская область	русские (73,6), татары (12,2), чуваши (7,7), мордва (3,2)
14.	Чувашская Республика	чуваши (67,7), русские (26,9), татары (2,8), мордва (1,1)

Многие православные народы России: мордва, чуваши, удмурты, мари́йцы, карелы продолжают ассимилироваться с русскими [5, с.67].

Динамика этнического состава в регионах Приволжского федерального округа показывает, что отдельные этносы лучше развиваются в своих национально-территориальных образованиях, чем за его пределами [4, с.64; 6, с.150].

Наш прогноз показал, что в большинстве случаев в тех регионах, где в общей численности населения зафиксирована низкая доля какой-то нации, их абсолютная численность и доля будут непрерывно сокращаться. Например, дисперсное расселение татар, проживающих на территории России и за ее пределами, постепенно будет заменяться их локализацией, концентрацией в основных районах проживания в Приволжском федеральном округе и ядро их сосредоточения территориально будет совпадать с границами республик Татарстан и Башкортостан. В округе прогнозируется возвратная миграция многих из тех, кто выехал раньше в северные и восточные районы страны [4, с.64].

Приволжский федеральный округ обладает уникальным транзитным положением, так как расположен на перекрестке международных транспортных коридоров «Север-Юг» и «Восток-Запад», соединяющих Сибирь и Дальний Восток, а также страны Восточной Азии с Европейской Россией и государствами Европы, что

усиливает контакты между представителями различных этнических и религиозных групп [7].

Согласно исследованиям Логиновой Н.Н. этносы придают различное значение этническим различиям. Например, у мордвы этническая избирательность мала, у русских она более характерна, а у татар она выражена наиболее четко [6, с.151]. По мнению ученого главной причиной регионального этнического конфликта способной привести к самым крайним формам является политизация этничности [6, с.153].

После 90-ых годов XX века межнациональные браки начали играть существенную роль в развитии населения Приволжского федерального округа. Для роста числа межнациональных браков необходимы тесные дружественные межнациональные отношения, относительно высокая миграционная мобильность, особенности расселения населения, ослабление традиций и сглаживание социально-культурного развития, относительное совпадение мировоззрения и т.д. [11, с.135].

Абсолютное большинство информантов, которыми выступали немцы поволжской диаспоры, считают русский народ наиболее близким к своему по культуре. Согласно результатам исследования Смольниковой Н.В., более двух третей опрошенных немцев состоят в национально-смешанных браках. Среди таких браков абсолютное большинство составляют немецко-русские [9].

Таким образом, исследования подтверждают, особую значимость этнического фактора в регионах Приволжского федерального округа который проявляется во многих формах взаимодействия, во-вторых недостаточно рассматривать только межэтнические отношения необходимо рассматривать и этноконфессиональное взаимодействие населения регионов, в-третьих из-за особенностей географического положения, исторических связей со многими странами СНГ всегда для данной территории необходимо учитывать значение этнической миграции, в-четвертых этносы проживающие в округе в целом показывают образцовое поведение в различных формах межэтнического поведения и могут послужить примером для подражания для многих стран и народов мира.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2010 года. Официальные итоги с расширенными перечнями по национальному составу населения и по регионам.

2. Городецкая И.М. Межэтнические отношения русского, татарского и башкирского народов / И.М., М.Г.Рогов М.Г., А.Б. Блохин // Проблемы социальной психологии личности.[Электронный ресурс]. Режим доступа – https://psyjournals.ru/sgu_socialpsy/issue/30283_full.shtml (дата обращения 25.02.2020).

3. Давлетшин К.Д. Взаимодействие национального и религиозного факторов в культуре и быту: на примере народов Поволжья и Приуралья, традиционно исповедующих ислам. Автореф. дис. докт. филос. наук. – Москва, 1998.[Электронный ресурс]. Режим доступа – <https://www.dissercat.com/content/vzaimodeistvie-natsionalnogo-i-religioznogo-faktorov-v-kulture-i-bytu-na-primere-narodov-pov> (дата обращения 28.02.2020).

4. Исхаков Д.М. Татары к 2025 году: демографический прогноз/Д.М.Исхаков, М.Р.Мустафин, Н.М. Биктимиров //Казань: Институт истории им. Ш.Марджани ПН РТ, 2007. 92 с.

5. Логинова Н.Н. Социально-экономическая география Республики Мордовия /Н.Н.Логинова; нач.ред.А.М.Носонов. – 4-е изд., испр. – Саранск: Изд-во Мордов.ун-та, 2013. 152 с.

6. Логинова Н.Н. Динамика этнического состава и межэтнические отношения в Республике Мордовия/Н.Н.Логинова//Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов Российской Федерации. Материалы Всероссийской конференции с Международным участием, посвященной 15-летию ГКУ РМ «НЦСЭМ», Саранск, 2017. – 480 с.

7. Приволжский федеральный округ [Электронный ресурс]. Режим доступа –<http://pfo.gov.ru/district/> (дата обращения 28.02.2020)

8. Рагузин В.Н. Этноконфессиональные отношения в современной России: состояние, проблемы, противоречия. Социально-философский анализ. Автореф. дис. докт. филос. наук. – Москва, 1999. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <http://hdissercat.com/content/etnokonfessionalnye-otnosheniya-v-sovremennoi-protivorechiarossii-sostoyanie-problemy--sotst><https://www.> (дата обращения 27.02.2020).

9. Смольникова Н.В. Современная этнополитическая ситуация и межэтнические отношения в Нижнем Поволжье (на примере немецкой диаспоры) Автореф. дис. канд. ист. наук. – Москва, 1998. [Электронный ресурс]. Режим доступа – <http://cheloveknauka.com/sovremennaya-etnopoliticheskaya-situatsiya-i-mezhetnicheskie-otnosheniya-v-nizhnem-povolzhie>.(дата обращения 25.02.2020).

10. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология: Учебник для вузов / Т. Г. Стефаненко.– 4-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2009. 368 с.

11. Титова Т.А. Этническое самосознание в национально-смешанных семьях (по материалам русско-татарских семей г.Казани). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Уфа: Форт Диалог, 1995. 16 с.

Сведения об авторах:

Рубцов Владимир Анатольевич, д.г.н., профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, vrubtzov.57@mail.ru

Биктимиров Нияз Миннахматович, к.г.н., доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Niyaz825@mail.ru

УДК 314.728

Сазонова Н.В., Сазонова О.А.
Sazonova N.V., Sazonova O.A.

**К ВОПРОСУ О МИГРАЦИОННЫХ СВЯЗЯХ БЕЛГОРОДСКОЙ
ОБЛАСТИ С РЕГИОНАМИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО
ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА**

**TO THE QUESTION OF MIGRATION COMMUNICATIONS OF
THE BELGOROD REGION WITH REGIONS OF THE FAR
EASTERN FEDERAL DISTRICT**

Автор в данной статье рассматривает особенности миграционных процессов Белгородской области с регионами Дальневосточного федерального округа. В ходе рассуждений отмечается значительный рост доли восточных районов страны в миграционных связях Белгородской области. Сделан вывод о том, что в целях преодоления миграционного кризиса на Дальнем Востоке необходимо проводить особую социально-экономическую политику, учитывающую специфику рассматриваемого региона.

The author in this article considers features of migration processes of the Belgorod region with regions of the Far Eastern Federal District. In a chain of reasoning significant growth in a share of east regions of the country in migration communications of the Belgorod region is noted. The conclusion is drawn that for overcoming migration crisis in the Far East it is necessary to pursue the special social and economic policy considering specifics of the considered region.

Ключевые слова: миграция, миграционный прирост, межрегиональная миграция, регионы России, Дальневосточный федеральный округ.

Keywords: migration, migration gain, interregional migration, regions of Russia, Far Eastern Federal District.

Миграция играет значительную роль в современной демографии Белгородской области и является важным компонентом формирования численности и общего прироста населения, что очень важно для поддержания экономического потенциала региона.

Несмотря на значительную естественную убыль населения в Белгородской области, численность населения региона стабильно увеличивается.

Это связано, прежде всего, со значительным притоком мигрантов. Максимальный миграционный прирост населения за последние 20 лет наблюдался в 1994 году (28,8 тысяч человек). В последующие годы число мигрантов, прибывших в область, значительно уменьшилось (рис. 1).

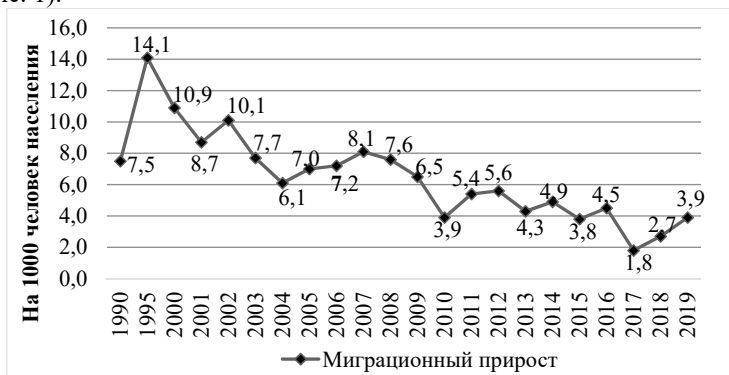

Рис.1. Миграционный прирост населения в Белгородской области

В настоящее время миграции являются единственным источником роста численности населения при отрицательной естественной убыли. (табл.1).

Таблица 1

Прирост населения Белгородской области в 1990 – 2019 гг.
(на 1000 человек населения)

Годы	Миграционный прирост	Естественный прирост (убыль)	Суммарный прирост (убыль)
1990	7,5	0,1	7,6
1995	14,1	-6,4	7,7
2000	10,9	-7,3	3,6

2010	3,9	-3,5	0,4
2015	3,8	-2,4	1,4
2016	4,5	-2,8	1,7
2017	1,8	-3,7	-1,9
2018	2,7	-4,3	-1,6
2019	3,9	-5	-1,1

Источники: [1, с. 44, 47]

Как показало исследование, с 1992 по 2000 год в структуре миграционного прироста региона доминировал приток населения из стран СНГ, а в 2001-2006 годах преобладают внутрироссийские миграции населения. В 2006 году на их долю приходилось 62,6 % всего миграционного прироста, а на долю внутрироссийской миграции приходилось всего 37,4% (табл. 2) [1, с. 47].

Таблица 2

Структура миграционного прироста Белгородской области в 1990-2019 гг (в %)

Года	Миграционный прирост	Страны СНГ и дальнего зарубежья	Регионы РФ
1992	100	70,8	29,2
1995	100	62,6	37,4
2000	100	54,1	45,9
2001	100	41,6	58,4
2006	100	37,4	62,6
2007	100	57,6	42,4
2008	100	60,7	39,3
2014	100	92,3	7,7
2015	100	125,6	-25,6
2016	100	102,4	-2,4
2017	100	126,3	-26,3
2018	100	81,4	18,6
2019	100	78,8	21,2

Источники: [2, с. 61].

Сохранявшийся длительное время в обмене населением с субъектами России миграционный прирост сменился в 2015 году миграционной убылью. За 2015 год она составила 1514 человек. Начиная с 2007 года и по 2020 г. в структуре миграционного прироста преобладают миграции со странами СНГ. В 1990-х годах основными регионами России, с которым Белгородская область имела тесные миграционные связи, являлся Центрально-Черноземный экономический район (более 62% внутрироссийского миграционного

оборота). Далее следовали Дальневосточный (7,2%), Северный (5,4%), Центральный (5,3%), Северо-Кавказский (4,8%), Западно-Сибирский (4,2%) экономические районы [3].

Значительный отток населения области в другие экономические районы Европейской России уравновешивался за счет миграционного притока населения из северных и восточных районов страны. При этом основными поставщиками мигрантов являлись Приморский край, Хабаровский край, Магаданская и Сахалинская области Дальневосточного экономического района, Республика Карелия, Архангельская и Мурманская области Северного района, Тюменская область и Алтайский край. С этими регионами Белгородская область имела положительное сальдо миграции и миграционные связи имели односторонний характер.

В середине 90-х годов миграционные связи Белгородской области с другими регионами России начинают трансформироваться. Прежде всего, резко снижается роль ЦЧР. Так, в 1996 году на долю ЦЧР приходилось 35,4% от всех прибывших в Белгородскую область из регионов России.

Столь значительное снижение миграционных связей области даже с другими соседними областями ЦЧР определяется более трудной в них экономической ситуацией, сложностью обмена или покупки жилья, адаптации на новом месте, проблемами, вызванными поиском нормальной работы и т. д. В настоящее время значительно возрасла доля восточных районов страны в миграционных связях Белгородской области. Наибольшее количество мигрантов прибыло в область из Дальневосточного федерального округа и доля прибывших возросла почти в 2 раза (табл. 3).

Таблица 3

Миграционный прирост (убыль) населения Белгородской области в обмене с федеральными округами РФ (человек)

Название округа	Миграционный прирост, убыль (-) населения			На 1000 человек населения		
	2015	2016	2019	2015	2016	2019
Центральный	- 2948	360	- 1842	-1,1	0,2	-1,1
Южный	- 258	- 22	- 115	-0,16	-0,01	-0,07
Северо-Западный	- 161	- 151	37	-0,1	-0,09	0,02
Дальневосточный	968	372	771	0,6	0,2	0,5
Сибирский	501	129	441	0,3	0,08	0,3
Уральский	632	119	587	0,4	0,07	0,4
Приволжский	103	43	249	0,06	0,03	0,2
Северо-Кавказский	35	41	216	0,02	0,02	0,1

Источники: [4, 5]

равнивая коэффициенты миграционного прироста (убыли) в Белгородской области, ЦФО, ДФО и России в 2019, можно сделать вывод, что наибольший миграционный прирост на 1000 человек населения наблюдается в Белгородской области – 5,0. В пределах России, наибольший миграционный прирост приходится на ЦФО – 1,8. Со странами СНГ также лидирует Белгородская область – 3,9. В Дальневосточном федеральном округе наблюдается убыль населения, только со странами СНГ миграционный прирост составляет 1,0 (табл. 4). Среди федеральных округов России Дальний Восток оказался в числе «лидеров» по сокращению численности своего населения. Наибольшие потери произошли на северных территориях региона [6, с. 101].

Таблица 4

Коэффициенты миграционного прироста (убыли) в Белгородской области, ЦФО, ДФО и России в 2019 (на 1000 человек населения)

	РФ	ЦФО	ДФО	Белгородская область
Миграция - всего				
Прибывшие	29,4	30,4	37,1	36,4
Выбывшие	27,6	26,5	37,8	31,4
Миграционный прирост(-убыль)	1,8	3,9	- 0,7	5,0
В пределах России				
Прибывшие	25,0	25,1	31,4	11,6
Выбывшие	25,0	23,3	33,7	11,4
Миграционный прирост (-убыль)	0,0	1,8	-2,3	0,22
Со странами СНГ				
Прибывшие	3,9	4,8	4,4	8,8
Выбывшие	2,3	2,9	3,4	4,8
Миграционный прирост	1,6	1,9	1,0	3,9

Источники: [6, с. 101-105]

За пределы Дальнего Востока стало уезжать значительно больше населения, причем наиболее трудоспособного и квалифицированного, чем приезжать, так как установленные льготы перестали быть стимулом для закрепления населения, а условия проживания здесь значительно более сложные. Анализ миграционной ситуации позволяет утверждать, что сегодня Дальний Восток нуждается в оздоровления демографической ситуации в, создании условий для стабилизации и роста своего населения и привлечения населения с других территорий. [7, с. 74].

Как отмечают ученые, территории России, с которыми наиболее тесно связаны регионы Дальнего Востока (помимо ДФО) и в которые шла межрегиональная убыль его населения, можно разделить на три основных группы. Первая группа - южные равнинные регионы Европейской России и Центрально-Чернозёмного экономического района, - Краснодарский край, Ростовская, Белгородская и Воронежская области. Вторая группа - столичные регионы и Калининградская область. Третья - Новосибирская область. Значения МИПС регионов ДВ с территориями первой и третьей группы находятся в диапазоне от 0,9 до 5,2 раз. Со столичными регионами МИПС ниже - 0,5-1,8 раз, так как они являются центрами миграционного притяжения для всей страны, и уровни данных показателей достаточны для того, чтобы считать миграционные связи если не тесными, то ощутимыми. Абсолютные потери регионов ДВ в межрегиональном обмене населением в 2006-2017 гг. составили 263 тыс. человек. Из них в Краснодарский край - 58 тыс. человек, в город Москву и Московскую область - 60 тыс. человек, в город Санкт-Петербург и Ленинградскую область - 50 тыс. человек. В сумме это 168 тыс. человек или 2/3 от всех межрегиональных потерь Дальневосточного федерального округа [8, с. 9].

В Белгородскую область межрегиональная убыль ДВ составила 13 тыс. человек, Ростовскую и Калининградскую - по 9 тыс. человек, Новосибирскую - 8 тыс. чел., Воронежскую - 6 тыс. человек. Совокупно эти десять регионов приняли за 12 лет свыше 80% от межрегиональной миграционной убыли Дальнего Востока. Для переселения они выбирают окружающие, менее дорогие по проживанию, но близкие к крупнейшим мегаполисам области. Другой особенностью переселения с ДВ является тяга покидающего его населения к южным регионам России с более благоприятным климатом и недорогой стоимостью проживания [8, с. 9-10].

По мнению Рыбаковского О.Л. и Таюновой О.А., в ближайшее время кардинальное изменение миграционной ситуации на Дальнем Востоке (и в ДФО) вряд ли случится. До тех пор пока оттуда будет идти активная межрегиональная миграционная убыль населения, никакой межгосударственный прирост её не перекроет. Да это и не решение задачи повторного заселения Дальнего Востока. Его необходимо заселять, прежде всего, россиянами. А их ДВ как раз и теряет в значительно большем объеме, чем получает иммигрантов [8, с. 9-10].

В заключение можно сделать вывод, что в целом миграционная ситуация в Белгородской области более благоприятная на фоне многих

регионов России и миграционный прирост полностью компенсирует естественную убыль населения. Дальневосточный федеральный округ, напротив, в миграционном обмене теряет наиболее активную часть своих жителей. Для преодоления миграционного кризиса в отношении Дальнего Востока необходимо проводить особую социально-экономическую политику, учитывающую специфику этого региона и запасы природных ресурсов, это прежде всего: высокая оплата труда, хорошее снабжение, гарантированные льготы, «северный» коэффициент, создание крупнейших территориально-производственных комплексов по добыче и переработке полезных ископаемых, создание новых рабочих мест и развитие инфраструктуры.

Литература

1. Белгородская область в цифрах. 2019: Крат. стат. сб. / Белгородстат. 2019. 252 с.
2. Статистический ежегодник. Белгородская область. 2018: Стат. сб. / Белгородстат. Белгород, 2018. 580 с.
3. Территориальный орган федеральной службы государственной статистики по Белгородской области [электронный ресурс] – URL: <https://belg.gks.ru> (дата обращения: 16.02.2020 г.).
4. Демографический ежегодник России. Статистический сборник, 2019 [электронный ресурс] – URL: https://gks.ru/bgd/regl/B19_16/Main.htm (дата обращения: 16.02.2020 г.).
5. Россия в цифрах. 2019: Крат.стат.сб. / Росстат-М., 2019. – 549 с.
6. Российский статистический ежегодник. 2018: Стат.сб. / Росстат. М., 2018. 694 с.
7. Мотрич Е.Л. Оценка миграционной ситуации на Дальнем Востоке России: 1991–2016 гг. / Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 2 (204). С. 70-77.
8. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века / Народонаселение. 2019. Т. 22. № 3. С. 4-14.

Сведения об авторах:

Сазонова Нина Васильевна – кандидат географических наук, доцент, доцент ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»), кафедра природопользования и земельного кадастра, E-mail – NSazonova@bsu.edu.ru Контактный телефон – 8-909-200-80-98

Сазонова Оксана Александровна – кандидат юридических наук, старший преподаватель, АНО ВО «Белгородский университет кооперации, экономики и права», кафедра административного и уголовного права. E-mail – Nature_11@mail.ru Контактный телефон – 8-906-604-08-80

УДК 314 (571.6)

Сидоркина З.И.
Sidorkina Z.I.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА И НАПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИИ МОЛОДЕЖИ

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE FAR EAST AND DIRECTION OF YOUTH MIGRATION

Рассмотрена мотивация миграции молодежи в сложившихся экономических условиях. Намерения покинуть регион сводятся к получению образования в центральных вузах страны и за рубежом. Уезжают также выпускники вузов, которые нашли себе применение в других регионах и иностранных компаниях. Географическая удаленность от ведущих научных и образовательных центров России – свидетельствуют о необходимости изменений в доступности высшего и среднего специального образования для молодежи Дальнего Востока.

The motivation of youth migration in the current economic conditions is considered. The intentions to leave the region boil down to education in the central universities of the country and abroad. University graduates who have found application in other regions and foreign companies are also leaving. The geographical distance from the leading scientific and educational centers of Russia indicates the need for changes in the accessibility of higher and secondary specialized education for young people in the Far East.

Ключевые слова: Дальний Восток, факторы миграции молодежи.
Key words: Far East, youth migration factors.

Состояние человеческого капитала государства зависит от двух взаимосвязанных факторов: демографической ситуации и его качества. За последние годы на государственном уровне принимались неоднократно решения, направленные на регулирование

демографических и миграционных процессов в дальневосточном федеральном округе. В этом плане обращение власти к данной проблематике, разработка и реализация государственных программ соответствующей направленности вполне закономерны. Но, несмотря на это, население в регионе продолжает сокращаться. Устойчивые тенденции демографической деградации и низкий уровень социально-экономической привлекательности региона, свидетельствует о том, что предпринимаемые усилия пока не меняют сложившуюся ситуацию [1].

Отсутствие государственной заинтересованности в качественном трудовом потенциале, может усугубиться, создание долгосрочных предпосылок для повышения конкурентоспособности членов домохозяйств на рынке труда возможно за счет осуществления инвестиций в образование и здоровье [2]. При разработке программ социально-экономического развития регионов и страны в целом влияние уровня образованности и профессиональной грамотности трудоспособного населения на экономический рост и производительность труда в настоящее время, как показывает практика, не учитывается. Разорвана цепочка последовательности подготовки кадров.

Особый интерес для России в последние годы представляет образовательная миграция. Молодежь ориентируется на обучение за границей. Восточная мудрость гласит: «Хочешь победить врага, воспитай его детей». Динамика международного рынка образовательных услуг, емкость которого, по оценкам специалистов, составляет 50-60 млрд. дол. США, свойственна таким ведущим странам-реципиентам, принимающим на обучение более 70 % мигрантов, как США, Великобритания, Франция, Германия, Австралия, Китай, Канада и Япония [3]. Последние четыре из названных стран пользуются приоритетом у дальневосточников.

К образовательным учреждениям России проявляют интерес в большей степени граждане стран СНГ, которые владеют русским языком, знакомы с отечественной культурой и готовы к интеграции и социализации. Это обуславливает целесообразность расширения правовой регламентации статуса образовательных мигрантов, гарантий их обучения и других вопросов, в том числе в рамках двусторонних договоров России с указанными странами [4].

В настоящее время отмечаются противоречивые тенденции в сфере отечественного высшего образования. С одной стороны, делается упор на академическую мобильность, открытость университетов, привлечение иностранных студентов. А с другой стороны, увеличивается отток талантливой молодежи в зарубежные

вузы по различным направлениям и уровням подготовки. Есть также и третья тенденция – внутренняя образовательная миграция, которая связана с поступлением в центральные вузы выпускников из субъектов Российской Федерации. В этом плане большие сложности испытывают региональные вузы, которые сталкиваются со сложностями набора по своим направлениям подготовки. Уменьшилась демографическая база, выпускников школ стало меньше из-за низкой рождаемости. Все это сказывается на кадровой политике в целом, поскольку выпускники центральных вузов практически не возвращаются на «малую родину», что в итоге отражается на качестве регионального интеллектуального капитала. Особую роль играет то, насколько сильны региональные вузы, чтобы привлечь абитуриентов из своего региона и других регионов, иностранных студентов высоким качеством образования. Вместо открытия новых направлений специализации и новых вузов, которые формируются не в один год, стоит обеспечить подготовку требуемых на рынке специалистов по квотам для обучения в ведущих вузах страны для выпускников Дальнего Востока, как это уже сделано для некоторых автономных образований.

По состоянию демографической ситуации мы недалеко ушли от послевоенной ситуации, поэтому демографические условия требуют необходимости пересмотра сроков обучения молодежи в школе. В частности, сокращение сроков обучения в общеобразовательных школах до 10 лет [5]. Шире использовать эффективные формы «семейного обучения», экстернат, дистанционное обучение для школьников. Дистанционное обучение особенно важно для бывших республик Прибалтики, Украины, Молдавии, объявивших войну русскому языку.

Рассматривая возрастной профиль детской миграции, нельзя не заметить самый высокий уровень миграции в возрасте 14-15 лет [6]. Создаваемые «трудности» с поступлением дальневосточников в центральные вузы, в виде завышенных заданий по ЕГЭ, примерно одинаковая стоимость обучения в дальневосточных и столичных вузах, стимулирует родителей отправлять детей уже в 14-15 лет в европейскую часть, чтобы обеспечить им в дальнейшем, поступление в выбранный «топовый» вуз. Вывод один, в дальневосточных вузах обучение должно быть полностью бюджетным, если стране нужны специалисты в регионе, которые будут работать в знакомых природных и социальных условиях.

Россияне готовы вкладывать в своих детей немалые средства с прицелом на то, что те останутся за границей. По данным исследовательского центра Gallup, около 20% граждан хотели бы

эмигрировать [3]. Больше 40% респондентов в возрасте от 15 до 29 лет выразили желание оставить родину навсегда. Родители чувствуют политическую и экономическую нестабильность, поэтому хотят обеспечить возможность выбора для своих детей страны для дальнейшей жизни. В подростковом возрасте адаптироваться к иной культурной среде легче. В итоге спрос на заграничные пансионаты растет даже больше, чем на высшее образование [3].

Между тем получить высшее образование по контракту в российских ведущих вузах обходится гораздо дешевле, в столичных вузах около 400 тыс. руб. в год (примерно 7 тыс. долл.). В России также можно дать ребенку платное школьное образование. Большинство школ работают в крупных городах. Цена на год обучения стартует от 60 тысяч рублей [3]. Но какие перспективы?

В отношении миграции детского населения, важными вопросами международного регулирования являются защита прав детей, на основе международно-правовых норм. Причем, не только выезжающих отдельно от родителей, но и живущих там с родителями, имеющие российское гражданство [4]. Актуальны вопросы усыновления российских детей иностранными гражданами. При том, что в стране происходит деградация демографического потенциала, длительное время вывозили детей за пределы страны. Причем, при согласии на то российского государства, без необходимой правовой защиты и дальнейшего контроля за усыновленными. До достижения совершеннолетия они по существу считаются российскими гражданами. В основном усыновление разрешалось с определенным диагнозом, но получить заключение с «необходимым» диагнозом оказывалось не проблемой для усыновителей. Положения о возможном усыновлении не являются универсально одинаковым для иностранных и российских семей-усыновителей.

В условиях глобализации претерпевают изменения не только общие характеристики международных миграционных процессов, но и определяющие их условия.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках гос. задания: регистрационный номер АААА-А16-116110810013-5, при финансовой поддержке РФФИ (№ 18-00-00956), а также при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-00-00956 «География детства: междисциплинарный синтез исследовательских подходов и практик».

Литература

1. Сабитов, Р.К. О некоторых проблемах демографической политики в РФ// О Демографических аспектах регионального развития. Экономика будущего и новые технологии управления: Междунар.

научн.- практ. конф.: сб. материалов. М., Университетская книга, 2018. С. 33—36.

2. Сидоркина З.И. Структура миграционных потоков на Дальний Восток России (на примере Приморского края) / Проблемы и перспективы комплексных географических исследований в Аральском регионе и сопредельных территориях. г. Нукус: Каракалпакский гос. университет им. Бердаха, 2018. С. 251- 254. Материалы международной научно-практической конференции в г. Нукусе 15-16 мая 2018 г., Республика Каракалпакстан, Р. Узбекистан.

3. Чемоданова К. Образование за рубежом: почему россияне не едут в Лондон/ Газета.ru/ Экономполитика/ URL Электронный ресурс <https://m.gazeta.ru/amp/business/2019/08/16125830081.shtml>. Доступно 16.08.2019.

4. Хабриева Т.Я. Миграционное право: сравнительно-правовое исследование. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, ИД Юриспруденция, 2019. 400 с.

5. Сидоркина З.И. Проблемы демографического роста на Дальнем Востоке России. Псковский регионологический журнал. № 2. 2018. С. 30-39.

6. Сидоркина З.И. Особенности возрастной структуры детского населения в Приморском крае/ Участие детей в решении вопросов, затрагивающих их интересы: современное состояние, проблемы и перспективы. Отв. ред. А.Г. Филипова – СПб.: Астерион, 2019. – С. 59-63.

Сведения об авторе:

Сидоркина Зинаида Ивановна, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия. E-mail: sidorkina@tigdvo.ru

УДК 911+908

Сидоров В.П.
Sidorov V.P.

ДИНАМИКА КОМФОРТНОСТИ СЕЛЬСКИХ ПРОСТРАНСТВ

THE RURAL SPACES COMFORT DYNAMICS

В последние 5-6 лет усилился интерес к комфортности (качеству) среды заселенных пространств. Подобный интерес заметен как со

стороны официальных властей, так и со стороны научного сообщества. В то же время вышеупомянутый интерес нацелен в абсолютном большинстве случаев на городские, урбанизированные пространства. Вариантов методики оценки комфортности сельских пространств очень немного и применимы они к оценке комфортности сельских населенных пунктов, а не сельских территорий (пространств). Статья содержит характеристику одного из пробных подходов к выбору набора показателей, пригодных для оценки комфортности именно сельских пространств.

The interest to the comfort (quality) of the environment of populated spaces has intensified in the last 5-6 years. This interest is noticeable both from the official authorities and from the scientific community. The aforementioned interest is aimed in the vast majority of cases on urban, urbanized spaces at the same time. There are very few options for the methodology for assessing the comfort of rural spaces and they are applicable to assessing the comfort of rural settlements, and not rural territories (spaces). The article describes one of the trial approaches to the selection of a set of indicators suitable for assessing the comfort of rural areas in particular.

Ключевые слова: комфортность и комфортная среда, сельские пространства, набор показателей и методика оценки комфортности сельских пространств.

Keywords: comfort and a comfortable environment, rural spaces, a set of indicators and methods for assessing the comfort of rural spaces.

В последние 5-6 лет усилился интерес к уровню комфортности (качеству) среды заселенных пространств. Подобный интерес заметен как со стороны официальных властей, так и со стороны научного сообщества [1, 2, 3].

В то же время вышеупомянутый интерес нацелен в абсолютном большинстве случаев на городские, урбанизированные пространства.

В качестве примера можно привести большую работу коллектива кафедры географии, картографии и геоинформатики Удмуртского государственного университета во главе с автором предлагаемой статьи по разработке методики оценки комфортности городских пространств и объектов. Методика была успешно применена в Ижевске при оценке комфортности более чем 240 новостроек города. Был разработан интегральный показатель (индекс) качества городской среды. Он агрегированный, складывающийся из 35 частных показателей, объединенных в 7 подгрупп: 1) Географическое положение; 2) Подгруппа экологических показателей; 3) Транспортная

обеспеченность; 4 – 6) Показатели обеспеченности предприятиями и учреждениями социальной инфраструктуры; 7) Уровень благоустройства придомового пространства [4, 5, 6].

Разработанный индекс качества городской среды показал свою объективность и уже используется в практической деятельности при выполнении хоздоговорных работ, заказанных крупными застройщиками Ижевска.

В свою очередь, вариантов методики оценки комфортности сельских пространств очень немного и применимы они к оценке комфортности сельских населенных пунктов, а не сельских территорий (пространств). Вышеупомянутый индекс качества городской среды также применим к точечным объектам.

Поэтому в настоящее время коллектив кафедры работает над созданием агрегированных показателей комфортности сельских пространств.

Таких показателей предполагается создать два: для оценки комфортности территорий сельских муниципальных образований (районов) и для оценки комфортности сельских населенных пунктов.

Индекс комфортности территорий сельских муниципальных образований включает 8 блоков частных показателей:

1. Показатели, характеризующие географическое положение района;

2. Показатели, оценивающие уровень транспортной обеспеченности территории района;

3. Показатели, оценивающие состояние окружающей район природной среды;

4. Показатели, оценивающие особенности заселенности территории района;

5. Показатели хозяйственной активности в районе;

6 – 8. Показатели, характеризующие уровень обеспеченности населения района объектами социальной инфраструктуры.

Индекс комфортности территорий сельских населенных пунктов включает 7 блоков частных показателей:

1. Показатели, характеризующие географическое положение населенного пункта;

2. Показатели, оценивающие уровень транспортной доступности населенного пункта, а также состояние общественного транспорта в населенном пункте (если таковой имеется);

3. Показатели, оценивающие состояние природной среды в сельском населенном пункте;

4. Показатели, оценивающие особенности застройки и благоустроенности населенного пункта;

5. Показатели хозяйственной активности в населенном пункте;

6 – 7. Показатели, характеризующие уровень обеспеченности жителей населенного пункта объектами социальной инфраструктуры.

И в том, и в другом случае все частные показатели нормируются и взвешиваются.

В настоящее время проводится отбор частных показателей, определяется их число в каждом блоке.

После доработки методики и сбора необходимого статистического материала будет проведена оценка качества среды сельских населенных пунктов и сельских административных районов Удмуртской Республики.

Литература

1. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию 1 марта 2018 г. // Россия сегодня. Сайт РИА Новости. URL: // <https://ria.ru/politics/20180301/1515501294.html>. Дата обращения (16.04. 2018).

2. Методические рекомендации по подготовке государственных программ субъектов Российской Федерации и муниципальных программ формирования современной городской среды в рамках реализации приоритетного проекта «Формирование комфортной городской среды» на 2018-2022 годы, утвержденные приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства от 6 апреля 2017 года № 691/пр.

3. Индекс качества городской среды // <https://strelka-kb.com/>. Дата обращения (9.02. 2019).

4. Сидоров В.П. Комфортность городской среды // *Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования*: материалы межд. науч. конф. в рамках X ежегод. Науч. Ассамблеи российских географов-обществоведов. 17-22 сентября 2019 года. Казань: Изд-во Казан. Ун-та, 2019. С. 283–284.

5. Сидоров В.П. Комфортность и контрастность трансграничных урбанизированных пространств // *Актуальные проблемы наук о Земле: исследования трансграничных регионов* : сб. материалов IV Междунар. науч.-практ. конф., приуроч. к 1000-летию г. Бреста, Брест, 12–14 сент. 2019 г. Брест : БрГУ, 2019 – Ч. 1. С. 283 – 286.

6. Сидоров В.П. Проблема оценки комфортности городского пространства Сибирский город в фокусе гуманитарных исследований:

к 400-летию г. Новокузнецка. Сборник статей Всероссийской науч.-практ. конф. с межд. участием, г. Новокузнецк, 25–26 октября 2018 г. Новокузнецк : НФИ КемГУ; «Арт-экспресс», 2018. С.339–342.

Сведения об авторе:

Сидоров Валерий Петрович, кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой географии, картографии и геоинформатики ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», 426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1. E-mail:sidorov@udm.ru; +79128519875

Sidorov V. P., Candidate of geographical sciences, Associate professor Head of Department Geography, Cartography and Geoinformatics Udmurt University 462034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya St. 1 E-mail: sidorov@udm.ru; +79128519875

УДК 914.705+504,75(045)

Ситников П.Ю.

Sitnikov P.Yu.

**КАЧЕСТВО ЖИЗНИ СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

**QUALITY OF LIFE OF RURAL POPULATION
UDMURT REPUBLIC**

Статья содержит территориальный анализ изменения медико-демографических показателей на территории сельских районов Удмуртской Республики, указанных в задачах стратегического развития Российской Федерации.

The article contains a territorial analysis of changes in medical and demographic indicators in the rural areas of the Udmurt Republic, indicated in the strategic development tasks of the Russian Federation.

Ключевые слова: качество жизни, население, здоровье, Удмуртская Республика.

Keywords: quality of life, population, health, Udmurt Republic.

Качество жизни населения – интегральный показатель, отражающий совокупное состояние социальной, экономической и природной среды, ее пригодность для реализации человеческого потенциала, развития личности и комфорта проживания.

Несмотря на многочисленные исследования, посвященные уровню и качеству жизни населения (часто эти понятия объединяются, что в корне неверно, так как «уровень жизни» – понятие больше экономическое, основанное на количественных характеристиках), остаются проблематичными концептуальные основы этой проблемы. Часто возникают противоречия какие индикаторы брать за основу измерения качества жизни населения. В связи с этим разными авторами по-разному трактуется само определение качества жизни и рассчитываются интегральные показатели, характеризующие его.

В последнее время все чаще говорится о проблеме повышения качества жизни населения. Улучшение качества жизни населения является основной задачей регионального развития. Наиболее масштабными проектами, направленным на повышение качества жизни населения России являются национальные проекты (программы). Целью национальных проектов, реализуемых в России, является повышение уровня жизни граждан, создание комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека. Для каждого национального проекта были прописаны показатели, которые должны быть достигнуты к 2024 году, среди них в рамках национальных проектов «Демография» и «Здравоохранение»: увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни до 67 лет; увеличение суммарного коэффициента рождаемости до 1,7; снижение показателей смертности населения трудоспособного возраста (до 350 случаев на 100 тыс. населения), смертности от болезней системы кровообращения (до 450 случаев на 100 тыс. населения), смертности от новообразований, в том числе от злокачественных (до 185 случаев на 100 тыс. населения), младенческой смертности (до 4,5 случая на 1 тыс. родившихся детей) и т.д. [1].

Таким образом можно сделать вывод, что важную роль в оценке качества жизни играет состояние здоровья населения, как сложный комплексный показатель, отражающий благополучие территории. Наиболее ярко медико-социальные проблемы проявляются в сельской местности. Социальные и экономические условия жизни сельского населения в большинстве случаев хуже, чем у городского населения. Поэтому именно для сельских районов здоровье будет выступать одним из главных индикаторов качества жизни населения.

Для расчета показателей благополучия среды были использованы прозвучавшие в Указе показатели: коэффициент естественного прироста (КЕП), коэффициент младенческой смертности (КМС), показатель смертности трудоспособного населения (КСТ), смертность

от болезней системы кровообращения (КСБСК) и смертность от новообразований (КСН). Данные были проранжированы по каждому показателю, итогом расчета стала сумма рангов (табл. 1).

Таблица 1

Ранжированный список отдельных медико-демографических показателей в разрезе муниципальных районов Удмуртской Республики

№ на карте	Районы	КЕП	КМС	КСТ	КСБСК	КСН	СУММА
1	Завьяловский	1,0	1,0	1,0	2,0	2,0	7,0
2	Шарканский	4,0	2,0	7,0	5,0	5,0	23,0
3	Можгинский	12,0	3,0	10,0	1,0	1,0	27,0
4	Увинский	3,0	4,0	3,0	10,0	10,0	30,0
5	Воткинский	13,0	11,0	4,0	4,0	4,0	36,0
6	Алнашский	6,0	10,0	9,0	9,0	9,0	43,0
7	Дебесский	7,0	7,0	5,0	12,0	12,0	43,0
8	М.- Пургинский	2,0	12,0	6,0	14,0	14,0	48,0
9	Сарапульский	9,0	23,0	2,0	8,0	8,0	50,0
10	Игринский	11,0	8,0	11,0	11,0	11,0	52,0
11	Каракулинский	15,0	22,0	14,0	3,0	3,0	57,0
12	Як.- Бодьинский	10,0	14,0	21,0	6,0	6,0	57,0
13	Вавожский	8,0	17,0	8,0	13,0	13,0	59,0
14	Кезский	14,0	6,0	15,0	16,0	16,0	67,0
15	Кизнерский	16,0	5,0	12,0	17,0	17,0	67,0
16	Балезинский	19,0	9,0	17,0	15,0	15,0	75,0
17	Селтинский	5,0	24,0	13,0	19,0	19,0	80,0
18	Глазовский	24,0	20,0	25,0	7,0	7,0	83,0
19	Киясовский	17,0	13,0	20,0	23,0	23,0	96,0
20	Граховский	20,0	18,0	16,0	22,0	22,0	98,0
21	Сюмсинский	18,0	16,0	24,0	20,0	20,0	98,0
22	Красногорский	21,0	15,0	19,0	24,0	24,0	103,0
23	Юкаменский	22,0	21,0	18,0	21,0	21,0	103,0
24	Ярский	25,0	25,0	22,0	18,0	18,0	108,0
25	Камбарский	23,0	19,0	23,0	25,0	25,0	115,0

Как видно из результатов (рис. 1), низкий уровень медико-демографических показателей наблюдается в периферийных районах. Для всех районов, попавших в группу с низким уровнем благополучия территории характерна высокая демографическая нагрузка пожилыми, причем в силу низкой рождаемости в этих районах и относительно

высокой смертности трудоспособного населения, все это приводит к кризисной демографической ситуации.

Высокий уровень благополучия территории по медико-демографическим показателям наблюдается в первую очередь для районов, окружающих крупные города республики (Ижевск, Воткинск, Сарапул, Можга) и входящие в зону их ближайшего притяжения. Для этой территории характерен миграционный прирост, который влияет на возрастную структуру населения, что в итоге в лучшую сторону отражается и на основных медико-демографических показателях.

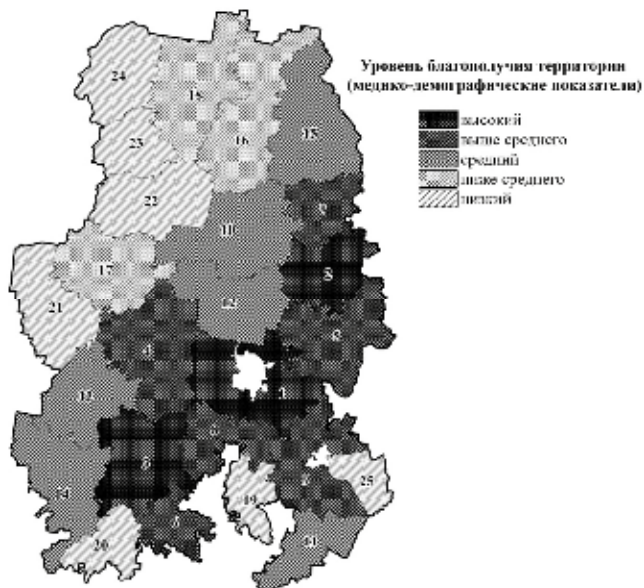

Рис. 1. Уровень благополучия территории в разрезе муниципальных районов по медико-демографическим показателям.

Полученные результаты дают представление о пространственных изменениях медико-демографических показателей на территории сельских районов Удмуртской Республики, указанных в стратегических задачах развития Российской Федерации. Они могут быть полезны при проведении государственной политики в сфере здравоохранения и демографии в рамках выполнения соответствующих национальных проектов.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года" от 07.05.2018 № 204

Сведения об авторе:

Ситников Павел Юрьевич, ассистент, ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет», sitnikov-geo@yandex.ru

УДК: 911.3:312 (470.36)

**Соловьев И.А., Щитова Н.А., Белозеров В.С., Зольникова Ю.Ф.
Soloviev I.A., Shchitova N.A., Belozerov V.S., Zolnikova Y.F.**

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИГРАЦИЙ НАСЕЛЕНИЯ В ГОРОДАХ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

MAIN TRENDS OF DEVELOPMENT OF POPULATION MIGRATIONS IN THE CITIES OF SIBERIA AND THE FAR EAST

В статье проведен анализ территориальных особенностей миграционного прироста населения городов Сибири и дальнего Востока с численностью жителей более 100 тысяч человек в 2012–2018 гг. В основу исследования составили данные официальной статистики. Важным инструментарием работы выступают геоинформационные технологии. В статье выявлены основные факторы, определяющие характер миграционных процессов в сибирских и дальневосточных городах.

The article analyzes the territorial features of the migration growth in the cities of Siberia and the Far East with a population of over 100 thousand people in 2012–2018. The study was based on official statistics. An important toolkit of work are geoinformation technologies. The article identifies the main factors that determine the nature of migration processes in Siberian and Far Eastern cities.

Ключевые слова: миграция населения, геоинформационный мониторинг, Сибирь, Дальний Восток, города.

Key words: population migration, geoinformation monitoring, Siberia, the Far East, cities.

Переход к стратегии развития, ориентированной на человека, становится ключевой идеей современной российской политики., а человеческий капитал выступает в качестве решающего фактора развития. В связи с этим обостряется необходимость выявления пространственных различиях в динамике протекания тех или иных

социально-демографических процессов, что требует применения новых инструментов комплексного анализа. Наиболее адекватно данная проблема может решаться с помощью геоинформационного мониторинга, обладающего возможностями непрерывного обновления информации [1]. В зависимости от территории, охватываемой наблюдениями, мониторинг подразделяется на три уровня: федеральный, региональный и локальный. Главной задачей федерального мониторинга является слежение за общероссийскими процессами и явлениями, региональный мониторинг включает в себя слежение за процессами и явлениями в пределах региона, локальный мониторинг – это слежение за явлениями в муниципальных образованиях или отдельных поселениях. В условиях устойчивого снижения естественного воспроизводства ведущая роль в формировании человеческого потенциала переходит к миграциям. Геоинформационный анализ миграционных процессов на федеральном уровне демонстрирует сохранение устойчивого «западного дрейфа», вызванного определенными политическими решениями прошлого в сочетании с современными реалиями и нарастание оттока населения из большинства сибирских и дальневосточных регионов [2]. Одновременно достаточно отчетливо проявляется территориальная межрегиональная неоднородность в развитии миграционных процессов. Следует предположить, что различия будут проявляться и на внутрирегиональном и локальном уровнях. Поскольку города (и в первую очередь, большие) рассматриваются как опорные точки территориального развития, необходимо более пристальное внимание к их демографическому развитию. В предлагаемой работе был проведен анализ миграционного прироста (как своеобразного маркера, фиксирующего перспективность и привлекательности территории) в городах с численностью населения более 100 тыс. чел., а также городах-административных центрах с меньшей численностью. Информационной базой исследования послужили статистические данные Росстата по численности населения и величине миграционного прироста. Для определения уровня интенсивности миграционного прироста были проведены расчеты коэффициентов миграционного прироста на тысячу жителей в среднем в год за период с 2012 по 2018 гг. Территориальные рамки исследования охватывают города Западно-Сибирского, Восточно-Сибирского и Дальневосточного экономических районов России.

С 2015 по 2018 гг. из 24 регионов миграционный прирост наблюдался только в четырех – в Тюменской и Новосибирская областях, за счет межрегионального миграционного прироста, а также

в Сахалинской области и Красноярском крае - за счет международной миграции. Вместе с тем на внутривнутрирегиональном уровне города большинства субъектов (в 20 из 24) получали мигрантов из своей сельской местности. Исключение составляли города нефтегазовых автономных округов – ХМАО, ЯНАО, а также Новосибирской и Иркутской области, в которых отмечается возвратный миграционный отток из городов - в села.

Если рассматривать совокупный миграционный прирост с 2012 по 2018 гг., то все самые значимые сибирские города (миллионеры и крупнейшие) получили существенную людскую прибавку (табл.1). Однако формирующийся в последние три года миграционный тренд в ряде городов не оставляет места для оптимизма. Омск, Иркутск, Барнаул, Владивосток теряют население. Сокращается годовой миграционный прирост и в наиболее успешных Красноярске и Новосибирске. В крупных городах (за исключением Улан-Удэ и Нижневартовска) миграционная ситуация более устойчива. особенно выделяется Якутск и Сургут. в которых преобладает миграционный прирост.

Наибольшей неоднородностью по показателю миграционного прироста характеризуются большие города. В примерно половине из них наблюдается устойчивая миграционная убыль. Особенно трагичная ситуация сложилась в Ноябрьске и Братске, которые, начиная с 2012 г. ежегодно теряют по 1-2 тыс. жителей. Самыми благополучными сотысячниками являются Абакан и Уссурйск.

Таблица 1

Миграционный прирост населения в городах Сибири и Дальнего Востока с численностью населения более 100 тыс. чел.

Названия городов	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	Всего
<i>Города-миллионеры (более 1000 тыс. чел.):</i>								
1.Новосибирск	23305	21700	16373	12382	15000	8447	4862	102069
2.Красноярск	15731	15253	12194	9362	10784	4877	2504	70705
3.Омск	3025	4011	5915	2212	-970	-5492	-5846	2855
<i>Крупнейшие города (500–999 тыс. чел.):</i>								
1.Тюмень	20019	18287	-6149	17734	18144	17545	14778	100358
2.Хабаровск	7387	6500	5193	2495	4131	1746	-787	26665
3.Томск	7412	7496	5990	2309	1512	147	760	25626
4.Кемерово	3908	3782	4948	3615	3649	2798	998	23698
5.Новокузнецк	187	1316	397	2153	2069	3162	809	10093

6.Иркутск	6278	4681	5324	477	-2685	-2217	-2313	9545
7.Владивосток	3294	2845	1154	1361	-492	-1293	900	7769
8.Барнаул	7361	1697	1301	-1427	-3982	-1501	658	4107
<i>Крупные города (250–499 тыс. чел.):</i>								
1.Сургут	4203	2101	3657	2950	7071	1410	3616	25008
2.Якутск	4892	4874	2336	1503	772	942	4392	19711
3.Чита	2929	3318	2236	2149	2175	688	311	13806
4.Улан-Удэ	2222	2724	2380	398	-1529	674	-1358	5511
5.Нижневартовск	1552	-165	-443	-210	1396	-1256	-859	15
<i>Большие города (100–249 тыс. чел.):</i>								
1.Абакан	1732	2752	2396	2273	1928	1923	1713	14717
2.Уссурийск	3285	1732	1195	70	1681	1214	1007	10184
3.Благовещенск	1158	1933	3731	-663	-582	95	350	6022
4.Бердск	-	1330	858	-11	453	365	852	3847
5.Рубцовск	66	2133	-254	467	-199	-223	-538	1452
6.Петропавловск-Камчатский	1437	694	-2170	-180	-	-	-	-219
7.Ачинск	-686	-982	-337	-623	-152	269	174	-2337
8.Бийск	-1871	-945	530	-150	-87	-141	-103	-2767
9.Кызыл	158	-605	-1046	-214	-1080	-346	-112	-3245
10.Новый Уренгой	2745	-1497	-2123	-5361	819	374	948	-4095
11.Ангарск	-997	-1594	-1837	-	-	-170	248	-4350
12.Норильск	-1185	-2778	-1977	-495	-891	113	78	-7135
13.Прокопьевск	-1228	-1562	-1215	-1039	-1008	-1162	-772	-7986
14.Находка	-539	-1807	-528	-2124	-1974	-1746	-1279	-9997
15.Комсомольск-на-Амуре	-2006	-2649	-1558	-1503	-1059	-865	-675	-10315
16.Ноябрьск	-2345	-1874	-1525	-1647	-785	-855	-1602	-10633
17.Братск	-2473	-2431	-2063	-1765	-1983	-1765	-1091	-13571
<i>Административные центры с численностью населения менее 100 тыс. чел.:</i>								
1.Ханты-Мансийск	-	1359	649	459	638	-1162	80	2023
2.Горно-Алтайск	603	122	430	47	-58	-494	332	982
3.Салехард	-	659	-297	-480	-500	255	373	10
4.Магадан	-545	-862	-1506	-183	425	-45	-1028	-3744

Примечание. *- нет данных по следующим городам: Южно-Сахалинску, Нефтеюганску, Артему, Биробиджану и Анадырю.

По среднегодовым показателям коэффициента миграционного прироста все города можно разделить на 2 типа – с преобладанием миграционного прироста и с миграционной убылью. В свою очередь внутри каждого типа выделяются регионы с высокими, средними и низкими показателями. Наибольшая интенсивность миграционного прироста характерна только для административного центра успешно развивающейся Тюменской области – г. Тюмени. По этому показателю Тюмень является одним из российских лидеров (20,67‰) и только уступает Севастополю (30,6‰), Сочи (25,44‰) и Подольску (24,1‰). Средние величины коэффициента миграционного прироста характерны для административных центров этнических республик (Якутск, Абакан), добывающих и развивающихся промышленных центров (Сургут, Усурийск, Красноярск, Новосибирск).

Рис. 1. Коэффициенты миграционного прироста населения городов Сибири и Дальнего Востока с численностью населения более 100 тыс. чел. и административных центров меньшей людности в 2012–2018 гг. (%)

Наибольшей интенсивностью миграционной убыли отличаются депрессивные Находка, Ноябрьск, Братск, что связано с упадком в градообразующих отраслях. Так, например, в качестве главной

причины оттока населения из Ноябрьска указывается сокращение добычи газа в окрестностях города и перемещением разработок в новые удаленные локации [3]. Абсолютное большинство городов не имеют перспектив активного миграционного прироста, но и убыль населения стабильно невелика. Видимо, потенциал выездного миграционного потока уже практически исчерпан.

Таким образом, в условиях резко выраженной дифференциации социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока миграционная ситуация в городах имеет значительные территориальные различия. В этой части России насчитывается только несколько городов, которые по уровню миграционной привлекательности могут быть сравнимы с другими российскими городами. Абсолютное большинство городов Сибири и Дальнего Востока либо теряют население в ходе миграции, либо имеют невысокий миграционный прирост, не покрывающий естественную убыль. Самая негативная ситуация складывается в городах Крайнего Севера, где даже их «столичный статус», в отличие от большинства региональных центров России, не способствует притоку населения. В целом, главным направлением миграционной политики следует считать не привлечение мигрантов, а удержание местного населения. Стабилизация численности населения городов Сибири и Дальнего Востока на оптимальном уровне может стать залогом их успешного развития.

Основные факторы, определяющие характер миграционных процессов в сибирских городах:

- природно-ресурсный, обуславливающий активный миграционный прирост в местах разработки природных ресурсов, и стремительную убыль по мере их истощения (Сургут, Ноябрьск);
- этнокультурный, связанный с развитием этнической культуры и способствующий привлечению коренного населения, приспособленного к суровым природным условиям (Якутск, Абакан);
- позиционный – выгодное транспортное положение (Новосибирск), приграничное положение (Усурийск).

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 20-05-00386.

Литература

1. Тикунов В.С., Белозеров В.С., Щитова Н.А., Панин А.Н., Черкасов А.А. Геоинформационный мониторинг: инструмент пространственно-временного анализа миграции населения // Вестник Московского университета Серия 5 География, 2015, № 2, С. 33–39.

2. Зайончковская Ж.А. Западный дрейф // Эксперт, 2003. №39(392).

3. «Газпром нефть» прощается с жителями Ноябрьска и желает им умереть здоровыми /информационное агентство «ЯмалПРО» [электронный ресурс] /<https://www.yamalpro.ru/2020/01/29/gazprom-neft-proshhaetsya-s-zhitelyami-noyabrsk-i-zhelaet-im-umeret-zdorovyimi/> (дата обращения: 27.02.2020 г.).

Сведения об авторах:

Соловьев Иван Алексеевич, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета, soloivan@mail.ru, +79054155624.

Щитова Наталия Александровна, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма СКФУ, stavgeo@mail.ru, +79054669120.

Белозеров Виталий Семенович, доктор географических наук, профессор, профессор кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма СКФУ, vsbelozerov@yandex.ru, +79624517788.

Зольникова Юлия Федоровна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры социально-экономической географии, геоинформатики и туризма Северо-Кавказского федерального университета, zolnst@mail.ru, +79286318830.

УДК 613:502.313(571.621)

**Суховеева А.Б., Григорьева Е.А.
Sukhovееva A.B., Grigorieva E.A.**

КАЧЕСТВО СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ И РЕПРОДУКТИВНОЕ ЗДОРОВЬЕ НАСЕЛЕНИЯ: ЭКОЛОГО- КЛИМАТИЧЕСКИЕ И МЕДИКО-СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ (НА ПРИМЕРЕ ПРИАМУРЬЯ)

QUALITY OF LIFE AND REPRODUCTIVE HEALTH OF THE POPULATION: ECOLOGICAL, CLIMATIC, MEDICAL AND SOCIAL ASPECTS: PRIAMURYE AS A CASE STUDY

Выполнен детальный анализ качества среды жизнедеятельности в Приамурье, уделив особое внимание природным (климатическим и

биогеохимическим), экономическим и социальным аспектам. Показано, что при изучении качества жизни женщин репродуктивного населения необходимо учитывать специфику потребностей коренного населения с учетом сохранения традиционного образа и уклада жизни и системы хозяйственной деятельности.

A detailed analysis of the environment quality as a part of the general category of Quality of Life (QoL) was performed in Priamurye as a case study, paying special attention to natural (climatic and biogeochemical), economic and social aspects. Studying the QoL of women of the reproductive age one should consider the specific needs of indigenous people with their traditional lifestyle and system of economic activity.

Ключевые слова: качество жизни, здоровье, женщины, репродуктивный возраст, среда жизнедеятельности, Приамурье.

Keywords: quality of life, health, women, reproductive age, environment, Priamurye.

В нашем исследовании качество жизни (КЖ) понимается как система отношений населения с окружающей средой на конкретной территории с определенными условиями качества среды, с помощью которой дается количественно-качественная оценка жизнедеятельности населения [1]. КЖ при этом теснейшим образом связано с повседневной социально-экономической и эколого-биологической жизнью людей. Методологическая оценка качества жизни в системе «качество окружающей среды – качество жизни – репродуктивное здоровье населения» позволяет рассматривать качество среды жизнедеятельности в природном, экономическом и социальном аспектах [2].

На Дальнем Востоке России (ДВР), где природные контрасты довольно существенны, даже самые незначительные изменения природно-климатических условий оказывают решающее значение для определения КЖ населения. Анализ исторически сложившегося ареала заселения дальневосточных земель показывает соответствие общего характера расселения специфике природных условий, за исключением очагов добычи и переработки полезных ископаемых в северных и горных частях округа. Зоной «оптимума» дальневосточного региона считается основная полоса расселения населения вдоль Транссибирской железной дороги (около 10% от всей площади ДВР), где сосредоточено до 55% населения ДВР с наиболее комфортными для жизни людей природными условиями.

Нами выполнен детальный анализ качества среды жизнедеятельности в Приамурье, расположенном на юге ДВР.

Рассмотрены некоторые природные (климатические и биогеохимические), экономические и социальные аспекты в Сидовичском районе Еврейской автономной области (ЕАО) и Нанайском районе Хабаровского края. В ЕАО все население пришлое; в Нанайском районе Хабаровского края с центром в с. Троицкое компактно проживают нанайцы, представители коренного населения Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Среди природных факторов основное внимание уделено изучению воздействия климата на здоровье населения, состояние женщин репродуктивного возраста. Термическая нагрузка окружающей среды на организм человека является важным показателем дискомфорта климата, что особенно актуально в чрезвычайных условиях экстремальных температур. Сезонный анализ, проведенный по данным о ежедневной смертности от всех причин смерти для женщин репродуктивного возраста, выявил небольшое увеличение смертности с повышением температуры в летний период. В то же время, максимум смертности от заболеваний сердечно-сосудистой и бронхо-легочной системы приходится на ноябрь, период экстремальных обострений в погоде с максимальными колебаниями температуры и влажности воздуха, атмосферного давления, происходящих на фоне резкого понижения температуры в целом в осенний переходный сезон от лета к зиме.

Во-вторых, мониторинг состояния природных сред показал, что, с учетом природных геохимических аномалий, железо и марганец являются главными загрязняющими веществами, поступающими в организм человека с питьевой водой. Основными причинами неудовлетворительного качества питьевой воды в регионе являются загрязнение источников водоснабжения, отсутствие или ненадлежащее состояние санитарной зон водисточников, отсутствие на водопроводах очистных сооружений и обеззараживающих установок, высокая изношенность водопроводов и разводящих сетей, отсутствие плановых капитальных ремонтов, слабый производственный контроль, нестабильная материально-техническая база.

Анализ социально-экономической ситуации показал, что в настоящее время более 70% населения исследуемых территорий Приамурья проживает в поселках и селах, характеризующихся наихудшими в пределах Дальнего Востока России параметрами качества населения и качества социально-экономической среды. Выявлена существенная поляризация муниципальных образований (МО) по уровню социального развития, обусловленная их функциональной специализацией. В отличие от г. Хабаровска с

диверсифицированной структурой промышленности и сферой услуг, Смидовичский район ЕАО характеризуется аграрной специализацией хозяйства (овощеводство и животноводство); в Нанайском районе Хабаровского края ведущими отраслями хозяйства являются лесозаготовительная и рыбная отрасли производства, заготовка недревесных ресурсов. Зависимость МО от слабой диверсификации экономики свидетельствует о рискованной ситуации в долгосрочном социально-экономическом развитии.

По данным социологического опроса, ведущие факторы риска и неудовлетворенности большей части беременных женщин и женщин репродуктивного возраста социально-экономическим развитием исследуемых территорий связаны в основном с низким уровнем доходов, отсутствием рабочих мест и недостаточным уровнем медицинского обслуживания. В свою очередь, в результате миграции и высокой смертности эти факторы влекут изменения в общей структуре всего населения, их качестве жизни.

По результатам социологического опроса женщин репродуктивного возраста выявлены различия в восприятии экологических угроз в зависимости от возраста. Показано, что молодые женщины (до 30 лет) более терпимы в отношении видимых природных негативов и локальных антропогенных нарушений. Они утверждают, что выросли в жизненной среде, допускающей подобное природопользование. Однако молодые женщины солидарны с женщинами в возрасте от 30-45 лет о прошедшей в августе-сентябре 2019 г. угрозе наводнения на р. Амур и его катастрофических последствиях, которые выразились в уменьшении количества рыбы, используемой в личных нуждах для питания.

Показано, что при изучении качества жизни женщин репродуктивного населения необходимо учитывать специфику потребностей коренного населения с учетом сохранения традиционного образа жизни и уклада жизни, а также системы хозяйственной деятельности.

Таким образом, данное исследование, направленное на изучение медико-демографической ситуации с уклоном на анализ репродуктивного здоровья женщин, качество природной и социально-экономической среды дает комплексное представление о степени успешности функционирования региона, в том числе для сохранения и закрепления населения в восточных регионах России. Результаты могут быть использованы на практике местными и федеральными структурами управления территориальными сообществами.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-013-00923.

Литература

1. Grigorieva E.A., Sukhovееva A.B. Environmental and medical and social factors in the quality of life, reproductive health of the population: Priamurye as a case study. IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 2019. Vol. 381. P. 012031. doi:10.1088/1755-1315/381/1/012031.

2. Григорьева Е.А., Суховеева А.Б., Калманова В.Б. Эколого-климатические и медико-социальные факторы как предикторы качества жизни и репродуктивного здоровья населения Среднего Приамурья: постановка проблемы // Региональные проблемы. 2018. Т. 21, № 3. С. 71–81. DOI: 10.31433/1605-220X-2018-21-3-71-81.

Сведения об авторах

Суховеева Анна Борисовна, научный сотрудник лаборатории региональных социально-экономических систем ИКАРП ДВО РАН, к.г.н.; ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (ИКАРП ДВО РАН). 679016 ЕАО, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4, тел. 8(42622)20539, e-mail: anna-sulhoveeva@yandex.ru

Sukhovееva Anna B. (Ph.D., Social Geography), Researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (ICARP FEB RAS), 679016 Russia Birobidzhan Sholom-Aleikhem St., 4 tel. +7 (42622) 20539, e-mail: anna-sulhoveeva@yandex.ru

Григорьева Елена Анатольевна, ведущий научный сотрудник лаборатории региональных социально-экономических систем ИКАРП ДВО РАН, к.б.н., доцент, ФГБУН Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения Российской академии наук (ИКАРП ДВО РАН). 679016 ЕАО, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, д. 4, тел. 8(42622) 41592, e-mail: cagrigror@yandex.ru

Grigorieva Elena A., (Ph.D., Ecology), associate professor, Leading researcher, Institute for Complex Analysis of Regional Problems, Far-Eastern Branch, Russian Academy of Sciences (ICARP FEB RAS). 679016 Russia Birobidzhan Sholom-Aleikhem St., 4 tel. +7 (42622) 41592, e-mail: cagrigror@yandex.ru

Тен Р.В.
Ten R.V.

**ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ТЕРРИТОРИИ
ВОРОНЕЖСКОЙ ОБЛАСТИ ПО УРОВНЮ СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ**

**SPATIAL DIFFERENTIATION OF THE VORONEZH REGION
AREA BY THE LEVEL OF SOCIAL AND ECONOMIC
DEVELOPMENT**

Формирование региональной социально-экономической политики обусловлено отсутствием достаточной и достоверной информации, которая бы дала возможность иметь пространственное представление о протекании социально-экономических процессов в регионе. В статье предлагается вариант оценки пространственной неоднородности социально-экономического развития муниципальных образований Воронежской области за период 2011-2018 гг.

The formation of a regional social and economic policy is due to the lack of sufficient and reliable information that would make it possible to have a spatial view of the social and economic processes in the region. The article proposes the option of assessing the spatial heterogeneity of the social and economic development of municipalities of the Voronezh region for the period 2011-2018.

Ключевые слова: муниципальный район, устойчивость, динамика развития, интегральная оценка.

Key words: municipal area, sustainability, development dynamics, integrated assessment.

Проблема пространственной неоднородности, поляризованности развития и социально-экономической дифференциации развития территорий рассматривалась неоднократно многочисленных публикациях отечественных зарубежных авторов [1-4; 5-7 и др.]. На уровне региона можно отметить работы Н.В. Яковенко [8-10].

Комплексный анализ социально-экономического развития региона подразумевает выполнение определенных последовательных этапов: выбор временного интервала изучения территории, выбор оценочных показателей, расчет итогового интегрального показателя, дифференциация территории области с точки зрения неоднородности развития, выводы.

С 1 января 2019 г. вступил в силу закон Воронежской области «О стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года» [11]. В отчетах о реализации стратегии приводятся среднеобластные данные ключевых показателей, что в целом сглаживает территориальные диспропорции и неоднородность развития муниципальных образований, входящих в состав области.

В данной статье предложен один из многочисленных вариантов оценки пространственной неоднородности социально-экономического развития муниципальных образований Воронежской области (за период 2011-2018 гг.).

Оценочными показателями послужили 5 социальных: коэффициенты рождаемости и смертности, плотность автодорог с твердым покрытием, число больничных коек на 1000 человек населения, число зарегистрированных преступлений на 100000 человек населения; и 5 экономических: средняя заработная плата, инвестиции в основной капитал на душу населения, оборот розничной торговли на душу населения, объем платных услуг на душу населения, ввод в действие жилых домов на 1000 человек населения.

После определения оценочных показателей необходимо рассчитать средний коэффициент устойчивости (Y_{cp}), средний коэффициент динамики развития (D_{cp}) и итоговый интегральный коэффициент социально-экономического развития (I):

$$I = \frac{Y_{cp} + D_{cp}}{2}, \quad (1)$$

При определении Y_{cp} необходимо каждому начальному социальному и экономическому показателю придать вес исходя из эталонного значения. Если прямой показатель, т.е. его рост положительно отражается на регионе:

$$K_i = \frac{x_i}{\max x_i}, \quad (2)$$

Если обратный показатель:

$$K_i = \frac{\min x_i}{x_i}, \quad (3)$$

где K_i – уровень развития региона по i -ому показателю;

x_i – значение показателя;

$\max x_i, \min x_i$ – эталонное значение, в качестве которых могут приниматься пороговые значения показателей.

Затем производим расчет показателя уровня экономической и социальной устойчивости (4). Во избежание отрицательных значений каждый показатель возводится в квадрат, и уже находится средняя арифметическая оценка и извлекается квадратный корень:

$$Y_j = \sqrt{\frac{\sum_{i=1}^n k_i^2}{n}}, \quad (4)$$

где Y_j – показатель устойчивости каждой составляющей;
 n – количество показателей. Далее формируем коэффициент устойчивости, который основывается на среднегеометрической величине. Исходя из этого, коэффициент устойчивости за (i) год будет выглядеть так:

$$Y_i = \sqrt[2]{Y_{\text{экон}} \times Y_{\text{соц}}}, \quad (5)$$

где, $Y_{\text{экон}}$ – экономическая устойчивость,
 $Y_{\text{соц}}$ – социальная устойчивость.

Наконец $Y_{\text{ср}}$ находится по следующей формуле:

$$Y_{\text{ср}} = \frac{Y_{i1} + Y_{i2} \dots + Y_{in}}{n}, \quad (6)$$

где n – количество показателей.

При нахождении среднего коэффициента динамики развития $D_{\text{ср}}$, x_i в формулах (2) и (3) находится следующим образом:

$$x_t = \frac{x_n}{x_{n-1}} \times 100, (\%), \quad (7)$$

где x_t - показатель относительной динамики к предыдущему году в (%).

$$x_i = \frac{x_{t1} + x_{t2} \dots + x_{tn}}{n}, \quad (8)$$

где n – количество показателей.

Далее повторяем расчет по формулам (2), (3), (4), (5), (6) находим $D_{\text{ср}}$. И затем по формуле (1) находим итоговый интегральный коэффициент социально-экономического развития. Проанализировав полученные данные, можно прийти к следующим выводам:

С точки зрения среднего интегрального показателя устойчивости, Воронежская область представлена неравномерно. Коэффициенты лидеров городских округов г. Воронеж (0,708) и г. Нововоронеж (0,742) более чем в 2 раза превышают аналогичные показатели аутсайдеров Терновского (0,336) и Эртильского (0,329) районов. Противоположенная ситуация наблюдается со средним интегральным показателем динамики. Эртильский район (0,858) в данном случае на 2 месте после Богучарского (0,889), а городские округа г. Воронеж (0,784) и г. Нововоронеж (0,789) находятся в замыкающей группе, при этом разница между лидерами и аутсайдерами составляет не более 10%. В данном случае, на примере Эртильского района, можно наблюдать ситуацию, когда динамика развития немного выше

среднеобластной не дает возможности выйти из числа депрессивных территорий по показателю устойчивости. Для районов данной группы необходимо поддерживать динамику развития как минимум в 2-3 раза выше среднеобластных значений, чтобы исправить отставание по всем показателям в абсолютных величинах.

На следующем этапе необходимо определить количество кластеров и пороговые значения (интервал группы) интегрального показателя устойчивого развития региона. В нашем случае мы предлагаем выделять 5 кластеров уровня развития муниципалитетов: высокоустойчивого, выше среднеобластного, среднеобластной, ниже среднеобластного и депрессивные муниципалитеты. Важно понимать, при определении интервала группы, что значение признака многих социально-экономических явлений, а как следствие и итогового интегрального показателя варьируются неравномерно и в значительных масштабах, поэтому в данной работе мы будем использовать неравный интервал, прогрессивно возрастающий в арифметической прогрессии:

$$h_{i+1} = h_i + a, (9)$$

где h_i - величина интервала первой группы (депрессивные муниципалитеты), a – константа число, которое будет положительным при прогрессивно возрастающих интервалах и отрицательным при прогрессивно убывающих интервалах;

В нашем случае, оценив размах вариации итогового интегрального показателя, присвоим величины $h_i = 0,010$, и $a = 0,005$ соответственно.

Конечный результат вычислений итогового интегрального показателя социально-экономического развития (I), и группировка муниципалитетов и городских округов воронежской области по кластерам устойчивого развития показан на рис. 1.

К числу депрессивных территорий относятся Воробьевский, Нижнедевицкий и Терновский районы. На протяжении рассматриваемого периода они относились к отстающей группе, как по абсолютным показателям, так и по динамике изменения данных показателей.

С точки зрения географического положения необходимо выделить их окраинное или приграничное положение в Воронежской области. Кластер с развитием ниже среднеобластного уровня образуют 13 районов среди которых необходимо выделить Павловский, Бобровский, Аннинский, которые согласно новой стратегии развития области до 2035 года должны стать локомотивами роста всей территории области в целом. 8 районов образуют кластер среднего

уровня развития (Каменский, Семилукский, Калачеевский, Панинский, Эртильский, Верхнемамонский, Острогожский, Бутурлиновский) территории которого непосредственно примыкают к районам более высокого уровня развития. Кластеры с развитием выше среднего находятся на юге (Россошанский, Кантемировский, Богучарский районы), на востоке (г. о. Борисоглебск, Поворинский район), в центре Лискинский район. Данные территории имеют выгодное экономико-географическое положение с выходом к основным автомобильным и железнодорожным магистралям. Кластер высокоустойчивого развития формирует административный центр Воронежской области - г. о. г. Воронеж и прилегающие к нему районы – Рамонский и Новоусманский, а также г.о. г.Нововоронеж.

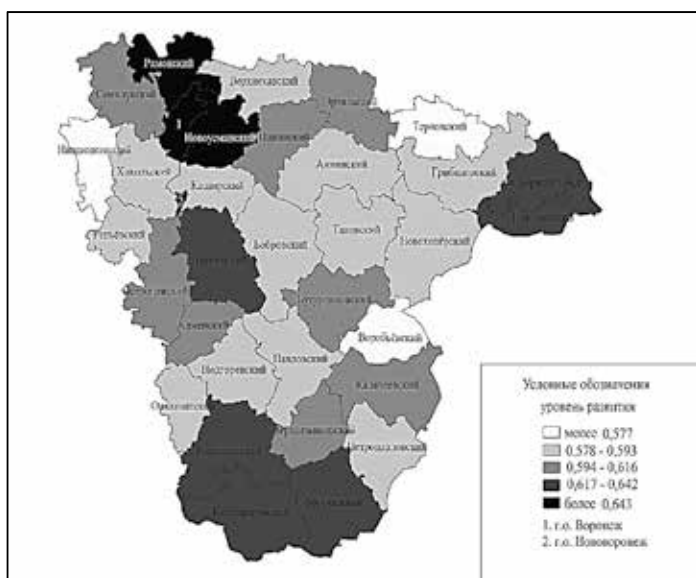

Рис. 1. Пространственная дифференциация Воронежской области по уровню социально-экономического развития

Подводя итог вышесказанному, устойчивое социально-экономическое развитие Воронежской области подразумевает развитие всех входящих в её состав территориальных единиц. Данная дифференциация является, с одной стороны итогом развития территории за период с 2011 по 2018 год включительно, с другой – стартовой картиной для осуществления стратегии развития на период

до 2035 года, которая позволяет выделить проблемные территории, на которые следует обратить внимания, а также территории (кластеры) роста которые могут помочь в развитии прилежащим отстающим территориям. Нельзя забывать о том, что развитие является динамическим процессом, изменяющимся во времени, поэтому работа в данном направлении будет продолжена.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-35-90021 Аспиранты.

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. № 19-35-90021 Postgraduate students.

Литература

1. Артоболевский С.С. Пространство и развитие России: полимасштабный анализ //Вестник Российской Академии наук. -2009. -Т. 79. -№ 2, Февраль. С. 101–112.
2. Береснев В.Л. Модели индикативного планирования развития ресурсных регионов // Регион: экономика и социология. -2008. -№ 4. - С. 15–32.
3. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза / рук. авт. колл. и отв. ред. Л. Г. Гранберг. -М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2000. С. 42.
4. Суспицын С.А. Оценки динамики межрегиональных различий и экономического роста в 2000–2006 гг. // Регион: экономика и социология. -2008. - № 1. С. 241–243.
5. Feraru G.S., Orlov A.V. (2014), Methodology for estimating the level of sustainable socioeconomic development of regions. Contemporary Problems of Science and Education, 1(51). Available from: <http://www.science-education.ru/115-12151>.
6. Gordon I.R. and McCann P. 2005. Innovation, agglomeration, and regional development. *Journal of Economic Geography*, 5(5), 523-543.
7. Pike A., Rodriguez-Pose A., & Tomaney J. (2017). Shifting horizons in local and regional development. *Regional Studies*, 51(1), 46-57.
8. Яковенко Н.В. Трендовые модели социально-экономического прогнозирования Воронежской области/ Н.В. Яковенко, П. А. Канапухин, Е. В. Мишон, Т.А. Ромашенко, И.В. Комов, Р.В. Тен// Экология урбанизированных территорий. -2019. -№ 2. С. 25-31.

9. Яковенко Н.В., Комов И.В., Диденко О.В. Стратегическая конкурентоспособность региона: теоретические аспекты исследования//Наука Красноярья. - 2017. -Т.6. - № 1-3. С. С.93-96.

10. Yakovenko N.V. Factors and material conditions for space-intensive economic development of region / N.V. Yakovenko, D.M. Morkovkin, I.V. Komov, M.V. Derevyagina, O.V. Didenko // Mediterranean Journal of Social Sciences. - Vol.7. - № 1S x2016. – PP. 144-152.

11. О Стратегии социально-экономического развития Воронежской области на период до 2035 года (с изменениями на 23 декабря 2019 года). Url.: <http://docs.cntd.ru/document/550300779> (дата обращения: 12.02.2020).

Сведения об авторе:

Тен Роман Валерьевич, аспирант кафедры социально-экономической географии и регионоведения, факультет географии, геоэкологии и туризма. Воронежский государственный университет, E-mail.: roma.ten.00@inbox.ru, тел.: 8 (960) 113-50-68

Information about authors:

Ten Roman Valerievich, postgraduate student of the Department of Social and Economic Geography and Regional Studies, Faculty of Geography, Geoeology and Tourism, Voronezh State University, E-mail.: roma.ten.00@inbox.ru, tel.: 8 (960) 113-50-68

УДК 910.3

**Трифуневич М.
Trifunović Mladen,**

КОНЦЕПЦИЯ БОЛЬШИХ ДАННЫХ BIG DATA И БУДУЩИЕ ВЫЗОВЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

CONCEPT OF BIG DATA AND FUTURE CHALLENGES OF GEOGRAPHY

За последние несколько лет концепция больших данных big data, т.е. возможность использования и многофакторной обработки огромного количества данных, являющихся результатом глобального взаимодействия в сети и повсеместного распространения информационных технологий, открывает огромное пространство для географических исследований. Однако, такое изобилие данных и возможностей их анализа само по себе не обязательно приводят к научно обоснованной истине. В данной работе утверждается, что

концепция big data является новой формой позитивистской парадигмы в географии, т.н. дигитального позитивизма, который основывается на математизации пространства. Мы считаем, что главной задачей географии в будущем станет установление соответствующей географической онтологической топологии, а также интеграция критического и освободительного интереса в географические исследования. На основании таких предположений можно установить нормативные принципы географических исследований и пространственных действий, которые необходимо инкорпорировать в технологию концепции big data. Таким образом, задача географии в эпоху big data похожа на проблемы из прошлого – защита комплексности научных исследований от упрощенной и наивной картины мира, а также поспешных исследований, которыми руководят технические специалисты.

Over the last few years, the concept of big data, ie the ability to dispose and multifactorize the vast amount of data that is the product of global networking and the ubiquity of information technology, has opened up a huge space for geographic research. Yet, such an abundance of data and the capabilities of their analytics do not in themselves necessarily lead to scientifically relevant truths. This paper argues that big data represents a new form of positivist paradigm in geography - the so-called digital positivism based on space mathematization. We believe that the basic future task of geography is to establish a relevant geographical ontological topology and to integrate critical and emancipatory interest in geographical research. Based on these starting points, it is possible to determine normative principles of geographic research and spatial action, which then need to be incorporated into big data technology. Therefore, the challenge of geography in the big data time is and will be similar to that of previous epochs - defense of the complexity of scientific study against simplified and naive images of reality and instant research managed by technical persons.

Ключевые слова: big data, география, дигитальный позитивизм, топос, геопространственная онтология, нормативные принципы.

Keywords: big data, geography, digital positivism, topos, geospatial ontology, normative principles.

1. КОНЦЕПЦИЯ BIG DATA – НОВЫЙ «ДИГИТАЛЬНЫЙ» ПОЗИТИВИЗМ

В литературе [1, с.435] не существует единого определения концепции big data, но можно выделить основные характеристики данного феномена. Основой big data является огромное количество данных, впервые в истории зарегистрированных в таком объеме, а

также возможность их быстрого поиска и классификации. Кроме того, можно выделить полноту, исключительную детализацию и дифференциацию этих данных, почти абсолютный пространственный и временной охват, достигнутый путем оцифровки архивов и других аналоговичных данных.[2, с.262] Поскольку все эти данные непременно носят пространственный характер, такая концепция открывает огромные возможности для географических исследований и продвижения географической науки в более широких кругах.

История феномена больших данных начинается 40 лет назад в работе американского социолога Чарльза Тилли под знаковым названием «Старая новая и новая старая социальная история». [3] Просопография возникла как новое мессианское слово социальных наук, и в 1960-х годах прошлого века обещала поместить историю в сферу признанных наук и придать ей эпистемологический и методологический дух. Такое продвижение должно было произойти при помощи методологической проверки гипотез, что было невозможно в старой исторической науке. Исторический нарратив, субъективные впечатления и предположения не вписывались в господствующее позитивистское направление в науке. Просопографическая парадигма исторической науки требовала как новых форм исторических данных, так и новых методов их обработки. Аккуратно собираемая с точки зрения пространства и времени демографическая статистика и развитый метод статистического анализа сделали это возможным. Так же, как и климатологические исследования сегодня, социальные и исторические исследования начинают опираться на многовековые наборы данных с целью достижения требуемых образцов объективности естественных наук. Только на основании анализа всех доступных данных о какой-либо общественной группе, знания их «коллективной биографии», которая выявляет закономерности социального взаимодействия и генезис социальных событий, можно сделать соответствующие выводы об исторических тенденциях [3,367]. Именно это и является контекстом, в котором используется выражение «люди больших данных» (*big data people*), что, в первую очередь, относится к тем ученым, которые достаточно радикально придерживаются статистически-математических моделей и процедур в социальных исследованиях.

Принимая во внимание все вышесказанное, можно прийти к выводу, что это первое использование концепции *big data* никоим образом не указывает на место и время появления этой теоретической и методологической концепции, которую данный термин обозначает. Наименование определенного явления возможно только на основании

знания сути данного явления, что означает, что такое явления достаточно развито и широко распространено, что его основные характеристики полностью видны. Понятие big data является новым, появляющимся и согласованным названием уже существующей позитивистской парадигмы в науке. Предложение, в котором термин big data появляется впервые, отлично это демонстрирует. Перефразируя критику Стоуна этой «новой общественной истории», Тили говорит, что ни один из великих вопросов науки не смог защитить себя от «ударов молотком» людей big data [3,369]. Понятно, что метафора молотка используется здесь прежде всего для того, чтобы живописно обозначить своеобразный механический подход к методологии исследования и довольно слепой способ получения, обработки и анализа данных.

Большие научные вопросы, о которых говорит Тили, возникшие после шторма информационных технологий – это старые вопросы, которые нужно повторять независимо от количества. По сути, эти вопросы являются вопросами онтологии науки. Вопрос о сущности ключевых категорий, вопрос о существовании, который всегда поднимался философией, должен оставаться фундаментальным вопросом. Мы утверждаем, что концепция big data вообще не поднимает этот вопрос в адекватной плоскости. Ответ на вопрос о сути географического объекта, свойственный логике, приведет и к эпистемологическому вопросу. Это неизбежно приводит к третьему большому вопросу – вопросу этики, который определяет концепцию big data.

На какой онтологии основывается концепция big data? Ответ на этот вопрос в первую очередь подразумевает предположение, что механизмом методологии big data является сбор и обработка данных, адаптированных к информационным технологиям. Географический объект должен быть уменьшен определенным образом, символически преобразован, чтобы быть обработанным в качестве компьютерных данных. Поэтому он должен быть «читаем» для компьютера в целях обработки. Следовательно, это преобразование подразумевает применение процесса, посредством которого географический объект становится определенным кодом. Затем этот машинный код распознает и обрабатывает данные на основе применения определенной геопространственной онтологии и определенных алгоритмов.

Ключевой вопрос, на который должна ответить каждая геопространственная онтология, – что такое географический объект? Каковы его ключевые атрибуты и отношения? В рамках геопространственной онтологии big data географический объект

определяется прежде всего на основании геометрических характеристик, что подразумевает, помимо прочего, количественные параметры, такие как размер, площадь, координаты и т. д. [4 с.1472] Проблема, которая возникает в онтологиях, связанных с информационными технологиями, а особенно в геопространственных онтологиях, заключается в том, что такие геометрические особенности геообъектов, по сути, являются результатом другой более глубокой пространственной онтологии. Другими словами, геопространственная онтология big data представляет онтологию «второго сорта». Чтобы придумать такую геометрическую топологию, нужна еще одна более глубокая онтология – онтология пространства. В качестве условия возможности машинной обработки геопространственных объектов сначала необходимо определенным образом кодировать пространственную категорию как таковую в соответствии с конкретной онтологией. Это означает, что в начале необходимо ответить на вопрос, что такое пространство. В рамках геопространственной онтологии концепции big data ответом на этот вопрос является топологическое пространство. Суть топологического пространства заключается в том, что это математическое пространство, в котором пространственные объекты сводятся к точкам, а особенности пространственности – это, прежде всего, изоморфизм и континуум. Самой глубокой онтологией в рамках концепции big data является пространственная онтология Евклида. В век информационных технологий это математическое пространство приобретает цифровую форму. Очевидно, что в основе концепции big data в географии лежит старая теоретическая и методологическая парадигма – позитивизм. Такой новый позитивизм только прикрыт слоями технологических неологизмов, и в современной литературе еще называется дигитальным позитивизмом. [5, с.40].

И действительно, перед лицом непреодолимого потока информации одна из возможных онтологий пространства, математическая топология, монополизирована и приравнивается к пространству как таковому. Проблема с математической топологией и полученными на ее основании данными заключается в том, что все другие значения и другие возможные онтологии пространства удаляются. Суть проблемы заключается не (только) в машинной обработке и аналитике, но и в безоговорочной теоретической установке математического пространства, в котором конкретные места и отношения доступны в виде оцифрованных сегментов однородного абстрактного пространства.

Первоначальная географическая онтологическая топология представляет собой полностью другую концепцию пространственности. Античная онтология пространства всегда отдавала предпочтение целому над частями. Целое имело онтологически более высокий статус именно потому, что эффективность целого выходила за пределы отдельных частей, не только с точки зрения его морфологической или материальной структуры, но и совокупности его воздействий. Философия пространства Аристотеля учит, что пространство следует рассматривать не только из математической, но и из онтологически-функциональной перспективы. Пространственность или *топос* – это все то, что делает возможным возникновение и функционирование как высшую форму существования тела, которое содержит такой топос. Иными словами, содержание является не только геометрической функцией. Пребывание в каком-то пространстве является условием эффективного существования явления, его возникновения и его бытия. Именно такие отношения стремится сохранить география, независимо от того, в какой форме такие отношения интерпретируются. [6, с.417] Философская топология Аристотеля не рассматривает тело в пространстве как математически-геометрически-точечное единство, а именно как то, чем оно является, т.е. как полноту его бытия, включая и категорию возможности. Невозможно рассматривать какой-либо объект без обращения к его топосу, т.е. к тому, что его окружает и тем самым дает возможность достигнуть свою эффективность. Следовательно, географическая топология подразумевает, что пространственность следует, прежде всего, представлять как эффективное целое, а не как набор отдельных частей – точек или полей. Такое понимание топоса становится гораздо «шире» и понятнее, выходя не только за пределы своего местоположения, т.е. «физической» границы, но и за пределы своей морфологии.

Вполне закономерно на основании анализа производства пространства Лефевра [7, 49] можно прийти к выводу, что преобладающая онтология *big data*, т.е. пространство математической топологии является результатом не критического, позитивистского сознания, которое функционирует по принципу формальных отношений между пространственными объектами. Формализм стремится устранить вопросы о значении различий, присутствующих в разных географических и исторических координатах. Независимо от оцифровки как новой формы пространственного представления или именно из-за этого остаются фундаментальные эпистемологические,

методологические и этические проблемы научного исследования, которые доминируют в позитивизме как таковом.

2. ГЕОГРАФИЯ И НОРМАТИВНЫЕ ПРИНЦИПЫ BIG DATA

Неоспорима польза, которую дает географическим исследованиям концепция big data. Мы можем только представить себе возможности, которые нам дают, например, исследования в области социальной географии, будь то городские единицы или экономические регионы, где у исследователя имеются данные о различных демографических характеристиках, всесторонние данные о социальных привычках, контактах и посещаемых местах, экономической структуре и потребительских привычках, культурных и идеологических закономерностях, и все это вместе с возможностью соединять несколько десятков представленных переменных. Тем не менее, доминирующая методология исследований big data связана с проблемами, которые, в основном, вытекают из математической топологии. Так же, как пространственность на онтологическом уровне сводится к математическим категориям, так и на уровне сбора и анализа этих данных редуцируется герменевтический горизонт их интерпретации. Обилие данных и возможность их анализа не обязательно означает и научно обоснованное исследование. Семантический диапазон географических объектов и множественность актуальных и потенциальных отношений часто теряются или полностью игнорируются.

Экстраполяция релевантного научного результата и значения этих данных, безусловно, не является просто технической проблемой или вопросом эффективного алгоритма. Методы сбора и анализа данных становятся слишком единообразными, а во многих случаях очень важные факты теряются в процессах кодирования. Математические процессы обработки данных становятся все более сложными и трудными для понимания многими исследователями и аналитиками. Растущая сложность методологии сбора и анализа данных ставит под угрозу их надежность. [3,369]

Как отмечает Фукс, проблема исследований, основанных исключительно на больших данных, заключается в отсутствии их включения в более широкий социокультурный контекст различных значений, установок, ценностей, противоречие и интерпретация событий и процессов, а в особенности отсутствие анализа возможных этических последствий научной деятельности. Можно сделать вывод, что концепция big data переместилась в сторону увеличения технологизации с целью более эффективного управления и

администрации, забывая при этом о первоначальной роли науки и образования. [5, с.40] Дейвид Харви отмечает, что такая количественная революция отделила социальную географию от самого общества, называя это направление «стратегическим маневром избежания политической ответственности общественных наук в целом».[8,83] Поэтому концепция big data пренебрегает еще одной большой проблемой науки, которой не избежать в будущем. Одной из фундаментальных характеристик науки является ее критическая и освободительная роль. Такой исследовательский подход, основанный на математической парадигме пространства, то есть концепции big data, несмотря на провозглашенную объективность, опирается на т.н. инструментальный интерес [там же], который является абсолютно законным и неизбежным. Как мы уже видели, проблема, которая становится еще более очевидной при использовании big data, заключается в постепенном отказе от критического и освободительного интереса, который является неотъемлемым элементом науки как таковой. [8, с.85] Сбор, анализ и использование таких данных, как и в ранние периоды научных исследований, требуют более глубокого знания социально-исторического контекста и специального образования, что будет направлять анализ данных с горизонта, близкого фундаментальному синтезу, а не просто формальному анализу. Такой горизонт, без сомнения, является географическим горизонтом, который должен учитывать как онтологический, так и критический и освободительный интерес бытия. Понимание географической топологии также могло бы смягчить более четкое разделение географии на физическую и социальную, что становится все более выраженным в рамках концепции big data.

Каким образом можно учесть такую географическую перспективу в будущих исследованиях, которые, безусловно, не откажутся от методологий, основанных на концепции big data? Мы считаем, что географическая наука должна предлагать определенные онтологические принципы и стремиться, чтобы такие принципы получили и свою «техническую и методологическую форму». Это возможно только в процессе длительного непрерывного сотрудничества и обмена опытом с исследователями, которые специализируются на технических вопросах, а именно кодировании данных и создании алгоритмов. Это позволит использовать прикладные нормативные принципы географических исследований, которые ограничат, адаптируют и направят в верном направлении применение методологии big data. Теоретической основой этих принципов является географическая топология, структура которой

опирается на онтологию пространства Аристотеля. Благодаря включению освободительного и критического аспектов, нормативные принципы использования big data в географии могут быть следующими: [9, с.31]

1. *Принцип онтологической иерархии.* Место, т.е. пространство не является только продуктом, но и условием возможности не только образования, но и способа функционирования субъекта. Первичность места не должна сводиться только на аспект месторасположения или материальный аспект.

2. *Принцип эффективности.* Базовую отправную точку изучения места можно условно определить следующим образом: *место – это совокупность всех его эффективных воздействий.* Таким образом, в сбор, обработку и анализ геопространственных данных необходимо включить материальный, позиционный и семантический аспекты. В то время как позиционный и материальный аспекты остаются относительно неизменными, значения места являются множественными в зависимости от горизонта, с которого такое значение интерпретируется.

3. На основании онтологического принципа и принципа эффективности можно постулировать и *этический принцип оценки геопространственной деятельности.* Перефразируя тезис Сака, такой принцип можно определить следующим образом: Пространственная деятельность человека, которая позволяет нам лучше осознать реальность, а также увеличить ее разнообразие и сложность, можно считать положительной [10, 9].

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Коцепция big data – это, прежде всего, методологический процесс, который на основании создания и доступности огромного количества данных, укрепляет старую позитивистскую парадигму географических исследований. В основе такой концепции лежит математическая онтология пространства, которая сводит пространственные явления к их геометрическим характеристикам. С эпистемологической точки зрения огромное количество данных кроме широких возможностей анализа современных процессов имеет и негативные стороны, такие как недостаточная надежность данных, неясность процедур и упрощенность процессов, которыми занимаются технические специалисты.

Таким образом, задача географии и в эпоху big data остается такой же, как и ранее – защита целокупности научного исследования от упрощенного и наивного восприятия географической реальности. Эта задача может быть выполнена с учетом географической

онтологической топологии и критического и освободительного интереса. Основываясь на этих точках отчета, можно определить нормативные принципы географических исследований и пространственной деятельности и включить их в технологию big data.

Литература

1. Floridi, L. *Philos. Technol.* (2012) 25: 435. <https://doi.org/10.1007/s13347-012-0093-4>
2. Kitchin, R. (2013). Big data and human geography: Opportunities, challenges and risks. *Dialogues in Human Geography*, 3(3), 262–267. <https://doi.org/10.1177/2043820613513388>
3. Tilly, C. (1984). The Old New Social History and the New Old Social History. *Review (Fernand Braudel Center)*, 7(3), 363–406. Retrieved February 4, 2020, from _
4. Nishanbaev, Ikrom; Champion, Erik; McMeekin, David A. 2019. "A Survey of Geospatial Semantic Web for Cultural Heritage." *Heritage 2*, no. 2: 1471-1498.
5. Fuchs, C. (2017). From digital positivism and administrative big data analytics towards critical digital and social media research! *European Journal of Communication*, 32(1), 37–49. <https://doi.org/10.1177/0267323116682804>
6. Трифуновић, М. (2013). Аристотел у Крајини. Појам краја у Аристотеловој филозофији простора. Зборник радова поводом обиљежавања двадесетогодишњице рада Географског друштва РС. Географско друштво РС. Бања Лука. стр. 413-421.(Трифунович, М. (2013). Аристотель в Краине. Понятие края в философии пространства Аристотеля. Сборник работ, приуроченный к 20-летию работы Географического общества РС. Географическое общество РС. Баян-Лука. стр. 413-421.)
7. Lefebvre, H., Nicholson-, S., & Harvey, D. (1991). *The production of space*. Blackwell Publishing. Oxford.
8. Трифунович, М. (2017). Туризм, «простратсвенно закрепление» и «производство» пространства: Полемика и преспективы. Вестник Ассоциации российских географов. 82-92.
9. Трифуновић, М. (2018). Мјесто географског образовања у доба STEM дисциплина? *Herald*, 22, 21–33. doi:10.7251/HER2218021T (Трифунович, М. (2018). Место географического образования в эпоху STEM-дисциплины? *Herald*, 22, 21–33. doi:10.7251/HER2218021T)
10. Sack, R. D. (2003). *A Geographical Guide to the Real and the Good*. London and New York: Routledge.

Сведения об авторе.

Трифуневич Младжен (Trifunović Mladen), доцент кафедры общественной географии Естественно-математического факультета Университета в Бания-Луке, Республика Сербская, Босния и Герцеговина.

УДК 911.3

Уставщикова С.В.
Ustavshchikova S.V.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В РОССИЮ ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (СТУДЕНТЫ ТУРМЕНИ В СГУ)

EDUCATIONAL MIGRATION TO RUSSIA FROM THE COUNTRIES OF CENTRAL ASIA (TURKMEN STUDENTS IN SSU)

Рассматривается география современной образовательной миграции в Россию. Подчеркивается, что большинство иностранных студентов приезжает из стран Центральной Азии. Анализируется распределение студентов иностранцев по основным вузам Саратова. Отмечается рост численности студентов, расширение географии стран прибытия. Приводятся данные по опросу туркменских студентов географического факультета СГУ о желании/не желании остаться в России после обучения.

In the article the geography of modern educational migration to Russia is considered. It is emphasized that most foreign students come from Central Asian countries. The distribution of foreign students among the main universities of Saratov is analyzed. The increase in the number of foreign students and the expansion of the geography of countries of arrival is noted. The data on the survey of Turkmen students of the Geography Faculty of SSU about desire/unwillingness to stay in Russia after graduation is given.

Ключевые слова: экспорт российского образования, образовательная миграция, иностранные студенты, студенты из стран Центральной Азии

Keywords: export of Russian education, educational migration, foreign students, students from Central Asian countries

Середина 1990-х годов для экспорта российского образования стала точкой наибольшего спада. В 1995-1996 академическом году количество иностранных студентов-очников в отечественных вузах составило чуть более 52 тыс. чел. [1]. Однако эта точка стала и началом последующего непрерывного роста количества иностранцев,

выбравших для получения высшего образования российские вузы. В России утверждён паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования». Ключевая цель проекта – повысить привлекательность и конкурентоспособность российского образования на международном рынке образовательных услуг и таким образом нарастить несырьевой экспорт Российской Федерации. В результате реализации проекта количество иностранных студентов, которые обучаются по очной форме в российских вузах, должно вырасти с 220 тыс. человек в 2017 году до 710 тыс. в 2025 году [2].

31 октября 2018 г. президентом РФ был подписан Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы». Значительное место в ней уделено регулированию образовательной миграции: «24. Основными направлениями миграционной политики в области содействия свободному перемещению обучающихся, научных и педагогических работников являются: а) повышение доступности образовательных услуг для иностранных граждан, включая совершенствование правил въезда в Российскую Федерацию и пребывания на ее территории иностранных граждан, в целях обучения в российских образовательных организациях; г) совершенствование механизмов отбора талантливой иностранной молодежи для поступления в российские образовательные организации в пределах выделяемых квот» [3]. Много делается для создания общего образовательного пространства ЕАЭС, рассматривая это как залог успеха евразийской экономической интеграции.

Число, желающих получить образование в РФ, растет. Если в 2000 г. в Россию на обучение прибыло 72,4 тыс. иностранных студентов, то в 2010 – 175,6, 2016 г - более 406 тыс., в 2018 г. — уже более 536,5 тысяч [4]. Минобрнауки определяет страны — лидеры по количеству приезжих учащихся. Первое место у Казахстана (65,6 тыс. студентов), второе — у Туркмении (27,4 тыс.), третье — у Узбекистана (25,7 тыс.) [5].

Что касается дальнего зарубежья увеличилось число абитуриентов из Азии: на первом месте Китай, Индия и Вьетнам. Российские вузы востребованы также в странах Ближнего Востока и Африканского континента. Больше всего студентов приезжают из Ирака, Марокко, Сирии, Египта, Нигерии и Ганы. Из Латинской Америки больше всего студентов приезжают из Эквадора, Колумбии и Бразилии.

В вузах Саратовской области учатся больше 3000 иностранцев, из более чем 60 стран. В Саратовском государственном медицинском

университете - 1180 иностранных студентов из 51 страны мира. Первый прием в аспирантуру иностранных граждан был в 2003 году по специальностям «глазные болезни» и «хирургия». Сегодня более 100 иностранных специалистов получили степень кандидата медицинских наук и преподают в ведущих вузах мира [6]. Некоторые выпускники работают в Саратовской области, что приводит к усложнению этнического состава населения [7]. Численность иностранных обучающихся в Саратовской государственной юридической академии по основным и дополнительным образовательным программам по состоянию на 01.10.2019 г. около 230 человек. Саратовский государственный аграрный университет и Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина вошли в число 39 вузов для экспорта российского образования, которые определило Правительство РФ. На сегодняшний день в аграрном университете обучается 158 иностранных студентов. В Поволжском институте управления имени П.А. Столыпина обучаются более 60 иностранных студентов из 7 стран мира. Ежегодно Институт принимает более 50 слушателей из Германии, Словакии, Китая на краткосрочные специализированные модули на английском языке в формате Зимних и Летних школ «Бизнес-администрирование», «Управление проектами в поликультурной среде», «Язык, культура, общество современной России» [8]. Ежегодно количество студентов Саратовского государственного технического университета имени Гагарина Ю.А., являющихся гражданами иностранных государств, составляет более 200 человек. Они обучаются по программам высшего профессионального образования, направлениям бакалавриата и магистратуры, аспирантуры. В основном контингент иностранных студентов составляют граждане стран СНГ и Балтии: Казахстана, Белоруссии, Украины, Узбекистана, Туркменистана, Эстонии, Армении, Азербайджана. Проходят обучение в СГТУ и студенты из дальнего зарубежья: Египта, Ирака, Бангладеш, Вьетнама, Анголы, Нигерии [9]. В Саратовскую консерваторию в 2019 году подготовительный факультет поступило 100 китайских студентов.

Саратовский государственный университет лидер по числу иностранных студентов в Саратове. Особенно значителен контингент обучающихся из стран Центральной Азии. Всего в СГУ обучается около 1200 иностранных обучающихся, что составляет примерно 6% от общего числа студентов из 39 стран и 32 студента в колледжах СГУ. Наибольший интерес у иностранцев к педагогическому образованию, международным отношениям, юриспруденции, направлениям подготовки Института филологии и журналистики СГУ [10]. В рамках

приемной комиссии 2019/2020 учебного года на обучение по основным образовательным программам и аспирантуры было принято 440 человек, из них 75 магистров и 6 аспирантов. 384 человека приехало на обучение из стран ближнего зарубежья и 56 – из дальнего зарубежья. На первом месте по количеству студентов, уже который год стоит Туркмения (318 человек в 2019г.), на втором месте – Республика Казахстан (30 чел.). Из стран дальнего зарубежья в 2019 году наиболее представительными оказалось студенчество из Ирака (29 человек).

На географическом факультете СГУ в настоящее время обучается 66 студентов – бакалавров из Туркмении, 3 – из Казахстана, 1 студент из Экваториальной Гвинеи. Магистры: 2 человека из Туркмении, 1 – из Ганны.

Туркмены в СГУ и в том числе на географический факультет поступают с начала 2000 годов. Уже можно сделать выводы по данным полученным при исследованиях, проведенных как качественными, так и количественными методами. Так поступление на обучение в Россию большинство студентов-туркменов объясняют: а) существующим соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Туркменистана о взаимном признании документов государственного образца об образовании, б) наличием в Саратове знакомых, родственников, в) рекомендацией студентов, обучавшихся ранее. Часто в СГУ учатся родственники (на разных факультетах, курсах), старшие братья опекают младших сестер. Большинство студентов проживают в общежитии, очень редко снимают квартиру. По приезду в Россию русский язык большинство знают, но не очень хорошо, изучают в школе английский язык. Учиться в СГУ нравится. Саратов нравится. Успехи в учебе средние, связаны со слабым знанием русского языка. На вопрос «Хочешь ли остаться в России после завершения образования?» большинство отвечают отрицательно. Хотя знают о такой возможности из информации Управления: Международная служба СГУ. Девушки намереваются вернуться домой. Трудно без поддержки родственников. Юноши все чаще говорят о дальнейшей миграции в Турцию. Считают, что там более комфортная среда для адаптации: родственный язык, религия, климат. Многие отмечают, что в Турции даже возможно при трудоустройстве воспользоваться полученным дипломом о высшем образовании. В России трудно устроится на престижную работу, есть стереотип восприятия приезжих из стран Центральной Азии только как низкоквалифицированных рабочих.

Литература

1. Арефьев А.Л., Шереги Ф.Э. Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 6/Министерство образования и науки Российской Федерации. – М.: Социоцентр, 2016. 401 с

2. Утверждён паспорт приоритетного проекта «Развитие экспортного потенциала российской системы образования» URL:<http://government.ru/news/28013/> (дата обращения: 1.12.19)

3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 1.12.19)

4. Число образовательных мигрантов, прибывших в Российскую Федерацию за период с 2016 по 2018 г. URL: <http://fms.gov.ru/> (дата обращения: 2.12.2019).

5. ФСБ впервые раскрыла данные о приезжающих на учебу в Россию

URL:<https://www.rbc.ru/society/19/08/2019/5d5694d89a79471a151e5e5f>
26.11.2019 (дата обращения 3.12.2019)

6. Саратовский государственный медицинский университет URL: <http://admission.sgmur.ru/2019/info2019> (дата обращения: 5.12.2019).

7. Самонина С.С. Влияние миграционных процессов на этнокультурный состав населения Поволжья В сборнике: Этнокультурная ситуация региона: варианты и перспективы развития Сборник научных статей. Под редакцией Е.В. Листвиной, Н.П. Лысковой. Саратов, 2017. С. 101-105.

8. Президентская академия вошла в список экспортеров российского образования. URL:http://piu.ranepa.ru/news/?ELEMENT_ID=42229 (дата обращения: 17.12.2019).

9. Управление международного сотрудничества и внешнеэкономических связей URL: <http://sstu.ru/upravlenie/upravleniya-i-otdely/ums-i-ves/> (дата обращения: 17.12.2019).

10. Отчет ректора о работе Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского в 2018 году. С. 240-241: Саратов 2019.

Сведения об авторе:

Уставщикова Светлана Владимировна, доцент, кандидат географических наук, доцент, Саратовский национальный исследовательский университет им. Н.Г. Чернышевского. Контактный телефон: 8 9172020931 ; E-mail: sveus1@yandex.ru

Ушакова В.Л.
Ushakova V. L.

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В АРКТИЧЕСКИХ РАЙОНАХ
РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ
АСПЕКТЫ**

**MIGRATION PROCESSES IN THE ARCTIC REGIONS OF THE
SAKHA REPUBLIC (YAKUTIA): SPATIAL ASPECTS**

Рассмотрены структурные и территориальные изменения миграционного развития в арктических районах Республики Саха (Якутия) за 2010-2017 гг.

The structural and territorial changes in migration development in the arctic regions of the Sakha Republic (Yakutia) for 2010-2017 are considered.

Ключевые слова: миграционный отток, миграционные потоки, арктические районы Республики Саха (Якутия).

Key words: migration outflow, migration flows, arctic regions of the Sakha Republic (Yakutia).

Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики определило приоритеты для каждого субъекта страны, которые будут заложены в новую арктическую стратегию России. На Дальнем Востоке в арктическую зону входят Чукотский автономный округ и 13 районов (улусов) Республики Саха (Якутия). Для Чукотки ключевым признан проект освоения Баимского месторождения меди, который станет стимулом для развития дорожной и энергетической инфраструктуры, а также модернизации портов Певек и Providenia. Перспективы развития арктических районов Республики Саха (Якутия) связаны с решением проблем судоходства по рекам Анабар, Лена, Яна, Индигирка и Колыма (в районах бассейнов этих рек сконцентрированы крупные минерально-сырьевые центры полезных ископаемых), возобновлением и развитием системы Северного морского пути. В более отдаленной перспективе рассматривается разработка шельфовых месторождений углеводородов в Восточно-Сибирском, Чукотском, Беринговом морях и море Лаптевых. При этом вопросы человеческого измерения отошли на второй план, что в условиях длительного (с 1990-х гг.) сокращения населения ставит под угрозу стратегические планы арктической политики. В арктических районах сложился ряд проблем, негативно влияющих на их развитие. Одна из них – миграционная

убыль населения, составившая в 2010-2017 гг. 9 379 чел. (в том числе в прибрежных районах – 3 326 чел., в национальных районах – 2 131 чел.), что в 2,6 раза превышает естественный прирост населения. Наибольшие миграционные потери отмечаются в Верхоянском районе (2 229 чел., или 23,8%), где число выбывших в 2,1 раза превысило число прибывших в район мигрантов и в Усть-Янском районе (1 281 чел., или 13,7%), что связано с закрытием поселков в результате ликвидации производств горнопромышленного профиля.

Специфика арктических территорий – высокая миграционная активность населения, которая за период 2010-2017 гг. выросла в два раза. Среди выбывших в 2017 г. 73,5% перемещаются внутри республики (в 2010г. – 60,4%, в 2015 г. – 68,6%), 23,9 % выезжают в другие районы (в 2010 г. – 38,9%, в 2015 г. – 30,0%) [2] в более благоприятные в природно- климатическом отношении. За рассматриваемый период более чем в семь раз увеличилось число выбывших за пределы Российской Федерации. В структуре миграционных потоков увеличивается доля внутрирегиональной миграции при сохранении оттока сельского населения в городскую местность. Миграционные связи арктических районов во внутрирегиональном обмене имеют значительные различия (табл. 1).

Самый высокий уровень этого потока у национальных сельских районов.

Интенсивность миграционного обмена обусловлена ростом внутрирегиональной миграции, оттоком молодежи, выездом лиц пенсионного возраста, вахтовым методом трудовой деятельности.

Динамика миграционных процессов во многом зависит от экономических факторов. Рост или снижение численности населения, формирование демографического потенциала зависят от масштабов хозяйственной деятельности, специфики производств и перспектив хозяйственного освоения. Определяющим процессом в динамике изменений численности населения является занятость, включающая в себя потребность в трудовых ресурсах и характер их использования.

Таблица 1

Распределение мигрантов в арктических районах по направлениям движения (%) [2]

	Прибыло					
	Внутрирегиональ ная миграция		Межрегиональная миграция		Международная миграция	
	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.
Республика Саха (Якутия)	64,5	66,7	29,8	30,4	5,7	2,9

Арктические районы	55,5	73,1	42,4	25,1	2,1	1,8
в том числе:						
прибрежные районы	40,7	51,1	56,8	47,0	2,5	1,2
национальные (сельские) районы	95,0	81,2	4,0	12,7	1,0	6,1
	Выбыло					
	Внутрирегиональная миграция		Межрегиональная миграция		Международная миграция	
	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.	2010 г.	2017 г.
Республика Саха (Якутия)	43,3	59,8	55,1	38,6	1,6	1,6
Арктические районы	60,3	73,5	38,9	23,9	0,8	2,6
в том числе:						
прибрежные районы	51,8	63,3	47,0	33,6	1,2	3,1
национальные (сельские) районы	77,7	84,9	21,8	10,0	0,5	5,1

Если на юге Дальнего Востока ведущие отрасли экономики предполагали создание постоянных поселений, то на севере неблагоприятное сочетание природно-климатических условий с малообжитостью – одно из препятствий для создания постоянного населения. На протяжении всего периода освоения северных и арктических территорий в основу политики формирования населения и трудовых ресурсов были положены хозяйственные интересы. Несмотря на имеющееся, на севере постоянное население, собственной демографической базы для обеспечения отраслей хозяйства трудовыми ресурсами здесь недостаточно. Как правило, существование населенных пунктов связано с отработкой месторождений, использованием и исчерпанием сырьевой базы хозяйственной деятельности. Это способствовало не только высокой подвижности формирующегося на этой территории населения, но и мобильности создаваемой расселенческой структуры, предполагающей создание и последующее исчезновение как мелких, так и более крупных поселений. Многолетний интенсивный приток существенно влиял на демографическую ситуацию.

Возрастная структура населения арктических районов обладает рядом особенностей. Так, доля трудоспособного населения по сравнению со среднереспубликанским и дальневосточным показателями заметно выше в национальных сельских районах (84,2%),

в том числе в Момском – 92,6%, Жиганском – 86,5%, Эвено-Бытантайском – 83,0% (табл. 2). Удельный вес лиц старше трудоспособного возраста по прибытию составлял в 2017 г. 7,6%, по выбытию – 10,2%. Здесь выше доля детей и подростков. В прибрежных районах – Аллаиховском (22,0%), Булунском (20,5%), Анабарском (20,0%) эта возрастная группа превышает уровень в целом по арктическим районам (14,5%) и среднереспубликанский (13,7%).

В структуре выбывших лица трудоспособного возраста занимают свыше 70%, а в отдельных районах (улусах) и выше: Момский (86,2%), Эвено-Бытантайский (83,1%), Аллаиховский (81,8%), а с учетом лиц моложе трудоспособного возраста – свыше 90%. Происходит разрушение накопленного за многие годы трудового потенциала территории, которая обеспечивает потребности экономики страны в сырье и валютных ресурсах.

Таблица 2

Возрастной состав мигрантов арктических районов в 2017 г., % [1]

	Мигранты в возрасте					
	моложе трудо- способ- ного	трудо- способ- ном	старше трудо- способ- ного	моложе трудо- способ- ного	трудо- способ- ном	старше трудо- способ- ного
	Прибывшие			Выбывшие		
Республика Саха (Якутия)	13,7	79,4	6,9	13,5	77,0	9,5
Арктические районы в том числе:	14,5	77,9	7,6	16,0	73,8	10,2
прибрежные районы	17,5	73,4	9,1	16,5	72,2	11,3
Аллаиховский	22,0	73,0	5,0	10,7	81,8	7,5
Анабарский	20,0	76,5	3,5	17,4	76,1	6,5
Булунский	20,5	74,9	4,6	17,3	72,5	10,2
Нижнеколымский	19,3	69,1	11,6	16,0	68,1	15,9
национальные (сельские) районы	10,9	84,2	4,9	13,8	79,7	6,5
Анабарский	20,0	76,5	3,5	17,4	76,1	6,5
Жиганский	2,8	86,5	10,5	10,4	78,2	11,4
Момский	4,9	92,6	2,5	8,7	86,2	5,1
Оленекский	13,4	82,9	3,7	18,8	76,1	5,1
Эвено-Бытантайский	10,2	83,0	6,8	14,3	83,1	2,6

Для арктических районов весьма актуальна проблема оттока не только трудоспособного населения, но и молодежи. Молодежь активно покидает эти территории, что в будущем может иметь серьезные последствия, так как именно эта возрастная группа имеет важное значение в демографическом и экономическом развитии севера дальневосточной Арктики. Так, в 2017 г. число лиц, покинувших арктические районы Республики Саха (Якутия) составило 3961 чел., из них 39,6% (1569 чел.) – мигранты в возрасте 14-29 лет. Высокий потенциал миграционной мобильности молодежи связан, с одной стороны, со спецификой самих арктических районов – суровые природно-климатические условия, отдаленность от центра, моноотраслевое развитие, а с другой – особенностью молодежи как наиболее мобильной, социальной группы, готовой к реализации амбициозных жизненных задач. Анализ миграционных потоков арктических районов показал, что в большинстве из них отмечается отрицательный миграционный прирост молодежи за исключением Аллаиховского, Анабарского, Верхоянского, Оленекского, Эвено-Бытантайского районов. Наиболее активно мигрирует молодежь в возрасте 17-19 лет по окончании средней школы, основная причина миграции – поиск возможностей получения образования и профессиональной реализации. Развитие арктических районов Севера во многом зависит от восприятия молодого поколения собственных перспектив, от выбора продолжить жить на этой территории. Этот важный фактор для арктических районов остается недостаточно изученным.

Среди выезжающих в арктические районы высокий удельный вес прибывших с профессиональным образованием (табл. 3), что имеет особое значение для реализации крупных инвестиционных проектов.

Тем не менее, в 2017 г. арктические районы потеряли 876 человек с высшим образованием, 1011 человек со средним профессиональным и 987 человек со средним общим образованием. При этом из Булунского, Верхоянского и Усть-Янского районов выбыло 44,1% мигрантов с высшим профессиональным образованием, 4% – со средним профессиональным и средним общим образованием.

Таблица 3

Уровень образования мигрантов арктических районов Республики Саха (Якутия), 2017 г., %

	Прибыло	Выбыло
Всего	100,0	100,0
в том числе имеющие образование:		
- высшее профессиональное	22,4	25,8
- среднее профессиональное	24,2	29,8
- среднее общее	39,1	29,1

Составлено по: [2, 3]

Основными обстоятельствами смены места жительства выступают причины личного и семейного характера (28,0%, 2017 г.). В структуре отрицательного сальдо миграции арктических районов они устойчиво занимают первое место и преобладают в Нижнеколымском районе (35,5%), Усть –Янском (35,3%), Верхнеколымском районе (30,2%). Возвращение после временного отсутствия – вторая причина выезда из районов (20,0%). Третьей по важности причиной смены места жительства является учеба, сальдо учебной миграции отрицательное. Третья часть мигрантов выбывает на учебу из Момского, Жиганского, Среднеколымского, Верхоянского районов.

Таким образом, изменения, произошедшие в миграционных процессах, привели к сокращению численности населения арктических районов. Интенсивность миграционного обмена обусловлена ростом внутрорегиональной миграции при сохранении оттока сельского населения в городскую местность, оттоком молодежи, выездом лиц пенсионного возраста, вахтовым методом трудовой деятельности. Районы ощущают острую потребность в государственной поддержке, без которой устойчивое социально-экономическое развитие арктических территорий затруднительно.

Благодарность. Результаты исследований получены в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (тема «Географические и геополитические факторы в инерционности, динамике и развитии разно ранговых территориальных структур хозяйства и расселения населения Тихоокеанской России», № АААА-А16-116110810013-5. Раздел 2) при поддержке РФФИ (проект № 18-05-60103).

Литература

1. Возрастно-половой состав населения Республики Саха (Якутия): Статистический сборник: в 2 т. (т.2) / Саха (Якутия) стат. – Якутск, 2018. 99 с.
2. Миграция населения Республики Саха (Якутия): Статистический сборник: в 2 т. (т.2) / Саха (Якутия) стат. – Якутск, 2018. 68 с.
3. Демографический ежегодник Республики Саха (Якутия): Статистический сборник / Саха (Якутия) стат. – Якутск, 2018. 262 с.

Сведения об авторе:

Ушакова Валентина Леонидовна, научный сотрудник лаборатории социальной и медицинской географии ТИГ ДВО РАН.
ushakova@tigdvo.ru

Харитонов А.М.
Kharitonov A. M.

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ ЛЕСНЫХ РЕСУРСОВ ПРИМОРСКОГО КРАЯ

ON THE CURRENT STATE OF FOREST RESOURCES OF PRIMORRSKY KRAI

Состояние лесных ресурсов Приморского края продолжает ухудшаться. Попытки выправить положение административными мерами лишь слегка приостанавливают сложившееся положение, но уже вряд ли смогут коренным образом изменить ситуацию.

The state of forest resources of Primorsky Krai continues to deteriorate. Attempts to remedy the situation by administrative measures only slightly suspend the situation, but it is unlikely to be able to radically change the situation.

Ключевые слова. Приморский край, лесные ресурсы, дуб, ясень, липа.

Keywords: Primorsky Krai, forest resources, oak, ash, linden.

Введение.

Приморское законодательное собрание относительно недавно (25 сентября 2019 г.) приняло, наконец, постановление о запрете в крае рубок ясеня, дуба и липы. Однако почему-то именно это обстоятельство наводит автора данной статьи на тревожные мысли, которые только подтверждают его пессимизм на перспективы сохранения лесных ресурсов Приморского края в обозримом будущем. Не секрет, что лесная отрасль является одной из наиболее коррумпированных в стране в настоящее время. Так, в крае к уголовной ответственности уже привлекался даже один из руководителей Департамента лесного хозяйства, о чем сообщили средства массовой информации.

Методы и материалы.

Проблема рационального лесопользования заключается в создании условий для «...многоцелевого лесопользования, включающее в наиболее полном и оптимальном использовании всей территориальной совокупности функций лесных ресурсов для

удовлетворения социальных и экономических потребностей общества при соблюдении экологических требований» [6, с.50-51]. Поиску рациональных вариантов решения этой проблемы были посвящены работы многих экономистов и экономико-географов: А.С. Шейнгауза [9], В.К. Заусаева [2], Р.С. Моисеева [4], Н.Е. Антоновой [1] и др.

Историко-географический подход к изучению динамики запасов лесных ресурсов в Приморье, позволяет утверждать, что в сложившихся условиях принятие запрета на проведение рубок скорее свидетельствует о практически полном исчерпании в Приморском крае доступных для лесозаготовок ресурсов ясеня, липы и дуба. Похоже, сходным образом еще в советское время на землях, неоднократно пройденных рубками после исчерпания промышленных запасов древесины был организован Уссурийский заповедник. Но сколько десятков и сотен лет понадобится, чтобы хотя бы формально восстановить растроченные ресурсы?

В качестве источника информации в работе использованы данные Департамента лесного хозяйства Приморского края.

Результаты и их обсуждение.

На наш взгляд, принятие постановления не означает одномоментного прекращения лесозаготовок данных древесных пород. Даже запрет на заготовку в крае кедра еще с 1991 г. благополучно обходился за счет перевода его рубок с главного в промежуточное пользование лесом (в основном в санитарные рубки и рубки ухода) и в так называемые прочие рубки, проводимые в ходе прокладки дорог, линий электропередач и т.п.

Таблица 1
Объемы заготовок липы в Приморском крае, тыс. м³

Годы	Объем заготовок, тыс. м ³
2008	17,9
2009	24,9
2010	65,9
2011	67,9
2012	81,8
2013	106,2
2014	162,3

Составлено по данным [8].

Отмена запрета на рубки липняков больно ударила по интересам приморских пчеловодов, которым пришлось неоднократно обращаться к краевым властям с требованием запретить рубки в зонах развитого

пчеловодства. А ведь до 2007 г. липа в крае была полностью запрещена к рубке. Однако, пока суд да дело, объемы заготовок липы достигли угрожающих размеров (см. табл. 1). Большая часть заготовленной липовой древесины отправлялась в Китай, а в крае использовалось не более 10% от вырубленной древесины липы. При этом данные табл. 1 учитывают только официально признанные рубки липы, которые вполне могут быть в 3-5 раз выше на самом деле из-за распространенных в крае «теневого» рубок и особенностей лесного учета.

В подтверждение наших предположений приведем цифры возможных заготовок меда в Приморском крае в настоящее время, составляющие по расчетам порядка 55-60 тыс. т ежегодно (при этом в кедрово-широколиственных лесах 44,2 тыс. т) [3, с.38-39]. Однако еще 30-40 лет назад данная величина оценивалась специалистами в 90 тыс. т. [5 и др.].

Но площади лесов края по статистике за последние 50 лет практически не изменились, - могут заметить нам оппоненты, считая, что наши опасения надуманны. При этом они могут сослаться на материалы Департамента лесного хозяйства края, приведенные в табл. 2. Примерно так думают и поступают юристы, возглавляющие экологические комитеты в крае.

Таблица 2

Распределение площади лесного фонда Приморского края по группам древесных и кустарниковых пород в 1965 - 2018 гг., тыс. га (по данным Департамента лесного хозяйства Приморского края)

Показатель	Год учета					
	1965	1977	1987	1997	2007	2018
Площадь лесного фонда, всего	12079	11934,8	11930,9	11862,4	11913,4	11952,4
Покрытая лесной растительностью, всего	10778	11206,7	11159,6	11335,3	11441,6	11467,4
в том числе по хозяйствам:						
хвойное	6328,1	6196,6	6497,5	6328,1	6452,6	6308,8
твердолиственные	2301,4	3112,7	2932,8	3125,5	3124,3	3288,8
мягколиственное	1538,8	1858,7	1682	1829,3	1813,7	1818,8
кустарники	609,7	38,7	47,3	52,4	51	45,8

Но тем же юристам не следует обобщаться и тем, что величина лесозаготовок в Приморье отстает от величины ежегодной доступной расчетной лесосеки (равной порядка 7 млн. м³ в год). Резко возросшие объемы заготовок древесины от так называемых рубок ухода, которые еще с советских времен остряки метко прозвали «рубками дохода», способны вполне перекрыть потенциал, который кажется незадействованным. Да и величина «теневых» лесозаготовок в крае весьма значительна.

Выводы.

Таким образом, использование только одного показателя не позволяет наиболее полно отобразить ценность современных лесов по сравнению с прошлыми годами. Ведь запас древесины в период действия только прежнего лесного плана снизился примерно на 1,8 м³ на 1 га, а спелых и перестойных насаждений на 2,5 м³ [7]. Вероятно, фиксируемое снижение было бы еще больше, если бы лесоустройство в Приморье не было временно приостановлено из-за отсутствия финансирования на местном уровне. Да и сами отражаемые статистикой материалы в лучшем случае отстают от действительных еще лет на 10-15 из-за того, что фактическое лесоустройство проводится на местах периодически, а не постоянно.

Кроме того, лукавая лесная статистика сегодня относит, например, к кедровым лесам площади, которые лет 50-60 назад воспринимались ею лишь как леса с примесью кедра. Так что сравнение материалов 1950-х гг. с современными без подобных корректировок явно будет не совсем верным. При этом видовое разнообразие животных и растений в замещающих кедровники вторичных лесах снижается порой на 20-25%.

Да и в местные СМИ уже просочились панические настроения, что в ближайшие 5-7 лет край окончательно лишится своих лесов. В отношении наиболее доступных лесов края эту точку зрения, к сожалению, приходится считать вполне вероятной. Запоздалые меры в попытке спасти последние остатки наиболее ценных лесов в Приморском крае, конечно, лучше, чем ничего, но вряд ли изменят ситуацию коренным образом в ближайшее время.

Пока же можно предсказать, что к 2025 г. запас хвойной древесины в Приморском крае может сократится не менее, чем на 2-3% по сравнению с данными учета 2017 г. Произойдет и дальнейший сдвиг основной массы лесозаготовок на северо-восток края, где следует ожидать максимальные нарушения в функционировании лесных экосистем.

Литература

1. Антонова Н.Е. Лесная политика: региональные проявления. – Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2010. 224 с.
2. Заусаев В.К. Структурные диспропорции в лесной индустрии Дальнего Востока: причины и пути устранения // Вест. ДВО АН СССР. - 1990. - № 1. - С. 121-128.
3. Лесной план Приморского края. Т.1. Владивосток, 2018. 169 с.
4. Моисеев Р.С. Избранное в 3-х томах. Том 1. Россия и Дальний Восток. Геополитические и социально-экономические аспекты развития / Р.С. Моисеев. – Петропавловск-Камчатский.: Изд-во КамГУ имени Витуса Беринга, 2007. 245с.
5. Приморский край. - Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1981. 464 с.
6. Региональное природопользование: методы изучения, оценки, управления / П.Я. Бакланов, П.Ф. Бровко, Т.Ф. Воробьева и др.; Под ред. П.Я. Бакланова, В.П. Каракина: Учебное пособие. – М.: Логос, 2002. 160с.
7. Харитонов А.М. Проблемы оценки современной динамики лесоресурсного потенциала регионов России (на примере Приморского края) // Геополитика и экогеодинамика регионов. Том 4 (14). Вып. 4. 2018 г. С. 109–122.
8. Чипизубова М.Н. Липа в лесах Приморского края: проблема сохранения // Комаровские чтения. Вып. LXIV. Владивосток, 2016. С. 101-118.
9. Шейнгауз А.С. Многоцелевое лесопользование: опыт разработки системы понятий // География и природные ресурсы. 1984. №2. С. 11-19.

Сведения об авторе.

Харитонов Александр Михайлович, научный сотрудник, Тихоокеанский институт географии ДВО РАН (г. Владивосток), mavr@tig.dvo.ru, (4232) 37-59-28

Цоберг О.А.
Zorberg O.A.

СПЕЦИФИКА УСЛОВИЙ И ХАРАКТЕРА ПРЕСТУПНОСТИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

SPECIFICS OF THE CONDITIONS AND NATURE OF CRIME IN THE BORDER AREAS OF THE SARATOV REGION

В работе раскрыты основные факторы, влияющие на уровень и виды преступности в пограничной Саратовской области. В настоящее время в приграничных районах региона необходимо выявлять специфику преступности для снижения рисков во взаимодействии с соседним государством.

The paper reveals the main factors affecting the level and types of crime in the border Saratov Region. Currently, in the border areas of the region, it is necessary to identify the specifics of crime in order to reduce risks in cooperation with a neighboring state.

Ключевые слова: преступность, уровень и виды преступности, пограничное положение, Саратовская область.

Keywords: crime, level and types of crime, border situation, Saratov region.

После распада Советского Союза Саратовская область, бывшая на протяжении трех столетий глубинной территорией, превратилась в пограничный регион. Пограничное положение имеет как преимущества, так и недостатки: на границе Саратовской области и Республики Казахстан отсутствуют напряженные политические отношения, однако и экономические отношения недостаточно развиты. На 6 пограничных районов области приходится 550 км государственной границы с выходом в Центральную и Среднюю Азию и далее — в Китай, вторую экономику мира. Таким образом, выделяются два важных фактора, которые определяют положение Саратовской области в системе российских регионов. Для него характерны отдаленность от основных, наиболее развитых регионов страны, а также пограничность и транзитность. Россия и Казахстан входят в Единое экономическое пространство, в связи с чем с 2012 г. пересечение границы происходит в безвизовом режиме. Однако даже при отсутствии естественных препятствий данная граница в регионе является малопроницаемой, а коэффициент проницаемости составляет

всего лишь 0,002. Маргинальные территории (территории, прилегающие границе), при слабой проницаемости границ, превращаются в далекую периферию, каждую для своей страны, что не выгодно для каждого государства.

Замедление экономического развития, связанного с периферийностью, способствует распространению проявлений преступности.

Цель исследования — выявить и показать территориальные особенности преступности в Саратовской области.

Как известно, на уровень преступности влияет комплекс факторов, в том числе: геокриминогенное положение, пенитенциарный, демографическая и социально-экономическая ситуация, а также природно-географический, этнический, расселенческий и др.

Численность населения Саратовской области составляет около 1,7% общей численности населения РФ. С 1997 года население региона начало сокращаться, причем депопуляция опережала среднероссийские темпы. Основной причиной сокращения численности населения выступает миграция, на которую накладываются негативные тенденции естественного движения населения в виде убыли. Также отмечается неравномерное распределение населения по территории рассматриваемого региона. В городах и городских поселениях сосредоточено почти 75% населения области, из них в областном центре сконцентрировано почти 45% всего городского населения. [1]. Основная часть населенных пунктов сосредоточена в Правобережной и в приволжских Левобережных районах, вдоль трасс федерального значения широтного и меридионального хода. Для востока и юго-востока в Левобережье региона наиболее характерна очагово-рассеянная организация населения по аграрно-промышленным узлам. К примеру, в Озинском районе средняя плотность населения составляет 4,1 чел. на 1 кв. км при среднерегиональной - 23,92 чел.

Высокая плотность населения является фактором, обуславливающим частичное ухудшение качества жизненного пространства и рост криминальной активности вследствие концентрации населения в городах, его маятниковой подвижности, деформацией семейно-брачных отношений, анонимностью проживания и т.д.

Характеризуя криминальную ситуацию в Саратовской области, можно отметить, что в период с 2015 по 2018 гг. обстановка по уровню преступности практически не изменилась: даже прослеживается ее снижение на 3%. [2] Это связано с тем, что в 2016 г. показатели по

количеству регистрируемой преступности в целом были снижены. За рассматриваемый период в области складывалась достаточно благоприятная ситуация по состоянию и уровню преступности - по сравнению с другими регионами Приволжского федерального округа она была ниже среднего.

Однако, если рассматривать показатели по видам преступности, то следует отметить, что Саратовская область выступает лидером по росту регистрируемых преступлений в сфере мошенничества. В области отмечается высокий латентный уровень безработицы (2017 г. - 4,9; 2018 — 4,8), низкий уровень заработных плат. При этом увеличение количества жителей с высшим образованием способствует повышению конкуренции на рынке труда, более агрессивному конкурентному поведению за рабочее место. Область является многонациональной, что также провоцирует появление конфликтов на межнациональной основе. Большое количество маятниковых мигрантов из сел и поселков городского типа, малых городов перемещаются в поисках места работы, чаще всего в Саратов, Энгельс и Балаково. Саратовскую область с начала 2018 г. транзитом проехали 1,1 млн. мигрантов, поток увеличился в 4 раза по сравнению с аналогичным показателем 2017 г. [3]. На криминогенную обстановку это влияет отрицательно.

Одним из наиболее негативных видов преступлений выступает преступность, связанная с незаконным оборотом оружия, которая в Саратовской области находится на самом высоком уровне по сравнению с другими регионами ПФО. [4]. Это критически опасное преступление, тем более, что регион приграничный.

Озинский район — одна из тех маргинальных территорий, где расположен единственный в области пограничный пропускной пункт с Казахстаном. Район периферийный как с точки зрения размещения, так и развития экономики. Несмотря на имеющийся разведенный природно-ресурсный капитал, основное направление — сельское хозяйство и частично строительная отрасль. На рынке труда отсутствует разнообразие на фоне перманентного сокращения рабочих мест, и социально-экономическое положение детерминирует девиантное поведение жителей района и криминогенную обстановку.

В основном Озинский район отличается невысоким уровнем преступности — на 2018 год 99,4 преступлений на 10 тыс. населения (по Саратовской области 1178,7 на 100 тыс. населения). Фактором, влияющим на низкую криминогенную обстановку, выступает демографическая ситуация с учетом низкой плотности населения, небольшой людности поселений (до 1000 чел.) и преобладающим

сельским населением. Соседско-родственные отношения также обуславливают повышение социального контроля, что способствует более быстрой раскрываемости преступлений. К примеру, в 2018 г. общая раскрываемость преступлений в районе составила 81,3%, тяжких и средней тяжести — 78,3% и 81,5% соответственно. [5].

Фактор экономики также в позитивном ключе определяет уровень преступности. В 2018 г. отмечено увеличение производства сельскохозяйственной и промышленной продукции, и, как следствие, повышение средней заработной платы по району на 15,9% . Одновременно с этим за период 2016-18 гг. отмечен высокий уровень преступности, совершенной лицами, не имеющих постоянного источника доходов, ранее судимых, в состоянии алкогольного опьянения. Соответственно, достаточно часто наблюдается преступность в экономической сфере — кражи, грабежи, разбои, в том числе, кражи из квартир, транспортных средств, кражи скота, в торговых точках, магазинах, складах, базах и т.д.

Близость с Республикой Казахстан дает возможность освоения новых рынков сбыта продукции и развития партнерских отношений: на территории Казахстана востребованы услуги в сфере строительства и торговли российскими товарами. Однако развитие двусторонних экономических отношений приграничных районов тормозит неудовлетворительное состояние федеральной трассы Саратов — Уральск, выступая негативным фактором.

Приграничное положение может способствовать проявлениям преступлений международного характера. В целях преотвращения таких преступлений в районе в 2018 г. была проведена реорганизация: создано самостоятельное полицейское отделение для укрепления правопорядка во избежание преступлений международного характера, борьбы с экстремизмом и терроризмом, для отслеживания миграционных потоков и недопущения межнациональных конфликтов. [5]. На территории района сотрудниками отделения полиции на постоянной основе проводятся мероприятия по выявлению и профилактике правонарушений, преступлений, совершаемых в сфере миграции иностранными гражданами. К примеру, за 2017 г. к административной ответственности за нарушение правил пребывания иностранных граждан было привлечено 5572 чел. (+4422% к 2016 г.). [5].

Также к данному типу преступлениям относятся незаконное оказание транспортных услуг, незаконная постановка на миграционный учет и незаконное пребывание в РФ иностранных граждан. Однако преступность, связанная с незаконным оборотом

наркотиков, оружия в районе относительно невысока, что обусловлено сельским образом жизни.

Таким образом, на невысокий уровень преступности в приграничных районах Саратовской области значимое влияние оказывают следующие факторы: демографический, социально-экономический, селитебный. В перспективе главными условиями снижения уровня преступности станет стабильность социально-экономического положения территории, активизация развития социального контроля за состоянием внутренней и внешней обстановки на сопредельных, маргинальных территориях Саратовской области и Казахстана, эффективного внутреннего перераспределения трудовых ресурсов.

Литература

1. Население Саратовской области [Электронный ресурс] URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

2. Прокуратура Саратовской области — статистика о преступности [Электронный ресурс] URL: <http://krasnoarmejsk.org/201701123432/Kriminal/prokuratura-sarovskoj-oblasti-opublikovala-statistiku-o-prestupnosti-po-itogam-proshlogo-goda.html> (дата обращения 21.02.2020). Загл. с экрана. Яз. рус.

3. Министерство занятости, труда и миграции Саратовской области [Электронный ресурс] URL: <http://www.mintrud.saratov.gov.ru/press/news> (дата обращения 26.02.2020) Загл. с экрана. Яз. рус.

4. Правонарушения. Федеральная служба [Электронный ресурс] URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/rustatistics/population/infraction (дата обращения 20.02.2020). Загл. с экрана. Яз. рус.

5. Фондовые материалы Отделения МВД Российской Федерации Саратовской области по Озинскому району.

Сведения об авторе:

Цоберг Ольга Алексеевна, Кандидат социологических наук, доцент, Доцент кафедры экономической и социальной географии, Географический факультет ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского», г. Саратов ; E-mail: olga.tsoberg@yandex.ru ; Контактный телефон: +7 (927) 620-27-77

Чугунова Н.В., Кухарук Н.С.
Chugunova N.V., Kuharuk N.S.

**ПРОЦЕССЫ УРБАНИЗАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ
МЕТРОПОЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТОЛИЦ
ПРИГРАНИЧНЫХ ОБЛАСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНО-
ЧЕРНОЗЕМНОГО РАЙОНА РОССИИ**

**URBANIZATION PROCESSES IN FORMING OF
METROPOLITAN AREAS OF REGIONAL CAPITALS OF
BORDER TERRITORIES WITHIN CENTRAL-CHERNOZEM
REGION OF RUSSIA**

В данной статье рассмотрено формирование метрополисов региональных центров приграничных областей Центрально-Черноземного района России как следствие развития процессов урбанизации.

This article reviewed the processes of forming the regional capitals of border territories within Central-Chernozem region of Russia under urbanization influence.

Ключевые слова. Метрополизация, метрополисы, население, приграничье, поляризация.

Keywords. Metropolisation, metropolises, population, border territories, polarization

Введение.

В регионах России увеличиваются экономические и социальные контрасты в развитии территорий, поляризация становится причиной социальной напряженности. [1]. Вне внимания многих отечественных исследователей (за небольшим исключением [2, 3, 4]) остается изучение различий организации расселения между метрополисами и периферией, периферией внутренней и пограничной.

Предметом исследования данной статьи являются процессы урбанизации в приграничных с Украиной областях Центрально-Черноземного района - Белгородской, Воронежской, Курской.

Основные задачи исследования: оценка процессов урбанизации в Центрально-Черноземном районе; выявление метрополизации региональных столиц приграничных областей Центрально-

Черноземного района России; определение развития процессов субурбанизации.

Методология. Под региональной метрополией (метрополисом) понимается главный город - центр политической, экономической жизни с повышенной концентрацией городского населения – верхний уровень в иерархии региональной системы расселения. Метрополизация - процесс развития метрополии, доминирования столичного центра в социально-экономическом, политическом и пространственном аспектах.

Результаты исследования.

К актуальным проблемам результатов и следствий процессов урбанизации, развития метрополизации областей Центрально-Черноземного района, требующих обсуждения научным сообществом, мы относим, обнаруженные при изучении нашего предмета исследования, следующие процессы и явления.

1. Сокращение численности населения района с 7997 тыс. человек в 1970 г. до 7142 тыс. человек в 2019 г. (11%) с дифференциацией процессов во времени и пространстве, как следствие демографических процессов [5]. Стабильным ростом (25%) населения выделялась лишь Белгородская область вследствие миграционного притока (рис. 1).

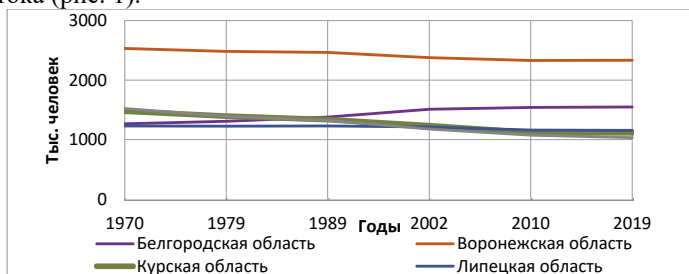

Рис. 1. Численность населения областей Центрально-Черноземного экономического района 1970-2019 гг. (тыс. чел.). Составлено по источникам: [6].

2. Бурное развитие урбанизации протекало в условиях взаимного влияния социально-экономических, демографических, институциональных факторов и сопровождалось ростом городского и неустойчивостью сельского расселения. Рост городского населения в последней четверти XX века был стремительным в связи с низким пороговым значением первой фазы урбанизации: в сельских поселениях (1970 г.) проживало от 54% в Воронежской до 67%

населения Курской области, но урбанизационный переход был закономерен и неизбежен, и численность городского населения уже к концу 70-х гг. XX столетия превзошла число сельских жителей, урбанизация ЦЧР вступила в фазу «зрелости» [7].

3. Процессы урбанизации, совпавшие с индустриализацией, способствовали трансформации всей системы расселения, изменению ее конфигурации. Отставание села от экономического и социального развития города привело к ускорению оттока населения из сел, дифференцированному падению его численности (рис. 2).

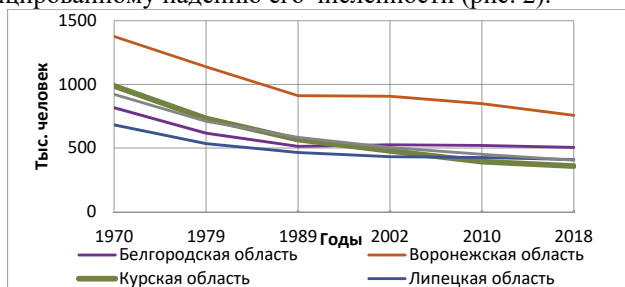

Рис. 2. Динамика численности сельского населения Центрально-Черноземного района. 1970-2018.гг., тыс. чел. Составлено по источникам [6, 8].

В Курской области численность сельского населения сократилась на две трети, Тамбовской – наполовину. Закономерным результатом развития процессов урбанизации стал опережающий рост городского населения.

4. Приграничные с Украиной районы ЦЧР обладают разным по масштабам демографическим потенциалом (табл. 1).

Таблица 1

Динамика численности населения приграничных с Украиной областей Центрально-Черноземного района, тыс. чел. 2002-2019 гг.

Области	Численность всего населения		Численность городского населения		Численность сельского населения		Численность населения приграничных районов	
	2002 г.	2019 г.	2002 г.	2019 г.	2002 г.	2019 г.	2002 г.	2019 г.
Белгородская	1512	1547	986	1044	526	504	414	419
Воронежская	2379	2328	1474	1579	905	749	137	126
Курская	1235	1107	756	755	479	352	160	116
Всего по областям	5126	4982	3216	3378	1910	1605	711	661
ЦЧР	7519	7142	4672	4736	2847	2406	711	661

Составлено по источникам [6].

Лидер - Белгородская область (по 27% численности населения области в 2002 и 2019 гг.), второе место у Курской области (13% и 10% соответственно) и в Воронежской – 6% и 5%. Доля населения собственно приграничных районов ЦЧР относительно невелика – 9,5% в 2002 г. и 8,8% в 2019 г., но тенденция сокращения явная. Увеличение численности населения в приграничных районах Белгородской области вызвано ростом числа жителей в пригородной зоне метрополиса – Белгородском пограничном районе (38%), в одном из девяти порубежных МО, радикально изменившим общую картину в области (табл. 2).

Таблица 2

Индексы роста/убыли численности населения приграничных областей Центрально-Черноземного района. 2002-2019 гг., %

Области	Все население 2019 г. к 2002 г., %	Городское население, 2019 г. к 2002 г., %	Сельское население 2019 г. к 2002 г., %	Население приграничных районов 2019 г. к 2002 г., %
Белгородская	102,3	105,9	95,8	101,2
Воронежская	97,9	107,1	82,8	91,9
Курская	89,6	99,9	73,5	93,0
Всего по областям	97,2	105,0	84,0	92,9
ЦЧР	95,0	101,4	84,5	92,9

Составлено и рассчитано авторами по данным источников [6].

5. Закономерности развития урбанизации таковы, что фаза роста численности городского населения сменилась концентрацией населения в крупных городах и городских агломерациях областных центров, городах–метрополисах: полицентричной (двухполюсной) метрополитизацией Белгородской области (Белгород, Старый Оскол), формированием метрополиса - города-миллионера – Воронеж и метрополиса – города Курск (табл. 3).

Таблица 3

Демоурбанистическая структура метрополисов приграничных областей Центрально-Черноземного района.

Численность и доля населения метрополисов	Белгород		Старый Оскол		Воронеж		Курск	
	2002 г.	2019 г.	2002 г.	2019 г.	2002 г.	2019 г.	2002 г.	2019 г.

Численность населения, тыс. чел.	337	392	216	224	849	1054	412	449
Доля в общей численности населения области, %	22,3	25,3	14,3	14,5	35,7	45,3	33,4	40,6
Доля в численности городского населения области, %	34,2	37,5	21,9	21,5	57,6	66,8	54,5	59,5

Составлено и рассчитано авторами по данным источников [6].

За пределами региональных метрополисов (полупериферия и периферия в градиенте «центр-периферия») находилось в 2019 г. от 40% до 55% численности населения. Развитие метрополисов подвело черту экстенсивному развитию урбанизации, ее переходу в следующую фазу - субурбанизации.

6. Метрополизация расширяет урбанизированные территории, пригородные зоны метрополисов. Процессы субурбанизации наибольших масштабов достигли в Белгородской области. Анализ участков, выделенных с 2007 по 2017 гг. Белгородской Ипотечной корпорацией населению, свидетельствует о дальнейшем стягивании населения в двух метрополисных ареалах: из 34 тыс. участков на Белгород и Белгородский район приходится 69%, Старооскольско-Губкинскую агломерацию – 20%, на остальную территорию области – 11%. Произошли изменения в перераспределении земельного фонда областей: в 2004-2019 гг. земли населенных пунктов увеличилась в Белгородской области с 11,8% до 12,8%, Курской (2005-2019 гг.) с 13,9% до 14,1% и лишь в Воронежской области уменьшились с 8,8% до 8,5% в результате предоставления земель юридическим и физическим лицам, уточнения материалов съемок, корректировок, инвентаризации земель.

Резюме.

Изучение процессов урбанизации в Центрально-Черноземном районе позволило установить определенные закономерности: опережающий рост численности городского населения с межобластными особенностями, устойчивое формирование региональных метрополисов, расширение урбанизированных территорий. Для управления урбанизацией каждой из столиц приграничных областей Центрально-Черноземного района необходимо учитывать стадии ее эволюции и применять специфические стратегии.

Благодарность. Публикация подготовлена в рамках подержанного РФФИ научного проекта № 20-05-00074.

Литература

1. Чугунова Н.В., Н. В. Лихневская. Пространственная дифференциация уровня жизни населения как отражение диспропорций социально-экономического развития (на примере Белгородской области) // Известия РАН. Серия географическая. 2019. №3. - С. 28-40.
2. Дружинин А.Г. Метрополизация и региональные метрополии: универсальное и специфическое в южнороссийском контексте // Научная жизнь Кавказа. 2010. №.3 - С. 57-62.
3. Дружинин А.Г. Пространство региональной метрополии: возможности и барьеры постиндустриального развития // Южно-российский форум. 2012. №2 (5) - С. 3-14.
4. Гонтарь Н.В. Метрополизация как территориальный феномен и фактор капитализации территории // Региональная экономика: теория и практика. 2015. №10 (385). - С. 27-35.
5. Чугунова Н.В., Полякова Т.А., Романов И.В. Результаты и тренды развития региональной системы расселения в эпоху неолиберальной урбанизации (на материалах Белгородской области) // Географический вестник. 2019. №2 (49). - С. 34-45.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. / Режим доступа: <https://www.gks.ru/folder/210/document/13204>.
7. Слука Н.А. Градоцентрическая модель мирового хозяйства. М: Пресс-Соло. 2005. - 128 с.
8. Крупко А.Э. Проблемы развития сельского расселения ЦЧР Вестник ВГУ. Серия: География. Геоэкология. 2001. №.1. — С. 64-69. Режим доступа: <https://rucont.ru/efd/513769>.

Сведения об авторах:

Чугунова Надежда Васильевна. К.г.н., доцент каф. природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле Белгородского государственного национального исследовательского университета. Chugunova@bsu.edu.ru. Тел. +79102266202.

Кухарук Наталья Степановна. К.б.н., доцент каф. природопользования и земельного кадастра Института наук о Земле Белгородского государственного национального исследовательского университета. kuharuk@bsu.edu.ru

Яковенко Н.В.
Yakovenko N.V.

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОЦЕНКЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
ЭКОНОМИКИ**

**SCIENTIFIC AND METHODOICAL APPROACH TO THE
ASSESSMENT OF HUMAN CAPITAL IN THE DIGITAL
ECONOMY**

В статье раскрыты научные подходы к изучению человеческого капитала в условиях цифровой экономики. Отсутствие единого научно-методического подхода вызывает необходимость рассмотрения этого вопроса в научной литературе. Дана характеристика основных этапов становления теории человеческого капитала. Показано, что в условиях цифровизации экономики человеческий капитал выступает драйвером экономического роста.

The scientific approaches to the study of human capital in the digital economy have been revealed. The ambiguity of the interpretation of the concept of “human capital” determines the diversity of approaches to its measurement and assessment. The lack of a unified scientific and methodical approach necessitates consideration of this issue in the scientific literature.

Ключевые слова: научно-методический подход, цифровая экономика, человеческий капитал.

Key words: scientific and methodical approach, digital economy, human capital.

Основным направлением развития мировой экономики является создание новых сегментов ИТ и сетевой экономики, связанных с оцифровкой, сетями, биопараметрической идентификацией и внедрением систем искусственного интеллекта на основе глобальных нейронных сетей. Человеческий капитал высококвалифицированных сотрудников становится важным сетевым ресурсом и фактором высокой динамики мировой цифровой экономики и успеха в условиях постоянного роста глобальной конкуренции на рынке инноваций. В основу теории человеческого капитала заложен огромный запас научных взглядов и положений, который дает возможность определить суть, содержание, подходы и способы его оценки. Рассматривая историю становления теории человеческого капитала ее точкой отсчета

можно считать XVIII в. Адам Смит ссылался на эту концепцию в своей книге «Исследование природы и причин богатства наций» [1], в которой он исследовал богатство, знания, обучение, таланты и опыт для нации. Он предполагает, что улучшение человеческого капитала посредством обучения и воспитания ведет к более прибыльному предприятию, которое увеличивает коллективное богатство общества.

В более поздние времена этот термин использовался для описания труда, необходимого для производства промышленных товаров. Но самая современная теория была использована несколькими различными экономистами, включая Гэри Беккера [2] и Теодора Шульца [3], которые предложили этот термин в 1960-х г., чтобы отразить ценность человеческих способностей. Т. Шульц считал, что: «..человеческий капитал, как и любая другая форма капитала, способствует повышению качества и уровня производства. Для этого потребуются инвестиции в образование, профессиональную подготовку и повышение уровня благосостояния сотрудников организации» [3].

Но не все экономисты согласны с этим. По мнению гарвардского экономиста Р. Фримена [4], человеческий капитал-это признак таланта и способностей. Для того, чтобы бизнес действительно стал продуктивным, он сказал, что ему необходимо обучать и мотивировать своих сотрудников, а также инвестировать в капитальное оборудование. Он пришел к выводу, что человеческий капитал не является производственным фактором. В систематизированном виде теория человеческого капитала представлена в трудах классиков политэкономии: У. Петти, А. Смита, Д. Риккардо, К. Маркса.

Дальнейшее развитие теория человеческого капитала получила в моделях, описывающих экономическое поведение человека в определенной социальной среде. Это нашло отражение в работах Дж. Минцера [5], Л. Туроу [6] и др. Согласно определению Л. Туроу: «Человеческий капитал людей представляет собой их способность производить предметы и услуги» [6]. И. Бен-Порет писал, что: «...человеческий капитал можно рассматривать как особый «фонд, функции которого - производство трудовых услуг в общепринятых единицах измерения и который в этом своем качестве аналогичен злобой машине как представительнице вещественного капитала» [7].

Ф. Махлуп предлагает различать первичные и усовершенствованные способности. «... Неусовершенствованный труд, - пишет он, - нужно отличать от усовершенствованного, ставшего более производительным благодаря вложениям, которые увеличивают

физическую и умственную способность человека. Подобные усовершенствования составляют человеческий капитал» [8].

Таблица 1

Теоретические подходы к трактовке категории «человеческий капитал»

Подход	Представители	Определения понятия «человеческий капитал»
Человеческий капитал как запас способностей, знаний, навыков, используемых в деятельности	Дж.С. Уолш, Л.С. Торуо, У. Боуэн, В.Н. Костюк, Т.Е. Дрок, Ю.П. Бойко	Капиталом является не сам человек, а унаследованные и приобретенные им способности к труду, а также образование и квалификация (Дж.С. Уолш). Человеческий капитал представляет способность индивидуума к производству товаров и услуг, его производственные способности и знания (Л.С. Торуо).
Человеческий капитал как запас способностей, знаний и других характеристик, позволяющих получать более высокие доходы в будущем	Г. Беккер, Т.У. Шульц, Ф. Махлуп, И. Фишер, Е.В. Бобкова, Н.А. Майорова, С.М. Климов	Капиталом является все то, что представляет собой источник будущих удовольствий, заработков, любой актив — физический или человеческий, обладающий способностью генерировать поток будущих доходов (Т.У. Шульц). Человеческий капитал — увеличивающиеся интеллектуальные и умственные способности человека, делающие его способным производить экономические блага в большем объеме и лучшего качества, получать более высокие доходы. (Ф. Махлуп).
Человеческий капитал как сформированный в результате инвестиций запас способностей, знаний и других характеристик, позволяющий получать более высокий доход в будущем	С.А. Дятлов, Е.Д. Цыренова, Р.И. Капелюшников, В.Т. Смирнов, И.В. Скоблякова, И.Т. Корогодин, А.Н. Добрынин, С.А. Дятлов	Сформированный в результате инвестиций накопленный запас знаний, здоровья, мотивации, способностей, которые целесообразно используются в той или иной сфере общественного производства, содействуют росту производительности труда и тем самым влияют на рост доходов этого человека (С.А. Дятлов). Человеческий капитал — это экономическая категория, представляющая совокупность содержательных способностей, личных качеств, накапливаемых за счет инвестиций, используемых в национальном хозяйстве в течение определенного периода времени с целью получения доходов в будущем (Е.Д. Цыренова).
Человеческий капитал как всеобщее-конкретная форма человеческой жизнедеятельности	М.М. Критский Л.Г. Симкина	Человеческий капитал — всеобщее-конкретная форма человеческой жизнедеятельности, ассимилирующая предшествующую форму производительную и потребительную, адекватные эпохам производящего и присваивающего хозяйства и осуществляющуюся как итог исторического движения общества к современному состоянию (М.М. Критский). Человеческий капитал — основанное на экономии времени обогащение жизнедеятельности, которое является основным отношением современной инновационной системы (Л.Г. Симкина).

В научных трудах Дж. Стюарта Милля, К. Маркса, Л. Вальраса и некоторых других ученых, в той или иной мере акцентировалось внимание на значении в экономическом процессе определенных квалификационных характеристик работников, которые способствуют или, наоборот, препятствуют достижению хозяйственных целей. Швейцарский экономист Л. Вальрас [9] представил теорию предельной полезности, где ценность товаров определяется их предельной полезностью на базе субъективных оценок человеческих потребностей.

Проводя анализ производственных издержек, он обозначил роль живого труда в их формировании. В российской науке научные взгляды на теорию человеческого капитала начали формироваться в 90-е г. XX в. Здесь следует отметить труды М.М. Критского, С.А. Дятлова, И.В. Ильинского, В.И. Романчина, А.Л. Лукьяновой и др.

Анализ научных работ в области развития человеческого капитала дает возможность выделить три этапа в развитии основных теоретических положений:

Начало 1960-х г. – первый этап развития теории человеческого капитала. В это время категория «человеческий капитал» начинает интенсивно рассматриваться в различных научных публикациях, но в «узком смысле» - по отношению к знаниям, навыкам и умениям человека. В основном, она использовалась для анализа финансовых методов оценки человеческого капитала.

1970–1990 гг. – это второй этап развития теории человеческого капитала. В это период происходит усложнение подходов к оценке человеческого капитала (учитываются инвестиции (вложения) в охрану и поддержание здоровья, профессиональное обучение, развитие, а также профессиональную мобильность населения).

Начало 1990-х г. и по настоящее время – это третий этап развития теории человеческого капитала. Человеческий капитал характеризуется как источник конкуренции. В этот период разрабатываются подходы к оценке величины человеческого капитала и его нематериальной составляющей.

Под влиянием различных взглядов на теорию человеческого капитала постепенно усложнялась его структура и в соответствии с этим можно наблюдать эволюцию ее развития (рис.1).

Факторы, которые оказывают влияние на формирование человеческого капитала, можно подразделить на следующие группы: социально-демографическая, социально-ментальная, экономическая, социально-экономическая, экологическая. Анализ многочисленных публикаций показывает, что в современной научной мысли существует множество трактовок данной категории, но всех их объединяет общее:

«запас знаний, умений и навыков». Сопоставив различные взгляды на определение и понимание человеческого капитала, можно заключить, что в принципе существует микроэкономический и макроэкономический подход. С микроэкономической точки зрения существует два основных подхода. С точки зрения экономики бизнеса, человеческий капитал рассматривается как фактор производства.

Рис. 1. Подходы к оценке категории «человеческий капитал» в эволюционном аспекте (сост. по [10])

Рис. 2. Структура человеческого капитала (сост. по [11]).

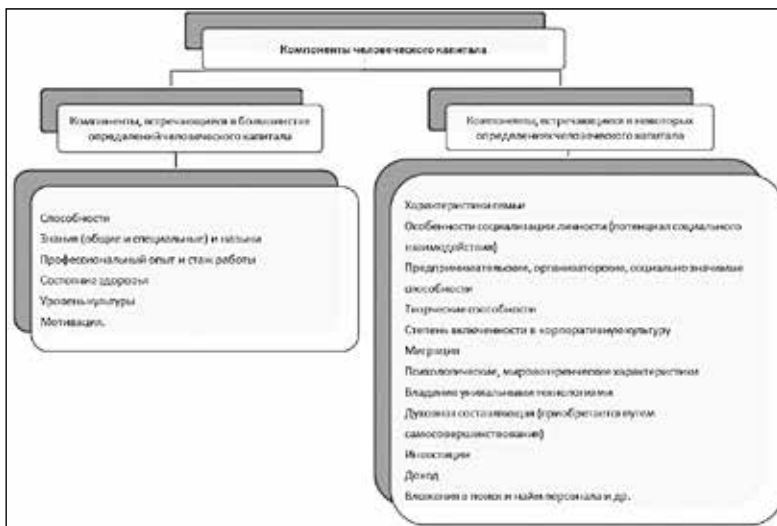

Рис. 3. Компоненты человеческого капитала (сост. по [11]).

С точки зрения управления человеческий капитал рассматривается как бизнес-ресурс или актив, составляющий часть рыночной стоимости компании. Макроэкономический подход рассматривает человеческий капитал как один из факторов производства, соответственно источник экономического роста.

Становится понятно, что для управления процессом развития человеческого капитала необходимо научиться его измерять, но до настоящего времени не существует единого подхода к определению и методам расчета человеческого капитала. Используется в научной литературе достаточно большое количество разнообразных методов, но не все могут быть применимы на практике. Так, например, основным методом оценки человеческого капитала на макроуровне является индекс развития человеческого потенциала, который основан на трех показателях: долголетие и здоровье (индекс продолжительности жизни), знания (индекс образования), достойный уровень жизни (индекс ВНД). Это подход используется главным образом на государственном уровне органами власти для оценки эффективности вложения инвестиций в повышение качества человеческого капитала.

Составляющие человеческого капитала оценивают на разных иерархических уровнях: «...микроуровень — человеческий капитал на

индивидуальном уровне; человеческий капитал предприятий и фирм; мезоуровень — человеческий капитал крупных корпораций и регионов; макроуровень — совокупный человеческий капитал в масштабах национальной экономики (общества); мегауровень — объединенный человеческий капитал в глобальном, мировом масштабе. При всем многообразии методик выделяют несколько базовых подходов к оценке, основой которых являются учет инвестиций в развитие человеческого капитала, капитализации отдачи, натуральных индикаторов (навыки, компетенции, грамотность населения и пр.)» [12].

Зарубежные исследователи, закладывая в основу человеческого капитала совокупность накопленных знаний, умений, навыков, выделяют в его составе «образовательные навыки и навыки социализации», с учетом этого формируются разные подходы к оценке человеческого капитала, такие как построение тестирования, собеседования и т.д. Заслуживает внимания разработанная в Университете Мичигана модель оценки человеческого капитала - модель индивидуальной стоимости работника [13, 14]. Суть модели состоит в том, что индивидуальная ценность работника определяется объемом услуг, который, как ожидается, работник предоставит или реализует, работая в данной организации, т.е. так называемая ожидаемая условная стоимость работника – это потенциальный доход, который принесет работник. Таким образом, человеческий капитал играет значимую роль в современной экономике. Он является наиболее ценным воспроизводимым фактором производства. Его качество определяется инвестициями в сферу образования, здравоохранения, науки и др. Можно сформулировать основные выводы:

- человеческий капитал - это совокупность знаний, умений, навыков, опыта и социальных качеств, которые способствуют способности человека выполнять работу таким образом, который создает экономическую ценность;
- как работодатели, так и наемные работники вносят существенные инвестиции в развитие человеческого капитала;
- теория человеческого капитала-это попытка количественно оценить истинную стоимость инвестиций в человеческий капитал и тесно связана с областью человеческих ресурсов;
- образование и здравоохранение являются ключевыми качествами, которые улучшают человеческий капитал, а также непосредственно способствуют экономическому росту;
- понятие человеческого капитала можно проследить еще до трудов шотландского экономиста и философа XVIII в. Адама Смита.

Представленные в данной статье подходы дают возможность обобщить и провести классификацию наиболее актуальных мнений о человеческом капитале. Развитие теории человеческого капитала, подходы к его оценке являются ответом на проблему более глубокого анализа роли человека и результатов его деятельности на темпы и качество развития экономики и общества.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07400 мк

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of the scientific project No. 19-29-07400 mk

Литература

1. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / [Вступ. статья и коммент. канд. экон. наук В. С. Афанасьева]. – М.: Соцэкгиз, 1962. 684 с.
2. Becker G. Human capital [Electronic resource]. URL: <http://www.econlib.org/library/Enc/HumanCapital.html> (accessed 11.02.2020).
3. Schultz T.W. Investment in Human Capital// The American Economic Review. -1961. -Vol. -51. - PP. 1–17.
4. Freeman R. The Overeducated American. -New York: Academic Press, 1976. 218 p.
5. Mincer J. Investment in Human Capital and Personal Income Distribution // Journal of Political Economy. 1958. -Vol. 66. -№ 4. -PP.281-302.
6. Thurow L. Investment in Human Capital/ L. Thurow. –Belmont, 1970. 104 p.
7. Ben-Porath Y. The Production of Human Capital over Time / W. Lee Hansen, editor // Education, Income, and Human Capital. – NBER. – 1970. –PP. 129–154.
8. Махлуп Ф. Производство и распространение знаний в США. - М.: Прогресс, 1966. С. 35.
9. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. – М.: Изограф, 2000. 448 с.
10. Паршина, Н. В. Человеческий капитал: сущность, содержание, особенности / Н. В. Паршина // Мир современной науки. – 2013. – № 3. – С. 1–7.

11. Устинова К.А. Человеческий капитал в инновационной экономике [Текст]: монография / К.А. Устинова, Е.С. Губанова, Г.В. Леонидова. – Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН, 2015. 195 с.

12. Кирьянов Д. А., Сухарева Т. Н. Методы оценки человеческого капитала: анализ объективности и достаточности исходных данных // Теория и практика общественного развития. -2011. -№ 3. С. 337–340.

13. Flamholtz E. G. Human Resource Accounting. -N.Y.: Jossey-Bass Publ., 1985.

14. Mamychev A.Y., Sulimova E.A., Yakovenko N.V., Savvidi S.M., Molchan A.S., Dianova V.A. Economic security and organizational culture: theoretical approaches and categorical relationship // International Review of Management and Marketing. -2016.- Т. 6. -№ 1. -С. 153-158.

Сведения об авторе:

Яковенко Наталия Владимировна, доктор географических наук, заведующий кафедрой социально-экономической географии и регионоведения, Воронежский государственный университет, e-mail.: n.v.yakovenko71@gmail.com, тел. 89191889232

Information about authors

Yakovenko Nataliya Vladimirovna, Doctor of Geographical Sciences, Professor, Head of the Department of Social and Economic Geography and Regional Studies, Voronezh State University, e-mail.: n.v.yakovenko71@gmail.com, 89191889232

УДК 574.52; 631.9; 639.2

Яковлев С.В.
Yakovlev S.V.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МАЛЫХ РЕК ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ, ПРОГНОЗ И РАЦИОНАЛЬНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИХ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ

MODERN PROBLEMS OF SMALL RIVERS OF THE VOLGOGRAD REGION, FORECAST AND RATIONAL USE OF THEIR WATER RESOURCES

Статья рассматривает проблемы и перспективы развития экологической обстановки на малых реках Волгоградской области. Обсуждаются проблемы изменения водности и загрязненности рек,

связанные как с природными явлениями (водность года, неравномерность осадков, процессы зарастания и заиления русел), так и с антропогенными факторами (зарегулирование водотоков, водозабор, загрязнение, нарушение водоохраных зон и т.д.). Подчеркивается важность малых рек для аридной зоны Волгоградской области в плане развития сельского хозяйства, рыбной отрасли и рекреационного потенциала.

The article considers the problems and prospects for the development of the ecological situation on small rivers in the Volgograd region. The problems of changing the water content and pollution of rivers are discussed, both related to natural phenomena (water content of the year, uneven precipitation, processes of overgrowth and silting of channels) and anthropogenic factors (regulation of watercourses, water intake, pollution, violation of water protection zones, etc.). The importance of small rivers for the arid zone of the Volgograd region in terms of development of agriculture, fishing industry and recreational potential is emphasized.

Ключевые слова: малые реки, водоохранная зона; рыбохозяйственные водоемы; экологическая обстановка, антропогенное влияние, сельское хозяйство, рекреация; туризм; спортивно-любительское рыболовство.

Key words: small rivers, water protection zone; fishery reservoirs; ecological situation, anthropogenic influence, agriculture, recreation; tourism; sports and Amateur fishing.

По территории Волгоградской области протекает более 200 водотоков, относящихся к бассейнам двух крупных рек - Волги и Дона, общей протяженностью более 8000 километров. Волжский бассейн занимает узкую полосу вдоль реки Волги, включая в себя часть Волгоградского водохранилища, реку Волгу и 30 малых рек. В районе города Волжский от реки Волги отделяется рукав - река Ахтуба, образуя уникальный природный комплекс - Волго-Ахтубинскую пойму шириной 12 - 30 километров и простирающуюся на 450 километров от Волгограда до Астрахани. Донской бассейн охватывает часть реки Дон длиной 253 километра, часть Цимлянского водохранилища и 169 малых рек длиной от 10 до 200 километров. Из 169 малых рек 6 рек (Хопер, Медведица, Иловля, Терса, Бузулук, Кумылга) имеют круглогодичный водоток в среднем и нижнем течении, 40 рек - только в устьевой части, остальные малые реки действуют в период весеннего паводка и интенсивных дождей.

Малые реки испытывают значительную антропогенную нагрузку, вызывающую деградацию рек и накопление в донных отложениях

загрязняющих веществ. На качество воды рек Волга и Дон большое влияние оказывают сточные воды промышленных и сельскохозяйственных объектов вышерасположенных субъектов Российской Федерации. Кроме того, значительная часть загрязняющих веществ поступает в водоток с неорганизованными сбросами и стоками с площади водосбора. Причинами негативного воздействия является техническая отсталость очистных сооружений; отведение промышленных сточных вод в системы коммунальной канализации без предварительной очистки на локальных очистных сооружениях; водовыпуски ливневой канализации без предварительной очистки в водные объекты; диффузные стоки с сельскохозяйственных угодий, мест складирования отходов, промышленных площадок, застроенных территорий. Это и загрязнение почв пестицидами и агрохимикатами в границах водоохраных зон, что ведет к их попаданию в водные объекты.

Особого внимания требует решение проблем Волго-Ахтубинской поймы, где показатели функционирования водохозяйственного комплекса в первую очередь определяются стоком реки Волга. Создание Волжско-Камского каскада водохранилищ в 20 веке привело к изменениям гидрологического режима, что имеет экономические выгоды, но при этом способствует возникновению ряда экологических проблем, среди которых:

- истощение и обмеление водных объектов Волго-Ахтубинской поймы, утрата внутренней сети мелких водотоков, заиление озер, потеря ряда площадей водно-болотных угодий;

- сложности с водообеспечением населения и хозяйственных объектов;

- изменение водного, солевого, воздушного режима почв и микроклимата поймы, что негативным образом отражается на состоянии флоры и фауны;

- нарушение условий существования водных и наземных экосистем;

- эрозионно-оползневые процессы берегов Волги, Ахтубы и Волгоградского водохранилища, в том числе в границах городов.

Все водотоки, расположенные на территории Волгоградской области, имеют жизненно важное значение для развития промышленности, сельского хозяйства, обеспечения нужд населения региона. При этом хозяйственное использование наряду с естественными природными процессами приводит к истощению, засорению, снижению водопрпускной способности и деградации водных объектов. На сегодняшний день многие водоемы в

Волгоградской области требуют принятия мер по их расчистке и реабилитации.

В нанесении вреда окружающей среде участвуют и простые граждане. Они сбрасывают в реки неочищенные бытовые сточные воды, выбрасывают мусор в водоохраной зоне, моют автомашину на берегу водоемов. А ведь в Конституции РФ закреплена обязанность каждого человека сохранять природу и окружающую среду, бережно относиться к природным богатствам.

Значение промышленного рыболовства на малых реках Волгоградской области почти отсутствует. Однако, в плане развития спортивно-любительского рыболовства и рекреационного потенциала значение малых рек огромно и пока не оценено в полной мере. Особенно важное значение в этом плане могут сыграть русловые пруды и малые водохранилища на водотоках, с учетом возможности искусственного воспроизводства ценных промысловых видов рыб (сазан, белый и пестрый толстолобик, белый амур, карась, щука и др.).

Сложно переоценить значение русловых прудов на малых реках в природе и жизни человека. Это и хранилище воды, и источник, питающий малые и большие реки, и среда обитания живых организмов, и место рыбной ловли, и источник для полива личных приусадебных участков и огородов, и место отдыха населения. Наконец, пруды являются источниками противопожарного водоснабжения.

В целях решения названных проблем в Волгоградской области разработана и реализуется государственная программа Волгоградской области "Использование и охрана водных объектов, предотвращение негативного воздействия вод на территории Волгоградской области" на 2014 - 2020 годы" в рамках исполнения Водной стратегии Российской Федерации на период до 2020 года. В рамках государственной программы реализуются мероприятия по:

- обеспечению водными ресурсами Волго-Ахтубинской поймы;
- защите от негативного воздействия вод населения и объектов экономики;
- расчистке русел рек в целях увеличения их пропускной способности;
- капитальному ремонту гидротехнических сооружений;
- охране, восстановлению и экологической реабилитации водных объектов, определению и установлению границ водоохраных зон и прибрежных защитных полос водных объектов.

При экологической реабилитации водных объектов реализуется комплексный подход - осуществляется расчистка водных объектов от донных отложений, сушняк деревьев и кустарников, удаление

чужеродной растительности, восстановление водопропускных сооружений.

Еще одна проблема - загрязнение реки Волги шестью водотоками на территории Волгограда. Данные водные объекты испытывают значительное антропогенное воздействие. В результате выпадения осадков на застроенную территорию Волгограда в границах водосборной площади указанных рек образуется поверхностный сток, поступающий в данные водные объекты и далее в реку Волгу, со значительными концентрациями загрязняющих веществ. В целях сохранения этих водных объектов и предотвращения сброса загрязненных вод в реку Волга также планируется осуществить экологическую реабилитацию указанных рек. Реализация предполагается в рамках приоритетного проекта "Оздоровление Волги" за счет средств федерального и областного бюджетов.

Большую тревогу вызывает предоставление водных объектов в пользование в условиях маловодности. В бассейне реки Дон, начиная с 2009 года, наблюдается сложная водохозяйственная обстановка, связанная с продолжающейся серией лет пониженной водности. Половодье 2011 года оказалось одним из самых низких за весь период существования Цимлянского водохранилища, приток воды составил 38 % нормы. Весеннее половодье на Дону в 2014 году и годовой сток оказались также маловодными, годовой приток воды к Цимлянскому водохранилищу составил 58 % от нормы. Гидрологическая обстановка на водных объектах в бассейне реки Дон напрямую связана с климатическими условиями формирования стока. Подобные явления в бассейне Дона наблюдались в различные периоды. Наиболее характерными являются 1966-1967 годы (53-61 %), 1972-1976 годы (44-55 %), 1984 год (62 %), 1989 год (47 %), 2011-2014 годы (61-64%).

Литература

1. Иванов, В.А., Комаров, Н.М., Крымская, Е.Я., Панова, М.В. Водные ресурсы России, модели метода их сохранения и вызовы проекта [Электронный ресурс] // Науковедение. 2013, №6 (19).
2. Клушин А.А. Любительское рыболовство— неотъемлемая часть рыбного хозяйства // Рыбное хозяйство. — 1991. — №4. — С. 30.
3. Моисеев П. А., Александрова Е. Н. О создании и задачах управляемого любительского рыболовства// Водные биоресурсы, воспроизводство и экология гидробионтов. — М.: ВНИИПРХ, 1992. — Вып. 66,— С. 7-13.
4. Бандура В.И., Яковлев С.В., Архипов Е.М. Многолетние

изменения видовой структуры ихтиокомплекса водоемов Волго-Ахтубинской поймы после зарегулирования стока Нижней Волги. В кн: Биологическая продуктивность водоемов Западной Сибири и их рациональное использование. 1997, Новосибирск, с. 70 - 72.

5. Яковлев С.В. Перспективы развития природно-экологического комплекса бассейна малой реки в современном агроландшафте на примере р.Иловля. Сб. VIII научной Ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО) 26 сентября - 01 октября 2017 г. Пермь

Сведения об авторах:

Яковлев Сергей Валентинович, Доцент кафедры «Водные биоресурсы и аквакультура», Волгоградский государственный аграрный университет, Моб.тел. 8-961-068-61-49, e-mail: Jack_sv@mail.ru

Information about the authors:

Yakovlev Sergey Valentinovich, Associate Professor of the Department "Water bioresources and aquaculture", Volgograd state agrarian University, M.tel. 8-961-068-61-49, e-mail: Jack_sv@mail.ru

Секция 3.

**«Азиатская и Тихоокеанская Россия в контексте «разворота»
Российской Федерации на Восток: общественно-географические
факторы и барьеры трансграничной интеграции, перспективы
долгосрочного развития»**

УДК 330.322.5

**Бардаханова Т.Б., Ерёмко З.С.
Bardakhanova T.B., Eremko Z.S.**

**ОЦЕНКА ПРОГРЕССА В РАЗВИТИИ ЗЕЛЕННОЙ ЭКОНОМИКИ
В ПРИГРАНИЧНЫХ РАЙОНАХ РОССИИ, МОНГОЛИИ,
КИТАЯ И КАЗАХСТАНА**

**EVALUATION OF PROGRESS IN THE DEVELOPMENT OF
GREEN ECONOMY IN THE BORDER REGIONS OF RUSSIA,
MONGOLIA, CHINA AND KAZAKHSTAN**

В статье рассматривается подход к оценке прогресса в развитии зеленой экономики. Авторами предложены группы показателей, отражающие различные аспекты природопользования и характеризующие направления развития «зеленой» экономики. Методический подход состоит из следующих этапов: расчет исходных показателей, нормирование показателей, расчет энтропии, количественные оценки по каждой группе показателей, нормализация полученных оценок показателей, оценка сводного индекса природопользования.

The article discusses the approach to assessing progress in the development of the green economy. The authors proposed groups of indicators that reflect various aspects of environmental management and characterize the directions of development of the green economy. The methodological approach consists of the following steps: calculation of initial indicators, standardization of indicators, calculation of entropy, quantitative estimates for each group of indicators, normalization of the obtained estimates of indicators, assessment of the composite index of nature management.

Ключевые слова: «зеленая» экономика, сводный индекс природопользования, типологизация регионов, экономический коридор Шелкового пути.

Key words: "green" economy, composite index of nature management, typology of regions, Silk Road economic corridor.

Для проведения количественной оценки сводного индекса природопользования авторами предлагается использовать методологический подход ОЭСР [1, 2]. В основу подхода положен весторонний учет различных групп показателей, характеризующих связи и взаимодействия между экономикой и окружающей средой на конкретной локальной территории с точки зрения их продвижения в направлении «зеленой» экономики.

В табл. 1 представлены этапы оценки сводного индекса природопользования. На первом этапе рассчитываются исходные данные по следующим пяти группам показателей: экологическая эффективность, ресурсная эффективность, экологическое качество жизни, природные активы, совокупность институциональных факторов, под которыми понимается деятельность и инструменты политики, влияющие на состояние окружающей среды. В качестве информационной базы исследования использованы официальные статистические данные о социально-экономическом положении и экологическом состоянии регионов [3-10].

Таблица 1

Методика оценки сводного индекса природопользования

Этап	Формулы расчета	Обозначения
Этап 1. Расчет исходных показателей	Исходные показатели представлены в таблице 7	
Этап 2. Нормирование показателей	<p>– для переменных первого типа*</p> $x'_{ij} = \frac{x_{ij} - x_{j \min}}{x_{j \max} - x_{j \min}}$ <p>– для переменных второго типа*</p> $x'_{ij} = \frac{x_{i \max} - x_j}{x_{j \max} - x_{j \min}}$	<p>i – индекс модельных территорий (i = 1, ..., m); j – индекс показателей (j = 1, ..., n); x_{ij} – значение j-того показателя на i-той территории; x_{jmax} выражают максимум x_{ij}; x_{jmin} выражают минимум x_{ij}.</p>
	*Примечание: под переменными 1 типа понимаются показатели с позитивной динамикой, под переменными 2 типа – с отрицательной динамикой	
Этап 3. Расчет энтропии как меры неопределённости	$N_x = -k \sum_{i=1}^m p_{ij} \ln p_{ij},$	где N _x выражает энтропию показателя j, а p _{ij} выражает долю j-

системы показателей	$p_{ij} = \frac{x'_{ij}}{\sum_{j=1}^n x'_{ij}}$	того показателя, $k = 1/\ln m$
Этап 4. Количественные оценки по каждой группе показателей ($I_{1i}, I_{2i}, I_{3i}, I_{4i}, I_{5i}$)	$I_{qi} = \sum_{j=1}^n v^j x'_{ij},$ $v^j = \frac{b^j}{\sum_{j=1}^n b^j}$ $b_j = 1 - N_x$	где v^j - вес энтропии для индикатора j ; b_j - информационная ценность; q – индекс групп показателей ($q = 1, \dots, 5$)
Этап 5. Нормирование полученных количественных оценок показателей	$I_{qi}^1 = \frac{I_{qi} - I_{q \min}}{I_{q \max} - I_{q \min}}$	$I_{q \max}$ выражают максимум I_{qj} ; $I_{q \min}$ выражают минимум I_{qj} .
Этап 6. Количественная оценка сводного индекса природопользования	$H_i = \sum_{q=1}^5 I_{q1}^1 w_q$	где w_q выражает вес каждой группы показателей (значимость групп показателей может быть разной)

Источник: разработано авторами.

На втором этапе полученные исходные показатели нормируются согласно предложенной формуле. Под переменными 1 типа понимаются показатели с позитивной динамикой, под переменными 2 типа – с отрицательной динамикой. Далее для учета вероятностного характера статистических данных, которые используются при проведении расчетов, рассчитывается энтропия показателей. С учетом полученного значения энтропии в последующем мы получаем количественные оценки показателей по каждой группе. Затем нормируем данные оценки и получаем количественную оценку сводного индекса природопользования.

В качестве модельных территорий выбраны 12 приграничных районов экономического пояса Шелкового пути. На территории Российской Федерации – это Республика Бурятия, Амурская область и Забайкальский и Алтайский края; на территории Монголии – аймаки Сэлэнгэ, Дорноговь и Баян-Ульгийский; на территории Китая – 2 автономных района – Синьцзян-Уйгурский и Внутренняя Монголия; на территории Казахстана – Алматинская и Восточно-Казахстанская области. На рисунке 1 представлены полученные результаты.

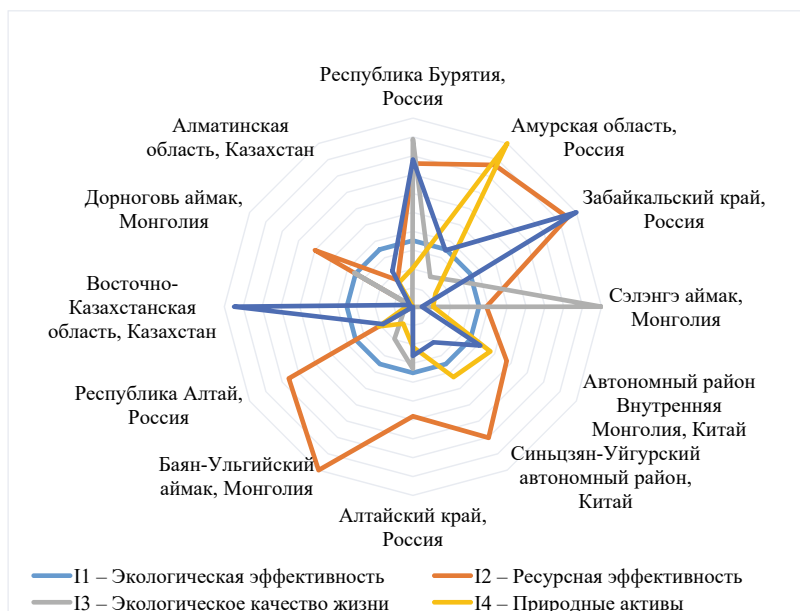

Рис. 1. Сводный индекс оптимальности природопользования приграничных районов России, Монголии, Китая и Казахстана.

Сравнение количественных оценок сводного индекса природопользования позволяет выделить 3 группы модельных территорий:

– В первую группу регионов входят 3 приграничных территории России (Республика Бурятия, Амурская область, Забайкальский край). Данная группа характеризуется наибольшим значением сводного индекса, которое формируется за счет разного влияния различных групп показателей на каждой модельной территории.

– Во вторую группу входят: 3 приграничных территории Монголии (Сэлэнгэ аймак, Баян-Ульгийский аймак, Дорноговь аймак), 2 приграничных территории Китая (Автономный район Внутренняя Монголия и Синьцзян-Уйгурский автономный район), 2 приграничных территории России (Алтайский край, Республика Алтай), 1 приграничная территория Казахстана (Восточно-Казахстанская область). Группа характеризуется средним значением сводного индекса. В данной группе территорий отмечается высокое значение

показателя ресурсной эффективности (исключение – Восточно-Казахстанская область).

– К третьей группе относится 1 приграничная территория Казахстана (Алматинская область). Данная группа характеризуется минимальным значением сводного индекса. Здесь наблюдается равномерно-низкое распределение удельных весов индексов ресурсной эффективности, экологического качества жизни и природных активов в сводном индексе.

Разработанная методика позволила провести ранжирование модельных территорий, выявить факторы, влияющие на значение сводного индекса оптимальности природопользования и определить узкие места в направлениях развития «зеленой» экономики на модельных территориях.

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания Байкальского института природопользования СО РАН.

Литература

1 . OECD (2014), «The OECD green growth measurement framework and indicators», in Green Growth Indicators 2014, OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/9789264202030-4-en>

2. Capozza, I. and Samson, R. (2019), «Towards Green Growth in Emerging Market Economies: Evidence from Environmental Performance Reviews», *OECD Green Growth Papers*, 2019-01, OECD Publishing, Paris

3. National Bureau of Statistics of China [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – China. – Режим доступа: <http://data.stats.gov.cn>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

4. Байгаль орчны мэдээллийн сан (Экологическая база данных Монголии) [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Монголия. – Режим доступа: <https://eic.mn/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. монгольский.

5. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Россия – Режим доступа: <https://fedstat.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

6. Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Россия – Режим доступа: <https://knoema.ru/atlas>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус

7. Официальный интернет-портал Комитета по статистике Республики Казахстан [Электронный ресурс] / Комитет по статистике

Республики Казахстан. – Электрон. дан. – 2019. – Режим доступа: <http://stat.gov.kz>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

8. Официальный интернет-портал Статистики Монголии [Электронный ресурс] / Комитет по статистике Республики Казахстан. – Электрон. дан. – 2019. – Режим доступа: <http://www.en.nso.mn/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. англ.

9. Статистикийн мэдээллийн нэгдсэн сан [Электронный ресурс] / үндэсний – Электрон. дан. – СТАТИСТИКИЙН ХОРОО, 2017 – Улаанбаатар, 2019. – Режим доступа: <http://www.1212.mn/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. монг.

10. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] – Электрон. дан. – Россия – Режим доступа: <https://www.gks.ru/>, свободный. – Загл. с экрана. – Яз. рус.

Сведения об авторах:

Бардаханова Таисия Борисовна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, tbard@binm.ru, +79148454830

Ерёмко Зинаида Сергеевна, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Байкальский институт природопользования СО РАН, zina@binm.ru, +79644069750

УДК 332.145

Бэк Енчжун, Ким Чжон Хун
Baek Young Jun Kim Joung Hun

ИЗУЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА МЕЖДУ РОССИЕЙ И КОРЕЕЙ В ОСВОЕНИИ АРКТИКИ: НА ПРИМЕРЕ УЧАСТИЯ ЯПОНИИ В ПРОЕКТЕ «ЯМАЛ СПГ»

STUDY OF THE POSSIBILITY OF COOPERATIO BETWEEN RUSSIA AND KOREA IN THE DEVELOPMENT OF THE ARCTIC: AN EXAMPLE OF JAPAN'S PARTICIPATION IN THE YAMAL LNG PROJECT

В данном исследовании рассматривается потенциал экономического сотрудничества между Россией и Южной Кореей с акцентом на случай участия в проекте «Ямал СПГ» в Японии.

This Study, Examines the Potential of economic cooperation between Russia and South Korea, Focusing on the case of Participating in the 'Yamal LNG' project in Japan.

Ключевые слова: Корея, Россия, Япония, Сотрудничество, Ямал СПГ, Арктик СПГ-2

Key words: Korea, Russia, Japan, Cooperation, Yamal LNG, Arctic LNG-2

Введение.

В 2014 году российское правительство выделило восемь арктических узловых центров для активной разработки ресурсов на Арктическом маршруте и прилегающих территориях. Самым активным из восьми участков является Ямало-Ненецкая опорная зона, которая добывает около 80% российского природного газа. Здесь находится одна пятая газовых резервов мира.

В настоящее время эта зона является центром арктического судоходства и развития Арктики, что представляет большой интерес для международного сообщества. Различные стратегий политики Кореи, Китая и Японии связаны с этим регионом.

Сотрудничая с Россией, Китай разработал программу «Один пояс и один путь», «Полярный Шёлковый путь» и инвестировал средства непосредственно в проект «Ямал СПГ». Однако участие Южной Кореи и Японии в освоении российской части Арктики в настоящее время ограничено, из-за сильного влияния США. При этом, ни Южная Корея, ни Япония напрямую не включены в экономические санкции США в отношении России. Южная Корея не участвует непосредственно в Проекте «Ямал СПГ», но продаёт танкер для перевозки СПГ [1]. Япония участвует в проекте "Ямал СПГ", предоставляя косвенные инвестиции [2].

Данная статья посвящена анализу подхода Японии к России и способам участия в проекте «Ямал СПГ». Это исследование путей и возможностей сотрудничества между Южной Кореей и Россией в процессе развития Арктики, и мы ожидаем, что оно будет полезно при разработке программ международного сотрудничества.

II. Российская арктическая стратегия и проект Ямал СПГ.

В 21 веке арктический регион обладает самой широкой территорией и территориальными водами в контексте растущего международного интереса в Арктике из-за различных факторов, таких как изменение климата, территориальные и морские проблемы, ресурсы и логистика. Россия рассматривает развитие Арктики, как один из важнейших пунктов политики страны.

Президент В. Путин 2. августа 2013 г. одобрил "Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года."

Эта стратегия базируется на утвержденных 18 сентября 2008 года [3] бывшим президентом России Медведевым «Основах государственной политики Российской Федерации в период до 2020 года и дальнейшую перспективу».

Основные цели Стратегии развития Арктики до 2020 года: [4]

- Социально-экономическое развитие: развитие основ энергетики и природных ресурсов.

- Военная безопасность: поддержание существующих военных объектов и создание новых.

- Окружающая среда: подготовка к изменению климата в Арктике и антропогенному загрязнению / Меры по этническим меньшинствам.

- Телекоммуникации: Построение интегрированной арктической информационной системы в России и за рубежом.

- Наука и техника: гарантирует все необходимые исследования в Арктике.

- Международное сотрудничество: взаимовыгодное сотрудничество с арктическими странами.

Как указывалось выше, Стратегия развития России в Арктике до 2020 года включает в себя практически все, что связано с Полярным кругом. Это связано с национальным интересом России в арктическом регионе, независимо от того, реализуются ли планы, такие как российская «Стратегия развития Арктики 2020» и «Принципы национальной политики Арктики 2020».

Первоначальный план Стратегии развития Арктики до 2020 года состоит из двух этапов. Первым шагом является создание всеобъемлющей правовой, политической и экономической базы развития к 2013–2015 гг.,

Второй этап - завершение разработки руководящих принципов развития Арктического маршрута к 2015–2020 годам, вопрос международно-правовой безопасности с соседними странами, окружающая среда Арктики, проблемы этнических меньшинств и реагирование на аварии в арктическом регионе.

Однако экономические санкции США (политический кризис на Украине в 2014 г), препятствовали реализации плана, и российское правительство в конечном итоге изменило свою стратегию.

Таким образом, 31 августа 2017 года правительство России приняло законопроект о продлении существующей Стратегии развития Арктики до 2025 года. [5]

Когда был обнародован план «Стратегия развития Арктики 2020», государственные предприятия, такие как «Роснефть», «Газпром» и

«Газпром нефть», могли участвовать в разработке ресурсов Арктики на основе действующих в то время законов и положений.

«Роснефть» планировала развивать инфраструктуру и добычу ресурсов в арктическом регионе - Ямало-ненецком регионе, богатом запасами углеводородов, Баренцевом море, Печоре, Ямальском и Гыданском полуостровах.

Однако, как упоминалось выше, цены на нефть в 2014 году оставались довольно низкими из-за политического кризиса на Украине, экономических санкций США и Европы, и глобального экономического спада с 2015 года.

Добыча ресурсов континентального шельфа России в Северном Ледовитом океане требует современных технологических возможностей и больших вложений.

В результате Россия стремится отдать предпочтение наземному, а не арктическому морскому бурению. В связи с этим активно продвигался проект «Ямал СПГ» и «Новотек», а инвестиции на развитие региона были получены через консорциум «Ямал СПГ».

Доли участия в консорциуме, завершеном в 2017 году, составляют Новотек (50,1%), Total (20%), Китайская международная нефтяная корпорация (CNPC) (20%) и Фонд Шелкового пути (9,9%).

Успех проекта «Ямал СПГ» укрепил доверие к России и ускорил принятие проекта «Арктика СПГ-2» (на период с 2022 по 2023 гг.).

III. Стратегия развития Арктики в Японии и участие в проекте «Ямал СПГ».

Институт международных отношений Японии получил проект от Министерства иностранных дел Японии в 2013 году и написал доклад под названием «Японское управление Арктикой и внешняя политика Японии». [7] На основе этого отчета Япония разработала следующие стратегии для усиления своего влияния в регионах за Северным полярным кругом.

Основное содержание «Японского управления Арктикой и внешней стратегии Японии»:

- Развитие технологий, необходимых для поддержания окружающей среды Арктики, таких как системы аварийно-спасательных сигналов или методы контроля разливов нефти в холодных морях.

- Развитие человеческих ресурсов: Воспитывать профессиональные кадры, которые могут работать в арктических условиях через Полярный научно-исследовательский институт Японии.

- Поддержка выборов представителей Японии и глав

заинтересованных международных организаций: например, Международной морской организации (ИМО) и Международного трибунала по морскому праву

● Инвестиции: усиление влияния через инвестиции в строительство инфраструктуры и освоение ресурсов Арктики.

Правительство Японии также поддерживает стратегию диверсификацию поставок энергии и компании в области добычи полезных ископаемых.

Текущее развитие Арктики в Японии выглядит следующим образом:

1) Строительство завода: Nikki, Chiyoda:

Nikki, известная компания в настоящее время работает с Chiyoda и французской TechnipFMC по проектированию, закупкам и строительству (EPC) производственных мощностей «Ямал СПГ».

2) Система контроля снабжения и измерения безопасности: Yokogawa Electric

Yokogawa Europe Solutions, дочерняя компания Yokogawa Electric, поставила системы контроля и измерения безопасности для проекта.

3) Финансы: Японский Банк международного сотрудничества (JBIC):

JBIC предоставил России прямые иностранные займы на 200 миллионов евро. Эти инвестиции были предложены премьер-министром Абэ президенту Путину на майских переговорах 2016 года.

4) Служба перевозки СПГ: Merchant Marine Mitsui (MOL):

MOL предоставил 7 танкеров СПГ, в том числе три ледокольных танкера ARC7 и четыре генеральных танкера СПГ. Корабль типа ARC7 способен раскалывать ледники Северного Ледовитого океана и действовать в одиночку. Летом СПГ транспортируется в Японию через Берингов пролив, а зимой воды Северного Ледовитого океана замерзают и кораблям приходится ходить через Европу.

5) Служба информации о погоде: Weathernews:

Weathernews - японская компания, предоставляющая информационные услуги о погоде. Компания предоставляет информацию о морском льде. Исходя из этого, был разработан план транспортировки оборудования для строительства завода.

6) Проект перевалочного центра СПГ на Камчатке: Марубени, MOL:

Проект был подписан в декабре 2017 года меморандумом о взаимопонимании с Novatec. Идея состоит в том, чтобы перевести СПГ, транспортируемый через Северный Ледовитый океан с Камчатского

полуострова, и транспортировать его в различные части Азии, включая Японию.

Он направлен на снижение транспортных расходов за счет перевода с судов ARC7 с высокими транспортными расходами на обычные танкеры СПГ.

Причина, по которой Япония может косвенно участвовать в проектах СПГ, заключается в заинтересованности и последовательности российской экономической политики. Япония продолжает переговоры с Россией о заключении взаимовыгодных соглашений.

Это соглашение способствует сотрудничеству в различных областях, таких как взаимный обмен технологиями и инвестициями, и действует как фактор, препятствующий вмешательству Соединенных Штатов Америки и других стран, в двухсторонние отношения Японии и России.

Кроме того, после нефтяного шока 1970-х годов и аварии на АЭС в Фукусиме в 2011 году, Япония диверсифицировала импорт энергоносителей, была разработана государственная программа энергетической безопасности страны и прилагаются постоянные усилия для её реализации.

Стратегия и планы Японии в проекте «Арктик СПГ-2».

Япония также примет участие в проекте «Арктик СПГ-2» в Ямало-Ненецкой опорной зоне, поскольку уже получен положительный результат от реализации проекта «Ямал СПГ».

Согласно данным Новотек, опубликованным 22 июля 2019 г., общая доля проекта «Арктик СПГ-2» составляет «Новотек», 60%, TOTAL, 10% Japan Arctic LNG 10% и China Petroleum Natural Gas Group (CNPC) 10%, China Marine Oil Group (CNOOC) 10%. [9]

Japan Arctic LNG - является совместным предприятием Mitsui (25%) и Японского агентства по нефти и природным газам и водным ресурсам (JOGMEC) (75%). Эта компания находится в Амстердаме.

Проект «Арктик СПГ-2» под руководством «Новотек» реализуется в Ямало-Ненецкой опорной зоне.

Проект предусматривает строительство трех технологических линий по производству сжиженного природного газа мощностью 6,6 млн тонн в год каждая. Общая мощность трех линий составит 19,8 млн тонн СПГ в год.

По состоянию на 31 декабря 2018 года запасы природного газа в регионе оцениваются в 1138 миллиардов кубометров природного газа, а запасы жидких углеводородов в 57 миллионов тонн.

Основные особенности стратегии развития Арктики в Японии, которые были выражены в рамках этого проекта, можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, участие Японии в российских проектах по разработке газа находится под государственным контролем.

Во-вторых, инвестиции, основанные на акционерном капитале, открывают возможность прямого участия в разведке, разработке и добыче и усердно работают над созданием собственных цепочек поставок.

В-третьих, планируется активно использовать процесс развития Арктики для поддержки крупных японских нефтяных компаний, которые могут оказывать влияние на международный рынок углеводородов.

И наконец, стратегия Японии по развитию российской Арктики реализуется в среднесрочной и долгосрочной перспективе. В ходе реализации этой Программы, другие соглашения, которые заключаются с Россией, имеют цель придания законности межгосударственному сотрудничеству и усиления влияния Японии в Арктике.

V. Выводы.

Мы описывали арктическую стратегию развития Арктики в России и Японии. Поэтому требуется провести анализ ее последствий для Кореи и сделать выводы.

У Кореи и Японии есть общие черты – обе считают приоритетным сотрудничество и солидарность с США. В то же время, обеим странам необходимо обеспечить стабильную энергетику для промышленных предприятий.

Существует общее арктическое пространство, которое может стать будущей территорией устойчивого развития человечества, где добыча и использование природных ресурсов находится в целом на начальной стадии освоения, с некоторыми региональными различиями. Это применительно и к российскому арктическому пространству.

Следует отметить, что Япония уже имеет среднесрочный и долгосрочные планы развития Арктики, в том числе и её Российского сектора, последовательно продвигает его, даже если правительство меняется.

У Южной Кореи есть только среднесрочный и краткосрочный планы участия в развитии Арктики, при этом, существует вероятность того, что на реализацию этих планов может сильно повлиять смена приоритетов правительства. Другими словами, Южная Корея менее

последовательна и устойчива в плане разработки и реализации стратегии развития Арктики, чем Япония.

Конечно, следует учитывать, что Южная Корея находится в более сложной геополитической ситуации, с точки зрения безопасности, чем Япония.

В Арктике, как показано в случае Японии, в средне- и долгосрочной перспективе активно создается международный проект, который может стимулировать инвестиции и развитие для сотрудничества с Россией.

Если прямые инвестиции затруднены, необходимо мобилизовать косвенные и обходные методы иностранными фондами и т.д. Южной Кореи необходимо создать двухсторонние договорённости, в которые другие страны не могут вмешиваться. При этом одним из вариантов сотрудничества является изучение опыта Японии при разработке Стратегии двухстороннего сотрудничества с Россией - «Великая Россия», в том числе и возможности его адаптация к условиям Южной Кореи, с учетом сложившейся внешнеэкономической ситуации.

Также важно, чтобы Южная Корея наладила более активное сотрудничество с Россией в международном сообществе по вопросам охраны природы, гуманитарных наук и окружающей среды Арктики, на которые может относительно влиять международная политика и экономика.

В настоящее время, в процессе освоения Арктики, если Корея преследует только свои интересы – она не может добиться хороших результатов.

Кроме того, несомненно, что опыт освоения Арктики может послужить примером реализации международного проекта - «Пространство для человечества в будущем».

Литература

1. chosonbiz, “대우조선해양, LNG운반선 1척 수주...”올해 목표 32% 달성” 2019. 6.
[12https://biz.chosun.com/site/data/html_dir/2019/06/12/2019061201644.html](https://biz.chosun.com/site/data/html_dir/2019/06/12/2019061201644.html)
2. Chiyoda Corporation, “ヤマルLNGプロジェクト (第1系列、第2系列、第3系列)”
<https://www.chiyodacorp.com/jp/projects/yamal-nenets.html>

3. 백영준, “북극 개발전략 2020 원문번역(1)”, 『북극연구』, Vol. 4호, p. 77.
4. 백영준, “북극 개발전략 2020 원문번역(2)”, 『북극연구』, Vol. 4호, pp. 162-183. 의 내용을 참고해서 정리한 것임.
5. 러시아 정부 문서 사이트: <http://government.ru/docs/29164/>
(검색일: 2019년 12월 7일)
6. 이주리, ““러시아 에너지전략-2035’와 시사점”, 『세계에너지시장인사이트』 (제15-37호) pp. 3-13.
7. 백영준, 김정훈, “북극해 에너지 자원, 북극의 거버넌스와 일본의 역할“, 『북극연구』 6호, pp. 136-150.
8. 加藤資一, “「最果ての地」=ヤマルの開発に挑む日本企業”, 2018. 5. 9. <http://yuken-jp.com/report/2018/05/09/yamal/>
9. 齋藤寛, “アルクティックLNG2」プロジェクト、JOGMECや三井物産などへの事業権益売却が完了”, JETRO, 2019. 07. 23. <https://www.jetro.go.jp/biznews/2019/07/f39c5a2586e21f15.html>

Сведения об авторах:

Бэк Енчжун, Аспирант, Корейско-Сибирский Центр в Корее, kiseling@daum.net, +82 10 5755 0086

Ким Чжон Хун, Профессор, Пай Чай Университет, jhkrm@pcu.ac.kr, +82 10 8365 9435

УДК 914/919

**Васильцова А.Н.
Vasilcova A.N.**

**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК НА АВИАСТРОИТЕЛЬНОЙ КАРТЕ
РОССИИ**

THE FAR EAST ON THE AIRCRAFT MAP OF RUSSIA

В работе проанализировано размещение авиастроительных и авиаремонтных предприятий в Дальневосточном экономическом районе. Ключевым фактором их локализации является близость к военному заказчику. Зафиксирован восточный градиент в создании новых гражданских авиастроительных площадок. Рассмотрена

кооперация по производству самолёта типа «Сухой Суперджет» и территориальное распространение его экспорта.

The placement of aircraft manufacturing and aircraft repair enterprises in the Far Eastern economic region is analyzed. The key factor in their localization is their proximity to the military customer. The Eastern gradient in the creation of new civil aircraft manufacturing has been recorded. Cooperation in the production of the Sukhoi Superjet aircraft and the territorial distribution of its exports is considered.

Ключевые слова: авиастроение, динамика производства, Дальний Восток, г. Комсомольск-на-Амуре, авиационная промышленность России.

Key words: aircraft, production dynamics, Far East, Komsomolsk-on-Amur, Russian aviation industry.

Российское гражданское авиастроение имеет тенденцию к сдвигу на восток: новые производства пассажирской и транспортной авиатехники за последние 30 лет открывались исключительно в Сибири и на Дальнем Востоке. На территории Дальневосточного экономического района сегодня действуют два сборочных авиапредприятия — самолётостроительное в Комсомольске-на-Амуре и вертолётостроительное в г. Арсеньеве Приморского края, а также ряд авиаремонтных (рис. 1).

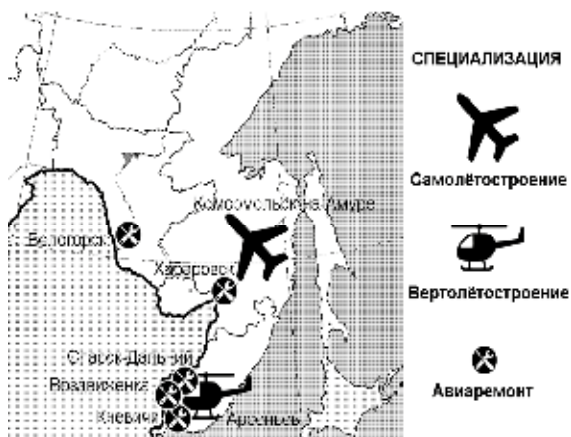

Рис.1. Авиапромышленные центры Дальнего Востока.

12-й авиационный ремонтный завод в г. Хабаровске был создан в 1934 г. В настоящее время он специализируется на ремонте многоцелевых вертолётов Ми-8 и военных Ми-24, вертолётных

двигателей ТВЗ-117 и АИ-9, военных самолётов Ту-22. Осуществляет ремонт агрегатов гражданских самолётов Ту-154 и Ил-62, а также истребителей Су-27.

32-й ремонтный завод средств обеспечения полётов в г. Спасск-Дальний Приморского края действует с 1942 года. Производит ремонт аэродромных передвижных агрегатов, электропреобразовательных аппаратов, средств обеспечения летательных аппаратов специальными газами (к ним относятся компрессорные и кислородозарядные станции, воздухозаправщики), средств проверки гидросистем летательных аппаратов, средств уборки и содержания аэродромов.

322-й авиационный ремонтный завод расположен в селе Воздвиженка Уссурийского района Приморского края. Он был основан в 1936 году. Имеет преимущественно военную специализацию: его «клиентами» являются производители истребителя-бомбардировщика Су-17, бомбардировщика Су-24, штурмовика Су-25, истребителя Су-27, истребителя-перехватчика МиГ-31, противолодочного вертолётa Ка-27, транспортно-боевого вертолётa Ка-29. Из гражданской авиатехники в этом ряду можно назвать сельскохозяйственный Ан-2 и спортивно-тренировочный Як-52.

Данное предприятие имеет два филиала в Приморском крае: 388-й авиаремонтный завод в г. Спасск-Дальний и 153-й авиаремонтный завод при аэропорте Кневичи близ г. Артём.

680-й авиационный ремонтный завод был построен в 1933 году в г. Белогорске Амурской области. Специализируется на ремонте средств связи и радиотехнического оборудования [1].

Арсеньевская Авиационная Компания «Прогресс» им. Н.И.Сазыкина — одно из двух в Азиатской части России (другое — в Улан-Удэ) действующих вертолётостроительных предприятий.

Его история началась в 1936 году. Первоначально это был авиаремонтный завод №116, осуществлявший в г. Арсеньев Приморского края ремонт истребителей и бомбардировщиков, а также авиационных двигателей. В 1940-50-х годах предприятие выпускало учебно-тренировочные самолёты. В 1960-х к ним добавились аэросани, ракетная техника, спортивные планёры. 1970-е — время освоения вертолётного производства [2].

Гражданская продукция появляется на «Прогрессе» в 1990-х годах — это многоцелевой вертолёт Ми-34. Всего их было создано 24 шт. Вертолёт данного типа экспортировались в Нигерию, Боснию и Казахстан, эксплуатировались Башкирскими авиалиниями, а также частными заказчиками.

До настоящего времени компания имела преимущественно военную специализацию: основной продукцией является разведывательно-ударный вертолёт Ка-52 «Аллигатор». С 2013 года «Прогресс» разрабатывает гражданский многоцелевой вертолёт Ка-62. Построено четыре опытных образца.

Флагманом дальневосточного — и всего российского — авиастроения является Комсомольский-на-Амуре авиационный завод имени Ю.А. Гагарина. Созданный в 1934 году, первоначально он имел военную специализацию. В 1947-1949 гг. на предприятии создавались пассажирские и транспортные (грузовые) самолёты Ли-2. С 1960-х годов начинается сотрудничество авиазавода с конструкторским бюро Сухого. Наряду с военной продукцией он выпускал аэросани и спортивные планёры [3].

С 1999 по 2006 г. в Комсомольске-на-Амуре производился региональный самолёт Су-80, предназначенный в том числе для использования на коротких и грунтовых взлётно-посадочных полосах. Он выполнялся в грузовой и пассажирской (на 30 мест) модификации.

С 1996 по 2008 г. на заводе строился лёгкий самолёт-амфибия Бе-103 (суммарно около 30 шт.), разработанный Таганрогским конструкторским бюро им.Бериева. Он предназначался для грузопассажирских перевозок в береговых районах, труднодоступных по суше.

Гражданскую специализацию КНААЗ приобрёл после 2010 года, когда вышел на серийное производство самолёта «Сухой Суперджет» (SSJ-100). За истёкшее десятилетие выпущено 194 борта.

Три четверти из них закуплены в России. Основные заказчики — «Аэрофлот», «Ямал», «Газпром авиа», «Азимут», «ИрАэро», «Северсталь», «Якутия» и др. Оценки количества эксплуатируемых в РФ самолётов разнятся от 117 до 162 бортов [4, 5].

Крупнейшим зарубежным потребителем SSJ-100 является Мексика: приобретено, по разным данным, от 22 до 31 шт. Также «Суперджет» поставлялся в Ирландию, Таиланд, Индонезию, Бельгию, Казахстан, Армению и Лаос (рис. 2).

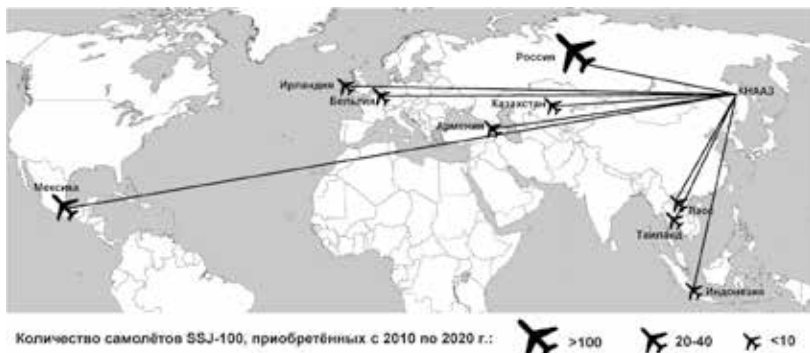

Рис.2. Страны-эксплуатанты SSJ-100

В кооперации по Суперджету участвуют многие российские авиапредприятия. Наибольший вклад вносят: КНААЗ (агрегаты и финальная сборка), Новосибирский авиазавод (фюзеляжи), Воронежский авиазавод (агрегаты), Рыбинский «Сатурн» (двигатели) и Ульяновский «Авиастар» (интерьеры и системы).

Против проекта SSJ-100 ведётся организованная кампания в СМИ: недостатки подчёркиваются и преувеличиваются, преимущества замалчиваются. Многие уязвимые места, имеющиеся у «Суперджета», характерны и для продукции таких производителей, как Boeing или Airbus. Однако допустимость их эксплуатации ставится под сомнение в публичном пространстве несравненно реже.

Нами проведены экспертные интервью со специалистами авиастроительных компаний-конкурентов «Сухого», оценка которых, ввиду их корпоративной принадлежности, представляется нам непредвзятой. Признавая наличие определённых конструктивных недостатков SSJ-100, они сходятся во мнении, что масштаб проблемы сознательно преувеличен. Заказчиком такой информационной кампании могут (прямо или косвенно) выступать вышеупомянутые Boeing или Airbus, которые категорически не заинтересованы в развитии собственного гражданского авиапроизводства в РФ, угрожающего им потерей ключевой доли российского рынка, где сегодня эти фирмы являются фактически дуополистами.

Тем более, что подобный процесс уже наблюдался на российском авиарынке. Так, компания Airbus прямо прописывает в контракте на продажу самолётов 10%-ное вознаграждение административному лицу — посреднику, «открывшему путь» фирме к получению заказов в новой для неё стране [6]. В настоящее время этот производитель

осуждён и должен выплатить многомиллиардный штраф за подкуп чиновников в нескольких государствах мира [7].

Выводы.

1. Авиастроительные центры Дальнего Востока сосредоточены в южной части экономического района. Их размещение обусловлено близостью к заказчику: авиаремонтные предприятия тяготеют к приграничной зоне, вдоль которой дислоцируются военные аэродромы. КНААЗ и «Прогресс» также ранее имели военную специализацию.

2. Восточный градиент в размещении современного российского гражданского авиастроения наиболее ярко проявился при создании в Комсомольске-на-Амуре флагманского предприятия по выпуску пассажирских самолётов, а в Арсеньеве — производства перспективных вертолётов.

3. Проблема позиционирования «Суперджета» на российском и зарубежном рынках во многом политически ангажирована.

Благодарность. Исследование выполнено по теме Государственного задания Института географии РАН № 0148-2019-0008 «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности».

Литература

1. Официальный сайт АО «Авиаремонт» (электронный ресурс) URL: <http://aviaremont.ru/> (дата обращения 28.02.2020).

2. История отечественной авиапромышленности. Серийное самолётостроение 1910-2010 гг. / Под ред. Д.А.Соболева. - М.: Русское авиационное общество, 2011. 432 с.

3. Официальный сайт Компании «Сухой» (электронный ресурс) URL: <https://www.sukhoi.org/> (дата обращения 28.02.2020).

4. Каталог российских самолётов (электронный ресурс) URL: <https://russianplanes.net/prodyears> (дата обращения 28.02.2020).

5. Портал проекта SSJ-100 (электронный ресурс) URL: <http://superjet.wikidot.com/> (дата обращения 28.02.2020).

6. Анучин С. Подковёрные крылья // Военно-промышленный курьер. - 2016. - №.43 (658). - С.8.

7. Демурина Г. Airbus заплатит €3,6 млрд по делу о подкупе в России и других странах // РБК. Бизнес. - 01.02.2020.

Сведения об авторе

Васильцова Анна Николаевна, инженер-исследователь, Институт географии РАН, лаборатория географии мирового развития, vasilcova@igras.ru, 8-916-808-08-12

**ФОРМАТЫ И ВЕКТОРЫ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИК СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИИ**

**FORMATS AND VECTORS OF MODERNIZING
TRANSFORMATION OF ECONOMICS OF MODERN EURASIA**

Исследуются факторы и ключевые траектории модернизационной трансформации экономик Евразии.

Factors, key trajectories of modernization transformation of economies of Eurasia are investigated.

Ключевые слова: Модернизация, Евразия, переходные экономики, развивающиеся экономики

Key words: Modernization, Eurasia, transition economies, developing economies

Введение. Многообразие современных глобальных модернизационных трендов (как отражение стратегий достижения социально-экономических параметров развитых стран) в полной мере характерно для Евразии, где, наряду с развитыми странами «первого мира», сосредоточено (согласно классификации ООН) 40 развивающихся и 17 переходных экономик (стран – республик бывшего СССР и Юго-Восточной Европы).

Среди типичных моделей модернизации стран континента можно выделить, например, сырьевую модернизацию, характерную для постсоветских стран (с опорой на нефть и газ или аграрную продукцию) и стран Залива и Ю. Азии (высокие показатели развития таких стран как Бруней, Кувейт, Катар, ОАЭ, а также Гонконг, Макао, Ю. Корея и Турция, побудили в 2019 г. президента США предложить лишить эти экономики статуса «развивающихся»). Модель модернизации на основе догоняющей индустриализации характерна, в свою очередь, для Китая, Ю. Кореи, НИС.

Современная экономическая модернизация определяется национальными ресурсами и приоритетами, но также и глобальными трендами.

Ключевые форматы модернизации экономик Евразии. Мировыми институтами подчеркивается роль глобальных цепочек создания стоимости в формировании траекторий развития стран и

регионов. Встраивание в глобальные производственные цепочки дает возможность обучения новым навыкам и технологиям, задействования новых ресурсов. В то же время, отмечаются риски международной торговли в виде присвоения прибыли ТНК (при продаже перерабатывающим предприятиям развивающихся стран промежуточной продукции с большой добавленной стоимостью и компонентом защищенной интеллектуальной собственности по высоким ценам на фактическое производство в этих странах приходится лишь малая часть стоимости экспортируемой готовой продукции) [1].

Участие в глобальных цепочках снижает входной барьер на нижних этапах производственной цепочки, облегчая выход на рынки («поверхностная» индустриализация), но, одновременно, формирует препятствия выходу на более высокий технологический уровень. Развивающиеся страны могут оказаться заперты в производствах с низкой добавленной стоимостью в основании пирамид производственных систем, что уменьшает потенциал их модернизации на основе передачи технологий и инноваций [2].

В свою очередь, модернизация на основе сырьевого фактора также является весьма неустойчивой ввиду существенной флуктуации сырьевых цен, и характерного для сырьевых экономик мисменеджмента [2]. Даже страны Залива, по мнению МВФ [3], могут исчерпать финансовые ресурсы уже к 2034 г. вследствие разбазаривания средств на амбициозные проекты, расходов на участие в вооруженных конфликтах за пределами своих границ (так, саудиты принимали участие в войне в Йемене, событиях в Египте, Тунисе и Ливии), бесхозяйственности, кумовства, коррупции и ручного управления.

В контексте глобальных рисков, возрастает роль квалифицированной государственной политики модернизации. Так, успешный опыт КНР в использовании потенциала глобальных производственных цепочек связан с тем, что страна добилась пространства для маневра в политике, развитии независимых механизмов финансирования модернизации [1].

Ускорение роста и структурных преобразований в Восточной Азии распространило эффект на развивающиеся страны мира в целом, хотя драйвером такого влияния был преимущественно спрос на сырье. Источник роста стран Азии - прочная прямая связь между участием в ГЦС и индустриализацией, в то время как в развивающихся странах других регионов мира такая связь является обратной [2].

Согласно ОЭСР-ВТО, доли источников добавленной стоимости, создаваемой в евразийских экономиках разного типа, были весьма различны. Так, Китай (в числе немногих стран) увеличил долю добавленной стоимости, созданной обрабатывающей промышленностью, в объеме экспорта (на 12 % в 1995–2014 гг.). В то же время в 18 из 27 развивающихся стран мира в добавленной стоимости экспорта выросла доля добывающих отраслей. Повышение инвестиционной привлекательности таких экономик усилило их зависимость от добывающих отраслей и торможение структурных изменений.

Экспорт развивающихся стран демонстрировал тенденции к технологической модернизации в НИС и Китае (что отражала доля технологического компонента экспорта), тогда как в Западной Азии отмечалась прочная опора на сырьевые отрасли. Своего рода промежуточное положение по этому индикатору занимали страны ЮВА, Южной и Восточной Азии. Здесь движение в сторону относительной технологической модернизации, отражаемое экспортом, началось лишь в 2000-е гг.

Тип и уровень развития экономики формирует межстрановые связи: так, почти 2/3 экспорта сырьевых товаров стран с переходной экономикой направляется в развитые страны. В то же время, для переходных экономик имеют большее значение взаимные поставки промышленной продукции. Страны Азии принимали до 50% экспорта развитых стран в развивающиеся страны; на Азию приходилось и ок. 75% импорта развитых стран из развивающихся [2].

Следствием отмеченных разнонаправленных форматов модернизации стали векторы трансформации позиций экономик Евразии (табл. 1).

Таблица 1

Динамика ВВП переходных и развивающихся экономик Евразии
(постоянные цены 2010 г., млрд. долл. (составлено по [4]))

Тип экономик	1990	2000	2010	2018
Переходные экономики	1896,3	1259,7	2113,2	2457,6
В т.ч. Россия	1416,2	951,6	1524,9	1722,2
В т.ч. без России	480,1	308,1	588,3	735,4
Развивающиеся экономики Азии	3913,7	7149,3	14135,1	21949,5
В т.ч. Китай	827,7	2232,1	6087,2	10797,2
В т.ч. Без Китая	3085,9	4917,2	8047,9	11152,3

США (справочно)	9001,2	12620,3	14992,1	17856,5
Мир (справочно)	37874,8	49914,9	66051,2	82457,6

Согласно ВБ, развивающиеся страны Евразии в 1990-2018 гг. показали максимальный рост, более чем вдвое превысивший среднемировой, однако тон таким темпам задавал Китай (если развивающиеся экономики показали рост в 5,6 раза, то без Китая – лишь 3,6; рост же экономики КНР достиг 13 раз). Существенно меньший рост показали переходные экономики (в 1,3 раза), однако, без учета невысокой динамики РФ (рост в 1,21 раза), рост переходных экономик составил 1,53 раза.

Такие тенденции отразились и в изменении отношения душевого показателя ВВП к экономике США и к мировым показателям (табл. 2).

Таблица 2

Динамика отношения душевого ВВП стран Евразии к уровням США и мира (постоянные цены 2011 г., составлено по [4])

Тип экономик	К уровню США (I=1)		К среднему по миру (I=1)	
	1990	2018	1990	2018
Переходные экономики	0,21	0,23	0,85	0,82
В т.ч. Россия	0,56	0,44	2,3	1,56
В т.ч. без России	0,19	0,22	0,76	0,77
Развивающиеся экономики Азии	0,51	0,5	1,9	1,74
В т.ч. Китай	0,04	0,29	0,17	1,02
В т.ч. без Китая	0,52	0,5	1,95	1,76

Согласно расчетам, в 1990 г. Россия лишь вдвое уступала душевым параметрам США, превосходя среднемировые показатели в 2,3 раза. В то же время параметры Китая были тождественны, например таковым для Бангладеш (4% от уровня США). Однако к 2018 г. отставание России углубилось, переходные и развивающиеся экономики не демонстрировали значимой догоняющей динамики. В то же время Китай значимо приблизил свои душевые показатели к уровню США и уверенно переступил среднемировой рубеж.

Сформированные в ходе среднесрочной модернизационной динамики позиции евразийских экономик были достигнуты в связи с активизацией инвестиций и экспорта (табл. 3-4).

Таблица 3

Динамика душевых инвестиций развивающихся и переходных экономик Евразии, долл./чел., в текущ. ценах (составлено по [5])

Тип экономик	2000	2010	2018
Мир	221,3	196,6	170,8
Развивающиеся экономики Азии	40,3	103,8	118,9
В т.ч. без Китая	53,4	119,3	117,8
Переходные экономики	19,8	212,5	111,1

Таблица 4

Динамика экспорта и доли ключевых стран Евразии в своих группах стран (текущие цены, млрд. долл., составлено по [5])

Тип экономик	2000	2010	2018
Мир	6452630	15302683	19453362
Развивающиеся экономики Азии	1538769	5016856	7072252
Доля КНР в экспорте развивающихся экономик Азии	16,2%	31,4%	35,1%
Переходные экономики	149573,3	609144,7	674171,2
Доля РФ в экспорте переходных экономик	72,4%	67,1%	66,8%

Согласно ЮНКТАД, ключевыми трендами стали рост значения развивающейся Азии (прежде всего - КНР) в привлечении инвестиций, а также – кратный рост доли Китая в экспорте развивающихся экономик Азии (до 1/3 такого экспорта). В то же время доминирующие (при минимальных ценах на углеводороды в 2000 г.) экспортные позиции РФ среди переходных экономик поступательно нивелировались, несмотря на кратный рост цен на экспортируемое сырье.

Заключение.

Модернизационные тренды экономик Евразии сформировали разнонаправленные векторы трансформации, в целом не приведя к значимым изменениям их позиций в мире, подтвердив малоперспективность сырьевой модели. Исключением стал Китай, который смог значимо усилить свою роль в мире и Евразии, и приблизить уровень развития к стандартам развитых стран.

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-010-00236.

Литература

1. Доклад о торговле и развитии, 2018 год Власть, платформы и иллюзия свободной торговли. Обзор. **ООН**. Нью-Йорк и Женева, 2018.
2. Доклад о торговле и развитии, 2016 год Структурная трансформация в интересах всеохватного и устойчивого роста. ООН. Нью-Йорк и Женева, 2016.
3. DIPAOLA A. MIDDLE EAST'S \$2 TRILLION WEALTH COULD BE GONE BY 2034, IMF SAYS[HTTPS://WWW.BLOOMBERG.COM/NEWS/ARTICLES/2020-02-06/MIDDLE-EAST-S-2-TRILLION-WEALTH-COULD-BE-GONE-BY-2034-IMF-SAYS](https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-02-06/middle-east-s-2-trillion-wealth-could-be-gone-by-2034-imf-says)
4. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?view=chart>
5. https://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?sCS_ChosenLang=en

Сведения об авторе:

Гонтарь Николай Владимирович, к.г.н., доцент, в.н.с, Южный федеральный университет, passat01@mail.ru, +7(863)2640264

УДК: 332.1

Горочная В.В.
Gorochnaya V.V.

РЕЗИСТЕНТНОСТЬ МОРЕХОЗЯЙСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ОТРАСЛЕВЫЕ ПРОЕКЦИИ

RESISTANCE OF THE RUSSIAN MARITIME ECONOMIC COMPLEX IN CONDITIONS OF GEO-ECONOMIC TURBULENCE: REGIONAL AND INDUSTRY PROJECTIONS

В статье рассматриваются факторы и механизмы резистентности морехозяйственного комплекса России по отношению к нестабильной динамике, вызванной геоэкономической турбулентностью. Затрагиваются вопросы морехозяйственного комплексообразования

как основы для дальнейшей кластеризации сектора. Проведена диагностика резистентности, составляющей «ресурс прочности» хозяйства приморских регионов России в территориальном и отраслевом отношении.

The article considers the factors and mechanisms of Russian maritime economic complex resisting the unstable dynamics caused by geo-economic turbulence. The author discusses the issues of maritime economic complexing as a basis for further clustering of the sector. The study gives the diagnostics of resistance in territorial and sectoral terms, as it is the 'strength resource' component of the Russian coastal regions' economy.

Ключевые слова: геоэкономическая турбулентность, морехозяйственный комплекс, регионы России.

Keywords: geo-economic turbulence, maritime economic complex, regions of Russia.

Сохранение позиций России в мировом хозяйстве и развитие экономики её регионов неизбежно сталкиваются с проблемами геоэкономической турбулентности в системе «Россия — Запад», носящими пролонгированный, долгосрочный характер как по своему проявлению, так и по наличию «отложенных» эффектов, вызванных отрицательным инвестиционным мультипликатором, а потому снижающих эмерджентность хозяйственных взаимодействий внутри страны не менее, чем в трансграничном пространстве [1]. В связи с этим встаёт актуальный вопрос выявления тех «каркасных» опорных структур, которые способны противостоять внешним эффектам благодаря собственной устойчивости, наличию естественных конкурентных преимуществ. В качестве такового может выступать морехозяйственный комплекс [2], опирающийся на преимущества приморского положения регионов и способный создавать мультипликативный эффект за счёт комплексности межотраслевых взаимосвязей [3]. Диверсифицированное и сбалансированное по бассейнам и направлениям развитие мореориентированной экономики является одним из ключевых приоритетов включения России в евразийское экономическое пространство [4], а акцент на Азово-Черноморском и Балтийском направлениях является стратегически важным для сохранения контактного потенциала западных приморских регионов европейской части России в текущих условиях [5].

Способность морехозяйства не только сохранять, но и наращивать темпы роста наиболее ярко проявила себя в сфере морских грузоперевозок и портовой логистики: практически по всем бассейнам, равно как и по всем направлениям за последние годы достигнут рост;

возрастает значение арктического и каспийского бассейнов, однако при этом в целом не снижается грузооборот и по традиционным наиболее загруженным мощностям. (Табл. 1).

Таблица 1

Динамика грузооборота морских портов России по бассейнам и направлениям (составлено автором на основе: [6])

Бассейны / направления	2016	2017	2018	2019
Азово-Черноморский	179,9	194,8	272,3	258,1
Балтийский	175,1	184,4	246,3	256,4
Арктический	34,9	54,5	92,7	104,8
Дальневосточный	138,0	144,0	200,6	213,5
Каспийский	4,3	2,7	4,8	7,4
Экспорт по всем бассейнам	567,2	606,0	623,3	654,0
Импорт по всем бассейнам	31,7	36,1	36,2	37,2
Транзит по всем бассейнам	51,1	58,3	64,3	67,2
Каботаж по всем бассейнам	72,0	86,1	92,8	81,7

Тем не менее, не все отрасли морской и приморской экономики в равной мере оказались способными к проявлению резистентности (к наиболее чувствительной и неустойчивой в условиях турбулентной динамики может быть отнесена рыбная отрасль [2]). Различной оказалась и картина по приморским регионам. Как на основе анализа статистических данных [7], так и на основе анализа кейсов протекания процессов самоорганизации (в том числе кластерогенеза и комплексообразования [2]) очевидны наибольшие сложности, возникающие в Республике Крым и г. Севастополе, вызванные не только внешними санкционными ограничениями, но и сложностями вхождения в российскую экономическую и нормативно-правовую систему, адаптации к системе госзаказов, нормативов и документооборота [8]. Несмотря на положительный опыт кластеризации в Ростовской области, в которой приморский сектор выступил в качестве одного из ключевых интегрирующих звеньев, а также способствовал мультипликативному эффекту за счёт включения новых звеньев ЦДС через взаимодействие с наукоёмким машиностроением, агробизнесом и биотехнологией [9], за последние годы внутрирегиональные причины привели к спаду производства, утрате части предприятий (в том числе кластерообразующих), общему снижению «тонуса деловой активности». В целом, Азово-

Черноморский бассейн остаётся одним из наиболее проблемных, при том, что он обладает существенным потенциалом развития производства и международного взаимодействия и, подобно Балтийскому, мог стать основой для трансграничного регионогенеза [10].

Для выявления общей картины в территориальном и отраслевом срезе проведём анализ на основе количественных статистических [7] и качественной информацией, собранной в ходе исследования [2]. (табл. 2).

Таблица 2
Территориально-отраслевые особенности резистентности МХК

Бассейн / отрасли	Портовое хозяйство и морской транспорт (перевозки, судостроение и судоремонт)	Рыбоводство и рыболовство	Добыча полезных ископаемых на шельфе	Приморский туризм и рекреация
Азово-Черноморский	Резистентность. Диверсификация. Межотраслевые взаимодействия, кластеризация, приращение ЦДС. Общий рост при наличии кризисных тенденций в РО и РК (необходимость в технико-техническом перевооружении и налаживании организационных механизмов, лоббировании интересов отрасли)	Существенная уязвимость, нестабильность, отсутствие единого выраженного тренда развития	Общий рост добычи, освоение новых месторождений, проектирование и техническое перевооружение; высокая резистентная устойчивость к внешним колебаниям	Уязвимость в сочетании с резистентным и свойствами благодаря конкурентным преимуществам и гос. инвестициям. Кластеризация и субкластеризация в КК
Балтийский	Стабильный рост. Кластеризация и диверсификация, рост ЦДС	Выраженная резистентность в сочетании с нестабильной динамикой,		Нестабильная динамика при большом потенциале развития;

		требуемая дополнительная поддержки		относительно слабая резистентность (за счёт развития внутреннего рынка). Кластеризация в КО
Арктический	Активный рост, поддерживаемый гос. инвестициями, обретение новых конкурентных позиций, высокая резистентность	Общий кризис отрасли, слабые резистентные свойства в отдельных регионах		Ограниченный потенциал, активно используемый в Европейской части России (Респ. Карелия МО, АО), нестабильный рост, резистентная кластеризация и субкластеризация
Дальневосточный	Существенный потенциал, общий рост, в т.ч. ведомый «геоэкономическим разворотом» на Восток, высокая резистентность. Кластеризация.	Относительно сильные резистентные свойства, достаточные для поддержания динамики отрасли, но не для масштабного роста		Чувствительность в сочетании с резистентными свойствами, нестабильный рост
Каспийский	Нестабильный, но наметившийся рост, наличие резистентного потенциала, в т.ч. за счёт развития «восточного» направления	Уязвимость, проявление резистентности и за последние 2-3 года		Активный и относительно стабильный рост, наличие резистентных свойств

Проведённый обзор может быть использован в качестве вспомогательного инструмента при распределении стратегических

приоритетов регионального развития МХК. Однако при этом наряду с собственно резистентностью отрасли следует учитывать и такой комплекс свойств, как способность морехозяйства к мультипликативному эффекту непосредственно для экономики региона локализации его мощностей. В свою очередь, данная проблема задаёт самостоятельный вектор для дальнейших исследований.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00005 «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции»).

Литература

1. Горочная В.В. Эмерджентность экономических кластеров: механизмы возникновения, специфика трансграничных и трансакваториальных ареалов, роль морехозяйственных отраслей // Региональная экономика и управление. 2019, №4. С. 9.

2. Горочная В.В. Резистентность морехозяйственного комплекса западных регионов России в условиях геоэкономической турбулентности: факторы, механизмы, региональный опыт // Экономические науки. 2019. №11(180). С. 29-38.

3. Горочная В.В. Методический подход к оценке резистентности морехозяйственных комплексов и кластеров в условиях геоэкономических изменений // Проблемы регионального развития в начале XXI века. Мат-лы междунар. науч. конф. Под ред. Г.М. Фёдорова, Л.А. Жиндарека, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. Калининград, 2019. С.129-140.

4. Дружинин А.Г. Евразийские приоритеты России (взгляд географа-обществоведа). Ростов-на-Дону, 2020.

5. Дружинин А.Г., Гонтарь Н.В. Россия на Балтике и в Причерноморье: геоэкономические позиции и интересы // Балтийский регион - регион сотрудничества – 2019. Мат-лы III междунар. науч.-практ. конф. Калининград, 2019. С. 141-155.

6. Ассоциация морских торговых портов. Официальный электронный ресурс. URL: <http://www.morport.com> (дата обращения: 24.02.2020).

7. Росстат. Официальный электронный ресурс. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 15.02.2020).

8. Вольхин Д.А. Трансформация экономической безопасности Крыма в условиях интеграции в российское социально-экономическое

пространство // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5. № 2. С. 79-91.

9. Горочная В.В. Территориальное распределение, циклическая динамика и метаболизм приморских инновационных кластеров в условиях геоэкономической турбулентности (на примере Ростовской области) // Развитие территориальных социально-экономических систем. Вопросы теории и практики: Мат-лы XVI науч.-практ. конф. молодых ученых. Екатеринбург, 2019. С. 51-54.

10. Горочная В.В. Трансграничная кластеризация в Черноморском регионе как фактор экономической безопасности Юга России // Балтийский регион - регион сотрудничества-2018: проблемы и перспективы трансграничного сотрудничества вдоль Западного побережья России. Материалы международной научной конференции. под редакцией Г.М. Федорова, Л.А. Жиндарева, А.Г. Дружинина, Т. Пальмовского. 2018. С. 74-84.

Сведения об авторе:

Горочная Василиса Валерьевна, кандидат экономических наук; специалист по учебно-методической работе ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону; научный сотрудник ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. И. Канта», г. Калининград, E-mail: tunduk@hotmail.com, контактный телефон: +79514994240

УДК 332.1+911

Демьяненко А.Н., Украинский В.Н.
Demyanenko Alexander, Ukrainsky Vadim

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ БАРЬЕРЫ НА ПУТИ РАЗВИТИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОБЛЕМЫ

INSTITUTIONAL BARRIERS TO THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN FAR EAST: THE GEOGRAPHICAL ASPECT OF PROBLEM

Несмотря на вал институциональных новаций, призванных вывести Дальний Восток на траекторию устойчивого социального и экономического развития, позитивные сдвиги не наблюдаются. Среди барьеров, стоящих на пути развития Дальнего Востока, есть и те, что находятся в проблемной области географической науки. К их числу

следует отнести произвольное определение границ макрорегиона и его центра, унификацию и тиражирование институтов в неоднородных географических, социальных и экономических пространствах.

Despite the shaft of institutional innovations designed to bring the Far East onto the trajectory of sustainable social and economic development, no positive changes are observed. Among the barriers that stand in the way of the development of the Far East, there are those that are in the problem area of geographical science. These include the arbitrary definition of the boundaries of the macroregion and its center, the unification and replication of institutions in heterogeneous geographical, social and economic spaces.

Ключевые слова: Дальний Восток, институты, региональное развитие, районирование, территории опережающего развития, «дальневосточный гектар», «Свободный порт Владивосток».

Keywords: Russian Far East, institutions, regional development, regionalization, territories of priority development, "Far Eastern hectare", "Free port of Vladivostok".

Институциональные новации в отношении Дальнего Востока (ДВ) с момента их инициации в 2012 г. («Поворот на Восток») вызвали неоднозначную реакцию в российском научном сообществе: от безусловного «одобрямс» до принципиального отказа рассматривать все те же действия государственной власти как объект, достойный научного анализа. (Чтобы не быть обвиненными в голословности, приведем далеко не полный перечень работ [2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13], в которых обсуждаются те или иные аспекты институциональных новаций, имеющих непосредственное отношение к социальному и экономическому развитию ДВ).

Наша позиция проста: если мы ставим целью понять, что есть социальное и экономическое развитие региона (в нашем случае – ДВ), то нам необходимо подвергнуть анализу не только пространственную социально-экономическую систему (ПСЭС), то есть управляемую подсистему, но и управляющую, производящую в том числе и институты. Под институтами мы вслед за Д. Нортон [1] понимаем правила игры, то есть те нормы и правила, которыми руководствуются экономические агенты.

В этом многоголосии мнений нашлось место и для географов, и тех, кто, не являясь географом по диплому, тем не менее не чужд географическому подходу к анализу институтов регионального развития. По нашему мнению, географический подход к анализу институтов и институций регионального развития (и здесь ДВ – не исключение) – это, во-первых, определение границ самого объекта, на

который направлены институциональные воздействия, во-вторых, выявление системы эндогенных и экзогенных факторов, определяющих становление и развития ПСЭС, наконец (возможно, это самое главное), определение реакции ПСЭС на воздействия со стороны институтов. Наверное, здесь будет уместным вспомнить слова Дж.Дж. Стиглера: «Основная роль ученого в сфере формирования государственной политики ... заключается в выяснении издержек и выгод альтернативных институциональных условий» [14, с. 75].

Если теперь предельно кратко охарактеризовать институциональные новации, имеющие целью обеспечить ускоренное и устойчивое социально-экономическое развитие ДВ, что предполагает стратегический характер институциональных новаций, то здесь будет уместно использовать только следующую формулировку: эти новации имеют несистемный характер. (Авторская позиция относительно системы стратегического планирования изложена в [15]).

Поэтому говорить о том, что они в их сегодняшнем виде позволяют преодолеть барьеры на пути развития ДВ, представляется, как минимум, излишне оптимистичным. Конечно, это утверждение расходится с победными реляциями профильного министерства по делам ДВ и Арктики, но эти реляции скорее отражают желание регулировать все и вся, но не эффективность регулятора. Более того, следует еще помнить о следующем: «давно известно, что бюрократия не в состоянии собрать и обработать всю информацию, необходимую для расчета оптимального размещения ресурсов или реализации ее на практике» [16, с. 152]. (То, что это давно известно, то есть со времен работ Б. Бруцкуса и Ф. Хайека, – это факт. Но кто сказал, что это известно тем, кто готовит, или тем, кто принимает те или иные институциональные новации?). И никакая цифровизация тут не спасает.

Конечно, можно посетовать на то, что законодатель и исполнительная власть не очень прислушиваются к мнению научного сообщества. Более того, есть все основания согласиться с тем, что мнение научного сообщества «имеет исчезающе малое влияние на государственные решения» [17, с. 432]. И хотя проблема взаимоотношения власти и экспертного сообщества присуща не только России (Показательно в этой связи признание Дж.Дж. Стиглера: «Реформы и научные исследования редко идут рука об руку» [14, с. 61]), все-таки в нашем отечестве эта проблема необычайно остра.

В противном случае вряд ли бы пришлось в очередной раз говорить о том, что границы, в том числе и географические, объекта регулирования не могут быть определены произвольно и меняться с

необычайной скоростью. Только в последние годы ДВ как программный регион был с Забайкальем и без Забайкалья, с Байкальским регионом и без него и вновь с Забайкальем. В результате площадь ДВ превысила 40% от общероссийской. А положение новой столицы федерального округа – Владивостока – означает только одно: авторы такого решения никогда не видели ни одной географической карты (Чтобы не повторяться, отсылаем читателя к работе, в которой этот сюжет рассмотрен достаточно подробно [6]).

Может быть следует вернуться к хорошо забытому прошлому – к границам Приамурского генерал-губернаторства или, что почти одно и то же, к границам Госплановских областей в их первоначальном варианте? То есть к ДВ без Забайкалья и без Якутии [4; 5; 18].

Еще одна проблема, решение которой самым непосредственным образом имеет отношение, с одной стороны, к географической науке, а с другой – к институтам регионального развития, – это проблема выявления и оценки внутренней неоднородности ДВ. Показательно, что эта проблема осознается не только географами [4; 5; 6; 19], что вполне ожидаемо, но и представителями других научных дисциплин: экономистами, социологами, антропологами [3; 8; 10; 18; 20].

Пренебрежение этой проблемой характерно для всех без исключения институциональных новаций, от ТОРов и СПВ до «дальневосточного гектара». В результате мы имеем дело с унификацией управленческих решений, принимаемых в рамках упоминавшихся уже не раз институтов. К этому следует добавить: раз принятые решения затем тиражируются без учета особенностей как природного, так и социального характера, присущих отдельным дальневосточным территориям.

Наконец, коротко о реакции дальневосточной экономики и социума на институциональные новации. С одной стороны, процесс как бы идет, и отчеты министерства – тому свидетельство. Запланированные мероприятия имели место. Однако «на вопрос о влиянии регулирования невозможно ответить, перечисляя меры регулирования» [14, с. 111]. С другой стороны, когда выясняется, что экономическая ситуация, равно как и социодемографическая, слабо реагирует на новации, то тому оказывается есть причина: времени прошло слишком мало, следует просто подождать, и эффект будет. Если же изменения все-таки имеют место быть, то есть большая вероятность того, что они произошли бы и без участия регулятора.

И здесь невольно возникает крамольный вопрос: а «Поворот на Восток» был нужен? Во всяком случае, в том варианте, как он начал реализовываться во второй декаде нынешнего столетия. Можно

вспомнить о том, что еще в начале века отмечали В.Н. Лексин и А.Н. Швецов: «...если Россия действительно заинтересована в том, чтобы и в XXI веке оставаться азиатско-европейской страной, максимально использующей связанные с этим выгоды территориально-пространственного, природо-ресурсного и геополитического характера, то ей нужна принципиально новая региональная политика в отношении Сибири и Дальнего Востока» [21, с. 6]. Рассматриваемые же институциональные новации как раз таки принципиальной новизной и не обладают: под новыми ярлыками фигурируют по сути те же преференциальные режимы, которые уже неоднократно и много где пытались использовать.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики М.: Начала, 1997. 180 с.
2. Бакланов П.Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 12–19.
3. Винобер А.В. Дальневосточный гектар: социально-экономический анализ и прогноз // Биосферное хозяйство: теория и практика. 2020. № 1. С. 13–18.
4. Демьяненко А.Н. Несколько слов о проекте Национальной программы развития Дальнего Востока // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 5–12.
5. Демьяненко А.Н. О «Дальневосточном гектаре», или как нам привлечь население на Дальний Восток: исторический опыт // Регионалистика. 2017. Т. 4. № 3. С. 5–13.
6. Демьяненко А.Н. Сколько столиц нужно Дальнему Востоку? // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 5. С. 5–11.
7. Изотов Д.А. Ускорение экономики Дальнего Востока: помогут ли новые институты? // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2. С. 155–163.
8. Кашина Н.В. Территории опережающего развития: новый инструмент привлечения инвестиций на Дальний Восток России // Экономика региона. 2016. Т. 12. № 2. С. 569–585.
9. Леонов С.Н. Инструменты реализации государственной региональной политики в отношении Дальнего Востока России // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 41–67.

10. Минакир П.А., Прокапало О.М. Дальневосточный приоритет: инвестиционно-институциональные комбинации // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 2. С. 146–155.

11. Ниязова М.В. Влияние особых правовых режимов на экономику Дальнего Востока России // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2019. № 48. С. 83–100.

12. Поворот на Восток: Развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России. М.: Международные отношения, 2016. 448 с.

13. Рыжова Н.П., Журавская Т.Н., Феоктистова К.И. «Дальневосточный гектар»: эксперимент по формированию института прав собственности на землю? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. 2017. № 4. С. 40–54.

14. Стиглер Дж. Дж. Гражданин и государство. Эссе о регулировании. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. 336 с.

15. Швецов А.Н., Демьяненко А.Н., Украинский В.Н. Деструктивные стереотипы российского стратегического планирования и их возможные последствия для практики регионального стратегирования (часть 2): от общего к частному // Регионалистика. 2016. Т. 3. № 6. С. 69–80.

16. Олсон М. Власть и процветание: Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М.: Новое издательство, 2012. 212 с.

17. Швецов А.Н. Системные преобразования социоэкономического пространства: предпосылки, движущие силы, инструменты // Пространственный потенциал развития России: невыученные уроки и задачи на будущее / Сборник научных трудов участников Международной научной конференции – XXVI Кондратьевские чтения. Под ред. В.М. Бондаренко. М., 2019. С. 430–435.

18. Минакир П.А., Демьяненко А.Н., Прокапало О.М., Горюнов А.П. Интеграция и дезинтеграция в экономическом пространстве России: методологический аспект // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. 2018. № 4. С. 43–54.

19. Бакланов П.Я. Романов М.Т. Направления долгосрочного развития Дальневосточного региона России // Вестник ДВО РАН. 2019. № 4. С. 6–18.

20. Бляхер Л.Е., Обирин А.И. Дальний Восток: инструкция по использованию, или Зачем России Дальний Восток // Регионалистика. 2019. Т. 6. № 3. С. 13–30.

21. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Новые оценки, новые приоритеты и новые решения // Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1. М., 2001. С. 5–15.

Сведения об авторах:

Демяненко Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, demyanenko@ecrin.ru, +7-914-202-92-90

Украинский Вадим Николаевич, кандидат экономических наук, научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН, schtirlitz1975@gmail.com, +7-924-303-56-15

УДК 910.3

Еремеева Н.В., Лачининский С.С.
Eremeeva N.V., Lachininskii S.S.

**СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВРЕМЕННОГО
ПОРТОВО-ЛОГИСТИЧЕСКОГО УЗЛА**

**THE MODERN APPROACHES TO RESEARCH OF
TERRITORIAL STRUCTURE OF THE MODERN PORT
LOGISTICS HUB**

Определяются ключевые научные подходы, позволяющие проанализировать территориальную структуру портово-логистического узла. Из наиболее значимых подходов присутствуют системный, типологический и кластерный.

Current paper is focused on the selection of crucial scientific approaches used in economic geographical, which will allow to analyses territorial structure of the modern port logistics hub. Among considered approaches, the system, the cluster and typological approaches have the greatest significance.

Ключевые слова: научный подход, территориальная структура, портово-логистические узлы.

Key words: scientific approach, territorial structure, port logistics hub.

Современные подходы к исследованию общественно-географических проблем в XXI в. протекают в рамках пространственно-временной парадигмы. Многообразие подходов и

методов позволяют решать различные задачи географической науки. Согласно З.Е. Дзенису «подход» понимается как философская, методологическая позиция исследователя, его стратегия [1]. Здесь и далее мы будем придерживаться этого определения.

Цель работы определить те ключевые подходы, которые позволят выявить особенности территориальной структуры портово-логистического узла.

Вопрос о территориальной структуре (ТС) различных объектов социально-экономической географии всегда находилась в центре внимания исследователей. Научная основа данной категории изучалась в работах А.П. Горкина, В.М. Гохмана, Г.М. Лаппо, Смирнягина и др., но особенно подробно была изложена И.М. Маергойзом. В своих исследованиях И.М. говорит о ТС как о генерализующей «стержевой» категории, которая несет конструктивную нагрузку и что она свойственна системе народного хозяйства и его подсистемам (напр., материальному производству, населению, инфраструктуре и др.), [2]. А.П. Горкин рассматривает ТС как взаиморасположение, взаимосвязи и взаимодействия пространственно выраженных элементов сложного географического объекта, рассматриваемого как система и указывает, что она является характеристикой любой пространственной системы [3]. Таким образом, вышеприведенные понятия ТС находятся в тесном сплетении с такими категориями как пространство, экономико-географическое положение, территориальная концентрация и т.д.

В условиях современной глобализации морской транспорт играет чрезвычайно важную роль. Согласно International Chamber of Shipping (ICS) на морской транспорт приходится около 90% всех перевозимых грузов [4]. Но это было бы невозможно без четко сформированных производственно-инфраструктурных составляющих морских портов, которые являются *узловыми элементами* транспортной сети и одновременно представляют собой *территории*.

Морским портам присущи практически все аспекты не только территориальной, но и акваториальной (морской) организации хозяйства и благодаря этому они имеют право представлять собой целостную систему, состоящую из структурных единиц, которые тесно связаны, взаимообусловлены и дополняют друг друга. Территориальная структура портово-логистического узла представляет собой достаточно сложный, многогранный географический объект и может анализироваться с позиций различных методологических подходов географии. Важнейшими из всей совокупности подходов можно выделить такие как системный, комплексный, типологический, каркасный и кластерный. Каждый из этих методологических подходов

представляет специфическое видение изучаемого объекта. Рассмотрим кратко данные подходы исследований применительно к этой проблеме.

Системный и комплексный подходы в некотором смысле схожи между собой, поскольку в их основе лежит рассмотрение объекта как целостного множества элементов и совокупности отношений и связей между ними [3, 5]. Благодаря этому эти подходы позволяют рассматривать явления в их взаимосвязи.

Согласно Кодексу торгового мореплавания РФ под морским портом понимается «...*территория и совокупность размещенных в границах этой территории объектов инфраструктуры морского порта, используемых для осуществления деятельности в целях торгового мореплавания...*» [6]. В зависимости от совокупности факторов (географического положения, специализации и др.) базовый морской порт может перерасти в крупный портово-логистический узел со своей особой спецификой, в т.ч. территориально-структурной. Поэтому такой сложный комплексный объект можно анализировать через совокупность устойчивых связей и отношений между элементами системы, обеспечивающих его целостность.

Типологический подход представляет собой методологический подход к исследованию объектов, явлений и процессов, базирующийся на типологическом анализе и предполагает подразделение объектов на отдельные группы с близкими по значению показателями. Применимо к морским портам его можно использовать для выделения качественно отличных признаков портово-логистических узлов друг от друга. Присутствие типологических черт между узлами может указать на то, что развитие портово-логистических тенденций протекает в соответствии с общими закономерностями. Поэтому типологический подход дает возможность не только составить общее представление об исследуемом объекте, но одновременно с этим понять и зафиксировать общие направления (тенденции) развития процессов.

Кластерный подход, по мнению многих исследователей, берет свое начало в «индустриальных районах» Маршалла (Bergman), под которыми он понимал пространственную локализацию предприятий сходных отраслей и которые в дальнейшем переросли в «промышленные районы», «территориально-производственные комплексы». В настоящее время большую значимость для анализа экономико-географических объектов представляют так называемые *кластеры*. Определения и трактовки кластера встречаются в работах американских (М. Энрайт, М. Портер), шведских (К. Фредрикссон, Л.

Линдмарк), отечественных ученых (А. Горкин, Л. Смирнягин) и многих других.

В 90-е гг. XX века П. Кругман пришёл к выводу, что самой выдающейся чертой в географии экономической деятельности является концентрация [7], которая может быть выражена с помощью специализации, общего использования инфраструктуры, транспортных издержек, и т.д. Выдвинутая М. Портером теория промышленного кластера определяет, что под действием сил-факторов в регионе концентрируются промышленные объекты, которые становятся двигателем развития экономики региона [8]. Данная теория легла в основу концепции транспортно-логистического кластера.

Таким образом, проблемную область кластерного подхода в исследовании территориальной структуры поргово-логистических узлов может составить выявление взаимосвязей между предприятиями, составляющие портовую агломерацию.

Каркасный подход связан с развитием концепции опорного каркаса (ОК) территориальной структуры народного хозяйства. Согласно Лапко Г.М. ОК представляет собой сочетание главных фокусов хозяйственной, социальной и культурной жизни страны, а также соединяющих их социально-экономических линий. Важно сопряженное рассмотрение центров и линий, т. е. городов и связей между ними, прежде всего магистралей транспорта. Формирование ОК тесно связано с развитием единых систем инфраструктуры - транспорта, энергетики, связи [9]. Поэтому каркасный подход к выявлению территориальной структуры морских портов представляет собой выделение ареалов, линий и узлов (точек, фокусов) интенсивного взаимодействия порта и примыкающих к нему территорий. При этом полезно выделение *точечных узлов* (портов) как общего назначения, (ориентированных на выполнение стандартного набора функций) так и специализированно-отраслевых (обслуживающих конкретный вид перевозок), анализ *линейных элементов* в виде коммуникаций или транспортных артерий. Благодаря этому подход можно выявлять территориальные различия от места к месту, изучать взаимосвязи, проводить генерализацию явлений и исследовать динамику процессов, происходящих в поргово-логистических узлах.

Таким образом, территориальная структура поргово-логистических узлов имеет сложную, многомерную сущность и ее возможно проанализировать с помощью различных научно-методологических подходов географии.

Литература

1. Дзенис З.Е. Методология и методика социально-экономико-географических исследований. Рига: Зинатне, 1980. 262 с.
2. Маергойз И.М. Территориальная структура народного хозяйства и некоторые подходы к ее исследованию в социалистических странах в свете социалистической экономической интеграции // ВМУ. 1975. № 4. С.3–21.
3. Социально-экономическая география: понятия и термины: словарь-справочник / отв. ред. А. П. Горкин. Смоленск: Ойкумена, 2013. 328 с.
4. International Chamber of Shipping. URL: <https://www.ics-shipping.org/shipping-facts/key-facts> (дата обращения 05.02.2020)
5. Алаев Э.Б. Экономико-географическая терминология: Словарь-справочник. М.: Мысль, 1977. 199 с.
6. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации (КТМ РФ) от 30.04.1999 № 81-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 31.01.2019). URL: <http://www.consultant.ru/popular/shipping/> (дата обращения: 07.02.2020).
7. Krugman P. R. Geography and trade / P. R. Krugman. Cambridge, MA: MIT Press, 1993. 142 p.
8. Porter M. The competitive advantage of nations. NY: Free Press, 1990. 855 p.
9. Лаппо Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение. Известия АН СССР. Серия географическая, №5, 1983, с. 16-28.

Сведения об авторах:

Еремеева Надежда Владимировна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, каф. экономической и социальной географии; nveremeeva8@gmail.com

Лачининский Станислав Сергеевич, кандидат географических наук, доцент; lachininsky@gmail.com

Eremeeva Nadezhda V., Postgraduate of St Petersburg University, Academic Chair the Economic and Social Geography; nveremeeva8@gmail.com

Lachininskii Stanislav S., Candidate of Geographic Sciences, Associate Professor; lachininsky@gmail.com

Попкова Л.И.
Popkova L.I.

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF THE RUSSIAN-UKRAINIAN BORDER AREA

Рассматриваются абсолютные и относительные показатели динамики численности населения российско-украинского приграничного пространства. Отмечаются прогрессирующие депопуляционные тенденции, обусловленные действием факторов различного уровня иерархии. Прослежена территориальная дифференциация масштабов динамики демографического потенциала в зависимости от положения по отношению к государственной границе и при движении с северо-запада на юго-восток.

Absolute and relative indicators of population dynamics in the Russian-Ukrainian border area are considered. Depopulation marked progressive tendencies, due to the influence of factors at different levels of the hierarchy. Territorial differentiation of the scale of demographic potential dynamics is traced depending on the position in relation to the state border and when moving from the North-West to the South-East.

Ключевые слова: российско-украинское приграничье, демографическая ситуация, динамика численности населения, территориальная дифференциация плотности населения.

Keywords: Russian-Ukrainian border area, demographic situation, population dynamics, territorial differentiation of population density.

Введение.

Демографический потенциал представляет собой одну из основных, базовых характеристик общественной системы. Особенно его значимость повышается в условиях практически повсеместной депопуляции населения, проживающего на периферийных территориях. К числу таких территорий относится и российско-украинское приграничное пространство [1]. Несмотря на географическое положение в ЦФО, в «главной» полосе расселения, приграничье испытывает недостаток демографических ресурсов для воспроизводства населения. Вызывает серьёзное опасение динамика спада такого потенциала, его скорость и масштабы.

В опубликованных источниках приводится достаточно много определений понятия «демографический потенциал» [2-5]. Принимая во внимание все эти версии, в результате обобщения их содержания, под демографическим потенциалом предлагается понимать те возможности, которыми обладает территория для обеспечения воспроизводства населения.

Для анализа воспроизводственного потенциала целесообразно использовать абсолютные и относительные показатели, пригодные для составления сравнительных демографических характеристик: рождаемости, смертности, естественного и миграционного движения населения. Сочетания этих показатели в результате влияют на формирование численность населения и определяют её динамику.

Факторы, влияющие на эти процессы, проявляются на нескольких иерархических уровнях. В качестве глобального воздействия будем оценивать влияние второго демографического перехода, ключевым аспектом которого является поступательное движение от высоких показателей рождаемости и смертности – к низким [6, 7]. Степень воздействия этого фактора невозможно переоценить и очень сложно привести показатели к исходным значениям, повернуть вспять в силу необратимо изменившихся условий жизни и деятельности населения.

Факторы регионального масштаба способствуют или препятствуют несущественной корректировке репродуктивного поведения, но не позволяют выходить за рамки сформировавшейся и принятой обществом тенденции приоритета малодетной семьи [8]. К действию факторов такого уровня отнесём: скорость распространения демографических перемен под влиянием государственной демографической политики и, как в случае с российско-украинским приграничьем, изменение геополитической ситуации в результате межгосударственного кризиса 2014 г.

Действие факторов локального уровня связано не столько с причинами, сколько со следствиями, возникшими в процессе совокупного действия факторов двух более высоких уровней. Например, сложившаяся возрастная структура населения, доля женщин фертильного возраста и пр.

Демографический потенциал исчерпан? Прогрессирующая депопуляция как господствующий тренд трансформации населения российско-украинского приграничья, обусловлена перекрёстным действием перечисленных факторов и подразумевает значительную, последовательную и долгосрочную потерю населения.

Рассмотрим каждую из этих характеристик беспрецедентной убыли населения. За точку отсчёта примем 1990 г., по сравнению с

которым в 2019 году потери населения составили более 3,7 миллионов человек (в среднем более 130 тысяч ежегодно). Спад населения, хоть и разными темпами, продолжается практически всё то время, пока страны существуют в рамках самостоятельных государств. Справедливости ради отметим, что эти тенденции имеют более глубокие корни [9].

Таким образом, потеря 15 % населения за весь исследуемый 28-летний период при отсутствии даже кратковременного повышения численности, позволяет утверждать о преобладающих процессах депопуляции приграничного сообщества. Для наглядности приведём графическое изображение динамики численности населения отдельно для областей российского и украинского приграничья (рис. 1).

Такая ярко выраженная отрицательная динамика обусловлена низкой рождаемостью, превышающей её смертностью и миграционным оттоком населения. Однако в данной ситуации существует определённая территориальная дифференциация тенденций.

Во-первых, это существенные различия между российской и украинской сторонами приграничья. Наблюдается более кризисная ситуация на украинской стороне приграничного пространства. Она обусловлена как глобальными и региональными причинами, так и ситуацией в украинском Донбассе. Совокупно только на этот регион приходится половина всех потерь украинской стороны. Катастрофична ситуация с полумиллионной потерей населения Харьковской, 400-тысячной – Черниговской, 300-тысячной убылью населения Сумской области.

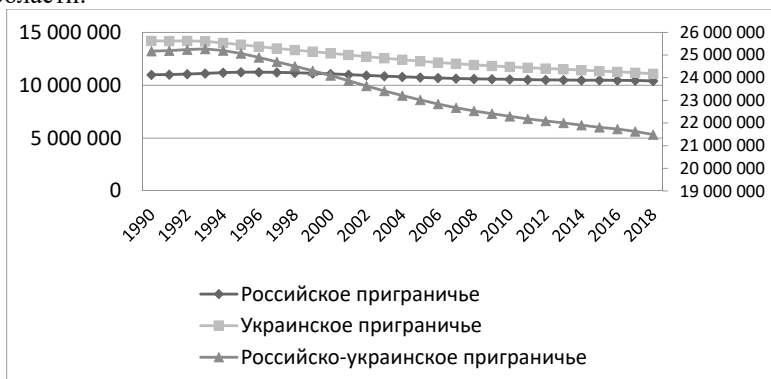

Рис. 1. Динамика численности населения российско-украинского приграничья. Составлено по данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (gks.ru), Государственной службы статистики Украины (www.ukrstat.gov.ua).

На российской стороне границы потери менее существенны, но заметны. Аномально позитивна в этом смысле Белгородская область, население которой увеличилось за период на 155 тысяч человек. Остальные области потеряли от 114 тысяч человек в Ростовской, до 250 тысяч – в Брянской области.

Во-вторых, прослеживаются тенденции изменения численности населения при движении вдоль границы с северо-запада на юго-восток. Лучше всего это проявляется в динамике плотности населения (табл. 1).

Таблица 1
Динамика плотности населения приграничных областей

Области	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Белгородская	56,47	56,61	56,79	56,91	57,04	57,13	57,23	57,12	57,03
Брянская	36,59	36,27	35,97	35,65	35,37	35,16	35,02	34,74	34,43
Воронежская	44,71	44,65	44,63	44,60	44,65	44,69	44,73	44,69	44,58
Курская	37,53	37,39	37,31	37,30	37,25	37,34	37,43	37,18	36,91
Ростовская	42,34	42,20	42,14	42,05	42,02	41,95	41,91	41,80	41,62
Российское приграничье	43,53	43,42	43,37	43,30	43,27	43,25	43,26	43,11	42,91
Донецкая	167,18	166,05	164,52	163,33	161,57	160,36	159,56	157,92	156,62
Луганская	85,87	85,17	84,40	83,76	83,03	82,48	82,10	81,07	80,47
Сумская	48,74	48,35	47,88	47,45	47,05	46,62	46,25	45,82	45,28
Харьковская	87,69	87,28	86,85	86,63	86,44	86,03	85,48	85,25	84,66
Черниговская	34,42	34,12	33,52	33,17	32,82	32,49	32,12	31,71	31,26
Украинское приграничье	84,78	84,20	83,43	82,87	82,18	81,60	81,10	80,35	79,66
Российско-украинское приграничье	64,15	63,81	63,40	63,08	62,72	62,43	62,18	61,73	61,29

Примечание. Составлено по материалам официальных веб-сайтов Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации (gks.ru), Государственной службы статистики Украины (www.ukrstat.gov.ua).

Исторически сложилось так, что плотность населения почти в два раза выше на украинской стороне границы [10, 11], что обусловлено размещением здесь промышленных ареалов Донбасса и городов-

миллионеров Донецка и Харькова. После 2014 года Донецк потерял статус миллионного города, что оказало влияние на существенную потерю демографического потенциала.

На российской стороне границы к миллионному Ростову-на-Дону прибавился Воронеж, что, впрочем, не привело к перераспределению плотности населения в сторону её увеличения. Обе стороны приграничного пространства между Россией и Украиной снизили плотность населения.

При движении с северо-запада на юго-восток наиболее контрастно южное приграничье в силу обозначенных выше причин. Наиболее устойчиво – центральное, благодаря территориально сближенным относительно благополучным в демографическом смысле городам (Белгороду и Харькову), находящихся на небольшом удалении друг от друга и связанных полимагистральным транспортным коридором. Это придаёт некоторую стабильность как городской, так и сельской местности этой части приграничья.

Наиболее уязвимы в демографическом плане области северного приграничья. Особенно Черниговская и Брянская области, которые представляют собой слабо инфраструктурно обустроенные территории, имеющие разреженную транспортную сеть и небольшую расселенческую связность.

Заключение.

В результате анализа показателей развития демографического потенциала выявлено существенное влияние геополитического кризиса 2014 года на современный демографический потенциал российско-украинского приграничья, усугубившее и без того кризисную ситуацию с рождаемостью, смертностью и миграционной подвижностью населения. Кризис сильнее отразился на украинском населении, особенно проживавшем в Донбассе.

Периферийность российско-украинского приграничья, долго сохранявшая заповедный демографический фонд, утратила традиционные демографические ценности, привела к обвалу тех скреп, которые хоть и не очень сильно, но, всё же, поддерживали демографический потенциал территории как основу социально и экономического благополучия населения.

Литература

1. Попкова Л.И. Приграничное пространство как полигон для исследования территориального неравенства в системе "Центр - Периферия"// В сборнике: Центр и периферия: диалог или

неиспользованные возможности? // Сборник научных статей по итогам Всероссийского научно-практического семинара. 2019. С. 160-169.

2. Hersch L. De la demographie actuelle a la demographie potentielle. – Geneva, 1944.

3. Мингалева Ж.А., Игошев М.В. Формирование современного демографического потенциала как основа структурной модернизации экономики // Российское предпринимательство. – М., 2011. – № 2, Вып. 1 (177). – С. 24–30. – <http://old.creativeconomy.ru/articles/11342/>.

4. Шабунова А.А., Калачикова О.Н. Демографический потенциал и стимулирование рождаемости // (Опубликовано в журнале "Народонаселение", 2016, №4, с. 47-56).

5. Евсеенко О.И. Методологические основы оценки демографического потенциала региона: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05. – СПб, 2001. – С. 22.

6. Вишневский А.Г. После демографического перехода: дивергенция, конвергенция или разнообразие? // *Общественные науки и современность*. 2015. № 2: 112–129.

7. Вишневский А.Г. Демографический прорыв или движение по кругу? Часть первая // *Демоскоп Weekly*, 533-534, 26 ноября – 9 декабря 2012 г. <http://demoscope.ru/weekly/2012/0533/tema01.php>; Часть вторая // *Демоскоп Weekly*, 535-536, 10-31 декабря 2012 г. <http://demoscope.ru/weekly/2012/0535/tema01.php>

8. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Рождаемость населения России и демографические волны // *Народонаселение*. - 2017. - № 4. - С. 56-66.

9. Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья. Смоленск, 2005., 304 с.

10. Попкова Л.И. Территориальная организация населения российско-украинского приграничья // *Регионоведение*. 2004. № 4(49). С. 90-98.

11. Попкова Л.И., Карякина А.В. Населенность территории российско-украинского приграничья: плотность сельского населения, типы заселения // *Вестник Воронежского государственного университета*. Серия: География. Геоэкология. 2015. № 3. С. 19-27.

Сведения об авторе:

Попкова Людмила Ивановна, доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии Курского государственного университета; geopoli@mail.ru; 8(960)693-24-33.

Руднева В.А.
Rudneva V.A.

ИНВЕСТИЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

INVESTMENT POTENTIAL OF REINDUSTRIALIZATION OF EASTERN SIBERIA

Проведена оценка инвестиционного фактора реиндустриализации Восточной Сибири (Красноярский край, Иркутская область, Республики Хакасия, Тыва, Бурятия и Забайкальский край). Красноярский край обладает максимальным инвестиционным потенциалом, далее следует Иркутская область. Инвестиционная политика в регионе с 2010 – 2016 гг. не изменилась.

The investment factor of the reindustrialization of Eastern Siberia (Krasnoyarsk Territory, Irkutsk Region, the Republic of Khakassia, Tuva, Buryatia and Trans-Baikal Territory) was evaluated. Krasnoyarsk Territory has the maximum investment potential, followed by the Irkutsk Region. Investment policy in the region from 2010 – 2016 not changed.

Ключевые слова: инвестиции, реиндустриализация, инвестиционный потенциал, Восточная Сибирь.

Keywords: investment, reindustrialization, investment potential, Eastern Siberia.

Новый этап промышленного развития характеризуется значимостью высокотехнологичной продукции и высококвалифицированными кадрами. При этом возможности у субъектов Восточной Сибири, как и России в целом, для развертывания реиндустриализации также разные. Активизация данного процесса зависит от реализации основных конкурентных преимуществ рассматриваемой территории. Одним из факторов проведения новой индустриализации является инвестиционный потенциал, т.к. инвестиции в промышленность – это движущая сила развития экономики нашей страны.

Он включает в себя пять показателей: доля субъектов в общенациональном значении объема инвестиций в основной капитал, доля субъекта в общероссийском значении валового накопления основного капитала, инвестиции в основной капитал на одного занятого в промышленности, отношение инвестиций в основной капитал к ВРП и индекс физического объема инвестиций в основной

капитал. Данный потенциал рассчитывается в виде индекса, где сначала вычисляются пять показателей инвестиционного потенциала на основе данных и индексных показателей Росстата по методике уральских географов и экономистов [1]. Затем полученные значения рассчитывались по методу линейного масштабирования из-за большой вариации значений. Сам индекс формируется как среднее арифметическое нормализованных значений всех показателей.

Количественная оценка позволила выделить 4 группы инвестиционной активности в 2010 и 2016 гг.: I – высокий (выше 0,7000) – Красноярский край (0,8491), II – средний (0,5000 – 0,6999) – Иркутская область (0,6800) и Забайкальский край (0,05129), III – ниже среднего (0,2000 – 0,4999), IV – (ниже 1,9999) – Республики Хакасия, Бурятия и Тыва. В пределах субъектов Восточной Сибири прослеживается значительная дифференциация значений в индексах (табл. 1). По всем значениям, Красноярский край имеет максимальные и высокие значения.

Таблица 1

Значения по инвестиционному потенциалу субъектов Сибирского федерального округа

Субъекты СФО	2010	2016
Республика Алтай	0,3674	0,3537
Республика Бурятия	0,2407	0,1035
Республика Тыва	0,1616	0,0416
Республика Хакасия	0,4589	0,1240
Алтайский край	0,2199	0,1828
Забайкальский край	0,1239	0,5129
Красноярский край	0,5350	0,8491
Иркутская область	0,2056	0,6800
Кемеровская область	0,3634	0,3378
Новосибирская область	0,2657	0,2428
Омская область	0,1922	0,1926
Томская область	0,2352	0,3977

Примечание. Составлено и рассчитано автором.

В основном поступление инвестиций было направлено в добычу полезных ископаемых. Такой приток денежных средств объясняется выполнением крупных инвестиционных проектов (проекты по комплексному освоению Нижнего Приангарья, «ВСТО», «СилаСибири», разведкой новых месторождений и увеличением добычи полезных ископаемых). Таким образом, Иркутская область смогла улучшить свой показатель более чем в 3 раза, а Забайкальский край свыше 4 раз. Республики, наоборот, показали снижение по всем

пяти показателям и соответственно итоговому индексу. В Бурятии сокращение данного элемента потенциала в 2,3 раза объясняется тем, что любая промышленная деятельность значительно ограничена из-за расположения на большей части субъекта Байкальской природной территории (БПТ). В Республике Хакасия этот индекс снизился в 3,7 раза, это связано с окончанием в 2014 г. комплексных модернизационных работ на Саяно-Шушенской ГЭС, а значимые инвестиционные проекты начали реализовываться после 2016 г. [2]. В Тыве произошло падение в 4 раза, т.к. основные и затратные очереди проектов добывающей промышленности были завершены. Следует отметить, что сырьевые инвестиционные проекты – это разовые вложения, которые при выходе предприятия на проектную мощность прекращаются, что показывает неустойчивость такого показателя для прогнозирования будущего развития.

За последние 10 лет (2006 – 2016 гг.) инвестиции в промышленность Восточной Сибири возросли почти в 5,5 раз, а в обрабатывающее производство – свыше 4 раз [3]. В силу неосвоенности территории и сложившейся системы расселения малый и средний бизнес не имеет возможности участвовать в таких крупных проектах. Но именно он способствует зарождению новых подотраслей и/или восстановлению сокративших свое производство предприятий в период рыночных трансформаций. С 2006 – 2016 гг. структура инвестиций в основной капитал по источникам финансирования практически не изменилась. Только Иркутская область использует в основном собственные средства (62,6 % в 2016 г.). У остальных субъектов преобладают привлеченные бюджетные средства (особенно из федерального бюджета – до 30 %). Отметим, что у Красноярского края преобладают привлеченные средства (50,5 % в 2016 г.), но при этом процент кредитных средств, а также федерального и местного бюджетов низкий. [3]. Данный аспект показывает, что за этот период инвестиционная политика в регионе остается прежней.

Таким образом, основной приток денежных средств был направлен в добычу полезных ископаемых. Показатели инвестиционного потенциала у республик и Забайкальского края, характеризуются изменчивостью, что обусловлено повышением влияния отдельных инвестиционных проектов на фоне низкой инвестиционной привлекательности. Экстерриториальность интересов характерна для большей части бизнеса. Крупные игроки заинтересованы лишь в увеличении прибыли, а не развитии территории. Местная администрация практически не имеет

собственных средств и поэтому пользуется субсидиями и дотациями государства.

Литература

1. Новикова Н.В. Методология выявления потенциала новой индустриальной модернизации в пространстве макрорегиона // Региональная экономика: вызовы, приоритеты, стратегические ориентиры. – Екатеринбург: Изд-во Урал.гос. экон. ун-та, 2017. – С. 152 – 171.

2. Инвестиционный портал в Республике Хакасия [Электронный ресурс]. – <https://invest.r-19.ru/partnership/4> (дата обращения 05.09.2018).

3. Регионы России. Социально-экономические показатели, 2017 г. / Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – http://www.gks.ru/bgd/regl/b16_14p/Main.htm (дата обращения 20.02.2020).

Сведения об авторе:

Руднева Вера Анатольевна, м.н.с., ИНЦ СО РАН ;
varud8892@yandex.ru 89500854062

УДК 332.38

Рырмак А.И., Сулин М.А., Богданов В.Л.
Ryrmak A.I., Sulin M.A., Bogdanov V.L.

РЕАЛИЗАЦИЯ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ «ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГЕКТАР» В ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

IMPLEMENTATION OF THE FEDERAL PROGRAM “FAR EASTERN HECTAR” IN THE LAND USE OF THE FEDERAL DISTRICT

В статье рассматриваются цели создания Федеральной программы «Дальневосточный гектар». Представлен порядок оформления документов для получения гектара земли в безвозмездное пользование. Статья содержит информацию по результатам государственной поддержки участников программы. В ней приводятся сведения о площадях земель, полученных участниками программы.

The article discusses the goals of creating the Far East Hectare Federal Program. The paper presents the procedure for processing documents to obtain a hectare of land for free use. The article contains information on the results of state support to program participants. It provides information on the land area received by the program participants

Ключевые слова: программа «Дальневосточный гектар», землепользование, участники программы, земельный участок, безвозмездное пользование.

Key words: Far Eastern Hectare program, land use, program participants, land, gratuitous use.

В условиях нарастающей актуальности вопросов об использовании земель в Российской Федерации, органы государственной власти разрабатывают новые программы федерального и регионального субсидирования и помощи гражданам, вносят поправки в имеющиеся нормативно-правовые акты.

Одним из ярких примеров программ экономического развития территории является Федеральная программа «Дальневосточный гектар». В мае 2016 года вступил в силу новый Федеральный закон № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1]. Благодаря этому закону каждый гражданин Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе мог получить в пользование участок земли, площадью до 1 гектара.

Уже в 2016 г. Федеральная программа «Дальневосточный гектар» положительно повлияла на демографию Дальнего Востока. Анализируя демографическое положение региона в этом году, отток населения сократился почти в 1,5 раза по сравнению с 2015 годом (с 14,7 до 9,5 тыс. человек). В целом за период 1991—2015 гг. население здесь уменьшилось на 1,8 млн. человек (22% от общего количества населения России).

Площадь Дальневосточного федерального округа (ДФО) составляет значительную площадь - 6,9429 млн км², или около 41% территории РФ. В состав округа входят 11 субъектов Российской Федерации.

Земельный фонд ДФО составляет 616 млн. га, из которых 45% занимают земли лесного фонда; 30,3 % оленьи пастбища, сельскохозяйственные угодья и прочие земли.

Создание программы «Дальневосточный гектар» преследовало несколько целей своего развития:

- привлечение граждан для постоянного места жительства на территории Дальневосточного федерального округа;
- уменьшение миграции местного населения;
- освоение свободных территорий Дальнего Востока;
- улучшение экономической деятельности граждан, посредством создания различных мер поддержки и субсидирования граждан, получивших право на земельный участок;
- обеспечение занятости привлеченного населения;
- создание социальной, транспортной, энергетической, коммуникационной инфраструктуры для граждан, получивших право на «дальневосточный гектар»;
- обеспечение для граждан, получивших право на земельный участок комфортными условиями проживания.

Программа «Дальневосточный гектар» реализовывалась поэтапно:

- на первом этапе участки предоставлялись с 1 июня 2016 года в отдельных муниципальных образованиях дальневосточных регионов.
- Второй этап по обеспечению граждан земельными участками начался 1 октября 2016 года, когда свой гектар могли получить жители Дальневосточного округа на всей территории соответствующего субъекта ДФО.
- Заключительным этапом программы являлось предоставление с 1 февраля 2017 года гектара всем жителям Российской Федерации.

В 2019 году, Республика Бурятия и Забайкальский край тоже «открыли свои границы» для реализации проектов Федеральной программы. К августу 2020 года все жители Российской Федерации смогут получить земельный участок на территории этих субъектов России [2].

Федеральный закон от 1 мая 2016 г. № 119-ФЗ предполагает максимальную свободу самореализации граждан в использовании земельных участков и экономической деятельности на них. Концепция федеральной программы построена на самостоятельном выборе участка до 1 га на карте, а также на выборе вида разрешенного использования данного участка. Выделенный земельный участок может быть использован для ведения сельского хозяйства, ведения лесного хозяйства, ведения охотничьего хозяйства, создание бизнеса и других целей не запрещённых законом.

Для получения земельного участка гражданин направляет в уполномоченный орган заявление о предоставлении земельного участка в безвозмездное пользование и другие документы, а также сведения предусмотренные законом [3]. В течение 20 рабочих дней с момента поступления заявления, оно рассматривается и уполномоченный орган принимает решение о предоставлении или не предоставлении земельного участка в пользование гражданину. Основными причинами отказа являются: в заявлении не вся представлена информация, предусмотренная законом или к заявлению приложены не все документы, заявление подано не гражданином РФ, кроме того площадь участка превышает 1 гектар. Однако действие указанного срока распространяется только на заявления о предоставлении участков, сведения о которых внесены в единый государственный кадастр недвижимости. Если участок еще только предстоит образовать, то срок рассмотрения заявления увеличивается на период осуществления государственного кадастрового учета и регистрации прав на образованный земельный участок, который длится в течение 10 рабочих дней [4]. Проект договора безвозмездного пользования земельным участком, выданный или направленный гражданину, должен быть им подписан и направлен в уполномоченный орган в срок, не превышающий 30 календарных дней со дня получения гражданином этого проекта договора.

В течение 5 рабочих дней со дня поступления подписанного гражданином проекта договора безвозмездного пользования земельным участком, уполномоченный орган обеспечивает его подписание и обращается с заявлением о государственной регистрации права безвозмездного пользования земельным участком.

Таким образом, предусмотренный Федеральным законом №119-ФЗ срок, в течение которого гражданин станет пользователем земельного участка в случае образования участка составляет 48 рабочих дней и один месяц на подписание проекта договора гражданином.

При этом в случае, если участок не требуется образовывать, указанный срок уменьшается до 35 рабочих дней, плюс время (месяц) на подписание проекта договора гражданином, что составляет около двух с половиной месяцев.

Оператором информационной системы недвижимости является Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр). Эта служба обеспечивает возможность подготовки схемы размещения земельного участка на публичной кадастровой карте в форме электронного документа.

В Федеральной информационной системе (ФИС) Росреестра содержится информация о границах территорий, зон земель, которые не могут быть предоставлены в безвозмездное пользование; о земельных участках, принадлежащих гражданам и юридическим лицам; о территориях с особыми условиями использования, охотничьих угодьях и территориях объектов культурного наследия; о местоположении участков, в отношении которых уже поступили заявления для предоставления в безвозмездное использование.

Чтобы воспользоваться программой «Дальневосточный гектар» нужно следовать несложной инструкции, которая заключается в следующем [2]:

- Зайти на сайт на «Дальний Восток РФ.», авторизовавшись через «Госуслуги» (должен быть подтвержденный аккаунт). Быстрее всего подтвердить аккаунт в любом из многочисленных МФЦ (достаточно представить сведения паспорта гражданина).

- В ФИС выбрать доступный земельный участок на карте с учетом вида разрешенного использования, наметив его границы.

- Сформировать и подать в уполномоченный орган заявление на предоставление земельного участка, приложив скан паспорта или другого документа, удостоверяющего личность.

- Заключить договор безвозмездного пользования земельным участком на пятилетний срок.

- В течение календарного года выбрать вид разрешенного использования (ВРИ) участка. Землю можно получить для любых целей, не запрещенных законами РФ. В течение первого года ВРИ можно один раз заменить на другой.

- Через три года задекларировать ход освоения земельного участка.

Декларация позволит судить о том, какие работы проведены на участке, соответствуют ли они выбранному виду разрешенного использования участка. Через 5 лет, при условии освоения участка, – оформить участок в собственность или долгосрочную аренду

Участники программы «Дальневосточный гектар» имеют право на получение мер государственной поддержки для освоения новых земельных участков.

С начала действия программы «Дальневосточный гектар», по состоянию на 2019 год более 2 тысяч участников воспользовались мерами государственной поддержки для освоения земельных участков, которыми являлись гранты на развитие семейной животноводческой фермы (53%), гранты «начинающий фермер» (33%), льготные

кредиты(7%),гранты на поддержку создания и ведения хозяйства (5%). Общая сумма государственной помощи составила 700 млн рублей.

На 1 декабря 2019 года, участниками программы и пользователями дальневосточного гектара стали почти 77,8 тыс. россиян. Общая площадь предоставленных участков превысила 50 тыс. га. Большинство участков было предоставлено жителям дальневосточных регионов. Заявления на оформление земельных участков поступали также из г. Москва и Московской области, г.Санкт-Петербурга и Ленинградской области, а также Свердловской области, Краснодарского края.

В рамках программы «Дальневосточный гектар» подано 106864 заявки о предоставлении гектара земли, из них одобрено и отдано в пользование 32975 участков. Значительное количество заявок находится в стадии рассмотрения [5].

Вышеприведённые материалы позволяют сделать вывод, о том, что Федеральная программа «Дальневосточный гектар» является важным элементом государственной демографической политики, которая способствует экономическому развитию территории Дальнего Востока.

Литература

1. Федеральный закон № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 01.05.2016 г.
2. Минвостокразвития России. Режим доступа: <https://надальнийвосток.рф/>
3. Кустышева И.Н., Остаркова Д.А. Проблемы предоставления земельных участков по программе «Дальневосточный гектар».
4. Рыжова Н.П., Журавская Т.Н., Феоктистова К.И. «Дальневосточный гектар»: эксперимент по формированию института прав собственности на землю?
5. И.Н. Кустышева, Д.А. Остаркова «Реализация программы «Дальневосточный гектар» как путь развития территории Дальнего Востока»

Сведения об авторах:

Рырмак Анастасия Игоревна, магистрант, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, e-mail: cavasta3286@gmail.com, конт. тел.: +7(911)-779-13-18.

Сулин Михаил Александрович, доктор экономических наук, профессор, профессор Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, e-mail: agro@spbgau.ru, конт. тел.: +7(953)347-11-31.

Богданов Владимир Леонидович, старший научный сотрудник, профессор, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, e-mail: Lab.naz.eco@gmail.com, конт. тел.: +7(911)91387-77.

УДК 556.51

**Сивохип Ж.Т.
Sivohip Zh.T.**

К ОЦЕНКЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ В ТРАНСГРАНИЧНЫХ РЕЧНЫХ БАССЕЙНАХ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

ON THE ASSESSMENT OF EFFICIENCY OF USE OF WATER RESOURCES IN TRANSBOUNDARY RIVER BASIN NORTHERN EURASIA

В статье проведен анализ показателей эффективного использования водных ресурсов в трансграничных речных бассейнах Северной Евразии. Рассмотрена региональная специфика использования водных ресурсов трансграничных бассейнов рр. Урал и Иртыш. Проведен сопоставительный анализ показателей водообеспеченности трансграничных бассейнов степной зоны. Отмечена необходимость разработки межгосударственных программ по комплексному управлению водными ресурсами в российско-казахстанском трансграничном регионе, разработанные на основе бассейнового подхода и учитывающие целостность речных бассейнов, разделенных государственными границами.

The article analyzes the indicators of the effective use of water resources in the transboundary river basins of Northern Eurasia. The regional specifics of the use of water resources of the transboundary basins of the river Ural and Irtysh. A comparative analysis of water availability indicators of transboundary basins of the steppe zone is carried out. In conclusion, it is

pointed out that it is necessary to develop interstate programs for integrated water resources management in the Russian-Kazakh transboundary region, developed on the basis of the basin approach and taking into account the integrity of river basins separated by state borders.

Ключевые слова: водные ресурсы, трансграничный бассейн, степная зона, водопотребление, бассейновый принцип.

Key words: water resources, transboundary basin, steppe zone, water consumption, basin principle.

Степная зона Северной Евразии простирается вдоль широтной оси материка на 8000 км – от Румынии на западе до Маньчжурии на востоке. Центральную часть занимают степи юго-востока Восточно-Европейской равнины и Западносибирско-Казахстанского сектора. Ключевая водохозяйственная проблема трансграничных степных регионов - гарантированное обеспечение населения и экономики пресной водой в условиях крайне неравномерного пространственно-временного распределения поверхностного стока.

Особую актуальность представляют вопросы использования водных ресурсов трансграничных речных бассейнов, в пределах которых происходит формирование сложных природно-хозяйственных систем, объединенных единством вещественно-энергетических потоков, но разделенных государственными границами. Пространственная специфика российско-казахстанского региона определяет наличие «зеркальных» интересов в сфере трансграничного использования водных ресурсов [1]. Для казахстанских регионов крупным «донором» речного стока является р. Урал с притоками, в верхних и средних участках водосборной территории формируется основная доля речного стока. В отличие от бассейна р. Урал, верхний участок бассейна расположен на территории Китая, и, несмотря на незначительную долю в общей площади бассейна (1%), водные ресурсы данного участка интенсивно используются для различных нужд. Средний участок трансграничного бассейна р. Иртыш, расположенный в пределах Республики Казахстан (55% от общей площади бассейна), также характеризуется значительной антропогенной нагрузкой на водные ресурсы. В итоге, с учетом пространственно-временной изменчивости речного стока, одной из приоритетных задач устойчивого социально-экономического развития регионов трансграничных бассейнов рр. Урал и Иртыш является обеспечение экономически выгодного и экологически безопасного использования водных ресурсов. Отметим, что успешное решение задач по достижению устойчивого водообеспечения в регионе сложно

реализовать без разработки программ по эффективному использованию водных ресурсов.

Вопросам эффективного и бережливого отношения к водным ресурсам в России уделяется пристальное внимание на федеральном и региональном уровнях. С учётом определяющей роли водоресурсного обеспечения разработана Водная стратегия Российской Федерации на период до 2020 года, направленная на эффективное использование водных ресурсов. В Республике Казахстан до 2020 г. разработана Государственная программа управления водными ресурсами, успешная реализация, которой позволит обеспечить водную безопасность республики.

Для оценки эффективности использования водных ресурсов в пределах исследуемой территории были выбраны следующие показатели – водоемкость валового регионального продукта (ВРП), водопотребление и водоотведение (использование свежей и оборотной воды в производстве, потери воды при транспортировке) (табл. 1).

Таблица 1

Показатели эффективности использования водных ресурсов в трансграничных бассейнах рр. Урал и Иртыш

Регион	Водопотребление, млн м ³	Водоемкость ВРП, м ³ /тыс. руб	Объемы оборот. и повт.-послед. водоснабжения, млн м ³	Потери воды при транспортировке, млн м ³
Российская Федерация				
Оренбургская	1315	1,70	1672	27
Челябинская	581	0,50	8251	105
Курганская	54	0,30	303	14
Тюменская	3497	0,61	9582	41
Омская	185	0,36	1345	41
Новосибирская	578	0,66	867	37
Алтайский край	410	0,84	868	23
Республика Алтай	80	0,23	8	1
Республика Казахстан				
Атырауская	227	0,28	242	41
Западно-Казахстанская	504	1,14	4	34
Актюбинская	427	1,01	31	4
Костанайская	83	0,35	546	8
Северо-Казахстанская	53	0,34	5	3
Павлодарская	3038	10,12	4153	12
Восточно-Казахстанская	538	1,34	332	51

Согласно расчету, показатели водоемкости экономики РФ и РК значительно отличаются и прежде всего, следует отметить довольно высокий уровень водоемкости ВВП РК – 3,4 м³/тыс. руб. Достаточно высокая ресурсоемкость экономики казахстанских регионов определяется значительным забором воды для орошения сельхозугодий и обводнения пастбищ, в связи с чем, одним из целевых индикаторов Государственной программы является снижение потребления воды на единицу ВВП на 33% к уровню 2012 года. Вместе с тем, обращает внимание более эффективное использование водных ресурсов в региональном разрезе РК, кроме Павлодарской области, в пределах которой сформировался многоотраслевой промышленный комплекс, ориентированный на производство электроэнергии и глинозема.

Величина водоемкости ВВП РФ значительно ниже и в принципе сопоставима с показателями ряда экономически развитых стран - 1,14 м³/тыс. руб. В региональном аспекте достаточно эффективное использование водных ресурсов отмечается в Республике Алтай, Курганской и Омской областях. Кроме того, в пределах российских регионов наблюдается значительное превышение величины оборотного и повторно-последовательного водопользования над прямоточным, что в принципе является характерным для большинства субъектов РФ.

Несомненно, что на показатели эффективного использования водных ресурсов значительное влияние оказывает современная структура водопотребления в регионах трансграничных бассейнов (табл. 2).

Таблица 2

Показатели водопотребления на современном уровне в регионах трансграничных бассейнов рр. Урал и Иртыш [2,3].

Регион	ВВП, млн м ³	Воб, %	Wсв, млн м ³	В том числе на нужды, %		
				П	К	С/Х
<i>Российская Федерация</i>						
Оренбургская	2710	64	979	88	8	0,9
Челябинская	7359	92	567	54	38	0,2
Омская	1456	87	185	42	51	3,2
Новосибирская	1412	60	563	64	27	1,4
Алтайский край	1178	69	364	60	20	8,8
<i>Республика Казахстан</i>						
Зап.-Казахст.	627	1	623	12	21	18
Актюбинская	749	4	717	13	35	13
Атырауская	419	47	222	41	10	31

Костанайская	362	78	78	35	47	18
С.- Казахстанская	353	47	187	88	9	3,7
Павлодарская	7124	55	3191	66	1	33
В.- Казахстанская	970	40	582	34	10	56

Согласно данным таблицы 2, в пределах субъектов РФ основная доля водных ресурсов расходуется на производственные и коммунальные нужды, минимальный забор воды осуществляется для нужд сельского хозяйства. Обращает внимание значительная доля оборотной воды в российских регионах – 60-90%, что иллюстрирует достаточно эффективное использование водных ресурсов в различных секторах экономики. В большинстве казахстанских регионов в структуре водопотребления сохраняется значительная доля безвозвратного изъятия водных ресурсов (регулярное и лиманное орошение) на фоне роста забора воды на хозяйственно-питьевые нужды, в первую очередь, связанного с увеличением численности населения в крупных городах.

Отдельно отметим традиционно высокую долю использования воды на нужды орошения в исследуемых речных бассейнах. Так, в 1980-е гг. только в пределах нижнего течения р. Урал, на участке протяженностью 800 км от г. Уральска до устья насчитывалось 50 водозаборных каналов, включая оросительную систему из Кушумского канала с суммарным водозабором 35,7 м³/с [4]. Значительное сокращение забора воды (более чем в 10 раз) на нужды орошения в российской части бассейна р. Урал произошло в течение последних 30 лет [5]. Сокращение доли сельскохозяйственного водопользования связано в первую очередь с техническим износом мелиоративных систем и плотин, а также с переводом значительной площади лиманов в категорию угодий “заливные сенокосы”. В целом, ни одному из казахстанских регионов также не удалось достичь уровня докризисного периода в сельскохозяйственном водопотреблении. Вместе с тем, к настоящему времени в регионах трансграничных бассейнов рр. Урал и Иртыш наблюдается разнонаправленная тенденция в развитии орошаемого земледелия.

Кроме того, отметим, что ключевое значение для успешной реализации стратегии эффективного использования водных ресурсов имеют показатели водообеспеченности в отдельных регионах. Вариативность данного показателя определяется, в первую очередь, пространственно-временными трансформациями речного стока в современных климатических условиях. Кроме того, обеспеченность

водными ресурсами напрямую зависит от социально-экономической обстановки в конкретном регионе – динамики численности населения, технологических инноваций в производстве и др.

Оценка состояния водных ресурсов на основе сопоставления численности населения и среднегодовых возобновляемых водных ресурсов (тыс. м³/год на человека или км³/год на млн чел.) в первую очередь определяет величину дефицита водных ресурсов. Данный подход предложен И.А. Шикломановым [6] и используется для сравнения различных регионов по величине потенциальной водообеспеченности, которая позволяет судить в целом о состоянии водных ресурсов в естественных условиях их формирования. (Рис. 1).

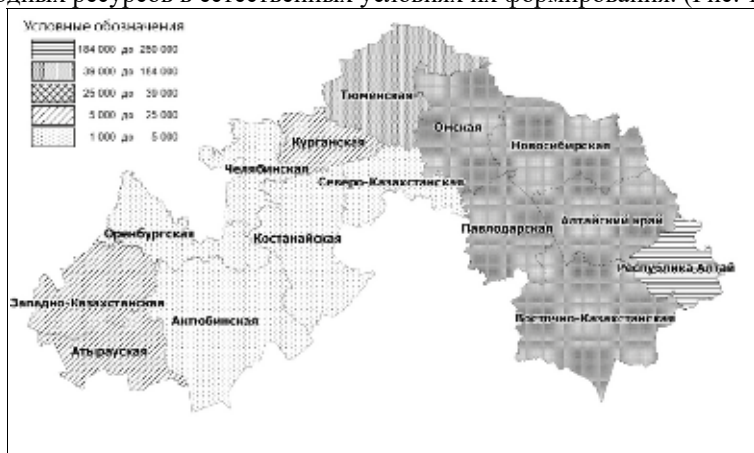

Рис. 1. Удельная водообеспеченность регионов трансграничных бассейнов рр. Урал и Иртыш (тыс. м³/чел)

Результаты проведенной оценки свидетельствуют о достаточно высокой обеспеченности водными ресурсами в большинстве регионов исследуемой территории. В первую очередь, данное утверждение относится к российским регионам среднего и нижнего течения р. Волга и юга Западной Сибири. Несколько ниже показатели водообеспеченности в Оренбургской и Челябинской областях, что связано с недостаточным объемом возобновляемого речного стока в условиях значительного забора воды на производственные и коммунальные нужды. Из казахстанских регионов наиболее сложная ситуация с обеспечением водными ресурсами наблюдается в Костанайской, Северо-Казахстанской и Актюбинской областях.

Выводы.

С учетом вышесказанного, одной из приоритетных задач устойчивого развития трансграничных регионов является обеспечение экономически выгодного и экологически безопасного использования водных ресурсов. Общеизвестно, что базовым признаком комплексного управления водными ресурсами является использование речного бассейна как ключевой единицы управления, за счет чего обеспечиваются оптимальные условия для формирования, распределения, использования и охраны водных ресурсов. Вместе с тем, очевидно, что для эффективного управления водными ресурсами трансграничных речных бассейнов важно сохранить бассейновый подход не только в пределах национальных границ. К сожалению, в настоящее время в российско-казахстанской практике по совместному использованию трансграничных водных ресурсов отсутствуют комплексные межгосударственные программы, разработанные на основе бассейнового подхода и учитывающие целостность речных бассейнов, разделенных государственными границами.

Благодарность. Работа выполнена в рамках выполнения гранта РФФИ № 18-05-0447 «Пространственно-динамическая специфика регионального природопользования в трансграничных бассейновых геосистемах в современных гидроклиматических условиях».

Литература

1. Рыбкина И.Д., Сивохиц Ж.Т. Водные ресурсы Российско-Казахстанского трансграничного региона и их использование // Юг России, №2. С.70-86.
2. Водные ресурсы и водное хозяйство России в 2017 году (Статистический сборник) / Под. ред. Н.Г. Рыбальского, В.А. Омеляненко, А.Д. Думнова. М.: НИИ-Природа, 2018. 230 с.
3. Охрана окружающей среды и устойчивое развитие Казахстана в 2013-2017 гг. (Статистический сборник) / Под ред. Н.С. Айдапкелова. Астана, 2018. 123 с.
4. Абдрахимов Р.Г., Чигринец А.Г. Проблемы оценки влияния хозяйственной деятельности на сток рек Западного Казахстана // Гидрометеорология и экология. Алматы, 2009. № 1. С. 18–22.
5. Демин А.П. Современные изменения водопотребления в бассейне Каспийского моря // Водные ресурсы. 2007. Т. 34. № 3. С. 259–275.

6. Водные ресурсы России и их использование / Под ред. проф. И.А. Шикломанова. СПб.: Государственный гидрологический институт. 2008. 600 с.

Сведения об авторе:

Сивохип Жанна Тарасовна, кандидат географических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт степи УрО РАН, Оренбургский государственный педагогический университет, sivohip@mail.ru, +79225591567

УДК 339.56.055(5+265-192.2)

Соколов С.Н.
Sokolov S.N.

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ СФЕРЫ ВЛИЯНИЯ СТРАН АТР
FOREIGN TRADE SPHERES OF INFLUENCE OF THE APR
COUNTRIES

Рассмотрены внешнеторговые сферы влияния стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Такие сферы влияния – это регионы, находящиеся под сильным экономическим влиянием другого государства. В современной экономической науке критериям, характеризующим внешнеэкономическую деятельность, уделяется мало внимания, но развитие внешнеэкономических связей способствует развитию экономики стран и регионов. В качестве главного показателя взята доля внешнеторгового оборота главного торгового партнера.

The foreign trade spheres of influence of the Asia-Pacific countries are considered. Such spheres of influence are regions that are under the strong economic influence of another state. In modern economic science, little attention is paid to the criteria that characterize foreign economic activity, but the development of foreign economic relations contributes to the development of the economy of countries and regions. The main indicator is the share of foreign trade turnover of the main trading partner.

Ключевые слова: внешнеторговые сферы влияния, внешнеторговый оборот, главный торговый партнер, страны АТР.

Keywords: foreign trade spheres of influence, foreign trade turnover, main trade partner, Asia-Pacific countries.

Развитие региональных внешнеэкономических связей, несомненно, способствует развитию экономики стран и регионов. Географическая структура международного товарообмена представляет собой систему распределения товарных потоков между отдельными странами, группами стран, формируемыми по территориальному или по организационному признаку. Важным элементом оценки социально-экономического развития отдельных государств является их типологизация. В современной экономической и географической науке группе критериев, характеризующих внешнеэкономическую деятельность уделяется очень мало внимания [1].

В качестве ведущего индикатора мы предлагаем использовать долю внешнеторгового оборота главного торгового партнера. Для каждой страны можно выделить главного торгового партнера как по экспорту (E), так и по импорту (I), но, главное, по нашему мнению, необходимо рассчитать долю внешнеторгового оборота (ВТО) главного торгового партнера (Т) по формуле:

$$T = (E_0 + I_0) / (E + I) \cdot 100\% \quad (1)$$

где Т – доля внешнеторгового оборота главного торгового партнера, E_0 – экспорт главного торгового партнера, I_0 – импорт главного торгового партнера, E – весь экспорт страны, I – весь импорт страны.

По величине доли внешнеторгового оборота главного торгового партнера можно выделить 3 группы: 1 группа – более 50% (высокая зависимость); 2 группа – от 25 до 50% (средняя зависимость); 3 группа – от 10 до 25% (малая зависимость).

Некоторые страны создают внешнеторговые сферы влияния (ВСВ), под которой понимаем регион, находящийся под сильным внешнеэкономическим влиянием другого государства [2]. Для получения необходимой информации нами был использован интернет-ресурс «The Observatory of Economic Complexity» [3], в отдельных случаях информация бралась из некоторых других источников [4; 5].

В настоящее время в мире насчитывается 244 стран, из которых 196 являются независимыми. В АТР, куда относятся страны Восточной и Юго-Восточной Азии, Австралия и страны Океании, находится 47 стран, включая 32 независимых и 15 зависимых. В странах АТР в 2017 г. производилось 34,3% мирового ВВП, на них приходилось 37,9% мирового экспорта и 31,7% мирового импорта. Ведущий регион Азии в международной торговле – Восточная Азия, прежде всего за счет Китая и Японии. Учитывая быстрый рост внешнеторговых объемов Гонконга (Сянган), Тайваня, Республики Кореи, Сингапура и других стран,

можно предположить о скором первенстве Азии в мировой торговле [6]. Структура международной торговли стран АТР приведена в табл.1.

Таблица 1
Структура международной торговли стран АТР (млн. долл.,
2017 г.)

Страны АТР	ВВП	Экспорт	Импорт	T (%)
Китайская сфера влияния				
Австралия	1432	244	200	30,0
Вануату	0,890	0,208	0,245	17,6
Вьетнам	245	220	205	26,2
Гонконг	363	136	609	36,5
Индонезия	1042	189	154	17,6
Камбоджа	24,6	15,8	12	20,8
Лаос	18,1	2,04	1,94	63,4
Малайзия	359	264	197	17,3
Монголия	13,0	6,88	4,50	58,6
Мьянма	71,2	15,0	21,2	35,3
Новая Зеландия	205	37,3	36,3	22,0
Россия	1658	342	222	14,5
КНДР	17,5	1,74	3,42	93,0
Сингапур	364	321	294	15,5
Тайвань	590	350	259	24,8
Таиланд	505	215	160	21,1
Тувалу	0,036	0,004	0,036	27,0
Филиппины	331	99,4	105	20,5
Южная Корея	1619	597	472	23,2
Япония	4971	695	633	22,4
ВСЕГО	13830	3751	3590	23,2
Австралийская сфера влияния				
Кокосовые О-ва	0,043	0,003	0,005	54,8
Науру	0,101	0,025	0,036	47,0
Папуа - Новая Гвинея	23,4	8,90	3,55	29,9
О-в Рождества	0,158	0,019	0,023	45,6
Фиджи	5,48	0,950	2,44	16,3
ВСЕГО	29,2	9,90	6,05	27,1
Новозеландская сфера влияния				
О-ва Кука	0,292	0,039	0,109	36,2
Самоа	0,830	0,066	0,400	19,0
Соломоновы О-ва	1,41	0,696	0,589	59,0
Тонга	0,500	0,015	0,103	27,5
ВСЕГО	3,03	0,815	1,20	46,3

Французская сфера влияния				
Новая Каледония	9,90	1,48	2,04	25,3
Уоллис и Футуна	0,130	0,0006	0,035	43,7
Полинезия (Фр.)	6,10	0,150	1,32	44,3
ВСЕГО	16,1	1,63	3,40	31,0
Американская сфера влияния				
Китай	13608,2	2410	1540	15,6
Палау	0,289	0,024	0,159	29,2
ВСЕГО	13608	2410	1540	15,6
Индонезийская сфера влияния				
Восточный Тимор	2,58	0,209	0,108	27,6
Ниуэ	0,025	0,062	0,063	83,4
ВСЕГО	2,60	0,271	0,171	32,6
Гонконгская сфера влияния				
Макао	54,6	6,35	1,33	57,4
Северные Марианские О-ва	1,24	0,047	0,004	32,6
ВСЕГО	55,8	6,40	1,33	57,1
Южнокорейская сфера влияния				
Маршалловы О-ва	0,22298	6,88	0,326	75,5
ФШ Микронезии	0,330	0,052	0,030	28,3
ВСЕГО	0,553	6,93	0,356	74,6
Британская сфера влияния				
Питкэрн	0,001	0,0012	0,0030	23,7
Голландская сфера влияния				
Норфолк	0,100	0,0018	0,042	48,9
Нигерийская сфера влияния				
Токелау	0,010	0,0012	0,0051	58,3
Фиджийская сфера влияния				
Кирибати	0,177	0,052	0,092	16,8
Малайская сфера влияния				
Гуам	5,79	0,019	1,11	34,4
Японская сфера влияния				
Бруней	13,6	5,53	3,14	20,5
Сингапурская сфера влияния				
Американское Самоа	0,658	0,033	0,124	13,5
ИТОГО АТР	27563	6180	5163	20,6

Наибольшее количество (20 стран) входит в быстро растущую китайскую ВСВ, в том числе 3 страны, относящиеся к 1 группе (Лаос, Монголия и КНДР), еще 5 стран входит во 2 группу (Австралия, Вьетнам, Гонконг, Мьянма, Тувалу). К 3 группе относится 13 стран

(Вануату, Индонезия, Камбоджа, Малайзия, Новая Зеландия, Россия, Сингапур, Тайвань, Таиланд, Филиппины, Южная Корея, Япония). В них производилось 50,2% ВВП АТР, на них приходилось 60,7% экспорта и 69,5% импорта АТР.

Второе место занимает австралийская ВСВ, куда входит 5 стран, в том числе 1 страна, относящаяся к 1 группе (Кокосовые Острова), еще 3 страны относятся к 2 группе (Науру, Папуа - Новая Гвинея, Остров Рождества). К 3 группе относится 1 страна (Фиджи). В них производилось 0,106% ВВП АТР, на них приходилось 0,160% экспорта и 0,117% импорта АТР.

На третьем месте находится новозеландская ВСВ, состоящая из 4 стран. В нее входит 1 страна, относящаяся ко 1 группе (Соломоновы Острова), 2 страны, относящиеся к 2 группе (Острова Кука, Тонга) и 1 страна 3 группы (Фиджи). В этой ВСВ производилось 0,011% ВВП АТР, на них приходилось 0,013% экспорта и 0,023% импорта АТР.

На четвертом месте находится французская ВСВ, в которую входит 3 страны, входящие во 2 группу (Новая Каледония, Уоллис и Футуна, Французская Полинезия). В этой ВСВ производилось 0,059% ВВП АТР, на них приходилось 0,026% экспорта и 0,066% импорта АТР.

Далее следуют 4 ВСВ, в каждую из которых входят по 2 страны – американская, индонезийская, гонконгская и южнокорейская. В американскую ВСВ входят страны, относящиеся ко 2 группе (Палау), и к 3 группе (Китай). В этой ВСВ производилось 49,4% ВВП АТР, на них приходилось 39,0% экспорта и 29,8% импорта АТР.

В гонконгскую ВСВ входят страны, относящиеся к 1 и 2 группам (соответственно Макао и Северные Марианские Острова). В ней производилось 0,202% ВВП АТР, на нее приходилось 0,022% экспорта и 0,191% импорта АТР.

В индонезийскую ВСВ входят страны, относящиеся к 1 группе (Ниуэ) и ко 2 группе (Восточный Тимор). В этой ВСВ производилось 0,009% ВВП АТР, на них приходилось 0,003% экспорта и 0,013% импорта АТР.

В южнокорейскую ВСВ входят страны, относящиеся к 1 и 2 группам (соответственно Маршалловы Острова и Федеративные Штаты Микронезии). В ней производилось 0,002% ВВП АТР, на нее приходилось 0,006% экспорта и 0,173% импорта АТР.

Далее следует 7 ВСВ, делящих 9-15 места: британская, голландская, нигерийская, фиджийская, малайская, японская и сингапурская сферы влияния, насчитывающие по 1 стране. К 1 группе относится Токелау (нигерийская ВСВ), ко 2 группе – Норфолк (голландская ВСВ) и Гуам (малайская ВСВ), к 3 группе – Питкэрн

(британская ВСВ), Кирибати (фиджийская ВСВ), Бруней (японская ВСВ) и Американское Самоа (сингапурская ВСВ). В этих сферах влияния производилось 0,074% ВВП АТР, на них приходилось 0,091% экспорта и 0,087% импорта АТР.

Таким образом, в АТР сложились 15 ВСВ.

На современном этапе международная торговля играет возрастающую роль в экономике стран АТР. Поэтому внешняя торговля становится мощным фактором экономического роста и происходит заметное повышение зависимости стран от международного товарообмена.

Литература

1. Соколов С.Н. Экспортные географические зоны мира и их экспортный потенциал // География и геоэкология на службе науки и инновационного образования: матер. XIII Всерос. науч.-практ. конф. Красноярск, 2018. С. 187-190.

2. Соколов С.Н. Географическая структура экспорта стран мира // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Матер. VI Междунар. науч.-практ. конф. Ч. I. Нижневартовск, 2017. С. 449-455.

3. The Observatory of Economic Complexity. URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/

4. Годовая статистика международной торговли товарами. URL: <https://trendeconomy.ru/trade>

5. The world factbook. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>.

6. Острецова А.В. Основные тенденции развития мировой торговли // новые парадигмы общественного развития: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные тенденции и закономерности // Матер. междунар. науч.-практ. конф. Ч.2. Саратов, 2016. С. 120-124.

Сведения об авторе:

Соколов Сергей Николаевич, доктор географических наук, доцент, профессор, Нижневартовский государственный университет, snsokolov1@yandex.ru, 9129382163.

Степанько Н.Г.
Stepanko N.G.

**ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ
ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ И ИХ ТРАНСФОРМАЦИЯ**

**TERRITORIAL STRUCTURES OF NATURE USE AND THEIR
TRANSFORMATION**

Структура природопользования в регионе является отражением существующей в нем территориально-хозяйственной структуры. В процессе развития хозяйственная структура претерпевает изменения, что влечет изменения и в структуре природопользования. Все составляющие природно-экономической системы взаимосвязаны, взаимозависимы и взаимообусловлены: природные условия и природно-ресурсный потенциал обуславливают хозяйственную деятельность, в результате которой формируются те или иные производственно-природные отношения (которые и являются сутью природопользования). Последние, в свою очередь, формируют экологическую ситуацию в регионе. Сложившееся экологическое состояние влияет (положительно или отрицательно) на изменения в социально-экономическом развитии. Трансформации в экономике влекут за собой трансформационные процессы в природопользовании и изменения экологического состояния. И на сколько эти составляющие и их связи будут сбалансированы, будут зависеть дальнейшее социально-экономическое развитие региона и условия жизнедеятельности населения. В работе даны социально-экономическая, природно-географическая, экологическая характеристики Приморского края как одного из перспективных регионов развития, выделены основные структурные направления природопользования. По выделенным временным периодам дан анализ основных эколого-экономических показателей и по их совокупности определена трансформация направлений природопользования. Предложена структура возможных в будущем направлений природопользования. Изучение и анализ изменений в территориальной структуре природопользования в различные временные периоды предыдущих лет дает возможность определить ее возможную трансформацию при реализации инвестиционных проектов, при определении перспектив развития региона. В работе использованы

материалы официальной статистики Росгосстата, информационных и научных источников, а также результаты исследований автора.

The nature management structure in the region is a reflection of the territorial economic structure existing in it. In the process of development, the economic structure undergoes changes, which leads to changes in the structure of nature management. All components of the natural-economic system are interrelated, interdependent and interdependent: the natural conditions and the natural resource potential determine the economic activity, as a result of which certain production-natural relations are formed (which are the essence of environmental management). The latter, in turn, form the ecological situation in the region. The current environmental condition affects (positively or negatively) changes in socio-economic development. Transformations in the economy entail transformation processes in environmental management and changes in the ecological state. And depending on how much these components and their relations are balanced, the further socio-economic development of the region and the living conditions of the population will depend. The paper presents the socio-economic, natural-geographical, environmental characteristics of the Primorsky Krai as one of the promising regions of development, highlighted the main structural directions of environmental management. For the selected time periods, an analysis of the main environmental and economic indicators is given, and for their combination, the transformation of nature management directions is determined. The structure of possible future directions of environmental management is proposed. The study and analysis of changes in the territorial structure of environmental management in different time periods of previous years makes it possible to determine its possible transformation in the implementation of investment projects, in determining the prospects for the development of a region.

Ключевые слова: Приморский край, производственно-природные отношения, структура природопользования, экологическая ситуация, трансформация.

Key words: Primorsky Krai, industrial-natural relations, structure of environmental management, ecological situation, transformation.

Экономика и экология являются одними из основных составляющих сложной территориально-хозяйственной системы, которые отличаются тесной взаимозависимостью и взаимообусловленностью. Изменения в экономике влекут за собой трансформационные процессы в природопользовании и изменения экологического состояния. На сколько эти составляющие и их связи будут сбалансированы, будет зависеть дальнейшее социально-

экономическое развитие территории и условия жизнедеятельности населения. Рассматривать происходящие структурные изменения целесообразнее на региональном уровне, т.к. на этом уровне отображаются причины, связи и преобразования, происходящие в системе. Исследования проведены на примере Приморского края.

Наличие в Приморье разнообразных природных ресурсов стало основой формирования разнообразной структуры природопользования. Являясь одним из наиболее освоенных и развитых регионов РДВ, имеет несбалансированную структуру направлений природопользования. В связи с тем, что в будущем Приморье рассматривают как один из перспективных регионов развития Дальнего Востока и России в целом, необходимо изучение и выявление причин и факторов, влияющих на существующий дисбаланс в природопользовании, а также определение путей формирования сбалансированной структуры природопользования. Анализируя территориально-хозяйственную структуру Приморского края можно выделить промышленное, сельскохозяйственное, лесохозяйственное, водохозяйственное и рекреационное виды природопользования. Развитие транспортных сетей и коммуникационных систем не везде одинаково и равномерно.

Для анализа изменений в структуре природопользования нами выбраны (условно) временные периоды, которые неравнозначны по длительности, но которые характеризуются различной ситуацией в экономике края и страны в целом, поскольку природопользование является основой любой хозяйственной деятельности: 1990 г. (до 1990г.) – характеризует сложившуюся эколого-экономическую ситуацию советского периода; 2000 г. (1991-2000) – постсоветский период, начало «перестройки»; 2007 г. (2001-2007) – период «перестройки» в жизни страны (докризисный); 2015 г.(2008-наст.время) – период нестабильности во всех сферах жизнедеятельности страны (кризисный) (табл. 1).

При явно наблюдающейся тенденции снижения многих экономических показателей (индексы промышленного и сельскохозяйственного производств, добычи некоторых ресурсов и т.д.) увеличиваются показатели антропогенного воздействия (лесные пожары, выбросы в атмосферу и др.). Это привело к трансформации структурных направлений природопользования - преобладанию пространственно-увязывающего и отчасти коммунального и средоохранного. Данный процесс объясняется активизацией инфраструктурного обеспечения Приморского края и благоустройства Владивостокского ГО к проведению саммита АТЭС в 2012 году. Также

наблюдается трансформация в природопользовании: по линии вовлечения природных ресурсов в хозяйственный оборот наблюдается стагнация за исключением водных (за счет увеличения водопотребления пищевыми предприятиями) и земельных (за счет увеличения площадей под жилое строительство, промплощадки, строительство дорог и др.). А преобладающими процессами, влияющими на состояние окружающей природной среды, являются различные направления «обратного ресурсопотребления», т.е. направления негативного воздействия хозяйственной деятельности, приводящие к изменению качества и количества природно-ресурсного потенциала. Эти устойчиво-усугубляющиеся сдвиги в направлениях природопользования объясняются эколого-экономической ситуацией в крае.

Таблица 1

Некоторые социально-экономические и экологические показатели по выделенным временным периодам

Показатели	1990г.	2000г.	2007г.	2015г.
Среднегодовая численность занятых в экономике, тыс. чел.	921,0	980,7	980,2	970,5
Число предприятий и организаций	3776	41144	60859	68355
Индекс промышленного производства, %	(1991 г.) 96,0	101,0	102,1	87,6
Индекс с/х производства, %	92,5	98,0	101,3	93,8
Добыча угля, тыс. т	15895	10364	9826	9100
Произ-во деловой древесины, тыс. плотных м ³	3716,1	1872,8	3957,9	4226,0
Произ-во э/энергии, млрд.кв./часов	11,8	8,1	8,8	11,6
Улов рыбы и добыча водных биоресурсов, тыс.т	1832,2	910,6	700,6	315,0
Густота ж/д путей общ. пользования (км путей на 10 тыс км ² территории)	98	94	95	95
Уд.вес автомоб.дорог с твердым покрытием в общей протяж-ти автомоб. дорог общ. пользования,%	95,7	98	86,3	90,7
Общая площадь лесного фонда, тыс.га	13594	11862	13026,9	12142

Пространственно-увязывающее	++	+++	+++	++++
Коммунальное	++++	++	+++	+++
Средоохранное	+++	++	++	+++

В 1990 – 2003 гг. водопотребление в Приморском крае сократилось приблизительно на 30%. Несоответствие санитарно-химическим нормам питьевой воды в Приморском крае в 2002 году составило от 40 до 90%. Прибрежные морские воды также относятся к загрязненным (отдельные виды загрязнителей превышают ПДК в 3–5 раз). Повсеместное загрязнение поверхностных вод - это результат использования устаревших технологий и технических средств, сброса загрязненных сточных вод. В числе наиболее загрязнённых находится залив Петра Великого в Приморье [3].

В Приморском крае, как одном из самых лесных регионов РФ, лесистость составляет 76,1%. Тем не менее запасы леса снижаются (табл. 1). Основными причинами этого снижения являются существующие в крае проблемы: лесные пожары, количество которых значительно растет год от года и 80% которых возникает по вине человека; нелегальные рубки, объемы которых особенно были значительны начиная с 2000 года (в 2002 году незаконно заготовленная древесина составила 50–70% от общего объема на Дальнем Востоке) [3]; снижение темпов лесовосстановления.

Немаловажным фактором в формировании направлений природопользования и, как следствие, экологической ситуации на территории Приморского края является приграничное положение территорий некоторых районов с соседним Китаем (КНР). Наличие таможенных переходов, доминирование КНР в разнообразии хозяйственной деятельности также влияют на производственно-природные отношения, формирование и трансформацию структурных направлений природопользования в Приморском крае [4].

Приморский край, имея достаточно обширный набор факторов для дальнейшего развития [5,6], по состоянию на 2016 г. относится к группе регионов с пониженным инвестиционным потенциалом и умеренным риском (по данным российского рейтингового агентства «Эксперт РА») [7]. Несмотря на это в Приморье планируется реализация многих инвестиционных проектов в таких отраслях как ТЭК и энергетика, судостроение и судоремонт, химическое производство, фармацевтика, туризм, сельское хозяйство и др., и ни одного проекта экологической или природоохранной направленности. Такая ситуация, помимо улучшения социально-экономического положения в крае, приведет к

изменению структурных направлений в природопользовании. Поскольку улучшения в экологическом состоянии территорий Приморского края связаны, в основном, с ликвидацией воздействующих производств, можно предположить, что с реализацией проектов ситуация будет усугубляться (рис. 1).

Рис. 1. Возможное увеличение техногенной нагрузки на ООС в связи с реализацией инвестиционных проектов

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (тема «Географические и геополитические факторы в инерционности, динамике и развитии разно ранговых территориальных структур хозяйства и расселения населения Тихоокеанской России», № АААА-А16-116110810013-5) при частичной поддержке РФФИ (проект № 18-05-80006).

Литература

1. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2009: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2009. 999 с.
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2015. 1266 с.

3. Федеральная экологическая информация Приморского края. – Режим доступа: <http://25.rpn.gov.ru/node/634> (дата обращения: 03.11.2019).

4. Степанько Н.Г. Анализ эколого-экономической ситуации на приграничных территориях КНР и южной зоны Российского Дальнего Востока // Успехи современного естествознания. – 2017. – № 11. – С. 113-121.

5. Соколова И.С. Об инвестиционной привлекательности конкурентоспособности рынка территорий // Управление, реформирование социально-экономического развития предприятий, отраслей, регионов: сб. науч. ст. VI Международной НПК. – Пенза: ПГУ, 2015. – С. 145-148.

6. Емельянова К.Н. Инвестиционный климат России: анализ оценок международных экспертных организаций и рейтинговых агентств // Проблемы и перспективы экономики и управления: материалы VI междунар. науч. конф. – СПб., 2017. – С. 47-51.

7. Инвестиционный климат регионов – 2017. – Режим доступа: <https://raexpert.ru/ratings/regions/2017/att1> (дата обращения: 05.10.2018)

Сведения об авторе:

Степанько Наталия Григорьевна, к.г.н., доцент, с.н.с. ТИГ ДВО РАН; e-mail: sngreg25@mail.ru; тел. 89147982276

УДК 571.6

Ушаков Е.А.

Ushakov E.A.

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
ГОРОДСКИХ ОКРУГОВ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ РАЙОНОВ И
ИХ ПОСЕЛЕНИЙ
(НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА)**

**SOCIO-ECONOMIC SITUATION OF URBAN DISTRICTS
AND MUNICIPAL AREAS AND THEIR SETTLEMENTS (ON THE
EXAMPLE OF THE FAR EAST)**

В статье рассматривается социально-экономическое положение городских округов и муниципальных районов, а также и их поселений. Показана иерархия социально-экономических центров Дальнего Востока. На примере объема отгруженных товаров и услуг показана значимость ряда городских округов и районов в экономике Дальнего

Востока. Указаны факторы, которые влияют на развитие муниципалитетов и населенных пунктов.

The article discusses the socio-economic situation of urban districts and municipal areas, as well as their settlements. The hierarchy of socio-economic centers of the Far East is shown. On the example of the volume of goods and services shipped, the significance of a number of urban districts and regions in the economy of the Far East is shown. The factors that influence the development of municipalities and settlements are indicated.

Ключевые слова: социально-экономические центры, факторы развития, поселенческий уровень, концентрация, Дальний Восток.

Keywords: socio-economic centers, socio-economic potential, settlement level, concentration, Far East.

На территории Дальнего Востока городские и сельские поселения сильно различаются по уровню социально-экономического развития и административному статусу в системе территориального управления. Это связано с рядом факторов, таких как:

1. Статусность поселения. Один из главных факторов развития поселений. Поселения с административной статусности являются более развитыми, имеют большие перспективы в развитии, в том числе и плане привлечения инвестиций.

2. Людность поселения. Один из ключевых факторов развития поселения. Большая численность населения в поселениях характеризуется более значимым потребительским спросом, с развитием производств (в т. ч. обслуживающих) и сферы услуг на своей территории.

3. Природно-ресурсный. Значимый фактор для тех поселений (особенно северных), главной специализацией которых является добыча полезных ископаемых. Также стоит отнести к этой группе поселений и прибрежные поселения, занимающиеся рыбодобычей или марикультурой, а также поселения, специализирующиеся на первичной переработке лесных ресурсов.

4. Экономико-географическое положение. Этот фактор важен для тех поселений, которые находятся вдоль или вблизи важных транспортных сетей или занимают выгодное экономико-географическое положение – приграничное положение, прибрежные населенные пункты, узловой транспортный узел.

5. Наличие промышленных предприятий. Наличие крупных промышленных предприятий дает развитие населенному пункту за счет большого числа занятых (т.е. имеющих стабильно высокий уровень доходов) на предприятиях поселения. При этом отмечается

серьезная проблема, которая заключается в монопрофильности, узкой хозяйственной специализации населенного пункта, которые зависят от колебания цен и спроса на мировых рынках.

6. Агломерационный эффект. Данный фактор влияет на развитие поселений, которые находятся вблизи развивающихся агломераций (как правило, это административные центры субъектов РФ).

7. Историческое развитие. Один из основных факторов развития, который прежде всего связан со специализацией поселения.

Городские округа по уровню социально-экономического развития можно разделить на три группы:

1. Городские округа-лидеры. Это большинство административных центров субъектов Дальневосточного федерального округа (кроме Биробиджана и Анадыря). Они концентрируют основной социально-экономический потенциал субъектов и обладают высокими показателями развития. На их долю приходится весомая часть всех социально-экономических показателей – особенно в обрабатывающей промышленности, в возведении жилья, обороте розничной торговли и т. д (табл. 1). По своим показателям с ними могут конкурировать только муниципальные районы, разрабатывающие крупные месторождения полезных ископаемых.

2. Городские округа, обладающие более социально-экономической развитостью по отношению к большинству других городских округов.

3. Городские округа, обладающие меньшим социально-экономическим потенциалом.

Социально-экономические центры 1-го порядка.

Являются лидерами по социально-экономическим показателям. Здесь сосредоточены большие собственные доходы в доходной части бюджета. Имеются высокие показатели по инвестициям. Возводится большой объем строительства жилья.

Социально-экономические центры 2-го порядка.

Показывают высокие социально-экономические показатели по собственным доходам в бюджете, наличием рабочих мест для населения, а также имеют показатели инвестиции и строительства жилья. Ряд поселений относятся к той группе за счет ряда факторов, поспособствовавших развитию – агломерационный эффект административных центров субъектов, прибрежные поселения, нахождения вдоль важных транспортных сетей, наличие крупных предприятий, добыча полезных ископаемых.

Таблица 1

Доля административных центров субъектов и других городов с населением свыше 100 тыс. чел. в социально-экономических показателях субъектов и Дальнего Востока [1]

	Численность населения	Стоимость основных фондов	Объем отгруженных товаров и услуг	Инвестиции в основной капитал	Объем работ, выполненных по виду экономической деятельности «строительство»	Ввод в действие общей площади жилых домов	Оборот розничной торговли
Республика Саха (Якутия)							
Якутск	32,3	20,8	8,7	11,5	10,5	50,1	59,5
Камчатский край							
Петропавловск-Камчатский	57,4	81,9	50,9	48,1	26,9	33,3	82,6
Приморский край							
Владивосток	33,1	70,5	37,2	43,3	35,1	24,9	86,8
<i>Уссурийск</i>	<i>10,3</i>	<i>2,1</i>	<i>7,4</i>	<i>4,0</i>	<i>3,8</i>	<i>24,3</i>	<i>5,4</i>
<i>Находка</i>	<i>7,8</i>	<i>12,2</i>	<i>4,8</i>	<i>9,7</i>	<i>9,7</i>	<i>6,2</i>	<i>3,6</i>
<i>Артем</i>	<i>6,1</i>	<i>2,6</i>	<i>3,1</i>	<i>2,4</i>	<i>3,5</i>	<i>12,7</i>	<i>1,8</i>
Хабаровский край							
Хабаровск	46,5	76,2	27,9	67,4	32,2	59,4	87,3
<i>Комсомольск-на-Амуре</i>	<i>18,7</i>	<i>7,9</i>	<i>39,4</i>	<i>10,9</i>	<i>6,5</i>	<i>6,9</i>	<i>8,2</i>
Амурская область							
Благовещенск	28,9	22,2	39,4	7,5	11,0	51,9	73,5
Магаданская область							
Магадан	69,2	76,1	7,9	13,3	15,6	70,3	88,3
Сахалинская область							
Южно-Сахалинск	40,6	96,6	10,0	22,9	88,0	59,1	79,3
Еврейская автономная область							
Биробиджан	45,4	79,1	29,6	50,6	0,3	67,6	83,9
Чукотский автономный округ							
Анадырь	31,6	59,2	33,0	60,1	7,9	0	51,9
Административные центры субъектов							
	38,3	65,0	19,8	24,3	27,6	46,8	79,6
+ иные города с населением свыше 100 тыс. чел.							
	11,5	5,6	7,5	2,7	3,1	12,4	5,0

Социально-экономические центры 3-го порядка.

В них не столь высокие социально-экономические показатели. Как правило в эту группу входят административные центры районов, прежде всего за счет наличия инвестиции и строительства жилья. В других поселениях, отмечается рост производства за счет развития здесь сельскохозяйственных видов деятельности.

Среди городских и сельских поселений необходимо выделить пять групп поселений:

Поселения с признаками депрессивности.

В этих поселениях отмечается большой отток населения, низкая собираемость собственных доходов бюджета и практически полное отсутствие инвестиций, в т.ч. и в строительство жилья.

Поселения с ярко выраженными признаками депрессивности.

Здесь практически полностью отсутствуют рабочие места, за исключением администрации поселения. Отток населения в большинстве случаев составляет более 3% в год. Полное отсутствие инвестиции и строительства жилья, почти 100% зависимость от безвозмездных поступлений в бюджет поселения из региональных бюджетов.

Уровень депрессивности поселения зависит и от их пространственного размещения в Дальневосточном регионе.

Например, северные поселения более депрессивны, в том числе из-за отсутствия транспортной инфраструктуры, сложных природно-климатических особенностей. В южных поселениях более развито сельское хозяйство, что определённым образом дает стимул быть более развитым по отношению к другим поселениям (особенно северных). Более успешны прибрежные поселения. Их можно разделить на портовые, где развита портовая инфраструктура – это одни из самых развитых типов поселений. А также рыболовецкие поселения – с осуществлением рыбодобычи и рыбообработки.

Хорошим показателем, характеризующим уровень развития городских округов и муниципальных районов может служить «объем отгруженных товаров и услуг». Лидерами по этому показателю являются административные центры субъектов, большие и портовые города, а также особенно районы, занимающиеся добычей полезных ископаемых. На 20 городских округов и муниципальных районов, чья доля составляет не менее 1% от общедальневосточного приходится 76% всего объема отгруженных товаров и услуг (рис. 1).

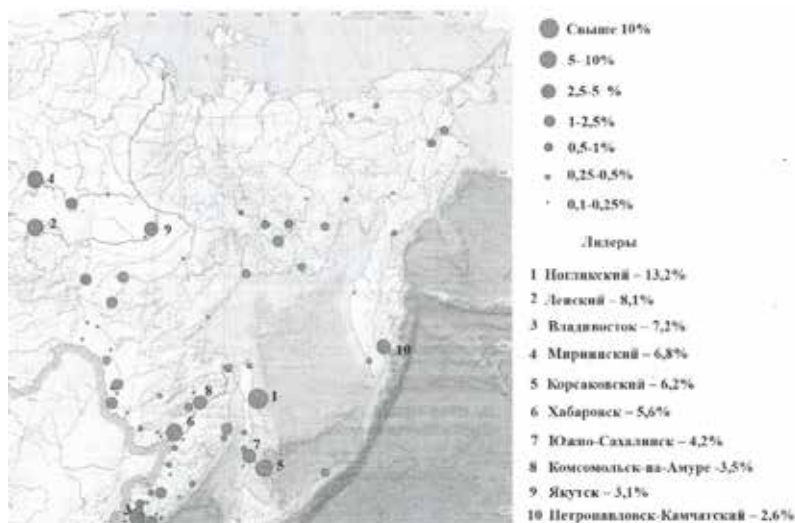

Рис. 1. Доля городских округов и муниципальных районов в структуре объема отгруженных товаров и услуг Дальнего Востока.

Наиболее развитыми муниципалитетами и поселениями являются административные центры (прежде всего субъектов), от которого в большинстве случаев зависят социально-экономические показатели и развитие района (субъекта). Среди других поселений, которые более развиты по отношению к другим, можно отметить поселения, которые находятся под влиянием благоприятного экономико-географического местоположения (вблизи крупного города, приграничное расположение, прибрежные населенные пункты, транспортные узлы).

По этому показателю (объем отгруженной продукции товаров и услуг) лидируют - административные центры субъектов; районы, где разрабатываются крупные месторождения полезных ископаемых; портовые города. Именно эти городские округа и муниципальные районы являются лидерами и по большинству других социально-экономических показателей.

Благодарность. Результаты исследований получены в рамках государственного задания Минобрнауки РФ (тема «Географические и геополитические факторы в инерционности, динамике и развитии разноранговых территориальных структур хозяйства и расселения

населения Тихоокеанской России», № АААА-А16-116110810013-5. Раздел 1). Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-05-80006.

Литература

1. Регионы России: Социально-экономические показатели. 2018. – Москва: Росстат, 2018. 1162 с.

Сведения об авторе:

Ушаков Евгений Александрович, м.н.с. Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, лаборатория Территориально-хозяйственных структур, 690041, Владивосток, ул. Радио, 7 ; тел. 8950 2976758

УДК 373.1

Шадрин А.И., Ларионова Л.Ю., Бэк Енчжун
Shadrin A.I., Larionova L.Y., Baek Young Jun

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

FEATURES OF THE MODERN SCHOOL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF KOREA

В этом исследовании рассматриваются особенности современной корейской системы образования.

In this study we will examine the Characteristics of the Modern Korean Education System.

Ключевые слова: *Корея, Система образования Кореи, особенности.*

Key Words: *Korea, Education system of Korea, Features.*

Введение.

Республика Корея вошла в рейтинг развитых стран мира через несколько десятилетий после окончания войны на Корейском полуострове и достигла высокого уровня развития, беспрецедентного для современного уровня многих стран мира. Важнейшими факторами таких успехов явились институциональные (управленческие) и инновационные преобразования. Кроме того, быстрому экономическому росту Кореи поспособствовала хорошо

организованная, быстро меняющаяся и адекватная его уровню система образования.

Так, Корея заняла 22-е место в мире по индексу развития человеческого потенциала (ИЧР) в 2019 году как развитая страна[1] (в то время как Россия – 49-е место). Индекс человеческого развития: в зависимости от значения ИЧР страны принято классифицировать по уровню развития: очень высокий (42 страны), высокий (43 страны), средний (42 страны) и низкий уровень (42 страны). Этот индекс публикуется в рамках программы развития ООН в ежегодных отчётах о развитии человеческого потенциала с 1990 года.

Внедрение европейской системы образования в Корею началось с создания католическими миссионерами в конце XIX века новых школ (европейский стиль) и продолжается по настоящее время.

С тех пор, существующая китайская система образования (Содан) постепенно исчезает с приходом японского колониального периода, и ей на смену приходит новая система образования.

В японский колониальный период 1910-1945 гг. и в период создания собственного корейского правительства в 1946 г, продолжалось внедрение элементов рыночной экономики и в настоящее время, ориентированной на США.

Корейская система образования, в том числе и школьная характеризуется сильной национальной идеологией, политическими интересами и экономическими условиями.

В данной статье рассматриваются вопросы развития начальной, средней и старшей школы Кореи.

Внедрение и изменение системы образования Кореи.

Этапы формирования системы образования в Республике Корея представлены в табл. 1.

Таблица 1

Этапы формирования системы образования Кореи

Годы	Практические мероприятия
1895-1909	1895 г.: создана первая начальная школа европейского стиля 1899 г.: создана первая средняя школа 1906 г.: создана первая старшая школа
1910-1945	японский колониальный период
1946-1954	1951 г.: Внедрение в школы 12-ти классной системы (6-3-3) 1954 г.: Внедрение системы обязательного образования <i>объявление 1 процесса образования</i>
1955 - 1980	1963–1973 гг.: <i>объявление 2 процесса образования</i> 1973–1981 гг.: <i>объявление 3 процесса образования</i>
1981 – 2020	1981-1987 гг.: <i>объявление 4 процесса образования</i> 1987-1992 гг.: <i>объявление 5 процесса образования</i>

1992-1997 гг.: <i>объявление 6 процесса образования</i> 1997-2007 гг.: <i>объявление 7 процесса образования</i> 2007-2009гг.: Частичная модификация процесса образования (2009 г.) 2015гг.: Частичная модификация процесса образования(2015 г.)
--

В 1895 году в Чосоне была введена новая европейская система образования. С 1911 года начала работу японская колониальная система образования.

Японская колониальная система образования заключалась в преобладании неравных образовательных возможностей для людей, в авторитарной философии образования, в том числе методы обучения – заучивание, повторение.[2]

После обретения независимости в 1945 году, Корея находилась под влиянием рыночного капитализма и США в особенности, что оказало сильное влияние на всю философию образования Кореи. Кроме того, политическая идеология находилась под сильным влиянием после окончания Корейской войны, преобладало антикоммунистическое образование.

С 1945 по 1991 годы вся образовательная политика в Корею осуществлялась Министерством Образования Кореи. С 1953 г. Корея начала обязательное образование под влиянием США.

Американская система образования постепенно принималась с 1963-1973 гг. Американская система образования изменила методы преподавания и обучения, вместе с тем она подчеркнула креативность в американском стиле. Особенно это проявилось в методах преподавания и обучения.

Процесс образования включают вопросы глобализации, интернационализации и открытости в учебной программе.

Процесс образования – направление появилось под девизом «творческий человек», «здоровый человек» и «независимый человек». особенности этого периода является исключение из школьной программы предметов антикоммунистической идеологии в образовании.

Процесс образования – централизованный учебный план был преобразован в децентрализованный, который предоставил автономии и свободу действий местным школьным советам и школам. Кроме того, в нем были подчеркнуты творческий подход и мораль учащихся, а компьютерное образование было включено в учебную программу.

Процесс образования был направлен на творческое и ориентированное на учащихся обучение с лозунгом творческих корейцев, которые будут лидировать и жить в условиях глобализации и информационной эпохи 21-го века.

Независимо от периода после этого периода, образовательная система будет активно и быстро меняться в зависимости от спроса.

Образовательная система, которая позволяет школьникам проходить курсы в соответствии с их интересами. Например, учащиеся, интересующиеся письмом, могут посещать занятия по письму и грамматике, а учащиеся, интересующиеся математикой, могут прослушать курсы с более высоким уровнем математического образования. (2007- 2015гг.). [3].

Особенность современной системы образования Кореи.

Система современного образования Кореи включает три ступени(6-3-3) и была создана в 1951 году.

Система включает 2 формы:

1. Обязательное образование – до средней школы образование будет бесплатным. И все корейцы должны закончить это образование = 9 лет (начальная школа = 6 лет + средняя школа = 3 года)

2. Следующее образование – старшая школа – обучение платное = 3 года (старшая школа).

После окончания (12 лет) учащиеся могут поступить в университет. Эта система до сих пор практикуется (табл. 2).

Таблица 2

Система школьного образования Кореи

Уровень	Класс	Примечания
Начальная школа (6 лет)	1	Обязательное образование (бесплатно) (9 лет)
	2	
	3	
	4	
	5	
	6	
Средняя школа (3 года)	1	
	2	
	3	
Старшая школа (3года)	1	Не обязательное образование (Платно) (3 года)
	2	
	3	

Статус школы в Корее.

В настоящее время Корея – это в основном единая школа с отдельными начальными, средними и старшими школами (табл. 4). Согласно статистике Министерства образования в 2019 году, 6087

начальных школ, 3214 средних школ и 2356 средних школ работают в едином формате.

Одиночные школы менее эффективны в сельской местности с меньшим населением. Соответственно, правительство Кореи с 1982 года продвигает политику интеграции и закрытия сельских школ. Кроме того, по мере сокращения числа учащихся и роста рождаемости во всем обществе, консолидация школ будет ускоряться.

Необходимо срочно найти способы использования школ, которые объединены или списаны в соответствии с этим течением.

Годовой учебный план Республики Корея.

Годовой учебный план образовательных учреждений и организация учебного плана, распределение учебной нагрузки по времени обучения в Республике Корея представлены в табл. 4 и 5.

Таблица 4

Годовой учебный план Республики Корея

Основной план	семестр – 2 семестра 1 семестр – начинается 1 марта 2 семестр – начинается 1 сентября расписание уроков – 34 недели в году каникулы: два раза в год (летом и зимой)
Начальная школа	расписание уроков – 34 недели в году в 1-6 классах учебное время 40 минут
Средняя школа	расписание уроков – 34 недели в году в 1-3 классах учебное время 45 минут
Старшая школа	расписание уроков – 34 недели в году в 1-3 классах учебное время 50 минут

По состоянию на 2020 год предметами начальной школы являются [4]:

1-2 классы: корейский язык, математика, общий предмет в том числе (школа, весна, семья, лето, деревня, осень, зима), безопасность, профессиональное образование, клубная деятельность.

3-4 классы: корейский язык, обществоведение, этика, математика, естествознание, искусство (музыка и рисование), английский язык, клубная деятельность.

5-6 классы: корейский язык, обществоведение, этика, математика, естествознание, искусство (музыка и искусство), английский язык, клубная деятельность.

По состоянию на 2020 год предметами средней школы являются (1-3 классы):

Предметы по мере необходимости:

Корейский язык, обществознание (в том числе корейская история и этика), математика, наука (в том числе техника и информатика), физкультура, искусство, английский язык.

Предметы на выбор:

Факультативные предметы: экология, второй язык (китайский, немецкий, французский, испанский, японский, русский, арабский, вьетнамский языки), здравоохранение, профессиональное образование, клубная деятельность.

По состоянию на 2020 год предметами старшей школы являются (1-3 классы):

Из старшей школы предметы делятся на общеобразовательные и профессиональные школы, а предметы, изучаемые в школах, отличаются.

Общие предметы, преподаваемые в старшей школе: корейский язык, обществознание, корейская история, математика, наука, английский язык

Таблица 5

Организация учебного плана и время. [5]

Школа	Число уроков на год	Учебное время (1 раз)	Общее время на год	Срок
Начальная школа	5 892 раз	40 м	235 680 м	6 лет
Средняя школа	3 366 раз	45 м	151 470 м	3 года
Старшая школа	3 468 раз	50 м	173 400 м	3 года

Выводы.

Основной целью образования является воспитание талантов. В этом смысле система образования Кореи быстро меняется, приспособляясь к временам, способствуя развитию талантов, необходимых государству, и в этом смысле добилась успеха.

Геополитическое положение Республики Корея разработало систему образования для эффективного использования ограниченных ресурсов в форме островов, и в то же время на нее оказало значительное политическое и идеологическое влияние.

В быстро меняющуюся эпоху 21-го века корейская система образования сталкивается с социальными проблемами, такими как сокращение рождаемости и старение населения. Ситуация стремительно меняется.

В результате этого исследования мы выявили положительные и негативные стороны корейской системы образования (табл. 6).

Таблица 6

Позитивные и негативные стороны корейского образования

Позитивные стороны	Негативные стороны
Адаптируется к изменениям Высокие академические достижения	Система образования часто меняется Удовлетворенность учеников низкая Сильная конкуренция

Позитивные стороны корейской системы образования в том, что она способна к изменениям. Негативные стороны – отсутствие последовательности из-за частых изменений в системе образования. Академическая успеваемость высока, но удовлетворенность каждого ученика низкая. Существует также сильная конкуренция среди обучающихся.

Если корейское образование в прошлом имело форму обучения закону для развития социализированных человеческих ресурсов, настало время для будущей системы образования проявить творческий подход и обеспечить индивидуальную персонализацию, предоставляя образование, соответствующее способностям, используя индивидуальные характеристики.

В этом контексте я проведу сравнительное исследование, которое поможет Корее и России на предмет «сравнения системы образования между Кореей и Россией» с использованием рамок для анализа исследований в будущем (табл. 7).

Таблица 7

Рамки для исследования

Этап анализа	Исследовательские проблемы
Современные изменения в учебном плане в Корее и России	Современные изменения в учебном плане в России Современные изменения в учебном плане в Корее Современные изменения в учебном плане
Сравнение современной системы образования в Корее и России	Сравнение системы образования Сравнение системы школьного администрирования Сравнение годового плана обучения
Направление по улучшению образовательной системы в Корее и России	Предложения по улучшению системы образования в будущем

Литература

1. Human Development Index -
https://en.wikipedia.org/wiki/Human_Development_Index
2. 권재술, 김범기, 우종욱, 정완호, 정진우, 최병순, 『과학 교육론』 (서울: 교육과학사), 2001.(Kwon Jesul, Kim bomugi, jeong wanok, Jong wan-ho, Jeon Jinwoo, Choi byeonseung, *Science Education Theory* (Seoul: History of Educational Science), 2001.)
3. 이건만, 『사회교육학 탐구』 (서울: 양서원), 2014.(Lee, Geunman, *Research in Social Education*(Seoul: Yang Suwon), 2014.)
4. Korean National Curriculum Information Center-
<http://ncic.go.kr/mobile.kri.org4.inventoryList.do?degreeCode=1012&classCodes=1004,1016,1038&openYear=2019&openMonth=12>
5. Ministry of Education of Korea, 2019 Basic Statistics on Education, Press (Release)
https://kess.kedi.re.kr/post/6684864?itemCode=04&menuId=m_02_04_02

Сведения об авторах

Шадрин Александр Иванович, доктор экономических наук профессор, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, shadrin18061@yandex.ru, +7(913)-534-07-65

Ларионова Л.Ю., доцент, кандидат педагогических наук, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, lariionova@kspu.ru, +7(913)-534-63-03.

Бэк Енчжун, Аспирант, Корейско-Сибирский Центр в Корее, kiseling@daum.net, +82 10 5755 0086.

Секция 4.

«Общественно-географические исследования туристско-рекреационной активности в различных регионах Евразии и её сопряжённости с трансформацией евразийского пространства»

УДК: 338.48

**Грудцын Н.А.
Grudtcyn N.A.**

ОЦЕНКА ОПЫТА РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОГО ТУРИЗМА В КИТАЕ

ASSESSMENT OF THE EXPERIENCE OF MEDICAL TOURISM DEVELOPMENT IN CHINA

В статье охарактеризованы особенности медицинского туризма в Китае и его положение в регионе. Показано, что прогресс в медицинских услугах и более доступные цены на лечение (например, по отношению к США), делают Азиатские страны более привлекательными.

The article describes the features of medical tourism in China and its position in the region. It is shown that progress in medical services and more affordable prices for treatment (for example, in relation to the USA) make Asian countries more attractive.

Ключевые слова: медицина, здравоохранение, Восточная Азия, дестинации медицинского туризма, рынок медицинских услуг.

Keywords: medicine, healthcare, East Asia, destinations of medical tourism, medical services market.

Введение.

Медицинский туризм – важное явление в современной сфере услуг, своеобразный вид деятельности, который выделился из состава лечебно-оздоровительного туризма в последней трети прошлого века [1]. Глобальный рынок медицинских услуг со своей инфраструктурой (медицинским менеджментом, органами аккредитации, агентствами медицинского туризма и туроператорами, специалистами в сфере медицинских путешествий) претерпевает постоянные изменения. В условиях финансового кризиса медицинский туризм оказывает значительное влияние на национальные системы здравоохранения и деятельность страховых компаний, которые получили возможность

выбирать и оплачивать лечение клиентов в зарубежных клиниках по более низким ценам. В условиях глобальной экономической конкуренции феномен медицинского туризма заставляет медицину развиваться быстрыми темпами за счет современных технологий и улучшения обслуживания пациентов. Медицинским туристам предоставляются не только стационарные (клинические) услуги, но и возможность знакомства с достопримечательностями в периоды послеоперационной реабилитации.

Методология и материалы исследования.

При проведении исследования использовались официальная отчетность зарубежных статистических агентств, электронные ресурсы сети Интернет, периодическая профильная литературу, материалы рейтинговых оценок. В основу исследования положены системно-структурный, сравнительно-географический научные подходы, которые определили целесообразность использования методов статистического и пофакторного анализа, сравнительных оценок.

Обзор ранее выполненных исследований.

В России медико-туристскую проблематику на Дальнем Востоке освещали П.Я. Бакланов [2], О.Г. Марченко [3], Н.С. Мартышенко [4], и др. Автором данной статьи (в соавторстве с А.И. Чистобаевым и З.А.Семеновой) были опубликованы материалы по обоснованию роли медицинского туризма в оздоровлении нации [6]. Из зарубежных исследователей значительный вклад в теорию и методологию развития медицинского туризма внесли Bramwell B.; Sharman, A [7], Jamal, T.B; Getz, D [8] и др. Авторы отмечают, что жизнь без недугов является универсальной ценностью для человека, нацеливает на поиск высококвалифицированной медицинской помощи, Если человека не удовлетворяют уровень развития медицины или стоимость лечения в своем регионе (стране), то он прибегает к поиску искомой медицинской помощи за пределами своего места проживания, становясь медицинским туристом.

Обсуждение результатов исследования.

Спектр пользующихся популярностью у туристов медицинских услуг очень широк: от косметической хирургии до сложных операций на сердце, ортопедической и онкологической хирургии. Если ранее по качеству лечения того или иного вида заболевания и спроса на него на мировом уровне лидировали ограниченное количество стран, то сейчас конкуренция значительно усилилась. Одним из факторов смены тренда медицинских поездок является стоимость лечения, которая в странах Восточной Азии в среднем на 25 – 55% ниже стоимости в США, что, однако, выше в сравнении со странами Юго-Восточной и Южной Азии.

В странах Азии нет ярко выраженного региона-лидера по интегральному индексу медицинского туризма (рис.1).

Рис. 1. Интегральный индекс медицинского туризма по странам Азии, 2016 г. Источник: составлено автором по данным www.medicaltourismindex.com [9]

Китайская народная республика (КНР) стремится развивать внутренний и въездной оздоровительный туризм и стал лидером среди восточноазиатских стран по количеству учреждений, аккредитованных Объединенной международной комиссией (JCI) (<https://www.jointcommissioninternational.org/en/>). Аккредитация может быть получена различными типами организаций здравоохранения: больницами, кабинетами врачей, домами престарелых, хирургическими центрами, учреждениями по поведенческому лечению и поставщиками услуг по уходу на дому. Аккредитация дает гарантию того, что процессы в учреждении соответствуют самым высоким международным стандартам, и что учреждение и его персонал стремится к постоянному улучшению качества предоставляемых услуг.

Таблица 2.

Количество медицинских учреждений, аккредитованных JCI по странам Восточной Азии на 2020 г.

Страна	Количество учреждений
Китай	90
Монголия	1
Северная Корея	0
Тайвань	12

Южная Корея	16
Япония	28

Источник: Составлено автором по данным сайта <https://www.worldhospitalsearch.org/> [10]

Китайское национальное управление по туризму (CNTA) настроено на продвижение интегративного развития здравоохранения и туризма, что позволит удовлетворить практические потребности национальной стратегии развития туристской сферы. КНР рассчитывает на значительный положительный вклад в национальную экономику от развития туристической отрасли.

Рис. 2. Медицинские учреждения, аккредитованный JCI
Источник: по данным [10]

Развитие индустрии туризма строится по схеме «туризм плюс». Оздоровительный туризм стал новым способом удовлетворения потребностей туризма и здравоохранения, что означает запланированное развитие высокотехнологичной медицины, специализированного и профессионального лечения, здравоохранения традиционной китайской медицины, реабилитации и оздоровления, а также курортного лечения. Политика CNTA состоит в том, чтобы продвигать развитие оздоровительного туризма, играя активную роль; быть в курсе рыночной ориентации и интеграционного развития; и понять международный взгляд на инновационное развитие отрасли.

По данным CNTA, общее количество въездных туристов в 2017 году составило 139 млн., а в 2018 году – 140 млн. человек. По оценкам CNTA в 2018 году из этого числа около миллиона составят медицинские туристы[11]. Гуйлинь, автономный район Гуанси-Чжуан, и Хайкоу, провинция Хайнань, являются наиболее популярными туристическими направлениями на рынке здравоохранения из-за их приятного климата.

Заключение.

Медицинский туризм является инновационным видом деятельности, направленным на обеспечение здоровьесбережения, способствующим предотвращению истощения ресурсов и разрушения экосистем. Получив первоначальное развитие на Европейском континенте, данный вид деятельности в последние годы стал стремительно распространяться в другие части мира. Ставший закономерным тренд медицинского туризма обусловлен ростом экономики азиатских стран и более доступными ценами на лечение по сравнению с более развитыми странами. Очевидно, что Китай, станет одним из ключевых игроков и на рынке медицинского туризма.

Благодарность. Представленные результаты исследования получены в рамках гранта РФФИ №19-05-00104 «Пространственно-временные особенности и закономерности развития медицинского туризма на глобальном и региональном уровнях организации системы здравоохранения».

Литература

1. Семенова З.А. Медицинская география – наука о человеке, природе и обществе // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития: сб. стр. междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону, 2010. – С. 401 – 404.
2. Бакланов П.Я., Романов М.Т. Основные факторы и направления развития туризма в Дальневосточном регионе России // Вестник Национальной академии туризма – 2013. – № 1 (25).– С. 37-43.
3. Марченко О.Г. Мировой медицинский туризм смещается в страны АТР. Аналитический обзор // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – С.462 – 470.
4. Мартышенко Н.С. Туристские потоки из Приморского края в Китай // Регион: экономика, социология. – 2011. – №2. – С. 282 – 291.

5. Chistobaev, A. I.; Semenova, Z. A.; Grudtcyn, N. A. 2019. Dynamics and strategic directions of public health preservation in Russian Federation, *Entrepreneurship and Sustainability Issues* 6(3): 1380-1392.

6. Bramwell B., Sharman, A. Collaboration in local tourism policymaking // *Annals of Tourism Research*. Volume 26, Issue 2, 1 April 1999, p. 392-415.

7. Tazim B.Jamalab, Donald Getz Collaboration theory and community tourism planning // *Annals of Tourism Research*. Volume 22, Issue 1, 1995, p. 186-204. [https://doi.org/10.1016/0160-7383\(94\)00067-3](https://doi.org/10.1016/0160-7383(94)00067-3)

8. Medical Tourism Index // www.medicaltourismindex.com (дата обращения: 23.01.2020).

9. World Hospital Search // <https://www.worldhospitalsearch.org/> (дата обращения: 15.02.2020).

10. Health tourism flows in and out of China // <https://www.imtj.com/news/health-tourism-flows-and-out-china/> (дата обращения: 10.02.2020).

Сведения об авторе:

Грудцын Николай Алексеевич, кандидат географических наук, старший научный сотрудник НОЦ ПОС, руководитель группы СПбГУТ, e-mail: poxes@yandex.ru, тел.: +79215658826.

УДК 796.5

Ивлиева О.В.

Ivlieva O.V.

РОСТ ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННОЙ АКТИВНОСТИ В ИНДОНЕЗИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ БЛАГОПРИЯТНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН РЕГИОНА ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

INCREASE IN THE TOURIST- RECREATIONAL ACTIVITY INDONESIA AS THE RESULT OF THE FAVORABLE COLLABORATION OF THE COUNTRIES OF THE REGION OF SOUTHEASTERN ASIA

Туризм является одним из важных секторов экономики Индонезии, вторым после нефтегазового сектора. Разработана государственная политика в области туризма. Основной целью программы было разнообразить географию национального туристского продукта и его качество. Азиатские страны, такие как Малайзия,

Сингапур и Китай, являются доминирующими регионами въездного туризма в Индонезии. Для продвижения турпродукта страны были подготовлены и проведены 180 мероприятий, в регионах Юго-Восточной Азии.

Tourism is one of the important sectors of economy of Indonesia, by the second after natural gas sector. State policy in the region of tourism is developed. The basic purpose of program it was to diversify the geography of national tourist product and its quality. The Asian countries, such as Malaysia, Singapore and China, are the prevailing regions of entrance tourism in Indonesia. For the advance turprodukta of the country were prepared and carried out 180 measures, in the regions of southeastern Asia.

Ключевые слова: туристский продукт, въездной туризм, инфраструктура, индекс конкурентоспособности

Keywords: tourist product, entrance tourism, infrastructure, the index of the competitive ability

Одним из основных стимулов развития Индонезии, является туризм. Правительство Индонезии считает, что рост туризма является основным ключом к национальному экономическому росту[1]. В 2015 году иностранная валюта, полученная из сектора туризма, достигла 12,22 млрд. долл. США, а в 2016 г 13,56 млрд. долл. Туризм является одним из важных секторов для увеличения валютных поступлений Индонезии, вторым после нефтегазового сектора [2].

Центральное управление статистики Индонезии отмечает, что число иностранных туристов, приезжающих в Индонезию за период с 2010 по 2019 гг. увеличивается с каждым годом. Особенно показателен был рост с 2010 по 2011 год, с 3 до 6 миллионов туристов. Значительное увеличение числа прибытий иностранных туристов наблюдалось в 2016 году на 18% до 11,5 млн.человек. В 2017 году число туристов, прибывших в Индонезию, также увеличилось на 9,26% по сравнению с предыдущим годом до 12,7 млн.чел. [3].

Важным показателем роста туристской индустрии является рост индекса конкурентоспособности туризма Индонезии. По которому в 2015 г. Индонезия занимала на мировом рынке 50 место (из 141 страны), а в 2017 г. поднялась на 42 строку рейтинга, а в 2018 году на 30 место [4]. Организация Всемирного экономического форума определяет четыре фактора, влияющих на индекс конкурентоспособности туризма: это условия ведения бизнеса в стране, безопасность территории, обеспечение гигиены и здоровья, разработанная государством политика в области туризма, развитая

туристская инфраструктура, а также наличие природных и культурных ресурсов [5].

Устойчивый рост конкурентоспособности туризма Индонезии объясняется улучшением качества инфраструктуры, транспорта, конкурентоспособностью цен на услуги, открытостью для иностранных туристов, продвижением бренда индонезийского туризма, увеличением туристского потока. Как правило, поток иностранных туристов достигает своих максимальных значений в декабре месяце. Азиатские страны, такие как Малайзия, Сингапур и Китай, являются доминирующими регионами въездного туризма в Индонезии и составляют более 70% турпотока. Остальные 30% приходится, преимущественно на - европейские страны, страны Ближнего Востока - 16% (в основном на Нидерланды и Великобританию), из Америки ежегодно посещают Индонезию около - 4%, туристы из Океании, Австралии, Новой Зеландии и других государств составляют не более 10%. Почти около половины туристов приезжающих в Индонезию приходится на Бали 3,7- 4,5 млн.чел.

Отдельные регионы Индонезии могут вполне расти и интенсивно развиваться, опираясь только на туристический сектор, из-за превосходства своих природных и других ресурсов, такие как Западная Ява, Центральная Ява, Восточная Ява и Джакарта. В 2015 году индонезийском министерством по туризму была разработана Государственная программа развития туризма. Основной целью программы было разнообразить географию национального туристского продукта и его качество. [6] Эта программа часто называется программой 10 новых Бали или «10 приоритетных направлений туризма».

Она ориентирована на создание и улучшение в первую очередь качества обеспечивающей туризм инфраструктуры, инженерной инфраструктуры и развитие туристских дестинаций:

1. Озеро Тоба. Самое большое пресноводное озеро в Юго-Восточной Азии. Имеет глубину 450 метров, что делает его одним из самых глубоких в мире. В середине этого озера находится остров Самосир (площадь острова сопоставима с размерами Сингапура).

2. Танджунг Келаянг. Пляжная зона, протяженностью 4 км. Обрамлена крупными гранитными скалами с белым песком.

3. Танджунг Лесунг. Пляжная зона, имеющая площадь 15 гектаров с белым песком.

4. Кэпулаван Серибу. Архипелаг из 342 островов. Имеет статус национального морского парка, который также функционирует как морской заповедник Джакарты.

5. Боробудур. Один из крупнейших буддийских памятников в мире с площадью храма 123 x 123 м². Храм, построенный в 842 году, принадлежит к всемирному наследию, признанному ЮНЕСКО.

6. Бромо Тенггер Сэмеру. Национальный парк площадью 800 кв. мм расположен на востоке острова Ява. Примечателен самым высоким(2000 м.) действующим вулканом на острове.

7. Мандалика. Пляжный район, расположенный в западной части провинции Нуса Тенггара. Потенциал купально-пляжного туризма сочетается с культурным богатством Сасака, одним из старейших племен в Индонезии.

8. Лабуан Бахо. Пляжная зона, является входом в национальный парк острова Комодо, средой обитания эндемичных животных.

9. Вакатоби. Национальный подводный парк насчитывает 750 из 850 видов кораллов в мире. Площадь парка составляет 13900 квадратных километров, самая глубокая точка - 1044 метра.

10. Моротай. Остров с площадью 1800 квадратных метров является свидетелем событий второй мировой войны. На острове, расположенном в Тихом океане, был построен штаб войск Соединенных Штатов.

Кроме того, программа включает управление и продвижение туристского продукта на международных рынках. В 2017 году организация освоила 30 миллионов долларов США для продвижения регионального туристского продукта. В 2018 году было выделено для продвижения туризма на зарубежном рынке 115 миллионов долларов США, и 76 миллионов долларов США для продвижения внутри страны. [6]

Заявленная правительством программа в полную силу развивается в 4 туристских дестинациях: на озере Тоба в Северной Суматре, Лабуан Баджо в Восточном Нуса Тенгагра, Храме Боробудура в Центральной Яве и Мандалика в Западной Нуса Тенггаре. Только на автотранспортную инфраструктуру предусмотрено реализовать - 25 млн.долларов. Предполагается увеличить количество отелей (2-3 звезды) почти в три раза на данных территориях. Общий объем инвестиций, необходимых для модернизации туристической привлекательности только одного озера Тоба, составит 1,5 млрд. долларов США, из которых 60% от общего объема средств финансируются иностранными инвесторами, такими как Китай и Сингапур.

Большое влияние на рост туризма в Индонезии оказывает наличие благоприятного климата сотрудничества между странами АСЕАН с несколькими крупными партнерами, такими как Китай, Южная Корея,

Япония и Индия. Сорок девять лет назад в Индонезии создана организация ASITA (Association of The Indonesian Tours and Travel Agencies). Эта организация объединяет предпринимателей и хозяйствующие субъекты в сфере туристических услуг. Также она активно сотрудничает с несколькими подобными организациями в ряде стран Юго-Восточной Азии, в том числе Малайзии, Китае и Южной Корее. В частности, с Малайзией ожидаемым результатом сотрудничества может стать особый пакет турпродукта в их странах, «две страны одна дестинация». В 2018 году для продвижения турпродукта страны были подготовлены и проведены 180 мероприятий, в регионах Юго-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Литература

1. Tahun 2017 Kita Genjot Sektor Pariwisata. [Электронный ресурс] // Kementerian Sekretaris Kabinet Republik Indonesia // - URL: <http://setkab.go.id/tahun-2017-kita-genjot-sektor-pariwisata/> (дата обращения: 23.02.2020).

2. Pariwisata Kini Jadi Andalan Pendulang Devisa Negara [Электронный ресурс] // Официальный сайт министерства туризма // - URL: <http://www.kemenpar.go.id/asp/detil.asp?c=16&id=2959> (дата обращения: 23.02.2020).

3. Wisatawan Mancanegara yang Datang ke Indonesia Menurut Kebangsaan, 2000-2016 [Электронный ресурс] // Badan Pusat Statistik. / - URL: <https://www.bps.go.id/statictable/2014/09/08/1394/wisatawan-mancanegara-yang-datang-ke-indonesia-menurut-kebangsaan-2000-2018.html> (23.02.2020).

4. Index Results—The Travel & Tourism Competitiveness Index Ranking 2018 // World Economy Forum [Электронный ресурс] // URL: <http://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2018/index-results-the-travel-tourism-competitiveness-index-ranking-2015/> (дата обращения: 23.02.2020).

5. Appendix A: Composition of the Travel & Tourism Competitiveness Index // World Economy Forum [Электронный ресурс]. URL: <http://reports.weforum.org/travel-and-tourism-competitiveness-report-2018/appendix-a-composition-of-the-travel-tourism-competitiveness-index/> (дата обращения: 23.02.2020).

6. Ratman, D.R. Pembangunan Destinasi Pariwisata Prioaritas 2016 – 2019: laporan pada Koordinasi Nasional Kementerian Pariwisata [Электронный ресурс], / D. R. Ratman. // Kementerian Pariwisata Republik

Indonesia//2016г.–Л.1–74.//-

URL:<http://www.kemenpar.go.id/userfiles/Paparan%20-20Deputi%20BPDIP.pdf> (дата обращения: 23.02.2020).

Сведения об авторе:

Ивлиева Ольга Васильевна, доктор географических наук, профессор кафедры туризма Высшей школы бизнеса Южного федерального университета, Ростов-на-Дону, ivlieva.o@mail.ru, +79185813297

УДК 338.48-6:502/504-043.829292.471)

Логвина Е.В.
Logvina Elena

**ПРЕИМУЩЕСТВА РАЗВИТИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО
ТУРИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ**

**ADVANTAGES OF ECOTOURISM DEVELOPMENT IN THE
REPUBLIC OF CRIMEA**

В статье рассмотрены преимущества развития экологического туризма в Крыму. Даны определения данному виду туризма. Приведены факторы, влияющие на развитие экологического туризма; Автором проведено ранжирование данных факторов. Отражена взаимосвязь экологического туризма с экономическим развитием.

The article considers the advantages of developing ecotourism in Crimea. Definitions of this type of tourism are given. The factors influencing the development of ecological tourism; Author, the ranking of these factors. The relationship between ecotourism and economic development is reflected.

Ключевые слова: экологический туризм, особо охраняемые природные территории, антропогенный экологический туризм, природно-ресурсный потенциал, динамичные факторы, статичные факторы, Республика Крым.

Keywords: ecotourism, specially protected natural territories, anthropogenic ecotourism, natural resource potential, dynamic factors, static factors, Republic of Crimea.

Экологический туризм – разновидность культурно-познавательного туризма, цель которого, осуществление отдыха и

получение новых знаний в области экологии, охраны окружающей среды, а также состояния экосистем [1].

Цель статьи состоит в том, чтобы обратить внимание компетентных и заинтересованных сторон на необходимость ответственного подхода к развитию экологического туризма.

Данная проблема получила широкое освещение в трудах отечественных ученых в области экологического туризма и охраны окружающей среды: В.И. Вернадского, Л.Г. Руденко, Н.В. Багрова, В.В. Храбовченко, В.А. Квартальнова, В.П. Кекушева, Т.К. Сергеева, М.Б. Биржакова, В.Б. Степаницкого, и др.

Популяризация здорового образа жизни, оказывает значительное влияние на рынок туристских услуг в рамках экологического туризма. По отношению к исторической реальности, экологический туризм формируется в начале 80-х годов XX века, как отдельный вид деятельности, а также, начинает развиваться теория и методология экологического туризма. Появляются новые формы экологического туризма, новые его разновидности, связанные с использованием в системе экологического туризма новых, ранее не используемых типов объектов. Изначально в качестве единственного ресурса экологического туризма представлялся отдых в естественных экологически чистых зонах. Однако, сегодня, существует антропогенный экологический туризм, как форма экологического туризма, подразумевающая посещение антропогенно преобразованных территорий и привлечение внимания к неблагоприятным экологическим явлениям в том или ином регионе.

Чрезвычайно высокая конкуренция на рынках мира товаров и услуг, обуславливает актуальность развития экологического туризма, повышением интереса в научно-познавательном отношении потребителей, а также, общем уровне экологизации общественной жизни и интереса граждан к вопросам экологии и рационального, бережливого природопользования. Экологический туризм является одним из приоритетным направлением развития экономики Крыма, благодаря мощному природно-ресурсному потенциалу, наличию больших заповедных территорий, а также растущему спросу на экологический отдых.

Уникальный по богатству своих туристско-рекреационных ресурсов Крымский регион обладает огромным потенциалом для развития экологического туризма. Достаточно сказать, например, что природно-заповедный фонд Крыма занимает территорию площадью более 135 тыс. га, что составляет более 5% от общей площади полуострова. Заповедный статус имеют уникальные участки равнинно-

степной, горно-лесной и субсредиземноморской природной среды. Основу заповедного фонда Крыма составляют 6 государственных природных заповедников: Крымский государственный заповедник (создан в 1923г. и является старейшим на территории полуострова), Ялтинский горно-лесной заповедник и Заповедник «Мыс Мартьян» (созданы в 1973г.), Карадагский заповедник (создан в 1979г.), Казантипский и Опукский природные заповедники (созданы 1998г.). Отметим, что в Крыму есть и национальные парки, и заповедники, и ботанические сады, и памятники природы, и заказники. Основные из них перечислим ниже (см. табл. 1).

Таблица 1
Национальные парки и заповедники Крыма

№	Название	Площадь, га	Где находится	Год создания
1	Азово-Сивашский национальный природный парк	52154	Часть находится в Херсонской обл. Украины	1993
2	Национальный природный парк «Прекрасная гавань» («Тарханкутский»)	10900	Черноморский район	2009
3	Крымский природный заповедник	33397	Центральная часть Главной гряды Крымских гор	1913
4	Ялтинский горно-лесной природный заповедник	14176	С юго-запада на северо-восток от Фороса до Гурзуфа	1973
5	Заповедник «Мыс Мартьян»	240	К востоку от Никитского ботанического сада	1973
6	Карадагский природный заповедник	2872	Юго-восточная часть Крыма	1979
7	Опукский природный заповедник	1592,3	Южное побережье Керченского полуострова	1998

Примечание. Составлено автором по [2].

На сегодняшний день в Крыму насчитывается особо охраняемых природных территорий (ООПТ) – 19742 ед.; из них: федерального значения – 495; регионального значения – 16195; местного значения – 3052. Экологическая сеть Республики Крым является основой для сохранения биологического разнообразия и естественных ландшафтов территории Республики Крым. Она является достаточно широко развитой, научно-обоснованной и закреплённой на законодательном

уровне. Работа по ее развитию на полуострове ведется уже более 20 лет. Весомый вклад в ее развитие сделали, и сотрудники Крымского федерального университета. Первые шаги по развитию представлений об экологической сети Крыма были сделаны по результатам программы «Оценка необходимости сохранения биоразнообразия в Крыму», осуществленной при содействии Программы поддержки биоразнообразия BSP в 1999. В рамках данного проекта была произведена выработка приоритетов и разработан новый подход к сохранению биоразнообразия в Крыму [3].

Формирование рынка туристских услуг, а именно экологического туризма Крыма происходит под воздействием группы факторов:

I. Статичные внешние (экзогенные) и внутренние (эндогенные). Внешние факторы воздействуют посредством происходящих в жизни общества изменений и имеют неодинаковую значимость для различных элементов системы экологического туризма (географическое положение региона, политические отношения между странами, международное разделение труда, уровень цен на международном рынке и в разных странах и т.п.) и др. (см. табл. 2).

Таблица 2

Ранжирование важнейших статических факторов, влияющих на развитие экологического туризма в Республике Крым

Фактор	Влияние факторов, %	Ранг
природно-географические	30	1
культурно-исторические	20	2
экономические	20	2
социальные	10	3
экологические	5	4
демографические	5	4
политико-правовые	5	4
технологические	5	4

Примечание. Составлено автором.

Внутренние факторы имеют также огромное значение в развития рынка туристских услуг - природно-географические особенности, экономическая ситуация и внутренняя политика региона, состояние развития туристской инфраструктуры, транспортных сетей, уровень жизни в обществе, образовательный и культурный уровень населения.

II. Динамические факторы: 1. уровень общественного сознания; 2. рост благосостояния населения; 3. урбанизация (концентрация

населения в городах, вызывает необходимость проведения свободного времени на природе) и др. (см. табл. 3).

Таблица 3

Ранжирование динамических факторов по их влиянию на развитие экологического туризма в Республике Крым

Фактор	Влияние факторов, %	Ранг
Поддержка со стороны государственных органов	45	1
Рост общественного богатства	40	2
Сокращение рабочего времени;	5	3
Урбанизация	5	3
Уровень общественного сознания.	5	3

Примечание. Составлено автором.

Хотелось бы также обратить внимание, какие преимущества от развития экологического туризма будет иметь Крым:

- увеличение денежного потока в регион;
- рост валового внутреннего продукта;
- создание новых рабочих мест;
- реформирование структуры отдыха, которая может быть использована и местным населением;
- рациональное использование природно-ресурсного потенциала;
- охрана и воспроизводство природных ресурсов;
- привлечение инвестиций.

Экологический туризм это такой вид туризма, где экономические законы тесно переплетаются с законами природы. Экологические услуги могут служить сферой диверсификации экономической деятельности на сельских территориях, превращаясь в специфические виды местных активов, капитализация которых будет создавать средства для их развития. Активизация научного поиска в сфере экологического туризма, осмысление сущности его развития, как основы процесса изменений на сельских территориях, будут способствовать разработке новых стратегий развития этого вида туризма для создания привлекательного имиджа территорий и повышения благосостояния местного населения.

Литература

1. Борейко В.Е. Двенадцать ошибок в экопросветительской деятельности российских заповедников //Гуманитарный экологический журнал, 2000. – Т.2, вып. 2. – С.90-97

2. Логвина Е.В. Экотуризм – развитие и проблемы в России и Республике Крым //Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. География. Геология. Том 3 (69). № 3. Ч.2. 2017 г. С. 86–101.

3. Выработка приоритетов: новый подход к сохранению биоразнообразия в Крыму. Результаты программы «Оценка необходимости сохранения биоразнообразия в Крыму», осуществленной при содействии Программы поддержки биоразнообразия BSP. – Вашингтон, США: BSP, 1999., 257 с.

Сведения об авторе:

Логвина Елена Владимировна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры туризма Таврической академии «Крымский Федеральный Университет им. В.И. Вернадского» vivat.log.1474@mail.ru; +7(978) 733-59-70

Logvina Elena, associate Professor, candidate of economic sciences, PhD, Associate Professor department of Tourism of the Faculty of Geography of the Taurian Academy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University; vivat.log.1474@mail.ru; +7(978) 733-59-70

УДК 910.1+379.85

**Кайзер Ф.Ю., Брель О.А.
Kayzer Ph. Ju., Brel O.A.**

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ ТУРИСТСКОГО ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ

SCIENTIFIC APPROACHES TO THE FORMATION OF THE TOURIST IMAGE OF THE TERRITORY

В статье проанализированы существующие научные подходы, применяемые в исследованиях туристского образа территории. Авторами выявлены территориальный, исторический, типологический, системный, комплексный подходы к формированию туристского образа. Обобщен опыт применения обозначенных подходов в практике формирования туристских образов.

The article analyzes the existing scientific approaches used in the study of the tourist image of the territory. The authors revealed the territorial, historical, typological, systemic, integrated approaches to the formation of a

tourist image. The experience of applying the indicated approaches in the practice of forming tourist images is generalized.

Ключевые слова: туристский образ, территория, регион, научный подход, туризм.

Key words: tourist image, territory, region, scientific approach, tourism.

Развитие внутреннего туризма, позиционирование региона на туристском рынке базируется, в том числе, на грамотном формировании и продвижении туристского образа территории. Туристский образ, как научная категория еще только на стадии формирования, соответственно еще не сложился и общепринятый подход к исследованию этого перспективного направления, в то время как изучением, например, географического образа места (территории, города, страны, даже отдельных районов города) российские ученые занимаются уже достаточно давно. Проведенный анализ литературы по теме исследования позволил выявить ряд научных подходов к формированию туристского образа территории.

Одним из пионеров в исследовании именно туристского образа территории можно по праву считать Е.В. Никанорову, которая рассмотрела этот вопрос на примере конкретного региона – Ростовской области. Характерной особенностью исследования Е.В. Никаноровой является применение исторического подхода. При помощи сравнительно-географического, историко-географического, картографического и других методов автору удалось проанализировать особенности формирования туристского образа региона, выделить и охарактеризовать основные этапы формирования туристского образа Ростовской области, а также отобразить «эволюцию» территории в туристско-рекреационном отношении [1].

А.С. Стегниенко достаточно интересно, на наш взгляд, применяет типологический подход, исследуя туристские образы префектур Японии. Автор в своем исследовании, помимо количественных и картографических методов, применяет метод «создание когнитивной схемы». Составление когнитивных схем префектур начинается с составления таблиц, которые содержат образные характеристики префектур. После этого отобранным характеристикам присваивались баллы, затем автор рассчитал суммарный рейтинг образов и рейтинг по количеству упомянувших их источников. В конечном итоге, было проведено ранжирование образных характеристик, составлена типология префектур Японии по уровню их представленности в

туристической литературе, а затем применен метод когнитивных схем для представления основных туристских образов префектур [2].

Н.А. Емельянова в качестве основного метода исследования туристского образа территории используют контент-анализ, посредством которого выявлена роль региональных печатных СМИ в продвижении туристского образа республики Мордовия. Данный метод позволил автору изучить и систематизировать большой объем информации туристской тематики, и определить какой вклад средства массовой информации вносят (или не вносят) в формирование туристского образа республики [3].

Подобный метод применен Т.А. Ткачевой при изучении туристского образа Северного Кавказа, использование которого позволило проанализировать туристский образ региона в медиaprостранстве. Помимо контент-анализа Т.А. Ткачева также использует историко-географический метод, с помощью которого были выделены четыре основных этапа в трансформации образа исследуемого региона. Немаловажную роль в исследовании автора оказало применение социологического метода (социологический опрос в online-режиме), позволивший автору дистанционно опросить триста респондентов из почти двух десятков субъектов РФ [4].

Е.Н. Гончарова в соавторстве с Т. А. Кольчугиной при изучении туристских образов городов в регионе Кавказских минеральных вод (КВМ) применили сравнительно-географический метод, с помощью которого авторам удалось отметить, что на протяжении всего периода существования группы курортов КВМ туристский образ этой территории положительно воспринимался в сознании россиян, однако в настоящее время образ городов включает негативные черты [5].

Системный подход к исследованию туристского образа города на примере Брянска использует М.Н. Куница. В данном случае, автор под системой предлагает понимать туристско-рекреационный каркас старо-освоенной Брянской области, а непосредственно город Брянск считать ядром этого каркаса. По мнению М.Н. Куницы, важным элементом туристского образа территории является социально-экономический каркас, включающий в себя объекты коллективного размещения, общественного питания, туристскую инфраструктуру, объекты развлечения и досуга, а также менеджмент и маркетинг туризма. Взаимосвязь этих компонентов позволяет оценить дестинацию по туристской привлекательности, а также выявить основные перспективы по дальнейшему формированию туристского образа Брянской области [6].

М.В. Гудковских при выявлении географических образов как содержательной основы рекреации и туризма в регионе применяет методы: сравнительно-географический, картографический, формализации, а также образно-знакового моделирования. За счет использования данных методов автору удалось собрать воедино и отобразить на карте географические образы территории Тюменской области, которые в дальнейшем можно трансформировать в туристские бренды с целью привлечения потенциальных туристов в регион. Использование нескольких методов в данном исследовании говорит о том, что автор применил комплексный подход, который позволил не только описать процессы территориального функционирования складывающейся туристско-рекреационной системы региона, но и предоставил возможность конструировать варианты перспективного использования географических образов территории в туризме [7].

Таким образом, проведенный анализ позволил обобщить существующие научные подходы, применяемые в исследованиях туристского образа территории (табл. 1).

Таблица 1

Научные подходы, применяемые к исследованию туристского образа территории

Научный подход	Описание подхода
<i>Территориальный</i>	Предполагает анализ территориальных факторов развития с учетом пространственной дифференциации природно-рекреационных, социально-экономических и историко-культурных составляющих.
<i>Исторический</i>	Позволяет проследить ход формирования, развития и эволюции изучаемого объекта, выявить закономерности, особенности и тенденции его функционирования.
<i>Типологический</i>	Предполагает разработку типологий, основанных как на одном, так и на нескольких критериях, отражающих качественные особенности исследуемого объекта и позволяющих выделить их характерные признаки.
<i>Системный</i>	Позволяет исследовать объект как целостное множество элементов в совокупности отношений и связей между ними, то есть рассмотрение объекта как системы.
<i>Комплексный</i>	Предполагает исследование объекта как совокупности элементов, которые могут быть как однородными частями целого, так и его разнородными сторонами, характеризующими объект в различных аспектах.

В целом, обобщая существующий опыт, можно выделить три основные группы исследований туристского образа территории:

- *первая группа*, в которой объектом исследования выступают особенности восприятия территории туристами в зависимости от возраста, уровня дохода, психографического портрета (аллоцентрики/психоцентрики), опыта путешествий, собственных рекреационных потребностей и т.п.

- *вторая группа*, рассматривающая основные источники формирования туристского образа территории и технологии его продвижения (брендинг и маркетинг территорий, СМИ, интернет, реклама, специализированные сайты, социальные сети, путеводители, местное население и др.).

- *третья группа*, в которой исследования посвящены непосредственно туристским образам территорий (анализ географических, туристско-рекреационных, социально-экономических, историко-культурных и других предпосылок и аспектов).

Литература

1. Никанорова, Е.В. Формирование туристского образа территории: на примере Ростовской области: автореферат дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. – Москва, 2009. 24 с.

2. Стегнийко А.С. Туристские образы префектур Японии: методика изучения и типология / А.С. Стегнийко // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2014. – № 4. – С. 85-94.

3. Емельянова Н.А. Формирование туристского образа республики Мордовии в региональных средствах массовой информации / Н.А. Емельянова // В сборнике: Туризм в глубине России. Сборник трудов III Международного научного семинара. – Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2014. – С. 88-91.

4. Ткачева Т.А. Туристский образ Северного Кавказа в представлениях населения России / Т.А. Ткачева // Наука. Инновации. Технологии. – 2018. – № 4. – С. 77-90.

5. Гончарова Е.Н. Зарождение и развитие туристских образов городов в регионе Кавказских минеральных вод / Е.Н. Гончарова, Т.А. Кольчугина // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2016. – № 2. – С. 95-98.

6. Куница М.Н. Туристский образ крупного города: особенности и роль в региональном менеджменте туризма / М.Н. Куница // Региональные исследования. – 2017. – № 1 (55). – С. 110-118.

7. Гудковских М.В. Туризм в Тюменской области: потенциал и территориальная организация: автореферат дис. ... канд. геогр. наук: 25.00.24. –Пермь, 2018. 23 с.

Сведения об авторах:

Кайзер Филипп Юрьевич, аспирант, ассистент кафедры геологии и географии КемГУ, filipp.kaizer@yandex.ru, 8-913-072-86-76

Брель Ольга Александровна, д-р пед. наук, доцент, зав. кафедрой геологии и географии КемГУ, brel_o_a@mail.ru, 8-913-300-28-12

УДК 379.85(470.62)

**Казачинский В.П., Хашева З.М.
Kazachinsky V.P., Khasheva Z.M.**

**ТУРИСТСКО-РЕКРЕАЦИОННЫЕ АКВАТОРИИ
ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ТУРИЗМА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

**TOURIST AND RECREATIONAL WATERS OF
EDUCATIONAL TOURISM OF THE KRASNODAR TERRITORY**

В статье произведена дифференциация административных районов Кубани в соответствии с их основными функциями на три туристско- рекреационных акватории и 14 зон, что позволит целенаправленно развивать познавательный туризм в регионе. Предложена группировка туристско-рекреационных акваторий: Геленджикская; Мостовская; Приморско-Ахтарская. Составлены обобщающие схемы зонирования и диаграммы распределения объектов познавательного туризма по акваториям, зонам и группам. Предложены четыре характерные группы объектов познавательного туризма. В первую группу вошли туристско-рекреационные зоны с количеством в них более 20 объектов познавательного туризма; во вторую – от 16 до 20; в третью – 10-12; в четвертую менее 10 объектов познавательного туризма.

Полученные результаты позволяют совершенствовать социально-экономическую, инфраструктурную и пространственную организацию туристско-рекреационных акваторий региона, целенаправленно ставить новые научные задачи и продолжать комплексные исследования по учету влияния совокупности факторов в Акваториях познавательного туризма.

The article differentiates administrative districts of the Kuban in accordance with their main functions into three tourist and recreational water

areas and 14 zones, which will allow purposefully developing cognitive tourism in the region. A group of tourist and recreational water areas is proposed: Gelendzhik; Mostovskaya; Primorsko-Akhtarskaya. Compiled generalized zoning schemes and distribution diagrams of the objects of cognitive tourism in water areas, zones and groups. Four characteristic groups of objects of educational tourism are proposed. The first group includes tourist and recreational areas with more than 20 objects of educational tourism; in the second - from 16 to 20; in the third - 10-12; in the fourth, less than 10 objects of educational tourism.

The results obtained will allow us to improve the socio-economic, infrastructural and spatial organization of the tourist and recreational water areas of the region, purposefully set new scientific tasks and continue comprehensive research to take into account the impact of a combination of factors in the areas of cognitive tourism.

Ключевые слова: туристско-рекреационные акватории познавательного туризма, историко-культурные и природные объекты.

Key words: tourist and recreational waters of educational tourism, historical, cultural and natural objects.

В настоящее время познавательный туризм является одним из наиболее динамично развивающихся высокодоходных видов туристско-рекреационной отрасли. Однако, проблема развития познавательного туризма не может быть решена без учета сложившейся сети объектов познавательного туризма, так как они являются опорными и определяющими. Отсутствие объективных знаний о расположении историко-культурных и природных объектов значительно снижает темпы развития туризма в России в целом, и на Кубани в частности – особой экономической туристско-рекреационной зоны страны.

В связи с развитием туристско-рекреационной отрасли в регионе в работе произведена дифференциация административных районов и территорий в соответствии с их основными функциями (купально-пляжный, оздоровительный, лечебный, горнолыжный, охотничье-рыболовный и др.) на три туристско-рекреационных акватории (ТРА) и четырнадцать туристско-рекреационных зон (ТРЗ), что позволит целенаправленно вести развитие познавательного туризма в регионе. Предложена следующая группировка туристско-рекреационных акваторий: Геленджикская, Mostovskaya, Приморско-Ахтарская.

Исследование Объектов познавательного туризма (ОПТ) проведено по предложенным зонам и акваториям [1].

В результате анализа установлено, что на территории трех туристско-рекреационных акваторий имеются 197 Объектов познавательного туризма, в том числе: 96 историко-культурных объектов, что составляет 49% от общего количества Объектов познавательного туризма, 101 природных (51%).

На территориях туристско-рекреационных зон выявлены следующие Объекты познавательного туризма:

1. Геленджикская туристско-рекреационная Акватория – 77 Объектов познавательного туризма (39% от общего количества ОПТ Акваторий региона), в том числе: 39 историко-культурных объектов, что составляет 51% от общего количества объектов познавательного туризма туристско-рекреационной акватории; 38 природных ОПТ, что составляет 49% от общего количества Объектов познавательного туризма акватории.

2. Мостовская туристско-рекреационная Акватория – 66 объектов познавательного туризма (33% общего количества ОПТ акваторий региона), в том числе: 26 историко-культурных объектов, что составляет 40% от общего количества объектов познавательного туризма акваторий региона; 40 природных ОПТ – 60% от общего количества Объектов познавательного туризма акваторий региона.

3. Приморско-Актарская туристско-рекреационная Акватория – 54 Объектов познавательного туризма (28% от общего количества ОПТ акваторий региона), в том числе: 31 историко-культурных объектов, что составляет 58% от общего количества ОПТ акваторий региона; 23 природных – 42% от общего количества Объектов познавательного туризма акваторий региона.

Авторами проведен анализ туристско-рекреационных акваторий для выявления особенностей в размещении, площадях, типах объектов познавательного туризма во взаимосвязи с их количеством и attractiveness. Предложены четыре характерные группы Объектов познавательного туризма. В первую группу вошли туристско-рекреационные зоны с количеством в них более 20 Объектов познавательного туризма. В ней находится две туристско-рекреационные зоны с общим количеством ОПТ - 47, что составляет 24% от общего количества акваторий региона. Туристско-рекреационные зоны этой группы расположены в Геленджикской Акватории (Геленджикская) и Мостовской (Сочинская). Здесь преобладают историко-культурные и природные объекты. Объекты познавательного туризма этой группы в Приморско-Актарской Акватории отсутствуют [2, 3].

Вторая группа – число ОПТ от 16 до 20. В ней расположены четыре туристско-рекреационные зоны с общим количеством объектов познавательного туризма – 68, что составляет 34% от общего количества акваторий региона. Туристско-рекреационные зоны этой группы расположены в Геленджикской Акватории (Новороссийская и Горячеключевская); в Приморско-Актарской Акватории (Темрюкская и Анапская). Объекты познавательного туризма этой группы в Мостовской Акватории отсутствуют.

Третья группа – количество Объектов познавательного туризма 10-15. В ней находится самое большое количество ОПТ – 69, что составляет 35% от общего количества Объектов познавательного туризма акваторий региона. Эта группа представлена всеми туристско-рекреационными акваториями региона. Для этой группы характерно большое количество природных объектов познавательного туризма. Необходимо отметить, Апшеронская ТРЗ имеет большое количество природных объектов познавательного туризма (11, что составляет 92% от количества ОПТ туристско-рекреационной зоны).

Четвертая группа – количество Объектов познавательного туризма менее 10. В ней имеется две туристско-рекреационные зоны с низким потенциалом ОПТ. Общее количество объектов познавательного туризма составляет 13, т.е. 7 % от общего количества ОПТ акваторий региона. Туристско-рекреационные зоны этой группы расположены в Мостовской Акватории (Белореченская), Приморско-Актарской [4].

Сравнение особенностей туристско-рекреационных акваторий и туристско-рекреационных зон в регионе с распределением в нем объектов познавательного туризма показывает, что эти два фактора находятся во взаимосвязи. Существует связь между туристско-рекреационными акваториями, зонами и расположением, количеством, статусом историко-культурных и природных объектов познавательного туризма.

Так, например, объекты познавательного туризма оказывают влияние на развитие туристско-рекреационных акваторий и зон. Большое количество ОПТ во второй и третьей группах предопределило интенсивное развитие туристско-рекреационной отрасли в Горячеключевской, Анапской и Мостовской туристско-рекреационных зонах. Необходимо отметить, что познавательный потенциал в этих группах составляют историко-культурные и природные объекты [5].

В регионе хорошо прослеживаются различия в Объектах познавательного туризма, расположенных в зоне интенсивного влияния крупного города (Новороссийск) и на периферии. Так,

Новороссийская туристско- рекреационная зона включает 14 историко-культурных объектов, что составляет 11% от общего количества этих объектов акваторий региона. В периферийных туристско- рекреационных зонах преобладают природные объекты познавательного туризма.

Обобщенная характеристика Краснодарского края создает необходимую основу для понимания процессов развития познавательного туризма в туристско- рекреационных акваториях и зонах. Однако, разработка конструктивной теоретико- методологической платформы их развития с учетом использования Объектов познавательного туризма в регионе требует специального рассмотрения различных аспектов этих процессов (по региону в целом и отдельно по туристско- рекреационным акваториям и туристско- рекреационным зонам), как социально-экономических, инфраструктурных, законодательных, экологических и др.

Литература

1. Казачинский В.П., Хашева З.М. Историко-культурные и природные аспекты развития познавательного туризма в Краснодарском крае. Монография. – Краснодар: Изд-во ЮИМ, 2017. – 243 [1] с.
2. Казачинский В.П., Хашева З.М. Методика выбора характерных рекреационно-туристских зон для исследования // Экономика и предпринимательство. – 2017. – № 8-2 (85). – С. 1126-1130.
3. Kazachinskii V.P., Stepanovskaya G.V., Khasheva Z.M., Shulgatyi O.L. Features of the distribution and placement of objects of cognitive tourism in Kuban and their relationship // International Journal of Economics and Financial Issues. – 2016. – Т. 6. – № 8Special Issue. – P. 193-196.
4. Kazachinskii V.P., Stepanovskaya G.V., Khasheva Z.M., Shulgatyi O.L. Creation of framework levels for the development of tourism in Krasnodar region // International Journal of Economic Perspectives. – 2017. – Vol. 11. – №3.
5. Хашева З.М., Казачинский В.П. Проблемы комплексной оценки туристских ресурсов региона // Новое качество образования и науки: возможности и перспективы. Сборник статей международной научно-практической конференции. – М.: Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, 2017. – С. 145-146.

Сведения об авторах

Казачинский Владимир Павлович (Kazachinsky Vladimir Pavlovich), кандидат архитектуры, доцент, доцент кафедры гуманитарных и математических дисциплин, Южный институт менеджмента (Краснодар), наука@uim.ru, (861) 233 88 59

Хашева Зарема Муратовна (Khasheva Zarema Muratovna), доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики, Южный институт менеджмента (Краснодар), zarema_muratovna@mail.ru, (861) 233 85 06

УДК 338.481.31

**Каледин В.Н.
Kaledin V.N.**

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ ТУРИЗМА В ЮЖНОЙ АЗИИ

GEOPOLITICAL FACTORS OF TOURISM DEVELOPMENT IN SOUTH ASIA

Рассмотрены вопросы воздействия геополитических факторов на развитие туризма в странах Южной Азии, в частности преимущественно их негативное влияние как на туристский имидж региона в целом, так и на въездные и внутренние туристские потоки, в сочетании с тенденцией роста числа туристских прибытий во все страны.

The article discusses the impact of the geopolitical factors on the development of tourism in South Asia, in particular, its mainly negative impact on the tourist image of the region and on the inbound and domestic tourist flows, combined with a trend of increasing numbers of tourist arrivals in all countries.

Ключевые слова: геополитика, развитие, туризм, туристские потоки, Южная Азия.

Keywords: geopolitics, development, tourism, tourist flows, South Asia.

Геополитические факторы являются одними из ключевых в развитии туристской отрасли всех стран Южной Азии. Многие десятилетия они были сдерживающими, ограничивающими развитие как международного, так и внутреннего туризма. Это привело к тому, что эти страны полноценно включились в мировую конкурентную борьбу «за иностранного туриста» всего лишь около 10 лет назад, когда

некоторые государства Азии уже вошли в число мировых лидеров по количеству туристских прибытий.

В Южной Азии и сегодня сохраняется ряд геополитических факторов, сдерживающих развитие туризма, влияющих на туристский имидж региона и привлекательность отдельных стран для иностранных туристов. Наиболее важные – взаимные территориальные претензии, внешнеполитические разногласия между странами и их внутривнутриполитические проблемы, особенно политическая нестабильность, сепаратизм и сепаратизм. Внешними конкурентными «туристско-геополитическими» лимитирующими факторами в развитии туризма являются близлежащие популярнейшие направления международного туризма в Юго-Восточной Азии и регионе Персидского залива. При этом страны Южной Азии обладают значительными туристскими ресурсами, многие из которых уникальны.

Индия в настоящее время является наиболее популярной страной Южной Азии для иностранных туристов (см. табл. 1), причем количество посетителей из-за рубежа за последние 10 лет увеличилось более чем в 3 раза – с 5,4 млн. чел. в 2008 году до 17,4 млн. чел. в 2018 году [1].

Таблица 1

Динамика международных туристских прибытий в странах Южной Азии (тыс. прибытий)

№	Страна	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018
1	Бангладеш	115	156	199	208	303	643	1026	н/д
2	Бутан	2	5	8	14	41	155	255	274
3	Индия	1707	2124	2641	3915	5776	13284	15543	17427
4	Мальдивы	195	315	467	395	792	1234	1390	1484
5	Непал	255	363	451	375	603	539	940	1173
6	Пакистан	424	378	543	798	907	1190	1750	1900
7	Шри-Ланка	298	403	400	549	654	1798	2116	2334

Источник: составлено автором по данным UNWTO [1, 2, 3].

Геополитические противоречия между Индией и Пакистаном, сохраняющиеся с момента обретения независимости этими странами в 1947 году, не только влияют на общую политическую ситуацию в регионе и сдерживают социально-экономическое развитие обеих стран, но и непосредственно на их туристский имидж. Очевидно, что взаимные территориальные претензии в зоне Кашмира и регулярно переходящий в прямые вооруженные столкновения, являются

ключевым фактором сдерживания интереса иностранных туристов к региону вплоть до начала 2000-х годов.

Негативно влияют на туристскую привлекательность Индии и региона в целом территориальные претензии и политические противоречия с Китаем, сохраняющиеся до настоящего времени после вооруженного конфликта в 1962 году. Граница между КНР и Индией закрыта на всем протяжении. Единственная близкая возможность сухопутным маршрутом добраться из Китая в Индию – дорога через Непал. Также осложняет отношения с КНР давнее военно-техническое сотрудничество между Китаем и Пакистаном.

Острые политические противоречия между КНР и Индией существенно ограничивают развитие взаимных туристских потоков. Несмотря на то, что количество туристов из Китая во многих регионах и странах мира в настоящее время исчисляется миллионами, в Индии их число незначительно – 283 тыс. чел. (2018 г.), и эта страна занимает 8 место по общему числу посетителей в Индию, после туристов из Бангладеш, США, Великобритании, Шри-Ланки, Канады, Австралии, Малайзии (см. табл. 2) [4]. Причем потоки туристов из других стран в Индию в значительной степени отражают современные геополитические привязанности страны.

Таблица 2

Крупнейшие страны-поставщики туристов в Индию в 2018 г.
(тыс. прибытий)

№	Страны	Количество туристских прибытий
1.	Бангладеш	2257
2.	США	1456
3.	Великобритания	1029
4.	Шри-Ланка	354
5.	Канада	351
6.	Австралия	347
7.	Малайзия	319
8.	КНР	282
9.	ФРГ	274
10	Россия	262

Источник: составлено автором по данным Министерства туризма Правительства Индии [4].

Не способствуют развитию туризма и популярности Индии на мировом туристском рынке и внутривнутриполитические проблемы – столкновения на религиозной почве (последние произошли в конце февраля 2020 года) и проблема сепаратизма, в первую очередь активная

деятельность во многих регионах страны накалила – леворадикальных террористических организаций.

Бутан является одной из самых «закрытых» туристских дестинаций в мире, первые туристы были допущены в страну лишь в 1974 году, когда страну посетили 287 иностранных туристов (274 тыс. в 2018 г.). В целях сохранения окружающей среды и уникальной культуры правительство сознательно ограничивает число туристов, допускаемых в страну. Закрытость от массовых туристских потоков является, в том числе и следствием такого геополитического фактора как длительная политической самоизоляции страны в XX веке.

Мальдивы являются одной из самых политически стабильных стран Южной Азии, моноэтнической и моноконфессиональной (её гражданами могут быть только мусульмане). Туризм является главной отраслью экономики, основным источником дохода этого островного государства и важным фактором стабильности. За последние десятилетия успешного развития туризма в стране кратковременный резкий спад туристских прибытий был только в 2005 году и являлся следствием землетрясения в Индийском океане (2004 г.) и последовавшим за ним цунами, нанесящим сильнейший урон туристской индустрии Мальдив.

Шри-Ланка – яркий пример страны, где успешное развитие туристской отрасли последовало за решением внутривнутриполитических проблем. С 1983 по 2009 год в стране шла гражданская война между правительством и организацией «Тигры освобождения Тамил-Илама», завершившаяся победой правительственных сил над сепаратистами. Как следствие установившейся политической стабильности, последние 10 лет страна переживает бурный рост туристской индустрии, что нашло отражение и в показателях международных туристских прибытий – их стремительный рост с 438 тыс. иностранных посетителей в 2008 году до 2,3 млн в 2018 году [3]. В то же время страну продолжают сотрясать теракты (последние были в 2019 году).

Бангладеш, одна из крупнейших по населению стран мира (170 млн. на 2019 год), в настоящее время не является ни объектом активной туристской деятельности, ни поставщиком туристов (за исключением Индии). Причина – в крайне низком уровне социально-экономического развития страны, плохом состоянии туристской инфраструктуры и ограниченном числе значимых туристских объектов. Из примерно 1 млн. иностранных туристов значительное число посетителей этой страны – граждане Индии, причем большинство гостей – из соседнего индийского штата Западная Бенгалия, население которого фактически является частью единого народа с жителями Бангладеш. Бенгальцы

двух стран имеют общую историю, давние культурные и родственные связи, но были разделены в 1947 году – территории, преимущественно населенные мусульманами, вошли в состав Пакистана и в 1971 году получили независимость.

Непал, несмотря на наличие большого количества популярных у туристов объектов (Гималаи, места буддийских паломничеств), вплоть до 2016 года принимал относительно небольшое количество туристов и тому были внутривнутриполитические причины: гражданская война (1996-2006 гг.), сопровождавшаяся контролем леворадикальными группировками над большей частью территории страны, и политическая нестабильность, приведшие к переходу с монархической на республиканскую форму правления в 2007 году. Также некоторый спад турпотока в страну вызвала серия землетрясений в 2015 году. Принятие новой Конституции в 2015 году (по которой Непал провозглашается страной ориентированной на строительство социализма) и приход к власти в 2018 году Коммунистической партии Непала (объединённой марксистско-ленинской), а также серьезные проблемы в вопросах социально-экономического развития не лучшим образом сказываются на туристском имидже страны. Несмотря на это восстанавливается туристский спрос и с 2015 года показатели туристских прибытий увеличились более чем в 2 раза – с 539 тыс. до 1,17 млн. в 2018 году [3].

Внутриполитическая нестабильность на протяжении практически всего периода существования независимого Пакистана с 1947 года не способствовала туристской популярности этой страны. Крайне негативно на развитие туризма влияет непрекращающийся с момента образования двух государств конфликт с Индией, соседство с одной из самых горячих точек на планете – Афганистаном и активность террористических организаций. Вплоть до недавнего времени страна была практически закрыта для массовых туристских потоков, государство не предпринимало серьезных шагов для развития туризма. Но ситуация радикально меняется – для увеличения турпотока в страну в январе 2019 года власти Пакистана ввели возможность получения электронных виз для граждан 175 стран, в том числе России. Однако, несмотря на обладание привлекательными туристскими ресурсами, в том числе уникальными (Мохенджо-Даро, Харappa, Гималаи и т.д.) и усилия государства по развитию отрасли, Пакистан продолжает оставаться малопривлекательной страной для иностранных туристов, в значительной степени из-за сложившегося геополитического имиджа.

Между странами Южной Азии стабильно растет внутрирегиональный турпоток, что, очевидно, связано в первую

очередь с ростом благосостояния жителей стран региона, но зачастую ограничивается напряженными межгосударственными отношениями и/или политикой стран в сфере туризма. Главным объектом внутривнутрирегиональных поездок является Индия – примерно четверть всех международных туристских прибытий в страну приходится на туристов из соседних стран Южной Азии [4].

Наблюдается существенный поток в Индию посетителей из дружественной Бангладеш (2,26 млн чел в 2018 г.) [4]. Из остальных стран региона количество туристов пока относительно небольшое, но их число с каждым годом стабильно увеличивается – 304 тыс. чел. (2017 г.) из Шри-Ланки, 164 тыс. чел. из Непала, 66 тыс. чел. из Мальдив, 25 тыс. чел. из Бутана. Крайне небольшой взаимный турпоток наблюдается между крупнейшими по населению странами – Индией и Пакистаном, с момента обретения независимости в 1947 году являющимися геополитическими противниками. Взаимные посещения гражданами этих государств фактически возможны только по гостевым, медицинским и бизнес-визам, туристические визы практически не выдаются. В последние годы количество граждан Пакистана, ежегодно посещающих Индию, составляет менее 50 тыс. человек (44,3 тыс. чел. в 2017 г.). При этом из одной из самых неблагоприятных стран Азии и мира – Афганистана – посетителей в Индию в несколько раз больше (149 тыс. чел.) [5].

Также растут показатели внутреннего туризма в странах региона, в первую очередь в Индии. Это связано с ростом благосостояния населения, улучшением качества туристской инфраструктуры, но не последнюю роль играет существенная стабилизация в последние годы внутривнутриполитической ситуации. Количество внутренних туристов в Индии в 2018 году составило около 1,86 млрд (748 млн. чел. в 2010 г.). Стабильный рост потока туристов наблюдается даже в одном из самых сложных в плане безопасности регионов – индийском штате Джамму и Кашмир. В 2017 году штат посетили 14,2 млн. туристов-индийцев и около 80 тыс. туристов-иностранцев [5].

За последние 20 лет в большинстве стран региона (за исключением Непала) не происходило социальных и политических потрясений и событий, которые приводили бы к резкому сокращению числа туристских прибытий, аналогичных спадам туристской деятельности в Египте, Тунисе, Турции. Даже крайние обострения отношений и прямые приграничные военные конфликты между Индией и Пакистаном (1999, 2001, 2008, 2016, 2019 гг.) незначительно отразились на количестве иностранных туристов. Однако были и сохраняются в настоящее время другие геополитические факторы [6],

значительно ухудшающие туристскую привлекательность региона: военные действия, международный терроризм и сепаратистские движения (Индия, Пакистан, Непал, Шри-Ланка), дипломатические разногласия (Индия, Пакистан), закрытость государства (Бутан).

Туризм в некоторой степени способствует установлению региональной политической стабильности в Южной Азии. Руководители стран региона всё больше осознают возможности серьезных доходов от этой отрасли и необходимость стабильного развития туристской отрасли. На фоне обостряющейся конкуренция в сфере туризма между государствами политическая стабильность становится одним из важнейших факторов повышения привлекательности стран и привлечения иностранных посетителей.

Литература

1. World Tourism Organization (2001), *Tourism Highlights*, 2001 Edition, UNWTO, Madrid, 2001.

2. World Tourism Organization (2011), *Tourism Highlights*, 2011 Edition, UNWTO, Madrid, 2011.

3. World Tourism Organization (2019), *International Tourism Highlights*, 2019 Edition, UNWTO, Madrid, 2019. P. 24.

4. *India Tourism statistics at a glance 2019*. Government of India, Ministry of Tourism, Market Research Division, New Delhi, 2019. P 21.

5. *India Tourism statistics 2008*. Government of India, Ministry of Tourism, Market Research Division, New Delhi, 2009.

6. Александрова А. Ю., Крутикова М. В. Геополитический фактор развития туризма в мире // Туризм и рекреация: фундаментальные и прикладные исследования. Труды XII Международной научно-практической конференции, 2017. — Т. 12 — АНО Диалог Культур, Москва, 2017. — С. 146–159.

Сведения об авторе:

Каледин Владимир Николаевич, к.г.н., старший преподаватель кафедры страноведения и международного туризма, Санкт-Петербургский государственный университет, geoinfo@ya.ru ; 7911-2192803.

Мажар Л.Ю.

Mazhar L.Yu.

**НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗРАБОТКИ
МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ТУРИСТСКИХ ПРОЕКТОВ**

**SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL BASES FOR THE
DEVELOPMENT OF INTERREGIONAL TOURISM PROJECTS**

В статье раскрываются новые научно-методические подходы к разработке межрегиональных туристских проектов, основанные на принципах геосистемного анализа. Автор высказал мнение о наличии двух уровней пространственной организации туризма: первый уровень – географический (он представлен территориальными туристско-рекреационными системами); второй уровень – экономический (он представлен пространственными образованиями рыночного типа – туристскими кластерами, маршрутами и т.д.). Территориальные туристско-рекреационные системы являются основой для формирования на их базе разнообразных форм пространственной организации туризма.

The article establishes new scientific and methodological approaches to the development of interregional tourism projects based on the principles of geosystem analysis. The author expressed the opinion that there are two levels of the spatial organization of tourism: the first level is geographical which is represented by territorial tourism and recreation systems while the second level is economic which is represented by spatial formations of a market type such as tourist clusters, routes, etc. Territorial tourism and recreation systems constitute the foundation for forming various forms of spatial organization of tourism on their basis.

Ключевые слова: межрегиональный туристский проект, геосистема, территориальная туристско-рекреационная система, туристско-рекреационный каркас территории.

Key words: interregional tourism project, geosystem, territorial tourism and recreation system, tourist-recreational framework of the territory.

Для эффективного освоения национального туристского пространства в России нужно искать новые научно-методические подходы, способствующие формированию более масштабных форм пространственной организации туризма, в том числе на межрегиональном уровне. Однако, этот процесс осложняет административно-территориальное устройство государства, т.к. каждый субъект федерации имеет свою систему региональной власти, бюджет, Программу развития туризма и т.д. Это важно для повышения эффективности туристско-рекреационной деятельности на региональном уровне, но "разрывает" единое национальное "туристское пространство". А опыт практической деятельности показывает, что все уникальные и наиболее привлекательные маршруты, как правило, носят межрегиональный характер. И такие межрегиональные маршруты в настоящее время действуют, но каждый из них, как правило, формируется по собственному "рецепту". И даже тот факт, что межрегиональные проекты перечислены в Концепции Федеральной целевой программы [1], лишь подтверждает их эксклюзивность. А надо, чтобы межрегиональные проекты стали нормой. Для этого необходимо создать единые "правила игры", разработать научно-методические основы формирования межрегиональных туристских проектов.

Для решения данной проблемы целесообразно использовать геосистемный анализ пространственной организации туризма [2]. Территориальные туристско-рекреационные системы (ТТРС) являются одним из видов "геосистем" и определяют сущность и содержание "туристского пространства" [3]. Какое же место занимают ТТРС в пространственной организации туризма? Необходимо обратить внимание, что туризм имеет "дуалистическую" природу: территориальную ("географическую") и маркетинговую ("экономическую"). Условно говоря, пространственные образования в сфере рекреации и туризма представляют собой двухуровневые конструкции: первый "географический уровень" – это территориальная основа (туристско-рекреационные системы, комплексы, центры, объекты и т.д.), а второй "экономический уровень" представлен пространственными образованиями рыночного типа (кластеры, маршруты, проекты и др.). В этом нет противоречия, а есть логическое взаимодействие между базовыми геопространственными системами и формами их рационального использования в рыночных условиях. Важно понимать, что уровни пространственной организации туризма весьма существенно различаются по своей сути. Базовый "географический" уровень, обладает высокой степенью

инерционности, что обеспечивает устойчивость всей конструкции, включая второй "экономический" уровень, ориентированный на потребителя и зависящий от рыночных условий. Экономические конструкции (кластеры, проекты, маршруты) более мобильны в соответствии с меняющимися потребностями рынка, достаточно легко "конструируются" из элементов территориальных систем, но так же легко и разрушаются (банкротство, субъективные факторы и др.). Туристские кластеры, по определению, не могут заменить территориальные туристско-рекреационные системы, так как они формируются на другом – "экономическом" уровне пространственной организации туризма, что подтверждает и официальное определение понятия "кластер". В соответствии с "Концепцией..." [1], туристский кластер означает сосредоточение на определенной территории предприятий и организаций, интегрированных в одну логистическую схему и занимающихся разработкой, производством, продвижением и продажей туристского продукта, а также деятельностью, смежной с туризмом и рекреационными услугами. Туристский кластер обладает системной сущностью и многообразием форм организации в соответствии с требованиями туристского рынка [4]. При этом он не теряет своей экономической сущности, равно как и не обретает в полной мере географических свойств. Для развития туризма и туристского освоения пространства необходимо более детально исследовать базовый (географический) уровень, от которого во многом зависит "здоровье" и эффективность туризма в целом. Особенно важно это для межрегиональных туристских проектов, где наиболее остро стоят проблемы взаимодействия между регионами, в том числе в формировании базовых структур туризма [5].

Геосистемный анализ предполагает использование категориального аппарата теории территориальных систем и структур, разработанной И.М. Маергойзом [6]. Одним из постулатов данной теории является предствление о "триединой территориальной структуре" пространственных образований, в качестве которых рассматриваются: линейно-узловая, территориально-отраслевая и территориально-функциональная структуры. Ключевой структурой является линейно-узловая, которая в нашем случае представляет собой "туристско-рекреационный каркас территории", включающий в себя туристско-рекреационные центры и связывающие их транспортные артерии. В данном контексте важно подчеркнуть, что туристско-рекреационный центр – это населенный пункт (или обустроенная локальная территория), обладающий туристско-рекреационными ресурсами, средствами размещения, объектами общественного

питания, транспортной и иной инфраструктурой, обеспечивающей обслуживание туристов. Уровень развития и качество туристско-рекреационного каркаса территории определяют туристскую освоенность пространства и потенциальные возможности для развития туризма. И именно в этот "каркас" включены главные туристские объекты (музейные комплексы, дворянские усадьбы, памятные места и многое другое), ради которых люди "выходят" на туристский маршрут.

Территориально-отраслевая структура ТТРС включает в себя туристские объекты одного (или близких по характеристикам) вида, что позволяет развивать соответствующие виды туризма и формировать тематические маршруты. Анализ территориально-отраслевой структуры ТТРС позволяет более глубоко и предметно изучить туристско-рекреационный потенциал территории, чтобы выявить новые возможности для создания тематических маршрутов и туров как на региональном, так и на межрегиональном уровне. Территориально-функциональная структура ТТРС предполагает последовательное использование туристских объектов, а также объектов туристской инфраструктуры, в процессе организации тура на конкретной территории. По сути дела, территориально-функциональная структура ТТРС является основой для формирования туристско-рекреационных кластеров.

Таким образом, разработку межрегиональных туристских проектов целесообразно осуществлять на основе геосистемного подхода, позволяющего проанализировать пространственную организацию туризма с учетом "географического" (базового) и "экономического" (маркетингового) уровней. Разработку межрегиональных туристских проектов надо начинать с базового уровня, а именно: с формирования межрегиональных территориальных туристско-рекреационных систем и их структур – линейно-узловой ("туристско-рекреационный каркас территории"), территориально-отраслевой (основа туристских маршрутов) и территориально-функциональной (основа туристско-рекреационных кластеров). Межрегиональные туристско-рекреационные системы должны быть в поле зрения федеральных и региональных органов власти, чтобы создать прочный базис для формирования разнообразных форм пространственной организации туризма и эффективной деятельности туристского бизнеса.

Литература

1. Концепции Федеральной целевой программы "Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019 – 2025 годы)", которая была утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации № 872-р от 5 мая 2018 года. Федеральное агентство по туризму Российской Федерации (Ростуризм). Официальный сайт. – [Электронный ресурс]: <https://www.russiatourism.ru>. Проверено 20.02.2020.

2. Мажар Л.Ю. Закономерности пространственной организации общества: теоретические подходы к изучению // Пространственная организация общества: теория, методология, практика [Электронный ресурс]: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. (7–11 ноября 2018 г.) / под ред. Т.В.Субботиной, Л.Б.Чупиной; Перм. гос. нац. исслед. ун-т – Электрон. дан.– Пермь, 2018. – 43 Мб; 653 с.. – Режим доступа: www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/prostranstvennaya-organizaciya-obshhestva.pdf. – С. 62–67.

3. Мажар Л.Ю. Территориальные туристско-рекреационные системы: теория и практика формирования // Вопросы географии № 139. Теория и практика туризма. - М.: Издательский дом «Кодекс», 2014. – С. 62–79.

4. Зырянов А.И. География туризма: от теории к практике: монография / А.И.Зырянов; Пермский гос. нац. исслед. ун-т. – Пермь, 2018. 416 с.

5. Кружалин В.И., Мажар Л.Ю. Межрегиональные туристские проекты: актуальные проблемы формирования и перспективы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Естественные науки. – 2019. №2.– С. 4–53. DOI: 10.18384/2310-7189-2019-2-40-53.

6. Маергойз, И.М. Территориальная структура хозяйства / Маергойз И.М. – Новосибирск, Наука, 1986. 303 с.

Сведения об авторе:

Мажар Лариса Юрьевна – доктор географических наук, доцент, старший научный сотрудник Смоленского научно-образовательного центра, член Ученого совета РГО (г. Смоленск) ; **E-mail:** larisamazhar@yandex.ru ; тел.: 8-910-784-69-30

**Морозов М.А., Морозова Н.С.
Morozov M.A., Morozova N.S.**

**ТРАНСГРАНИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ
ТУРИЗМА В РАМКАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА И
ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ РОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ**

**CROSS-BORDER COOPERATION IN THE FIELD OF
TOURISM WITHIN THE FRAMEWORK OF THE EURASIAN
SPACE AND ITS IMPACT ON THE SOCIAL AND ECONOMIC
DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN REGIONS**

В статье рассматривается трансграничный туризм как направление развития межгосударственного сотрудничества, описаны формы трансграничного сотрудничества в сфере туризма, положительное и отрицательное влияние туризма на трансграничные туристские территории.

The article considers cross-border tourism as a direction for the development of interstate cooperation, describes forms of cross-border cooperation in the field of tourism, the positive and negative impact of tourism on cross-border tourist territories.

Ключевые слова: туризм, трансграничные туристские территории, трансграничное сотрудничество, привлекательность туристской дестинации

Keywords: tourism, cross-border tourist areas, cross-border cooperation, the attractiveness of tourist destinations

Введение.

Международный туризм стал значимой сферой экономической деятельности. По данным WTTC на него приходится более 10,4% мирового ВВП и 319 млн. рабочих мест. В 2019 году осуществлено 1,5 миллиарда международных поездок, что на 4% больше, чем в 2018 году. Развитие трансграничного туризма важно с экономической, социальной, межкультурной точек зрения, что обусловило актуальность исследования трансграничного туризма в рамках евразийского пространства.

Цель исследования и обзор литературы.

Целью исследования является трансграничный туризм в рамках евразийского пространства и его влияние на развитие регионов.

Концептуальные вопросы становления евразийства как научного направления исследованы в работе А.Г. Дружинина [1]. Анализ приграничных территорий в азиатской части России приведен в работе Е.Г. Водичева [2]. Изучению проблемы трансграничного сотрудничества посвящены работы А.Н. Дунца [3], В.С. Корнеевца [4], ряда зарубежных ученых [5, 6]. Вопросам исследования трансграничного туризма из России в Китай посвящена работа [7].

Результаты и обсуждение.

Туризм является одним из наиболее важных социально-экономических направлений формирования трансграничного взаимодействия. Варианты трансграничного сотрудничества в сфере туризма достаточно разнообразны и включают:

- взаимные туристские поездки граждан, живущих на приграничных территориях, с различными туристскими целями,
- разработка и организация туристских маршрутов, пролегающих по территориям сопредельных государств, например, проектов «Алтай – Золотые горы», «Один пояс. Один путь», «Великий шелковый путь», «Великий чайный путь», «Восточное кольцо» и др.,
- совместное формирование туристской инфраструктуры, расположенной на приграничных территориях,
- создание межгосударственных и межрегиональных органов по координации деятельности в сфере туризма и т.д.

Инициаторами создания трансграничных маршрутов выступают туристские компании и сообщества при поддержке административно-территориальных и муниципальных образований сопредельных государств. Реализация трансграничных маршрутов способствует формированию общих туристских брендов и повышению конкурентоспособности регионов, по которым он проходит [8].

Организация трансграничного туризма базируется на межправительственных соглашениях, законах и других нормативно-правовых актах, обеспечивающих в том числе либерализацию визового режима. С 2000 года действует соглашение о поездках граждан Китая в Россию в составе организованной туристской группы без оформления визы. На рис. 1 показано количество прибытий китайских граждан в Россию, в том числе в безвизовом режиме.

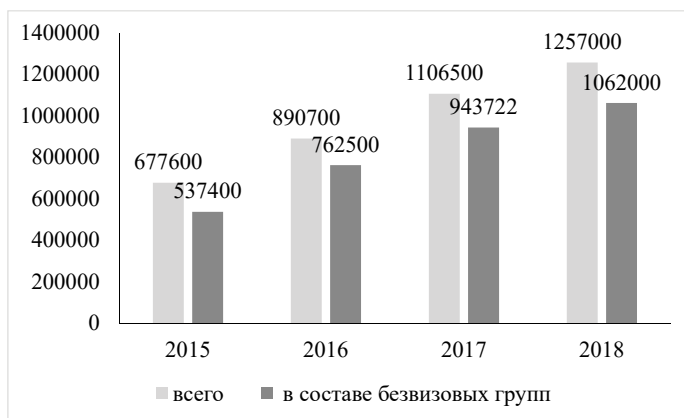

Рис. 1. Туристский поток из Китая в Россию.

Как видно из рис. 1, более 80% граждан Китая въезжают в Россию в рамках безвизового режима, что доказывает эффективность этой меры.

В феврале 2020 года был введен упрощенный порядок въезда иностранных граждан в Дальневосточный федеральный округ (ДФО) по электронным визам через автомобильные, речные и смешанные пункты пропуска. Такая либерализация визового режима позволит жителям приграничных территорий с большим удобством совершать путешествия.

Развитию трансграничного туризма способствуют международные общественные организации, такие как Международный координационный совет «Наш общий дом Алтай» (Россия, Китай, Монголия, Казахстан), профессиональные объединения, например, «Мир без границ», ориентированный на развитие российско-китайского туризма. Достаточно эффективны специальные программы, например, реализуемая с 2014 года программа China Friendly.

Возможности организации трансграничной туристской деятельности зависят от множества факторов, прежде всего, от туристской привлекательности дестинации для граждан сопредельных государств, наличия общего национального, культурного, исторического наследия и других интересов, мотивирующих путешествие [9]. Например, для китайских туристов представляет интерес туристско-рекреационная зона «Бирюзовая Катунь», туристский кластер Белокуриха, игорная зона «Сибирская монета».

Наибольшее распространение в рамках трансграничной деятельности имеет деловой, образовательный и культурно-познавательный туризм. Особое место занимает ностальгический туризм из Японии на Курильские острова, который неоднозначно оценивается экспертами [10].

Для экономической оценки туризма рассмотрим данные о деятельности турфирм в Приморском крае, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Основные показатели деятельности туристских фирм в
Приморском крае

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Число туристских фирм	107	142	126	147	128	87	123	149	163
Число реализованных населению турпакетов - всего, тыс., в том числе	275,4	336,5	255,2	282,4	121,2	161,6	97,8	225,5	125,1
иностранным гражданам на территории России	13,5	29,5	21,8	49,9	20,8	85,0	25,7	66,1	82,6
Стоимость реализованных населению турпакетов - всего, млн. рублей, в том числе	1897,8	2536,1	3402,2	3743,8	1533,3	1353,3	836,2	2887,6	2017,8
иностранным гражданам на территории России	30,5	50,1	44,8	104,2	115,6	260,7	83,7	122,1	230,3

Источник: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Приморскому краю
<https://primstat.gks.ru/folder/28590>

С 2010 по 2018 год количество турфирм в Приморском крае увеличилось на 56%, стоимость реализованных населению турпакетов возросла на 20%.

На рис. 2 представлено соотношение общей стоимости реализованных турпакетов и стоимости турпакетов, реализованных иностранным гражданам. В 2018 году это соотношение было 11,4%.

Рис. 2. Стоимость реализованных турпакетов.

К позитивным экономическим результатам трансграничного туризма следует отнести создание новых рабочих мест в сфере туризма и повышение занятости местного населения, налоговые поступления от туристской деятельности в региональный бюджет, расширение торговли, повышение благосостояния местного населения за счет их вовлечения в туристскую деятельность.

К негативным факторам трансграничного туризма следует отнести увеличение нагрузки на инфраструктуру региона, возможный дисбаланс развития региональной экономики за счет перетока трудовых ресурсов и инвестиций в туризм, рост конкуренции между турфирмами сопредельных государств, возможные санитарно-эпидемиологические риски, ухудшение экологии, рост социальной напряженности и преступности и т.д. Особенно сильно негативные последствия могут сказаться в случае, когда туристские потоки превышают туристско-рекреационную емкость территории.

Литература

1. Дружинин А.Г. «Евразийство» как актуальная доктрина исследования и конструирования общественно-географической реальности. В сб. Географическая наука Узбекистана и России: общие проблемы, потенциал и перспективы сотрудничества. Материалы Международной научно-практической конференции (Ташкент, 13-19 мая 2019 г.). - Ташкент, 2019. – С.69-73. – С.100-102.
2. Водичев Е.Г. Трансграничные территории азиатской России: векторы и пределы трансформации. В сб. Географическая наука Узбекистана и России: общие проблемы, потенциал и перспективы сотрудничества. Материалы Международной научно-практической конференции (Ташкент, 13-19 мая 2019 г.). - Ташкент, 2019. – С.69-73.
3. Дунец А.Н. Туризм в трансграничном сотрудничестве: возможности и ограничения в Алтайском горном регионе// Известия АО РГО. 2018. № 1 (48). – С.24-32.
4. Корнеев В.С., Кропинова Е.Г. Трансграничные формы сотрудничества в сфере туризма в пределах СНГ. В сб. Туризм в евразийском пространстве: реальности и новые перспективы: Сб. материалов Евразийского научного форума 04–05 декабря 2014 г. / СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2014. С.149-156.
5. Kozak M. & Buhalis D. (2019). Cross-border tourism destination marketing: Prerequisites and critical success factors. *Journal of Destination Marketing & Management*, Vol.14. pp.1-9.
6. Livandovschi R. Cross-Border Tourism and its Significance for Tourism Destinations. *Eastern European Journal for Regional Studies (EEJRS)*, Center for Studies in European Integration (CSEI), Academy of Economic Studies of Moldova (ASEM), 2017, vol. 3(1), pages 1-108.
7. Chow C.K.W., Tsui W.H.K. Cross-border tourism: case study of inbound Russian visitor arrivals to China// *International journal of tourism research*. 2019, vol. 5(31), pages 693-711.
8. Морозов М.А., Морозова Н.С. Оценка конкурентоспособности туристской дестинации на основе кластерного подхода // *Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ)*. 2011. -№11(59). С. 114-124.
9. Морозов М.А., Морозова Н.С. Предпринимательство и конкуренция в туризме. Монография / Москва, 2010. – 136с.
10. Кошкин А. Поощрять ли нам японский «ностальгический туризм» на Курилы? [Электронный ресурс] <https://www.fondsk.ru/news/2020/01/06/pooschrjat-li-japonskij-nostalicheskiy-turizm-na-kurily-49834.html>.

Сведения об авторах:

Морозов Михаил Анатольевич, д.э.н., профессор, профессор кафедры индустрии гостеприимства, туризма и спорта, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Россия, Москва, mmorozov@bk.ru, 8-967-272-41-27.

Морозова Наталья Степановна, д.э.н., профессор, научный руководитель института бизнес-технологий Российского нового университета, sks@rosnou.ru, 8-917-579-39-63.

УДК 338.487(477.75)

**Ожегова Л.А., Сикач К.Ю., Сазонова Г.В.
Ozhegova L.A., Sikach K.Yu., Sazonova G.V.**

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ ВЪЕЗДНОГО ТУРИЗМА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

MODERN CHALLENGES OF ENTRANCE TOURISM OF THE REPUBLIC OF CRIMEA

В статье анализируются основные вызовы и проблемы, с которыми сталкивается развитие туристско-рекреационного комплекса Республики Крым в современных условиях.

The article analyzes the main challenges and problems faced by the development of the tourist and recreational complex of the Republic of Crimea in modern conditions.

Ключевые слова: въездной туризм, транспортная доступность, туристско-рекреационные кластеры.

Keywords: inbound tourism, transport accessibility, tourist and recreational clusters.

Развитие туристско-рекреационного комплекса является одним из приоритетных направлений развития экономики России. 20 декабря 2020 г. распоряжением Правительства Российской Федерации (№ 2129-р) была утверждена «Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года». Она направлена на «...комплексное развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации за счёт создания условий для формирования и продвижения качественного и конкурентоспособного туристского продукта на внутреннем и международном туристских рынках, усиление социальной роли туризма и обеспечение доступности

туристских услуг, отдыха и оздоровления для граждан Российской Федерации» [1]. Реализация этой программы напрямую касается и Республики Крым, которая является одним из важнейших туристско-рекреационных регионов России.

Развитие туризма на полуострове имеет специфические черты и в настоящее время происходит в условиях международных санкций и ограничений, связанных с непризнанием странами Запада факта вхождения Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации, что оказывает определенное влияние на развитие въездного туризма.

Несмотря на положительную динамику въездного туристского потока в Республику Крым за последние 6 лет, его снижение отмечалось дважды – в 2015 г. и 2017 г. (рис. 1).

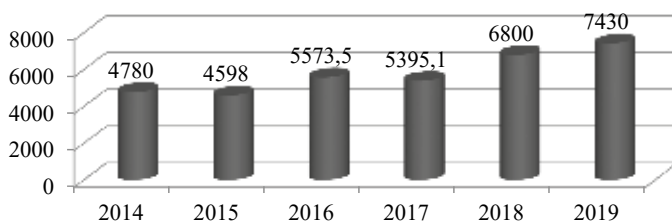

Рис. 1. Динамика въездного туристского потока Республики Крым, тыс. чел. Составлено авторами по [2, 3, 4, 5, 6, 7].

В первом случае это было связано с железнодорожной блокадой полуострова со стороны Украины, что в значительной степени ухудшило транспортную доступность полуострова. В 2017 г. снижение въездного турпотока в Республику Крым было связано, в том числе, и с геополитическими изменениями, повлекшими возвращение российских туристов на турецкие курорты.

Несмотря на положительную динамику въездного туризма, оказывающую благоприятное влияние на развитие туристической отрасли региона в целом, нельзя не отметить и ряд вызовов, с которыми сталкивается Крым.

Транспортная доступность. Для улучшения транспортной доступности полуострова в 2018 г. был введён в строй новый международный аэропорт «Симферополь», в весенне-летний период 2019 г. перелёты из которого осуществлялись по 55 направлениям

только внутри страны, т.к. код ИКАО аэропорту из-за санкций не присвоен [8]. В мае 2018 г. была введена автомобильная, а в декабре 2019 г. – железнодорожная части Крымского моста, что существенно изменило структуру въездного турпотока в Республику Крым по видам транспорта: доля авиатранспорта снизилась с 44% (в 2015 г.) до 28% (в 2019 г.), 57% туристов прибыло по Крымскому мосту (в том числе более 6 тыс. – по его железнодорожной части), 15% – прибыло через государственную границу РФ на участке: Армянск, Джанкой, Перекоп [3, 9]. Но для улучшения транспортной сети полуострова и ликвидации заторов необходима реконструкция не только федеральной трассы «Таврида» (Керчь – Севастополь), но и увеличение пропускной способности дорог Симферополь – Алушта – Ялта и Алушта – Судак.

Структура въездного турпотока по регионам прибытия. В структуре въездного турпотока Республики Крым с 2014 по 2019 год доля иностранных туристов, не превышала 20% от общего числа туристов. Из них, по данным Министерства курортов и туризма Республики Крым, традиционно преобладают граждане СНГ и Балтии: Украина (72% в 2018 г.), Республика Беларусь (10%), Казахстан (6%), Эстония (2%), Армения и Латвия (по 1%). На страны дальнего зарубежья приходится не более 3% турпотока (ФРГ, ЮАР, Нидерланды и Израиль) [9]. Поэтому, перспективы развития Республики Крым как центра международного туризма крайне проблематичны.

В 2019 году 88% потока туристов обеспечили жители Российской Федерации, из которых преобладают жители Центрального и Северо-Западного федеральных округов (38% и 12% соответственно) [9]. Повышение конкурентоспособности Республики Крым на рынке туристско-рекреационных услуг России требует *реконструкции старой и создания новой туристской инфраструктуры*. Эту проблему можно решать за счет привлечения инвестиций в отрасль. Но проводимая санкционная политика в отношении Республики Крым негативно отражается на инвестиционной привлекательности полуострова – она не только практически лишила регион иностранных инвесторов, но и ограничила возможности отечественных. Поэтому, значительную часть средств в развитие отрасли приходится вкладывать государству, особенно в масштабные проекты в сфере туризма. Так, например, в период с 2015 по 2020 г. планируется создание 5 туристско-рекреационных кластеров с общим объёмом финансирования в 23,7 млрд. руб. (в том числе 96% - из федерального бюджета, 4% - из республиканского) [10]. Создание кластеров предусматривает развитие приоритетных направлений в сфере туризма как в староосвоенных рекреационных регионах («Детский отдых и

оздоровление» (г. Евпатория), «Лечебно-оздоровительный отдых» (г. Саки), так и более активное вовлечение в рекреационную деятельность других регионов (Ленинский и Черноморский районы). Финансовое обеспечение и реализация работ в кластерах представлена на рис. 2.

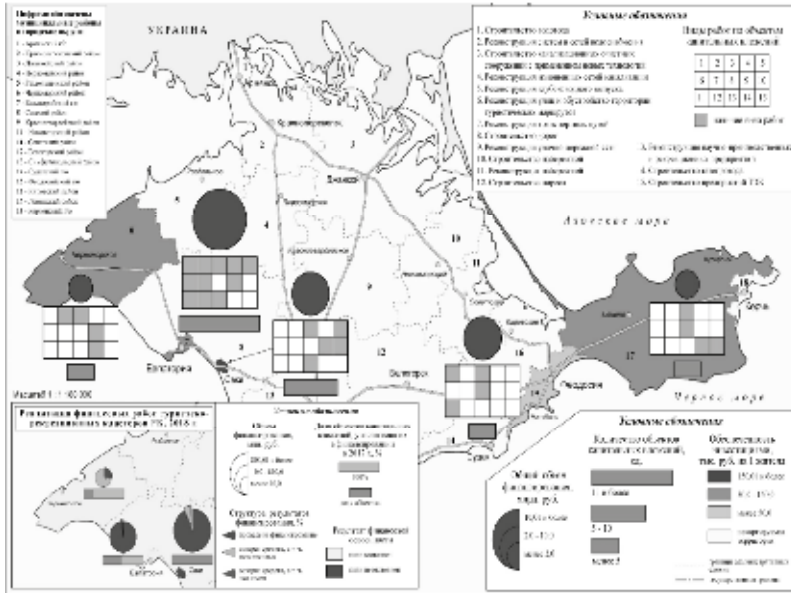

Рис. 2. Финансовое обеспечение туристско-рекреационных кластеров Республики Крым до 2020 г. Разработано Сазоновой Г.В., Ожегова Л.А., Сикач К.Ю., 2019 г.

Рис. 2. Финансовое обеспечение туристско-рекреационных кластеров Республики Крым до 2020 г. Авторы: Сазонова Г.В., Ожегова Л.А., Сикач К.Ю., 2019.

Формирование рекреационных кластеров в Республике Крым – это инструмент эффективной интеграции региона в экономическое пространство Юга России. Рекреационные кластеры позволяют смягчить вызовы конкурентной среды в рекреационной отрасли Республики Крым. Ей приходится конкурировать с высокоразвитой инфраструктурой рекреационной деятельности Большого Сочи. Одним из эффективных механизмов достижения успеха в рекреационной кластерной конкуренции является поэтапное формирование системы управления отраслью и её подсистемами, сформированными в виде технологически сопряжённых цепочек рекреационных предприятий

[11]. Реализация и активное функционирование кластеров позволит расширить границы туристского сезона, частично перераспределить въездной туристический поток в пределах Республики, в том числе снизить рекреационную нагрузку на Южный берег Крыма.

Увеличение турпотока требует не только увеличения числа предприятий туриндустрии (санаторно-курортного лечения, гостиниц и внегостиничных средств размещения, питания и др.), но и *повышения квалификации кадров и качества предоставляемых услуг*. С 2019 г. в Республике Крым в целях совершенствования правового регулирования предоставления гостиничных услуг осуществляется обязательная классификация гостиниц, что позволит выйти гостиничному хозяйству на качественно новый уровень развития.

Решение этих и других проблем развития туристско-рекреационного комплекса Республики Крым даст новый виток в развитии экономики региона, позволит повысить уровень благосостояния крымчан и улучшить позитивный имидж полуострова на рынке туристско-экскурсионных услуг.

Литература

1. Утверждена Стратегия развития туризма в России до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/docs/37906/> (дата обращения: 11.01.2020).
2. Справочная информация о количестве туристов, посетивших Республику Крым за 2014 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/structure/16> (дата обращения: 15.01.2020).
3. Справочная информация о количестве туристов, посетивших Республику Крым за 2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/document/show/18> (дата обращения: 15.01.2020).
4. Справочная информация о количестве туристов, посетивших Республику Крым за 2016 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/structure/72> (дата обращения: 15.01.2020).
5. Справочная информация о количестве туристов, посетивших Республику Крым за 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/structure/74> (дата обращения: 15.01.2020).
6. Справочная информация о количестве туристов, посетивших Республику Крым за 2018 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/structure/1051> (дата обращения: 15.01.2020).

7. Справочная информация о количестве туристов, посетивших Республику Крым за 2019 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mtur.rk.gov.ru/ru/structure/1294> (дата обращения: 01.02.2020).

8. Международный аэропорт «Симферополь»: информация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://simferopolairport.ru/> (дата обращения: 08.02.2020).

9. «Портрет» крымского туриста сезона 2018 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/php2ElyCf_1.pdf (дата обращения: 01.02.2020).

10. О развитии туристской отрасли Республики Крым за 2017 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mtur.rk.gov.ru/uploads/mtur/attachments//d4/1d/8c/d98f00b204e9800998ecf8427e/phpMDdz5m_2017.pdf (дата обращения: 20.12.2019).

11. Сазонова Г.В., Осипчик Я.Р. Приморские кластеры: особенности формирования и типы// В кн. Дни науки КФУ им. В.И. Вернадского. – Симферополь: КФУ им. В.И. Вернадского, 2018. – с. 1335-1336.

Сведения об авторах:

Ожегова Людмила Александровна, кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии и территориального управления, ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Таврическая академия (структурное подразделение) ; телефон: +7(979)799-33-91 ; E-mail: [luda-
ojegova@yandex.ua](mailto:luda-ojegova@yandex.ua)

Сикач Ксения Юрьевна, кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры экономической и социальной географии и территориального управления, ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Таврическая академия (структурное подразделение) ; телефон: +7(979)787-38-84 ; E-mail: sikach89@gmail.com

Сазонова Галина Васильевна, старший преподаватель кафедры туризма, ФГАОУ ВО Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Таврическая академия (структурное подразделение) ; телефон: +7(979)734-81-68 ; E-mail: galisaz@mail.ru

**МЕДИЦИНСКИЙ ТУРИЗМ В СТРУКТУРЕ И ФУНКЦИЯХ
МЕДИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ**

**HEALTH TOURISM IN STRUCTURE AND FUNCTIONS
MEDICO-GEOGRAPHICAL SCIENCE**

Медицинский туризм является новым элементом современной медицинской географии. На сегодняшний день он находится на пути создания теоретико-методологических основ исследования и использования этого феномена в практике управления территориальным здравоохранением. В структуре современной медико-географической науке медицинский туризм выделяется в качестве одного из ее направлений. Реализуя здоровьесберегающую функцию, этот вид деятельности одновременно выступает и как одна из отраслей «зеленой экономики». Следовательно, медицинский туризм – это элемент как первичного и вторичного секторов материального производства, так и третичного сектора экономики – сферы услуг.

Medical tourism is a new element of modern medical geography. To date, it is on the way to creating a theoretical and methodological basis for research and the use of its phenomenon in the practice of territorial health management. In the structure of modern medical and geographical science, medical tourism is distinguished as one of its directions. Realizing a health-saving function, this type of activity simultaneously acts as one of the sectors of the “green economy”. Consequently, medical tourism is an element of both the primary and secondary sectors of material production, and the tertiary sector of the economy - the service sector.

Ключевые слова: здоровье, рекреационная география, медицинская география, «зеленая» экономика, медицинские организации.

Key words: health, recreational geography, medical geography, green economy, medical organizations.

Медицинская география, имея давнюю историю до сих пор находится в стадии трансформации представлений об объекте и предмете исследования, функциях и структуре. По мнению автора, в системе наук она выступает на стыке естественной и общественной географии, а также медицины [1]. За последнее время в медико-

географических исследованиях развитии этой науки возник новый тренд – медицинский туризм [2]. За время своего развития он стал одним из реальных инструментов оздоровления нации [3], одной из отраслей, обеспечивающей зеленый рост экономики [4]. Управление развитием медицинского туризма осуществляется как на региональном уровне, так и на уровне страны. Спрос на медико-туристские услуги определяется состоянием рынка по предоставлению услуг медицинского профиля.

В условиях глобальной экономической конкуренции развитие медицинского туризма способствует развитию системы здравоохранения за счет внедрения современных технологий, улучшения качества сервисного обслуживания и повышения квалификации медицинских работников, способствует формированию конкурентоспособного медико-туристского продукта, и все это направлено на выполнение здоровьесберегающей функции.

До настоящего времени не выработано единого мнения в отношении соотношения понятий «лечебный туризм», «оздоровительный туризм», «медицинский туризм», что указывает на отсутствие устоявшегося методологического подхода к разграничению этих дефиниций. От части это можно объяснить неточным переводом на русский язык таких англоязычных понятий как «Medical tourism», «Health tourism», «Wellness tourism», «Medical travel», «Healthcare travel». На наш взгляд, лечебный туризм следует рассматривать как совокупность связей и явлений, которые возникают при изменении постоянного места проживания людей с целью улучшения, стабилизации и восстановления состояния здоровья согласно рекомендациям оздоровительного и лечебного характера. В отличие от него медицинский туризм – это практика перемещения людей с их постоянного места жительства в пределах своей страны или за границу с целью потребления широкого спектра медицинских услуг, предоставляемых медицинскими организациями. Исходя из сказанного, лечебный туризм – это составляющая рекреационной географии, а медицинский туризм – составляющая медицинской географии.

Итак, современная медицинская география, наряду с традиционными ее разделами (медицинское ландшафтоведение, нозогеография и медицинское страноведение) вбирает в себя и другие направления: этническую медицинскую географию, территориальную организацию сферы здравоохранения (медико-географический менеджмент), медицинский туризм. В свою очередь, медицинский туризм подразделяется на медико-терапевтический и

стоматологический виды. Каждый из них является объектом наших научных исследований.

Благодарности. Представленные результаты исследования получены в рамках выполняемого гранта РФФИ №19-05-00104 «Пространственно-временные особенности и закономерности развития медицинского туризма на глобальном и региональном уровнях организации системы здравоохранения».

Литература

1. Семенова З.А. Медицинская география – наука о человеке, природе и обществе // Теория социально-экономической географии: современное состояние и перспективы развития. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ. – 2010. – С. 401 – 404.

2. Chistobaev A.I., Semenova Z.A. Spatio-temporal dynamics of the global medical tourism // Journal of Environmental Management and Tourism. 2018. Т. 9. № 2 (26). С. 267-275.

3. Chistobaev A.I., Semenova Z.A., Grudtcyn N.A. Dynamics and strategic directions of public health preservation in Russian Federation // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2019. Т. 6. № 3. С. 1380-1392.

4. Семенова З.А., Чистобаев А.И. Медицинский туризм в Санкт-Петербурге с позиций концепции «Зеленого роста» // Эколого-географические проблемы перехода к зеленой экономике Материалы Международного научного семинара и 23-й сессии Объединенного научного совета по фундаментальным географическим проблемам при МААН и Научного совета по фундаментальным географическим проблемам РАН. Главный редактор В.С. Хомич. 2019. С. 159-168.

Сведения об авторе:

Семенова Зоя Анатольевна, доцент кафедры страноведения и международного туризма, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт наук о Земле ; e-mail: z.semenova@spbu.ru ; тел. раб. 323-58-15.

Тотонова Е.Е.
Totonova E. E.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИКЛАДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ОПЫТ КАНАДЫ)

USE OF APPLIED RESEARCH IN TOURISM ACTIVITIES (CANADIAN EXPERIENCE)

В данной статье автор рассматривает канадский опыт использования прикладных исследований в туризме. Развитие туризма невозможно без проведения прикладных исследований туристского рынка, что заставляет искать новые подходы к изучению. В Канаде существуют различные теоретические подходы к исследованию развития туристской индустрии. Формирование прикладных исследований туристского рынка, как показывает опыт Канады, способствует эффективному управлению туризмом.

In this article, the author examines the canadian experience of using applied research in tourism. The development of tourism is impossible without conducting applied research on the tourist market, which makes us look for new approaches to study. In Canada, there are various theoretical approaches to research the development of the tourism industry. The formation of applied research on the tourism market, as shown by the experience of Canada, contributes to the effective management of tourism.

Ключевые слова: туризм, исследования, туристский рынок, стадийная модель, маркетинг территории, Канада.

Keywords: tourism, research, tourist market, stadium model, territory marketing, Canada.

Введение.

Усиление конкурентной борьбы на рынке подталкивает к росту научных исследований, появлению новых теоретических и прикладных подходов к изучению туристского рынка. Канада обладает огромным опытом в организации исследований туристского рынка, на которые выделяются значительные финансовые и материальные ресурсы федерального и провинциальных правительств. Канадский опыт развития туризма показывает опережающее развитие научных исследований, рассматривающихся федеральным правительством как один из инструментов уменьшения экономических, экологических и социальных рисков развития.

Стадиальная модель.

Одним из инструментов изучения особенностей развития туристских районов и зон является стадиальная модель, разработанная на основе жизненного цикла товара. Стадиальная модель показывает временной и пространственный потенциал развития туризма, позволяет оценить его влияние на экономику, на развитие регулирующих институтов, на местное население.

Стадии эволюции экономических районов впервые были рассмотрены еще Н.Н. Колосовским, которым была разработана пятифазная модель линейного характера развития экономического района – от «резервных территорий» к «районам сложившегося комплексного хозяйства»[1]. Относительно стадий развития туристских районов прикладное значение имеет известная работа Р. Батлера [2]. Опираясь на концепцию жизненного цикла продукта, он предлагает выделять шесть последовательных стадий эволюции туристской дестинации: разведка, вовлечение, развитие, укрепление, стагнация, упадок или обновление. Данная модель получила широкое применение в маркетинге туристской дестинации, при принятии стратегических решений и является базой для планирования туристского освоения и развития территорий.

В свою очередь, французский исследователь Ж.-М. Миосек выделяет четыре стадии освоения туристского пространства: открытие, освоение, вовлечение, развитие [3]. При этом, как отмечает Миосек, туристы по мере экономического освоения территории в поисках более уединенного отдыха продвигаются дальше, осваивая новые районы.

В качестве примера использования стадиальных моделей при разработке региональных стратегий развития туризма можно обратиться к опыту провинции Квебек. В рамках Стратегии развития туризма провинции Квебек [4] на основе анализа природно-рекреационного, культурно-исторического и социально-экономического потенциала территорий и объема туристского потока выделено четыре стадии развития туристических районов (табл. 1).

Таблица 1
Квебекская модель стадий развития туристских районов

Стадии развития	Характеристика стадий
Открытие	Характеризуется прибытием редких туристов, приток туристов ограничен плохой транспортной доступностью в места назначения. Небольшое количество туристов привлекает нетронутая природа или культурные достопримечательности. Туризм

	оказывает слабое влияние на окружающую природу и культурную среду
Освоение	Происходит рост количества туристов, но нагрузка на окружающую среду слабая. Местное население включается в обслуживание туристов, подталкивая местные власти к созданию туристской инфраструктуры
Развитие	Происходит быстрый рост количества туристов, появляются специальные организации управления туризмом, развивается туристская инфраструктура. С развитием туризма и с ростом воздействия на окружающую среду происходит изменение территории. Возникает необходимость планирования и контроля развития туризма на локальном, региональном и национальном уровнях
Зрелость	Наблюдается замедление роста прибытий, хотя в абсолютном выражении объем туристских прибытий продолжает увеличиваться. Рынок туризма принимает зрелые формы с участием ведущих транснациональных компаний. Начинается поиск новых ресурсов и предложений

Источник: [4].

Отметим, что «Квебекская модель» эволюции туристских районов имеет не только теоретическое значение в качестве концепции, объясняющей эволюцию туристских (иначе – специальных экономических районов), но и существенное прикладное значение. Как свидетельствует опыт использования данной модели в провинции Квебек, она позволяет проводить мониторинг туристской отрасли, планировать развитие туристских районов, на основании выделенных сегментов туристского рынка разрабатывать востребованные туристские продукты.

В качестве основных индикаторов развития туристских районов в «квебекской модели» приняты масштабы и динамика туристских потоков, расходы туристов, доля туристского района на рынке туристских услуг провинции. Основными критериями перехода от одной стадии к другой являются качественные изменения в перечисленных выше основных индикаторах развития туристических районов, а также в состоянии природной среды, качестве систем регулирования туристской отрасли и инфраструктуры туризма.

По-нашему мнению, стадийная модель позволяет прогнозировать характер взаимоотношений участников туристского рынка, в рамках сгруппированных по стадиям развития туристских районов. При этом можно исследовать динамику объема туристского

потока, учитывать влияние сезонности, мотивации туристов, изменения в сегментах туристского рынка и появление новых форм туризма. В свою очередь, переход на новую стадию развития туристских районов углубляет специализацию, изменяет пространственное развитие. Анализ развития стадий туристских районов используется канадцами как инструмент изучения закономерностей развития туристских районов, а также используется для стратегического планирования и управления.

Территориальный маркетинг.

Если междисциплинарность представляет собой своего рода методологическую платформу, а теория экономического районирования обеспечивает инструментами анализа, то территориальный маркетинг можно рассматривать как своего рода механизм, посредством которого результаты научных исследований передаются в сферу государственного регулирования экономики.

Территориальный маркетинг или маркетинг территории является целенаправленной деятельностью по разработке и внедрению мероприятий, способствующих максимальному удовлетворению социально-экономических интересов территории, а также туристов, в привлечении которых заинтересована территория [5].

Маркетинговые исследования являются одним из условий создания эффективной системы управления сферой туризма в масштабах региона, для чего, прежде всего, необходимо формирование единого информационного пространства, объединяющего региональные и местные власти, а также бизнес-структуры. Существует множество способов сбора информации о ресурсах исследуемой территории. Некоторые из них более трудоемки и требуют значительных финансовых затрат, а другие можно успешно применять самостоятельно при условии хорошего знания изучаемой местности.

Все сказанное выше относительно маркетинга мест применительно к туристской отрасли не представляет собой чего-то уникального, присущего исключительно Канаде. Но вот что действительно составляет канадскую специфику, это то, каким образом территориальный маркетинг вписан, с одной стороны, в общий контекст канадского исследования, а с другой – в систему государственного регулирования экономики, в том числе – туристской отрасли.

В первом случае речь идет об инструментах анализа, используемых в ходе территориального маркетинга как прикладного экономического исследования. Во втором территориальный маркетинг

рассматривается как своего рода институт, обеспечивающий передачу результатов научных исследований, имеющих целью выявление возможных направлений развития конкретных местоположений.

В масштабах Канады органом, координирующим маркетинговые исследования в сфере туризма, выступает Канадская комиссия по туризму – ККТ (Commission canadienne du tourisme), обеспечивающий данными своих партнеров посредством ежемесячных электронных журналов [6]. Многоуровневое исследование, планирование и управление развитием туризма в Канаде, механизм реализации и координации проводимых мероприятий помогают развитию туризма на национальном, региональном, локальном уровнях.

Данные маркетинговых исследований туристского рынка являются информационной базой и инструментом в создании концепции стратегии развития туризма, грамотного управления туристским бизнесом. Маркетинговая ошибка может слишком дорого обойтись предприятиям туристской индустрии. Поэтому все большую популярность приобретает модель «маркетингового управления» или долгосрочного планирования и прогнозирования, опирающаяся на исследования туристского рынка (поведения и предпочтений потребителей, использование комплексных методов формирования спроса и его стимулирования). Федеральное правительство большое внимание уделяет инвестированию в проведение маркетинговых исследований, оказывающих большую помощь предпринимателям. В результате территориальный маркетинг способствует превращению местных органов власти в особого рода партнера для предпринимательского сообщества региона [7].

Заключение.

Таким образом, устойчивое развитие туризма невозможно без комплексного изучения развития туристской индустрии. Успешному развитию туризма Канады способствовало развитие научных исследований, поиск инновационных методов развития, базирующихся также и на маркетинговых исследованиях туристского рынка. Результаты полученных маркетинговых исследований обеспечивают всех участников туристского рынка необходимой и своевременной информацией о состоянии развития туристского рынка, что не только способствует повышению их конкурентоспособности, но и позволяет предвидеть угрозы, сделать правильный прогноз дальнейшего развития. Стадиальная модель развития туристских районов объясняет процессы формирования пространственной организации туристской деятельности, отличающихся по уровню развития туристского рынка.

Литература

1. Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Мысль, 1969. Современная интерпретация этой модели представлена в: Демьяненко А.Н. Районирование в контексте стратегий регионального развития // Вестник ДВО РАН. 2006. №3. С. 12.
2. Butler R.W. The concept of a tourist area cycle of evolution: implication for management of resources // Canadian Geographer. 1980. Vol. 24. № 1.
3. Miossec J.-M. Un modèle de l'espace touristique // Espace géographique. 1977. Vol. 6. № 1.
4. <http://www.aqit.ca/telechargement/plan-dev-tour-2012-2020.pdf>
5. Котлер Ф., Боуэн Д., Мейкенз Д. Маркетинг. Гостеприимство и туризм. М.: ЮНИТИ, 1998.
6. Тотонова Е.Е. Опыт развития туризма на Севере Канады. Якутск: Изд-во Якут. госуниверситета, 2009. 194 с.
7. Тотонова Е.Е. Роль местных органов самоуправления в формировании системы управления туризмом Республики Саха (Якутия) // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2014. №62 (<http://www.uecs.ru>).

Сведения об авторе:

Тотонова Елена Егоровна, Северо-восточный федеральный университет, г. Якутск, доцент, к.геогр.наук, доцент, тел. 89246612155; e-mail: elena.totonova@mail.ru

UDK 338.48

Tyurin A.N.

FISHING INTERNATIONAL ELEMENT OF RECREATIONAL RESOURCES THE WEST MONGOLIA

West Mongolia has an advantageous geopolitical position, rich tourist and recreational resources and historical and cultural heritage, occupies a special place in the tourist market and arouses sustained interest among Russians and foreign amateur fishers. On the example of this region, the development of international fishing in West Mongolia examines the methodological problems of improving strategic planning in the field of sport fishing. International fishing in West Mongolia has prospects for competitiveness and development in the international market. The implementation of this type of recreational resources, including state support

for international fishing, will provide great opportunities for the effective development of recreation and tourism and the creation of a high-quality and recognizable tourism product in West Mongolia.

Keywords: West Mongolia, tourism, recreational resources, international fishing.

In West Mongolia, favorable conditions are being created for the creation of tourist and recreational complexes, including various types of tourism: cultural, educational, natural, ecological, sports, extreme, ethnocultural. The tourist space of West Mongolia can be significantly expanded and equipped due to the emergence of new tourist and recreational facilities and the development of existing tourism areas [1]. The programmatic approach for the integration of local complexes and the creation of a single integrated regional tourism product, which will provide the region with competitiveness in tourism, is relevant. In addition, integrated development stimulates an increase in the efficiency of accommodation facilities, catering, transport, entertainment and leisure facilities, and sightseeing. In general, the geopolitical position and tourist potential of West Mongolia determine the importance of tourism as one of the priorities of the socio-economic development of the region [2]. The tourism sector in the future is able to play a basic role in its development. In almost any part of the region, a full-fledged tourist product can be created that is suitable for practical implementation. The program approach at the state, regional and territorial levels allows not only to evaluate and analyze the specifics, geographical location, natural and recreational potential, history, culture, national characteristics, prevailing economic relations and international cooperation, but also to determine the prospects for creating a competitive tourist destination in West Mongolia [3].

The protection and reproduction of fish resources of the inland water bodies of Western Mongolia should be carried out comprehensively, using natural science, technical, legal, economic, sanitary and hygienic, ideological (educational) and other measures [4].

It is difficult to overestimate the importance of recreational fishing in preserving fish stocks and their habitat. The fisherman must possess the necessary basic knowledge about fish biology and the state of the aquatic ecosystem [5]. With the acquisition of such knowledge comes the understanding that success and enjoyment of fishing is impossible without respect for the environment and the rational use of fish resources [6]. Often, public organizations of amateur fishers take care of ponds, take measures to stock them and protect them from poachers. The experience of environmental activities, including foreign ones, shows that its effectiveness

largely depends on the degree of interaction between state and public organizations [7].

Mongolia is a country in which the sun goes beyond the horizon, slowly opening up to your eyes vast expanses; the majestic sky into which many-faced mountains rush with spiers. Mongolia is a country of nomads, lakes and vast expanses. This is the other side of the world.

Do you know what fishing in Mongolia is? Even if you have never fished, you will experience great pleasure and excitement of the fisherman, happiness from the first catch. You are waiting for the most exotic fishing in all of Eurasia. The clear water of fresh lakes and mountain rivers is a treasury of rare species of fish. A real fishing paradise! You will be pleasantly surprised by the richness of fish resources and the taste of fish.

In the inland waters of the Mongolian Altai, fish species such as the Mongolian and Siberian grayling, Altai Ottoman live. Mongolian grayling reaches a size of 50 cm, weight up to 3 kg. It has a powerful jaw, well-developed teeth and a large mouth. Mongolian and smaller species of Siberian grayling are predatory fish. About local grayling, suffice it to say that Western Mongolia is the habitat of the largest grayling on the planet. Mongolian grayling is a pronounced predator. Large specimens have teeth similar to pike teeth. The most interesting thing is that sometimes these large predators begin to take from the surface to the dry – a small fly.

Another species common in the inland waters of the Mongolian Altai and the drainage lakes of the Gobi is the Altai Ottoman, which reaches a size of 60 cm or more, has an elongated body, covered with yellowish scales and a massive head. Large Ottomans feed on small Ottomans, small – on bottom animals and insects that have fallen in the water.

In the water bodies of West Mongolia, there are three forms of this fish:

1. Dwarf ottoman (weight up to 100 g, length up to 20 cm.)
2. Herbivorous form (weight up to 500 g, length up to 40 cm.)
3. Piscivorous form (weight up to 6 kg, length up to 80 cm.)

Fish-eating ottomans are the largest. In some lakes they reach a length of 1 meter. The usual sizes of an adult ottoman predator are 60-80 cm and weight is 3-4 kg.

Fishing tours to Mongolia are becoming more popular. Fishing in this country attracts primarily an abundance of fish. In the lakes of West Mongolia, two types of fish mainly predominate: grayling and osman. A fish weighing over two kilograms is not uncommon here. For a couple of days of rest, you can easily catch more than 50 kilograms of fish on a spinning rod.

Fishermen are attracted to Mongolia by a visa-free regime, a picturesque road to the border, a friendly attitude towards the Russians, and

affordable prices. It is noteworthy that the catch from Mongolia can even be taken with you. The permit is issued at the Rospotrebnadzor to a private person. Up to 100 kilograms of fish can be bred per year. The main thing to remember when organizing a tour or preparing for an independent trip: from mid-April to mid-June in Mongolia there is an official ban on fishing due to spawning.

Recreational fisheries are considered, on the one hand, as an alternative to sport fishing, which does not develop all water bodies, but, on the other hand, as a way to intensify international tourism between Russia and Mongolia. At the same time, it is proposed to use international fishing as a highly selective way of catching low-value fish, which makes it possible to rationally use fish resources and satisfy the population's need for fresh fish. Recreational fisheries can be widely distributed not only as a form of recreation, but also make a significant contribution to providing the country's population with food [8].

Bibliographic list

1. Nyamdavaa, G. Some aspects of the development of ethno-tourism in the Khovd aimak of Mongolia / G. Nyamdavaa // Science and tourism: interaction strategies: collection of articles. Issue 2. – Barnaul: Publishing house Alt. University, 2013. – P. 139-142.

2. Bayarchuu, B. Features of tourism in Mongolia / B. Bayarhuu // Problems of regional ecology. – Tomsk, 2000. – No. 6. – P. 34.

3. Davaasuren, L. General issues of tourism in Mongolia / L. Davaasuren // Economics. Service. Tourism. Culture: XV International scientific-practical conference: collection of articles / Alt. state tech. un-t them. I.I. Polzunova. – Barnaul: Publishing House of Altai State Technical University, 2013. – P. 235-240.

4. Bayarkhuu, B. Recreational assessment of landscapes of Western Mongolia for tourism purposes (on the example of the Khovd aimak) / B. Bayarkhu // Abstract of thesis. for the degree of candidate geogr. sciences. – Tomsk. 2004. 156 p.

5. Rotanova, I.N. Formation of a tourist product within the transboundary region «Big Altai»: problems and potential / I.N. Rotanova // Science and tourism: interaction strategies: collection of articles. Issue 2. – Barnaul: Publishing house Alt. University, 2013. – P. 110-115.

6. Rotanova, I.N. The vectors of development of the tourist and recreational destination «Big Altai» in the context of creating the Silk Road economic belt / I.N. Rotanova // General House. A common chance: a collection of articles from the International Forum of Subregional Economic

Cooperation around the Altai Mountains in the framework of the SREB of the third convocation. – China, 2015. – P. 330-348.

7. Rotanova, I.N. About the program approach to the development of competitive tourist destinations in Western Mongolia in the context of adaptation to global changes and challenges of the time / I.N. Rotanova // Natural conditions, history and culture of Western Mongolia and adjacent regions: a collection of materials of the XIII International Scientific Conference. – Barnaul, 2017. – P. 408.

8. Yakovlev, S.V. Recreational fishing and aquaculture as an important part of the tourist and recreational component of the spatial development of various regions of the Russian Federation / S.V. Yakovlev // Modern trends in spatial development and priorities of social geography: Materials of an international scientific conference in the framework of the IX Annual Scientific Assembly of the Association of Russian Geographers-Social scientists. – Barnaul, 2018. – P. 129-133.

Сведения об авторе:

Тюрин Александр Николаевич, к.г.н., доцент кафедры географии, Оренбургский государственный педагогический университет (Оренбург).

Information about the author:

Tyurin Alexander Nikolaevich, Ph.D., Associate Professor, Department of Geography, Orenburg State Pedagogical University, E-mail: turin55@rambler.ru, contact phone: +7 905 819 52 62.

УДК 911.3 и 332.1

**Щепеткова И.О.
Shchetkova I.O.**

РОЛЬ САДОВО-ДАЧНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ВОПРОСЕ ДЕЛИМИТАЦИИ ГРАНИЦ ПЕРМСКОЙ ГОРОДСКОЙ АГЛОМЕРАЦИИ

THE ROLE OF GARDENING AND DACHA FORMATIONS CONCERNING THE DELIMITATION OF THE BORDERS OF PERM CITY AGGLOMERATION

Вопрос делимитации границ агломерации является дискуссионным и приобретает актуальность, связанную с тенденцией образования новых, для законодательного поля России, межмуниципальных форм расселения населения. Крайние садово-

дачные образования, расположенные вокруг крупного города являются устойчивыми соединительными элементами контура, сопоставимого с границами городской агломерации.

The question of the delimitation of the agglomeration is a discussion becomes relevant. This is due to the trend of formation of new, for the legislative field of Russia, inter-municipal forms of population settlement. Extreme gardening and dacha formations located around a large city are stable connecting elements of a contour comparable to the boundaries of the urban agglomeration.

Ключевые слова: городская агломерация, делимитация границ, садово-дачные образования.

Keyword: urban agglomeration, boundary delimitation, gardening and dacha formations.

Одной из общепризнанных, пространственно и экономически эффективных форм расселения является агломерация. Процесс агломерирования происходит вследствие экономического сближения расположенных рядом городов и их пригородов и создания единого экономического, транспортного, социального и культурного пространства [1]. В современных российских условиях, формирование такого образования как агломерация возможно только на межмуниципальном уровне и зависит в большей степени от региональных властей одного или нескольких субъектов РФ.

В Пермском крае, примером такой зависимости является соглашение о создании Пермской городской агломерации (ПГА) [2]. Несмотря на то, что существует действующая Схема территориального планирования Пермского края [3] в которой указан состав ПГА, а исследованием вопроса ее создания занимались пермские ученые еще в конце прошлого века, инициатором активных действий по появлению межмуниципального образования нового формата является администрация Пермского муниципального района. Этот пригородный муниципалитет имеет самую протяженную границу с краевым центром, окружая г. Пермь основной территорией района с юга и востока, а также имея северную границу с городом в виде изолированного от района Хохловского сельского поселения.

Реальная деятельность по документальному оформлению ПГА была осуществлена за 3 года. С 2014 г. началась разработка, а 28.04.2015 г. состоялось и утверждение Стратегии социально-экономического развития Пермского муниципального района Пермского края на 2016-2030 годы, достаточно детально отразившей проблемы Пермской агломерации. Практически одновременно,

14.04.2015 г., распоряжением губернатора Пермского края создана рабочая группа по социально-экономическому развитию Пермской городской агломерации. Через год, 19.05.2016 г., было заключено соглашение, подписанное главами г. Перми и Пермского муниципального района, о создании и развитии ПГА и инфраструктурная взаимосвязь Перми и одноименного района получила юридическое закрепление. Еще через год, 13.09.2016 г., к этому процессу, путем подписания трехстороннего соглашения между администрациями региона и двух муниципалитетов, присоединилось краевое правительство [4].

Созданное объединение рекомендовано Минэкономразвития РФ на статус одного из пилотных проектов для отработки моделей городских агломераций и уже дало возможность муниципалитетам получить средства из федерального бюджета. Так, с 2017 г. Пермская городская агломерация вошла в состав приоритетного проекта "Безопасные и качественные дороги", действующего на территории 34 субъектов РФ и рассчитанного до 2025 г. Проект предполагает предоставление и распределения межбюджетных трансфертов на цели, связанные с приведением дорог в нормативное состояние и ликвидацией очагов аварийности в агломерации [5].

В этом проекте территория Пермской городской агломерации представлена федеральными и региональными дорогами в радиусе 50 км – по принципу суточной трудовой миграции населения, в границах Пермского, Краснокамского и Добрянского муниципальных районов, расположенных вокруг «ядра» – городского округа «Город Пермь». Формально, такое представление территории Пермской агломерации, не согласуется ни с одним из подписанных в Пермском крае документов: она географически меньше, чем установлено действующей Схемой территориального планирования Пермского края [3] и значительно больше указанной в Соглашении о создании и развитии Пермской городской агломерации (на текущем этапе) [2]. Причина такой несогласованности кроется не только в отсутствии терминологии, закрепленной законодательно, но и множестве вариантов делимитации границ городских агломераций [6].

В общероссийской практике можно выделить несколько групп критериев делимитации границ агломерации: население (численность и плотность населения, в т.ч. количество и статус населенных пунктов), экономика (хозяйство, производство, инфраструктура), интегральный показатель (целостность и стабильность системы, уровень развитости, сложность структуры, среда обитания и качество жизни населения), пространственно-временной критерий (географическое и

экономическое расстояние между центром и крайними точками, транспортная доступность выраженная в изохронах), связи (их наличие и интенсивность определяется по наличию разного рода миграционных процессов, связанных с суточным и/или недельным циклом жизнедеятельности населения). Большинство показателей, скрытых в этих критериях, динамичны и меняются с течением времени.

Для управления территориальным образованием, необходимо понимание точных размеров и состава этого пространства, в нашем случае – Пермской городской агломерации. Процедура делимитации ее границ необходима в первую очередь для формирования объекта управления нового для российской законодательной базы межмуниципального образования, а также развития, координации действий, финансирования, продвижения и реализации крупных проектов с участием краевого и федерального бюджетов.

Одним из критериев для установления границ ПГА может стать система садово-дачных образований. Ключевыми предпосылками для этого являются их географическая близость к городу, регулярное миграционное движение населения из города на дачу и обратно, сезонное перераспределение населения из городского населенного пункта в сельскую местность, периодическое пребывание горожан вне постоянного места жительства, традиционность функционального использования и др. Этот особый элемент устойчивого каркаса расселения создает условия для хозяйствования и обеспечения разнообразных потребностей граждан и определяет тесноту связей между населенными пунктами в пределах ПГА.

Будучи регулярными и постоянным во времени и пространстве, такие связи городского населения с пригородной территорией формируют не только ориентировочный ареал распространения садово-дачного движения как пространственного явления, но и вполне конкретные его границы. Наряду с трудовыми, культурно-бытовыми и производственными, рекреационными и другими связями, они представляют собой отдельный вид взаимоотношений человека с территорией, который должен учитываться как один из ведущих индикаторов агломерационности, один из ключевых «маркеров» этого процесса. Соединив друг с другом крайние садово-дачные образования мы получим оконтуренное пространство с четкими границами, внутри которого будут расположены все элементы садово-дачной системы горожан. Контур этого пространства, может быть одним из критериев в определении реальных границ агломерации [7].

Сопоставление границ распространения садово-дачных образований с существующими границами Пермской городской

агломерации позволит обосновать нахождение территорий некоторых муниципалитетов в ее составе и будет способствовать не только спросу на научные разработки этого вопроса, но и формированию реальной системы управления развитием ПГА.

Литература

1. Шмидт А.В., Худякова Т.А. Формирование городских агломераций как необходимое условие повышения эффективности социально-экономического развития региона // Архитектура, градостроительство и дизайн. 2015. №4. С. 16–23.

2. В Пермском крае создана Пермская городская агломерация // permnew.ru: новости Перми и Пермского края. 13.09.2016. URL: http://permnew.ru/news?post_id=19213 (дата обращения: 04.03.2019).

3. Схема территориального планирования Пермского края (с изменениями на 30.10.2017): утв. постановлением Правительства Пермского края от 27 окт. 2009 г. № 780-п. [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/911524762> (дата обращения: 27.01.2018).

4. Пора действовать // Business Class [электронный ресурс]. 11 октября 2017. URL: <https://www.business-class.su/news/2017/10/11/pora-deystvovat> (дата обращения 04.03.2019).

5. Пермская городская агломерация получит миллиард на развитие дорожной сети [электронный ресурс] // Федерал пресс. 25 января 2017. URL: <http://fedpress.ru/news/59/realty/1732127> (дата обращения: 04.03.2019).

6. Ижгузина Н.Р. Формирование и развитие крупнейшей городской агломерации в экономическом пространстве региона: дисс. ... канд. экон. наук. Уральский гос. экономический ун-т. Екатеринбург, 2018. 323 с.

7. Щепеткова И.О. Территориальная организация садово-дачных образований Пермской городской агломерации: автореф. дисс. ... канд. геогр. наук. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2019., 20 с.

Сведения об авторе:

Щепеткова Ирина Олеговна, старший преподаватель кафедры туризма географического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета ; irina@evrasiaperm.ru ; +79124901970

ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ ВЕКТОР РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ТУРИЗМА

EAST ASIAN VECTOR OF RUSSIAN TOURISM DEVELOPMENT

Рассмотрены факторы, определяющие приоритет восточноазиатского вектора для российского туризма: усиление деятельности региональных интеграционных союзов и международных организаций, упрощение таможенных формальностей, система мероприятий по продвижению туристского продукта России, сотрудничество в разработке инновационных туристских проектов. Особое внимание уделено российско-китайскому туристскому обмену.

The factors that determine the priority of the East Asian vector for Russian tourism were considered in the article. They are: strengthening the activities of regional integration unions and international organizations, simplification of customs formalities, a system of measures to promote the tourist product of Russia, cooperation in the development of innovative tourist projects. Special attention is paid to the Russian-Chinese tourist exchange.

Ключевые слова: восточноазиатский вектор, международный туристский обмен, международное сотрудничество.

Keywords: East Asian vector, international tourist exchange, international cooperation.

Позиционирование территориальных рекреационных систем в геопространстве выступает сложным процессом адаптации той или иной дестинации к изменяющимся геополитическим и макроэкономическим условиям. В работах российских географов-обществоведов констатируется изменение позиций России в евразийском пространстве при формирующемся геополитическом западном евразийском барьерном рубеже и одновременном усилении геокультурного и геоэкономического взаимодействия восточноазиатской направленности [1]. Данный процесс выступает важным фактором международного туристского обмена страны, в котором особую актуальность приобретает взаимодействие со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

Страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) выступают одним из наиболее динамично развивающихся туристских макрорегионов мира. По данным Всемирного совета по туризму и путешествиям, наибольшая доля мирового ВВП в части туризма в 2017 г. приходится на АТР – 36% [2]. Согласно Отчета UNWTO за 2019 г., в 2018 г. на долю региона приходилось 348 млн. туристских прибытий и 435 млрд. долл. валютных поступлений (25% и 30% от общемировых объемов соответственно), при этом темпы роста данных показателей за период 2017-2018 гг. были самыми высокими в мире и составили по 7% каждый [3].

Основными причинами активизации региона в мировом туристском пространстве являются рост покупательной способности населения, расширение воздушного сообщения, упрощение визового режима в странах АТР, реализация крупных инфраструктурных проектов (например, открытие моста Гонконг-Чжухай-Макао). В АТР расположены страны, генерирующие наиболее мощные потоки выездного туризма – Китай и Япония.

Восточноазиатский вектор международного сотрудничества РФ в сфере туризма обусловлен многими факторами:

1. Усиление деятельности региональных интеграционных союзов и международных организаций, в т.ч.:

— сотрудничество в области туризма в рамках Ассоциации БРИКС и ШОС; первоочередную важность имеет расширение контактов с Китаем и Индией как приоритетными рынками для привлечения иностранных туристов;

— сотрудничество в рамках межправительственного форума АТЭС в сфере туризма, направленное на продвижение устойчивого туризма и исследование его потенциала для развития удаленных территорий. Учитывая, что форум объединяет крупнейшие туристские рынки не только АТР, но и мира, большую значимость приобретает взаимодействие в рамках Рабочей группы по туризму, которая была учреждена в 1997 г. и призвана создавать благоприятные условия для развития туризма в регионе. В рамках Инициативы по обеспечению безопасности туристов в АТР подготовлен проект «Программа «Smart Traveller». Обеспечение безопасности туристов и содействие международным путешествиям в регионе АТЭС» [4], основанная на последних достижениях информационных технологий, в том числе мобильных приложений (в России это приложение «Зарубежный помощник»). Разрабатываются проекты по выявлению и развитию туристского потенциала удаленных территорий стран АТЭС.

2. Упрощение таможенных формальностей в процессе организации туристских поездок со странами АТР. Среди стран с безвизовым режимом для граждан РФ со сроком действия от 3 до 6 месяцев – Китай, Гонконг (КНР), Макао (КНР), Тайвань (КНР), Республика Корея; для въезда в Японию применяется упрощенная схема с оформлением визы в аэропорту или в онлайн-режиме. В свою очередь, перспективными мерами с точки зрения реализации потенциала стран Азиатско-Тихоокеанского региона представляются введение краткосрочного безвизового пребывания на территории РФ организованных групп туристов, прибывающих через утвержденный перечень «открытых» аэропортов, а также ж/д транспортом, пассажиров круизных судов, участников крупных международных спортивных и культурных мероприятий и т.п., а также упрощение процедур получения виз и снижение их стоимости.

3. Система мероприятий по продвижению туристского продукта России в рамках многостороннего и двухстороннего сотрудничества. Так, в рамках работы национальных туристских офисов Visit Russia были организованы Road Show в КНР и Гонконге. Данный формат позволяет адресно донести до туроператоров и представителей СМИ каждой страны те турпродукты, которые могут быть интересны и востребованы потребительской аудиторией именно в этой стране. Перспективна популяризация запущенного в опытно-промышленную эксплуатацию национального туристского портала (НТП) Russia.travel, который агрегировал наиболее полную и актуальную информацию о туристических объектах России. Его материалы будут переведены на основные языки мира, что будет способствовать повышению доступности информации для туристов из государств АТР. [5]. Важным свидетельством роста интереса к российским туристским направлениям служит тот факт, что на сайте Qyer.com., крупнейшем туристическом интернет-портале Китая, представлено описание туристских ресурсов России [6]. Популяризируя собственные туристские направления, Китай развивает программу Russian Friendly China, (информация для российских туристов о гостиницах и некоторых аэропортах дается на русском языке).

Наиболее успешным примером реализации восточноазиатского вектора в международном туризме является взаимодействие туристских рынков России и Китая. По данным ТурСтат, Китай является одним из наиболее популярных рынков туризма РФ, демонстрируя положительную динамику как в сегменте въездного, так и выездного туризма [7] (рис. 2).

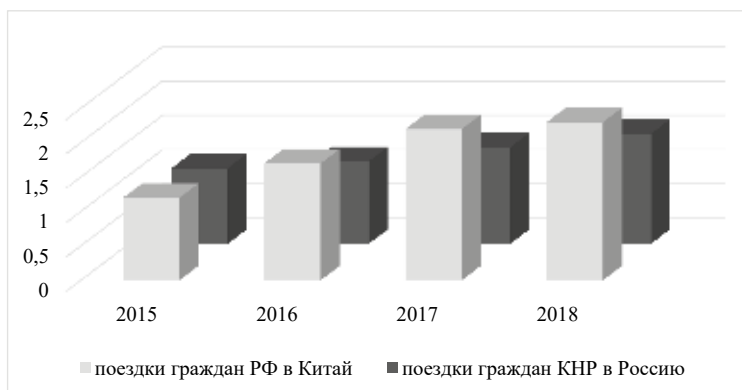

Рис. 2. Динамика взаимного выездного туристского потока России и Китая, млн. поездок, 2015-2018 гг. Составлено автором по данным [8]

Отчасти этому способствовало Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР (от 29 февраля 2000 г. и дополненное от 17 ноября 2006 г.) о безвизовых групповых туристических поездках для граждан обеих стран, в которых туристы от 5 до 50 человек совершают путешествия в течение 15 календарных дней. В целях большей активизации туристических поездок, на совместное рассмотрение вынесен вопрос о продлении времени путешествия до 21 дня и возможности формирования групп от трех человек [6].

С 2014 г. РФ в лице Туристической ассоциации «Мир без границ», присоединилась к масштабному международному проекту Chinese Friendly International путем создания программы «Русское гостеприимство». Он предусматривает создание условий, максимально адаптированных к требованиям китайских туристов (предоставление туристской информации на китайском языке, доступ к китайским СМИ и Интернету, наличие блюд, приготовленные в соответствии с китайскими кулинарными традициями и др.). В более чем 100 отелях системы China Friendly действуют карты национальной платежной системы Китая Union Pay [9]. По данным Сбербанка, туристы из Китая в 2017 г. оплатили приобретенные в Российской Федерации товары и услуги на сумму 1,8 млрд. руб., а только за один первый квартал 2018 г. – почти на 1 млрд. руб. Формируется партнерская сеть торгово-сервисных предприятий, участвующих в реализации проекта «China Friendly» и предоставляющих держателям карт UnionPay уникальные условия обслуживания (скидки, акции и т.п.).

Прямые поступления от китайского въездного туризма в Россию в 2017 г. составили 120 млрд. руб., в т.ч. около 40 млрд. руб. пришлось на сферу международных перевозок, 14,7 млрд. руб. – на железнодорожное сообщение, 6,5 млрд. руб. – на предприятия общественного питания, 2,5 млрд. руб. – на музеи и другие объекты показа. Кроме того, около 19% всей выручки в премиум-сегменте розничной торговли Москвы и Санкт-Петербурга пришлось на приезжих из Китая. Так, средний чек китайского туриста составлял 45,6 тыс. руб., а общий доход магазинов сувениров и ювелирной продукции достиг порядка 40 млрд. руб. Увеличение объемов китайского въездного турпотока способствовало развитию туристской отрасли, в том числе туристской инфраструктуры в регионах России. Например, в Приморском крае количество койко-мест за последние три года выросло в 3,7 раза, объем туристских услуг вырос в 5 раз, гостиничных услуг – в 7 раз. Число работников, занятых туристско-рекреационной деятельностью в регионе, за последние пять лет увеличилось в 2,3 раза [10].

4. Реализация совместных проектов в туристической сфере и смежных отраслях. С 2014 г. презентован и реализуется проект «Успешная Россия», созданный для продвижения туристского потенциала РФ в странах АТР, в 2016 г. подписан трехсторонний Меморандум о сотрудничестве в сфере туризма между РФ, КНР и Монголией и дальнейшее создание международного туристического объединения «Великий чайный путь». Это позволит задействовать туристские ресурсы Республики Бурятия, Забайкальского края, Иркутской области, китайских провинций (Фуцзянь, Цзянси, Хунань, Хубэй, Хэнань, Хэбэй, Шаньси, автономного района Внутренней Монголии) и столичного региона Монголии. Разработанные железнодорожные турмаршруты по Транссибирской магистрали на поездах «Золотой орел» (Москва – Казань – Екатеринбург – Новосибирск – Иркутск – озеро Байкал – Улан-Удэ – Улан-Батор – Владивосток) и «Императорская Россия» (Москва – Казань – Екатеринбург – Новосибирск – Иркутск – Озеро Байкал – Улан-Удэ – Улан-Батор – Эрлян – Пекин) призваны привлечь внимание к разнообразным достопримечательностям соседних государств.

В 2016 г. представлен проект круизного туризма «Восточное кольцо России», объединяющий морские туристские маршруты и порты Приморья, Сахалина, Камчатки, Чукотки и Курильских островов, с целью привлечения туристов из Японии, Республики Корея, Китая и других стран АТР, а также проект речного круизного туризма «Золотая миля» с включением рек Якутии, Хабаровского края и

Амурской области. Создаваемый в его рамках туристско-рекреационных кластер «Амур» позволит увеличить приток китайских туристов до 1 млн. чел. в год, увеличить расходы туристов до 1 млрд. долл. [11].

Для увеличения въездного туристского потока из стран АТР в Приморском крае разработан проект создания туристского хаба «Свободный порт Владивосток» с упрощенным визовым режимом для прибывающих иностранных граждан на 8 суток [12]. На рост въездного туризма нацелена программа продвижения новых туристских маршрутов на арендованных автомобилях между Россией, Китаем и Монголией, проект Республики Саха (Якутия) «Туристско-рекреационный кластер «Северный мир» и др.

Реализация стратегических инициатив по приоритетному развитию восточноазиатского сегмента международных связей России в области туризма должна учитывать действие ряда детерминант. Серьезной проблемой в поступательном развитии туристского обмена со странами АТР может стать распространение с конца 2019 г. коронавирусной инфекции и ее возможные последствия. Качественный рост международного туристского обмена нуждается в урегулировании геополитических конфликтов между странами региона, снижении угрозы терроризма, решении глобальных экологических проблем.

Литература

1. Дружинин А.Г. Россия в современном евразийском пространстве: общественно-географические аспекты меняющегося позиционирования /Вестник АРГО. 2016 (5). С. 38-59.
2. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г.
3. International Tourism Highlights. UNWTO, 2019, 23 p.
4. Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.russiatourism.ru/contents/devyatelnost/mezhdunarodnaya-devyatelnost/sotrudnichestvo-v-mezhdunarodnykh-organizatsiyakh/aziatsko-tikhookeanskoe-ekonomicheskoe-sotrudnichestvo-ates/>.
5. Поток туристов из стран Азиатско-тихоокеанского региона в Россию стабильно растет [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.russiatourism.ru/news/11075/>.
6. Адашова Т. А. Взаимодействие в странах БРИКС: российско-китайские отношения в сфере развития туризма Азия: вектор развития внешнеэкономического сотрудничества с Россией в условиях санкций.

Ежегодник – 2016: сборник статей/под ред. Л. В. Шкваря. Москва: РУДН, 2016. С. 239–252.

7. Выездной туризм России 2019. Итоги. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://turstat.com/outboundtravelrussia3month2019>.

8. Российский союз туриндустрии. Сайт http://www.rostourunion.ru/rossijskij_soyuz_turindustrii_-_glavnaya/vezd_inostrannyh_grazhdan_v_rossiyu.html.

9. Адашова Т.А., Крейденко Т.Ф. Индустрия туризма в России: геополитический аспект// Вестник АРГО, 2017 (6). С. 211-217.

10. Эксперты: въездной поток из Китая в Россию в 2018 г. может достичь 2 млн. человек [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.russiatourism.ru/news/16090/>.

11. Проект морского «Восточного кольца» привлечет на Дальний Восток любителей круизов из АТР [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/turizm-v-rossii/3809120>.

12. Для развития туризма надо унифицировать региональное законодательство в данной отрасли [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://prim-travel.ru/2017/04/dlya-razvitiya-turizma-nado-unificirovat-regionalnoe-zakonodatelstvo-v-dannoj-otrasli/>.

Сведения об авторах:

Яковенко Ирина Михайловна, доктор географических наук, профессор, заведующий кафедрой туризма факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», yakovenko-tnu@ya.ru

Страчкова Наталья Васильевна, кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры туризма факультета географии, геоэкологии и туризма Таврической академии (структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского», natastrachkova@mail.ru, телефон: +7978 770 46 18.

Научное издание

**XI научная Ассамблея
Ассоциации российских географов-обществоведов (АРГО)**

14–20 сентября 2020 г.
г. Владивосток

Международная научная конференция
**«ОБЩЕСТВЕННО-ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА
И ДИНАМИКА СОВРЕМЕННОГО ЕВРАЗИЙСКОГО
ПРОСТРАНСТВА:
ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ РОССИИ
И ЕЁ РЕГИОНОВ»**

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Тихоокеанский институт географии
Российской академии наук
690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7

Подписано к печати 06.07.2020 г.
Формат 60×84/16. Усл. п. л. 41,04. Уч.-изд.л. 39,8
Тираж 500 экз. Заказ 8

Отпечатано в типографии
ИП Миромановой И.В.
690106, г. Владивосток, ул. Нерчинская, 42-102

